

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

**Диалог культур
в условиях глобализации**
XII Международные Лихачевские научные чтения
17–18 мая 2012 года

Том 2. МАТЕРИАЛЫ

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцатые по счету и двенадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2012 году при реализации проекта «Международные Лихачевские научные чтения» оказана поддержка Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ (МФГС)

Санкт-Петербург
2012

ББК 72

Д44

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений,
член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования,
доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный артист РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 10 от 25.05.12

Д44 **Диалог культур в условиях глобализации : XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 2 : Материалы.** — СПб. : СПбГУП, 2012. — 212 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0691-7

В сборнике опубликованы материалы дискуссий пленарного и восьми секционных заседаний XII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 17–18 мая 2012 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди участников Чтений — выдающиеся ученые, члены Российской академии наук А. А. Акаев, А. А. Громько, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, В. В. Наумкин, А. В. Смирнов, В. С. Степин, Ж. Т. Тощенко и другие, руководители академических институтов и научно-исследовательских центров; известные политики, государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гатиллов, заместитель министра образования и науки РФ М. В. Дулинов, президент Адвокатской палаты Москвы Г. М. Резник, писатель А. А. Лиханов и многие другие.

Среди иностранных участников — Его Королевское Высочество Майкл, принц Кентский (Великобритания), экс-вице-президент Республики Болгария А. Марин; представители иностранных академий наук: президент Европейской академии наук и искусств Ф. Унгер, Национальной академии наук Казахстана А. Н. Нысанбаев, Болгарской академии наук В. Проданов, Академии общественных наук КНР Г. Син; французский славист Р. Герра, ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве Е. Й. Вятр, директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета П. Дуткевич.

Ранее отдельным изданием вышел сборник 189 докладов участников Чтений.

Роль Чтений высоко оценил Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «в эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0691-7

© СПбГУП, 2012

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утраило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге, на юбилейных, X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас и поздравить с открытием XII Международных Лихачевских чтений.

Неиссякаемый интерес к вашему авторитетному форуму убедительно свидетельствует, что он по-прежнему остается в числе наиболее значимых, ожидаемых событий в международной культурной и общественной жизни. Нынешние чтения вновь объединили в Санкт-Петербурге представителей научной и творческой интеллигенции, политиков, экспертов из многих стран. Важно, что насыщенная программа встречи, содержательные дискуссии и доклады посвящены наиболее актуальным, востребованным гуманитарным проблемам, прежде всего — диалогу культур и партнерству цивилизаций в современном мире. И, конечно, самого искреннего признания заслуживает огромное внимание, которое вы неизменно уделяете вопросам воспитания подрастающего поколения, приобщению молодежи к бесценному литературному, философскому, творческому наследию нашего выдающегося соотечественника Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворной и успешной работы.

Председатель Правительства Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ
15 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием Лихачевских чтений, собравших в Санкт-Петербурге авторитетных ученых, деятелей культуры и экспертов более чем из 20 стран мира.

Вам предстоит обсудить ключевые гуманитарные проблемы современности, важнейшей из которых является развитие диалога культур. Особенностью нынешних Чтений станет открытие уникальной выставки трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева, которая будет интересна не только участникам форума, но и самой широкой публике. Уверен, что ваши встречи и впредь будут способствовать популяризации гуманистических ценностей и идей. А выдвинутые в ходе Чтений инициативы станут серьезным вкладом в совершенствование межнациональных и межконфессиональных отношений.

Желаю вам успехов и плодотворной работы.

Президент Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ
11 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием Десятых, юбилейных, Лихачевских чтений.

Ваш форум традиционно собирает представителей научной интеллигенции и деятелей искусства, известных политиков и экспертов из России и других стран.

В этом году Лихачевские чтения посвящены одной из ключевых проблем современности — становлению глобальной культуры и сохранению национальной идентичности. Сегодня, при всем сближении и взаимопроникновении культур, важно сохранять самобытные традиции, языки, уклад и духовно-нравственные ценности народов — как основу культурного многообразия мира в эпоху глобализации. Желаю вам интересных дискуссий и плодотворного общения, а старшекласникам, участвующим в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность», — удачи и новых успехов.

Президент Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ
12 мая 2010 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов.

Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Важная примета нынешних Чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества «Лихачевский форум старшеклассников России». И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение.

Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям Чтений всего самого доброго!

Президент Российской Федерации

Д. МЕДВЕДЕВ

13 мая 2009 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Организаторам и участникам XII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые организаторы и участники научных чтений!

Приветствую вас, собравшихся в Санкт-Петербурге на традиционные Лихачевские научные чтения.

Ваш представительный форум играет важную роль в общественной дискуссии по многим актуальным вопросам развития науки и образования, экономики и права, литературы и искусства.

Научные чтения, проходящие ежегодно, вносят большой вклад в увековечение памяти выдающегося деятеля современности академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Его исследования важны для решения многих насущных проблем, в том числе связанных с диалогом культур в условиях глобализации.

Россия исторически строилась на гармоничном взаимодействии и взаимообогащении разных этносов. Сегодня очень важно помнить о непреходящих традициях уважения и добрососедства, совместного творчества и созидания, о многообразии великой российской культуры. В этом заключается неиссякаемый ресурс развития России.

Желаю участникам XII Международных Лихачевских чтений плодотворной дискуссии и всего самого доброго.

Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации
С. Е. НАРЫШКИН

Участникам XII Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать в Санкт-Петербурге участников Международных Лихачевских научных чтений. Этот масштабный форум ежегодно собирает на берегах Невы представителей науки, культуры, общественных деятелей из России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Наш город гордится тем, что здесь жил и работал один из ярчайших представителей русской интеллигенции, выдающийся ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев. И именно ему первому в новейшей истории города было присвоено высокое звание почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Тема чтений — «Диалог культур в условиях глобализации» — важна и актуальна для современного мира. Наш город, который с момента своего основания всегда был многонациональным и многоконфессиональным, и сегодня несет свою миссию: объединять народы, уважая их самобытность.

Желаю всем участникам Международных Лихачевских научных чтений плодотворного общения, интересных дискуссий, а тем, кто впервые в Санкт-Петербурге, — самых приятных впечатлений от культурной столицы России!

Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. ПОЛТАВЧЕНКО

Участникам и гостям XII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые коллеги!

Приветствую вас на очередных XII Международных Лихачевских научных чтениях.

За прошедшие годы Международные Лихачевские научные чтения стали важной площадкой для творческих и конструктивных дискуссий по актуальным вопросам современности, в которых принимают участие отечественные и зарубежные ученые, политики, общественные деятели, представители творческой интеллигенции. Это стало свидетельством широкого международного интереса к идеям Д. С. Лихачева.

Обращение к творческому наследию Лихачева Дмитрия Сергеевича способствует продвижению в осмыслении путей, средств и содержания проблем, с которыми сталкиваются сегодня российская наука и образование.

Считаю ценным, что в контексте чтений проводится конкурс творческих работ старшеклассников, целью которого является приобщение молодежи к активной научно-исследовательской деятельности, изучению трудов Д. С. Лихачева.

Желаю всем участникам XII Международных Лихачевских научных чтений результативной работы на благо науки и образования!

И. о. министра образования и науки Российской Федерации
А. А. ФУРСЕНКО

**Организаторам, участникам и гостям
XII Международных Лихачевских научных чтений**

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей представительного научного форума — XII Международных Лихачевских чтений. Ежегодно научные встречи в Санкт-Петербурге, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, у истоков которых стоял Д. С. Лихачев, становятся важной дискуссионной площадкой по актуальным проблемам диалога культур. Сегодня мир приблизился к такому состоянию, когда большинство вопросов социально-экономической жизни невозможно разрешить без учета культуры. Активизация культурного потенциала каждой социальной группы невозможна без диалога, который является новой основой для взаимодействия между народами, что особенно актуально для многонациональной России.

Обращение к творческому наследию Д. С. Лихачева в рамках Чтений должно помочь пробить брешь в тех ментальных барьерах, которые сопутствуют монолизму великих культур. Именно это обстоятельство должно способствовать укреплению диалога, сопровождающего глобализационные процессы. В этом залог успеха движения человечества к единству, являющегося в наше время универсальным мировым процессом.

Желаю всем участникам научных Чтений плодотворной работы, интересных встреч и благополучия.

И. о. министра культуры Российской Федерации
А. А. АВДЕЕВ
14 мая 2012 года

**Организаторам, участникам и гостям
XII Международных Лихачевских научных чтений**

От имени Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XII Международных Лихачевских научных чтений.

Ежегодные Чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов стали авторитетной площадкой для конструктивных дискуссий, серьезного разговора о насущных проблемах современности в контексте социально-культурной жизни. Среди участников Чтений — выдающиеся политические и общественные деятели, ученые, юристы, представители сферы образования, литературы, искусства, что неизменно обеспечивает высокий профессиональный уровень размышлений об обсуждаемых проблемах.

Смысловым ядром форума, имеющего сегодня международное значение, выступает наследие выдающегося русского ученого и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачева, который видел в культуре важнейшую составляющую общественного развития, органическую часть духовного развития нации. Творческое наследие Д. С. Лихачева — неотъемлемая часть российской и мировой научной мысли.

Обширна, как и в прошлые годы, тематика Чтений: соотношение национального единства и культурного многообразия, культурное обеспечение общественного развития, образование и диалог культур и другие темы.

Желаю вам успешной работы, живых творческих дискуссий и всего самого доброго!

И. о. министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации
Т. А. ГОЛИКОВА
14 мая 2012 года

**Председателю Оргкомитета XII Международных Лихачевских научных чтений,
члену-корреспонденту РАН А. С. Запесоцкому,
участникам и гостям Чтений**

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Дорогие коллеги!

От имени Российской академии наук поздравляю Вас с открытием XII Международных Лихачевских чтений — крупнейшего по мировым стандартам форума ученых-гуманитариев, представляющих различные области научного знания. Чтения инициированы Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в 1993 году и с этого времени проходят ежегодно.

Хочу отметить, что мир постепенно приходит к осознанию истины, что дальнейшее развитие цивилизации возможно только на основе взаимопонимания, диалога и равноправного партнерства. В этой связи ваш форум — это не только путь коллективного поиска научной истины и эффективный способ объединения интеллектуального и духовного потенциала выдающихся гуманитариев, но и средство утверждения ценностей межкультурного, межконфессионального и межнационального общения как ключевого жизненного принципа.

Тематика Чтений имеет особую актуальность для России, которая переживает ответственный этап в своем развитии, требующий мобилизации сил народа и поиска ресурсов духовно-нравственного возрождения, общественной консолидации и стабильного будущего. Мы живем в эпоху глобальных вызовов современной цивилизации, и долг гуманиста

риев — искать и находить возможные сценарии ответа на них. Не случайно вот уже почти два десятка лет ваша конференция практически воплощает духовное завещание Д. С. Лихачева, развивает мысли академика о культуре как определяющем условии реализации созидательного потенциала человека и гуманистическом ориентире развития цивилизации. Публикуемые материалы Чтений утверждают миссию гуманитарного знания как важнейшей составляющей духовной культуры, они отличаются высоким интеллектуальным уровнем, нравственным пафосом и чрезвычайной актуальностью обсуждаемых проблем. Тематика Чтений неизменно вызывает широкий международный интерес и получает значительный резонанс в научном сообществе, она представляет политикам, общественным деятелям, представителям творческой интеллигенции благодатную пищу для размышлений о судьбах России и мира, о смысле своего профессионального призвания и долга.

Желаю вам неустанного поиска истины, плодотворных дискуссий и фундаментальных результатов!

Президент Российской академии наук, академик
Ю. С. ОСИПОВ

**Председателю Оргкомитета XII Международных Лихачевских научных чтений,
члену-корреспонденту РАН А. С. Запесоцкому,
участникам Чтений**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые участники, гости, члены Оргкомитета XII Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Федерации независимых профсоюзов России поздравляю всех участников, организаторов XII Международных Лихачевских чтений с началом работы без преувеличения уникального международного научного форума.

Чтения по традиции проходят в СПбГУП. Федерация независимых профсоюзов России по праву гордится Университетом, который превратился в ведущий центр гуманитарной научной мысли России.

Лихачевские научные чтения ежегодно привлекают внимание большого количества ученых, общественных и государственных деятелей из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Во многом это связано с тем, что тема Международных Лихачевских научных чтений — диалог культур и партнерство цивилизаций — крайне актуальна не только для России, но и для всего мирового сообщества.

Проведение Лихачевских чтений в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — это знак признания мировой и российской научной общественностью приоритета Университета в развитии научных исследований по данной тематике. Во многом это связано с тем, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был почетным доктором Университета. Многие идеи Д. С. Лихачева нашли поддержку и получили развитие именно в этом Университете. Именно СПбГУП ведет большую и целенаправленную работу в пропаганде творческого наследия великого ученого.

Федерация независимых профсоюзов, объединяя представителей различных профессий, является одним из важнейших институтов общественной жизни в стране. Сегодня перед профессиональным движением России стоит серьезная задача, поставленная Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным, — обеспечить стабильное развитие России, сделав ее процветающим государством.

Желаю участникам и организаторам Чтений больших успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

Участникам XII Международных Лихачевских научных чтений

Каждую весну Санкт-Петербург становится городом, организующим вдохновляющий форум, на котором обсуждаются наиболее актуальные проблемы, связанные с межкультурным диалогом и взаимодействием культур и цивилизаций, здесь также обсуждаются различные точки зрения на сложные проблемы, стоящие перед нами в этот век перемен. Столь широкий спектр проблем освещается на Международных Лихачевских чтениях, названных так в честь выдающегося русского академика Дмитрия Лихачева, чье имя в последнее десятилетие завоевало огромный авторитет. В этом году проходят XII Международные Лихачевские чтения. В связи с этим я хотел бы выразить свою глубокую признательность и поблагодарить за честь обратиться со словами приветствия ко всем участникам XII Чтений.

Являясь Высоким представителем «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций, я с большим вниманием наблюдаю за вашей работой, направленной на установление связей между различными культурами, религиями и мировоззрениями. Я также признателен вам за те усилия, которые вы предпринимаете, чтобы выстроить плодотворный диалог между наукой и культурой, который отражает их влияние на отношения в обществе и нашу повседневную жизнь.

Уважение ко всем людям, имеющим различные убеждения, принадлежащим к разным культурам, говорящим на разных языках, наряду с терпимостью — вот фундаментальные ценности, лежащие в основе «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций. «Альянс цивилизаций» стремится к идеалу культуры мира и диалога между всеми цивилизациями,

исходя из того, что «различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества» (Декларация тысячелетия ООН).

Основываясь на таком понимании своей первоочередной миссии, «Альянс цивилизаций» Организации Объединенных Наций усиливает коллективную политическую волю и мобилизует согласованные усилия как на институциональном уровне, так и на уровне гражданского общества, направленные на улучшение понимания и согласованности отношений между народами и людьми, представляющими различные культуры и религии, одновременно с этим оказывая содействие противостоянию силам, разжигающим экстремизм и способствующим поляризации общества. Особое внимание «Альянс цивилизаций» уделяет улучшению отношений между странами западного и мусульманского мира, а также проблемам, связанным с разделением и напряжением в обществе.

В то время, когда во всем мире повсеместно увеличивается напряжение и возникает необходимость в восстановлении доверия внутри и между различными группами общества, «Альянс цивилизаций» содействует и поддерживает все инициативы, направленные на достижение взаимопонимания. Вот почему я приветствую открытие очередных Лихачевских чтений и призываю всех участников двигаться вперед, опираясь на высокоинформативные дискуссии и желание делегатов уверенно претворять в жизнь свои намерения.

Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций»
Ж. САМПАЙЮ
14 мая 2012 года

Организаторам, участникам и гостям XII Международных Лихачевских научных чтений

Для меня большая честь приветствовать участников XII Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур в условиях глобализации». Эта научная конференция является важной площадкой для обсуждения развития и изменений образовательного, научного и культурного аспектов глобализации.

Как генеральный директор ЮНЕСКО, я всецело признаю ценность наследия великого гуманиста Дмитрия Лихачева, чье влияние чувствуется и сегодня. Эти Чтения вносят огромный вклад в развитие идей, закрепленных в Преамбуле Устава ЮНЕСКО, в которой утверждается, что «широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира есть священная обязанность, которая возлагается на все народы и которую следует выполнять в духе взаимного сотрудничества».

Идея важности культуры и межкультурного диалога для жизнестойкости общества лежит в основе учения Дмитрия Лихачева. Этот отважный мыслитель, не боявшийся бороться за свои идеи, начал и содействовал множеству кампаний по защите памятников культуры России, включая и исторический центр Санкт-Петербурга, внесенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО согласно Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. В этом году исполняется 40 лет со дня принятия этой конвенции, которая предоставляет прекрасную возможность для межкультурного диалога и обмена.

Позиция ЮНЕСКО в этом вопросе недвусмысленна. Как заявляется в Универсальной декларации ЮНЕСКО о многообразии культур, принятой в 2001 году, «необходимо сохранять, популяризировать и передавать будущим поколениям культурное наследие во всех его формах, отражающих опыт и чаяния человечества, создавая тем самым питательную среду для творчества во всем его многообразии и налаживая подлинный диалог между культурами».

Глобализация создает новые перспективы и возможности для межкультурного диалога. Общества разных стран сейчас связаны друг с другом, как никогда ранее. Люди и их идеи все легче преодолевают границы государств. В этих условиях возрастают возможности для достижения согласия людей во всем мире. Но возникают и новые проблемы: непонимание и недоверие создают напряженность в обществах, особенно там, где молодежь, женщины, мигранты и меньшинства подвергаются дискриминации.

В этих обстоятельствах ЮНЕСКО берет на себя обязательства способствовать развитию новых форм межкультурного диалога. В ноябре прошлого года на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Программа действий в области культуры мира и ненасилия, цель которой — сделать мирное существование объективной реальностью для всех. В основе этой новой программы лежат два постулата. Первый — это поощрение культурного различия как основы общества равных возможностей и устойчивого развития, что, по зрелом размышлении, есть разработка стратегии и определение стандартов. Второй постулат — это применение на практике принципа обучения совместному существованию, помогая государствам — членам ЮНЕСКО преодолевать конфликты и поощряя взаимопонимание и примирение.

Я хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений и всех участников за приверженность этим целям и идеалам. Диалог культур поднимает актуальные вопросы мирного существования и устойчивого развития на сегодняшний день и на будущее века. Я предвкушаю интересные обсуждения и выводы и желаю плодотворных и продуктивных дебатов.

Генеральный директор ЮНЕСКО
И. БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Залесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2012 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	9
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	13
Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	21
УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:	
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	22
В. С. СТЕПИН , руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	23
МАЙКЛ, принц КЕНТСКИЙ , Его Королевское Высочество (Великобритания)	24
Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол	25
Ф. УНГЕР , президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор	25
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	26
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП	28
А. А. АКАЕВ , Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор	28
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор	29
С. ЧАНГ , заместитель директора Института общественного развития Высшей партийной школы ЦК КПК (КНР), доктор философии, профессор	30
Е. Й. ВЯТР , ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, доктор социологии	31
В. Л. МАКАРОВ , директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	31
М. В. ДУЛИНОВ , заместитель министра образования и науки Российской Федерации, кандидат экономических наук	32
А. С. МАКСИМОВ , председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, кандидат технических наук	32
Р. ГЕРРА , заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья, доктор филологических наук	33
Х. БОННЕНБЕРГ , доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики (Германия)	34
А. А. ГРОМЫКО , главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор	34
Ж. Т. ТОШЕНКО , декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	35
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	36
В. В. МИРОНОВ , декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	37
Г. М. РЕЗНИК , президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП	38

А. А. ЛИХАНОВ , писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, почетный доктор СПбГУП	39
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор издательского дома «Россия»	39
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, президент Российского психологического общества	40
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011)	42
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор	42
А. В. СМИРНОВ , заместитель директора Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	42
А. В. ДМИТРИЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	43

Секция 1. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	46
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор	46
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ	46
А. А. МОИСЕЕВ , декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор	47
Е. Й. ВЯТР , ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, доктор социологии	48
Э. ШНАЙДЕР , профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии	48
Р. ГЕРРА , заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья, доктор филологических наук	49
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор	49
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор	50
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	50
Г. СИН , заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор	51
А. Н. НЫСАНБАЕВ , академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан	52
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011)	54
О. Н. АСТАФЬЕВА , директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	54
Е. Н. ШАПИНСКАЯ , главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор	55
Ф. А. АСАДУЛЛИН , заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук	56
А. В. КОСТИНА , заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент	57
А. А. ГРОМЫКО , главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор	58
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра управления и государственной политики Картонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор	59
И. Ф. КЕФЕЛИ , заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	59
А. МАРИН , вице-президент Республики Болгария (2002 — январь 2012 г.)	60
Ф. УНГЕР , президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор	61
Х. БОННЕНБЕРГ , доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики (Германия)	61

Секция 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ 62**УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:**

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	63
В. С. СТЕПИН , руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	63
В. Ф. ПЕТРЕНКО , заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор	64
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент	65
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук	66
И. В. ПАЛАГУТА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук	67
Н. А. ХРЕПИН , заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор	67
Ю. Б. БОРЕВ , главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор	71
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	72
А. Н. ЧУМАКОВ , заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества	73
К. И. ИСАЕВ , президент Социологической ассоциации Кыргызстана, доктор философских наук, профессор	74
А. Л. МАРШАК , главный научный сотрудник сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	76
С. С. НЕРЕТИНА , главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук	78
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук	80
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук	81
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	83
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук	84
Т. Б. СИДНЕВА , проректор Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	85
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук	85
А. Я. ФЛИЕР , профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, доктор философских наук, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ	86
В. А. КОЛЕСНИКОВ , директор Иркутского регионального колледжа педагогического образования, доктор философских наук, профессор, заслуженный учитель РФ	87

Секция 3. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, УПРАВЛЕНИЕ 90**УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:**

Ж. Т. ТОШЕНКО , декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	91
В. А. АВКСЕНТЬЕВ , директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	91
А. В. ДМИТРИЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	92
Д. Г. ПОПОВ , старший преподаватель кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук	93
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	93

Л. С. РЖАНИЦЫНА , главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ	94
А. К. ИСАЕВ , председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук	95
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	98
В. Г. ГРАФСКИЙ , заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор	99
Н. И. ЛЕОНОВ , проректор по научной работе Удмуртского государственного университета, заведующий кафедрой социальной психологии и конфликтологии, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	100
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений, кандидат экономических наук, доцент	100
Л. А. ВАСИЛЬЕВА , начальник отдела трудовых отношений и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области, кандидат экономических наук	102
Д. Р. ВАЛИЗАДЕ , начальник Управления социального партнерства Аппарата Ленинградской федерации профсоюзов, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии	104
В. Д. РОЖКОВ , советник президента Союза промышленников и предпринимателей Ленинградской области, доктор экономических наук, профессор	104
В. С. ВОЛКОВ , профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук	104
М. И. КОЗЬЯКОВА , профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук	107
Ю. В. АРУТЮНЯН , член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор	108

Секция 4. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ 109

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

Л. А. ПАСЕШНИКОВА , первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры государственного права, кандидат юридических наук	110
В. Л. МАКАРОВ , директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	110
Г. М. РЕЗНИК , президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП	110
Н. В. ВИТРУК , заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ	110
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ	111
М. В. НЕМЫТИНА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор	111
Т. БАУЕР , профессор Университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия)	112
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	112
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	112
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук	113
М. Н. БАРЫШНИКОВ , заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	114
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук	115
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент	115
Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ , доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук	115
Р. М. КАЧАЛОВ , заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук	116
Р. А. АЛЛАХВЕРДОВ , доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук	116
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент	118
Д. В. БАШМАКОВ , доцент кафедры управления организацией Московского государственного областного университета, кандидат экономических наук	119

Г. И. МУРОМЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук	120
Э. Л. САДЫКОВА , заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук, доцент	122
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук	125
В. Г. ГРАФСКИЙ , заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор	125
И. З. ФАРХУТДИНОВ , ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук	126

Секция 5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА , президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор	128
Д. ГИЛЛЕСПИ , профессор русского языка и литературы Университета г. Бат (Великобритания)	129
Э. ЭНДЕРЛЯЙН , заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор	132
М. ГИДИНИ , профессор русской литературы Университета Пармы (Италия)	135
П. О. ИЛЬИНСКИЙ , ученый-биолог, поэт, прозаик (США)	136
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	138
С. Р. АБРАМОВ , заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор	140
А. В. ВАШЕНКО , заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор	141
Е. В. ИВАНОВА , ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук	143
Н. Р. СКАЛОН , профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	145
В. А. ДОМАНСКИЙ , заведующий кафедрой филологического образования и межпредметной интеграции Ленинградского областного института развития образования, доктор педагогических наук, профессор	146
А. В. КАЛАШНИКОВ , доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук	148

Секция 6. ЖУРНАЛИСТИКА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	151
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ	151
В. К. МАМОНТОВ , президент ОАО «Редакция газеты «Известия»	152
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор издательского дома «Россия»	152
Е. Г. РОСТОВСКИЙ , доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения, кино- и телережиссер	153
А. М. МЕЛИХОВ , писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева», кандидат физико-математических наук	154
В. Д. СОЛОВЬЕВ , старший преподаватель кафедры журналистики СПбГУП, генеральный директор — главный редактор ЗАО «Телетекст Дата Петербург»	154
А. А. ДЯТЛОВ , заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда»	154

В. В. СОГРИН , руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	156
Ю. И. ВДОВИН , заместитель председателя общественной правозащитной организации «Гражданский контроль»	157
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор	158
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ , доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии	158
А. И. ЕВСЕЕВ , генеральный директор РИА «Ленинград», генеральный директор «Пронто-Петербург», генеральный директор — главный редактор газеты «Экономика и время»	159
В. Д. СОШНИКОВ , заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор	160
М. Р. ПРОСКУРЯКОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук	160
Э. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ , профессор кафедры журналистики СПбГУП, шеф-редактор спортивной редакции Ленинградской областной телекомпании	161
Н. Н. МИХАЙЛОВ , главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации», доктор философских наук	162
В. Э. ШНИТКЕ , председатель Санкт-Петербургского отделения общества «Мемориал»	163
И. А. ШАДХАН , заведующий кафедрой журналистики СПбГУП, профессор кафедры режиссуры мультимедиа, заслуженный деятель искусств РФ	166
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	166

Секция 7. ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР 170

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	170
Т. Н. РОЗОВА , проректор по учебной работе СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент	171
С. М. АШКИНАЗИ , профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук	171
В. С. СОБКИН , директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	172
Е. В. БРЫЗГАЛИНА , заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент	173
Ю. А. ФРАНЦУЗ , доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат экономических наук	174
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии	174
А. В. СТРЕМОУХОВ , заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	174
М. Н. ВЕТЧИНОВА , профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук	175
Ю. Д. ГРАНИН , ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, доктор философских наук, профессор	177
Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ , президент Тюменского государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	178
О. А. ЖУКОВА , профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук	179
Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА , доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук	181
А. Г. ФАЛАЛЕЕВ , профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук	183
А. А. МЕЛЬНИКОВА , доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук	184
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	185
В. В. ГОРШКОВА , декан факультета культуры СПбГУП, заведующая кафедрой социальной психологии, доктор педагогических наук, профессор	187

Секция 8. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**(Лихачевский форум старшеклассников России)** 190**УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ:**

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	190
Е. П. ЕФИМОВА , директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ	190
А. А. ЛИХАНОВ , писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, почетный доктор СПбГУП	191
Н. В. БУРОВ , директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета Санкт-Петербурга, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, народный артист России	192
Т. КОНДРАТЕНКО , учащаяся 11-го класса (Международная гимназия «Ольгино» СПбГУП)	192
М. ГОЛОВАЧЕВА , учащаяся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 979, Москва)	194
А. БУКИНА , учащаяся 10-го класса (средняя общеобразовательная школа № 2, г. Отрадное Ленинградской области)	195
К. КРАВЧЕНКО , учащаяся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 16, г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края)	196
И. СОВЕТОВ , учащийся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 523, Санкт-Петербург)	197
П. ХОМЕНКО , учащийся 10-го класса (гимназия № 1, г. Североморск Мурманской области)	199
А. ШАЙДУЛИНА , учащаяся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 103, г. Уфа, Республика Башкортостан)	201
А. БЕЛЯЕВА , учащаяся 9-го класса (инженерный юношеский лицей-интернат, г. Белгород)	202
В. ЛУКОМСКАЯ , учащаяся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 318, Санкт-Петербург)	204
Ю. КРАСАНОВА , учащаяся 11-го класса (средняя общеобразовательная школа № 4, г. Пикалево Ленинградской области)	205
Ю. МЕДВЕДЕВА , учащаяся 10-го класса (школа г. Медынь Калужской области)	206
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	210

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

17 мая 2012 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

- Г. М. ГАТИЛОВ** заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. С. СТЕПИН** руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- Ф. УНГЕР** президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор

Выступающие:

- А. А. АКАЕВ** Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
- Х. БОННЕНБЕРГ** доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики (Германия)
- Е. Й. ВЯТР** ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, доктор социологии
- Г. А. ГАДЖИЕВ** судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП
- Р. ГЕРРА** заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья, доктор филологических наук
- А. А. ГРОМЫКО** главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. А. ГУСЕЙНОВ** директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- А. В. ДМИТРИЕВ** главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
- М. В. ДУЛИНОВ** заместитель министра образования и науки Российской Федерации, кандидат экономических наук
- П. ДУТКЕВИЧ** директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор
- Ю. П. ЗИНЧЕНКО** декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, президент Российского психологического общества
- Г. Б. КЛЕЙНЕР** заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. А. ЛИХАНОВ** писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, почетный доктор СПбГУП
- МАЙКЛ, принц КЕНТСКИЙ** Его Королевское Высочество (Великобритания)
- В. Л. МАКАРОВ** директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- А. С. МАКСИМОВ** председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, кандидат технических наук

Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011)
В. В. МИРОНОВ	декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП
А. В. СМИРНОВ	заместитель директора Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор Издательского дома «Россия»
С. ЧАНГ	заместитель директора Института общественного развития Высшей партийной школы ЦК КПК (КНР), доктор философии, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ¹: — Дорогие друзья! Позвольте мне, как ректору Университета, соучредителю Международных Лихачевских научных чтений, поприветствовать вас и выразить глубокую признательность за то, что вы находитесь здесь.

Уважаемые коллеги! Лихачевские чтения имеют свою большую историю. Сегодня здесь присутствует много новых гостей, которые впервые принимают участие в Чтениях. Лихачевские чтения возникли на основе конференции «Дни науки». Инициатором их проведения в первой половине 1990-х годов стал Дмитрий Сергеевич Лихачев, академик Российской академии наук, почетный доктор нашего Университета, который вместе с нами занимался исследованиями в области культуры. Первая конференция «Дни науки» состоялась в 1993 году. В ней участвовал Дмитрий Сергеевич Лихачев, который определял ее идеологию. После его ухода из жизни мы с Даниилом Александровичем Граниным в 2001 году обратились к Президенту России Владимиру Путину с просьбой издать Указ об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева и придать нашим «Дням науки» статус Международных Лихачевских научных чтений. Это беспрецедентный случай, когда Указ Президента Российского государства был подготовлен за три дня, что свидетельствует об особом отношении руководства нашей страны к памяти Дмитрия Сергее-

вича Лихачева. Таким образом, с 2001 года «Дни науки» имеют статус Международных Лихачевских научных чтений.

Учредителями Чтений выступили Российская академия наук и Российская академия образования, а также Конгресс петербургской интеллигенции, созданный и зарегистрированный мною по просьбе Дмитрия Сергеевича Лихачева. Кроме того, одним из организаторов Чтений является Министерство иностранных дел РФ.

Благодаря нашим общим усилиям сегодня Чтения — это один из крупнейших ежегодных форумов ученых-гуманитариев, проходящих на территории России. Ежегодно в Чтениях принимают участие около полутора тысяч человек: к 750 взрослым участникам Чтений, которые сегодня находятся в этом зале, завтра присоединятся 750 школьников со всей страны для проведения Лихачевского форума старшеклассников.

В Чтениях принимают участие представители 15 стран. Свои доклады представили более 30 членов государственных академий России, более 40 научно-исследовательских академических центров, представители около 60 вузов. Мы рады приветствовать на нашем форуме крупнейших ученых, мыслителей, международных деятелей.

Выпуск сборников с докладами участников Лихачевских чтений знаменует собой существенное продвижение в научной разработке той или иной проблематики, которая выносится в заглавие Чтений. Уже не первый раз наши Чтения посвящены проблематике диалога культур в условиях глобализации. Я надеюсь, что нынешние Чтения станут новым шагом в осмыслении этой тематики.

Прежде чем приступить к выступлениям, дискуссии, обсуждению, я бы хотел напомнить, что по традиции доклады не зачитываются участниками. Все представленные доклады уже опубликованы и вошли в научный оборот. Смысл нашей встречи — не чтение докладов, а изложение принципиальных положений, важных для участников Чтений, и, конечно, дискуссия. Только в этом случае наука может двигаться вперед.

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Член правления Российского детского фонда.

Автор свыше 1700 публикаций. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден почетным знаком Министерства культуры Болгарии «Печать царя Симеона I».

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

Слово предоставляется выдающемуся философу, академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Современная глобализация протекает в условиях обострения глобальных кризисов. Возникает вопрос: как человечеству преодолеть эти кризисы? Возможные сценарии глобализации следует оценивать с точки зрения этой проблемы.

Можно выделить две различные и даже альтернативные стратегии глобализации. Первая из них уже реализуется. Она ориентирована на сохранение базисных ценностей современной техногенной культуры, позиционирует их в качестве духовной основы глобализирующегося мира. Вторая предполагает изменение уже намечившейся стратегии, переосмысление и трансформацию ее ценностных оснований.

Ценностные основания, о которых идет речь, часто обозначаются как ценности «проекта Модерн». Они возникли в западном мире в качестве духовного базиса особого типа цивилизационного развития — техногенной цивилизации. Фундаментом ее культуры выступают ценности инноваций, креативной деятельности, научно-технического прогресса, понимание природы как поля для преобразующей деятельности человека и резервуара ресурсов, идеал свободной и суверенной личности, обладающей естественными правами, понимание власти не только как господства одного человека над другим, но и господства и контроля над природными и социальными объектами.

Эти идеалы, ценности и жизненные смыслы стали ядром культурно-генетического кода техногенной цивилизации, в соответствии с которым она воспроизводилась и изменялась в процессе своей исторической эволюции.

Соперничество возникшей техногенной цивилизации с предшествующими ей обществами традиционалистского типа породило процессы модернизации. В их основе лежало заимствование традиционными обществами научно-технологических достижений и новой системы образования, прививка этих пластов техногенной культуры на традиционалистскую почву. В ходе модернизации осуществлялся переход традиционалистских обществ на путь техногенного развития с сохранением в них многих трансформированных в ходе модернизации фрагментов самобытных традиционных культур. Таков был путь Японии, России, Китая, Индии, стран Латинской Америки. В конце XX — начале XXI столетия модернизация переросла в глобализацию.

Базовые ценности техногенной цивилизации сохранили здесь приоритетный статус. Этот статус поддерживался предшествующими успехами техногенного развития, достижениями в сфере науки, технологи-

ческого прогресса, экономического роста, приводящего к быстрому увеличению общественного богатства и улучшению качества жизни. Но нельзя забывать, что цена всех этих успехов оказалась чрезвычайно высокой. Этой ценой стало возникновение и обострение глобальных кризисов (экологического, антропологического и др.), грозящих разрушением самих основ цивилизации и человеческой социальности.

Чтобы найти выход из кризисов, необходимо изменить стратегии развития. А поскольку эти стратегии определены базовыми ценностями культуры, в соответствии с которыми воспроизводится определенный тип цивилизационного развития, речь идет о трансформации этих ценностей.

Здесь мы сталкиваемся с проявлением общих закономерностей развития сложных самоорганизующихся систем. И в биологических, и в социальных системах их качественные изменения, формирование новых видов и типов связаны с трансформацией программ, обеспечивающих гомеостазис системы, ее самовоспроизведение.

В биологической эволюции эти программы представлены генетическим кодом (ДНК, РЕК), в социальной эволюции — системой мировоззренческих универсалий культуры, выражающих ее базовые ценности и жизненные смыслы.

Мировоззренческие универсалии — это гены социальных организмов. Без их трансформации невозможно качественное изменение общества. Что же касается эффективности и жизнеспособности возникающих в этом процессе новых видов социальных организмов, то это выясняется в их последующем экономическом развитии, в способах адаптации к природной среде и взаимодействия с другими общественными организмами (аналог естественного отбора в биологии).

Можно констатировать, что культурно-генетический код техногенной цивилизации не содержит ограничений, которые могли бы блокировать обострение экологического, антропологического и других глобальных кризисов. Поэтому следует искать возможности изменения этого кода. Необходимо ответить на вопрос: возникают ли эти возможности в самих процессах современных социальных перемен?

Новые ценности не могут возникнуть сразу и ниоткуда. Они должны иметь предпосылки в современных состояниях социальной жизни. Эти предпосылки предстают как точки роста новых ценностей.

Сегодня уже очевидно, что следует изменить потребительское отношение к природе, которое было лейтмотивом предшествующего техногенного развития. В традиционных культурах природа никогда не воспринималась как резервуар ресурсов для деятельности и не толковалась как поле для деятельностного преобразования и контроля. Традиционным культурам было свойственно отношение к природе как к живому организму, в который «встроен» человек.

Длительное время в культуре «проекта Модерн» такого рода организмическое видение природы оценивалось как пережиток архаических мифов и мистики. Но сегодня ситуация иная. После того как наука сформировала представление о биосфере как целостной глобальной экосистеме, выяснилось, что окружающая нас природная среда планеты действительно представляет

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

собой сложный организм, в который включен человек. В этом пункте научные достижения западной техногенной культуры начинают резонировать с традиционалистскими образами природы как живого организма.

Здесь возникают и новые аспекты диалога культур. В обществах, включившихся в техногенное развитие через процессы глобализации и сохранивших фрагменты традиционных менталитетов, устраняется противоречие между современными научными и некоторыми традиционалистскими пониманиями природы и отношения к ней человека.

Новые научные понимания окружающей человека природной среды как глобальной экосистемы требуют изменения стратегий технологической деятельности. Эти изменения уже происходят. На современном этапе укоряется практика экологической и этической экспертизы технологических проектов. Идеал самоценности инновационного внедрения корректируется идеями нравственного контроля за деятельностью, преобразующей природные объекты во все расширяющихся масштабах.

И опять-таки этот контроль коррелирует с развитыми в традиционных культурах идеями нравственного самоусовершенствования как условия адаптации человека к природе.

Разумеется, точки роста новых ценностей — это пока лишь потенциальные возможности кардинальных перемен в цивилизационном развитии. Реализация этих возможностей зависит от многих факторов, в том числе и от действия тех социальных сил, которые заинтересованы в сохранении современных стратегий глобализации и будут блокировать альтернативные ей стратегии. Но если наберет силу сценарий трансформации ценностей техногенной культуры, то их системообразующим фактором уже не будет выступать самоценность технологических инноваций и экономической выгоды. Характер самих инноваций и экономического успеха будет зависеть от этических регулятивов и новых гуманистических ценностей, ориентированных на сохранение биосферы и духовное развитие человека. Многие мыслители говорят о будущей цивилизации как об антропоцентрической в противовес современной экономикотехноцентрической. Соответственно в системе научно-знания значительно больший удельный вес обретет социально-гуманитарное знание.

Сегодня одной из важнейших задач социально-гуманитарного анализа становится исследование современных изменений в культурах, формирования в них точек роста новых ценностей как условия выхода из глобальных кризисов. На этой основе возникают и новые аспекты диалога культур, его нацеленность на выработку новых мировоззренческих смыслов, которые могут быть восприняты различными культурами и обеспечить устойчивое развитие объединяющегося человечества при сохранении его культурного многообразия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Вячеслав Семенович. Слово предоставляется Его Королевскому Высочеству Майклу, принцу Кентскому.

МАЙКЛ, ПРИНЦ КЕНТСКИЙ¹: — Уважаемые дамы и господа! Для меня большая честь выступать

¹ Член британской королевской семьи, один из потомков российского императора. Ведет обширную благотворительную деятель-

на Лихачевских чтениях в городе, в котором родилась моя бабушка — великая княгиня Елена Владимировна. Академик Лихачев был общепризнанным духовным лидером российского народа. Я встречался с Дмитрием Сергеевичем 17 июля 1996 года в Этнографическом музее.

Тезисно представлю отдельные положения.

Что изменилось за последние 20 лет? Прежде всего скорость и интенсивность тех изменений, которые сейчас имеют место, появились новые технологии связи и коммуникаций. Одно из последствий глобализации — рост недоверия между различными слоями общества. Существует серьезная опасность возникновения нестабильности и конфликтов.

В решение проблем глобализации большой вклад может внести культура. Мы должны строить отношения, основанные на взаимном понимании, учитывая культурное многообразие. В качестве иллюстрации этого тезиса можно упомянуть организации, которые работают в области общественных связей: они изучают личность с разных сторон и делают вывод, что на человеческую личность оказывают влияние образование и культура.

Я хочу рассмотреть проблему взаимоотношений с точки зрения науки. Недавно были проведены исследования, посвященные тому, как ведут себя молодые люди. Цель этих исследований заключалась в том, чтобы установить, каким образом молодые люди в Германии, Франции, США культурно взаимодействуют, каким образом можно развить чувство доверия к людям, которые живут в Китае, Индии и Южной Аравии. Результаты этого исследования показывают систематическую корреляцию между теми, кто участвовал в культурных взаимоотношениях, это приводило к повышению уровня доверия между отдельными людьми и даже между правительствами различных стран. Само понятие «доверие» очень важное и сложное, оно включает уважение, преданность общему делу и последовательность в развитии отношений. Исследование показало, что культурные взаимоотношения увеличивают степень доверия.

Эта концепция проявляет положительные стороны. В мире, где люди разделены большими расстояниями, теперь можно виртуально общаться, бывать в разных местах, например в музеях. Культурный туризм развивается очень интенсивно. В прошлом году 5–6 млн человек посетили британские музеи, 2 млн — Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Ежегодно на 20 % растет число посетителей музеев. Это глобализация, она захватывает

нось. Особое место в его благотворительной работе занимает Россия: в июне 2004 года был основан «Благотворительный фонд принца Майкла Кентского» для финансирования общественно полезных проектов в областях культуры, сохранения исторического и культурного наследия, здравоохранения, образования. Попечитель Института сертифицированных финансовых менеджеров (Великобритания), Российско-Британской торговой палаты, Лондонской школы бизнеса и финансов. Почетный доктор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Создатель ряда документальных фильмов, в т. ч.: «Nicholas and Alexandra», «A Royal Family», «Victoria and Albert» и др.

Рыцарь-командор Королевского Викторианского ордена, рыцарь Большого креста Королевского Викторианского ордена, рыцарь Справедливости ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Великобритания), награжден орденом Дружбы (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

и экономические, и социальные, и культурные области. В связи с этим хочу сказать, что чем более однородным будет человечество, тем мощнее будет прогресс. Благодарю за предоставленную возможность поделиться с вами некоторыми своими мыслями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Уважаемые коллеги! Сегодня состоится церемония посвящения Его Королевского Высочества принца Майкла Кентского в Почетные доктора СПбГУП. Сейчас приглашаю подняться на трибуну Геннадия Михайловича Гатилова.

Г. М. ГАТИЛОВ¹: — Уважаемые участники Чтений! Я рад, что мне в очередной раз предоставилась возможность побывать в СПбГУП и выступить на Лихачевских чтениях, обменяться мнениями по теме диалога культур и цивилизаций. Лихачевские чтения заняли свою весьма достойную нишу в научной и культурной жизни. Фактически они стали международной площадкой, которая способствует развитию диалога. Для дипломатов Министерства иностранных дел РФ участие в этом форуме имеет важное значение: мы анализируем рассуждения, мнения, которые высказываются здесь весьма уважаемыми учеными с мировым именем и профессионалами в своей области. Впоследствии в своей практической деятельности стараемся учитывать настроения, которые здесь высказываются. Российский МИД уделяет большое внимание вопросам культуры в контексте глобализации.

Казалось бы, глобализация должна способствовать культурному сближению народов. Но, к сожалению, последние события на международной арене свидетельствуют об обратном. В 2011 году, когда проводились Чтения, события на Ближнем Востоке, в Северной Африке только начали развиваться, и в общем, наверное, никто тогда не мог предположить, чем все закончится. К сожалению, то, что мы имеем сегодня, показывает, что все идет в опасном направлении, в первую очередь с точки зрения культурного, конфессионального, религиозного разделения. Арабские народы, которые, казалось бы, должны быть объединены культурой и общими ценностями, теперь переживают не самые лучшие времена. Кризис развивается уже не столько в политической сфере (борьба различных политических группировок за власть), сколько в культурной и религиозной областях. Мы должны сделать все, чтобы не допустить дальнейшего столкновения на межкультурной и религиозной почве, тем более выхода этого процесса за региональные рамки. Собственно в настоящий момент это одна из главных задач российской дипломатии в данной части мира.

Для нас это особенно важно, потому что Россия — многоконфессиональное государство, на протяжении веков в нашей стране проживали рядом друг с другом представители разных народов. Мы отдаем себе отчет в том, к чему может привести неблагоприятное развитие ситуации в других регионах мира, расположенных в непосредственной близости от нас. Все, что там происходит в религиозном и культурном плане, отражает-

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций, в т. ч. «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе» и др. Награжден орденом Дружбы.

ся и на нашей жизни. Поэтому укрепление принципов морали в мировой политике, учет специфики различных культур, являются приоритетами российской дипломатии.

Конечно, все должно быть основано на международном праве. Главным документом, в котором закреплены эти принципы, продолжает оставаться Устав Организации Объединенных Наций. В рамках ООН постоянно идут дискуссии, в том числе по вопросам глобализации, культуры, взаимозависимости, соотношения тенденций в этих процессах.

Один из первых указов, подписанных В. В. Путиным сразу после его вступления в должность президента России, посвящен реализации внешнеполитического курса нашей страны. В нем акцентирована проблема необходимости развития дружественных отношений между государствами на основе равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности. Все это подразумевает и развитие культурных связей, необходимость лучше понимать и слышать друг друга. Что касается международных площадок, ориентированных на решение этих проблем, то я уже упомянул Организацию Объединенных Наций и хотел бы также отметить, что эти проблемы обсуждаются в рамках форума «Альянс цивилизаций». Дискуссии по различным вопросам в рамках этих площадок способствуют осознанию направления, в котором развивается научная мысль в области диалога культур в эпоху глобализации.

Хотелось бы сделать акцент на одном моменте. Для нас большое значение имеют позиция и роль неправительственных организаций, отечественного неправительственного сектора, который все активнее проявляет себя в рамках в первую очередь Организации Объединенных Наций, межправительственных органов. Мнения, которые высказывают неправительственные организации, демонстрируют нам тенденции, раскрывающие то, чем живет гражданское общество, в том числе в нашей стране.

Лихачевские чтения я рассматриваю как один из форумов, которые помогают нам в практической деятельности. Хочу еще раз подчеркнуть, что эти Чтения весьма полезны для дипломатов. Надеюсь, что дискуссии в рамках этого научного форума внесут свой полезный вклад в разработку идей и впоследствии будут использованы дипломатами в практической деятельности в целях содействия межкультурному и межкультуральному диалогу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Геннадий Михайлович. С большим удовольствием предоставляю слово господину Феликсу Унгеру.

Ф. УНГЕР²: — Уважаемые дамы и господа! Прежде всего я хотел бы поблагодарить академика Запесоцкого за организацию этой встречи. Сегодня не принято обращать внимание на вопросы культуры. Что такое культура? Это одновременно сложный и простой вопрос. Культура — это все, что мы делаем, то, как мы

² Президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия) — партнера РАН в Евросоюзе, профессор, доктор. Возглавляет клинику хирургии сердца частного Медицинского университета им. Парацельса. Автор многих научных работ по сердечно-сосудистой хирургии. Первый европейский хирург, осуществивший в 1986 году трансплантацию искусственного сердца. Почетный член Российской академии художеств.

действуем, обращаемся с вещами и явлениями, то, как мы относимся к себе, соседям. Звучит просто, но на самом деле это понятие гораздо более сложное. Некоторые ученые, философы считают, что коммуникация интенсифицируется, что мы живем в глобальной деревне, где информация немедленно передается из одной точки планеты в другую точку.

Я представляю академический мир, который своими исследованиями оказывает огромное влияние на культуру. Мы должны определить, что представляет собой наука, выявить различия между западным и восточным мирами. Необходимо расширить определение науки и включить в него человеческие отношения, духовность, философию, религию. Сегодня в связи с упоминанием о глобальной деревне мы также можем говорить о расширении понимания науки. Когда мы проанализируем эти идеи, то приблизимся к определению человека. Человек — это сочетание души, духа, тела. Расширенное понимание науки — сущность человека, мир, в котором он живет. Здесь мы приближаемся к этической стороне определения, эстетической части нашего мира. То, что мы делаем, имеет огромное эстетическое значение.

Несколько слов о понимании культуры. Человек издавна ищет свою утраченную духовность, и в последнее столетие происходил поиск новых импульсов для жизни человека и человечества. Мы до сих пор не осознали, что такое дух и что дух является важной частью нашей жизни. Мы постоянно пребываем в поисках свободы, но свобода не может быть безграничной. Сегодня мы живем в фантастическом мире, нам предоставлена уникальная возможность распространять наши идеи на всю «глобальную деревню». Мы живем в «глобальной деревне», которая влияет на нас и предоставляет дополнительную информацию.

В течение столетия мы поклоняемся золотому тельцу. То, что мы делаем в нашей исследовательской деятельности, — по сути, поиск правды, истины. Мы думаем о телесном, но нами движет душа, духовность, она показывает направление, в котором мы должны следовать. Коммуникации также предоставляют большие возможности. Свобода коммуникаций сопряжена с рисками, так как происходит постоянный обмен информацией, она предоставляет дополнительные возможности. Мы должны вернуться к духовности, думать о том, что мы делаем.

Размышляя, мы начинаем создавать новую культуру, культуру совместного проживания, которая характеризуется терпимостью, у нас возникают новые идеи. Подобные дискуссии обогащают нас, мы выделяем важные проблемы. Я думаю, что мы имеем все возможности для того, чтобы достичь свободы, которая нам необходима.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо, господин Унгер! Уважаемые коллеги! В адрес Международных Лихачевских чтений поступил целый ряд приветствий. К сожалению, я не смогу зачитать все приветствия, назову лишь некоторые из них. Это приветствие Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, приветствие председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Нарышкина Сергея Евгеньевича,

приветствие председателя Попечительского совета нашего Университета Шмакова Михаила Викторовича. Поступили приветствия от исполняющих обязанности министров, в том числе от министра образования и науки Фурсенко Андрея Александровича, министра культуры Российской Федерации Авдеева Александра Алексеевича, министра здравоохранения и социального развития Голиковой Татьяны Алексеевны. Мы получили приветствие от Президента Российской академии наук Юрия Сергеевича Осипова, который выступал с докладами на Чтениях 2011 года, от высокого представителя «Альянса цивилизаций» Жоржи Сампайю, от генерального директора ЮНЕСКО госпожи Боковой.

Но одно приветствие в наш адрес я зачитаю. «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Участникам и гостям XII Международных Лихачевских научных чтений. Уважаемые друзья! Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений. Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов. В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни. Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике. Желаю вам новых успехов и всего самого доброго. Владимир Путин».

Теперь позвольте пригласить к микрофону почетного доктора нашего Университета Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

А. А. ГУСЕЙНОВ¹: — Уважаемые коллеги! Лихачевские чтения уже много лет последовательно разрабатывают тему диалога культур в условиях глобализации. Вместе с тем Лихачевские чтения сами стали определенным культурным феноменом. Одна из самых характерных особенностей Лихачевских чтений, с моей точки зрения, состоит в том, что здесь органично соединились два важных аспекта. Будучи явлением научной жизни, они стали одновременно заметным культурным событием. На Чтениях в течение многих лет последовательно исследуется, притом с хорошими результатами, проблема диалога культур, и они сами стали формой такого диалога — диалога между представителями разных областей знаний, разных стран, разных подходов. Я бы сказал так: в нашем случае диалог является и предметом и способом исследования.

В этом году проблема диалога культур в условиях глобализации рассматривается с акцентом на национальную культуру, национальную выраженности

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журналов «Философский журнал», «Общественные науки» (на английском языке), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

культур. По крайней мере, в названии трех секций присутствует упоминание о национальном аспекте культуры. Готовясь к этим Лихачевским чтениям, я стал размышлять на эту тему. Мы с Александром Сергеевичем продумывали работу секции «Национальное единство и культурное многообразие», исходя из принципа Лихачевских чтений, обязывающего добиваться такой степени понимания проблемы, которая доходит до практически значимых выводов. Погрузившись предметно в эту область, я обнаружил, что она является необычайно трудной.

Сегодня на пленарном заседании уже говорили о том, что культура — это сложное, многозначное понятие. Но в соотношении с понятием «нация» эта сложность и многозначность приобретают столь высокую степень, что проблема становится взрывоопасной и работа с понятием национальной культуры требует особой осторожности.

Среди множества подходов и оттенков в понимании нации два являются наиболее обсуждаемыми. С одной стороны, нация рассматривается как некая исторически сложившаяся общность, которая выстраивается в ряд: племя—народность—нация, характеризуется общностью исторических судеб, культуры, языка, психологического строя. Согласно этой концепции нация стремится к тому, чтобы политически оформиться, и оформляется в виде отдельных национальных государств, она стремится к суверенитету, к тому, чтобы стать самостоятельным национальным государством. Стремление к самостоятельности составляет стержень, внутреннюю целевую установку каждой нации. Такое понимание можно назвать онтологическим. С другой стороны, нация на основе обобщения опыта национального развития, прежде всего европейского, интерпретируется как некий политический конструкт, следствие и выражение, фиксация государственной общности.

В соответствии с первым подходом нация, исторически развиваясь, достигает кульминации своего развития в государстве. В рамках второго подхода — нация становится нацией в качестве государства; национальная принадлежность оказывается синонимом государственной принадлежности. Мне трудно отдать предпочтение одному из этих подходов, я вполне допускаю, что они могут взаимно дополнять друг друга. Они фиксируют и преувеличивают один из аспектов исторического развития нации, в первом случае абсолютизируется этно-культурный аспект, во втором — политический. Тем не менее сегодня эти две точки зрения существуют как некие альтернативы, которые полемизируют друг с другом и в какой-то степени отрицают друг друга.

Здесь речь идет, конечно, о различных исследовательских позициях, но не только. Они выходят за рамки сугубо академического интереса. Из этих разных концепций следуют разные выводы. Если, например, мы рассматриваем нацию как политический конструкт, исходя из концепции «нация-государство», то отсюда вытекает понимание национализма как нормальной позитивной формы ее общественного самовыражения. И тогда понятие «национализм» оказывается родственным и даже совпадающим с понятием «патриотизм». Соответственно государство при таком подходе — это всегда мононациональное объединение. Из другого — культурологического — понимания вытекает более критиче-

ское и сдержанное отношение к национализму. В рамках концепции культурной нации государство вполне может быть и, как правило, является многонациональным, соответственно патриотизм и национализм расходятся между собой. В отличие от патриотизма, который является одной из важнейших гражданских добродетелей и формой граждански ответственного поведения, национализм часто оказывается деструктивной силой. Данное различие между национализмом и патриотизмом является одним из аргументов в пользу той концепции нации, из которой оно вытекает. Что бы ни говорили специалисты, реальный опыт общественного развития показывает, что национализм и патриотизм — разные вещи.

Второй момент, который я хотел бы подчеркнуть в связи с различием двух подходов к определению нации, касается характера национальной идентичности человека. Из первого подхода, когда мы нацию рассматриваем как исторически сложившийся этнокультурный феномен, вытекает, что нацию человек не выбирает, она есть его судьба. Нацию человек не выбирает точно так же, как не выбирает свой родной язык, родителей, эпоху и т. д. Национальное измерение понимается как то, что органично человеку, составляет его бытийную характеристику. Из второго понимания нации, рассматривающего ее в качестве нации-государства, вытекает, что человек может выбирать свою нацию, меняя, например, гражданство, или может измениться само государство (а соответственно и национальная идентичность), что недавно случилось в истории нашей страны. Это уже совсем другая позиция. Излишне говорить, что речь идет о существенных различиях. Скажем, если человек не выбирает свою нацию, если национальная принадлежность органична ему и составляет его неотчуждаемую характеристику, то это значит, что она совпадает с его личностным ядром, человеческим достоинством и, следовательно, национальные чувства требуют предельно чуткого, уважительного отношения. В этом случае, когда мы говорим и используем в общественной коммуникации национальные квалификации, для нас важна не столько истина, сколько ценностный аспект. На первом плане должно быть стремление не оскорбить человека. Притом оскорблением следует считать то и только то, что сам человек находит для себя оскорбительным. Если же мы рассматриваем национальную принадлежность как предмет выбора, то уже обращение с национальными характеристиками людей может быть более объективированным. Во всяком случае здесь существуют большие неразработанные теоретические проблемы, которые имеют прямое отношение к реальному опыту нашей жизни, к тому, что сегодня происходит на улицах.

Общая мысль моего выступления состоит в том, чтобы при разработке этих проблем мы в первую очередь учитывали возможные следствия и деформации, которые будут обусловлены применением той или иной позиции на опыте.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович, Ваше выступление удивительно интересно. Сейчас я хочу предоставить слово почетному доктору нашего Университета Гаджиеву Гадису Абдулаевичу.

Г. А. ГАДЖИЕВ¹: — Спасибо. Уважаемые коллеги! Сегодня в Санкт-Петербурге проходит еще один форум вроде юридического Давоса. Но я нахожусь здесь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Потому что наш форум важнее, Гадис Абдуллаевич.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я бы привел еще один аргумент, на мой взгляд, более обстоятельный. Для нас, юристов, важно общение с представителями других гуманитарных наук. Замкнутость внутри своего юридического концептуального пространства иногда мешает нормальному восприятию правовой действительности. И действительно здесь интереснее. Собравшиеся на этом форуме мыслят на одной волне. Я желаю всем участникам сегодняшних Чтений поймать эту интеллектуальную волну.

Недавно я размышлял над тем, что, обсуждая юридическую норму Конституции, мы придаем ей совершенно разный смысл. Одни судьи говорят: «Это должно быть так». А другие утверждают прямо противоположное. Я задумался над тем, каково значение юридически «священного» текста Конституции? (Сакральность, несомненно, присутствует.) Текст — это некий символ, знак. И при наличии этого знака в сознании каждого рождается некое представление. Причем эти представления совершенно разные. В попытке определить онтологическую структуру права, которое на нас влияет, я предпринял еще ряд шагов и сделал вывод, что текст на нас не влияет.

Что же влияет на наше сознание, обуславливая создание совершенно противоположных представлений? Я не буду говорить об онтологических структурах правовой действительности, потому что это сложный онтологический вопрос. Но, вне всякого сомнения, есть нечто, что в римском праве и римской культуре называли «морес»: «Ο τροπος! Ο μορες!» Μορες — это не только нравы, это упрощенный перевод. Это традиции, но это тоже неточное значение, потому что «μορες» содержит важный юридический потенциал. Это юридические нормы, когда социальная идея обладает важным юридическим потенциалом.

Поясню на примере. В Конституции, кроме рецепции (простого заимствования западных юридических норм, которые видны, распознаваемы), есть μορες — квалификация наших связей с прошлым. Связи с прошлым имеют многослойную структуру, причем не только положительную. В слове «μορες» есть то, что можно обозначить знаком «минус», и то, что можно обозначить знаком «плюс».

Грановский говорил о Михаиле Бакунине, известном русском анархисте, что «для него все объекты, а не субъекты». Это отношение к человеку не как к субъекту,

обладающему достоинством, а как к простому объекту, которым можно помыкать, который можно использовать как средство и т. д. Карл Маркс дал верную характеристику Бакунину: «...при внешнем антиаристократизме на самом деле он был аристократ духа», потому что он считал себя избранным, предлагал создать партию людей, подчиненных принципу, который разработали еще иезуиты: «Будь покорен, как труп, дисциплина и больше ничего». Эти идеи неожиданно возродились в XX веке. То, что мы сейчас называем *realpolitik*, реальная политика, — это, по сути, то же самое эскабарство, когда цель оправдывает средства, ради достижения можно сделать все. Когда политическое пространство соприкасается с пространством права, оно не должно действовать, руководствуясь принципом эскабарства. Политическое пространство должно быть пронизано идеями этики. Существует самостоятельная область — конституционная этика. Руководствуясь реальной политикой, как конституционной, так и правовой, нельзя забывать о том, что конституционно-правовая этика — это ядро и политики, и права.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо! Уважаемые коллеги, уже не в первый раз в работе Лихачевских чтений принимает участие выдающаяся личность, необычайно ярко проявившая себя и на государственном поприще, и в качестве общественного деятеля, и в качестве ученого — это академик А. А. Акаев.

А. А. АКАЕВ²: — Уважаемый президиум, уважаемые коллеги, дорогие друзья! Мой доклад называется «Евразийское единение — историческая закономерность». Одной из закономерностей, глобальных тенденций современной эпохи является региональная интеграция. Самый яркий пример региональной интеграции сегодня — Европейский Союз. Эти страны сотни лет воевали друг с другом (здесь уместно вспомнить и Столетнюю войну, и Тридцатилетнюю, и наполеоновские войны, и две мировые войны, исходившие из Западной Европы), но, подчиняясь велению времени, исторической необходимости, они объединились в Европейский Союз, организовали наднациональные органы и сегодня успешно двигаются вперед. Современный финансово-экономический кризис показал жизнеспособность Европейского Союза. Если бы не было Европейского Союза, все периферийные страны Европы — Исландия, Ирландия, Испания, Португалия, Италия, Греция — были бы банкротами. Но благодаря Европейскому Союзу сегодня они выжили и имеют шансы на оздоровление и оживление своих экономик.

Вместе с тем кризис также показал, что Европейский Союз достиг критических размеров. Я убежден, что больше о приеме в Европейский Союз крупных

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель-налогоплательщик-государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). С 2005 года — главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 160 научных работ и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятник десятилетия», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина.

стран не может быть речи, и мы должны это четко понимать, особенно политики на постсоветском пространстве. Теперь, в начале XXI века, мы видим, что запад Евразийского континента был структурирован почти оптимально — это Европейский Союз, НАТО, обеспечивающий евроатлантическую безопасность, ОБСЕ и др.

Что мы видим на Востоке Евразийского континента? Полная аморфность. Только в 1990-е годы, после развала Советского Союза, начала формироваться и сегодня успешно продвинулась вперед Шанхайская организация сотрудничества. Подчиняясь велению времени, страны, сохраняющие противоречия после Второй мировой войны, такие как Китай, Япония и Южная Корея (самые мощные в экономическом отношении азиатские страны), предпринимают попытки объединить свои усилия. И они, я убежден, увенчаются успехом в ближайшем будущем.

А теперь обратим внимание на центральную часть Евразийского континента. Сегодня ведутся разговоры о формировании Евразийского союза. Большое спасибо Владимиру Владимировичу Путину, самому авторитетному политику на постсоветском пространстве, который год назад выдвинул идею формирования Евразийского союза. Это закономерность, жизненная необходимость. Я считаю, что эта инициатива очень своевременна. Россия — великая держава. После распада Советского Союза высказывалось много предсказаний. Так, гуру либеральных политиков Збигнев Бжезинский говорил о черной дыре, образовавшейся на постсоветском пространстве, то есть он надеялся, что, как и черная дыра, которую никто не может наблюдать на звездном небосклоне, Россия исчезнет с политической карты мира. Но Россия, к нашей общей гордости и радости, возродилась как великая демократическая держава, как притягательная сила на Евразийском континенте. И поэтому я считаю, что есть все основания для успешной реализации указанного выше важнейшего проекта — формирования Евразийского союза.

Россия — великая держава по определению. Согласно Уставу Организации Объединенных Наций, Россия как главный победитель во Второй мировой войне вошла в пятерку великих держав, которые определяют развитие человечества и обязаны заботиться о судьбах человеческой цивилизации. Сегодня мир движется в сторону полицентричной организации. Я считаю, что России крайне необходимо формировать Евразийский союз, быть в центре, лидером, во главе этого нового геополитического объединения. Только так Россия сможет укрепить, усилить свой статус великой державы и быть одним из центров политической силы в новом мире.

Возникает вопрос: возможно ли это? В своих выступлениях, докладах, ряде статей, которые я опубликовал в последнее время в журналах «Мир перемен», «Глобализация и безопасность», в газете «Известия», я утверждаю: научные обоснования этого проекта уже были сделаны великим сыном России, великим историком и великим патриотом России Львом Николаевичем Гумилевым. В этом году в России и во всем тюркском мире будет отмечаться 100-летие со дня рождения Гумилева. Гумилев как великий евразиец обосновал геополитические, исторические, культурные основания необходимости объединения евразийских народов вокруг

России. Я слушал его лекции в Ленинграде. Он за 10–15 лет до события предсказал возможность распада Советского Союза, затем глубоко переживал распад СССР. Его последний призыв звучал так: «Объединяйтесь, чтобы не исчезнуть». Если страны на постсоветском пространстве не объединятся в прочный Евразийский союз — равновеликий, равномогущий Европейскому Союзу, то они исчезнут. Когда-то Советский Союз был сверхдержавой, равной Соединенным Штатам Америки, поэтому существует возможность возродить Евразийский союз, который должен быть конкурентоспособным в новом полицентричном мире в XXI веке.

Я хочу воспользоваться этой трибуной для того, чтобы обратиться ко всем присутствующим с призывом внести свой вклад, пропагандировать идеи великого Гумилева. Здесь собрался цвет российской интеллигенции, присутствуют и представители постсоветских республик. Красной строкой во всех трудах Гумилева проходит мысль о необходимости объединения евразийских народов вокруг России. Россия сохранила свою притягательную силу, особенно культурную. Дмитрий Сергеевич Лихачев, с которым мне посчастливилось работать в Верховном Совете СССР, говорил: «Культура — та главная сила, которая объединяет народы». Сегодня необходимо использовать эту силу для формирования Евразийского союза, пропаганды идей Дмитрия Сергеевича Лихачева и Льва Николаевича Гумилева. Кстати, многие труды Гумилева были изданы благодаря поддержке Дмитрия Сергеевича Лихачева, например «Древние тюрки» — лучшая история тюркских народов. Его главная книга — «Этногенез и биосфера Земли». Я считаю, что этот год должен стать решающим, важным звеном в формировании Евразийского союза.

И в завершение хочу выразить благодарность организаторам Лихачевских чтений, которые объединяют людей на культурной, гуманистической основе. Ведь гуманистическая миссия, которую выполняет Россия, дает надежду на то, что мы сможем успешно сформировать Евразийский союз. Призываю еще раз всех внести свой посильный вклад в формирование Евразийского союза.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Аскар Акаевич! Мы учились в Институте точной механики и оптики и слушали лекции Гумилева.

Слово предоставляется неоднократному участнику Международных Лихачевских научных чтений господину Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ¹: — Уважаемые коллеги, глубоко уважаемый Александр Сергеевич! Для меня большая честь быть приглашенным на эту конференцию. В своем выступлении, посвященном демократии, модернизации и диалогу цивилизаций, я хотел бы обсудить четыре момента (весь доклад опубликован в материалах Чтений).

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор. Автор книг: «New Europe. The Impact of the First Decade, Volume 1: Trends and Prospects», «Theory and Practice of the Civil Society in Russia», «Basics of Local Governance», «NATO Looks East», «Ukraine: Social and Economic Transformation», «The Worst is Over?», «Democracy Without Liberalism», «Unemployment Insurance in Canada», многочисленных глав в книгах и статей в профессиональных журналах. Член совета Всероссийского фонда защиты прав человека, член дискуссионного клуба «Валдай».

Первое — глобализация включает демократизацию мира. С моей точки зрения, демократия — неотъемлемая часть глобализации. Все хорошо относится к демократии — и политики, и ученые, и обыватели. Демократия стала моделью. Мы измеряем другие категории при помощи демократии. Если человек — демократ, значит, он хороший, если страна демократическая — это хорошая страна. Парадоксально, но человечество даже ведет войны, чтобы установить демократию в других странах.

Почему демократические институты не работают? Почему растет недовольство идеями демократии, причем в глобальном, межцивилизационном масштабе? Ответ на этот вопрос прост: потому что существует разное понимание демократии. Для одной группы людей демократия — это либеральные права и обязанности человека, то, что называется правами человека. А для других (как мне кажется, для большинства) демократия имеет другой смысл — мы хотели бы жить в достойных экономических условиях и обеспечить себе спокойную старость. А это проблематично. Итак, существуют два понимания демократии: с одной стороны, либерально-демократическое, а с другой — касающееся нашей жизни и нашего будущего.

Второе — глобальная система уже не может обеспечить второго варианта демократии и поэтому концентрируется только на первом варианте этой дефиниции. Получается, что демократия — для элиты, а не для большинства населения. Парадокс: демократия, которая должна быть ориентирована на большинство, работает, по сути, для меньшинства. Суверенная демократия функционирует для элиты, которая иногда ведет себя безответственно. Так происходит во всем мире независимо от страны и политического строя. Значит, то, что мы называем демократией, — это либерализация элиты.

Если это так, то можно сформулировать третий пункт, — когда демократия становится товаром на политическом рынке. Сейчас проходит избирательная кампания в Соединенных Штатах Америки, это самые дорогие выборы в истории страны. Тот, кто имеет средства, покупает часть демократии на демократическом политическом рынке. Возникает вопрос: может ли демократия быть товаром? Ее нельзя пощупать, купить или продать. Здесь на помощь приходит глобальная экономика, которая оперирует понятием фиктивных товаров: воздух, вода, экология, религия — это фиктивные товары, которые глобализация, глубоко проникшая в товарные отношения, пытается сделать реальным товаром. Фиктивный товар тоже может быть товаром на политическом рынке. Демократия оказывается своего рода фиктивным товаром, который функционирует на рынке, как и другие товары.

Четвертое — в связи с вышеизложенным провоцируется социальное неравенство, мы начинаем мыслить в категориях Уолл-стрит: 1 % против 99 %. Этот вариант демократии получает не только теоретическое, но и практическое воплощение в жизни. Это объясняет то, почему мы перестали верить в демократию, почему либеральные демократы довели демократию до логического конца.

И в заключение следует сказать, что если демократия — часть рынка, то в интересах рынка необходимо

ее сохранять, потому что она онтологически вписывается в эту категорию. Без демократии нет рынка. Потому что демократия только гарантирует рынку права собственности и другие права, которые должны соблюдаться в государстве права. Господин Гаджиев достаточно отчетливо выразил эту мысль.

Рынок, который покупает демократию, будет поддерживать демократию, потому что не сможет существовать без нее. Но если глобализация в межцивилизационном плане будет развиваться так, как это происходит сейчас, мы перестанем верить в демократию со всеми социальными и политическими последствиями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Дуткевич. Предоставляю слово нашей гостье из Китая профессору Синсин Чанг.

С. ЧАНГ¹: — В своем выступлении я затрону вопросы культурного расширения, культурной экспансии и культурного протекционизма. Глобализация не только влияет на экономику, она также меняет ценности и культуру. Глобализация явилась результатом экономического развития. Но некоторые события, происходящие в настоящее время, увеличивают глобализацию, расширяют границы, объединяют. Это стало возможно благодаря культурной коммуникации, и именно культурные связи являются одним из важных факторов, влияющих на глобальные отношения.

После окончания холодной войны на первое место выдвинулись экономика, культура и коммуникация — они способствуют поддержанию мира и развитию. Это часть нашей международной жизни. Глобальные отношения после холодной войны определяются культурными, экономическими связями. Теперь эти силы становятся главными факторами, воплощающими интересы разных стран.

Мы выдвигаем концепцию жесткой и мягкой силы. Когда мы действуем с помощью идей — это мягкая сила. Также мы можем видеть, что традиционная структура силы была реформирована для того, чтобы соответствовать современной политической жизни. Сотрудничество и взаимодействие наций — эти факторы влияния мягкой силы не могут быть заменены никакими актами и действиями жесткой силы. В связи с тем, что после холодной войны использовалась преимущественно жесткая сила, начала быстро развиваться глобализация, это уже всеобщая тенденция. Тем не менее общество не может быть сплочено только на основе жесткой силы. Если будет проявляться только жесткая сила, то нации будут подчеркивать важность культурной борьбы за мягкую силу. И для этого мы будем использовать культурное сотрудничество.

Мы выступаем за реализацию идеи культурной экспансии. Необходимо противостоять негативной экспансии, чуждой культуре, которую можно было наблюдать в глобальной политической борьбе в послевоенное время. Эти идеи выразились в тенденциях, с одной стороны, культурного экспансионизма, а с другой — протекционизма. И в этой ситуации различные страны воспользовались своим преимуществом: они

¹ Заместитель директора Института общественного развития Высшей партийной школы ЦК КПК (КНР), доктор философии, профессор.

заняли главенствующие позиции и могли активно влиять на глобальные процессы благодаря культурной экспансии.

Яркий пример — США, их культурная экспансия до и после холодной войны. После окончания холодной войны США стали единственной супердержавой. Америка уделяет все больше внимания культурной экспансии для достижения своих целей. Супердержава США старается определять глобальные тенденции в мире с помощью средств массовой информации и коммуникаций. И другие западные страны прибегают к этим средствам. Население США составляет только 5 % от мирового населения, тем не менее они вырабатывают культурные «продукты» и распространяют их с помощью средств массовой информации. Они навязывают свои моральные стандарты всему миру. И мы видим, что культурные «продукты» США влияют не только на культуру, но и на политику. Соединенные Штаты оказывают большое влияние на другие страны. Это часть политики США: они навязывают свою культуру другим странам, стремятся унифицировать, объединить мир своей идеологией, они считают культуру частью идеологии.

США понимают, что, кроме культурного влияния, существует другая форма глобальной борьбы — культурный протекционизм. Это ответ на ситуацию, когда некоторые страны продвигают свои культуры и настаивают на их стратегическом распространении. Конечно, культурный протекционизм не может полностью защитить национальную культуру от экспансии извне, но по крайней мере помогает сохранить свое культурное наследие. И этот вид контрастирует с другими видами протекционизма, когда внимание сосредоточено только на отражении внешней экспансии. Необходимо сохранять собственное культурное наследие. Таким образом мы можем приблизиться к установлению глобального мира и глобального общества, если будем воплощать в жизнь мирные идеи и гармонизацию нашей глобальной экономики. Но мы должны противостоять экспансионизму в культурной области. Необходимо найти баланс и гармонию между протекционизмом и экспансионизмом, с тем чтобы приблизиться к миру.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Уважаемые коллеги, впервые в наших Чтениях принимает участие выдающийся европейский ученый Ежи Йозеф Вятр.

Е. Й. ВЯТР¹: — Дамы и господа, дорогие коллеги! Признателен за приглашение посетить это важное собрание. Я желаю всем интересной и плодотворной дискуссии.

Разрешите мне сказать несколько слов о важности культуры и образования для понимания народов, наций, наведения мостов во взаимоотношениях между нациями, народами и государствами. Много лет назад, в начальной школе, я выучил наизусть стихотворение великого польского поэта Адама Мицкевича об Александре Пушкине «Московским друзьям». Это глубокое произведение было написано вскоре после восстания дека-

¹ Ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве; почетный профессор Варшавского университета, член Польского сейма (1991–2001), министр образования Польши (1996–1997), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Член Союза демократических левых сил. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

бристов и казни его лидеров. В нем говорится о том, что наши народы должны сражаться за общее дело, общие ценности и взаимопонимание. Это важно для всех стран и народов, но в особенности для наших народов, связанных трагической историей.

Несколько лет назад я отвечал за сферу образования в польском правительстве. Мы использовали возможности, появившиеся благодаря сотрудничеству в сфере образования, для того чтобы определить пути развития. Правительство Польши и Федеративной Республики Германия под эгидой ЮНЕСКО приняли решение переписать школьные учебники по истории. Недавно в Берлине мы отметили 14-ю годовщину этой инициативы. Она была поддержана двумя нациями, которых разделила трагическая история Второй мировой войны. Постепенно, шаг за шагом, были пересмотрены стереотипы.

Также было инициировано создание рабочей группы, в состав которой вошли представители Польши и России. Эта группа сделала то же самое в обучении истории. Особое внимание было уделено историческим отношениям между нашими народами. Самое важное для понимания — трагичное и плохое во взаимоотношениях между странами не должно быть забыто, но необходимо переосмыслить это в соответствующем контексте. Мы многое сделали в этом отношении. В прошлом году польско-русская группа занималась решением сложного вопроса, создала большой труд объемом примерно в тысячу страниц, где было высказано много интересных идей для понимания польско-русских отношений и формирования взаимопонимания. У нас много общего. Политика, хотя и не всегда, помогала выстраивать отношения в культуре. Такие инициативы, как Лихачевские чтения, важны не только для культурной сферы, но и для формирования духа дружбы и понимания между народами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, профессор Вятр. Я прошу подняться на трибуну Лихачевских чтений выдающегося российского ученого Валерия Леонидовича Макарова.

В. Л. МАКАРОВ²: — Уважаемые коллеги! Сегодня точные и гуманитарные науки становятся ближе друг к другу. Один из главных вопросов: как измерять то, что происходит в мире? Материальный мир мы научились измерять, для этого существуют различные инструменты. В частности, в экономике это разные экономические индексы, графики, таблицы и т. д. В экономике цифры и измерения являются обыденностью. Если говорить о гуманитарных науках, то мы к этому только приближаемся.

² Директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор-организатор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики».

Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономика современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР и др.

Например, в науке научились измерять разнообразие языков. Было введено соответствующее понятие «индекс разнообразия языков». Если мы возьмем две случайные особи в популяции, вероятность того, что они говорят на разных языках, помноженная на расстояние между языками, составит индекс разнообразия языков. Нужно научиться измерять расстояние между языками и т. д. Здесь понятие «разнообразие» используется не только в гуманитарном значении, мы уже умеем его измерять.

Тема дискуссии — диалог и разнообразие культур. Культуры в определенном смысле похожи на языки, поэтому в этой области можно использовать следующий подход — измерять уровень разнообразия культур. В частности, сначала нужно научиться измерять расстояние между двумя культурами.

Что такое культура? Возможны разнообразные определения, потому что культура определяется многими факторами. Считается, что итальянцы и китайцы далеки друг от друга: итальянцы полностью открыты в своих семейных делах, тогда как у китайцев окна расположены не на улице. По другому параметру они близки — у них известные всему миру мафиозные группы. Так что расстояние между культурами — гораздо более сложное явление, чем расстояние между языками.

Что случилось с Европой? Произошел крах мультикультурализма. Мне кажется, что это странное утверждение: не могло быть краха мультикультурализма, потому что его никто не измерял. Произошел крах внедрения в Европе идеи полярности культур. А в настоящем понимании мультикультурализма краха не произошло. Это медленный процесс, но он реализуется, и важно правильно его измерить.

Я представитель точных наук, и мне трудно хорошо выражаться на языке общественных наук, в отличие от Аскара Акаевича, который освоил оба языка — язык точных и гуманитарных наук. Но могу сказать, что разнообразие культур упрочивает стабильность общества, увеличивает толерантность и уменьшает возможность конфликтов. Поэтому цивилизация должна развиваться именно в сторону разнообразия культур.

Как математик, могу сказать, до каких пределов это может продолжаться. Существует понятие оптимальности. Мало культур — плохо, и много культур — тоже плохо. Посередине лежит оптимум. Эта проблема может быть решена только тогда, когда мы научимся измерять. Все в мире измеряемо, о каком бы абстрактном понятии мы ни говорили, рано или поздно человечество научится это измерять и ставить такие задачи, как оптимальный уровень многокультурности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется Дулинову Максиму Викторовичу.

М. В. ДУЛИНОВ¹: — Разрешите мне от имени Министерства образования и науки поприветствовать ваш форум. Андрей Александрович Фурсенко передает всем

¹ Заместитель министра образования и науки Российской Федерации (ноябрь 2010 г. — июнь 2012 г.), кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Регламентация законопроектной деятельности федеральных органов исполнительной власти», «Результаты и эффекты реализации Национальной образовательной инициативы “Наша новая школа”» и др.

присутствующим пожелания успехов в работе и научных изысканиях.

В контексте заявленной темы XII Чтений хочу сказать, что в условиях глобализации важна роль образования и та его миссия, которая касается воспитания гражданской, национальной идентичности. Но при этом идентичность должна основываться не на разности, а на общности культур. Конечно, важно уметь измерять. Точки общности культур дадут возможность не утратить в условиях глобализации культурное наследие, культурную идентичность народов, этносов. Культурное наследие сложно потерять, если воспитывать уважение к нему. Мосты между народами, культурами можно выстраивать на современной основе — не на противопоставлении, а на общности культур. В этом смысле роль образования, науки в современном мире, в котором наблюдается взаимопроникновение разных систем образования, разных взглядов, крайне актуальна, важна. Те вопросы, которые обсуждаются здесь сегодня, на мой взгляд, представляют важность в первую очередь для российской системы образования, которая сегодня выходит на новый уровень своего развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Максиму.

А. С. МАКСИМОВ²: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники Лихачевских чтений! Разрешите мне выполнить почетную миссию и поприветствовать вас от лица губернатора Санкт-Петербурга Георгия Сергеевича Полтавченко. Прекрасно, что в двенадцатый раз вы собрались на берегах Невы. Санкт-Петербург исторически создавался как город науки, образования и культуры. Именно в Санкт-Петербурге император Петр I в 1724 году основал колыбель российской науки, образования, культуры.

Я прослушал выступления участников пленарного заседания и увидел тот высочайший вектор, который задали докладчики. Хотел бы поблагодарить гостей, которые приехали в Санкт-Петербург для того, чтобы участвовать в таком значимом международном форуме. От своего лица хочу поблагодарить Александра Сергеевича, весь Организационный комитет, который уже не первый год проводит этот международный форум.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: от гуманитаризации образования к гуманизации общества. Я думаю, что в этих словах заложен глубочайший смысл, который позволит нам сблизить позиции и выстроить диалог культур, которому посвящено сегодняшнее заседание. Хотелось бы обратить ваше внимание на роль Санкт-Петербурга — культурной столицы Российской Федерации, который в этом году отмечает свое 309-летие. Наш город со дня основания является многонациональным. Здесь переплелись знания, культура европейской, азиатской, российской цивилизаций. Достаточно назвать имена зодчих: Монферран, Фальконе, Растрелли и многие другие. Европейская культура отразилась в архитектурных ансамблях, которыми гордится Санкт-Петербург. А имена выдающихся ученых и культурных деятелей почитаются

² Председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, кандидат технических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Подготовка кадров для научно-производственного комплекса Санкт-Петербурга»

жителями Санкт-Петербурга. Недавно мы отметили юбилей нашего великого ученого Михаила Васильевича Ломоносова, который покоится в Александро-Невской лавре. Много обсуждалась его роль в становлении российской науки. В Санкт-Петербурге ежедневно проводятся крупнейшие научные, образовательные, культурные форумы. Поэтому хотелось бы обратиться к Оргкомитету с таким предложением. Может быть, на следующем форуме будет рассмотрена роль Санкт-Петербурга в становлении и диалоге культур. Я думаю, что эта тема затронет многих и покажет новые направления интеграции и взаимного обогащения. Желаю успехов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сегодня в работе Лихачевских чтений традиционно принимает участие выдающийся французский ученый, крупнейший исследователь культуры русского зарубежья Ренэ Герра.

Р. ГЕРРА¹: — Дамы и господа, сегодня я хотел бы кратко рассказать о русском вкладе в искусство французской иллюстрированной книги в 1920–1970-х годах. Русская послереволюционная эмиграция — уникальное по своим масштабам и культурному значению явление. Феномен культуры русского зарубежья, сложившийся в период между двумя мировыми войнами, не имеет аналогов в истории, и тема эта в последние десятилетия стала предметом особо пристального внимания, изучения ученых — сначала в России, что вполне закономерно, а вслед за ней и в других странах.

Революция «оторвала» от России наиболее крупных художников — почти все оказались по другую сторону рубежа, не порвав связей с русской традицией, но считали долгом своей чести порвать с современной «новой» русской жизнью — жизнью советской.

Столица Франции всегда притягивала русских мастеров культуры, но в начале XX века поездки в Париж русских пассионариев особенно участились. Они стремились в Париж с юности, любили его как Мекку искусств уже заочно и, оказавшись на берегах Сены, видели в нем осуществившуюся мечту. Многие приезжали во французскую столицу и до революции, органично вписываясь в артистическое панно довоенного Парижа. Здесь жили подолгу и коротко: В. Серов, К. Коровин, М. Волошин, Е. Кругликова, С. Ястребцов (он же Серж Фера), Л. Сюрваж, Е. Эттинген, Н. Тархов, А. Шервашидзе, Н. Рерих, Ю. Анненков, А. Экстер, И. Пуни, М. Шагал, В. Баранов-Россине, О. Цадкин, А. Архипенко, М. Васильева, С. Шаршун, Л. Бакст, К. Сомов, А. Бенуа, О. Браз, Б. Григорьев, Д. Стеллецкий, С. Соломко, Р. Тыртов (Эрте), А. Зиновьев, О. Сахарова. Многие из них посещали мастерские Ф. Валлотона и М. Дени,

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук Парижского университета. Собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья. Автор свыше 250 научных и публицистических работ по культуре (литературе и искусству) эмиграции, в т. ч. семи книг, изданных в России: «Жаль русский народ», «Русские художники-эмигранты во Франции (1920–1970)», «Они унесли с собой Россию...», «Младшее поколение писателей русского зарубежья», «Б. К. Зайцев — последний классик русской литературы», «Семь дней в марте. Беседы об эмиграции с А. Ваксбергом», «Когда мы в Россию вернемся...» Почетный член Российской академии художеств, лауреат Царскосельской художественной премии и Литературной премии им. Антона Дельвига. Награжден орденом Дружбы.

Ж.-П. Лоранса и Л. О. Меерсона, учились в разных академиях — А. Магисса, Ф. Кормона и Р. Жюльена, Гранд Шомьер, Ла Палетт и Марии Васильевой, выставлялись в салонах — Независимых, Осеннем и Тюильри, Марсова поля.

Но волей судьбы с 1924 года Париж де-факто стал столицей русского зарубежья и литературно-художественной эмиграции. Здесь обосновалось подавляющее большинство русских художников разных школ и направлений: мирискусники, неоклассицисты, символисты, импрессионисты, экспрессионисты, кубисты, дадаисты, абстракционисты... Художникам обживать здесь было намного проще, чем русским писателям и поэтам-эмигрантам, лишенным родного языка. Изобразительное искусство, как и музыка, наднационально и в переводе не нуждается, предпочитая находиться вне идеологических барьеров. Мастерам изобразительного искусства из России было проще завязывать деловые и творческие связи (правда, не без усилий с их стороны), легче было пройти сложный процесс адаптации к новой жизни. Но, несмотря на объективные трудности, на чужбине они сумели, благодаря своим таланту и мастерству, не только включиться в художественную жизнь Запада, но и дать старт новым направлениям в живописи.

Потеряв родину, они истово завоевывали себе новое место под солнцем, используя на этом пути все достижения европейской культуры. Не теряя своей самобытности, сохраняя во многом уникальный русский образ мышления, язык, высокую духовность, они добились признания в стране, признанной всем миром как образец верности культурным традициям, и стали звездами на артистическом небосклоне Парижа. Но Европа и даже приютившая их Франция не могли, разумеется, заменить художникам-эмигрантам потерянную родину. И все же европейские реалии и западный образ жизни оказались для представителей русской творческой элиты весьма ценными и поучительными для их культурного багажа.

Если диалог культур между русскими писателями и французским литературным миром трудно назвать сложившимся успешно, то в отношении художников, мгновенно уловивших французский дух, все складывалось иначе. Своим талантом им удалось «пробить стену» и стать, в конце концов, неотъемлемой частью западного художественного мира в непростой период жизни Европы между двумя мировыми войнами. С самого начала мосты были удачно переброшены, может быть, отчасти потому, что, как уже говорилось, многие из них бывали в Париже и до 1917 года. И здесь сразу возникает целый ряд вопросов: как складывались взаимоотношения и взаимопонимание художников — русских эмигрантов с их коллегами по цеху, насколько болезненно проходила для них апроприация европейских художественных ценностей, как случилось, что им удалось внести заметный вклад во французскую культуру? На все эти вопросы есть четкий ответ: искусство первой волны эмиграции не только не было изолировано, оно само оказывало мощное воздействие на смежные с ним области, а также было открыто и благодарно встречено влиянию, обогатившему его самобытностью.

Художественный Париж невозможно представить себе без русских художников, которые именно здесь, в Париже, добились блистательных побед и достижений, в частности в области книжного оформления и иллю-

страции. Начнем с того, что в Париже оказались почти все художники знаменитого «Мира искусства» из Петербурга первого поколения — Александр Бенуа, Лев Бакст (Леон Бакст по-французски), Н. Рерих, К. Сомов, К. Коровин, И. Билибин, М. Добужинский, Д. Стеллецкий, С. Судейкин, А. Шервашидзе, Н. Калмаков, С. Чехонин, Н. Гончарова. К ним присоединилась и вторая, более молодая волна их единомышленников — Б. Григорьев, А. Яковлев, В. Шухаев, З. Серебрякова, С. Сорин, Ю. Анненков, Д. Бушен... Благодаря славе довоенных дягилевских Русских сезонов, а также своим профессиональным качествам — мастерству, опыту, тонкости вкуса, изобретательности, пониманию стиля эпохи и уникальным навыкам в сфере театрального искусства, как то создание эскизов оригинальнейших декораций и костюмов, — русские художники быстро заняли достойное место в театральном и музыкальном Париже. Большинство из них были не только театральными художниками, но и замечательными оформителями книги: книжной графикой успешно занимались в Париже около 150 русских художников. Ими были оформлены и проиллюстрированы более тысячи книг — как французских, так и русских. С ними сразу стали сотрудничать самые известные французские издательства, как малотиражные, выпускающие чисто библиофильские издания, так и многотиражные для более широкой публики.

Русские художники во Франции первой половины XX века доказали, что книжная иллюстрация как самостоятельный вид искусства не является чем-то второстепенным, прикладным и может стать вровень с повсеместно признанными другими образцами многообразного изобразительного творчества. В связи с этим здесь уместно вспомнить и процитировать слова Николая Рериха: «Среди искусств, украшающих и тем самым улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, профессор Герра. Я хочу пригласить на эту трибуну доктора Бонненберга, участника Лихачевских чтений из Германии.

Х. БОННЕНБЕРГ¹: — Большое спасибо за предоставленную возможность выступать здесь и рассказать о своих взглядах. Александр Сергеевич создает международную глобальную сеть между людьми старшего возраста и молодым поколением, студентами. Я много путешествую и часто участвую во встречах, как правило, с одной стороны, старшее поколение, эксперты в сфере наук и искусств, с другой — более молодое, себя я рассматриваю как мост. Молодое поколение хочет понять, что будет.

Тезис моего выступления заключается в том, что Европа — это больше, чем Европейский Союз. Время су-

ществования национальных государств уходит, и сейчас важным становится региональный аспект. В мире всего пять значимых региональных центров — Китай и аффилированные страны; Индия и аффилированные страны; Северная и Южная Америки и Европа (страны перечислены по порядку, но не по значению).

Европа занимает территорию от Атлантического до Тихого океана. Европа, которой посвящена наша дискуссия, охватывает Европейский Союз, Молдавию, Россию и Украину, Балканские страны и др. Насколько я понимаю, Россия, Украина, Белоруссия и Молдавия организуются как группа типа восточноевропейского союза.

В Западной Европе развивается производство технологий. Россия — это регион сырья и капитала. Оба региона зависят друг от друга и соревнуются, конкурируют с двумя Америками, Индией и Китаем. Оба региона имеют общую историю, культуру и экономику. Сегодня обсуждаются две модели Европы будущего. Первая модель — Европейский Союз для всей Европы с включением России. Эта модель является нежизнеспособной, потому что Россия никогда не пожертвует своей суверенностью, так же как и ЕС (военная доктрина Европейского Союза близка военной политике США). Вторая модель — это партнерство, связи Европейского Союза с восточноевропейскими странами. Вторая модель начнет работать в том случае, если Европа не будет зависеть от Соединенных Штатов и беспокоиться о том, каким образом может быть достигнуто преобладание Восточной Европы над Западной.

Наступает время отдельных национальных государств со многими странами, многими языками, обычаями, традициями, религиями. Должна быть выстроена структура государственной власти, приемлемая для жителей Восточной и Западной Европы. Сейчас важно, кроме развития экономики, найти идентичность двух крупных частей Европы. Общая идентификация подтверждает то, что обе страны принадлежат друг другу, ее нужно искать в историческом контексте, событиях и людях. Важно, что идентификация в России также связана с именем Петра I.

Я хочу попросить молодежь продолжать искать идентичность, «личность» Европы, которая объединяет Западную и Восточную Европу. В чем заключается наша идентификация? Это бизнес, природный газ, технологии? Нужно найти общую идентификацию. Провещание, Петр I, Карл Маркс. Еще один вариант — советский флаг. Приезжайте в Берлин для обсуждения вопроса идентификации, поиска личности и себя.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Анатолию Андреевичу Громыко.

А. А. ГРОМЫКО²: — Хочу поблагодарить Вас, Александр Сергеевич, и Университет за приглашение

¹ Доктор технических наук. Изучал физику и экономику в университетах Аахена и Берлина. Является экспертом по вопросам безопасной эксплуатации ядерных электростанций. В 33 года основал собственную компанию, которая занимается разработкой объектов для защиты окружающей среды, в т. ч. объектов для сжигания мусора. Хайнрих Бонненберг — немецкий общественный деятель, член Немецкого общества внешней политики, попечительского совета Немецко-Российского форума, эксперт по вопросам безопасной эксплуатации ядерных электростанций. После 1990 г. занимал руководящие позиции в государственных предприятиях ФРГ и отвечал за проведение приватизации предприятий бывшей ГДР; был руководителем компании «Энергиверке Норд», которая «встречает» газопровод «Северный поток» из России на территории Германии.

² Главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор. Автор более 30 книг: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Королевской академии наук Марокко, Малагасийской академии наук, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

участвовать в Лихачевских чтениях. Проблему, которую мы обсуждаем, — международные отношения и влияние на них множества культур — я освещу на секции, а сейчас мне хочется сказать о следующем. Проблемы глобализации на современном этапе развития международных отношений многогранны. Здесь все выступающие затрагивали ту или иную грань проблем, связанных с глобализацией международных отношений. Мы, например, должны уважать историческую память и интеллектуальные достижения прошлых поколений. Мы не должны в то же время оценивать нынешние международные отношения только с позиций неизбежных реформ, новых политических институтов. Не все старое плохо. На мой взгляд, дело обстоит иначе. Реформируя что-либо, не надо добиваться коренного изменения принципов, на которых основывается международная среда. Нужно разумно сочетать опыт прошлых поколений и нынешнего сложного состояния глобальной среды.

Я сейчас исследую проблему глобализации. Вижу ее как процесс, многогранные явления. Конечно, многое в нашей жизни меняется. В каком направлении — никто толком не знает.

В XX веке произошло много катаклизмов: две мировые войны, революции, это был век контрастов, борьбы идеологий, но именно в середине XX века был побежден фашизм. Когда советские, американские и английские войска соединились в Германии, еще шли бои, в это время была создана Организация Объединенных Наций. Принципы Устава Организации Объединенных Наций ни в коем случае не должны быть стерты из памяти политиков, которые сейчас управляют миром, организуют нашу жизнь в области международных отношений. В Уставе ООН говорится о том, что войны должны уйти из нашей жизни, иначе или войны выйдут из моды, или люди. Сегодня мало внимания уделяется острым глобальным, особенно природным проблемам. Если все будет развиваться так, как сейчас, то человечеству не удастся выжить.

Нужен не новый мировой порядок, а новый глобальный правопорядок. Международная жизнь должна регулироваться нормами права, морали, этики, а не странными заявлениями политиков (тот, кто не с нами, тот против нас, как делалось в администрации Буш-младшего). Для понимания этого блока проблем важную роль играет культура. Следует развивать культуру мира, а не войны, у политиков на международной арене должно быть немилитаризованное мышление.

Такие встречи, как Лихачевские чтения, заставили меня написать брошюру «Вызовы XXI века и Организация Объединенных Наций», где я размышляю о будущем человечества. До этого вышли в свет мои книги: «Полет его стрелы» о своем отце Андрее Андреевиче, вторая книга — «Метаморфозы нашего времени». Лихачевские чтения помогают осознать себя землянами с общей судьбой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется Жану Терентьевичу Тошенко.

Ж. Т. ТОШЕНКО¹: — Уважаемые коллеги, в своем выступлении я хотел бы остановиться на тех про-

¹ Декан социологического факультета и заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философ-

blems, которые волнуют, я думаю, большинство россиян и население бывших союзных республик. Речь идет о судьбе постсоветского пространства. Я не совсем согласен с уважаемым Аскараром Акаевым в этом вопросе. Ситуация здесь достаточно острая. Реальность такова, что существуют 15 независимых государств и остро стоит вопрос: «Как жить вместе, живя врозь?»

Пытаясь решить эту проблему, мы встречаемся с противоречивыми, иногда взаимоисключающими тенденциями. Первая тенденция связана с официальной позицией политических деятелей, возглавляющих эти государства. Мы имеем различные варианты этого вида понимания. Так, союз России с Белоруссией, несмотря на большие препятствия и сомнения, претерпел существенные сдвиги, выражающиеся, в частности, в том, что белорусы и россияне могут поступить в этих двух странах на любую работу на одинаковых основаниях. Вторая тенденция связана с союзом России, Беларуси и Казахстана, к которому примыкают Киргизия, Армения, Азербайджан. Есть другой вариант взаимодействия, который с отдельными оговорками признает необходимость в более тесном союзе по решению назревших общественных, особенно экономических, проблем. Его поддерживают Украина и Узбекистан, которые придерживаются достаточно противоречивых позиций. И наконец, страны Балтии и не примкнувшая по своим соображениям Грузия, которые не признают, что нужно создать принципиально новое общее образование на постсоветском пространстве.

В этой ситуации необходимо ценить реальные объединительные усилия по созданию такой формы взаимодействия, которая бы устроила все или большинство государств. Это тем более важно, потому что мы вынуждены признать, что СНГ и его институты не работают или работают неэффективно. Другое предложение — образовывать, например, славянский союз или славянскую республику — также нежизнеспособно. Еще один вариант — возврат к СССР или его подобию — это уже пройденный этап, ибо нельзя историю повернуть вспять. Поэтому, на наш взгляд, нужно более взвешенно оценить те позитивные изменения, которые базируются на реальных интересах, — создание Таможенного союза, а также грядущее образование Единого экономического пространства, которые, я надеюсь, реализуют свой потенциал.

ских наук, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Этнократия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» и др.; а также учебников «Социология», «Социология труда», «Социология управления», «Политическая социология». Редактор и член авторского коллектива тематического словаря-справочника «Тезаурус социологии», библиографического словаря «Социологи России и стран СНГ». Под его редакцией вышли 13 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире», «“Старая” и “новая” интеллигенция: общее и особенное» и др.

Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Член редколлегии журнала РАН «Social Sciences». Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского, медали П. А. Сорокина.

Но оценивая эти усилия, осуществляемые на высоком политическом уровне, необходимо их сопоставить с тем, как относятся к этим новациям люди, живущие в этих государствах, что народ думает об этом союзе? Как социолог, я могу сказать, что исследования социологов в бывших республиках СССР до сих пор показывают, что до 70 % сожалеют о распаде Советского Союза. Но это вовсе не означает, что люди хотят вернуться в СССР. Они предпочитают определенный синтез новых государств, экономическое и культурное сотрудничество. Я убежден в том, что если не будут поддержаны эти устремления и тенденции в общественном сознании на уровне народной дипломатии, мы не получим тот союз, который планируют наши политические деятели. Только в том случае, если общественное сознание в этих странах будет предрасположено друг к другу, вероятно, мы сможем ответить на вопрос о том, почему мы так относимся к мигрантам, обмену, взаимному обучению, что, на мой взгляд, подрывает рациональные объединяющие идеи. Чтобы решить как крупные, так и текущие общественные проблемы, должен укрепляться фундамент духовного общения народов. Диалог культур, о котором мы сейчас говорим, — это та первичная основа, на которой можно формировать и политические, и экономические, и социальные объединяющие идеи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется выдающемуся отечественному экономисту Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР¹: — Александр Сергеевич, хочу выразить свое восхищение атмосферой в этом зале и в Вашем Университете в целом. Она насыщена интеллектом, культурой, прозрением будущего. Я искренне хотел бы ответить на Ваш призыв обсуждать не столько свои соображения по тематике конференции, сколько идеи других докладчиков. К сожалению, возможность сделать это по отношению к основному понятию моего опубликованного доклада, а может быть, и основному в сегодняшней интеллектуальной «повестке дня» — понятию справедливости, весьма ограничена. Понятие, которое меня больше всего интересует, в выступлениях участников было употреблено только один раз, в названии одного из титулов принца Кентского — «рыцарь Ордена справедливости». Между тем, как мне представляется, в сегодняшней социально-экономической реаль-

ности России именно справедливость является основным дефицитным ресурсом, в котором нуждается и каждый человек в отдельности, и каждая организация, и все общество в целом.

Моя статья в сборнике трудов Чтений называется «Экономика. Культура. Справедливость». На мой взгляд, это три тесно связанных между собой понятия, в совокупности составляющих «три кита» — основу, на которой должно строиться нормальное современное общество. У нас более или менее развивается экономика, идет развитие культуры, однако вопрос о справедливости пока остается сложным.

Современный мир характеризуется не только усложнением, но и распадом многих связей между социально-экономическими субъектами, в том числе и связей между странами. Обычно в качестве рецепта укрепления взаимоотношений и связей предлагается прежде всего расширение торгово-экономических отношений. Однако если мы посмотрим на реальность, то увидим, что в современном мире для экономических отношений скорее характерны термины, применяемые к военным сражениям, например «газовый шантаж» или «нефтяные войны»... Оказывается, что даже тесные торговые отношения не являются стимулом к установлению более тесных, дружеских, благоприятных и справедливых отношений.

Если мы посмотрим на культурный обмен, который, как признается всеми, тоже должен быть средством укрепления связей между странами, то увидим, что и здесь сложилась непростая ситуация. Если говорить, например, об обмене институтами как частью культурного пространства, то, как неоднократно указывал мой коллега по ЦЭМИ РАН академик В. М. Полтерович, заимствование и перенос институтов, регламентов, технологий из одной страны в другую приводит не столько к их дружбе, сколько к зависимости и, в общем, накоплению негативных отношений.

Мне кажется, что в этой ситуации мы должны задуматься о возможностях процесса, который можно было бы назвать экспортом/импортом справедливости. Я говорю не о протестных акциях как реакции на несправедливость, а о трансляции справедливости. Очевидно, что по уровню справедливости страны мира существенно различаются. Задача состоит в том, чтобы из более справедливых стран мы могли экспортировать в менее справедливые страны конкретные случаи («кейсы») справедливого решения возникающих коллизий и основанные на обобщении этих случаев локальные подходы, традиции и привычки, укрепляющие справедливость.

Что такое справедливость? Классики определяли ее как понятие о должном. Но что значит «должное»? Мое понимание таково: справедливость — это связность (взаимосогласованность) решений, действий, результатов. Например, если вы отработали больше, чем ваш сосед, то должны, исходя из принципа справедливости, получить большую зарплату. В отсутствии справедливости между работой и зарплатой связь может отсутствовать. Связность также предполагает, что само пространство решений тоже связано, то есть решение не принимается неожиданно, а вытекает из предшествующих решений и намерений, корректируемых в силу изменения ситуации. Сейчас, к сожалению, пространство макро решений напоминает долину гейзеров:

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Научный руководитель Института инновационного управления экономикой Государственного университета управления и факультета экономики и управления университета «Дубна».

Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

то в одном, то в другом месте вдруг возникает и так же неожиданно пропадает столб воды. Пространство принятых решений наполняется совершенно неожиданными фактами или, что точнее, артефактами, возникающими спонтанно по воле тех или иных властных единиц. Справедливость — это в первую очередь зависимость всего от всех, учет этой зависимости в пространстве и времени.

На мой взгляд, сейчас в России лишь некоторые виды справедливости находятся в фокусе общественно-го обсуждения. Так, довольно часто обсуждается справедливость в той сфере, где речь идет об отношениях группы людей, социальная справедливость — когда речь идет об отношениях справедливости в обществе. По сути, субъектами справедливости здесь являются социальные слои или крупные социальные группы. Иногда речь ведется о справедливости (несправедливости) в отношениях между конкретными людьми, в частности, связанными с судебными решениями. Представляется целесообразным ввести понятие системной справедливости, которая выступает как промежуточная между всеобщей и локальной справедливостью. Такая системная справедливость должна формулироваться по отношению к данной социально-экономической системе, что позволяет применить к изучению этого вопроса методы системного анализа. С этих позиций мы можем выделить справедливость для относительно недолго живущих систем и для неограниченно долгоживущих. Например, наша конференция проходит всего два дня, поэтому у нас свои представления о справедливости, скажем, распределения времени выступлений участников: мы должны уложиться в этот временной промежуток. Существуют и системы другого типа, функционирующие в течение длительного времени, например крупные предприятия или государства, в которых справедливость охватывает неограниченную длительность времени, а порой и неограниченное пространство. Для таких систем понятие справедливости носит совершенно иной характер.

И в заключение: я хочу присоединиться к академику В. Л. Макарову, который говорил о том, что все изучаемые социальные явления должны стать объектами измерения. Я хотел бы призвать всех собравшихся здесь ученых, чья специализация в совокупности охватывает едва ли не весь спектр общественных наук, к проведению исследований, направленных на решение проблемы измерения справедливости, ее уровня. В более широком плане необходимо приложить усилия к тому, чтобы понятие справедливости стало столь же измеримым и операциональным, как и два других понятия, вынесенные в заголовок моей статьи «Экономика. Культура. Справедливость».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется профессору Владимиру Васильевичу Миронову.

В. В. МИРОНОВ¹: — На Чтениях много говорили о том, насколько важен для нас диалог, который прово-

дится здесь. Но я хотел бы вернуться к изначальной тематике конференции — это проблема глобализации и диалога как такового. На самом деле мы часто забываем, что объективность определенного понятия или процесса, например глобализации, вовсе не означает, что этот процесс позитивен. Однако часто именно такого рода представления навязываются обществу, нам говорят о том, что если этот процесс идет и он обусловлен, то, следовательно, он положительный. Сегодня глобализация связана не только с процессами интеграции, которые несут много проблем, но и с дезинтеграционными процессами, в частности с теми, что разрушают культуру. Об этом сегодня говорил Вячеслав Семенович Степин.

Мы дискутировали об этом на прошлых Лихачевских чтениях, поэтому я хотел бы вернуться к этому разговору и посмотреть, как взаимодействуют культуры на протяжении небольшого времени. На самом деле, когда мы рассматриваем классическую культуру, то видим удаленные друг от друга варианты. И вообще, тезис об общечеловеческой культуре достаточно метафоричен, потому что любая культура была локализована пространственно, семиотически (и Лотман это блестяще показал). Д. С. Лихачев то же самое говорил о диалоге культур. Когда в культуре начинали вести диалог, возникала ситуация двух пересекающихся множеств, причем пересекались они в разных отношениях. Это могут быть пересечения, которые почти полностью совпадают (что невероятно) и которые пересекаются частично или немного. Такое пересечение является условием диалога культур. Но важным в культуре всегда является то, что не пересекается. И поэтому диалог культур реализуется таким образом, чтобы найти точки соприкосновения в пересекаемой области. Помните у Пушкина:

Он из Германии туманной
Привез учености плоды...

И далее поэт продолжает, что его душа стала «...прямо геттингенской».

То есть, человек, погрузившись в другую культуру, в какой-то степени стал немцем, говорит нам Пушкин. Таким образом, в рамках диалога выстраивалось особое семиотическое пространство. Лотман употреблял для его обозначения, по аналогии с биосферой, термин «семиосфера». Поэтому прав был академик Лихачев, утверждая, что условием культурности человека является его погружение в диалог. Мы не можем говорить в превосходной степени, например, о нашей культуре, пока не знаем хотя бы одну другую культуру, ибо тогда, нам не с чем сравнивать. Мы сколько угодно можем говорить о великом и могучем русском языке, но если мы не знаем других языков, наше утверждение сомнительно.

В начале XX века начался процесс развития медийного и коммуникационного пространства, что резко изменило ситуацию. Он «погрузил» все культуры в «медийный мешок», заставив их работать по своим законам. Если раньше внутри семиосферы формировались законы контакта культур с учетом национальных,

и теория познания», «Философия» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия», член редакций журналов: «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

¹ Декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике», «Онтология

культурных, религиозных особенностей, то медийное пространство заставляет культуры коммуницировать по законам, которые навязывает сама коммуникация. В результате коммуникация из средства превращается в цель. Поэтому сегодня мы видим, что ребенок, например, родившийся в нашей культуре, может не знать, кто такая Баба Яга, но прекрасно знает, кто такой Микки-Маус, потому что культура в этом «медийном мешке» пронизана сетевыми связями общих культур. Причем эти сетевые связи навязывает культура, господствующая в технологическом отношении. Поэтому «американизация» — это негативное отношение не к США как к стране, а к самой системе, когда навязываются взаимоотношения и стереотипы, начиная с поведения и заканчивая одеждой, когда мы изнутри подрываем основы своей культуры. Многие исследователи называют это медиавирусом, а я в своих работах — трансформацией культуры, когда культура модифицируется изнутри вследствие влияния донора, заносащего в нашу культуру новые гены информации (об этом говорил Вячеслав Семенович). Причем это происходит достаточно быстро.

Как декан, могу сказать, когда мы смотрим на студентов, то видим как все более стремительно различаются поколения. Если раньше одно поколение составляло 15–20 лет, то сегодня студенты V курса уже не понимают студентов I курса. И во многом это происходит за счет технических средств, возникновения новых сетевых возможностей. Кстати, это затрагивает еще и проблему права и понимания демократии. Возникает пласт, имитирующий демократию. Многие исследователи говорят о том, что, например, сетевые структуры Интернета сегодня позволяют выстроить внешне демократическое общество, которым легко манипулировать и которое фактически является глубоко тоталитарной системой.

Можно долго говорить о культуре, диалоге культур, но то, что делает Александр Сергеевич Запесоцкий все эти годы, позволяет осуществлять диалог между нами, а это очень важно, потому что кроме диалога между культурами существует внутренний диалог индивидов. И когда собираются личности, которые высказывают свое мнение, понимают то, о чем говорят, и получают вдохновение от того, что слышат, — это прекрасно. Огромное спасибо Вам, Александр Сергеевич!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК¹: — Уважаемые коллеги, дамы и господа! Начав размышлять над проблемами, которые стоят в центре нашей дискуссии, я вспомнил один практически неизвестный рассказ Владимира Галактионовича

¹ Президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 300 публикаций по проблемам уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутренние убеждения при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по совершенствованию правосудия при Президенте Российской Федерации. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

ча Короленко, который у нас никогда не публиковался, а с ним ознакомился в зарубежной прессе лет 20 назад. Называется этот рассказ «Мнение мистера Джексона по еврейскому вопросу». Короленко пишет, что он с группой российских интеллигентов плывет на лайнере в Америку. Они знакомятся с мистером Джексонем, типичным американцем, подшучивают над ним, а потом случайно узнают, что он антисемит. И задают ему вопрос: «Мистер Джексон, что бы Вы сделали с евреями, если бы стали президентом?» Он отвечает: «Ничего». «Как ничего?! Вы же их не любите». «Ну и что? Вы же едите зеленый горошек, а я его терпеть не могу». Короленко завершает свой рассказ: «...мы вдруг увидели, что за спиной мистера Джексона вырастают крылья». Частично это ответ на важный вопрос, который поставил Абдусалам Абдулкеримович.

Вообще, не надо ждать ни стерильности, нирая на Земле, мы должны быть озабочены тем, чтобы жизнь наша не превратилась в ад. Надо искать противоядие для того, чтобы целые народы не скатились в дикость, варварство, чтобы не воцарилась тирания, которой позавидовали бы римские цезари.

XX век вызывает отчаяние. Вера, православие в России не воспрепятствовали вакханалии и большевистской диктатуре. А в Германии высочайшая культура, философия, литература, музыка, служившие примером для всего мира, не предотвратили нацизм. В этом рассказе кроется частичный ответ. Мистер Джексон этнокультурно себя, конечно, с евреями не отождествляет, но политически они для него, во всяком случае те, которые живут в США, той же нации, что и он, — американцы. Вот что удалось сделать Америке, которую называли «плавильным котлом». Эти идеи, заложенные отцами-основателями в Конституции Штатов и «Билле о правах», были, конечно, подготовлены, потому что в Америку эмигрировали, как сейчас сказали бы, креативные люди из Европы, свободолюбивые, инициативные, предприимчивые, мобильные. Все они стали единой нацией. В частной жизни человек может верить или не верить в Христа, священную корову, Будду, Аллаха, коммунизм, в свободное от работы время молиться, петь «Интернационал» и пр. Но поступать в жизни человек должен по праву. Право — это единственный инструмент, который позволяет выстроить консенсус, когда люди одной страны образуют политически единую нацию, живущую по общим для всех законам. Здесь у нас не все благополучно. Стоит та же проблема, о какой писал Белинский в письме к Гоголю: нужно исполнять хотя бы те законы, которые есть. В общем, уважения к праву как к самостоятельной ценности никогда не существовало на территории России. Александр II предпринял попытку упорядочить эту сферу — известно, чем все закончилось.

Сейчас первейшая задача — сформировать политическую нацию. Хотелось бы назвать ее русской, но не получается, так как это слово стойко этнически окрашено. Нельзя сказать, что все мы русские. Так же и в отношении «национализма», он никак не воспринимается как «здоровый» — негативное значение к нему приклеилось намертво. Россияне должны сформировать единую политическую нацию. Мы все россияне вне зависимости от того, каких конфессий придерживаемся, какие политические взгляды исповедуем, какому этносу принадлежим.

Но в жизни надо жить по законам — единым для всех. Это продемонстрировал мистер Джексон нашим интеллигентам. Они-то считали, что руководствоваться нужно любовью/нелюбовью, симпатией, представлениями о правде и справедливости. Это более высокий нравственный уровень по отношению к необходимости соблюдать закон, даже если он тебе не нравится.

Д. А. Медведев говорил о том, что у нас в стране правовой нигилизм. С ним можно согласиться. Да, уважения к праву и закону в стране нет, я бы сказал так: его нет в том числе и потому, что закон неуважаем на верхних этажах власти, что рядовые граждане наблюдают постоянно. В одном из выступлений говорилось о принципах справедливости. В частности, говорилось о нескольких типах справедливости, которые надо внедрить. Вообще это понятие надо употреблять очень осторожно. Я вот вспомнил Аристотеля. Тот выделял два вида справедливости — распределяющую и уравнивающую. Распределяющая справедливость никогда не будет удовлетворять людей, — каждый склонен считать, что кому-то передали незаслуженно больше, чем ему. А уравнивающая справедливость — это равенство всех перед законом и судом, и этого равенства в нашей стране нет. Поэтому когда власть предрасполагая призывает к соблюдению закона, я произношу в адрес чиновных верхов: «Врачу, исцелися сам!»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется выдающемуся российскому писателю Альберту Анатольевичу Лиханову.

А. А. ЛИХАНОВ¹: — Мне кажется, что слово «глобализм» часто поминается всуе. Мы не понимаем, чем себя заклинаем. Всеобщим глобальным равенством или, может быть, глобальным неравенством? Сегодня я хотел бы поговорить об оборотных сторонах глобализма, о том, что нам обещает глобализм или не обещает.

В настоящее время Российский детский фонд вынужденно занялся следующей проблемой. Согласно статистике, в 2011 году в Европе заболело туберкулезом 80 тыс. граждан (пожилых, молодых, детей). А в нашей стране каждый год туберкулезом заболевает только детей 270 тыс. Заметим, что к крушению советской власти у нас с детским туберкулезом практически было покончено.

Что такое туберкулез? Исторически — это болезнь бедных. Детский туберкулез — болезнь бедных детей, бедных родителей. Причем сейчас он имеет новые разновидности, которые не поддаются лечению антибиотиками. В результате — высочайшая детская смертность среди детей до двух лет, у подростков по этой же причине

¹ Писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, академик Российской академии образования. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт» (трилогия «Семейные обстоятельства»), «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла», «Русские мальчики», «Мужская школа», «Слётки», «Преддетство», «Сострадательное наклонение» и др.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, а также орденами и медалями Болгарии, Грузии, Украины, Белоруссии и Армении. Лауреат премии Ленинского комсомола, премии Президента РФ в области образования, премии Правительства РФ в области культуры. Почетный доктор СПбГУП.

необратимое развитие болезни, спасение практически невозможно. Этой проблемой озабочен весь мир. У нас в стране благодаря усилиям врачей с медикаментами, организацией лечения все более или менее в порядке. За исключением того, что во многих, прежде всего отдаленных, территориях не хватает врачей-специалистов. Государство расходует средства на борьбу с болезнью, но оно не помогает бороться с детской бедностью.

Таких детей после острого периода болезни выхаживают по полгода в специализированных санаториях. Бедным детям бедные родители в лучшем случае дадут с собой сумку с вещами. Но после двух машинных стирок у этих детей, извините, нижнего белья не остается. И при этом мы любим говорить о красивом. В романе Тургенева «Отцы и дети» есть фраза: «Друг Аркадий, не говори красиво». Мы много говорим красиво, но мало делаем красиво.

Я обратился к властям в связи с этой проблемой, мы опубликовали независимый доклад Российского детского фонда «Детский туберкулез», разослали всем. Никакой реакции.

Но наше так называемое гражданское общество, о котором столько слов истрачено, могло бы спокойно и самостоятельно, независимо от государства решить эту проблему, если бы, скажем, взрослая небедствующая часть населения выделила по 2 тыс. руб. с человека на этот проект. На эти деньги можно было бы одеть, обуть бедных детей, купить им новые книги, спортивный инвентарь, которого у них нет. Это один частный случай — детский туберкулез.

Кроме того, в нашей стране 750 тыс. детей-сирот. Ежегодно взрослые бросают 100–120 тыс. детей, некоторых отнимают по суду. Отнимать по суду сегодня модно, это действия так называемой ювенальной юстиции.

Кроме того, у нас есть целый ряд других проблем, например 700 тыс. детей-инвалидов. В общем, мы теряем детство. В 1991 году в России было 40 млн детей, сейчас — 26. Мы потеряли 14 млн детей. Сегодня часто употребляется словосочетание «демографическая яма». Одна из причин этой «ямы» — женщины не хотят рожать, не хотят плодить бедность.

Глобализм — это миф. Мы должны заняться проблемами в собственной державе. И остальному миру абсолютно все равно, что будет с нашими детьми, а значит, с нашим будущим.

Так что — больше социальной трезвости!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Альберт Анатольевич. Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ²: — Хочу отреагировать на то, что услышал. Наверное, это наиболее эффективно,

² Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор издательского дома «Россия», главный редактор журнала «Политический класс».

Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: Взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?: сборник статей», «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание», лауреат премии Русского биографического института.

поскольку отчасти напоминает дискуссию, полемику, а не серию выступлений. Здесь было произнесено много слов, по поводу которых сейчас спорят. В том числе и слово «справедливость», которое, между прочим, вымывается из нашего словаря, потому что его сейчас заменило слово «понятие». У нас в политических дискуссиях не спорят о том, как у нас ведется судопроизводство: по закону, по понятиям или по справедливости? Власть утверждает, что по закону. Оппозиция и недовольные — что по понятиям. И только о справедливости никто не говорит. Справедливость у нас не доведена до понятия. А что такое «понятие»? Это одно из немногих русских слов в нашем политическом лексиконе, и поэтому его можно расшифровать. «Воровские понятия», «по понятиям» — это первое, что приходит в голову просвещенным людям. Не понятия афинской академии наук, не понятия эпохи Возрождения или что-то иное. Судить «по понятиям» или принимать решение «по понятиям» — значит по закону замкнутых группировок. Воровские понятия четко отработаны, это почти профессиональные нормы судопроизводства. Поэтому ими и легко пользоваться.

Скажите, пожалуйста, почему из всего вида существующих понятий взяли только воровское значение? Потому что они самые эффективные, быстрые и именно их пропагандировал в момент первоначального накопления капитала креативный класс (тот класс, который тогда действовал активнее всех). В конце 1980-х — начале 1990-х годов у нас стали популярными художники? Стали создаваться шедевры литературы или гениальные фильмы? Ничего этого, к сожалению, не было. И может, уже никогда не будет. А капиталы создавались стремительно. Потом, естественно, капиталы нужно было защищать с помощью политики и судопроизводства. Вообще главный способ защиты собственности, когда законных способов удерживать ее нет, — это захват политической власти и пропаганда того, что ты являешься собственником. Необязательно судить всех, кто претендует на твою собственность. Достаточно того, чтобы они сами верили, что это твое или, во всяком случае, что они никогда у тебя это не смогут отнять.

Таким образом, понятийное право было введено в широкий обиход креативным на тот момент классом через средства массовой информации, которые они тогда тоже контролировали. Теперь, после того как народу долго рассказывали «по понятиям», от него требуют подчинения праву. Так не бывает. Как минимум нужно предпринять несколько интеллектуальных действий, чтобы от понятий перейти к легальному праву.

Второе размышление по поводу того, что я здесь услышал. Наши просвещенные политики (точнее те, кто считают себя просвещенными) и юристы, которые с ними работают (в данном случае отчасти это, наверное, и Генри Маркович в том смысле, что он сейчас говорил об универсальности права, справедливости, которая обеспечивает право), не выступают против решения дел «по понятиям», не протестуют против того, что сам институт права разбивается на корпоративные замкнутые блоки. Я реагирую на то, что писатель Лиханов сказал о ювенальной юстиции. Теперь у нас будет отдельная юстиция для детей, отдельная для стариков, отдельная для нормально ориентированных, отдельная для сексуальных меньшинств. Так

это и означает перевод универсального права в право «по понятиям».

Последний мой тезис заключается в том, что нужно придерживаться единой идеологии, концепции. Нельзя в одном месте выступать за единое право, а в другом — выделять юстицию геронтологическую, ювенальную, средневозрастную. Совершенно ясно, что тенденция пока такова — и дальше суды буду множиться. А нужно выбрать одно — либо у нас единые нормы, либо мы все разделяем. В такой ситуации всегда будет «по понятиям».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Сколько бы ни пересекались Третьяков и Резник, они постоянно спорят. Слово предоставляется Юрию Петровичу Зинченко.

Ю. П. ЗИНЧЕНКО¹: — Уважаемый председатель! Уважаемые участники XII Лихачевских чтений! Рад представленной возможности вплести психологическую нить в венок полидиалога ведущих философов, культурологов, дипломатов, юристов и других участников, который под заботливым оком А. С. Запесоцкого мы сплетаем для увековечивания памяти Д. С. Лихачева. Его тихий и проникновенный голос дает нам нравственные ориентиры в бурном XXI веке глобализации для конструктивного взаимодействия с инокультурными представителями в различных областях человеческой деятельности. Его работа «Петровские реформы и развитие русской культуры» (*Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет.* СПб., 2006. Т. 2. С. 179–185), где он рассматривает внутреннюю, я бы сказал, психологическую сущность этих реформ и указывает «на развитие личностного начала во всех видах творчества и в самых разнообразных формах», на смену «знаковой системы» во всех сферах общества, на «синтез наук, ремесел и искусств», на склонность «к восприятию научного отношения к миру», снимает страх перед будущим и стремительными изменениями в настоящем.

Уже сейчас, в начале века, мы встречаем утверждение, что главной наукой в XXI веке будет психология, как в XX веке была физика. И дело даже не в том, что ученые уже работают над созданием психологического оружия пятого поколения, а информационные и коммуникативные перегрузки привели к взрыву потребности в психологических знаниях и практиках на частном и государственном уровнях, а в том, что без психологического анализа трудно принять верные решения

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода», «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Клиническая психология как новая университетская специальность» (в соавт.), «Патопсихологические аспекты посттравматического стрессового расстройства» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”» и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Лауреат Премии Правительства РФ в области образования.

в случае техногенных катастроф, террористических угроз и межнациональных противостояний. Поэтому я продолжу мысль моего коллеги В. В. Миронова, который говорил о глобализационных угрозах, и скажу несколько слов о глобализационных вызовах и преимуществах, которые мы можем использовать в развитии российского общества.

Вам всем хорошо известно, что психология в нашей стране была репрессированной наукой, наряду с кибернетикой и генетикой, и долгое время развивалась в некоторой изоляции от мировой науки в лоне философии, медицины и биологии.

Сейчас, благодаря глобализационным процессам, мы вышли на конструктивный диалог с западными и восточными зарубежными коллегами и столкнулись с очень любопытным феноменом. С одной стороны, с богатым методическим инструментарием, разработанным в рамках психодинамического направления, бихевиоризма, когнитивизма, гуманистической психологии, в виде тестов, остроумных экспериментальных моделей, технологий построения навыков и сценариев супервизии, а с другой — с «методологической бедностью» и утратой предмета психологии как науки. Оказалось, что психика — это не только поведение, сознание и бессознательное, но и еще «что-то», что есть в наших российских психологических и философских школах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, В. С. Степина и А. В. Смирнова. Психика как деятельность по порождению смыслов и значений в диалоге со значимым другим в «зоне ближайшего развития». Их увлекает эвристика построения экспериментальных процедур и моделирование психических явлений в рамках концепции постнеклассической науки В. С. Степина. Как западные, так и восточные коллеги активно переводят работы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

Проблемой является то, что в российской психологической практике идет быстрое стихийное усвоение и использование западных психологических тестов и восточных психотехник, сформированных в рамках иных методологий и духовных теологических концепций. В этой связи мы видим большие перспективы в применении логико-смыслового методологического подхода А. В. Смирнова в проведении сравнительного анализа способов и принципов порождения психологического содержания в зарубежных и отечественных психологических школах для креативной конвергенции и адаптации знаний о психике.

Следующим важным глобализационным вызовом и преимуществом является переход к новому этапу развития человеческой цивилизации, к «обществу знаний», предполагающий усиление роли науки во всех областях жизнедеятельности. При этом не только науки о мироздании, но и наук о человеке: нейро-, био- и когнитивные науки позволяют не только влиять с помощью информационно-коммуникативных технологий на психику, поведение и процесс принятия решений как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообществ, но и приобщать большое количество людей к знаниям, которые раньше были элитарными. С помощью Интернета любой желающий может познакомиться не только с тем, как изготовить порох, но и как развить в себе те или иные способности, как выстроить эффективную коммуникацию, как подчинить себе людей, пользуясь психотехниками.

Психология становится стратегическим ресурсом общества, и требуется преобразование системы психологического образования. У нас в стране четыреста факультетов психологии, но при этом факультет психологии МГУ является базовым центром для создания новых стандартов образования. Мы в тесном контакте с европейским психологическим сообществом попытались в течение последних трех лет составить единый стандарт образовательной системы по психологии. Идеи В. А. Лекторского, его глубокое понимание сохранения культурного разнообразия в мировом единстве были для нас важным подспорьем. Действительно, образование является важнейшим инструментом социализации человека и становления его самоидентификации, которая «не существует без групповой и культурной идентификации, без формирования представлений о человеке, о его возможностях и ограничениях, свободе и достоинстве». И нам было важно сохранить собственные российские традиции и образовательные технологии в новом образовательном стандарте, но при этом учесть и творчески освоить достижения европейской системы образования, но без вытеснения или подмены собственных наработок. Сейчас наш диалог может быть признан в странах Евразии.

А. С. Запесоцкий совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости «в процессе профессиональной подготовки студентов сформировать морально-этические принципы и позицию социальной ответственности у будущих профессионалов».

Важным этапом в развитии этого процесса явилось принятие на V Съезде психологов России, в котором принимало участие более 2 тыс. психологов из всех регионов страны, этического кодекса психолога. Нам очень помогли консультации с академиком А. А. Гусейновым в оформлении основных положений этого документа.

Интенсификация экономической, политической и социальной жизни в стране привела к информационным стрессовым перегрузкам всех социальных слоев общества, что повысило потребность людей в психологической помощи. Опыт обобщения в рамках Российского психологического общества показывает, что созрела необходимость в разработке правового статуса психолога и психологической помощи, а также правовой регуляции деятельности психологических сообществ в процессе становления в России гражданского общества. (Мы надеемся на помощь и поддержку ведущих специалистов в этой области — Т. Я. Хабриевой и др.) Модель правового государства Т. Я. Хабриевой может явиться основой для разработки правового статуса психолога в ряду других специалистов.

И наконец, один из самых злободневных вызовов в диалоге культур в эпоху глобализации — это взаимодействие разнокультурных дискурсов в информационно-коммуникативном пространстве, в котором новейшие технические достижения подаются как главные новости мировых СМИ. Мы разделяем озабоченность А. С. Запесоцкого, который указывает, что «по сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на сознание людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет» и СМИ превращаются в ключевой системообразующий фактор всего духовно-нравственного пространства страны, влияющий на фор-

мирование картины мира, систему ценностей, интересов и установок, культуры речи и бытового поведения. В настоящее время наблюдается англо-саксонская доминанта в международном информационном пространстве.

В одной из записных книжек Д. С. Лихачев вспоминает о старике из романа Вальтера Скотта, который очищал от мха и лишайников старые могильные плиты с надписями на них, потому что забвение страшнее смерти.

Предлагаю прагматично относиться к вызову информационной глобализации и создать союз просветителей, который будет активно использовать наш российский многонациональный контент для стирания «мхов и лишайников» поп-культуры с сознания нашей молодежи с помощью современных информационно-коммуникативных технологий в тесном контакте с руководителями общественного телевидения.

(Наша классическая литература, которая, по метафорическому определению И. Т. Касавина, «является конструированием архетипов мечты, чуда и легенд», может послужить основой альтернативного поп-культуре информационного дискурса.)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо, Юрий Петрович! На трибуну Лихачевских чтений приглашается господин Хуан Антонио Марк.

Х. А. МАРК¹: — По моему мнению, важное достижение глобализации заключается в том, что она несет разнообразие. В истории происходили разные события: уничтожались империи, происходили войны и т. д. Наполеон, например, хотел создать «новую Европу», унифицировать культуры. В настоящее время это приняло массовый характер. Нацисты хотели создать «новую Европу», новый порядок.

Сегодня мы должны преобразовывать богатое культурное разнообразие. В природе должно быть разнообразие, плохо, если существует только один вид бабочек, деревьев или животных. При разнообразии возникает проблема с коммуникацией. Может быть, в этом столетии мы изобретем механизм, который поможет нам преодолеть языковой барьер. Глобальность должна быть ориентирована на многообразие. Европа и США двигаются в этом направлении, показывают, каким образом. Мы должны развивать и развивать разнообразие. Это цель, а успеха мы достигнем только тогда, когда преобразуем систему образования.

Сто лет назад на предприятиях работали 10 тыс. человек, а управляли 20. Теперь соотношение изменилось. Мы имеем малые предприятия и должны синхронизировать единые цели. Каждый студент не только должен обладать знаниями, но и стремиться стать лучшим.

Каким образом мы обеспечиваем политическую стабильность в мире? До сих пор единственной моделью, которую мы применяли, была структура ООН — Совет Безопасности. Предлагаю расширить представительство

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). Занимал пост Советника в посольствах в Риме, Лондоне, Мексике. В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иberoамериканского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

в этом органе — до 10 членов. Пять постоянных представителей должны сохраниться, они обладают правом вето, но необходимо добавить еще пять постоянных членов.

Если мы будем продолжать заботиться о разнообразии в мире, то сохраним тесные связи, таким образом мы сможем создать первую эффективную политическую структуру в мире.

И в завершение я хочу сказать, что ментально мы должны быть ориентированы на разнообразие. В ООН была одобрена инициатива создания «Альянса цивилизаций», мы наблюдаем прогресс, движемся в направлении разнообразного мира и объединяем усилия всех наций, чтобы создать единый мир.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Василу Проданову.

В. ПРОДАНОВ²: — Я хочу сказать несколько слов о философских проблемах, связанных с детерминизмом. Сегодня в нескольких сообщениях была озвучена тенденция развития, направленная на улучшение, совершенствование культуры. Во-первых, мы должны понимать, что культура — это автономный феномен, который в мире неоллиберальной глобализации принимает масштаб рыночного феномена. Во-вторых, культура становится все более важным феноменом в современном мире, но в качестве рыночного продукта. Это важные тенденции. Мы должны говорить не только о глобализации как таковой, но и о неоллиберальной глобализации. И здесь экономический фактор является определяющим. Экономический детерминизм сегодня — более важный инструмент, чем 20 лет назад. Мы живем в мире, в котором культура, политика и демократия переплетены. Например, 30 лет назад Дэниел Белл разделял культуру, политику и экономику. А теперь такой ситуации не существует. Сегодня мы живем в мире, где экономический детерминизм более важен, чем 30 лет назад. Экономическое неравенство, может быть, во всей истории человечества никогда не было столь заметным. Экономические различия между культурами, народами и этническими группами настолько велики, что если мы будем пренебрегать проблемой экономического детерминизма, то не сможем понять диалог культур и цивилизаций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Проданов. Позвольте пригласить к микрофону Андрея Вадимовича Смирнова.

А. В. СМИРНОВ³: — В своем кратком выступлении я хотел бы предложить для обсуждения одну идею.

² Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дьябло», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобализация капитализма», «Насилие в модерната эпоха», «Будущее на философията» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

³ Заместитель директора Института философии РАН, заведующий отделением востоковедения Государственного академического университета гуманитарных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий: «Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и образительное искусство», «La Filosofia Mistica e la ricerca della Verita'» («Мистическая философия и поиск истины», на итал. яз.), «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Заместитель главного редактора «Философского журнала».

В последние несколько десятилетий активно обсуждается вопрос о том, что такое культура и как представители разных культур (при этом подразумеваются, как правило, культурные меньшинства) могут интегрироваться в общество. В этой сфере есть много наработок, и прежде всего — у западных авторов. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в России сложилась ситуация, отличающаяся от той, с которой сталкиваются страны Запада.

Например, в России представители народов, традиционно исповедовавших ислам, — это не эмигранты, которые должны интегрироваться в общество, которое уже сложилось и имеет многовековую историю, свою логику развития и т. д. Иначе говоря, дело у нас не обстоит так, что есть уже некая готовая цивилизационно оформленная площадка, на которую должны выйти представители этих народов, чтобы усвоить принятые там правила и начать играть по ним. Народы, исповедовавшие ислам и имеющие собственную культурную историю, живут в нашей стране с давних времен — не меньше, чем представители народов, традиционно исповедовавших христианство. Отношение между этими двумя крупными конфессиями и двумя крупными культурами, возникшими на основе этих религий, не может быть отношением включения одного в другое. Здесь необходимо мыслить другими категориями.

Культура имеет свою логику. Одни исследователи не разделяют эту позицию, другие разделяют. Я отношусь к последним. Культура имеет свою логику, и эта логика очень явственно проступает, когда глубоко, по-настоящему занимаешься изучением той культуры, к которой сам не принадлежишь, то есть когда сталкиваешься с логикой, которой ты априори не владеешь. Значит, свою логику имеют и христианская, и исламская культуры. И логики эти разные. Это совершенно не значит, что одна из них лучше, другая — хуже; просто они разные, и нужно уметь их понимать. Как сделать так, чтобы в одном цивилизационном пространстве — в России — могли жить люди с различной логикой культур, порой несовместимой? Как создать общую площадку, на которой возможна совместная жизнь?

Я хочу предложить для осмысления понятие «цивилизационное равенство». Мы много говорим о юридическом равенстве, понимая под этим равенство субъектов права. Хотя нет двух человек, которые были бы равны: различия и, следовательно, неравенство всегда имеются, — однако перед судом, перед законом они равны. Иначе говоря, юридическое равенство возможно как приравнивание в каком-то отношении того, что в других отношениях не равно.

Однако цивилизационное равенство не может пониматься так. Ведь мы имеем дело с разными цивилизациями, разными культурами, которые в принципе не могут быть равны, поскольку имеют собственную, органичную для них логику. Это означает, что их неодинаковость не может быть редуцирована; мы не можем приравнивать их так, как приравниваем субъектов права. Как говорить о равенстве в этом случае? Это большая проблема, которая сегодня должна быть поставлена и на которую мы должны обратить внимание.

В завершение хочу сказать следующее. Когда мы осмысливаем эти явления, то должны учитывать опыт мировой науки, прежде всего западной. Но мы должны

принимать во внимание и собственный опыт, то есть опыт российской, русской философии. Николай Яковлевич Данилевский в своей книге «Россия и Европа» высказал идеи, к которым можно относиться по-разному. Ряд его соображений имеют сегодня лишь исторический интерес. Но вот одна из его идей — категория «все-человеческое», которую он противопоставлял категории «обще-человеческое», — задает крайне интересную линию рассуждения.

Мы привыкли говорить только об общечеловеческом, то есть о том, что представлено некой данностью; о том, в чем мы все равны, одинаковы (как одинаковы субъекты права). Но если мы говорим о разных культурах, которые имеют разную логику, то не существует такой площадки, которая бы «в сухом остатке» представляла нам то, в чем они все одинаковы. Для того чтобы мыслить в этом направлении, нам нужна другая категория — не категория «общечеловеческое». И, может быть, категория «всечеловеческое», которая была предложена Н. Я. Данилевским, та трактовка, которую он разработал, сможет помочь нам в осмыслении этой проблемы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо. Слово предоставляется Анатолию Васильевичу Дмитриеву.

А. В. ДМИТРИЕВ¹: — Со многими тезисами, которые здесь высказывались, я абсолютно не согласен. Я занимаюсь конфликтологией и убежден, что каждое явление амбивалентно, оно ориентировано на согласие, взаимодействие цивилизаций, как здесь говорили, и одновременно на столкновение, конфликт. Нынешние явления в культуре, с одной стороны, связаны с модернизмом, стремлением воспринять западную культуру, другие виды культур, переплетением, с другой — наблюдается возврат к традиционной культуре. Внутри этих двух тенденций, естественно, происходят конфликты.

Любой конфликт имеет сложносоставной характер. В нем участвует много субъектов, во время конфликта происходит много изменений: появляются новые субъекты со своей идеологией, некоторые стороны выходят из конфликта. Это сложная проблема.

Я хотел бы остановиться лишь на одном аспекте, связанном с конфликтогенностью миграций. За последние несколько лет миграция усилилась, она воздействует на все стороны жизни населения, в том числе и на Российскую Федерацию в целом. В связи с этим я двойственно оцениваю стремление к евразийской культуре. С политической и экономической точек зрения, может быть, оправдано восприятие восточной, евразийской культуры, точнее, культуры с почитанием ее руководителей, пренебрежением к закону, нормам права. Но Россия ближе к Европе. Санкт-Петербург — окно, прорубленное Петром I для восприятия именно европейской культуры. Российское общество в то время столкнулось с необходимостью модернизировать вооружение, уйти от ополчения в виде стрельцов, создать регулярную армию, получить европейские технологии, европейское

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия», «Конфликтология», «Социальный конфликт». Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

образование. Тяга к европейской культуре тогда была ощутима. Этот тренд должен сохраниться с учетом современных политических, экономических проблем, и миграция здесь играет чрезвычайно важную роль.

По данным Гэллапа (он провел исследование в 50 странах, в том числе и в России), из нашей страны хотят уехать в основном в Европу 15 млн человек. Эту цифру нужно критически осмыслить, потому что по нашим исследованиям — 7 млн. Причины эмиграции из страны: желание сменить общественный строй (не с Собчак же идти митинговать); требования безопасности; экономическое благополучие. По Гэллапу, к нам хотят приехать примерно 7 млн человек, в основном из восточных республик бывшего СССР. Квалификация тех, кто выезжает, и тех, кто приезжает, совершенно различна. Если мы будем ориентироваться на решение

демографической проблемы только путем импорта рабочей силы из среднеазиатских республик под лозунгом евразийского сообщества и не будем создавать условий для работы своим гражданам, то у нас возникнут серьезные проблемы. Поэтому, ставя под сомнение тренд России под евроазиатскими лозунгами, я бы хотел сказать: в экономической и политической областях для меня бесспорны усилия нашего руководства, но что касается культурных трендов, здесь я бы не согласился.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Уважаемые коллеги, пленарное заседание подошло к завершению. Я благодарю всех его участников. Надеюсь, завтра на секционных заседаниях наша работа будет такой же продуктивной, интересной и успешной. Всего вам самого доброго!

Секция 1

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

18 мая 2012 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

- П. ДУТКЕВИЧ** директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор
- В. В. НАУМКИН** директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- Ф. УНГЕР** президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор

Участники:

- Ф. А. АСАДУЛЛИН** заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук
- О. Н. АСТАФЬЕВА** директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН** профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Х. БОННЕНБЕРГ** доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики (Германия)
- Е. Й. ВЯТР** ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, доктор социологии
- Р. ГЕРРА** заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия русского зарубежья, доктор филологических наук
- А. А. ГРОМЫКО** главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- И. Ф. КЕФЕЛИ** заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. В. КОСТИНА** заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент
- А. МАРИН** вице-президент Республики Болгария (2002 — январь 2012 г.)
- Х. А. МАРК** Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011)
- А. А. МОИСЕЕВ** декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор
- А. Н. НЫСАНБАЕВ** академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан

В. В. ПОПОВ	директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Г. СИН	заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
Е. Н. ШАПИНСКАЯ	главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор
Э. ШНАЙДЕР	профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Позвольте вас поприветствовать от Оргкомитета Международных Лихачевских чтений и пожелать вам успехов. Работа секции проходит под председательством чрезвычайно ярких, интересных людей, таких как господин Феликс Унгер — президент Европейской академии наук и искусств со штаб-квартирой в Зальцбурге (это официальный партнер Российской академии наук в Евросоюзе), Петр Дуткевич — руководитель Центра управления и государственной политики Карлтонского университета и Виталий Наумкин — один из самых известных российских ученых, занимающихся международной проблематикой. Господин Наумкин — руководитель крупнейшего научно-исследовательского института в России, занимающегося проблемами Востока, но Виталий Вячеславович является также одним из ведущих мировых экспертов по проблемам диалога культур и партнерства цивилизаций.

В. В. НАУМКИН¹: — Спасибо, Александр Сергеевич. Для нас большая честь принять участие в очередных Лихачевских чтениях и, в частности, в обсуждении проблемы мультикультурализма, которая становится все более острой. Напомню, что сегодня мы рассматриваем мультикультурализм не с точки зрения философии или этики, а как проблему государственной политики и взаимоотношений между государствами. Очевидно, что мы сталкиваемся с нарастающим валом кризисных явлений именно на уровне государственной политики. Об этом хорошо осведомлены наши европейские гости. Высказывания о том, что мультикультурализм изжил себя и «трещит по швам», раздаются из уст не только некоторых маргинальных политиков, как это было еще 5–6 лет тому назад, но и весьма ответственных крупных государственных деятелей и даже глав государств.

¹ Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle» и др. Главный редактор журнала «Восток (ORIENT)». Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посуваляка за достижения в области международной журналистики.

И действительно, сегодня все труднее найти примеры благополучного сосуществования людей разных культур, цивилизаций, этнических групп, конфессий, основного населения с группами мигрантов в какой бы то ни было стране. Этот процесс сопровождается нарастанием, с одной стороны, ксенофобских настроений, с другой — тенденции к обособленности иммигрантских общин. В этом контексте по-прежнему внушает уважение опыт Канады, которую здесь сегодня представляет профессор Петр Дуткевич. Канада — одна из немногих стран, где эта парадигма успешно работает, во всяком случае пока.

Что касается России, то наши проблемы еще недавно виделись иначе. Мы всегда говорили о том, что у нас в течение веков уживаются различные этнические и конфессиональные группы, так как Россия — мультикультуральная в своей основе страна. Но сегодня добавляется новый элемент — огромное число мигрантов, в основном из южного пояса СНГ, так что проблемы, о которых говорят европейские политики, у нас тоже обостряются. На мой взгляд, в рамках дискуссии о мультикультурализме необходимо затронуть вопрос о важности многообразия и уважения к этому многообразию как принципу международной и государственной политики. Предоставляю слово послу Вениамину Викторовичу Попову, который много лет занимается практическими вопросами партнерства цивилизаций и имеет большой опыт работы в выстраивании отношений России с Организацией Исламского сотрудничества.

В. В. ПОПОВ²: — Мультикультурализм — это проблема сосуществования и взаимодействия разных цивилизаций и религий. Опыт человечества в этой области пока не вполне положительный. Примерно 15 лет мы говорим о том, что нужен диалог цивилизаций, культур, религий, но до сих пор остаемся в рамках академических дискуссий. Практических результатов нет. К сожалению, пробуксовывает и иранский проект «Диалог цивилизаций», в свое время активно поддержанный Организацией Объединенных Наций.

² Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Награжден орденом Дружбы.

Потом был еще один проект, действительно очень хороший, — «Альянс цивилизаций», испано-турецкая инициатива. Но, к сожалению, результат тоже не очень впечатляющий. Почему? Дело в том, что сейчас мы переживаем сложный переходный период: система международных отношений, выстроенная после Второй мировой войны, устарела. Очевидно, что надо ее реформировать или создавать новую. Но это очень болезненный процесс, к тому же он совпадает с кризисом западной цивилизации, которая доминировала в течение долгого времени. На авансцену выходят другие цивилизации — китайская, индийская, латиноамериканская. Так случилось, что на острие отношений с Западом оказалась исламская цивилизация, хотя профессор Хантингтон, автор концепции столкновения цивилизаций, говорил, что нас ожидает парадигма «The West against the Rest» (Запад против всех остальных). Он оказался прав, но лишь отчасти. Сейчас этот процесс стал более ощутим: мы каждый день видим, как обостряются международные отношения во всем мире, но особенно — между Западом и исламским миром. В этом заключается основа будущих конфликтных ситуаций, а во многом и нынешних. Например, в одной из главных военных академий США учат, что ислам — враждебная религия, так что, наверное, рано или поздно американцам все же придется бомбить священные города мусульманского мира. Такая точка зрения не очень способствует сближению цивилизаций.

Мы постоянно сталкиваемся с проявлениями терроризма. И если в исламском мире находятся радикалы, которые считают, что все вопросы должны решаться путем насилия, то подобные же радикалы есть и в западном мире, и их становится все больше. Еще недавно они были маргинальными силами, а сейчас выходят в мейнстрим, что подтверждается недавним успехом на выборах в Греции неонацистской партии «Золотая заря». Особенно показательна в этом отношении история норвежца Андерса Брейвика, расстрелявшего 77 своих соотечественников. Мы проанализировали тексты его манифестов и вот что выяснили. Он считает, что Европе грозит исламизация, поэтому необходимо развязать гражданскую войну и выиграть ее, устранив всех, кто «умиротворяет» мусульман. Страшная идеология. Но гораздо страшнее то, что у Брейвика много сторонников, одобряющих его действия.

Как же наладить сотрудничество цивилизаций и культур? Я считаю, что для этого есть только один действенный способ: изменять нормы международного права. Другого пути нет. Надо добиться того, чтобы из жизни общества была исключена война как средство решения спорных вопросов. Подобные решения необходимо принимать сообща — только в этом случае мы имеем шанс на успех. Россия действительно представляет хороший пример в этом плане, потому что мы все-таки добились мирного сосуществования разных народов и вероисповеданий, и я думаю, что решим и проблему мигрантов. Во всяком случае идея партнерства цивилизаций уже выходит за рамки академических дискуссий и стучится в дверь реальной политики. Если мы не осознаем, что уже сегодня надо предпринимать практические

действия по изменению норм международного права, особенно учитывая подъем политического ислама, то в недалеком будущем увидим огромное количество новых кризисов.

В. В. НАУМКИН: — Господин Алексей Александрович Моисеев, прошу Вас.

А. А. МОИСЕЕВ¹: — Необходимость изменения или отказа от существующего международного права — довольно распространенная идея, но, на мой взгляд, она весьма опасна. Приведу несколько примеров. До принятия Устава ООН в мире существовал принцип уважения государственного суверенитета. Но Устав ООН 1945 года ввел другой принцип — суверенного равенства. Это, казалось бы, незначительное изменение было связано с тем, что в мире исчезла колониальная система, и международное право встало на защиту наименее слабых государств. Все государства согласно принципу получили равные права и обязанности — то, чего не было раньше в рамках Лиги Наций.

Кроме этого, и сейчас Устав ООН выполняется не до конца, точнее, не весь его потенциал раскрыт на практике. Достаточно вспомнить о том, что Военно-штабной комитет, который по Уставу в случае необходимости должен осуществлять руководство объединенными вооруженными силами для оказания силового воздействия по решению Совета безопасности о принятии таких мер, в сущности, так и не приступил к своей деятельности, и мы знаем, что его функции берут на себя другие организации — военные союзы, которые не всегда действуют легитимно.

Что касается темы нашей сегодняшней дискуссии, то здесь я поддерживаю профессора Наумкина: проблемы действительно существуют. Вопрос, как всем этим управлять, упирается опять же в правовые механизмы. Ведь те алгоритмы, которые предлагаются, в ряде случаев связаны с надгосударственными функциями. Насколько реально и законно в системе национальных государств создавать или уполномочивать международные организации принимать решения, обязательные для государств? Вопрос неоднозначный. Надгосударственность часто настораживает и даже пугает суверенные государства.

Общепризнанно, что много функций на надгосударственный уровень отдано в странах Европейского Союза. Вроде бы все делается в интересах граждан, которые, например, могут свободно перемещаться в рамках ЕС, получают некоторые политические права. Однако мы видим разрастающийся кризис. Может быть, он связан с тем, что на уровне Евросоюза не налажено должное управление и национальные государства могут это сделать лучше?

Не секрет, что Устав ООН основывается на концепции интересов национальных государств. Но я считаю, что мировому сообществу не уйти от феномена надгосударственности, проявляющейся в том, что международ-

¹ Декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор. Вице-президент Российской ассоциации международного права. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Надгосударственность в современном международном праве», «Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты», «Суверенитет государства в международном праве», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)» и др.

ные организации получают возможность принимать решения, обязательные для государств. Тем не менее это не влияет на природу государства и не умаляет национального суверенитета, который сохраняется в полной мере. Представляется, что надгосударственность является прогрессивной формой развития человечества.

Если же говорить о тенденциях, то следует признать, что на смену критерию защиты интересов национального государства все чаще приходит критерий защиты и соблюдения прав человека. И международное право скорее всего движется в данном направлении. Критерием правомерности норм в каждом случае становятся именно права человека, а не интересы национальных государств, — именно этот процесс со всеми его плюсами и минусами мы наблюдаем сегодня.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется профессору Ежи Йозефу Вятру.

Е. Й. ВЯТР: — Один мой коллега, ректор юридической школы, говорит, что проблема соотношения мультикультурализма и политики имеет два аспекта: первый — отношения между государствами и второй — отношения между людьми и организациями внутри государства. Давайте вспомним, что этот процесс развивается уже около 50 лет. Хантингтон предостерегал нас от того, чтобы навязывать свои культурные ценности другим, потому что это кратчайший путь к катастрофе. Его слова подтверждаются практикой. Демократическая страна развязала войну против Ирака под лозунгом «Крестовый поход за демократию!» Сейчас ООН признает, что такого рода политика неэффективна, но мы должны видеть все детали в верных пропорциях. Проблема национального суверенитета уже не актуальна, так как Всеобщая декларация прав человека, принятая более 60 лет назад всеми членами ООН, установила определенные критерии поведения. Поэтому мы не можем оправдываться принципами национального суверенитета в тех случаях, когда возникают чрезвычайные обстоятельства. Иногда в той или иной стране наблюдаются недопустимые нарушения прав человека, вплоть до геноцида. Это и есть экстремальные кейсы, в которые может вмешиваться международное сообщество. Но подчеркиваю: только в экстремальных случаях, иначе международная политика превратится в хаос.

Другой вопрос — взаимоотношения между государством и теми меньшинствами, которые мигрировали туда. У иммигрантов свои культурные стандарты, но они приезжают в чужую страну и должны следовать ее законам, хотя эти законы в некоторых случаях не сочетаются с их культурными традициями. Например, в странах, где большинство населения исповедует ислам, приняты определенные правила взаимоотношений мужчин и женщин, но эти стандарты не вписываются в нормы демократических стран. Так вот, поведение мусульман, приезжающих, например, в Европу, регулируется законами принимающей их страны, и они должны подчиняться этим законам. Но если те же люди живут «на своей территории», то есть там, где они обитают уже много веков, то отношение к ним должно быть совсем другим: мы обязаны поддерживать их культурные ценности. Правда, бывает и так, что внутри самих этих сообществ возникают противоречия, и тогда необходимо привлекать

на помощь такие категории, как толерантность и принцип мирного сосуществования разных культур.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо, профессор Вятр. Вы высказали интересные и бесспорные суждения, но, на мой взгляд, в них все же есть некоторые противоречия. С одной стороны, нельзя навязывать свои культурные ценности, для межгосударственных отношений это очевидный принцип. С другой — существует проблема уважения прав этнических групп и их обязанности соблюдать законы той страны, где они находятся. Мы видим разную политику в отношении мигрантов. Например, французская политика ассимиляции основана на частичном побуждении иммигрантских сообществ принимать культурные ценности принимающей их страны. Однако это не работает: во Франции уже сформированы диаспоры, не желающие воспринимать нормы поведения, господствующие в стране. Эта модель отличается от мультикультурализма в Британии или, скажем, в Канаде. Я думаю, что это непростой вопрос, как и соотношение уважения суверенитета и допустимости вмешательства извне в исключительных случаях. Ведь кто определяет, какой случай исключительный, а какой нет? Случай с Ливией был исключительным? Наверное, правильно было бы сказать, что у Каддафи не было друзей, потому что его фактически никто не поддержал. Но что мы видим в результате вмешательства, осуществленного вроде бы во имя торжества демократических норм и защиты прав человека? Страна находится в состоянии хаоса, тысячи людей подвергаются пыткам в ливийских тюрьмах. Как сказал в частной беседе Генри Киссинджер, «Каддафи был сукин сын, но он хотя бы мог удержать страну как единое государство». Так что вопросы суверенитета и внешнего вмешательства далеко не однозначны.

Пожалуйста, профессор Эберхард Шнайдер, Вам слово.

Э. ШНАЙДЕР: — Проблемы взаимодействия культур возникают в частности тогда, когда в стране проживают представители разных религий. Известны случаи агрессии со стороны мусульман, имевшие место в Ираке, Египте и Нигерии, которые приводили к разрушению христианских святынь, причинению вреда здоровью людей и даже жертвам. В настоящее время христиане во всем мире чаще других конфессий подвергаются гонениям по религиозным мотивам.

Но не меньшую проблему представляют и противоречия между разными направлениями одной и той же религии, если эта религия является господствующей в стране. Например, шиитское направление ислама характерно для Ирана, Ирака, в некоторой степени — Сирии, суннитское — для Саудовской Аравии и других стран Персидского залива. Шиитско-суннитское противостояние сопровождается ухудшением межгосударственных отношений и насильственными действиями, вплоть до вооруженных конфликтов. Являются ли межконфессиональные противоречия причиной напряженных полити-

¹ Профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии. Специалист в области внутренней политики России и бывшего СССР. Автор 12 книг, в т. ч.: «Das politische System der Russischen Föderation» («Политическая система Российской Федерации»), «Das politische System der Ukraine» и более 100 научных статей. Член консультативного совета Независимого центра европейско-российского сотрудничества «ЕС–Россия» в Брюсселе.

ческих отношений этих государств либо их следствием, или и то и другое?

В. В. НАУМКИН: — Сейчас перед нами выступит господин Ренэ Герра.

Р. ГЕРРА: — Профессор Виталий Вячеславович Наумкин затронул тему, актуальную для Франции. Что касается иммиграции, то здесь, как общеизвестно, Франция имеет немалый опыт. Не будем углубляться в давнее прошлое — скажу лишь совсем немного о том, что происходило в XX веке.

Во Францию многие приезжали из Италии, но то была экономическая иммиграция, которая принципиально отличается от политической. Итальянцы — наши южные соседи (напомню, что сам я родом из Ниццы). У нас общая культура, общая религия, и естественно, что между нами особых трений не возникало. Была также польская, опять-таки экономическая иммиграция: поляки приезжали на север Франции работать в шахтах, и их уважали за трудолюбие. Хотя и подтрунивали из-за их якобы общего пристрастия к водке. Во Франции даже есть устойчивое выражение «пьяный, как поляк».

Зато появившиеся после 1917 года белоэмигранты были уже политическими беженцами. Это были те, кто не принял новый строй, не захотел и по многим причинам не смог остаться в Советской России, предпочел покинуть родину. Уезжали добровольно, кроме деятелей русской культуры, высланных В. И. Лениным из Советского Союза осенью 1922 года на знаменитом «философском пароходе», тем самым оказав большую услугу русской и мировой культуре. Бунин, Шмелев, Зайцев, Ремизов, Осоргин, Бердяев, Франк, Лосский, Вышеславцев и многие другие изгнанники — представители российской элиты, причалившие к берегу Франции, продолжали служить русской культуре и значительно обогатили культуру принявшей их страны. Они пользовались уважением, но во время экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х годов им пришлось нелегко — все-таки они были иностранцами. Да и левая французская интеллигенция косилась на них: у них де на родине строится коммунизм и светлое будущее, а эти отщепенцы не хотят участвовать в великой стройке! Только в конце перестройки творческое наследие этих великих скитальцев наконец вернулось в Россию. И слава Богу!

После русской, итальянской, испанской и польской волн, уже в 1960-е годы, во Францию хлынули экономические иммигранты из Португалии, и этот поток тоже не вызвал никаких проблем, будучи иммиграцией из европейской страны.

Франция в прошлом — колониальная держава. Ее бывшие владения — Тунис, Марокко, Алжир и др. И после их отделения из Северной Африки сюда стали прибывать алжирцы, марокканцы, тунисцы. Но они говорили по-французски, так что языковых трудностей не возникало. Тем не менее вместе с ними стали появляться проблемы, связанные с ассимиляцией, которые, в свою очередь, были, как известно, связаны с чужой культурой и религией. Профессор Наумкин верно заметил, что политика Франции в отношении иммигрантов — именно интеграция, ассимиляция. Но хотят ли выходцы из этих стран ассимилироваться?

Я, как уроженец Ниццы, всю свою жизнь наблюдаю все эти процессы на юге Франции. Я — за свободу передвижения, всю жизнь общаюсь с эмигрантами и иммигрантами из Восточной Европы. Однажды один знакомый марокканец даже меня спросил: «Почему Франция всех принимает? Вы что, сумасшедшие?»

Таким образом, можно говорить о многогранности практики и политики французов в вопросе взаимодействия с разными культурами. Тем не менее сейчас мы переживаем очень сложный период, в частности, связанный с попытками исламизации нашей страны. Не знаю, чем это закончится, но последние президентские выборы во Франции показали, что проблема не просто налицо, но она по идее будет все укрупняться и углубляться.

В. В. НАУМКИН: — Как Вы думаете, победит ли на следующих выборах госпожа Марин Ле Пен?

Р. ГЕРРА: — Время покажет. Но я удивляюсь, что она набрала всего около 20 % голосов, многие думали, что она получит 40 %.

В. В. НАУМКИН: — Господин Васил Проданов, Вам слово.

В. ПРОДАНОВ: — Я думаю, обсуждаемая сегодня проблема намного сложнее, чем многие себе представляют. Международные и внутригосударственные организации слишком слабы, чтобы ее решить. Около 20 лет назад мне довелось обсуждать ее с двумя выдающимися специалистами в этой области — Сэмюэлем Хантингтоном и Иммануилом Валлерстайном. Хантингтон сказал, что Болгария для западной цивилизации является инородным телом. То же самое касается Греции. Все мы знаем, с какими проблемами сталкивается сегодня Греция. Валлерстайн утверждал, что в мире идет процесс перемещения большого количества людей из периферии в центр мировой капиталистической системы. В результате столетиями существовавшие противоречия между центром и периферией накаляются в пределах центра и увеличивают угрозу его взрыва. Так получается, потому что в основе всех этих явлений лежат более глубокие процессы, прежде всего глобализация и эрозия суверенитета национальных государств.

Коллеги на пленарном заседании заявили, что национальные государства постепенно отмирают, а это означает, что вслед за ними будут отмирать национальные идентичности, начиная с наиболее хрупких. Мы это видим на примере истории XX века. К началу Первой мировой войны в мире насчитывалось 60 государств, сегодня их более 200. В частности, на Балканском полуострове 20 лет назад располагалось 6 государств, теперь 13, а еще через 20 лет, возможно, их будет уже 30. Процесс идет очень быстро, потому что в результате глобализации наблюдается всплеск новых локальных идентичностей. Неизвестно, как сложится судьба Шотландии, — останется ли она в составе Королевства. Или, например, Бельгии — есть вероятность, что она все же будет разделена на две части. Повторяю, все эти процессы — результат глобализации и появления новых национальных идентичностей.

Но в мире идет еще один процесс, на мой взгляд, более важный. Между разными территориями нарастает

социально-экономическое неравенство. Фландрия и Валлония долгое время входили в состав Бельгии, но между этими сообществами увеличивается социально-экономический разрыв, и в результате государство становится менее прочным. То же можно сказать о многих других странах.

Также растут социально-экономические противоречия между разными этническими группами. С этим сталкиваются иммигранты во Франции, Германии, других странах. К этническим различиям добавляются социально-экономические. Возникает кризис идентичности. То есть национальная идентичность не представляет собой нечто абсолютное — она конструируется в процессе взаимоотношений разных культур. А в условиях социально-экономического неравенства такое конструирование чревато острыми конфликтами. Я думаю, что эти проблемы невозможно решить правовыми средствами, так как их основы заложены очень глубоко.

В. В. НАУМКИН: — Слово профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО¹: — Хотя тема наших чтений — диалог культур в условиях глобализации, в действительности речь идет о диалоге носителей культур. Причем формат этого диалога, как правило, определяется не деятелями культуры, но политиками, государственными руководителями. А над ними довлеют не столько культурные интересы сообществ, сколько политические, экономические, территориальные и др. В результате равноправного диалога не получается, в нем всегда имеет место доминирование одного из партнеров.

Как показывает исторический опыт, в процессе подобных диалогов одни культуры и их носители исчезали с лица земли (особенно это было характерно для древних времен), другие благодаря военной силе превращались в империи и цивилизации. Последние, в свою очередь, вступали в неравноправный диалог с аналогичными образованиями и также несли потери. Причем конфликты имели место не только между культурно различными цивилизациями (например, турками и Византией или монголами и Русью), но и между близкими, примером чему может быть трагическое противостояние католического Рима и православной Византии.

Хорошо это или плохо? Ответ неочевиден и неоднозначен. Можно только сказать, что это объективная реальность, имеющая место и в современной жизни. И, к сожалению, она плохо поддается коррекции, что видно на примере трудных межкультурных взаимоотношений европейцев и переселившихся к ним инородцев — турок, арабов, индусов, представителей Черной

Африки. Руководители Германии и Франции, озабоченные этим, заговорили о кризисе мультикультурализма. В действительности они имели в виду другое — крушение европейских иллюзий о возможности «окультурить» и ассимилировать миллионы чужестранных переселенцев. Можно сказать, что мультикультурализм в Европе не только не трещит по швам, но, наоборот, утверждает-ся. Разумеется, в противоречиях и конфликтах.

Не свободен от этих противоречий и классический мультикультурализм, являющийся базовым для большинства стран мира. Их причина заключается в неравномерности экономического развития регионов, в отсутствии равного доступа к государственному управлению, в иерархиях культурных ценностей. Однако, кроме внутренних, имеют место также внешние факторы, дестабилизирующие межкультурный и межобщинный мир, в частности навязывание странами с развитой демократией остальному миру своих представлений о свободе и демократии — в основном посредством провоцирования так называемых цветных революций, но также и при помощи военной силы, как это имело место в Югославии, Ираке, Ливии и происходит сейчас в Сирии. Разрушив традиционный уклад жизни Арабского Востока, Запад тем самым еще усугубил ситуацию с мультикультурализмом, которого в европейских странах становится все больше, и последствия могут быть самыми разными.

Еще одним дестабилизирующим фактором межкультурного и межэтнического взаимодействия является, как это ни парадоксально, признание международным сообществом права наций на государственное самоопределение. Думается, пришло время пересмотра этого положения, иначе мир погрязнет в хаосе бесконечного дробления.

В. В. НАУМКИН: — Сейчас перед нами выступит госпожа Надежда Гегамовна Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН²: — Профессор Попов сказал о том, что надо менять нормы международного права, но я полагаю — при том, что право, разумеется, важная вещь, — главное сейчас не право, а проблема ответственности интеллектуальных элит. Во-первых, современные интеллектуальные элиты пока не способны дать обоснованный сценарий взаимодействия. Разумеется, это не должен быть один универсальный план, который годился бы на все случаи жизни для Франции, Великобритании и России. Нам требуются разные сценарии, в которых была бы адекватно отражена политическая, экономическая, культурная специфика каждой страны. Конечно, это непростая задача. Два месяца на-

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского.

² Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 160 публикаций, в т. ч. монографий «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Культурология техники и инженерной деятельности: возможности и границы» (в соавт.), а также работ «Динамика профессиональных ориентаций студенческой молодежи», «Ценность образования в модернизирующемся обществе», «Сетевая коммуникация: узел отношений и цена проблем», «Концепт культуры в компетенциях инженеров», «Инженерно-техническое образование как гарантия социального прогресса», «Космос и логос любви в системе культуры», «Культурология в системах образования: познавательная значимость и методологический потенциал», «Культура как среда выживания: эффект бабочки и "окно принятия решений"», «Социально-гуманитарный научный дискурс в информационном ландшафте культуры», «Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

зад мы в Экспертном совете при Совете Федерации обсуждали вопрос о мультикультурализме. Договорились до того, что неплохо бы вернуться к идее интернационализма. Отлично, давайте вернемся. Но как?

Во-вторых, что происходит в России с образованием? В реформе, которая сейчас проводится, изначально заложена культурная конфликтность.

И, в-третьих, некоторые мысли по поводу *extreme cases*. Недавно российская общественность была возбуждена высказыванием о том, что неплохо бы ввести суды шариата для мусульман, живущих на территории России, независимо от региона. Но три года назад в Великобритании была дискуссия на подобную тему между представителями власти и церкви. Лондонский центр исламского плюрализма провел опрос: как сами мусульмане относятся к идее шариатского суда? Так вот, разделение произошло не между шиитами и суннитами, а по совсем другим критериям. Многие мусульмане сказали, что они давно живут в Британии, привыкли соблюдать законы этой страны и считают себя европейцами. Другим аргументом было то, что даже в странах, где ислам доминирует, закон шариата не всегда является единственной правовой основой.

В. В. НАУМКИН: — Небольшой нюанс. Насколько мне известно, ни в одном государстве неисламского мира никто не призывает вводить нормы шариата в качестве основы законодательства. Речь идет об отдельных элементах, связанных с личным статусом, — именно это имел в виду архиепископ Кентерберийский. У нас в начале 1990-х годов министр юстиции Российской Федерации Николай Федоров, поддержанный рядом исламоведов, предлагал то же самое. А именно — разрешить мусульманам использовать законы шариата в сфере личного статуса, например регулирующие наследование имущества. То есть если мусульмане так хотят, почему бы и не ввести, ничего страшного в этом нет, ведь никто не предлагает наказывать за воровство отрубанием рук.

Тем не менее правовую систему государства, я думаю, разрушать нельзя, даже если речь идет о безвредной норме. Если это секулярное государство, то оно должно оставаться секулярным. Но, как бы то ни было, не стоит преувеличивать значение таких призывов. Коллега Гуанчен Син, Вам слово.

Г. СИН: — Дорогие друзья! Я считаю, что тема, которую мы обсуждаем, очень актуальна, потому что мы живем в эпоху экономической глобализации, имеющей как положительные, так и отрицательные стороны. Разные культуры переживают новые вызовы. В связи с этим очень важен вопрос: а куда идет мировая цивилизация? Первый момент: будут ли разные культуры в контексте экономической глобализации осуществлять миграцию и формировать новую единую культуру или они будут стремиться сохранить собственную культурную специфику и развиваться в рамках диалога? Я считаю, что это большая проблема. Мне кажется, что эконо-

номическая глобализация является фактором формирования единой культуры, но различия между культурами не могут быть полностью уничтожены.

Второй момент. Экономическая глобализация сопровождается попытками привести самобытные культуры к универсальной модели и навязать эту модель всему миру, но я считаю, что это как минимум неразумно. В мире не существует единого стандарта культуры. Для развивающихся стран очень важно сохранить национальные особенности.

Третий момент. Я считаю, что культуры не делятся на передовые и отсталые, а различаются только спецификой. Наш мир такой разнообразный именно потому, что существуют разные культуры и цивилизации.

Четвертый момент. Сосуществование разных культур — это историческая необходимость, и культурное многообразие надо поощрять. Культура является ядром национального менталитета и важным «геномом», который отличает один народ от другого. У каждого народа своя специфика и импульс развития. Несмотря на то, что во всем мире динамично развивается Интернет, он не может заменить национальную культуру.

Пятый момент. Между разными культурами нужно налаживать контакты. Лучший вариант отношений — диалог и обмен. Мы должны рассматривать все вопросы с глобальной точки зрения, а вопросы глобального значения нужно анализировать и решать всем миром, руководствуясь принципом единства и многообразия человеческой культуры. Следует признать, что существование и развитие разных культур представляет общую ценность человечества. Надо уважать разные культуры, не подавлять их и не рассматривать как соперников или потенциальных врагов. Искать общее при наличии различий — наилучший путь сосуществования разных культур.

Шестой момент. В Китае, стране очень древней цивилизации, существуют два основных мнения относительно развития культуры. Необходимо, во-первых, изучать и развивать замечательную традиционную национальную культуру; во-вторых, внедрять положительные элементы мировой культуры, строить и развивать передовую культуру с китайской спецификой.

Седьмой момент. Я думаю, что в процессе глобализации, в быстро меняющихся политических условиях Китая и Россия должны объединить усилия, чтобы отвечать на вызовы современности. Наши страны имеют точки соприкосновения по многим вопросам, и я считаю, что это важный и эффективный фактор. В общем, экономическая глобализация является исторической тенденцией. В результате взаимодействия разных стран и народов мир становится все более тесным, и между разными культурами развивается диалог, который день ото дня становится актуальнее.

А. А. МОИСЕЕВ: — Небольшой комментарий. Наверное, ни у кого из присутствующих нет сомнений в том, что международное право является достижением общечеловеческой культуры. Когда я читаю лекции, то начинаю с того, что все государства различны — с точки зрения географии, экономики, религии и тому подобного, при этом всеобщее международное право состоит из норм, единых для всех государств. Мы можем искать какие-то другие основания для взаимодействия, но, еще раз подчеркиваю, международное право — это

¹ Заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Отношение Китая с новыми независимыми государствами Центральной Азии», «Поднимающаяся Центральная Азия», «Процесс принятия решения высшим советским руководством на протяжении 70 лет», «О парламентах России»; статей: «Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления» и др. Вице-директор Центра исследований Шанхайской организации сотрудничества при Академии общественных наук КНР.

достижение общемировой культуры и именно тот фундамент, на котором выстраивается сотрудничество между государствами.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Право свято. Я совершен но не посягала на святость права.

В. В. ПОПОВ: — Я полностью согласен с китайским коллегой. Он высказал правильные идеи, но как их осуществлять? В этом контексте я хотел бы обратить внимание на выступление профессора Проданова. Действительно, в условиях глобализации дело идет к большей обособленности — этнической, религиозной и т. д. И это надо учитывать. В связи с этим сформировалась очень сильная школа политологов, выступающая за то, чтобы резко ограничить право наций на самоопределение и с большой осторожностью рассматривать возможность образования новых государств. Иначе, как верно заметил профессор Проданов, Шотландия того и гляди провозгласит свою независимость, потом Корсика и т. д. Это тенденция, на которую надо обратить внимание.

Мне также кажется очень важным замечание профессора Багдасарьян: научное сообщество пока не нашло ответов на все эти вызовы. Но если ученые не сумеют найти решение, то последствия могут быть негативными, потому что сейчас управление становится архисложным делом, политики не успевают за слишком быстрым темпом изменений в наш стремительный век. Что из этого может получиться, недавно продемонстрировала так называемая арабская весна.

В. В. НАУМКИН: — Пожалуйста, Абдумалик Нысанбаевич Нысанбаев, Вам слово.

А. Н. НЫСАНБАЕВ¹: — Уважаемые коллеги! Практически во всех докладах участников нынешних Лихачевских научных чтений проблема мультикультурализма так или иначе поднимается и рассматривается в многообразии и единстве ее философско-мировоззренческих, концептуально-методологических, социально-политических и других аспектов. При этом высказываются самые разные точки зрения. Я бы хотел, во-первых, остановиться на казахстанском опыте мультикультурализма и на некоторых спорных суждениях и оценках, сформулированных в пленарных и секционных докладах. Во-вторых, обозначить тот проблемно-смысловой контекст, исследование которого сможет, на мой взгляд, послужить триггером философски и политически релевантной постановки проблемы мультикультурализма в современных условиях.

В современном мире очень много поликультурных государств, например, в Казахстане в мире и согласии проживает 130 этносов, 46 конфессий и столько же национальных культур. Каким образом в подобном государстве можно достичь мирного сосуществования и согласия? Это большая проблема, так как у каждого этно-

са, у каждой религии свои интересы, и их надо совместить так, чтобы не задеть интересов других людей.

Население Казахстана составляет около 17 млн человек; среди религиозных конфессий доминируют православие и ислам. Преобладающими этносами являются казахский (67 %) и русский (около 30 %). Поэтому согласие между русскими и казахами в большой степени обеспечивает мир и согласие. В нашей стране создана и реализуется эффективная национальная модель межэтнического и межконфессионального согласия, философия взаимопонимания как основа духовного согласия полиэтнического общества.

Казахстанский мультикультурализм демонстрирует хорошие результаты. Уже почти 20 лет мы существуем как суверенное унитарное государство. Проблемы, естественно, были, есть и будут, но они решаются только в контексте общенационального единства и межконфессионального согласия. Если общество не будет внутренне единым, консолидированным, то оно не сможет решать проблемы, стоящие перед ним. У нас продуманная государственная политика, касающаяся развития мультикультурализма. Общеизвестно, что мультикультурализм как политический феномен имеет определенные исторические формы. Прежнее понимание этого термина устарело, и в настоящее время раскрываются его новые формы и возможности. Казахстанский опыт показывает, что это на сегодняшний день самая перспективная форма сосуществования народов в полиэтнических государствах. В Центральной Азии проживает 50 млн человек. Это огромный регион с большими запасами природных ресурсов, и на этой площади располагаются страны, находящиеся на разных уровнях социально-экономического развития. Каким образом можно обеспечить мирный механизм их сосуществования и сотрудничества? У нас в Казахстане огромное внимание уделяется развитию культуры каждого этноса и одновременно усилению межкультурной коммуникации и интеграции. Нельзя сказать, что такая политика реализуется легко и без осложнений, но мы стараемся преодолевать проблемы. 15 лет тому назад была учреждена специальная общественная организация — Ассамблея народов Казахстана. Теперь она переименована в Ассамблею народа Казахстана, так как мы считаем, что все этносы, проживающие на нашей территории, образуют единый народ. Сейчас Ассамблея стала конституционным органом, и уже 9 депутатов избираются в парламент от Ассамблеи для защиты интересов малых этнических групп. Мы считаем, что они непременно должны работать в правовом поле.

В конце мая этого года у нас в Астане состоится четвертый Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Эта площадка для конструктивного диалога дает очень широкие возможности. Она имеет большое значение для развития мультикультурализма и межконфессионального диалога. Государственная национальная политика осуществляется на основе обширных и тщательных научных исследований. Начиная с 2004 года реализуется стратегический национальный проект «Культурное наследие». На основе реализации этой государственной программы мы добились больших успехов в изучении культурного наследия всех этногрупп Казахстана, в возрождении духовности казахстанского народа в целом.

¹ Академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Советник директора Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы). Автор более 587 научных трудов, в т. ч. 39 монографий: «Философия взаимопонимания», «Казахстан: культурное наследие и социальная трансформация», «Глобализация и проблемы межкультурного диалога» и др. Президент Академии социальных наук Республики Казахстан, член Национального совета при Президенте Республики Казахстан. Заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан. Лауреат Государственной премии КазССР.

Мультикультурализм как раз призван преобразовать поле культурной, политической, социально-статусной и прочей этнической конкуренции в пространство сотрудничества, диалога, полифонии. Поэтому австралийская, канадская, швейцарская и другие модели мультикультурализма не конкурируют между собой, однако могут вступать в отношения взаимодополнительности, взаимообогащения и т. д.

Мультикультурализм в обязательном порядке должен сопровождаться интеграционными процессами. Вместе с тем в политической практике и гуманитарном дискурсе распространенной является интерпретация мультикультурализма, разрушающая само его основание и смысл.

Мировой опыт реализации моделей мультикультурализма доказывает, что политика привилегий для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т. п.) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимаются. Наоборот, подобная эксклюзивность лишь провоцирует напряжение и фрагментацию современных полиэтнических сообществ, препятствуя их интеграции в политические нации.

В последние десятилетия XX века этничность из культурного по преимуществу феномена преобразовалась в легитимный (на основе концепта коллективных, групповых прав) инструмент реализации политических, социальных, экономических интересов индивидов. Принятие модели локальных этнических культур в качестве модели нациестроительства неизбежно обрачивается той или иной формой этнократии, то есть придания этносу характера и статуса политического субъекта. Политические идеи, вырастающие из этнического и конфессионального сепаратизма, активно используются экстремистами для разрушения гражданских (политических) наций, современных государств и соответствующих им институтов и идей. Негативные последствия этих процессов выразились в бурных политических манифестациях в защиту этничности, в многочисленных этнических конфликтах и войнах.

Во многих странах этнические общности приобретают все больше средств и возможностей для сохранения своей культурной самобытности, в том числе в виде разнообразных политически-правовых механизмов. Если коротко подытожить результаты многочисленных социологических исследований, то можно сказать, что массовое сознание казахстанцев в целом разделяет убеждение в том, что формирование общекзахстанской идентичности может и должно происходить на поликультурных основаниях. При этом можно сказать, что мультикультурализм — атрибутивное качество евразийской ментальности. Вместе с тем понятная и законная забота о сохранении своей этнокультурной самобытности подчас приводит к самоизоляции этнических групп, к интенсификации процессов этнической самоидентификации в ущерб и вопреки общекзахстанской гражданской идентичности.

В связи с этим одной из наиболее актуальных в теоретическом и политико-практическом отношении становится проблема соотношения двух концепций нации и соответственно двух стратегий национально-государственного строительства.

Обозначенная А. А. Гусейновым, Е. Й. Вятром, В. Продановым и рядом других участников Лихачевских

чтений проблема является предметом напряженных дискуссий в казахстанском научном и экспертном сообществе. В нашей монографии «Общенациональная идея Казахстана: опыт философско-политологического анализа» (2006) отмечается, что существуют две основные стратегии национально-государственного строительства и две соответствующие им доминирующие модели межнационального согласия.

Первая стратегия направлена на формирование единой казахстанской нации из полиэтнического по своему составу социума на основе общности гражданства, под которой понимается не просто юридическая фиксация факта гражданской принадлежности, а высокий уровень гражданской самоидентификации представителей разных этнических групп. Такой подход получил название гражданского национализма.

Сторонники альтернативной стратегии национально-государственного строительства исходят из того, что построение единой («гражданской») нации в Казахстане невозможно, поскольку этническая самоидентификация индивида будет всегда довлеть над его гражданской идентичностью. Поэтому с учетом особой роли титульной казахской нации в государственном строительстве фундаментом культуры казахстанского общества должна быть казахская культура, вокруг которой будут объединены культуры всех национальных диаспор. Этот подход получил название «этнокультурного национализма».

Между приверженцами этих двух моделей ведется борьба по целому ряду вопросов: вопросы гражданства, представительства этнических групп в органах власти, языковая проблема и т. д. В теоретическом плане эта борьба сводится к проблеме разрешения противоречия между гражданским и этнокультурным пониманием нации. Рассматривая аргументы «за» и «против» обеих позиций, можно сделать вывод: необходимо использовать обе концепции нации — гражданскую и этнокультурную, а не опираться только на одну из них, отбрасывая в то же время вторую, что имело бы пагубные последствия не только для общей ситуации в национальной сфере, но и для судьбы самого государства.

Казахстанское унитарное государство пытается решить дилемму гражданской и этнокультурной моделей, объединения общности соотечественников и общества граждан на основе компромиссов, попыток сближения и примирения крайностей. С одной стороны, эта стратегия продемонстрировала свою эффективность, но, с другой стороны, государственная национальная политика неизбежно подвергается критике с обеих сторон.

Выдвигая аргументы за интеграцию гражданской и этнокультурной концепций национальной консолидации, казахстанские исследователи подчеркивают, что за этими концепциями, их политическими импликациями и вытекающими из них различиями стратегий национально-государственного строительства лежат принципиальные различия в понимании социальной онтологии и методологии социального познания, а также различия в системах политических ценностей. Этнокультурная концепция нации как естественно возникшей солидарной общности (примордиалистская парадигма) соотносится с авторитарными политическими режимами, с консервативной идеологией и республиканским

пониманием политики, а гражданская концепция нации — с либеральными воззрениями.

Но если дело обстоит именно таким образом, то в задаче объединения гражданской и этнокультурной моделей, в стратегии достижения межнационального согласия имплицитно различия типов онтологии и семантики социально-политической реальности. Поэтому дискурс и праксис мультикультурализма органически, сущностно связан с проблемой философско-онтологических оснований концепции синтеза гражданской и этнокультурной идентичности. Вместе с тем неразработанность, неясность такого рода оснований не должны стать препятствием для практического утверждения единства гражданской и этнокультурной идентичности в качестве императива национально-государственного строительства на принципах мультикультурализма.

В. В. НАУМКИН: — Посол Хуан Антонио Марк, прошу Вас.

Х. А. МАРК: — Весь мир сейчас столкнулся с экономическим кризисом. Что случилось с долларом? До кризиса его цена относительно золота была высокой, но затем упала. В чем причина? Чтобы понять это, давайте вспомним, на чем базируется стоимость доллара. А ни на чем конкретном! Мы просто можем сказать, что он стоит столько-то, и все верят, что его стоимость именно такая.

Такая же ситуация в политике. На чем должна основываться стабильность мира? На том же, на чем стоимость доллара, — ни на чем конкретном. Просто она должна иметь некоторую цену в нашем сознании. А основой новой модели мира должно быть многообразие, то есть эта модель не будет жестко структурированной. В современном мире, с моей точки зрения, необходимо создать жизненно важную ментальность. В настоящее время преобладающая система ценностей базируется на способностях отдельного гражданина, индивида. Сейчас эта система находится в состоянии хаоса, потому что модель себя исчерпала. Монолитные структуры, такие как, например, семья, уже не считаются основной ценностью, и это опять же порождает хаос. Основной ценностью новой модели будет разнообразие, оно требуется для того, чтобы поддерживать мирное сосуществование индивидов. Нам нужны связи между разными культурами — только так может осуществляться развитие. Я полагаю, что это довольно трудно, потому что сейчас происходит трансформация мира, который был нам понятен, в другой, разнообразный и непоследовательный. И это разнообразие культур — ключевая позиция. Люди в разных странах и обществах являются приверженцами разных идей, в том числе таких радикальных, как фашистские. Можем ли мы избавиться от такой идеологии? Нет, не можем и не должны. Наша задача — добиться того, чтобы подобные идеи не были доминирующими. Я считаю, что мы должны прилагать усилия к тому, чтобы все люди стали осознавать, насколько важно разнообразие и как сложен мир в новом столетии. Мы не можем исключать зло, но должны стремиться к тому, чтобы не позволить ему доминировать. Надо, чтобы люди осознали: создавать очень трудно, а разрушать легко. Например, великий и блистательный Эрмитаж создавался трудом мно-

гих людей в течение десятилетий, но для того, чтобы его разрушить, достаточно одной бомбы. Мы должны следовать позитивным тенденциям, хотя это нелегко. Если мы будем «инвестировать» в этот процесс наши усилия, то мир будет более счастливым. Спасибо.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется профессору Ольге Николаевне Астафьевой.

О. Н. АСТАФЬЕВА¹: — Многое из того, что мы сейчас услышали, по-моему, очень правильно сформулировано. Это созвучно и моей основной идее: моделей мультикультурализма в современном мире очень много. Более того, намечены эволюция и динамика этих моделей. В политический и социокультурный дискурс уже включаются размышления об управлении будущими моделями. Все, о чем сегодня говорилось, в сущности связано с конструированием национально-культурных идентичностей в современном мире. И здесь проблемы права и ценностей равнозначны. Однако поскольку мы говорим о едином векторе, который направлен на укрепление гражданской идентичности, то здесь проблема права становится центральной. Особенно когда внимание концентрируется на моменте сосуществования, точнее сказать, коллективного участия в жизни государства на основе культурных ценностей. И это, на мой взгляд, проблема очень сложная и интересная. Поскольку Россия столкнулась с вызовами своей национально-культурной идентичности, то игнорировать личностный, индивидуальный идентификационный уровень тоже было бы неправильно. Как нельзя говорить о том, что идентичность конструируется только самим человеком, так и нельзя забывать о моментах, связанных с философией и этикой коллективного самоопределения. При этом социальное конструирование (я согласна с коллегой из Болгарии) выступает важным рациональным управленческим моментом. Однако что же мы будем конструировать, к какой модели стремиться? Социологические исследования показывают, что одна часть россиян тяготеет к возрождению и укреплению национально-культурной идентичности, основанной на традиционных ценностях, другая — наоборот, ориентирована на новации и модернизацию. Это приводит к столкновению коллективных идентичностей. И вопрос Хантингтона: «Кто мы?» закономерен, он касается не только Америки, но и любой другой страны в современном мире, в том числе и нашей.

Итак, какой же тип идентичности мы хотели бы построить? Доминантный, который будет основываться на праве, на сценарии сконструированной иерархии ценностей? Тогда это будет коллективная гражданская идентичность на корпоративной основе, а права человека

¹ Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы» и др. Главный редактор электронного научного издания «Культурологический журнал / "Journal of Cultural Research"», заместитель главного редактора журнала «Личность. Культура. Общество», председатель Московского филиала научно-образовательного культурологического общества, член Союза композиторов России, Российского философского общества.

в культуре станут центральной идеей, что сегодня слабо разработано в российском дискурсе. Доминантной будет гражданская идентичность, а социальное конструирование — механизмом ее укрепления. Встроить в такую модель культурное разнообразие сложно, хотя и решаемо. В этом смысле позитивным можно считать опыт Канады. Если же мы собираемся выстроить и удержать некий свободный, «лиминальный» тип мультикультурности как модели национальной идентичности, тогда позволим себе считать, что это мерцающая, то есть ситуативная, идентичность, которую человек выбирает (или получает право выбирать) в любой ситуации, и она становится характеристикой переходного периода к устойчивым идентификационным формам. Или мы будем стремиться к новому типу интегративной модели идентичности? В сущности, эта проблема поставлена во главу угла культурной политики.

Из области практики. Российские власти в течение последних пяти лет активно занимаются разработкой закона о культуре. За это время в проект была включена новая проблема, оформленная в виде отдельной статьи: трактовка культурного разнообразия, многокультурность. Возникает вопрос: разве многокультурность раньше не была присуща России? Она является нашей сущностной чертой! Проблема в том, как мы ее обозначаем и что мы хотим получить в результате инструментальной работы, оперирования правовыми актами. Будет ли закон способствовать укреплению единства, избавит ли модель коллективной идентичности от чрезмерной неустойчивости? Принимая его, мы должны быть уверены в этом.

И еще один вопрос. Гражданское общество в России находится в стадии становления. Это совершенно очевидно. В связи с этим заметим, что здесь почти не прозвучала тематика, связанная с деятельностью этнокультурных сообществ, которые в России представлены как институты гражданского общества. Сегодня они на этом большом дискурсивном политическом фоне зачастую уходят в контексты. А эти контексты иногда, между прочим, определяют стратегическую линию национальной и культурной политики страны.

Многообразие российской культуры с ее прекрасными практиками (такими, к примеру, как Оренбургье) и опытом сохранения этнокультурного разнообразия в разных регионах страны соответствует философским утверждениям, уже ставшим классическими, что в условиях испытания глобализацией и открытостью Россия ищет свою «культурную самобытность, устремленную в будущее». Необходимо укрепить настоящее, удерживающее нас от острых конфликтов, через модель, основанную на многообразии в единстве, и эта задача не из легких. Поэтому кризисы и сопротивление, которые мы переживали и с которыми продолжаем сталкиваться, вполне естественны. Отказываться от возвращения к философскому переосмыслению мультикультурализма, мне кажется, сегодня преждевременно и политически недальновидно.

Е. Н. ШАПИНСКАЯ¹: — В продолжение сказанного профессором О. Н. Астафьевой хочу затронуть

¹ Главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: «Дискурс любви», «Очерки популярной культуры», «Образ Другого в текстах культуры», «Взаимодействие культур —

еще один аспект сосуществования и взаимодействия культур. Дело в том, что модели, предлагаемые на официальном уровне, далеко не всегда бывают успешными. То, что формируется в реальности, в частности конфликтные ситуации, во многом зависит не от того, что предлагают интеллектуальная элита или политики, а от того образа, который формируется в массовом сознании, в частности образ Другого, в котором всегда предстает носитель иной культуры. В России мы все чаще сталкиваемся с этим — с новыми процессами миграции, модернизации и т. д. В русском сознании образ этнического Другого традиционно был знаком минус, это был басурманин, немец и т. д. И отношение к нему было, мягко говоря, настороженным. Потом, по мере европеизации и по причине открытости России другим странам, возникла противоположная тенденция — возвышение некоего западного Другого как труднодостижимого образца. В результате в популярном сознании все перемешалось. Какой же образ Другого существует в реальности в сознании масс? Здесь отчетливо проявляются две тенденции. С одной стороны, это традиционное отторжение, в частности, к новому явлению — массовой миграции, которая все больше захлестывает Россию. С другой — присвоение Другого, которое часто идет бессознательно, на бытовом уровне. В повседневную жизнь все больше входят артефакты, вкусы, пристрастия, мода и другие вещи, которые откуда-то пришли, причем люди часто не знают откуда, но воспринимают это как что-то интересное, как часть поликультурной картины современного мира. Музыка, одежда, кулинарные рецепты, развлечения — все это области, где присваивается Другой, но без тех смыслов, которые изначально присущи тому или иному пласту культуры этого Другого.

Образ Другого конституируется очень влиятельной властью — медиа. Этот образ зависит от тех медиаобразов, которые мы видим разбросанными по традиционным и новым СМИ, имеющим гораздо большее влияние на умы и сердца массового потребителя, чем самые благородные стремления интеллектуальной элиты. Исследования медиаобраза Другого очень развиты на Западе, где они осуществляются по кинотекстам. На мой взгляд, это очень важное направление, без которого никакая гармония между культурами и цивилизациями невозможна.

Так кто же этот Другой? Кто такие Мы и Они? Традиционно предполагается, что Я — некий носитель культуры мейнстрима, а Другой — это некое меньшинство. Однако если учесть количество тех, кто перемещается по свету... Недавно я посмотрела документальный фильм об одном английском городке, где коренных жителей осталось около 10 %, а 90 % — иммигранты, приехавшие из Пакистана, Китая, стран Северной Африки. В данном случае кто же Я, а кто Другой? Происходит беспрецедентный процесс: Мы, которые считали себя Я, становятся Другими по отношению к большинству. В Норвегии было проведено исследование, показавшее,

взаимодействие людей (контекст мультикультурализма)», «Культурологический дискурс после постмодернизма», «Конструкция образа Востока в текстах культуры: политика репрезентации», «Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма» и др. Член Московского культурологического общества.

что в норвежских школах 80 % детей — не норвежцы. И кто же тогда эти норвежцы, которых осталось всего 20 %? Норвежец — это Другой по отношению к тому, кто пришел, но еще не идентифицировал себя, не является носителем законов.

Таким образом, в современном мире момент Я–Другой, Мы–Они очень подвижен. Очевидно, что надо трезво оценить ситуацию и учитывать это при выработке каких-то мер и политик. Являются ли законодатели на самом деле законодателями, или они уже объекты совсем других отношений? И кто всем этим управляет?

В. В. НАУМКИН: — Господин Фарид Абдуллоевич Асадуллин, Вам слово.

Ф. А. АСАДУЛЛИН¹: — В этом году международный общественный форум «Диалог цивилизаций» будет отмечать свое десятилетие, поэтому когда мы говорим о достижениях концепции мультикультурализма и еще больших проблемах развития межцивилизационного диалога, мне кажется, мы должны четко осознавать, что эти международные проекты возникли совсем недавно. Сегодня круг вопросов, которые закладываются в повестку дня международного сообщества, только структурируется. Безусловно, все идет эволюционным путем. В связи с этим вспоминается известный афоризм: «Исторический процесс — это не мостовая Невского проспекта». И действительно, на этом пути очень много соблазнов свернуть на другие дороги или даже съехать в кювет.

Приведу показательный пример. Вы, разумеется, знаете о решении Второго Ватиканского собора, который впервые за многие века сосуществования христианской и мусульманской цивилизаций в конце концов в 1965 году пришел к тому, что христианский мир, вернее, католическая его часть, осознала важность для человечества мусульманского религиозного опыта. Впервые иерархи католической церкви признали ислам небиблейской формой монотеизма. На самом деле, если вдуматься, когда мы говорим о кризисе мультикультурализма, то, мне кажется, это всего лишь кризис наших узких представлений. Что такое мультикультурализм? Скажем, в Испании XV века существовали такие центры исламской цивилизации, как Гранада, Андалусия. И сегодня, когда посещаешь некоторые католические храмы Испании, видишь по орнаментам, что в прошлом это мусульманский храм. Конечно, там внутри что-то меняется, но стилизация и очень многое из того, что там изображено, наталкивает на мысль, что это исламское культовое сооружение.

Я прочел доклад академика Куделина и подумал, что он хорошо иллюстрирует то, что мы сегодня об-

суждаем. Когда мы читаем «Западно-восточный диван» Гёте — великого немецкого поэта, то постоянно натываемся на ясные реминисценции из Корана. Он говорит, что Восток и Запад принадлежат Творцу Всевышнему, и это прямая ссылка на Коран. Более того, в одном из стихотворений он говорит примерно так: «если ислам — это единобожие, то считайте меня мусульманином». Все это говорит о том, что человеческая цивилизация — это многослойное синтетическое образование, и все зависит от уровня нашей компетенции. Востоковеды умеют вскрывать и показывать эти культурные напластования.

В Москве сегодня обострилась проблема строительства мечетей, притом что активная миграция с юга на север рождает проблему наличия мусульманских молельных сооружений. И когда мы видим прямые трансляции религиозных праздников, то возникает вопрос: почему в 20-градусный мороз мусульмане должны совершать свои религиозные церемонии на холодном асфальте, а то и на снегу? В связи с этим хочу вновь обратиться к вопросу ответственности — не только интеллектуальной, но и политической элиты, то есть людей, которые по роду своей деятельности должны обращать внимание на такого рода проблемы. Невозможность свободно исповедовать свою религию либо загоняет ее носителей в подполье, либо рождает еще большую проблему — экстремизм, с чем мы и сталкиваемся сегодня. То же можно сказать не только об исламе, но и о других религиозных традициях. Все они требуют адекватного отношения и внимания политической и интеллектуальной элиты страны.

Возвращаясь к выступлению нашего китайского коллеги, хочу сказать, что в Пекине, по официальной статистике, на 250 тыс. проживающих там мусульман приходится 70 мечетей. Коммунистический Китай показывает пример того, как решается проблема сосуществования разных религий. При том что это страна с развитыми традициями синтоизма, конфуцианской философии, политическая элита страны обращает внимание и на важность исламского фактора.

И последний тезис. Во многих публикациях встречается термин “struggle for existence” — борьба за существование. Но “struggle for existence” должна трансформироваться в понятие “struggle for co-existence”, то есть необходимо понимать, что мы живем в одном общем доме. Представители самых разных религиозных и культурных традиций идут по пути, который не похож на мостовую Невского проспекта, спотыкаясь и наталкиваясь на препятствия, но нет альтернативы этому движению навстречу друг другу.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Выступление Фариды Абдуллоевича показывает, что в столице нашего Отечества не хватает мечетей. Но есть и другие проблемы. Мы часто говорим о нетерпимости со стороны части мусульман, и это действительно прослеживается в некоторых течениях современного ислама. Но не будем забывать и о нетерпимости в других конфессиях, в том числе в православии. Несколько дней назад у нас получал степень Почетного доктора Института востоковедения председатель Генассамблеи ООН, родом из Катара, — господин Насер Абдель Азиз ан-Насер. Его визит предусматривал поездку в Троице-Сергиеву лавру.

¹ Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Сопредседатель информационно-аналитического центра Совета муфтиев России. Шейх. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Насера встречал благочинный, обедал с ним, рассказывал о лавре. После этого на одном из православных сайтов я, к своему удивлению, прочитал очень злой комментарий, обращенный против нашего Института и самого благочинного. Даже была приведена цитата из Библии о том, что еретики не должны допускаться в храм. Автор комментария вспомнил, что не так давно в лавру ездили послы из государств католического мира, и призвал прекратить это безобразие. Так что среди наших православных фундаменталистов тоже есть такая тенденция — нетерпимость. Эти люди считают, что концепция толерантности навязана нам западной либеральной традицией, что для России она якобы чужда, потому что мешает отстаивать наши духовные ценности.

Еще один пример. Несколько лет назад состоялась встреча между рядом видных деятелей РПЦ во главе с нынешним Святейшим патриархом Кириллом (тогда он еще был митрополитом) и учеными. И на эту встречу были приглашены мы с моим коллегой, исламоведом Тауфиком Ибрагимом. Одной из тем встречи была концепция российского православия в отношении ислама. Мы не вдавались в теологические дебри; подразумевалось, что Бог один — для мусульман, христиан, всех представителей авраамических религий. Казалось бы, простой вопрос, во всяком случае для меня. Однако к единодушному мнению по этому поводу мы не пришли.

И последний пример — одна из проблем, связанных с миграциями. В конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда у нас началось религиозное возрождение, произошел мощный всплеск мусульманской идентичности — идентификации людей по принципу принадлежности к исламскому вероисповеданию. Очень многие стали посещать мечети, где проповеди велись в основном на татарском языке, потому что большинство мусульман в центральной и восточной частях России — татары. А сегодня большинство верующих во многих городах центральной и восточной России составляют уже не татары и башкиры, а узбеки, таджики, азербайджанцы, приезжающие из-за пределов России, а также выходцы из регионов Северного Кавказа. Возникает коллизия, связанная с языком, и она не является чисто филологической. Проповеди ведутся уже на русском языке, что вызывает некоторое недовольство со стороны татарских верующих, потому что это воспринимается как отход от той идентичности, которая связана с использованием родного языка. Так что проблем очень много, и решать их не всегда просто.

А сейчас слово коллеге Анне Владимировне Костиной.

А. В. КОСТИНА¹: — Уважаемые коллеги, проблема, которую мы сегодня обсуждаем, касается абсолютно всех, и она не является чисто философской или со-

¹ Заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 26 монографий, учебников и учебных пособий: «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе», «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального» (в соавт.), «Национально-культурная идентичность как проблема развития современной России», «Россия как полиэтничное государство: особенности и проблемы современного развития», «Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы». Действительный член Международной академии наук (IAS, Инсбрук).

циологической. Эта проблема — политическая, связанная с общежитием в рамках государств и между государствами. Прежде всего мне хотелось бы уточнить два понятия, которые постоянно встречаются в нашем дискурсе: полиэтничность и мультикультурализм. Понятие мультикультурализма вошло в исследовательскую и политическую практику около десяти лет назад. Тогда мы понимали мультикультурализм как поликультурность, и нам казалось, что ничего плохого в этом слове нет. Но на самом деле термин «мультикультурализм» означает определенную политику и практику поддержания этнических меньшинств, которые испытывают давление большинства. Эта политика родилась в благополучной Америке, когда страна вступила в постиндустриальную фазу развития. Но в то время проблема миграции еще не была такой острой. Она начала обостряться по мере активного разворачивания глобализации.

Во всех странах, даже не очень крупных, таких как Испания или Швеция, мы всегда обнаружим хотя бы несколько различных национальностей. Но при этом было бы неправомерно говорить о мультикультурализме, так как эти народы, в общем, бесконфликтно сосуществуют друг с другом в течение достаточно большого исторического времени, выработав конструктивные принципы взаимодействия. Их вынуждали к этому общие задачи — совместная хозяйственная деятельность, оборона от воинственно настроенных соседей. Такая практика приводит к созданию мультиэтнических анклавов, которые существуют на протяжении длительного времени и составляют основу тех полиэтничных государств, о которых мы сегодня говорим.

Но практика мультикультурализма — это нечто иное. Это то, что началось с разворачивания глобализации, связано с активными волнами миграции, прежде всего трудовой, и наплывом этнических сообществ, которые локализуются в рамках национальных государств и создают культурные анклавы, не включаемые в общую культуру. Именно эта ситуация породила многочисленные комментарии, которые мы слышали от ведущих лидеров европейских государств; ярче всех на эту тему высказались Ангела Меркель и Николя Саркози, которые говорили о недопустимости создания внутри государств неких анклавов с собственными культурными смыслами.

Здесь коллеги совершенно верно отмечали, что основой непонимания является религия. Но я бы употребила более широкое понятие — «культура». Не только религия затрудняет взаимопонимание, но и бытовые традиции, образ мыслей, привычки — все то, что наполняет нашу жизнь особыми смыслами. И это непонимание, иногда на бытовом уровне, мешает нам стать единой общностью. В связи с этим главный вопрос: есть ли возможность объединения? Мы говорим, что национальное государство устарело, основным принципом мироустройства становятся универсальные права человека. Безусловно, времена меняются, и сегодня мы можем сказать, что это верные тезисы. Но национальные культуры, возникшие в основном еще в эпоху Просвещения, формировались именно как образования, которые могут сплотить людей единством смыслов, поэтому я считаю, что национальные культуры в настоящее время отнюдь не утратили своей актуальности. Когда я говорю о национальной культуре, то не имею в виду какие-либо

этноты. Национальная культура основана прежде всего на гражданстве и поэтому включает различные смыслы. Но есть ведь и общие смыслы. Когда профессор Бонненберг констатировал, что национальные государства уходят в прошлое, то он сказал и о том, что нам необходимо сплочение. Народы и национальные культуры должны находить то общее, что объединит их. То есть, скажем, два народа должны найти некий третий смысл, который доступен и первому, и второму народу. Если речь идет о религии или национальных традициях, значит, это должны быть какие-то элементы, общие для разных конфессий и традиций. И, безусловно, с моей точки зрения, в рамках одного государства недопустимо существование локальных групп, которые живут собственными смыслами, не включенными в смыслы общей национальной культуры.

Современные национальные культуры основаны не на тех фундаментах, на которых они выстраивались начиная с XVIII века, тем не менее общность гражданства заставляет всех граждан страны двигаться в одном направлении. Поэтому, повторяю, должно быть нечто такое, что объединит всех. Это могут быть простые символы, связанные с историей государства, или деятели культуры, важные для всего народа, и т. д. Единство нужно находить в «третьем», которое объединяет «первое» и «второе».

В. В. НАУМКИН: — Анатолий Андреевич Громыко, пожалуйста, Вам слово.

А. А. ГРОМЫКО: — Трудно выступать после дам — они всегда говорят интереснее, чем мужчины. Почему? Потому что женщины вообще лучше мужчин. Я выскажу ряд соображений по поводу того, что меня волнует.

Уважаемый посол Хуан Антонио Марк говорил о том, что должна быть создана новая парадигма, что XXI век — это не XX век. Это общеизвестная истина. Я согласен с ним: может появиться обновленная парадигма, которую нам придется выстраивать — вместе с правительствами, общественными организациями, учеными, политиками, дипломатами. Однако эта модель не может быть совершенно новой. Должны же мы из прошлого коллективного разума брать самое лучшее. Разве XX век оставил нам только руины двух мировых войн? Нет! XX век оставил нам самую демократичную планетарную организацию — Организацию Объединенных Наций. Самый демократический международный устав — это Устав ООН, потому что в нем есть принципы, которые ни один каток истории не может подмять и раздавить навсегда. Это принципы, без которых человечество погибнет. Например, принцип поддержания международного мира и безопасности без применения силы — разве без него возможно демократическое развитие международных отношений? Или невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства. Принципы ООН — цементирующие. Без них международные отношения рассыплются, превратятся в хаос и непрерывные конфликты разных субъектов. Международное право, по сути, исчезнет.

Я сторонник точки зрения, что история — это единый процесс. Она не может развиваться только в одном направлении — вперед. История может затормозить, повернуть вспять, пойти боковыми дорогами... Но исто-

рия — это то, что мы с вами обязаны беречь. Она должна нас не только угнетать, но и вдохновлять. Новый правопорядок должен основываться на международном праве. Международное право может существовать, только если нет двойных стандартов и принцип приоритета прав человека относится к каждому. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, — один из важнейших документов XX столетия, она должна соблюдаться всеми государствами. Права человека очень важны! Без соблюдения прав отдельной личности человечество не может развиваться. Но когда мы складываем «единичные» права человека и получаем права тысяч и миллионов людей, то появляется право народов. А какое основное право человека и народа? Право на жизнь! Поэтому нельзя, чтобы права двух-трех или даже ста человек нарушали права тысяч, так чтобы ставилась под угрозу их жизнь.

Вернусь к другой теме, которая здесь прозвучала. Господин Герра рассказывал о мигрантах, приезжающих во Францию. Так вот когда я недавно гулял по Елисейским Полям, то обратил внимание, что они совершенно не похожи на те Елисейские Поля, по которым я ходил 40 лет назад! Исчезновение этнических французов с улиц Парижа в центре производит странное впечатление. Сейчас кто же против мультикультурализма? Но, простите, если и Москва перестанет быть в основном русским городом, то мне будет как-то невесело. А ведь это вполне вероятно — Москва движется в том же направлении, что и Париж.

Но я не случайно начал свое выступление с «женской» темы. Однажды, лет десять назад, мне довелось ненароком попасть в ряды участников демонстрации под руководством господина Ле Пена. Это происходило около Лувра. Демонстранты шли и пели французские песни (наверное националистические). И вдруг они запели русскую «Катюшу», очень задушевно. Очевидно, считали, что «Катюша» в чем-то отражает их настроения. Что я могу сказать? Вслед за госпожой Тэтчер и господой Меркель мы можем в будущем и во Франции увидеть женщину на главном государственном посту.

В. В. НАУМКИН: — Большое спасибо. Разделяю Ваши тревоги. Но давайте не будем забывать, что в России 80 % населения — этнические русские. Это очень высокий процент, хотя бы по сравнению с Европой. К тому же у многих из нас есть корни, которые тянутся неизвестно куда. Правда, это уже другой вопрос.

А в связи с Вашим интересом к женщинам мы с Петром Дуткевичем вспомнили одну пресс-конференцию, на которой нашему бывшему премьеру Виктору Черномырдину был задан интересный вопрос. «Господин Черномырдин, — спросила журналистка, — почему в Вашем правительстве не было женщин?» Он ответил: «Да не до того нам было».

А. А. МОИСЕЕВ: — Небольшая реплика на тему, затронутую Анатолием Андреевичем, — о том, что поскольку происходят международные правонарушения и преступления, то исчезает правопорядок и суверенитет. Когда мы ежедневно сталкиваемся с правонарушениями, в том числе и уголовными, то у нас не возникает мысли, что исчезает уголовный кодекс. Так же и с международным правом. Однако право не является

догматичным и застывшим, оно продолжает изменяться, хотя и небыстро — последние радикальные изменения международного права относятся к 1945 году. Тем не менее процесс идет, и я даже обозначил сегодня его тенденцию.

В. В. НАУМКИН: — Господин Петр Дуткевич, Вам слово.

П. ДУТКЕВИЧ: — Вначале о Канаде. У нас все еще продолжается эксперимент. Основу населения страны составляют три группы — коренные жители континента, британцы и французы. Однако иммиграция в страну продолжается, иммигранты уже составляют около 40 % населения. Три года назад Иммануил Валлерстайн здесь же сказал, что диалог возможен только между равными. Когда нет равенства, нет и диалога. А если говорить в практических терминах, то равенство в случае мультикультурализма означает по существу только одно: мы должны придавать силу и значение нашим меньшинствам.

Я выяснил, сколько представителей меньшинств избраны членами парламента в Канаде и во Франции. И был немало удивлен: во французском парламенте выходцы из Ливии, Алжира не представлены вообще, в то время как в канадском около 15 % составляют представители меньшинств. К тому же мы поощряем их участие в бизнесе — 30 % предприятий принадлежит не британцам и не французам. Мы также даем им преференции в получении образования, трудоустройстве, в том числе через частные агентства по найму. Если мы не будем относиться к меньшинствам как к равным, ничего у нас не выйдет.

Второе соображение — насчет того, что говорила коллега об общей почве. Язык и закон — это неприкосновенное. Приезжающие в Канаду обязаны знать по крайней мере один язык из двух государственных и подчиняться нашим законам. Эти два условия не подлежат обсуждению. Мы настаиваем на том, что никакие другие законы, в том числе шариатское право, в нашем государстве невозможны. Конечно, канадское право тоже меняется, потому что меняется жизнь вокруг. Тем не менее его соблюдение остается фундаментальным требованием.

Часто приходится слышать вопрос: а куда мы, собственно, идем? Многие сомневаются в том, что мультикультурализм стоит тех финансовых средств, которые приходится тратить на этот продолжающийся эксперимент. Ведь мы должны поддерживать средства массовой информации, обучать иммигрантов, даже предоставлять определенные преимущества меньшинствам. Все это требует средств. Сможем ли мы в будущем продолжать финансирование? Это непростой вопрос.

При этом есть опасения, что у нас в стране все-таки создаются замкнутые диаспоры. Многие канадцы считают, что политика мультикультурализма противоречит идее единой нации, стирает ощущение гражданства. Много сомнений, которые всегда высказываются в дискуссиях о мультикультурализме. Говорят, что не существует канадской модели, а есть набор различных политических приемов, которые постоянно меняются. И действительно, в 1960-х годах проводилась одна политика, в 1970-х и 1980-х — другая. В последние де-

сятия политика тоже постоянно меняется. Сегодня она в большей степени направлена на ассимиляцию, чем раньше. В 1960–1970-х требовала решения проблема: признать, что у нас существуют национальные меньшинства. Во второй половине 1970-х мы озаботились другим вопросом: какой политики надо придерживаться в этой области? Затем, в 1990-х, начали создавать условия, которые позволили бы реализовать мирное сосуществование в рамках одного государства. Эта задача не имеет окончательного решения, приходится постоянно реагировать на новые вызовы. Каким образом блокировать проявления экстремизма? Ведь среди разных групп населения имеются и фундаменталисты, и экстремисты, особенно эти проблемы проявляются в последние 3–4 года. Таким образом, необходимо построить очень сильный центр — только так мы сможем обрубить крылья экстремизму и фундаментализму, который встречается среди мигрантов.

В прошлом году на одном форуме мы рассматривали проблему меньшинств. И меня очень удивило, что председатель форума, который публично заявляет о своем демократизме, не пригласил тех людей, которые могли бы предложить нечто позитивное в отношении мультикультурализма. И все участники выступали против меньшинств и против мультикультурализма, обосновывая свои суждения примерами Германии и Франции. И забывая при этом о положительных примерах, таких как, скажем, Австралия, где прекрасно справляются с этими проблемами. Возвращаясь к словам Иммануила Валлерстайна: когда мы говорим о меньшинствах, то необходимо рассматривать культурный аспект, и это непременно должна быть дискуссия между равными.

В. В. НАУМКИН: — Профессор Игорь Федорович Кефели, прошу Вас.

И. Ф. КЕФЕЛИ¹: — Уважаемые коллеги! Я хотел бы обратить внимание на возможную модель мультикультурализма, которую назвал бы евразийской. Такая модель складывается на нашем евразийском пространстве. О ней, на примере Казахстана, рассказал профессор А. Н. Нысанбаев, и я полностью согласен с ним по многим положениям. Но, по-моему, надо взглянуть на данную проблему несколько шире и связать ее осмысление с теми философскими, историческими и историко-софскими истоками, которые были заложены плеядой русских ученых-эмигрантов начала 1920-х годов, представлявших русскую науку в Софии, Праге, Париже. Я говорю о школе «евразийцев», которые с другого берега смотрели, как строилась российская держава уже в формате Советского Союза и каким образом это геополитическое пространство вписывалось в русло «евразийской» идеи. Эти ученые — Петр Николаевич Савицкий,

¹ Заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Идеологические ориентиры в социокультурном пространстве России», «Судьба России в глобальной геополитике», «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика». Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Член редколлегии журналов «Арктика и Север», «Век глобализации», «Вестник Московского университета» (серия «Глобалистика и геополитика»), «Социально-гуманитарные знания».

Георгий Владимирович Вернадский, Николай Сергеевич Трубецкой и др.

Еще в 1921 году Савицкий в работе «Европа и Евразия» впервые ввел в научный оборот понятие «Евразия» и определил контуры евразийского мира, подразделяя весь евразийский континент на три «подконтинента»: Европа, Азия и собственно Евразия. Если рассмотреть понятийный аппарат, который закладывался Савицким, Вернадским и впоследствии Львом Николаевичем Гумилевым, который называл себя последним евразийцем, то можно проследить определенную цепочку не только в историософской, но и в геополитической мысли. Понятие символической личности характеризовало еще не называемое в те десятилетия геополитическое пространство, которое являлось примером мультикультурализма. И я хотел бы напомнить, что вчера профессор А. А. Акаев сказал относительно необходимости и закономерности создания Евразийского союза, который, во многом повторяя контуры Советского Союза, должен будет учитывать ту модель евразийства, что была предложена упомянутыми выше учеными-«евразийцами». Эта модель должна стать, как я считаю, основой культурологической парадигмы для будущего Евразийского союза. Потому что, на мой взгляд, эта идея воплощается в жизнь, и нам никуда от нее не уйти. И все дискуссии о мультикультурализме и понятия, разворачивающиеся в целостные концепции и теории, должны быть подчинены идее создания Евразийского союза.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется господину Ангелу Марину.

А. МАРИН¹: — Поскольку наша конференция названа в честь Дмитрия Сергеевича Лихачева, мне хочется напомнить некоторые его идеи, связанные с Болгарией. В своем обращении к болгарской молодежи Дмитрий Сергеевич сказал: «Не забывайте, что вы самая древняя из существующих сегодня культурных наций Европы. Вы, болгары, не только живые остатки древней культуры, но и составная часть будущего. Одна небольшая нация, как ваша, болгарская, может стать основополагающим камнем будущей культуры Европы. Не забывайте это!» От себя могу добавить, что он сказал это в 1997 году, но те, кто слышал эти слова, почему-то забыли о них. А другие их вообще не услышали.

Второе, что сказал Лихачев, «Болгария — это государство духа». Его составляют язык, письменность, литература, и именно они спасали государство в тяжелые времена, когда на Болгарию нападали захватчики и она оказывалась поработанной. И третье. Когда Дмитрию Сергеевичу задали вопрос о предназначении каждой нации, он ответил: «Тот народ, который следует своим традициям, сохраняет независимость и свою традиционную культуру, выполняет свое предназначение. И, безусловно, тот народ, который считается с другими народами». Это, по-моему, самое главное.

Я не являюсь специалистом в области культуры, но как человек, который работал во многих сферах общественной жизни, хочу сказать, что хорошо, когда в таких разговорах участвуют и люди, которые по роду сво-

ей профессиональной деятельности не имеют прямого отношения к культуре. Потому что когда проблемы обсуждаются в узком кругу специалистов, то они оказываются как бы в замкнутом пространстве и начинают неадекватно воспринимать действительность. Поэтому прежде чем говорить о диалоге культур в каком бы то ни было смысле, я хотел бы предложить другой вопрос: что такое глобализация? Понятно, что речь идет о глобализации, в условиях которой мы живем и работаем. Но одно дело, когда глобализация представляет собой американизацию мира, когда мировой порядок налаживается в интересах одного государства, в данном случае США. И совсем другое, когда мы имеем в виду глобализацию в условиях многополярного мира с учетом определяющей роли Китая, России, Индии, Бразилии, Латинской Америки, Южной Африки и арабского мира, а также с учетом значимости любого народа и государства. На меня произвело впечатление, что специалисты находят связь между глобализацией и уровнем национального сопротивления в условиях кризиса идентичности. В частности, нередки случаи преклонения перед чужими достижениями в сочетании с пренебрежением, а то и отречением от своих. Под предлогом глобализации мировые и региональные силы налаживают порядок, который их устраивает, в ущерб более слабым и маленьким государствам и бедным народам. Если пойдем по этому пути, то придется признать крупнейшими глобалистами своего времени и Наполеона, и Гитлера. Очевидно, что мы имеем в виду глобализацию, в рамках которой сохраняется разнообразие. Представьте себе, какой может быть диалог культур, если не будет различий между ними. Получится не диалог, а монолог одной искусственной культуры или цивилизации. Глобализация предполагает равноправие. По-моему, диалог культур должен быть культурным — как же иначе?

О болгарской модели сосуществования людей различных этносов. Я разделяю мнение, что надо говорить скорее не о модели, а о политике, но в Болгарии принято говорить об этнической модели, хотя под этим термином мы подразумеваем проведение определенной политики. Наша модель работает, у нас нет столкновений на межэтнической почве. Все участвуют в общественной жизни Болгарии. Но бывают на первый взгляд незначительные случаи, которые внушают некоторую тревогу. Приведу пример. Будучи вице-президентом, я произносил речь по поводу так называемого «процесса возрождения», сутью которого была замена арабских имен болгарскими. Кто-то делал это добровольно, кто-то под нажимом. Я выступал в день, когда по православному календарю принято просить прощения. Тут надо сказать, что в городе, где я родился, в конце XIX века были беспорядки, и 5 тыс. человек, восставших с целью освобождения Болгарии, были жестоко избиты. Почти все они были моими родственниками. Потом они были канонизированы Болгарской православной церковью и причислены к лику святых. Однако, произнося свою речь, я попросил прощения у болгарских турок за то, что они пережили во время процесса насильственной замены их имен. Вы не представляете, что произошло потом — все ополчились против меня! Почему я просил прощения у турок? Ведь они нас избивали! Пятьсот лет мы были под гнетом турок, но сейчас мы им предоставили все права. Наши современники

¹ Государственный и военный деятель, вице-президент Республики Болгария (2002 — январь 2012 г.). Автор книги «Последняя война».

не виноваты в том, что делали их прадеды, они не несут ответственности за то, что произошло тогда. Куда же мы придем, если постоянно будем видеть друг в друге врага? Эта история показывает, что даже тогда, когда все вроде бы идет нормально, спокойно, еще нужно сделать очень многое. Требуется терпение, и болгарский народ его проявляет.

По-моему (и не только по-моему), диалог культур — это не цель и даже не путь, а только шаги на пути к сотрудничеству мировой общности. Я не хочу выступать адвокатом политиков. В их адрес часто высказываются упреки, и вполне справедливые. Но следует признать, что среди государственных деятелей есть ответственные люди. Я встречался с Си Цзиньпином — вице-президентом Китая, с Нурсултаном Назарбаевым — президентом Казахстана. Так вот Назарбаев утверждает (и я с ним в этом согласен), что партнерство цивилизаций и культур является высшей формой сотрудничества при решении глобальных проблем. Это и есть основа многополярного мира в XXI веке. Надеюсь, что XII Международные Лихачевские научные чтения станут вкладом в успех этих шагов. Доброго пути!

Р. ГЕРРА: — Я во многом согласен с тем, о чем говорили профессор Анатолий Андреевич Громько и коллега из Канады Петр Дуткевич. Но хочу напомнить, что Франция — это страна, которая всегда старалась не ущемлять права эмигрантов, долгие годы подавала пример толерантности, всегда провозглашала и стремилась осуществлять на практике принципы взаимопонимания и взаимоуважения. Французские политики и общественные деятели всегда считали, что иммиграция — безусловно, положительное явление, которое обогащает принимающую страну. Напомню еще раз, что у нас была не одна волна иммиграции. И все-таки, почему, ответьте мне, с беженцами, к примеру, из Восточной Азии нет никаких проблем, а есть, наоборот, уважение и симпатия, а с выходцами из Северной Африки зато столько сложностей? И в связи со всем этим показательно, что несмотря на давнее уважение и интерес к другим культурам разных стран, во Франции, к сожалению, налицо тревожное положение в области «сосуществования» различных культур, их взаимодействия друг с другом. Но я хочу надеяться, что в конце концов мы сумеем найти выход...

Ф. УНГЕР: — Большое спасибо, господа, за интересную дискуссию. Здесь собрались участники из стран, располагающихся на разных континентах. Тема нашей конференции — «Диалог культур» — подразумевает, что диалог должен существовать и в сфере культуры как таковой, и в отношениях между народами. Я хотел бы высказать несколько комментариев. Сначала некоторые исторические сведения. Я родом из Австрии, которая долгое время существовала как часть Австро-Венгерской империи. И в этой империи люди говорили на 46 различных языках. Официальным языком был венгерский, но все могли общаться на сво-

ем национальном языке. То есть политика государства была такой, что позволяла гражданам жить так, как им удобно. В 1880-х годах стали приезжать мусульмане, и к ним применялась такая же политика. Я считаю, что это хороший пример для нас.

Здесь много говорилось о международном правовом порядке. Как доктор, я часто имею дело с международным законодательством, и, похоже, оно не всегда справедливо. Месяц назад я встречался с архиепископом. Ему предстояло ехать в Ирак, где проживает довольно много христиан, и выступать перед ними. Но христианин в Ираке воспринимается как враг мусульманского населения, и архиепископ был сильно встревожен.

Еще один пример. В Африке есть замечательная страна Камерун, там очень красивая природа, тропические леса, экзотическая фауна. Но многие реки загрязнены нефтяными отходами, и люди не могут жить в тех местах, так как там погибла рыба — основа их рациона. В связи с этим у нас очень много иммигрантов из Камеруна. Но что же происходит? Они создают большие диаспоры. По-моему, главное, что сейчас требуется, — принять такие законы, которые сделают возможной нашу совместную жизнь. Спасибо.

Х. БОННЕНБЕРГ: — Большое спасибо за то, что вы дали мне возможность выступить в конце этой замечательной дискуссии. Я хочу сказать об одной базовой проблеме. Основа жизни каждого общества — труд, который производит ценности. Бизнес платит налоги, и на эти средства создается инфраструктура, оказываются социальные услуги, осуществляется любая общественная деятельность. Основная проблема Греции, например, заключается в том, что там не хватает работников. Если мы посмотрим, как развиваются Китай, Индия, Америка, Европа, то увидим разное отношение к этому вопросу. Китай в настоящее время за год производит столько всего, сколько мы не произвели за всю историю. Повторяю, нам необходим труд, который производит ценности, используя оборудование. Для того чтобы улучшить жизнь, нам нужны налоги, а не субсидии. А для генерирования труда, производящего ценности, требуется идентификация. Думаю, что в следующий раз мы должны обсудить, как развивать образование, науку, технологии — основные проблемы нашего общества, решение которых позволит создавать труд, производящий добавочную стоимость. Это очень важные вопросы — как мы зарабатываем деньги, которые нужны для оплаты инфраструктуры, образования, социальной помощи. Я предлагаю тему для следующей встречи. Большое спасибо.

В. В. НАУМКИН: — Уважаемые господа, хочу поблагодарить всех участников за интересные идеи. Я думаю, что мы не будем подводить итоги и принимать заявления. Обмен мнениями был откровенным и конструктивным — в духе Лихачевских чтений. Полагаю, что это открывает двери для следующих Чтений, и надеюсь, что мы с вами еще не раз увидимся.

Секция 2

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

18 мая 2012 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководитель секции

В. С. СТЕПИН руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

Участники:

Ю. Б. БОРЕВ главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор

В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

С. Н. ИКОННИКОВА профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ

К. И. ИСАЕВ президент Социологической ассоциации Кыргызстана, доктор философских наук, профессор

В. А. КОЛЕСНИКОВ директор Иркутского регионального колледжа педагогического образования, доктор философских наук, профессор, заслуженный учитель РФ

Г. Г. КОЛОМИЕЦ профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук

В. А. КОНЕВ заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Ф. Т. МАМЕДОВ профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук

А. Л. МАРШАК главный научный сотрудник Сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент

С. С. НЕРЕТИНА главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук

И. В. ПАЛАГУТА профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук

В. Ф. ПЕТРЕНКО заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор

Г. А. ПРАЗДНИКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук

Т. Б. СИДНЕВА проректор Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

М. В. СИЛАНТЬЕВА профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук

А. Я. ФЛИЕР профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ

Н. А. ХРЕНОВ заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор

А. Н. ЧУМАКОВ заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Я хочу поприветствовать вас от имени Оргкомитета. Ведет сегодняшнюю дискуссию академик Вячеслав Семенович Степин. Я уверен, что здесь состоится очень яркий, интересный разговор, потому что концентрация, я бы сказал, титанов гуманитарной мысли сегодня в этой аудитории уникальная. Благодарю Вячеслава Семеновича Степина за то, что он согласился вести это направление Международных Лихачевских научных чтений. Желаю успешной работы. Спасибо!

В. С. СТЕПИН: — Итак, мы будем обсуждать проблему, поставленную на пленарном заседании. Из названия нашей секции понятно, что речь пойдет о том, что в современных процессах глобализации возникают очень многие проблемы суверенитета, в особенности национальных культур, и взаимодействия. И совершенно ясно, если речь идет о глобализации, то процесс ее протекания сейчас здесь рассмотрен в качестве основания для будущей глобальной системы многообразного, но в то же время единого планетарного человечества. И система ценностей глобализации — это ценности западной цивилизации. Причем в том ее варианте, в каком они возникли в условиях современного потребительского общества Запада. А общество это сформировалось уже после Второй мировой войны — в середине XX века. Это даже не ценности проекта модерн, а это ценности модерна, которые были еще раз адаптированы к идее общества высокого потребления. Это предлагается в качестве некоторого основания для всего мира. Римским клубом было сказано, что тот уровень потребления, который реализовался в развитых странах Запада, недостижим для всего мира, по крайней мере в кратчайшие сроки, даже при нынешнем бурном развитии технологий. Население Соединенных Штатов Америки составляет 3 % населения Земли, а на душу населения они потребляют 42 % мировой добываемой энергии. Это не только энергия, которая непосредственно идет на освещение, отопление и тому подобное, а любая вещь, услуга может быть измерена в энергетических затратах. Мы все хотим добиться идеала — роста благосостояния и высокого уровня потребления, но если бы на этот уровень потребления перевести население всех стран, то примерно за 15–20 лет были бы исчерпаны все разведанные сейчас энергетические запасы Земли. Вот такое заключение было сделано еще в работах Римского клуба, потом Будапештского клуба, президентом которого является Эрвин Ласло.

Тогда было сказано, что если речь идет о высоком уровне потребления, то его можно гарантировать только для миллиарда людей из всех живущих на Земле, так называемого золотого миллиарда. И в принципе в этом смысле концепция современной глобализации реализует стратегию золотого миллиарда. Об этом не говорят из соображений политкорректности, но это реалья, и с ней надо считаться, потому что никто не хочет снижать уровень потребления, так как от этого все современные кризисы идут. И более того, страны Азии, Латинской Америки и Африки тоже хотят выйти на этот уровень потребления. Тогда вопрос ставится так: «Можно ли на этой системе ценностей построить глобализующееся человечество?» Это первая проблема. Вторая проблема состоит в том, что если мы ставим проблему глобализации,

то, как во всяком объединении, во всякой сложной системной организации, там обязательно есть некий уровень управления, куда передаются некоторые функции подсистем, входящих в эту систему. То есть обязательно должен быть уровень системных параметров — это закон больших, сложных, развивающихся систем. Если речь в данном случае идет о некоем глобальном сообществе людей Земли, то это значит, что должны быть построены наднациональные системы управления организацией и составлены некие наднациональные программы, которые будут осуществлять управляющие функции. Иначе глобализация будет просто пустым звуком, и то, что говорил Хантингтон о столкновении цивилизаций, будет просто продолжением старой колониальной политики со столкновением цивилизаций.

Если глобализация имеет в виду именно это, тогда остро ставится вопрос: «Как относиться к национальным суверенитетам и взаимодействию культур?» Здесь очень важно иметь в виду, что каждая национальная культура включает тот или иной пласт общечеловеческого содержания, это в любой культуре есть. Но все дело в том, что это общечеловеческое содержание никогда не отделено от того национального особенного, которое составляет сердцевину той или иной культуры. Они сплавлены воедино. И поэтому каждая культура отстаивает свою особенность, специфику от имени общечеловеческого, как лучшее выражение этих человеческих черт и т. д. И это воплощено в мировых религиях. Потому что каждая из них содержит в себе пласт общечеловеческой культуры, и это можно легко показать на примере: это идеалы и ценности, которые есть в десяти заповедях христианства. Это, кстати, есть в работах, в частности, Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, который писал о золотом правиле нравственности. Например: «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе». В той или иной формулировке это есть в любой религии. Но эти идеи, идеалы обязательно ориентированы, допустим, на мусульманскую этику, на христианскую этику, и каждая из конфессий отстаивает свое право на то, что является наилучшим выразителем этого общечеловеческого.

Возникает вопрос: «Можем ли мы, опираясь только на это общечеловеческое содержание, установить диалог культур так, чтобы было взаимопонимание культур и т. д.?» Оказывается, что автоматически полагаться на это очень трудно, нужны какие-то дополнительные усилия. И в конечном счете то, к чему мы все сейчас приходим, — это уважительное отношение к особенностям каждой культуры, является условием диалога. Это необходимое, но недостаточное условие понимания. И сейчас высказывается идея, что, наверное, должен быть какой-то третий пласт «над», что-то некое третье, что может соединить разные культуры. Я эту идею принимаю, но для меня это первая попытка установить справедливость следующего тезиса о том, что это третье — «над» — должно быть некой системой ценностей, которую примут все, разные культуры. Тогда возникает множество вопросов: «Что это за новая система ценностей? Как она будет введена, и для чего ее вводить? Ведь если у меня есть моя культурная традиция с общечеловеческими идеями, с их особенным восприятием, особой трактовкой, интерпретацией, как я могу

от этого отказаться и выйти на какой-то другой уровень, где я должен вести диалог и вырабатывать нечто третье? И для чего вырабатывать это нечто третье? Нужно ли это? Каковы цели и ценности этой выработки?»

Я на эти вопросы, в частности, отвечаю следующим образом. В середине прошлого века думали, что цивилизация является магистральной линией прогресса, поскольку научно-технический прогресс воспринимался как явление, которое дает человечеству только блага. А раз он дает только блага, то он является самоценностью. И никакого негатива от научно-технического прогресса примерно до середины XX столетия никто не испытывал. В сознание особо не проникала идея, что он сам по себе будет приводить к каким-то кризисным состояниям. Если бы не было глобальных кризисов, если бы цивилизация, которую мы сейчас называем западной (я ее называю техногенной), развивалась гладко, тогда было бы непонятно, зачем что-то искать, о чем-то думать, зачем устанавливать систему ценностей, почему так остро ставят вопрос взаимопонимания культур. Но сейчас есть еще одно, самое главное измерение — это кризис современной, техногенной, цивилизации, которая вызвала экологический и антропологический кризисы. Из этих кризисов надо выходить. Совершенно ясно, что дальнейшее движение на ценностях общества потребления обостряет эти кризисы. И речь вообще идет уже о сохранении основ цивилизационного развития.

Я полагаю, что сейчас начался фазовый переход от одного типа цивилизации к другому. Что это за тип, пока трудно сказать. Мы вступили в фазовый переход, а это всегда состояние динамического хаоса, где старые ценности ставятся под сомнение, а новых еще нет. Мы живем по старым ценностям. Как было сказано, мы сейчас относимся, например, к природе так же, как в эпоху Просвещения. Мы считаем, что это резервуар ресурсов, а природа сама — это поле для наших экспериментов по ее переладке, чтобы поставить ее на службу потребностям человека. И больше ничего. Мы забываем, что живем в биосфере, которая представляет собой глобальную систему, живой организм, и не можем там действовать, не учитывая, что есть какие-то пределы роста, есть особенности развития этого организма, что мы его можем разрушить своей деятельностью. Наука об этом уже говорит, научная картина мира уже содержит идею о том, что мы живем не в мертвой, а в живой природе, которая непосредственно составляет среду нашей жизнедеятельности. Наука об этом говорит, но обыденное сознание сформировалось, и мы действуем по-прежнему, потому что экономическая выгода у нас на первом месте, а значит, и эксплуатация природы на том же уровне.

Сейчас много говорят о защите природы и, может быть, даже что-то делают (в Германии, например, очень активное природоохранное движение), но эти меры по охране действуют локально, а не в размерах всего земного шара. Вынесенные в страны третьего мира производства вызывают колоссальные экологические загрязнения, и об этом сейчас говорят, но экономическая выгода — на первом месте. Мы живем по старой системе ценностей. Значит, вопрос состоит не только в том, что интеллектуалы должны зафиксировать необходимость выработать новые ценности. Есть еще вторая сторона:

что это за новые ценности, как их сделать достоянием масс и как воспитывать людей в системе новых ценностей? Это проблемы, к которым сводится идея национального и особенно наднационального единства. То есть проблема состоит в том, могут ли эти национальные особенности быть перестроены таким образом, что в эти глубины общечеловеческого будут внесены какие-то существенные добавления. То есть само общечеловеческое тогда — это не просто инвариант исторического развития, а новая фаза исторического развития. Если мы включим эту идею развития, то проблема станет дополнительно сложной. Где точки роста новых ценностей? Как будут восприняты любая точка роста, любое обсуждение этих идей, допустим, культурой мусульманской, христианской и т. д.? Это все обязательно надо учитывать, потому что мы с вами можем придумать все что угодно, но еще надо проследить, насколько это может быть укоренено, есть ли почва для этого укоренения. Я понимаю эту проблему таким образом. Если кто понимает иначе, пожалуйста, давайте дискутировать. Я считаю, что это поле для дискуссий.

Итак, слово предоставляется Виктору Федоровичу Петренко. Пожалуйста.

В. Ф. ПЕТРЕНКО¹: — Вячеслав Семенович поднял крайне интересные вопросы. Когда он говорил об уровне над индивидуальностью культуры и над общечеловеческими ценностями, то у меня сразу появились ассоциации юнговского коллективного бессознательного. У Юнга есть метафора, что отдельные индивиды на поверхности как мангровая роща — вроде бы отдельные деревья, но корни их сплетены. И идея всеединства, высказанная еще Соловьевым, находящая свое подтверждение в квантовой физике, в исследованиях, в феномене Эйнштейна, Пригожина, Розина, показывает взаимосвязанность, цельность всего мира. Я думаю, здесь возможно установить интегративный уровень различных культур на уровне коллективного бессознательного. Проблема возникновения новых ценностей, на мой взгляд, связана с проблемой категоризации — это одно из базовых понятий в психологии. В свое время Б. Ф. Поршнев высказал красивую парадоксальную мысль, что в истории человечества не было каннибализма. Хотя мы отлично знаем, что каннибализм был, даже в XX веке (например, в Африке был съеден известный дипломат). Так вот, Поршнев интерпретировал свою мысль следующим образом. Тот, кого поедали, в глазах того, кто поедал, не был человеком. То есть здесь проблема категоризации, проблема «они» и «мы». «Мы» — представители верной веры, правильной национальности и так далее, а «они» — другие. Преодолеть эту эгоцентричную или культуроцентричную форму цивилизационного

¹ Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 320 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Член Российского психологического общества. Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН.

центризма помогает практика различных психотехник, в том числе психотехник буддизма.

Кстати, я совершенно согласен с академиком Степиным в том, что именно на наш век приходится известная точка сингулярности, эффект, феномен, вертикаль Снукса–Панова, которая показывает изменение скорости развития цивилизации. Вычисления астрофизиков, космологов показывают, что выход на вертикаль изменения скорости (вертикаль Снукса–Панова) придется где-то на 2050-е годы нашей цивилизации, то есть из этого следует, что произойдет какой-то кардинальный перелом и в цивилизации как сложной системе, и в системе ценностей, и т. д. Это одна из возможных технологий, связанных с появлением новых ценностей.

Еще академик Степин говорил о том, что новое творчество возникает из движения через хаос. Я согласен с этим. Рассмотрим медитацию как форму изменения внутренних форм категоризации, как базовую технологию изменения сознания. Медитация как снятие фактически субъектно-объектной оппозиции (двойственности) связана с переходом к некоторому интегральному чувству единения со всем миром. Кстати, даже при обычном гипнозе человек может ощутить себя каплей росы на листочке дерева и почувствовать, как искрится, как солнце входит в него и т. д. То есть возможно не только сопереживание с живыми существами, как проповедует буддизм, но даже ощущение себя фрагментом неживой природы. Это очень светлое, целостное чувство, когда ты находишься вне категоризации и одновременно в интеграции со всем миром. В буддизме есть одна из техник, связанная с медитацией на трупы, смерть, казалось бы, такая экзотическая, непонятно зачем производимая технология. Я не буду шокировать вас буддийскими текстами, а приведу пример из трудов моего сотрудника, коллеги и друга В. В. Кучеренко, который работает сейчас с тяжелобольными.

Вот своеобразная форма гипномедитации. Пациенты медитируют, но этот процесс ускоряется, когда им задается переживание. Например, человека засасывает болото: пиявки впиваются в его тело, части мертвых животных, растений попадают в глаза, в рот, он начинает задыхаться. То есть физически человек как бы умирает. Конечно, реально никто не умирал, а польза этой процедуры в том, что усиливается работа иммунной системы. Это показано и на медикаментозных пробах. Человек как бы гибнет, погружается в болото, но одновременно его сознание не исчезает, остается солнечный день, поляна с цветами и другими растениями, птички поющие и т. д. Человек как бы отрывается от своего тела и интегрируется с тем радостным и светлым местом, то есть происходит снятие концентрации на собственном эго, на собственном теле и интеграция с миром — целостным, прекрасным и живущим. Вообще, в широком смысле медитация — это форма снятия двойственности, любых форм категоризации, интеграция с миром, выход в каком-то смысле в хаос. Если существует коллективное бессознательное, в терминах Юнга, то, я думаю, можно говорить и о космическом интегральном бессознательном, но это уже некоторые свободные домыслы. Но факт остается фактом, что есть некоторые техники, с помощью которых осуществляется внутреннее изменение системы отсчета, формы категоризации. И это один из методов работы с собственным сознани-

ем, с собственным бессознательным с целью его изменения. Спасибо.

А. Н. МОСЕЙКО¹: — Я хочу высказать возражение. Вы сказали о каннибализме и назвали его антиценностью и действием, когда съедается существо, которое не считается человеком. Это абсолютно не так. Исторически каннибализм всегда был актуальным явлением. Он вписывался в систему верований и ценностей. Съедали не того, кого не считали человеком, а того, кого считали достойным, мудрым существом, от которого путем акта поедания можно получить его достоинства и мудрость.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Вы совершенно правы, например, когда каннибализм применялся по отношению к мудрецу, у которого съедали мозг, чтобы взять его мудрость и т. д. Я согласен, что каннибализм может нести ритуальные и даже какие-то своего рода духовные ценности. Это одно дело. В данном случае я, во-первых, цитировал Б. Ф. Поршнева, потому что считаю его очень глубоким культурологом, психологом; а во-вторых, пытался раскрыть мысль, связанную с особенностями категоризации.

В. С. СТЕПИН: — Предоставляю слово Аиде Николаевне Мосейко. Пожалуйста, Вы можете продолжить свою мысль.

А. Н. МОСЕЙКО: — Просто я не могла молчать, поскольку я — африканист. Я хочу сегодня рассмотреть вопрос, на который натолкнули меня несколько прослушанных и прочитанных докладов. Прежде всего это доклады двух немецких коллег: Хайнриха Бонненберга «Европе быть» и Александра Рара «Россия — Европа, но не Запад». Я хотела сказать о многовековом диалоге культур Востока и Запада, который не исчезает, а существует около шести сотен лет, а может быть, и больше, принимает разные формы, постоянно модифицируется, но все время остается актуальным. Пожалуй, в каждую эпоху можно говорить об актуализации этого диалога, и в современную — тоже. Надо сказать, что любой диалог культур всегда развивается на основе создания образов друг друга, формируется вместе с собственной идентичностью, то есть можно сказать, что это образ «я» и образ другого, или, по Поршневу, «мы» и «они». На основе образов друг друга выстраиваются и взаимоотношения культур или цивилизаций, и в частности взаимоотношения «Восток–Запад» выстраиваются на основе многообразных, многовековых образов друг друга. Образ — понятие очень сложное, многообразное и многоуровневое. Ясно, что не может быть одинаковых образов у крестьянина и элиты, у военного и ученого, у политика и рабочего и т. д. Образы всех категорий населения разнообразны.

¹ Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования»; статей «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре», «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века», «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира» и др.

Скажем по поводу России. Диалог «Восток–Запад» персонифицируется прежде всего во взаимоотношениях Запада и России, в образах по отношению к России. Надо сказать, что образ России на Западе представляется архетипическим — образом, встроенным в собственную идентичность. Это один из самых важных образов, которые существуют на Западе. С ним связана масса мифов, в частности в одном из докладов говорилось о том, что Европе нужны мифы. Это мифы, стереотипы, знаки, символы, эмблемы, которые строятся и обновляются постоянно. Но в этом сложном образе я, пожалуй, сконцентрируюсь именно на многоуровневом образе России, в котором можно выделить три момента — две основные мифологемы и один стереотип. Две мифологемы: 1) «варвар у ворот», «опасность», 2) «ученик». Отсюда вытекает вывод, что миссия Европы — в просветительстве. И стереотип, который проходит красной нитью в течение всего существования этого диалога, — это непредсказуемость России, непонятно, чего от нее ожидать. Все эти мысли прозвучали в докладах, о которых я сказала.

Теперь, что касается указанных мифологем. Первая мифологема — «варвар у ворот». Именно так она звучала в прошлые века: варвар, скиф, калмык, монгол, то есть какая-то темная, непредсказуемая сила, которая стоит у ворот и несет колоссальную опасность. Но нельзя сказать, что эта мифологема устарела, она звучит современно и в наше время. Так, в послевоенное время почти буквально прозвучали эти мысли у таких видных политиков, как, например, Черчилль, который заявил: «Варвары добрались до сердца Европы» (правда, думаю, ему приписывают эти слова, так как я не нашла точного источника). Немного позже, на следующий год, Аденауэр написал: «Азия стоит на Эльбе», тот же самый «варвар у ворот». В докладах, которые опубликованы в нашем сборнике, также звучит эта мысль, например у господина Рара, который пишет об особенностях взаимоотношений с Россией, являющейся Европой, но не Западом. И у него множество таких мыслей, которые содержат много модифицированных мифологем. Например, в Соединенных Штатах Америки в отношении СССР, как известно, эта модифицированная мифологема звучала как «Империя зла». А сегодня в докладе Рара это прозвучало как «Россия — нарушитель прав человека», Россия как злое государство. По существу, та же мифологема.

Вторая мифологема — «ученик», ученичество у Европы. Можно сказать, ей дал жизнь своими действиями Петр I. И не случайно в докладе господина Бонненберга прозвучало, что Петр I — отец будущей Европы, которую он пропагандирует: Европы от Атлантики до Тихого океана, вместе с Россией. Так вот, ученичество поддерживалось многими другими деятелями, в частности М. С. Горбачевым, который призывал учиться у Европы и говорил об общечеловеческих ценностях. И это ученичество у Европы было, с одной стороны, одной из идентификационных моделей России, а с другой — мифологемой, смысл которой выражался в миссии Европы по просвещению России. Например, учение Карла Маркса в докладе одного из немецких ораторов называется элементом просвещения. Поэтому ученичество у Маркса — это было тоже ученичество у Запада.

То есть эти образы, постоянно меняясь, модифицируясь, актуализируются в каждый отдельный момент. Когда Восточная Европа с определенным ужасом пыталась

стряхнуть прах Советского Союза со своих ног, она тоже обратилась к идее об особенностях варварской цивилизации России. У Милана Кундеры, известного чешского писателя и деятеля, мы находим мысль о том, что Россия не является такой же цивилизацией, как все остальные, это совершенно особенная, другая цивилизация. А один венгерский ученый заявил, что Россия — это нечеловеческая цивилизация. Это все те же идеи, то есть эти мифологемы постоянно модифицируются. Но основным остается стереотип о непредсказуемости, о котором тоже говорилось в двух указанных докладах. Непредсказуемость — это стереотип, проходящий красной нитью через всю историю взаимоотношений России и Запада.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Я хочу добавить несколько слов. Мы выпустили книгу «Образ России глазами россиян и иностранцев», материал для которой собирали большей частью через Интернет. Конечно, образ России очень противоречивый в разных странах. Но в основном Россию называли источником мыслей и идей каких-то выдающихся деятелей. Например, в Болгарии и других восточноевропейских странах Россию по-прежнему считают мощной, могучей страной. С Германией сейчас, кстати, достаточно дружественные отношения, хотя нашу страну все-таки во многом воспринимают как государство третьего мира.

А. Н. МОСЕЙКО: — Да, самые дружеские отношения именно с Германией, даже не с Францией или Англией.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — А в США — негативный образ России. Так что в разных странах образ России различается. И еще я бы с Вами не согласился в том, что нарушение прав — это мифологема.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я говорила о модификации мифологем. «Варвар у ворот» одновременно — «Империя зла», теперь это — злое государство, нарушающее права человека. Я бы хотела еще сказать о том, что эти мифологемы обладают двойственностью, потому что «варвар у ворот», как двуликий Янус, одновременно трактуется и как «спаситель». И это неоднократно проявляется в образе России. А «ученик» одновременно определяется как «пророк». И по отношению к Бердяеву во Франции в начале XX века это проявилось очень ярко, когда именно его провозгласили пророком и спасителем гнущейся Европы. Поэтому образ России очень многообразен и многолик. Должна сказать, что о трансформации образа у меня написаны три статьи, опубликованные в журнале «Общественные науки и современность». В них я привожу разные примеры из произведений разных писателей, журналистов и т. д.

В. С. ГЛАГОЛЕВ¹: — У меня есть к Вам два вопроса. Первый: «В какой мере у исландцев, португальцев, испанцев проявляется ординарное сотворчество тех образований, о которых Вы говорили?» И второй:

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Религия караимов: историко-теоретический анализ», «Религиозно-идеалистическая культурология», «Современные угрозы духовности», «Преподавание философии в контексте задач устойчивого развития российского общества», «Духовность как творчество», «Религиозный фактор в дипломатической работе», «Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий» и др.

«Насколько связана модификация мифологем в остальных странах Европы с активизацией, скажем, восточного вектора российской политики или, наоборот, западного вектора?»

А. Н. МОСЕЙКО: — Я еще раз повторяю, что образ России невероятно многообразен и постоянно меняется. Скажем, какие-то особенности политики, то или иное выступление Путина или Медведева начинают вносить новые особенности в образ. Что касается других стран, то, к сожалению, я ничего не знаю про Португалию, а про Испанию могу сказать, что там многие почитали Бахтина и увлекались его трудами. Не столько во Франции, сколько в Испании, Италии, США были распространены идеи Бахтина. И отсюда увлечение всей русской наукой и культурой. Это тоже влияет на образ. Художественная литература вносит колоссальные коррективы. Весь образ так многообразен! Я не случайно все это схематично представила, потому что об этом можно говорить бесконечно.

В. С. СТЕПИН: — Хочу отметить, все, что было сказано, очень важная тема, потому что образ себя в отношении другого — это всегда миф. Любая культура имеет свой миф о том, чем она является. Об этом есть прекрасные исследования и философов, и культурологов. Одно дело — это начало Второй мировой войны, когда еще не было этих обострений — глобальных кризисов. Другое дело — это конец XX века, наше время, когда Европа сама начинает себя критиковать. Греки говорят: «Зачем нам с немцами дело иметь, мы лучше с русскими будем дружить, сами по себе жить. Почему немцы нами командуют?» Там идут разные и очень сложные процессы. Мы должны об этом думать. Когда мы говорим о современной глобализации, то имеем в виду конец XX — начало XXI века, это наше время. И в наше время существуют стереотипы. Есть одна линия развития — организовать мир на основе современных ценностей Запада, и вторая линия — эти ценности недостаточны, и сам Запад начинает их критиковать. На этих ценностях нельзя будет ничего организовать. Есть еще Китай, который уже сейчас спрашивает о том, почему он должен заимствовать западные ценности? Китайцы считают, что они — вовсе не ученики, наоборот, Западу у них поучиться надо. Сейчас в Китае наблюдается подъем национального самосознания. Вот эти вещи нам всем надо учитывать, а в целом постановка вопроса очень хорошая, своевременная и глубокая. Это так. Мы должны четко видеть эту временную границу, потому что мы всегда будем использовать эти стереотипы, идущие из глубин. И сейчас могут возникать новые стереотипы и мифы.

И. В. ПАЛАГУТА¹: — Разрешите сказать несколько слов. Все эти разговоры — это чисто политические

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)», «Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites», «Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.»; статей «Биноклеидные» изделия в культуре Триполье–Кукутень: опыт комплексного исследования категории «культовых» предметов», «Technical decoration» of the Tripolye Ceramics», «Элементы “технического” орнамента и проблемы интерпретации декора керамики Триполье–Кукутени» и др.

потребности на сегодня, которые создаются СМИ, создаются быстро и на несколько дней. Так же и образ оранжевой революции у нас создается СМИ и т. д.

В. С. СТЕПИН: — Это верно. Я согласен, все это надо учесть. Хотел бы сейчас сказать о другом. В политике тоже идет процесс глобализации. А на основе каких ценностей он должен проходить? Что касается очень хорошей идеи ученичества, действительно, она действовала реально, когда происходили модернизационные процессы. Каждая страна, которая осуществляла модернизацию, всегда училась каким-то западным элементам культуры и выступала в этом смысле как своеобразный реципиент этих ценностей. Но вопрос сейчас стоит другой. Что есть у этих стран, которые осуществили модернизацию и уже выступили в качестве самостоятельных игроков глобализации? Что есть в их культурах? Что может дать импульс формированию совершенно новых ценностей? Сейчас возникают проблемы критики ценностей, отношения к природе и даже идеи понимания личности человека. А с помощью СМИ еще накладывается интерес современной политики, существующей жизни. Поэтому надо эти уровни как-то разделить. Один уровень — это глубинный, который отвечает двум линиям глобализации — либо на основе западных ценностей, либо нет. Если нет, то на каких? Если пока они не сформированы, то надо в диалоге культур их вырабатывать. Это второй уровень. А уже каждый из этих уровней, стратегий будет поддерживаться СМИ, на них будет накладываться сегодняшняя политика, с их помощью будут мобилизовываться люди.

А сейчас слово предоставляется Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ²: — Я хочу затронуть тему критики монологического ориенталистского дискурса как актуальной задачи гуманитарной науки.

Хотелось бы оттолкнуться от высказанной на пленарном заседании мысли Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова о вступающих в диалог нациях. Было сказано о двух подходах к нации. Один связан с пониманием нации как исторически сложившейся этнокультурной общности, со временем оформляющейся в самостоятельное государство. И другой подход, когда под нацией подразумевается государство, объединяющее, сплачивающее и волевым образом организующее население в нацию. В первом случае, как мне представляется, огромное значение приобретает ментальность нации в ее чистой

² Заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете Российской академии наук «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации, член научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

форме. Во втором случае ментальность способна в большей степени трансформироваться в политику и идеологию. По-моему, это не разные подходы, а разные формы функционирования одной и той же нации. По-видимому, нация в ее современном понимании функционирует в виде государства, когда можно фиксировать расхождение между ментальностью и политикой вплоть до разрыва. Но нас сегодня интересует вопрос о том, как нации и культуры способны устанавливать друг с другом диалог. Мы часто убеждаемся, что этому далеко не всегда способствуют политические и идеологические различия. Между тем мы часто склонны фиксировать только эти различия. В вопросе понимания одной культурой другой культуры очень существен ментальный фактор как таковой. Часто понимание не достигается и на ментальном уровне. Я бы предпочел употреблять понятие не национального, а ментального.

В этом случае я всегда цитирую немецкого историка Э. Трельча, сформулировавшего эту проблему именно как проблему ментальности. По его мнению, великие культуры Запада, исламских государств, Китая и Индии понимают в сущности лишь самих себя, пользуясь контрастами только как средством самопонимания и самообновления. Конечно, в этом высказывании можно уловить влияние Шпенглера. Собственно Э. Трельч уже сформулировал реальную причину того, почему диалог так трудно достигается, если вообще достигается. Ученый приводит конкретные примеры этого непонимания. Это примеры с Востоком и с Россией. Он убежден, что все, кто полагает, что постигли душу Востока, все-таки ее не поняли. В последнее время приходится размышлять о Востоке. И на нашей секции тоже запланированы выступления на эту тему. А вот что Э. Трельч говорит по поводу России. Здесь, несмотря на общие для Запада и России идеи христианства, понимания все же нет, ибо у Запада нет общего с Россией латинского прошлого. Поэтому история понимания превращается в историю непонимания. Именно этот термин выносит в название своей книги итальянский историк Ф. Кардини «Европа и ислам: история непонимания».

Ментальность как признак этнокультурной общности имеет сложную структуру и формируется в процессе исторического времени. В формировании ментальности принимают участие самые разные явления: исторические события, экстремальные ситуации в истории народов, военные столкновения и т. д. В истории накапливается множество представлений, образов, стереотипов и мифов, способных быть сильнее, чем сама реальность и стремление понять друг друга. Иные события настоящего пробуждают активность исторической памяти.

Предвосхищая то, что я хочу сказать о Гумилеве, напомню, он утверждал, что в каждом из нас живет генетическая память, не ощущаемая в повседневности, но иногда вспыхивающая в подсознании. Но такая память сохраняется и в коллективном бессознательном народа. Я считаю, что выступавший ранее В. Ф. Петренко не совсем прав, утверждая, что наше бессознательное связано только со стремлением к единению. В нем активно также стремление к противостоянию. Когда американцы спросили представителей «Аль-Каиды»: «Почему вы нас ненавидите?», те в качестве причины назвали крестовые походы.

Я бы в связи с этим вспомнил фильм итальянского режиссера В. Дзурлини «Пустыня Тартари», который был поставлен еще в 1976 году. Действие в нем происходило в затерянной крепости, по одну сторону которой были пески, по другую — горы, что, видимо, символизирует Восток и Запад. В крепости много лет находится военный гарнизон, призванный отразить возможную атаку неприятеля, который, как ожидается, придет со стороны пустыни. Иногда офицеры начинают галлюцинировать — им кажется, что в сторону крепости движутся несметные полчища варваров на верблюдах. Но в реальности враги так и не появляются. Весь фильм — это нагнетание страха перед варварами, которых на самом деле нет. Но вот ведь парадокс: в конце концов дождался.

Такие фильмы — исключение. Что же касается реального положения дел, то возникновение и распространение средств массовой коммуникации в еще большей степени способствуют циркуляции мифов и образов, затрудняющих понимание между культурами. Почему? Потому, что в процесс диалога между культурами включаются власть и масса. Власть преследует свои политические и идеологические амбиции, а масса стремится развлекаться. В этой ситуации возникает предрасположенность воспринимать образы, которые расходятся с реальностью.

Недавно вышла книга американского историка и публициста Томаса Ф. Мэддена «Империи доверия. Как Рим строил Новый мир. Как Америка строит Новый мир». Она весьма меня порадовала. Оказывается, американцы уже готовы признать, что Америка является империей. Только Т. Ф. Мэдден делает уточнение: это, оказывается, самая справедливая в мировой истории империя. Аналогию Америке автор находит только в Древнем Риме. Так вот, Т. Ф. Мэдден высказывает вполне справедливые мысли. Он пишет, что если мы не будем знать историю нашей цивилизации, у нас не будет возможности защищаться от тех, кто захочет ее исказить или извратить. Иными словами, своим незнанием истории мы позволяем всем желающим, включая наших врагов, определять за нас, кто мы такие и какое место в мире занимаем. Справедливые слова. Их можно было бы взять в качестве эпиграфа к нашим дискуссиям о фальсификации истории.

Поставим вопрос так: а сводится ли вопрос о непонимании лишь к ментальному фактору? Когда Э. Трельч говорит о преувеличенном чувстве собственной значимости, присущей европейцам, то это, конечно, ментальный фактор, особенно понятный в ситуации, когда великая культура переживает фазу роста (по Тойнби) или акматическую фазу (по Гумилеву). Развертывающаяся на протяжении столетий вестернизация мира была следствием мощной пассионарной вспышки Запада, а такая вспышка, несомненно, привлекает другие народы, начинающие активно ассимилировать ценности такой культуры. Нам это понятно, ибо Россия все это переживала с XVIII века. Как утверждала предшествующий оратор А. Н. Мосейко, иногда взаимоотношения между народами предстают в виде отношений «учитель—ученик». Так вот, в XVIII веке Россия была прилежной ученицей Запада. Сегодня, когда вестернизация сменилась американизацией, мы тоже это ощущаем.

Но прислушаемся еще к одному суждению Э. Трельча, согласно которому в европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер. Это утверждает серьезный немецкий историк. После такого замечания можно уверенно сказать, что ментальный фактор, затрудняющий диалог, способен трансформироваться в фактор идеологический. Такая трансформация сопровождала функционирование европейских империй: британской и французской — в XIX веке, а с некоторых пор — американской. Представляется, что имперский комплекс — самая очевидная причина непонимания между культурами и трудностей в установлении диалога. Раз складывается такая ситуация, то позволительно задать вопрос: что же в таком случае может служить средством развенчания тех мифов и образов, которые формируются под давлением имперского комплекса? Наверное, прежде всего таким средством способна выступать гуманитарная наука, и в том числе связанное с ней искусство. Но только в том случае, если и то, и другое не подпадают под влияние опять же имперских амбиций.

Назову двух представителей гуманитарной науки XX века, много сделавших для разоблачения таких мифов и образов. Я бы не хотел, чтобы меня поняли так, что я свожу все открытия гуманитарной науки только к двум именам. Я остановлюсь на них только потому, что их концепции имеют отношение к Востоку. А как всем известно, этот вопрос сегодня весьма актуален. И для своего выступления я выбрал именно этот вопрос, поскольку, изучая программу конференции, я обнаружил несколько докладов на тему, связанную с евреями и Л. Гумилевым. Первый ученый — это американский интеллектуал арабского происхождения, профессор Колумбийского университета Эдвард Вади Саид, книга которого «Ориентализм. Западные концепции Востока» производит сильное впечатление, второй — отечественный мыслитель, историк, этнолог Л. Гумилев. Оба этих ученых имеют как почитателей, так и оппонентов.

Э. В. Саид ставит своей целью представить многие филологические, лингвистические, этнографические, литературные и исторические исследования европейских ученых в виде целостной системы, которую он называет ориентализмом, или ориенталистским дискурсом. Этот дискурс формировался в XIX веке под воздействием имперского комплекса Британии и Франции, а в XX веке — Америки. Э. В. Саид приходит к выводу, что ориенталистский дискурс — это не только направление в гуманитарной науке, объектом анализа которого является Восток, но и «фундаментально политическая доктрина, навязываемая Востоку, потому что Восток слабее Запада». Это тщательно выполненное исследование, в котором проработано множество источников XIX и XX веков. Э. В. Саид убедительно доказывает, что гуманитарная мысль Запада, когда она делает предметом внимания Восток, целиком и полностью зависима от ориенталистского проекта, исходящего из воли «фаустовского» человека к власти над Востоком и вообще над миром. Имея в виду восточную идентичность, Э. В. Саид утверждает, что целиком и полностью она сконструирована ориентализмом. Такая идентичность Востока, транслируемая во всем мире, по мнению ученого, к реальному Востоку отношения не имеет. Она ха-

рактеризует скорее Запад, нежели Восток. Так, Э. В. Саиду удалось осмыслить тот нарциссический комплекс, о котором пишет Э. Трельч.

Может быть, у Э. В. Саида в меньшей степени осознан механизм взаимопонимания великих культур, связанный с тем, что поддержание норм одной культуры предполагает присутствие другой, чужой культуры. А этот вопрос касается и социальной психологии, и культурологии. Вообще он детально проработан в изданной у нас книге норвежского автора И. Ноймана «Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей». Э. В. Саид, конечно, обращается к предыстории ориентализма, то есть к Античности. Поэтому в данном случае вопрос о взаимоотношениях между культурами невероятно усложняется, ведь, как известно, Античность выходит из восточных империй, отрывается от них, создавая самостоятельную культуру, связанную с личным началом. Но творение самостоятельной культуры связано с величайшим напряжением. Поэтому древний грек испытывал постоянную потребность бегства в ту стихию, из которой когда-то вышел, то есть в коллективную, безличную стихию, которая и есть Восток. Он одновременно и притягивает, и отталкивает. Может быть, выход из аполлонической, то есть собственно греческой, культуры в дионисийскую стихию, осмысленный Ф. Ницше, как раз и означает возвращение на Восток. Ведь, как известно, Дионис — бог восточного происхождения. В исследовании К. Кереньи о Дионисе это показано.

Дионисийская стихия — величайший соблазн для древнего грека. Но для культуры, стремящейся сохранить свою уникальность, он казался опасным. Этот конфликт как столкновение культурных норм представлен Еврипидом в трагедии «Вакханки». Противником нового варварского культа «женственного лидийца» в ней выступает правитель Фив — Пенфей, для которого этот культ стал символом страшного недуга и безумия. Во власти культа оказались прежде всего женщины Фив, забывшие отцовскую веру, бросившие домашние очаги, детей, мужей и братьев ради участия в новых религиозных мистериях.

Хотя Э. В. Саид уделяет социально-психологическому механизму взаимодействия культур мало внимания, он все же справедливо пишет: «Я попытался сделать это, показав, что развитие и существование любой культуры требует наличия иного и конкурирующего с ней alter ego. Конструирование идентичности — поскольку идентичность Востока, Запада, Франции или Британии, будучи вместилищем определенного коллективного опыта, является, в конце концов, именно конструкцией, — предполагает нахождение противоположного “Другого”, чья действительность является предметом постоянной интерпретации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от “нас”. Каждая эпоха и каждое общество воссоздает своих “Других”. Собственная идентичность или идентичность “Другого” — вовсе не есть нечто статичное, но, скорее, исторический, социальный и интеллектуальный и политический процесс — это соревнование, затрагивающее людей и институты всех без исключения обществ»¹.

¹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 513.

Подобная постановка вопроса выводит нас на обсуждение коллективной идентичности, которая предполагает социально-психологический механизм «мы» и «они». В нашей науке его когда-то серьезно разрабатывал Б. Ф. Поршнев, правда, относя его к социальной психологии. Этот вопрос, конечно, требует углубленной разработки. Может быть, он и является генеральным признаком диалога между великими культурами. В таком случае следовало бы вернуться к определению того, что мы понимаем под диалогом. С этой точки зрения, может быть, даже имперский комплекс будет не причиной, а следствием этого универсального социально-психологического механизма взаимоотношений между культурами.

Еще одним представителем гуманитарной науки, предназначение которой заключается, в том числе, и в демифологизации массового сознания (как показал Э. В. Саид), и не только массового, но и научного сознания, является Лев Николаевич Гумилев. С его концепцией все присутствующие хорошо знакомы, и нет необходимости говорить об этом подробно. Я только хочу обратить внимание на один момент. Понятно, что для выдающихся отечественных историков XIX века история России была и историей государства, и прозападной историей. Ориентация России, начиная с эпохи Петра I, на западную культуру воздействовала на сознание историков и методологию исторической науки.

Л. Гумилев впервые, не оглядываясь на утвердивший себя в истории дискурс, предложил читать российскую историю как историю провосточную. В этом он продолжал развивать идеи евразийцев. Но дело даже не в новом прочтении российской истории и новых оценках, даваемых Л. Гумилевым, например, так называемому татаро-монгольскому игу. И вообще дело не в российской истории. Его видение истории России сложилось в результате глубокого исследования и истории, и культуры Востока. Новое видение истории возникло как следствие проникновения ученого в ментальность Востока и его историю. Здесь, конечно, превосходно работает его идея о пассионарном толчке.

Не буду углубляться в этот вопрос. Меня только интересует то, в какой степени сформировавшийся на Западе XIX века ориенталистский дискурс мог определять сочинения отечественных историков той же поры. Отличался ли тот образ Востока, который сложился у наших историков, от того, что Э. В. Саид связывает с ориенталистским дискурсом? Ясно, что отечественная история — это история России как империи, а следовательно, здесь мы тоже имеем имперский комплекс, поэтому можно предположить, что он воздействовал на отечественную историографию, с которой Л. Гумилев оказался в конфликте. Не способствовал ли имперский комплекс в России тому, что Восток здесь предстал таким же, каким его описал в своем стихотворении А. Блок? У поэта это «тьмы с раскосыми и жадными очами» — агрессивные полчища варваров. Это те «тьмы», которых ожидают офицеры в фильме В. Дзурлини «Пустыня Тартари». Это те «тьмы», которые не оставляют, как выражается поэт, от «ваших Пестумов» следа.

С другой стороны, даже оказываясь во власти имперского комплекса, Россия — особая великая культура, и, следовательно, в восприятии Востока между Россией и Западом различия все же имеются. Уже хотя бы потому, что, в отличие от Западного, Российская империя вклю-

чала в свой состав часть этносов евразийского типа. Но это нужно исследовать. Спасибо за внимание.

В. С. СТЕПИН: — Хочу высказать такую мысль. На мой взгляд, это очень важная идея. Смотрите, если действительно идеи колониального превосходства, господства, распространения своей власти на другие регионы мира вдруг подхватываются сейчас и принимаются в новом обличье, то это и есть одна линия, которая продвигается, одна стратегия глобализации. Если мы положим в основу ценности Запада, то все должно переделаться под эти современные ценности. Это одна стратегия. А вторая стратегия заключается в том, что ценности Запада сейчас нельзя воспринять как бесспорные, потому что они породили глобальный кризис. И если дальше двигаться в этом направлении — эти кризисы будут обостряться. Тогда нужно искать какие-то паллиативы, другие варианты. В готовом виде их сейчас мы предложить не можем, но вырабатывать их надо. А вырабатываются они путем глубокого анализа, о чем мы и говорим сегодня. Что подходит, что не подходит восточным культурам? Какие там есть ценные идеи, которые в современном технологическом мире приобретают совершенно другое звучание? Это и есть, на мой взгляд, такой гуманитарный анализ, о котором вы все говорите.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Вячеслав Семенович, могли бы Вы перечислить те бесспорные ценности Запада, которые необходимы России 2012 года, России ученической, чтобы решить наши проблемы? Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Во-первых, здесь вопрос в том, является ли она ученической. Во-вторых, я фиксировал в своих работах и много раз повторял, что выделяю два типа цивилизационного развития. То, что называется Запад — это сейчас не только Запад. Этот тип развития я называю техногенной цивилизацией, и там есть целый набор ценностей, преимущество инноваций перед традицией и самоценность инноваций, автономия научно-технического развития и самоценность научной рациональности. Что понимается под самоценностью? Это значит, что со стороны она не должна каким-то образом контролироваться. Все, что вырабатывает наука и дает технология, — это благо для человечества. В XIX веке появилась идея прогресса Сен-Симона, которая потом, в век индустриализации, закрепилась. Это и есть одна из ценностей, которая определила модернизационные процессы. Вы хотите улучшить свою жизнь? Сначала возьмите нашу науку, образование, пласты культуры, которые связаны с пониманием личности. Кстати, еще один момент — понимание личности не как корпоративной, раз и навсегда связанной с определенной системой корпоративных связей — клана, касты, сословия, а как свободной, автономной, которая сама себе выбирает эти связи. Отсюда и идея прав человека, которая основана на особом понимании личности, сформировавшемся в техногенной цивилизации.

И понимание власти особое. Власть — это контроль над объектами. А под объектами мы понимаем одновременно и социальные объекты. Значит, понимание власти как контроля человека над человеком деформируется в понимание власти над социальным объектом, состоящим из людей, групп людей, социальных связей и изменения

этих связей под контролем. И тогда само понимание власти и насилия совершенно изменяется. Это все ценности. И я ставлю вопрос так. Давайте посмотрим, есть ли какие-то изменения в западной культуре, с одной стороны, и что предлагает нам модернизированный Восток — с другой. Еще одно важное замечание. Сейчас в чистом виде традиционных культур уже нет, а есть модернизированные восточные культуры — Китай, Индия, которые встали на путь техногенного развития за счет этих модернизационных «прививок». Но в них сохранились мощные пласты традиционных культур, адаптировавшиеся к этим «прививкам». И надо посмотреть, может быть, именно в этих адаптационных процессах и есть истина.

Как нам научиться относиться к природе по-новому? Как построить отношение человека к человеку? Можно ли воспринимать человека как объект чисто социальных технологий со стороны политики? Ведь политики манипулируют людьми именно как объектами. Это основа техногенной культуры. Именно это я имею в виду и к этому призываю, когда говорю о поиске новых ценностей. Я говорю именно о точках роста, поиске, а не о том, что где-то эти ценности уже лежат в готовом виде, их надо просто взять и внедрить. Если бы даже мы с вами такое предложили, никто бы на нас не отреагировал. Что значит точка роста? Это значит, надо найти те предпосылки — и на Западе, и на Востоке, — которые бы приняли эту идею. Приведу пример, чтобы стало понятно, что я имею в виду. Я много раз писал о так называемой постнеоклассической рациональности. Что это значит? Это когда наука и технология имеют дело с саморазвивающимися системами — это самый сложный вид систем, которые часто даны в одном экземпляре. У нас биосфера — в одном экземпляре, метагалактика — тоже. Это развивающиеся системы — они не типологизируемы, нет второго экземпляра, с которым мы могли бы сравнить. Мы их изучаем особым способом — изнутри, это биоценозы, индивидуализированный геном каждого человека, хотя тут и есть типология, но все равно это как неповторимое целое. И изучение их теории дается за счет особого типа теоретического знания, которое называется исторической реконструкцией.

Историческая реконструкция — это не описание, не повествование, не нарратив, как говорят модернисты, это теория, особый тип теоретического знания. Ибо эмпирия дается как набор точек фактов. А когда вы логику этих фактов предлагаете, то таких логик может быть несколько, и может быть несколько реконструкций, как положено. Теории обязательно должны согласовываться с эмпирическим базисом и проверяться и т. д. Так вот, в чем тут, как говорится, «фишка»? Когда саморазвивающиеся системы становятся объектами теоретического, научного и технологического освоения, тогда возникает недостаточность внутреннего этоса науки. А этос представлен двумя принципами: ищи истину и наращивай рост истинного знания, и двумя соответствующими запретами: нельзя умышленно исказить истину — можно ошибиться и нельзя совершать плагиат. Нельзя повторять уже сказанное, иначе не будет новизны, а это — ценность. Считалось, что этого достаточно, для развития науки и технологий. Сейчас этого уже недостаточно, требуется научно-технологическая экспертиза научных проектов. Почему? А потому, что в эти развивающиеся системы встроен человек, он — часть системы. И поэтому с такими система-

ми нельзя свободно экспериментировать. Это внутреннее, из науки идущее освоение, требующее дополнительной экспертизы научных знаний.

Так что же получается? В Средние века наука была подчинена религии, этике, а сейчас она сама говорит, что для достижения истины ей нужна дополнительная этическая экспертиза. Происходит отказ от самоценности технологического развития, от идеи о том, что бы ни изобрели наука и технологии — все благо для человека. Наука признает сама — не все будет благо. Все, что она изобрела, соответствует законам развития, законам природы и общества, но не все будет благом для человека. И тогда я обращаюсь к восточным культурам: это же похоже на то, как в восточном дискурсе все было устроено. Приходит к Сократу человек и просит: «Сократ, научи меня быть добродетельным». А тот ему говорит: «А ты понимаешь, что такое добродетель? Давай с тобой подискутируем. Давай пойдем, как понятие это устроено. Поймешь понятие — будешь жить добродетельно». Сначала — истина, потом — нравственность. А что говорит Конфуций? Ученики спрашивают у Конфуция: «Учитель, что такое „дао“?» А он всем ученикам разные ответы дает. Почему? Потому что «дао» — одновременно истина, нравственность и жизненный путь. Конфуций говорит: «Вот ты прошел к истине один путь, а ты — второй». И у него есть принцип: истина открывается только нравственному человеку. Значит, сначала — нравственность, потом — истина. Что мы видим? Переключку этих двух идей.

Итак, это то, что я понимаю под точкой роста новых ценностей. И такие ценности надо найти в политике, религии, это наша задача — философов, культурологов, вообще гуманитариев. Поэтому я и говорю, что есть два пути социального развития глобализации. Один основан на точке зрения, что западные ценности устойчивы и их не надо менять — просто пролонгируем и пойдем дальше. Технологический прогресс все устроит — будет счастье для человечества. Это сценарий золотого миллиарда. И второй путь — необходимость поиска чего-то нового, третьего, того, что А. А. Гусейнов назвал «надтретье, наднациональное». Кстати, он говорил много очень важных, интересных мыслей относительно политики. Тут есть один важный момент: не надо отделять политическую составляющую от культурологической, от ментальности, потому что когда возникают цивилизации западного типа, то политика и политическое сознание становятся важнейшей ментальностью, то есть важнейшей составляющей культуры. Понятие и понимание власти есть в любой культуре.

Давайте продолжим дискуссию. Юрий Борисович Боров, пожалуйста, Вам слово.

Ю. Б. БОРЕВ¹: — Я хочу вернуться к идее золотого миллиарда, о которой говорил академик Степин. Дело

¹ Главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей и Союза кинематографистов РФ. Автор более 500 научных статей и около 50 книг. Среди них: «Эстетика», «О трагическом», «Комическое...», «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения „Медного всадника“», «Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд», «Художественная культура XX в.», «Энциклопедический словарь. Эстетика. Теория литературы»; «Ванька-встанька и состояние мира», «Власти-мордасти», «Сталиниада», «Фарисея», «История государства советского в преданиях и анекдотах», «XX в. в преданиях и анекдотах» (3 тома), «Из жизни звезд и метеоритов»; «Луначарский» (ЖЗЛ), роман «Земля-воздух», «Повесть о треугольниках», сб. стихов.

в том, что эта идея практически ничем не отличается от немецкой идеи золотого миллиона, золотых 80 миллионов. Ничем не отличается, к сожалению. Поэтому сегодня мир неблагополучен. В свое время Кант говорил о категорическом императиве, так вот я думаю, что категорический императив должен относиться не только к личности и межличностным отношениям, но и к международным, межгосударственным, межнациональным отношениям. До тех пор пока идея золотого миллиарда будет главенствовать, категорического императива не будет, как и спокойствия в мире. В свое время древнекитайские мудрецы говорили о том, что ничего особенного человеку не нужно: только жить у озера, наслаждаться природой, пить чистую воду из этого озера и не мечтать о каких-то скоростных автомобилях с улучшенным показателем. В общем, в этой идее, если ее не абсолютизировать, есть много привлекательного.

Приведу пример из своей жизни. Одна из моих дочерей окончила архитектурный институт в Америке, а я являюсь профессором Архитектурного института в Москве, и она живет на несколько порядков выше, чем я. Конечно, я ей не завидую, но в этом есть что-то неправильное. Я бы сказал словами замечательного русского поэта Александра Межирова:

Ничего мне не надо лучшего,
Кроме этого — чем живу,
Кроме солнца в зените, колючего,
Густо впутанного в траву.

У нас достаточно еды, одежды, есть возможность сидеть у озера, думать, фиксировать свои мысли и дарить их окружающим. Я думаю, что человечество должно сосредоточиться не на том, чтобы догнать и перегнать золотой миллиард, а от него еще дальше продвинуться, а на медицине, сельском хозяйстве, космосе, на каких-то стратегических линиях развития и т. д. Не надо заострять внимание на улучшении, совершенствовании тех ценностей, которыми пользуется золотой миллиард. Конечно, нам нужно очень много думать. Ведь что такое демократия? Это очень несовершенная вещь: демократия убила Сократа, привела к власти Гитлера, допустила разрушение Советского Союза и собственности, которая присваивалась после этого краха. В свое время Черчилль, который был одним из столпов демократии, говорил о том, что демократия — это ужасная вещь, но ничего лучше человечество не придумало. Это правда. Значит, что должно делать человечество? Думать, а не просто пробивать демократию с помощью авианосцев и бомбардировщиков, надо думать, как ее усовершенствовать или, может быть, заменить на что-то более человеческое. В заключение скажу, что глобализация — это вещь, о которой тоже надо думать. Первым глобализатором был Александр Македонский. После него было очень много глобализаторов. Глобализацию нужно проводить на основе культуры, а не на основе меча и пистолета. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Слово предоставляется профессору Владимиру Александровичу Коневу.

В. А. КОНЕВ¹: — Я хотел бы вернуться к идее о том, что необходимы новые ценности, о чем говорил

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 на-

учных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культур», «Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» М. Хайдеггера)», «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делёза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание»» и др.

Вячеслав Семенович. Абсолютно согласен, что сейчас происходит фазовый переход и мы находимся на определенной вершине, поэтому нужны новые ценности. Но что такое новые ценности? Вообще можно ли их придумать? Есть ценности эстетические, есть ценности накопленные, есть ценности сакральные, есть ценности истинные. То есть набор ценностей в культуре уже создан и ограничен. И Вячеслав Семенович очень хитро и правильно сказал: надо не изобрести новые ценности, а найти новые точки роста. Эти точки нужно искать там, где культура что-то сотворит. Мне кажется, что сейчас мы находимся на перепутье дорог, которое установил в свое время Парменид. На перекрестке дорог он поставил камень, на котором было написано два пути: направо пойдешь — истину обретишь, бытие есть, небытия нет; а налево пойдешь — там смерть. Там один сегодня сказал одно, другой завтра скажет другое, а послезавтра — третье, там вообще все текуче, не найдешь никакой стабильности, основы и т. д.

Все европейское человечество повернуло направо и пошло той дорогой в надежде на развитие. Сейчас, на мой взгляд, мы находимся у этого камня и пытаемся повернуть налево, потому что истина не одна, а их много, потому что ценно именно то, что здесь и теперь, а не то, что где-то в вечности существует. То есть появляется ценность конкретного, индивидуального, ценности тех систем, которые существуют в одном экземпляре. Но культура вообще всегда говорила о том, что произведение создается в единственном экземпляре. Если раньше, предположим, мысль обращалась прежде всего к природе, где можно найти некую стабильность, основу и так далее, то сейчас гуманитарная мысль — это, на мой взгляд, и есть та мысль, где конституируется новая рациональность. Эта культура, как особая человеческая организация, всегда культивировала у человека понимание границ, ограниченности, потому что всякая культура все, что вне ее, когда-то называла варварством и запрещала всякий переход. Культура существует только там, где граница: да — нет, значимое — незначимое, на этом строится любое культурное действие. Абстрактное культурное действие — это действие разграничений, и культурный человек — это человек, знающий границы, в отличие от хама, для которого границ не существует.

Когда мы говорим о диалоге культур — это попытка перескочить через границы. Глобализация переходит границы, для нее трудности — это автономность, которую можно преодолеть с помощью транспорта; трудности перехода государственной границы можно преодолеть с помощью визового режима и т. д. А границы культуры не преодолешь. И потом, мы все понимаем, что глобализация — это прежде всего распространение одной западной культуры в ее американизированном варианте. Конечно, не все с этим согласны. Но если мы абстрагируемся от всех тонкостей, то, в общем-то, это всегда популяризация какого-то одного понимания

учных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культур», «Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» М. Хайдеггера)», «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делёза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание»» и др.

мира, поэтому это и есть распространение культуры на всю территорию. Происходит столкновение разных культур: одной, созданной на техногенных основаниях, о которой мы говорим, и множества других культур, которые могут существовать по-другому. Тут-то и возникает вопрос: как выжить тем культурам, которые не глобализируются?

Проблема не в диалоге, а в выживании культуры, которая распространяется. Можно адаптировать идеи, используя свои ценности. Западная культура, пропагандирующая идеи демократии, о которой мы все тут говорим, тем самым распространяет идеи правового государства. Правильные идеи, но правовое государство на Западе было построено на принципе общественного договора, то есть люди договаривались о законах. И если они не исполняют закон, то понятно, что он не будет действовать, поэтому каждый гражданин соблюдает закон. В нашей традиции закон никогда не был основой договора: у нас не договариваются, а договор оглашается кем-то, и все подчиняются. Поэтому за законы отвечает тот, кто огласил, а я могу делать, что хочу. И поэтому в русской традиции правовое государство и гражданское общество основывались не на законе, а на моральном авторитете. «Справедливость всегда была выше закона», — писал академик Степин, которого сегодня часто цитируют. Сейчас формируется гражданское общество. А на какой базе? Оно начало формироваться вокруг идеи честных выборов, нравственной категории. Поэтому если мы хотим культивировать у себя гражданское общество, то надо делать это на основе сохранения своей традиции. Поэтому, я думаю, когда мы говорим о глобализации, надо ставить вопрос не о диалоге культур, а о сохранении разнообразия культур. Диалог и всякие прочие истоки — это не цель, а средство сохранения культурного разнообразия, без которого человечество просто погибнет. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Спасибо. Единственное уточнение хочу сделать. Я согласен с тем, как Вы сказали, что обозначены ценности, но ведь вопрос состоит уже в том, что каждая из этих ценностей наряду с общечеловеческим смыслом имеет еще свою особенную интерпретацию в диалоге культур. Вот тут-то и начинаются расхождения.

В. А. КОНЕВ: — Поэтому надо сохранять интерпретации, на этом нужно делать акцент.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Спасибо за очень интересный доклад. Я думаю, что помимо ценностей разнообразия культур, о котором Вы говорите, все-таки в мире культуры существует не только диалог, но и конкуренция. И те, кто нападает на идею золотого миллиарда, должны вспомнить, что в конце концов западное сообщество создало телевидение, Интернет, коллаидер и т. д. И поэтому естественно возникает некая проблема лидерства. Принцип «взять все и поделить» — неправильный.

В. А. КОНЕВ: — Не поделить, а сохранить. А теперь относительно западных достижений. Кто изобрел порох? Китайцы. А пушки? Европейцы. А кто изобрел компас и литеры? Тоже китайцы. А европейцы первые

объехали вокруг света. Поэтому вопрос не в том, кто больше дал.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — В каком-то смысле лидеру необходим большой ресурс, потому что хорошо, конечно, здесь нарисовали образ человека, сидящего на берегу озера, — человека, которому мало что надо. Он дышит свежим воздухом, слушает пение птичек, созерцает прекрасную природу. Но ведь при этом, как было сказано, надо еще космос осваивать, медицину развивать. Для этого нужны энергия и технологии, необходимы десятки, сотни заводов.

В. А. КОНЕВ: — Тогда я еще один тезис сформулирую. Мне кажется, нужно очень жестко развести понятия «цивилизация» и «культура», что было сделано Шпенглером. И получается, что глобализация — это дело цивилизации, а культура — это дело души, если угодно. И дело не в том, что золотой миллиард хорошо живет, а в том, чтобы человек сам управлял своими желаниями. Потому что если я хочу то, что есть у соседа, то это не мои желания, а желания соседа. А если я точно буду знать, чего хочу, то, может быть, и сяду у озера. Если я точно буду знать, что хочу лимузин, то буду добиваться этого.

— Но поскольку сосед все-таки рядом живет, очень важно, чтобы и он ограничил свои желания. (реплика из зала)

В. А. КОНЕВ: — Поэтому каждый должен знать свои желания, в том числе и сосед.

А. Н. ЧУМАКОВ¹: — Владимир Александрович затронул много интересных вопросов, вопрос глобализации — очень сложная тема. Еще один вопрос касается гражданского общества. Не могли бы Вы немного его раскрыть? Спасибо.

В. А. КОНЕВ: — Я могу долго об этом говорить, потому что думал об этом и имею к этому отношение. Мне кажется, что установление гражданского общества связано с двумя моментами — пониманием человеком каких-то своих целей и институализацией, то есть превращением этого понимания в действительность. Поэтому мало только понимать, чтобы стать гражданином.

— Идея состоит в том, чтобы в понятие гражданского общества включить понимание справедливости. И тогда гражданское общество станет частью культуры, а не просто институтом. (реплика из зала)

В. С. СТЕПИН: — Я хотел бы уточнить мысль о разделении понятий «цивилизация» и «культура». Понятие «цивилизация» имеет по крайней мере три смысла, которые нужно учитывать. Первый смысл: когда мы

¹ Заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор. Автор более 380 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст», «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Philosophy of Globalization»; учебников и учебных пособий: «Философия» (в соавт.) и др. Первый вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации».

говорим о цивилизации, то имеем в виду цивилизационные достижения, то, что позволило человеку выделиться из животного царства. И тогда каждый шаг такого выделения и есть цивилизационные достижения, это и есть путь цивилизации. Например, изобретение колеса, умение плавить металлы, занятие земледелием в древности, атомная электростанция, выход в космос — это все цивилизационные достижения. Но существуют не только технологии, которые нам позволяют овладевать природой, есть еще технологии социального управления, поэтому рынок, государство — это тоже цивилизационные достижения. Некоторые из них непреходящие, какие-то могут модифицироваться, это все нужно различать. Это, так сказать, первые идеи цивилизации. Цивилизация — это показатель выделения человека из животного царства и ступень его человеческого развития.

Второй смысл цивилизации, который ввел Тойнби, — это культура, достигшая пределов самоидентификации. Он выделил 21 вид цивилизаций. Возникает вопрос: чем отличаются эти виды друг от друга? Они отличаются характером культуры того культурно-генетического кода, который отделяет одну цивилизацию от другой. В этом плане никак не разделить понятия цивилизации и культуры, тут они сплавлены. И третий смысл цивилизации раскрыт у Шпенглера, который почувствовал, что технологический прогресс не приводит к прогрессу моральному, духовному и даже может сопровождаться деградацией духовных и материальных ценностей. Поэтому Шпенглер разделил: одно дело цивилизация, когда люди наращивают свои достижения в овладении природой, развитии новых технологий, открытии новых изобретений; другое дело, когда люди ведут себя как дикари, устраивают войны, не могут наладить человеческие отношения, когда падает нравственность среди людей. Поэтому технологическое и духовное развитие как, соответственно, фактор цивилизации и фактор культуры надо развести. То же правильно. Но это скорее критика современной техногенной цивилизации, которая часто обгоняет технологический прогресс.

Об этом сейчас много написано, в частности, Назаретян пишет, что должна быть некоторая корреляция между уровнем технологического прогресса и уровнем нравственной ответственности морального прогресса. Но в целом, когда я ввожу понятие типа цивилизационного развития, то разделяю эти типы по базовым ценностям культуры, по смысложизненным ориентирам понимания того, что есть человек, природа, человеческая деятельность, личность, что есть инновации и традиции, власть и культура, пространство и время, потому что время в традиционных цивилизациях циклическое, а здесь оно направлено вперед. Причем идея о том, что завтра будет лучше, чем вчера, — это идея прогресса. Я могу согласиться, что, когда мы критикуем современную цивилизацию, то нужно иметь в виду духовное и технологическое развитие и их несоответствие.

В целом все-таки нельзя понятие цивилизации вводить без понятия культуры, потому что тогда оно не имеет опоры, не имеет смысла, если иметь в виду тип общества. Как биологический организм не может жить без биоэнергетического кода, так и социальный организм не может жить без культуры, то есть без культурно-генетического кода. И культуру, кстати, я определяю

как надбиологическую систему программ человеческой жизнедеятельности, деятельность, поведение и общение людей. Весь сложно организованный набор культурных символов, знаков, семиотических образований хранит как раз содержание этих программ, и эти программы называются историческим опытом человечества, который транслируется от поколения к поколению. Ну, это замечание для будущего. То есть я не опровергаю то, что сказал профессор Конев, просто уточняю, чтобы не было потом неразберихи. Когда мы говорим о Тойнби, например о видах цивилизаций, то имеем в виду различия культур этих цивилизаций.

Сейчас слово предоставляется профессору из Кыргызстана Кусейну Исаевичу Исаеву.

К. И. ИСАЕВ¹: — У нас возникла интересная дискуссия вокруг проблем глобализации и ее влияния на культурное многообразие. Необходимо различать влияние глобализации на историю социального прогресса в развитии науки, техники и средств связи.

В то же время глобализация — политика и идеология и власть западных государств и США направленные на западнизацию, американизацию и глобализацию всего земного шара. Этот процесс только начался. Им будет заполнена вся история человечества XXI века. Похоже на то, что эта будет история, которая на своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого (А. А. Зиновьев).

В то же время глобализационно-инновационная приоритетность трансформирует базовые ценности народа, разрушая основы традиционализма, выдвигая на передний план образа жизни более совершенные формы общественного взаимодействия и развития. Процесс смещения народов, культур, языков достиг невиданного размаха, когда глобализационные факторы расширили возможность обмена товарами, ресурсами, путешествий и миграций, что, безусловно, способствовало ускорению трансформации объективных условий образа жизни кыргызского народа. В свою очередь, существенное влияние на процесс ускорения оказало широкое проникновение в повседневную жизнь кыргызстанцев Всемирной паутины, социальных сетей Интернета, цифрового и спутникового телевидения, электронных книг, аудио- и видеонравств, содействуя все более глубокому культурному взаимообогащению людей.

Современные перемены в кыргызском обществе привели не только к изменению объективных условий жизнедеятельности людей, но и к существенной социально-психологической трансформации личности. Появление широкодоступных информационно-инновационных социальных сетей формирует широкий спектр возможностей в новой идентификации индивида с группами, сообществами, народами, нациями и т. д. Современный, кардинальным образом быстроменяющийся мир характеризуется переходом от материального общества к информационному, базирующемуся

¹ Президент Социологической ассоциации Кыргызстана, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Общество риска» в условиях глобализации», «Глобальная демократия в Кыргызстане (противоречия и перспективы)», «Обучение и переобучение безработных в Кыргызстане» (в соавт.), «Особенности идентичности жителей постсоветского Кыргызстана», «Русские в Кыргызстане» (в соавт.), «Причины и уроки народной революции в Кыргызстане» (в соавт.), «Особенности состояния здоровья населения Кыргызстана в современных условиях», «Политическая социология: становление и развитие» и др.

на производстве, распространении и потреблении информации. Поэтому «современные общества находятся в тисках перманентных трансформаций, непрерывных инноваций, волнообразных кризисов» (П. С. Гуревич).

Глобализация как носитель новых параметров общественного бытия воспринимается при сравнении с традиционными формами жизнедеятельности людей. В частности, современный образ жизни кыргызского общества, основывающийся на социально-исторической преемственности традиционного и нового параметров, имеет уникальность для сравнительно-сопоставительного анализа совместимости и в то же время противоречивости двух разнополярных систем. Уникальная модель кыргызского традиционного образа жизни, сохранившая стиль кочевнического мышления, представляет ценность, в которой остро нуждается современный глобализационный мир. Подвергаясь широкой экспансии глобализации, обладающей материально привлекательной и информационно доступной базой, образ жизни кыргызского народа находится в глубоко кризисном состоянии.

Постепенное проникновение иной модели и параметров жизнедеятельности в кыргызское общество породило амбивалентность в самосознании народа, когда широкая пропаганда потребительского отношения к бытию противоречиво отразилось на восприятии людей. Пропаганда материальной самодостаточности как важной составляющей для обеспечения должного уровня жизни человека, характерная для американского, западноевропейского образа жизни, не могла встретить массовой поддержки в кыргызском обществе. Потому что иная модель жизнедеятельности, предполагавшая индивидуализацию человека, не сочеталась с коллективной, традиционной ментальностью кыргызского народа, обладающей определенной устойчивостью и богатым духовным содержанием.

Духовное наследие кыргызского народа имеет уникальный колорит ценностей, выраженных в традиционных обычаях, нравах, морально-этических нормах и т. д. Главным духовным сокровищем мирового значения является эпос «Манас», содержащий более полумиллиона строк, сохранившийся до сегодняшних дней благодаря особому мысленно-чувственному восприятию кыргызов. «Манас» как народное эпическое произведение является морально-этическим произведением, вобравшим в себя основы народного, обычного права. Морально-этические и правовые нормы, отраженные в эпосе, сохранили кыргызов как государствообразующий этнос на протяжении многих столетий. Главное из них — сохранение целостности государства.

Однако эпос «Манас», предложенный в основу государственной идеологии, пока не получил всенародную поддержку, когда кыргызское общество было подвержено глубокому духовному кризису. Морально-этический климат, характеризующийся противоречивостью глобализационного и традиционного, породил проблемы социально-экономического и политического развития. Об этом свидетельствуют разносторонние взгляды на развитие Кыргызстана, когда политика по поводу ориентированности государства встречает большие споры на политическом олимпе. Разносторонность взглядов отражает существующую амбивалентность в общественной среде, социальную диссоциацию и депривацию населения. Ослабление чувства этнонациональной идентично-

сти, согласованности в действиях политического истеблишмента и их материальное обогащение на фоне массового обнищания подчеркивает глубокую кризисность кыргызского общества.

Традиционное кыргызское общество, основанное на коллективной собственности на землю (недра, пастбища, пахотные земли и т. д.), никогда не допускало присваивания земельных площадей индивидами. Благодаря слаженному взаимному пользованию общинными землями обеспечивалось динамичное развитие общества, которое контролировалось нормами обычного права, передававшимися из уст в уста. Ослабление, а порой и утрата значимости духовного наследия в условиях глобализации и потребительского мировосприятия сказались на личностном развитии. Широкая информационная кампания, направленная на восполнение идеологического вакуума, образовавшегося после краха коммунистической идейной основы, разрушала традиционные прогрессивные нормы мировосприятия, когда духовные основы заметно утратили своего носителя.

Благодаря духовно-нравственной преемственности и силе устного народного творчества в культурной сокровищнице кыргызского народа накопилось более 15 тысяч пословиц, поговорок, притч, играющих важную роль морально-этических норм общественного бытия. В частности, в народе бытовал некий закон взаимопричастности людей к судьбе целой общности, об этом говорят народные поговорки: «Эл мазар, элден чыккан азар» («Народ святыня, кто вне него — ничтожество»), «Элин жарды болсо, жеке байлык курусун» («Проклято личное богатство, когда народ твой беден») и т. п. Они были направлены на обеспечение единства и сплоченности рода и племени. «Карынын созун — капка сал» (Слово старца — заповедь для молодца) также способствовал сохранению авторитета старших и патернализму.

Однако допущенные провалы в политическом, экономическом развитии Кыргызстана, продажа земельных площадей, незаконное использование властями «дежурных аксакалов» в акциях собственной поддержки, стремление к материальному обогащению способствовали радикальной трансформации общества. Для выхода из кризиса, нам кажется, необходимо предпринять попытки интеграции уникальных и самобытных кочевнических традиций в современный глобализационный, урбанизированный мир. И хотя ценности кочевой культуры и цивилизации вроде бы ушли в прошлое, тем не менее сегодня, в XXI веке, миру, чтобы выжить, необходимы новая концепция и мировоззрение.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Реплика-вопрос. Вы говорили о высокой духовности народа Кыргызстана, и с этим можно согласиться. Представитель кыргызского народа, один из лидеров социологии Кыргызстана А. Акаев регулярно принимает участие в разных дискуссиях. Когда Вы говорите о духовности, чувствуете ли свою моральную ответственность за события 1990 года в Ошской области (так называемая ошская резня), которые вряд ли продемонстрировали духовное благополучие?

К. И. ИСАЕВ: — Это вопрос большой и сложный. К началу распада Советского Союза 21,2 % населения Кыргызстана составляли русские, 8 % — узбеки. Сегодня цифры поменялись местами, русские составляют

9 %. Я, как гражданин Кыргызстана, заявляю, что это очень большая ошибка в политике новой власти. А что касается узбеков, эта народность десятилетиями жила по соседству. В 1990 году, когда существовал Советский Союз, Союз национальностей принял закрытое решение ввести в состав Ошской области организацию узбекской национальной общины. Этим решением было начато разделение Кыргызстана на две части. Так называемая буржуазия нового Кыргызстана стала продавать национальные богатства (золото) и собственную честь. И проводилась двойная политика в отношении Узбекистана. С одной стороны, власти обещали автономную область узбекам, сепаратная политика, а с другой — публично говорили: «Делать этого нельзя». И в результате произошли те трагические события. Реализаторы, которые это дело совершили, являются виновными, в том числе тот человек, который был руководителем. В общем, упомянутые события — это результат неправильной политики властей того периода, и виновных еще не судили, хотя на всех возбуждены уголовные дела, и я надеюсь, это будет доведено до конца.

В. С. СТЕПИН: — Это проблема многих народов, потому что когда существовал Советский Союз, была сдерживающая сила, а тут начинается дележка территорий и т. д. Спасибо Вам за интересное выступление. Пожалуйста, профессор Аркадий Львович Маршак, Вам слово.

А. Л. МАРШАК¹: — Уважаемые коллеги! Хочу высказать несколько соображений относительно тех проблем, которые прозвучали вчера и частично сегодня. Первая проблема — это проблема глобализации. Я абсолютно не согласен с прозвучавшим в одном из выступлений на пленарном заседании призывом — не думать о глобализации как о некоем мифе. Мы уже это проходили. Мы в свое время ничего не думали об идеологизации, и что из этого вышло, прекрасно знаем. Нас обошли, оставили где-то на задворках идеологического процесса, и сегодня в результате мы утратили свои позиции в первенстве и превосходстве российской идеологии. Поэтому отстраниться от реального процесса глобализации, который происходит в мировом историческом процессе, было бы, конечно, неправильно, и я очень рад, что многие выступающие здесь разделяют эту позицию. Другое дело, что мы должны проанализировать эти процессы, показать, что они собой представляют и какое значение имеют для современной российской действительности.

Вторая и, безусловно, очень важная проблема касается евразийского развития в мире в целом и нашего участия в этом процессе. Здесь я абсолютно солидарен с точкой зрения, которую вчера высказал Анатолий Васильевич Дмитриев, что нужно разделить процесс евразийского развития на чисто технологический, эконо-

мический и культурный. И когда мы говорим о развитии культуры, то, наверное, являясь безусловно евразийским государством, мы, конечно, ближе к Западу. Окно, которое прорубил Петр I на этой славной земле, должно быть сегодня раскрыто полностью для того, чтобы мы сочтали свои позиции, проблемы с западной культурой и вносили в нее своеобразие российской как единого цивилизационного процесса. И проблема, которая сегодня здесь была обозначена академиком Степным, — это проблема ценностей. Нужны ли новые ценности или можно опираться на старые? Я в свое время написал статью «Нужен ли инновационному обществу новый человек?», в которой доказываю, что никакого нового человека быть не может. Человек всегда остается — и по своим интеллектуальным способностям, и по своим культурным потребностям — таким, каким он выделился из животного мира. Конечно, происходит некая модификация, но основа остается той, которая присуща гомо сапиенсу, возникшему много миллионов лет назад.

Мне очень понравилась точка зрения профессора Конева относительно опоры на ценности. Давайте мы освоим старые ценности, позволим нашей культуре базироваться на тех ценностях, которые выработала Россия и в целом совершенный мир, и применим их к задачам, которые существуют сегодня и встают перед нами постоянно. А потом уже, может быть, будем говорить о модификациях, о чем-то новом. Пока нет в этом необходимости. В связи с этим я хотел бы остановиться на одной, как мне кажется, очень важной проблеме. Но прежде чем я перейду к ней, хочу отметить, что в эти дни в Санкт-Петербурге проходит, может быть, менее заметное, но не менее значимое событие — собрались культурологи всей страны на ежегодное культурологическое собрание и одновременно конференцию, где речь шла о культурологии как образовательной дисциплине. Минувло 20 лет, как в высшей школе преподают культурологию. И меня в какой-то степени поразила та картина, которую обрисовали ведущие культурологи страны, преподаватели культурологии. Они все в один голос утверждают, что эти 20 лет прошли как бы мимо их слушателей, что сегодня студенты не понимают, что такое культурология, зачем она нужна? И у самих преподавателей существует некая обеспокоенность: правильно ли они выстраивают процесс самого преподавания. И в этом смысле, наверное, то, что наши Чтения и собрание преподавателей культурологии совпали, это очень символично. Потому что сегодня огромная армия преподавателей ждет ответов на конкретные вопросы, а не философских размышлений. Что такое цивилизация? Как нужно рассматривать ценности, старые и новые? Это все интересно. Но мы должны, видимо, вооружить нашу армию преподавателей конкретными формами знаний. Тем более что такие разработки у нас существуют.

Почему мы уходим в сторону от тех потребностей жизни, которые существуют в настоящее время? И в связи с этим вот на этом фоне я хотел бы высказать свои соображения относительно роли и значения мультикультурализма в российской действительности. Я не причисляю себя к философам, скорее к культурологам — являюсь социологом культуры. И с точки зрения социологии сегодня мы имеем дело с четырьмя

¹ Главный научный сотрудник Сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, ряда учебников и учебных пособий: «Социокультурная динамика в современном российском обществе», «Социология», «Общая социология», «Социология культуры», «Молодежь и культура села», «Становление социально активной личности», «Социальные проблемы культурного развития современной молодежи», «Социология культурно-духовной сферы», «Культурология» и др. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

довольно устойчивыми слоями, которые отражают разные культурные, культурологические воззрения в нашей стране. Первый слой — это так называемые традиционалисты, генетически и организационно связанные с культурой, существовавшей у нас на протяжении веков и получившей развитие в период существования советской власти. Это довольно значительный слой людей, которые базируются на этих воззрениях, привержены этим принципам и разочарованы в тех ценностях, которые нам навязывает современное общество, и в тех, с позволения сказать, новациях, которые сегодня вводятся в лоно нашей культуры.

Второй слой, который в последнее время заявил о себе достаточно четко, — это представители новых либеральных кругов из числа сторонников рыночных отношений и известного тезиса о том, что рынок все исправит и приведет все к тому знаменателю, который нам необходим. Эта группа населения наиболее склонна к современному авангарду в искусстве, не воспринимает традиционные формы искусства и считает, что художественная культура и художественные вкусы должны выстраиваться на основе инновационных сдвигов, которые происходят в культурной жизни нашей страны. Третий слой — это так называемые консерваторы, которые сегодня проявляют себя все более уверенно. Они стремятся сохранить те лучшие, архаические образцы культуры и искусства, которые были в нашем обществе. И, наконец, четвертый слой — это приверженцы религиозной культуры, которые выстраивают свои культурные взгляды именно на церковных ценностях. Думаю, не стоит говорить о той огромной роли, которую церковь как институт играет в нашей культуре.

В заключение хочу сказать, что наличие этих четырех слоев, как и мультикультурализм, традиционно для нас, потому что в России никогда не было одной культуры. Со времен Петра I всегда было несколько культурных воззрений. Наиболее ярко это проявилось в борьбе между славянофилами и западниками и отразилось на всей нашей культуре. И диалог между этими четырьмя слоями является, с моей точки зрения, позитивным моментом, потому что, как очень хорошо показал в своем выступлении профессор Миронов, это пересечение культур и дает возможность взаимодействовать, находить новые пути и развивать культуру нашего общества в целом. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Следующим выступает профессор Владимир Сергеевич Глаголев, прошу Вас.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Хотя вопрос «Что делать?» отнесен к числу таких сакрально-запретных вопросов в последнее десятилетие, видимо, вернуться к нему необходимо, когда мы говорим о перспективах и проблемах российской культуры. Первым из вопросов, которые надо решать, я бы выделил вопрос о российской хронопагии — «пожирании» времени, совершенно бесплодным и часто бессмысленным, с которым 142 млн российских граждан сталкиваются каждый день, а иногда и каждую ночь. Этот вопрос, как мне кажется, связан с системой традиционных ценностей и традиционного общества, где время ничего не значит. И очень мало значит жизнь, величайшее, я думаю, сокровище, которым обладает человек, даже когда

он не сознает этого до конца, обитая в традиционном обществе.

Недавно я получил письмо от близкого друга, который уже около 15 лет живет в Германии — в Берлине. И он, как практический социолог, очень методично описывает ситуацию разбора в пригороде Берлина складского помещения, которое стояло запущенным какое-то время, а сейчас решили сделать чистую площадку. Друг описывает, как последовательно, день за днем в течение месяца один-единственный человек, приехавший на устройстве, которое одновременно является экскаватором, краном, погрузчиком, разгрузчиком, опрыскивателем и тому подобным, выполняет эту технологическую задачу. Если вы перенесете это на наши реалии, то поймете, что здесь имеет место рациональная организация труда, вообще свойственная немецкой культуре. Этим я хочу сказать, что ни о каком лидерстве России ни в каких областях не может быть речи при том порядке организации труда, который у нас является доминирующим. Хотя я прекрасно понимаю, что есть отдельные островки, выполняющие некие стратегические и центрально-государственные заказы, но на среднестатистических предприятиях эта проблема существует. Итак, ситуация времени — это первое, что придется ликвидировать, преодолеть, если говорить о каком-то соревновательном движении, а тем более об опережающем развитии.

Второй вопрос — разрыв, который существует у нас между фундаментальными науками, где действительно исторические достижения подпитывают и современное состояние ученых, и современные крупные математические и другие решения, и плоскостью прикладной реализации фундаментальных достижений. Один достаточно крупный специалист очень интересно мне это объяснил. Когда американский ученый ставит какую-то крупную задачу, он звонит завхозу соответствующей структуры и заказывает определенное количество элементов, деталей, из которых надо собрать интересующий его технологический объект. К назначенному времени все детали, соответствующие описанию, ему доставляются, и дальше уже задача, что называется, сборщика. С чего начинает наш специалист, если у него появилась актуальная, конструктивная идея? С экспериментальной работы буквально на коленке. Иногда это эффективно. Классика в этом отношении — это технология открытия давления света Лебедевым, нашим великим ученым. Как вы помните, он сделал мельничку из папиросной бумаги и срезав спичек и наглядно показал, что свет имеет материальную природу.

Наши ученые — выходцы из России — сравнительно недавно таким же путем получили слой графита толщиной в атом и вместе с тем перспективу графеновой технологии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но среднестатистически, конечно, разрыв, который существует в поддержке науки не только как системы высокотехнологических рассуждений, прекрасно звучащих у нас на конференции, но и как некоторого практического сближения прикладных реализаций, огромен. Все это требует финансирования. И эта проблема также тянет нас назад, в постсоветское, прошлое, хотя там тоже были определенные прорывы. Кстати, то, о чем я говорю, — не новость. Академик А. А. Логунов, бывший ректор Московского государственного университета, на каком-то из съездов Коммунистической партии

Советского Союза говорил о том, что если они не будут получать те средства, которые необходимы для организации соответствующей приборной базы, то скоро перестанут понимать, что на Западе делают физики-теоретики.

Третий вопрос, связанный с первым — ситуацией хронопагии, — это бюрократия. Причем, если говорить о бюрократической системе, здесь мы наследники лучших азиатских традиций — традиций, идущих со времен Чингисхана. Эти традиции естественно получают оформление в соответствующих лейблах, названиях, этикетках, но существо этой азиатчины в бюрократической организации и регламентации всех сторон человеческой жизни, ведущей, кстати, к хронопагии, — это следующая задача, над решением которой, по всей видимости, придется работать.

И еще о двух проблемах, которые, с моей точки зрения, проявились достаточно заметно в последнее время. Первая — это тенденция неофеодализма, когда начальники самых различных отделов получают право распоряжаться жизнью и судьбой своих подчиненных. К тому же я солидарен с Юрием Борисовичем Боровым, который вспоминал рекомендации Конфуция — сидеть у озера и наслаждаться его красотой. Но вопрос состоит в следующем: как дожить до этого созерцания и как, понятно, перейти в следующий день? То есть на какие средства будет продолжаться этот восхитительный процесс? Неофеодалистское распределение средств системы, в которой, в общем-то, нет контроля над мелкими и крупными начальниками и самый мелкий начальник получает права феодального сеньора, — это вопрос, который сегодня касается организации труда. Он, конечно, связан с проблемой бюрократии, но плюс к этому он еще связан с особой непрозрачностью данной деятельности.

И, наконец, вторая проблема — это разрыв традиционно сложившихся научных связей, который мы наблюдаем. Счастливым исключением является наша сегодняшняя конференция, организаторы которой подумали о том, чтобы приглашенных ученых поместить в хорошие условия в гостиницах, позаботились о культурной программе и хлебе насущном. В 90 % современных российских вузов выезд на научные конференции осуществляется за свой счет. Отсюда следует, что надо искать организации, которые готовы взять на себя это финансирование, либо поступать в начальники, но, как известно, «пряников сладких всегда не хватает на всех», по словам Окуджавы. Нам придется либо отказываться от научных контактов, либо вести эти контакты исключительно заочным образом на протяжении пятилетия, десятилетия и т. д. Я думаю, это те проблемы, решение которых подразумевал непременным условием процветания Дмитрий Сергеевич Лихачев. И на этой основе у нас будет выстроена позитивная перспектива развития Отечества. Благодарю за внимание.

И. В. ПАЛАГУТА: — У меня один вопрос. Вы перечислили ряд пунктов, иллюстрирующих те проблемы, которые нам следует решать. Наша политика построена на принципе распределения природных ресурсов. Оттуда же система закупок, действующая через систему откатов; отсюда же разрыв связей, потому что научные

изыскания никому не нужны; отсюда же соответственно плохая организация труда. Не думаете ли Вы, что проблем гораздо больше?

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — На 100 % согласен с Вашим тезисом. Хотел бы сказать, что эта пятикратная детализация все-таки подразумевает пятинаправленное усилие — пять направлений усилий как минимум. Там, на самом деле, их 155. Кстати, маленький вопрос Вам. Скажите, пожалуйста, каково число конституционных обязанностей у Президента Российской Федерации? Прошу назвать цифру.

И. В. ПАЛАГУТА: — Одна...

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — И все? Так вот, в журнале «Право и управление. XXI век», издаваемом в МГИМО, аспирантка Елена Бондарец опубликовала статью, в которой показала, что у Президента Российской Федерации в соответствующих законодательных актах высшего уровня прописано более 400 обязанностей. Так что пять направлений вполне достаточно для шестилетнего срока. Я надеюсь, что какая-то часть, по логике моего собеседника и единомышленника, будет унифицирована в одну обязанность, но она обязательно потребует той многократной дифференциации, которая приведена в статье нашей аспирантки.

В. С. СТЕПИН: — Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Неретинной.

С. С. НЕРЕТИНА¹: — Вячеслав Семенович, прежде всего хочу ответить на Вашу мысль о том, что человек выделился из животного царства и следующей ступенью развития была цивилизация.

Я хочу сказать, что человек изначально выделился не из животного царства, а из Божественного. Когда говорят “Deus est animos vel animal”, это означает, что «Бог есть живое существо», по образу и подобию которого создан человек. Человек — существо, говорящее ртом. Тезис о том, что человек выделился из животного мира, существует с XVIII века, с эпохи Просвещения, то есть когда началась опора на естественного человека. Поэтому здесь всегда нужно отличать новое от старого, ведь, например, тезис о том, что культуру надо ликвидировать, известен с IV века, от Амвросия Медиоланского. Он сказал, что под культурой понимается традиция, язычество, и мы должны от этого отказаться. Мы должны признать только то новое, что идет с преображением, идея преображения — это самое главное.

Но вот о чем бы мне хотелось напомнить. Наша конференция называется «Глобализация и диалог культур», но здесь мы даже не вспомнили о человеке, который открыл понятие «диалог культур». Это Владимир Соломонович Библер. Существует термин, придуманный М. М. Бахтиным, но у него культура понимается как диалог, это разные вещи. Я не буду сейчас об этом говорить, потому что мы писали о разнице между этими

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук. Автор более 200 работ, в т. ч. монографий: «Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка», «Концептуализм Абельяра», «Верующий разум. К истории средневековой философии», «Верующий разум. Книга бытия и Салический закон», «Точки на зрении», «Философские одиночества» и др.

понятиями в книге «Время культуры». Это очень важно, потому что в ходе конференции мне показалось, что происходит стирание самого понятия «диалог культур», оно стало каким-то расхожим или, в самом лучшем смысле, археологическим. Мы сейчас говорим о культуре как о некоей сфере археологии. И Библер, последний идеологист, печально констатировал превращение этого устоявшегося термина в расхожее слово.

Я хотела бы показать точки преобразования старого термина в речь разнородного сообщества, вовлеченного в коммуникацию. Причем я обращаю внимание на слово «вовлеченное», потому что это коммуникация, которая не обязывает к длительному и тесному взаимодействию. Это изменило представление и об унитарности автора, и об уникальном произведении. Все это очень существенно, потому что, когда в свое время в начале века Мандельштам сказал: «Мир сначала», это понималось двояко двумя разными людьми. Это можно было понять как призыв к новой авторской культуре, как и понял Библер, а можно было — как диагноз обществу, то есть героем этого общества стала масса. Это совсем другое дело. И эта масса выражала в большей степени многоголосность полифонии, чем авторскую односторонность. Диалог остался, поэтому я свой доклад назвала не «Глобализация и диалог культур», а просто «Глобализация и диалог». Диалог остался, но его роль изменилась.

Если при культе автора он играл определяющую роль и был доминантой культурного творчества, то при культе множества уникальный автор подминался своими же героями, разрушая авторскую позицию, позволяя или пренебречь ею, на чем стоит вся постмодернистская культура, или сделать ее одним из голосов. Это уже после 1920-х годов увидел Бахтин и обозначил эту тенденцию среди тоталитарного разгула. При этом культура у Бахтина лишалась своего аристократического положения, становясь, как он говорил, «культурой в широком смысле», то есть уже здесь слово «культура» не имеет строгого терминологического значения. И ее представителями не случайно становились кино и фотография, потому что, скажем, живопись уже не могла являться выразителем новых тенденций, ведь писать все-таки надо было уметь. Почему я сказала о Бахтине? Потому что сегодня прозвучала мысль о том, что М. М. Бахтин воспринимается в Испании даже больше, чем во Франции. Это не совсем так. Франция первой восприняла Бахтина, если вы помните, через Ю. Кристеву, известную пропагандистку его идей. Но французы неверно перевели слово «речь» — как «дискурс», поэтому Бахтин во Франции был прочитан структуралистски. А сейчас там разгорается скандал при новом переводе. Французы теперь признают ошибкой то, что революционизировали Бахтина в то время, когда там была революция, а сейчас революции нет.

Что касается глобализации, то я не сторонник поиска каких-то новых ценностей, я сторонник построения каких-то принципов, которые действительно могут объединить. На мой взгляд, эти принципы были прекрасно выражены опять же в нашей действительности, как ни парадоксально, Малевичем. Он назвал три новых основополагающих принципа — это изменение веса, изменение скорости и изменение направления движения. Обратим внимание на эти принципы: они никоим обра-

зом не затрагивают культурного своеобразия, а показывают, каким образом мир может двигаться к какому-то единству. Я недавно была в Китае и долго допытывалась у китайцев, что они понимают под «философией»? В результате оказалось, что это «мудрость», то есть не то, что мы имеем в виду. Мы разговариваем постоянно в каком-то странном смещенном пространстве. Когда я их спросила: «Как у вас строится курс “История философии”?», они ответили: «Сначала мы это строили параллельно, то есть автор китайский — автор греческий и т. д. Потом поняли, что говорим о разном, что у нас есть некоторого рода омонимия, которая снижает смыслы произносимого». Мы думаем, что они понимают так, а они думают, что мы понимаем иначе.

Я, правда, не думаю, что это нерешаемая проблема, и можно говорить о полном непонимании друг друга, по одной простой причине: мы сейчас здесь, говоря на одном языке, не всегда понимаем друг друга. Говорить по-разному — это смысл человека и человеческого общения. Что здесь любопытного? Что при всей странности желания понять друг друга, оказывается, что мы живем в двухголосии, это наше человеческое свойство — быть двухголосыми. Что это означает? Я поясню на простом примере. Недавно, готовясь к другой конференции, я прочитала Фому Аквинского на латыни. Почему? Потому что в переводе я бы ни с одним словом не согласилась. Как он определяет слово «персона»? Мы знаем, что «персона» — это существительное женского рода, я специально хочу на эту конкретику обратить внимание. Обратимся к этимологии: «персона» — “*per se una*” означает «единая через себя», то есть средний род говорит через женский. «Единая через себя» — «персона» женского рода, “*una*” — это средний род. То есть эта двухголосность никуда не исчезла, она была у Аристотеля, у которого первое сущее говорит само о себе, а все остальное — называется, то есть мы все время участвуем в двух направлениях нашего мыслительного движения. Это было всегда, то есть один язык говорит через другой. Мы этого уже не знаем, но вдруг акцентированно воспроизводим то, что когда-то было кем-то сказано, но не воспринято. Вот это “*per se una*” никогда не было воспринято как персона, то есть как средний род.

Происходит самодетерминация, о которой говорил в свое время Библер, потому что сейчас вопрос «Кто я?» — один из самых важных вопросов, и не только в русской философии, но и в западной, и в китайской. Сейчас в Интернете один и тот же человек может быть двумя разными людьми, если выступает, скажем, под разными никами. И здесь снова возникает грамматический вопрос, ставящий под сомнение единственное число «я», поэтому старый логический вопрос «Как возможно всеобщее, если оно уже целиком и полностью во мне?» оказался шизофреническим, ибо в каком «мне» существует всеобщее, если «я» — это два в одном? Более того, это «я» может оказаться «не в себе» настолько, что забудет, кто оно на самом деле. Если «я» забыло о себе, стало неидентифицированным, значит, оно позволило перейти ту критическую черту, когда возможно опознать в человеке, начавшем разговор, человека, его закончившего.

В заключение я хочу сказать, что сейчас снова поставлена проблема понимания, выраженная в настроенности, как говорил Хайдеггер, «философской

захваченности бытия». Отсутствие мощной теоретической мысли — это не болезнь, это сама глобальная современность, которая требует глобального диалога, концептуальной схватываемости разнородного полифонического звучания для своего выражения. В скорости этих концептов, однако, присутствуют и национальное своеобразие, и особенности культурных регионов. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Позвольте реплику относительно новых ценностей, что вполне соответствует идее принципа. Когда я говорил о выработке новых ценностей, это, в общем, не значит, что надо все старое отбросить и создавать новое на пустом месте. Как раз наоборот, речь идет скорее о реинтерпретации, о новых интерпретациях того привычного, а значит, о новых смыслах.

С. С. НЕРЕТИНА: — Но я-то имела в виду немного другое. Я не принадлежу к тем людям, которые говорят, что не смотрят телевизор, я его смотрю и очень активно, в том числе ток-шоу и т. д. Я обратила внимание, что молоденькая девочка, один раз сыгравшая в мильной опере, уже считает себя кем-то и говорит: «Моя философия такова...» Это нам с вами плюс, потому что это значит, что она поставила перед собой вопрос принципа, вопрос начала собственной жизни, можно сказать, собственного бытия. Это уже общее не только для России, но и для Запада, Китая и т. д.

В. С. СТЕПИН: — Это как раз и есть общечеловеческое...

С. С. НЕРЕТИНА: — Правильно, но это все-таки не ценность.

В. С. СТЕПИН: — Вопрос в том, почему это не ценность? Если это начала бытия, то бытие для меня тоже ценность. Следующей выступает профессор Маргарита Вениаминовна Силантьева.

М. В. СИЛАНТЬЕВА¹: — Я бы хотела поблагодарить Светлану Сергеевну за вопрос о том, что ценность в философском смысле — это все-таки проекция того, что ценностью не является. Первым принципом единого, если сказать традиционным языком, является смысл «логоса». Отвечая на призыв вернуться к камню вместе с нашим уважаемым коллегой Мартином Хайдеггером, я бы сказала, что можно не пойти направо вместе со всем заблудившимся европейским человечеством в сферу истины, можно даже не пойти налево в сферу доксы, куда европейское человечество все-таки пошло, когда начало заниматься наукой (в смысле «сциенцией»). Но можно вернуться к этому камню и, возможно, там обнаружится еще одна надпись типа гераклитовской: «Ослы соломому предпочли бы золоту». Мы помним, что это метафора, и имеется в виду не золото как таковое, а золото как смысл «ло-

госа», как обеспечивающий материальное существование Космос. И здесь у нас может возникнуть неожиданное прочтение теории золотого миллиарда.

Я уже много лет всем своим студентам из разных вузов даю маленькую контрольную работу в разных форматах — «прокомментируйте» или «как вы понимаете» — ту самую фразу Гераклита. И в основном люди пишут: «Умное животное предпочитает покусать, чтобы не умереть с голоду, лишь потом теоретизировать или вообще отказаться от ложных ценностей». Вопрос о том, почему соломому едят, многих ставит в тупик, то есть народ искренне думает, что ослы могут есть соломому, и не понимает, что это подстилка. К чему я пытаюсь подвести разговор? Я думаю, что удивительный успех европейского проекта, такой, что и Восток при всем своем герметическом существовании все-таки очень внимательно прислушивается к Европе, связан не только с европейским базаром, то есть благополучной европейской экономикой, которая хорошо организована и позволяет людям жить. Он связан еще с тем, что Европа сумела уловить вот это «золото» смысла и понять, что сконцентрировать его нужно в каких-то конкретных руках, а не распространять по всему биогеоценозу. Видимо, это невозможно.

Просветительский проект, задача которого — просветить и приобщить к ценностям абсолютно всех, — это проект христианский. Но он дает сбой. Вместе с тем, я думаю, что золотой миллиард — это проект рационального отношения к своей жизни как жизни, имеющей не только ценности, которые могут быть разными, но и прежде всего сверхсмысл. Поиск нового интегратора макросоциальных объединений происходит сегодня на фоне очень интересного амбивалентного процесса. При этом, с одной стороны, разваливаются какие-то старые империи, колониальные структуры, а с другой — возникают ситуации каких-то полисных объединений, которые тоже хотят быть государствами. Они хотят жить своей неофеодальной плановой общиной, так как можно и политику определять, и послы в западные, европейские страны посылать. Этот бинарный процесс не ищет новых структур макроинтеграции, одной из которых сегодня, как ни странно, становится обращение не к рынку, не к тому, как все дружно идут в ногу в правильную сторону, а к смыслу. Мы хотим понимать друг друга и готовы на этом основании объединяться в микрогруппы, и даже в макросоциальные объединения.

Возвращаясь к успехам Европы, мне кажется, что здесь главное достижение действительно, я соглашусь, в противопоставлении варварства и себя, ученика и учителя. Но чем Европа отличается от Востока, от Японии и Китая, где в Средние века учитель мог убить ученика, если тот плохо учился? Европа обращает это к себе: «Я должен стремиться к смыслу, я должен переходить через свою ограниченность». В этом задача культуры в том смысле, в каком ее понимают европейцы «золотого» и надсмысленного варианта. Я думаю, этот успех Европа видит и в России, и на самом деле то, что Европа сегодня надеется на Россию, не случайно. Русская культура сумела удержать высокую духовную планку. Наша с вами учебная, образовательная работа — это не пустота, потому что мы транслируем, можно сказать, «золото» сегодняшнего студенчества. Мысль о том, что

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Трансцендентальные мосты между временем и вечностью», «Духовный потенциал транзитивных социумов: опыт "включенного наблюдателя"», «Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества», «Элитное образование в МГИМО: философско-культурологический подход к проблеме качества», «Философия права в глобализирующемся мире: образовательный проект и общественный заказ» и др.

есть смысл жизни и есть ради чего жить — сидишь ты у озера или едешь на автомобиле, — в итоге это не важно, если есть смысл. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Я хочу уточнить вопрос о проекте золотого миллиарда. Ведь это была идея Римского клуба, которая заключалась в том, что если принять идеалы потребительского общества, общества высокого потребления, то ресурсов Земли не хватит, поэтому на всю планету с населением 7 млрд жителей это распространить невозможно. И тогда возникла концепция, что раз это невозможно, тогда будет один золотой миллиард. Но дальше возникла такая точка зрения, что будут зоны с разным уровнем жизни, об этом писали многие западные социологи: например, ядро — это западный мир, дальше пояс менее обеспеченных государств, потом пояс еще более бедных. Но справедливость будет состоять вот в чем: поскольку есть права человека, то каждый человек, добившись успехов в своем поясе, пусть в самом низшем, может подняться наверх. То есть, как принято в западной концепции успеха, любой человек за счет удачливого бизнеса может стать миллионером, условно говоря, каждый сапожник может стать миллионером. И тогда ты сможешь приехать в хорошую зону, где тебя примут, твои мозги пойдут на благо человечества, а человечество будет хорошо организовано.

Потом эту концепцию оставили в стороне, сочли ее неполиткорректной, и сейчас о ней уже никто не говорит. Но вообще-то с ней надо считаться, поскольку реальность так устроена, что Китай, который достиг огромных успехов в промышленной области, завалил мир своими товарами, по уровню жизни на душу населения гораздо ниже, чем Россия. То же самое в Индии, поскольку это огромная масса населения. В связи с этим, Маргарита Вениаминовна, у меня к Вам такой вопрос: соответствует ли эта модель тому, что Вы говорите? А Вы говорите о золотом миллиарде как об особом смысле, как о носителе просвещенного духа, как об интеллектуальной условии жизни людей. Тогда я могу сказать «да», он не обязательно может жить в одном месте, он может быть рассеян по всем странам, может быть и в Индии, и в Китае, и где угодно.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Более того, Вячеслав Семенович, я бы сказала, что самое талантливое — на грани гениальности, у меня студенты в разных вузах — это люди из глубинки, которые сами способны над собой работать. В том числе дисциплина, умение управлять своими потребностями и желаниями, как совершенно справедливо коллега говорит, — это главное условие.

В. С. СТЕПИН: — Полностью соглашусь, это ответственность, а значит, самокритика.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Да, а значит, свобода.

В. С. СТЕПИН: — А значит, рефлексия, которая необходима для творчества.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Конечно, и более того, ту теорию, которую я пыталась иронически перевернуть, я считаю совершенно неприемлимой. Она, кстати, на просторах нашей страны, к величайшему сожалению

и несчастью, работает в связи с коммерциализацией образования. Сегодня молодому человеку, даже очень талантливому, трудно получить какие-то реальные источники грантовой поддержки. Хорошо, когда есть действительно богатые люди, готовые вкладывать. Спасибо.

А. Л. МАРШАК: — У меня вопрос: не могли бы Вы конкретизировать соображения по поводу того, что у Европы есть надежда на Россию? В чем она проявится?

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я могу сказать, что это довольно свежая идея, рассказанная господином Келиным, нашим соотечественником, одним из руководителей Союза соотечественников, на последнем Монгольском форуме.

В. С. СТЕПИН: — Слово предоставляется профессору Фуаду Теюбу оглы Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ¹: — Для меня большая честь сегодня присутствовать и выступать среди таких замечательных ученых. Позвольте мне выразить благодарность всем выступавшим до меня ученым, но особо хочу поблагодарить Вячеслава Семеновича Степина, потому что его подход, целостная концепция видения культуры, цивилизации и новых возможностей перехода техногенной цивилизации в гуманистическую очень импонируют моим подходам и видениям. Думаю, все согласны, что в современной культуре и цивилизации мы не можем отказаться от аксиологического подхода. Я хочу прочитать четверостишие известного азербайджанского поэта Мирзы Шафи Вазеха, возможно, многие знают его. Он замечательно сказал:

Добру и злу дано всегда сражаться.
И в вечной битве зло сильнее тем,
Что средства для добра не все годятся,
Меж тем как зло не брезгает ничем.

Я думаю, что главным критерием ценности человека является не национальность и вероисповедание, а его личностная культура — культура разума и культура сердца. Исходя из этого тезиса, полагаю, что наш патриотизм должен выражаться в том, чтобы нести миссию просветителей, образователей, ученых, помогать своим народам поднимать культуру. Я имею в виду, культурного человека, человека высокой культуры, носителя знаний, умений, организованной нравственности и созидательной деятельности. Что при этом мы должны учитывать, иметь в виду? Непременно сохраняя культурное наследие, культурную самобытность, развивать именно те культурные ценности, которые принимаются всем человечеством. Но мы должны согласиться и с тем, что в зависимости от уровня интеллектуальной

¹ Профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные национальными премиями «Умай» и «Интеллект». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Главный редактор международного культурологического журнала «Симург» (Вопросы истории и теории мировой культуры и цивилизации).

культуры разные люди по-разному могут интерпретировать и воспринимать те или иные ценности. У меня конкретное предложение: в русле того, что сказал Вячеслав Семенович, мы сегодня должны подумать, что и как надо делать. Я глубоко убежден в том, что мир спасет высокая духовная культура, но для этого мир должен защищать эту культуру, имеющиеся базовые ценности, сохранять и развивать их.

С этой точки зрения я предлагаю подумать все-таки о разработке международной программы культурации и инкультурации людей на всех географических пространствах, конечно, в рамках возможного, с учетом уровня достижений. Основная цель — переход от человека типа *Homo sapiens*, в рамках которого есть и люди высокой культуры, и варвары, и дикари, к человеку типа *Homo cultural*, человеку культурному. Вот те самые точки роста, о которых говорил Вячеслав Семенович, стало быть, нам надо разработать эти точки, параметры, требования, наше видение — для этого необходимо сложение усилий. И если такая программа будет разработана, то мы действительно сможем спасти мир и осуществить переход от техногенной цивилизации к гуманистической. Для этого мы должны защищать культуру и развивать ее, исходя из тех изменений в природе и обществе, которые происходят. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Спасибо. Есть мнение, что будущая цивилизация должна быть антропоцентрической, а не техноцентрической. Об этом сейчас пишут многие на Западе, и это действительно так.

Теперь слово Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Уважаемые коллеги! Мне хотелось бы отреагировать на несколько выступлений, которые здесь прозвучали. В контексте дискуссии, которая развернулась, я бы хотел сказать касательно современного глобального мира, что это естественная глобализирующаяся система. Тема глобализации, которая здесь много раз поднималась, настолько сложная и важная, что требует особого разговора, поэтому я только зафиксирую свою позицию, чтобы она была понятна, когда я подойду к вопросам культуры цивилизации, это все очень тесно связано. Что касается современного глобального мира, то здесь есть важная деталь, которую нужно иметь в виду: глобализация содержит и позитивное, и негативное. Позитивное — то, что уже никого не нужно убеждать, что есть глобализация, глобальные проблемы и т. д. Негативное — это, если хотите, уже привычный взгляд, «замыленное» представление о глобализации и порождаемых ею глобальных проблемах, и когда что-то новое возникает, мы этого просто не замечаем, оно остается за кадром.

Для начала приведу пример, касающийся глобализации. В общем-то, сейчас даже те, кто говорит об управляемых глобализациях, о неких силах, все больше приходят к мнению, что это объективный, объективно-исторический процесс, и при этом начинают рассуждать о неких закулисах, которые этой глобализацией управляют, говорят о некой американской глобализации и т. д. Мне кажется, здесь очень важно иметь в виду, что если это объективно-исторический процесс и он управляемый, тогда надо нам повернуть разговор по-другому, можно и нужно говорить о роли субъективного факто-

ра в этих объективных процессах, но не об управлении ими и т. д.

Когда мы говорим о глобализации, то ссылаемся на Ивана Тимофеевича Фролова. Часто приходится слышать, что он воспринимал глобализацию как угрозу и предлагал преодолеть ее, исключить из жизни человечества. На самом деле он никогда не утверждал, что от глобализации можно отказаться. В последние десятилетия мы осознали, что человечество становится глобальным вполне закономерно, и это не внезапное явление, а длительный процесс. От небольших сообществ с локальными связями и проблемами мы переходим на новый уровень — региональный. Поэтому наряду с локальными отношениями вступаем в другие — региональные, и вынуждены решать проблемы соответствующего уровня.

Уже с эпохи Великих географических открытий, когда и мировоззренчески человек изменил свои представления о том, где он живет, и фактически после того, как Магеллан вернулся из первого кругосветного путешествия, было доказано, что Земля — это глобус. Здесь этимологию слова забывать нельзя. И мы можем говорить о реальной глобализации. Раньше майя, ацтеки и все остальные ничего не знали о тех, кто живет в Европе, и наоборот, — не было глобуса. Не было ни мышления, ни реальных связей, ни отношений. Поэтому здесь путать не надо, уже много в глобалистике разработано, чтобы с этим всем справиться. Но когда был открыт глобус, сразу стали возникать глобальные связи, отношения и, конечно же, проблемы. И в связи с этим, при такой логике, говорят: «Давайте избавим человечество от глобальных проблем, давайте элиминируем из жизни общества глобального человечества глобальные проблемы». Да не надо меня избавлять от моих проблем, потому что в таком случае я окажусь в таком месте на погосте, где нет никаких проблем, как говорил Высоцкий, «все спокойненько, ни друзей, ни врагов не видать».

Пока человечество пребывает в глобальном состоянии, глобальных проблем не уничтожить, не элиминировать. А что же тогда? Тогда все пусто, надо изменить парадигму мышления, чтобы не преодолевать или элиминировать глобальные проблемы, а научиться с ними жить. Важный вопрос заключается в том, что новая система глобальных отношений в мире задает новые подходы к пониманию культуры и цивилизаций. Мы хотим говорить о диалоге, что абсолютно необходимо. Почему? Да потому что человечество до создания государства жило в ситуации во имя всех и против всех. Будем считать, что государство поставило всех против всех на уровне индивидуальных отношений. Но вступив в глобальные отношения, о чем я чуть раньше сказал, человечество снова вышло на тропу войны всех против всех, только в качестве борцов друг с другом выступают субъекты глобальных отношений, а это прежде всего национальные государства, транснациональные корпорации и т. д. И здесь Вячеслав Семенович очень хорошо в самом начале сориентировал вопрос, что войне всех против всех можно положить конец только, разумеется, на неких межнациональных структурах. Это еще один очень важный разговор.

И еще позвольте мне просто зафиксировать, что культуру цивилизаций абсолютно необходимо разделять,

особенно через призму глобальных отношений и проблем глобализации культуры цивилизации. Сегодня мы можем и должны сказать, что если с понятием культуры дела обстоят более или менее нормально, то с пониманием цивилизации — совсем другая картина. И если оставить ту парадигму рассуждений, как это выстроилось к Хантингтону, разумеется, еще лучше идти от Данилевского через Тойнби, то получается, что столкновение цивилизаций идет в тупик, потому что сталкиваются не цивилизации, а культурно-цивилизационные системы. Мне представляется, что каждый из нас, каждая социальная общность и государство — это культура цивилизационной системы, а это означает, что культура — это внутренняя характеристика, внутреннее содержание, а цивилизация — внешняя.

Закончу свою мысль тем, что мы обязаны переосмыслить понятие цивилизации и понять, что взаимодействие, взаимопонимание происходит не на основе культуры, а на основе цивилизационных принципов, цивилизационных уровней развития. Поэтому попытки межкультурного диалога и то, что в Европе культурализм буквально терпит поражение, не учитывают разный уровень цивилизационного развития людей, которые туда приходят. А собственно о культуре цивилизации мы можем говорить только относительно, по принципу дополнительности. Говоря о цивилизации, мы имеем в виду культурные отношения только с точки зрения того, как их построить, направить и т. д. Говоря о цивилизации, мы говорим о культуре отношений. Вячеслав Семенович, ваши замечания относительно цивилизационных достижений в области техники, колеса и всего остального, мне кажется, при таком подходе уходят из духовной культуры в материальную, цивилизационную.

В. С. СТЕПИН: — Я сказал еще и о технике социальных отношений.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Но прежде всего я бы хотел акцентировать внимание на национализационных отношениях.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я хотела бы задать вопрос. Я не уверена, что Вы все правильно понимаете. Прозвучала мысль о глобальных проблемах, о глобальном развитии мира. Так вот, отличает ли Вы объективные процессы, которые давно идут в мире, от западного проекта глобализации как системы навязывания западных образцов, моделей общественного развития, моделей культур и т. д.? Есть ли различия, или Вы считаете, что это все одно и то же?

А. Н. ЧУМАКОВ: — Я боюсь, если бы мы с Вами вступили в разговор и обсуждали эту проблему, то разговаривали бы на разных языках, в разных парадигмах мышления. Поэтому нам наверняка было бы интересно не здесь, не в этой аудитории привести в соответствие сначала наши понятия, а потом другое, третье. Я боюсь, что с моей точки зрения, в моей системе координат есть определенные серьезные заблуждения или, точнее, смещения вещей объективных и субъективных.

— Вышла энциклопедия «Глобалистика», очень нужная. Я ее прочитал и обнаружил там семь опреде-

лений глобализации, которые противоречат друг другу. У меня вопрос, какого определения глобализации Вы придерживаетесь, как Вы ее понимаете? Все-таки это объективный процесс? (вопрос из зала)

А. Н. ЧУМАКОВ: — Давайте я для начала дам какое-то рабочее определение, чтобы была понятна система моих размышлений. Прежде всего я рассматриваю глобализацию как объективно-исторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей в различных сферах общественной жизни — в экономике, политике, информатике и т. д. Теперь об энциклопедии «Глобалистика»: это была попытка провести синтез, если хотите, инвентаризацию тех идей, которые накопились к 2003 году, когда вышло это издание. И поэтому мы столкнулись с тем, что 450 авторов из 27 стран мира думают по-разному: на Западе — так, на Востоке — иначе, в России — по-другому и т. д. И чтобы показать многообразие идей, мы пришли к выводу, что должны дать разные подходы, и в этом плюс этого издания.

В. С. СТЕПИН: — Теперь слово предоставляется профессору Светлане Николаевне Иконниковой.

С. Н. ИКОННИКОВА¹: — Я хочу высказать две позиции. Первое: присутствующие здесь Аркадий Львович Маршак и Николай Андреевич Хренов долгое время проработали в экспертном совете по культурологии, философии и социологии; это единый экспертный совет, который «благословлял» кадры высших квалификаций. Ими и всеми остальными сделано очень много для того, чтобы в прошедшее 20-летие культурологическая дисциплина, культурологическая наука «вышла из скепсиса», которым изначально ее встретили, и все-таки утвердила себя. К этому процессу присоединились и помогли и философы, и социологи, и историки, и антропологи и т. д. И «дитя» выросло не безглавое и не слепое и теперь обретает авторитет. Конечно, в нашей ситуации очень важно и поддержать авторитет, который еще основан и на том, что в России сейчас по крайней мере в 100 вузах есть соответствующие советы, и очень много вузов имеют эти специализации и т. д. Есть учебники: например, под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной выпущен учебник для аспирантов и т. д. Это первый сюжет: не дайте погибнуть новой гуманитарной науке. Что значит «не дайте»? Это значит, все время поддерживайте, критикуйте, но предлагайте и т. д. Потому что принимаемые в образовании законы, всякие изменения в Министерстве образования и науки РФ и тому подобное требуют в том числе и нашей общественной гуманитарной поддержки.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контуры исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония «цветущей сложности» — союз этики и эстетики». Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

Второе, о чем я хотела сказать, это вопрос, на который я сама не имею ответа. Во всяком случае он меня беспокоит, и я писала какие-то работы на этот счет. Вопрос касается мультикультурализма. Этот термин возник всего 10–15 лет назад и в одном слове выразил единство многообразия, многообразность, уникальность, что является основой нашего обсуждения на этой секции. У меня были большие надежды на то, что это будет очень интересно, и разные уникальные анклавы и культуры — северные, племенные, африканские и многие другие — найдут свое место на карте культур мира, не политической, а именно культур, и будет очень хорошо, красиво и многообразно. И вот события, которые стали происходить в Европе, в Англии, да и у нас назревают, заставили думать о том, что что-то в этом мультикультурализме не так, что-то он не то предлагает. То ли получается, что все равны, но кто-то равнее и получает больше и денег, и подчета, и территории, и каких-то дополнений, а кто-то этого лишается. И сам мультикультурализм оказался, с одной стороны, источником очень больших напряжений по отношению к уникальным локальным образованиям, с другой — очень тяжелым грузом для больших образований, таких как Европа, Египет, Соединенные Штаты Америки (правда, меньше, чем для остальных). Они просто не выдержали мультикультурализма. У меня вопрос о политическом статусе уникальных культур: будет ли он иметь какие-либо благоприятные последствия или, может, политики чего-то не учли, чтобы соединить уникальность, миграционные особенности с включением этих культур не на своей уникальной территории, сохраняя их уникальность в «теле» других больших культур?

В заключение хочу отметить, что очень большой интерес, и для будущего в том числе, представляет уникальный анализ, сделанный по заказу Европейского Союза, того, как же так получилось, что в Европе множество государств соединились в одно. И последнее. Определенный интерес вызывает перспектива концептуальной подготовки и создания азиатско-российского, евразийского союзов. Здесь возникнет очень много новых проблем, и я не вижу пока, кроме Гумилева как последнего евразийца и других, подробного разбора этой новой ситуации. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Сейчас приглашаю выступить профессора Галину Григорьевну Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ¹: — Я хочу обратиться к вопросу о национальном и сверхнациональном в искусстве. В поставленной современностью проблеме диалога культур в век глобализации я бы хотела обратить внимание на такую область человеческой деятельности, как искусство, которое, как известно, выступает стержнем культуры наряду с наукой и религией, мировоззренческими установками. Когда перед нами стоят вопросы: куда мы идем и что нам поможет, посмотрим, как на них отвечает искусство. Как бы современное искусство ни пыталось уйти, оторваться от реальности, оно всегда

остается связанным с социокультурными процессами. При этом, как правило, художественная мысль опережает понятийную, логическую, научную. Так вот, искусство еще сто лет назад ярко заявило о транскультурных, глобализирующихся процессах. Это было время авангардизма и модернизма. Тогда остро ставились вопросы о выражении национального и сверхнационального в искусстве.

Что нового внесло искусство по вопросу воплощения национальной идеи? После расцвета искусства национальных культур прошлых веков проблема национального в искусстве XX века приобрела другой статус. Это был интерес и обращение к самым глубинным, древним пластам той или иной национальной культуры, переосмысление и подача национального в контексте современной художественно-языковой ситуации. Если классики литературы, живописи, музыки ранее использовали верхние слои фольклора, то неофольклорное и неоклассицистское направления в искусстве смотрели на проблему национального в искусстве и глубже, и шире. Идея национального искусства остается востребованной и сейчас в разных формах.

Вместе с тем в современной жизни важнее стала другая тенденция искусства — тенденция, связанная с идеей сверхнационального или наднационального в искусстве. Впервые эту мысль о сверхнациональном искусстве, философски обоснованную, мы встречаем у евразийских музыкальных деятелей, прежде всего Артура Лурье и Петра Сувчинского. Однако мне бы хотелось сейчас обратиться к современности. В национальном искусстве последних десятилетий, в частности в русском, отмечу усиливающийся интерес к религиозной тематике, с одной стороны, и к псевдонародности — с другой. Вместе с тем, если мы говорим, что многообразие культур породило богатство национальных искусств, то возникает вопрос: а возможен ли путь к синтетическому искусству в век глобализации? Что может служить при этом основой?

Сверхнациональное в искусстве возможно и по смысловому значению, и по художественному языку. Такова современная музыка, архитектура, живопись, перформансы. Приведу два примера из последних событий культурной жизни. Первое событие — продажа на аукционе картины норвежского художника Э. Мунка «Крик», которое мы давно уже воспринимаем не как национальное норвежское искусство, а как всемирное достояние, видим в картине символическое выражение всечеловеческого крика переломной эпохи XX века. Второе событие — Первая международная научно-практическая конференция в России под названием «Научное искусство», которая состоялась в апреле этого года в МГУ им. М. В. Ломоносова. Показательно, что в ее организации участвовали три факультета: химический, биологический и философский. Собрались ученые, представители разных профессий, художники по проблематике современного искусства, интегрирующегося с научным знанием. Искусство с помощью современных технологий вышло за рамки национального и приобрело сверхнациональное значение.

Какие черты сверхнационального искусства мы можем отметить сегодня? Во-первых, язык искусства таков, что он позволяет в любом национальном художественном творчестве находить общечеловеческую,

¹ Профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание: аксиологический подход», «Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром» и др.

точнее всечеловеческую, наднациональную или сверхнациональную эстетическую ценность. Музыкальное произведение, картина, скульптура, архитектурное здание могут доставлять удовольствие непосредственно при восприятии, несмотря на их изначальную национальную принадлежность. Наднациональными по значению стали высокие образцы классического искусства или поп-музыки. Во-вторых, в истории искусства сложились модели самодостаточных форм выражения, в которых можно усмотреть тенденцию проявления сверхнационального: например, абстракционизм, супрематизм, минимализм и др. В-третьих, сверхнациональное в искусстве присутствует не только в авангардизме XX века, но еще более расцветает в новом, современном искусстве, созданном с помощью научных технологий. Например, молекула гемоглобина, представленная визуально как картина, являет собой красоту «научного искусства».

Важно заметить, что искусство, связанное с реальными сущностными проблемами века глобализации, с освоением мира, жизни, служит утверждением человека творческого. Искусство, призванное в своем назначении будоражить мысль, возбуждать эмоции и воображение, само подталкивает общественную и научную мысль к осмыслению глобализирующихся процессов.

В. С. СТЕПИН: — Слово предоставляется профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА¹: — Мультикультурализм — наряду с социально-политическими, идеологическими, психологическими аспектами — имеет также важное эстетическое значение. Он открывает новые и обостряет традиционные проблемы в искусстве. И один из ключевых вопросов связан с метаморфозами национального. С одной стороны, проблема, казалось бы, «снимается»: вовлеченность традиционных этнических ценностей в единое пространство художественных смыслов нивелирует некогда полагавшиеся незбылемыми антиномии «своего» и «чужого», индивидуального и всеобщего, национального и интернационального. Открываются безграничные возможности в освоении искусства самых экзотических регионов, хронологически отдаленных периодов истории, что делает весьма условными границы национального, равно как и различие столицы и провинции. С другой стороны, культура сегодня переживает «бум» национального: наблюдается повышенный интерес к этнической непохожести, национально-индивидуальному духу в искусстве. Примета сегодняшнего времени — мода на фольклор. Характерным симптомом можно считать то, что экзотический музыкальный коллектив из Удмуртии «Бурановские бабушки» представляет Россию на конкурсе «Евровидение–2012».

В этой ситуации — развернувшейся множественности взаимодействия и ассимиляции культур и одно-

¹ Проректор Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Союза композиторов РФ. Автор более 140 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Музыка в ситуации смены мировоззренческих парадигм», ««Темного хаоса светлая дочь!» Проблема границы в музыке», «Парадоксы музыкального мышления», «Религиозный эстетизм как феномен русской духовности», «Возможна ли истина в искусстве?» (В диалоге с Г. Гадамером)» и др.

временно тяготения к фольклорному охранительству — оказывается чрезвычайно важным достоверное определение таких понятий, как «этническая идентичность», «национальное единство», «дух нации». Именно эти понятия оказываются жизненно необходимыми для понимания природы художественного опыта и осознания его особенной роли в современной культуре.

Понятие «национальное», как известно, не поддается линейному измерению, и его современное состояние далеко от однозначности. В то же время очевидно, что национальный дух глубоко коренится в природной среде, в культурных традициях, лингвистических особенностях языка, в особой «психоэнергетике» (Л. Гумилев). В одном из последних интервью Альфред Шнитке (в котором, по его собственному признанию, «ни капли русской крови») говорит, что, уехав в Германию, он «больше почувствовал себя композитором из России». Внутренняя осознанность родной среды, почвы значит для художника несравненно больше, чем «национальность в паспорте».

Чувственно-символический опыт искусства возникает на почве неповторимого этноса. Среди многих размышлений об укорененности искусства в почве родной земли напомним суждение Ф. М. Достоевского, который писал: «Истинная национальность всегда действует в интересе всех народов. Судьба распределила задачи между народами развить ту или другую сторону общего человека». Общий идеал, оттененный «местными красками», по его мнению, и является элементом, скрепляющим в единое целое различные проявления национального.

Продолжая размышления классика, Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что искусство прошлого со всей убедительностью доказывает сходство пути каждого народа с путями других народов. Утверждение национальной идентичности неотделимо от процесса присвоения чужого опыта и одновременно понимания архетипического родства с инациональными традициями.

Мультикультурализм, если его понимать как открытый процесс, предполагающий множественность взаимовлияний при сохранении национальной целостности как «почвы» сознания, создает для искусства безграничные возможности осмысления различных этнических традиций как органичной части общей истории мирового искусства.

В. С. СТЕПИН: — Сейчас выступает профессор Георгий Александрович Праздников.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ²: — Начну с трех эпитафий, которые содержат то, что я хотел бы сказать. Итак, три эпитафия в порядке появления этих мыслей в культуре. Первый из «Гамлета» (может, не дословно, главное — смысл): Гильденстерн и Розенкранц докладывают, что пришли актеры. Гамлет говорит: «Ну примите их получше». Полоний отвечает: «Примем, как того

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Направленность художественной формы: художник и публика», «Нравственный смысл художественного творчества» и др. Член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга.

заслуживают». На что Гамлет говорит: «Нет, лучше, черт возьми! Если как заслуживают, кто избежит плетки?» Второй эпитафия — из «Дневников» Кафки: «Все хорошие люди Земли, взявшись за руки, идут вместе, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи». И третий эпитафия — одно из последних стихотворений замечательного поэта, совестливого человека, к сожалению, уже ушедшего из жизни, Владимира Соколова:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек,
И не нужно мне прав человека —
Я давно уже не человек.

Этот эпитафия я вспомнил, когда слушал вчера выступление Генри Марковича Резника, который в качестве определяющей вершины назвал проблему не нравственных, а политических ценностей. Эти эпитафии, конечно, нуждаются в комментариях, но в них есть все существенное из того, о чем мне хочется сказать.

Только что Александр Николаевич говорил о противоречии, которое есть в выступлениях: с одной стороны, говорят о глобализации как об объективном процессе, а с другой — как об американском закулисье и т. д. Я думаю, что это не противоречие. Просто речь идет о разных явлениях, которые имеют даже терминологическое закрепление. Глобализация — это процесс, происходящий независимо от того, что мы об этом говорим. Но есть понятие «глобализм» — идеология глобализации, и эта идеология может быть совершенно разной. Вчера Владимир Васильевич Миронов напомнил: то, что процессы происходят объективно, совсем не означает, что они идут во благо, что они несут добро. Мы считаем при молчаливом согласии, что глобализация — это по определению позитивный процесс, который приведет всех к благу, но он не ведет к благу автоматически. Весьма серьезные вещи зависят от идеологии, которая лежит в основе глобализации. Это очень серьезно.

Проблема, которая сегодня неоднократно обсуждалась, и кто-то из только что выступавших об этом говорил, — это проблема ценностей, старых и новых. Я придерживаюсь той точки зрения, которую высказал Владимир Александрович Конев, собственно, и Вячеслав Семенович этого не отрицает. Он говорит о разных интерпретациях. Не может бесконечно происходить смена ценностей, новое не обязательно приходит, отменяя старое. Сила Востока не только в том, что он придерживается традиции, чтит ее, что очень важно — новое приходит, но старое продолжает существовать. Я думаю, что то, что называют чудом Востока, чудом Китая, чудом Кореи, чудом Индии, — это верность традиционным ценностям, которые привели к такому мощному росту человеческого духа, который на Западе, увы, невозможно представить. Поэтому мне кажется, что одна из центральных проблем глобализационных процессов — это проблема человечности как центрального, идеологического, если хотите, понятия всех этих процессов.

Так, кстати говоря, понимал культуру Дмитрий Сергеевич Лихачев, видя ее цель в единении людей. Тойнби в письме Конраду писал: культура объединяет, потому что у разных культур есть единая общая тенденция — стремление к человечности. Так понимал

ноосферу Владимир Иванович Вернадский, который мыслил ее как движение мыслящего свободного человечества к миру, управляемому принципом справедливости. Нельзя думать, что это само собой придет в результате того, что люди стран будут общаться, товары одной страны будут переходить в другую, произойдут новые научные открытия. Осуществление гуманистической направленности глобализации — это важнейший идеологический принцип. Вчера Вячеслав Семенович говорил, что сейчас «звездный час» гуманитария. Сегодня значим не только мыслительный вклад в теорию, но и жизнеучастие гуманитариев в современном мире Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — Профессор Андрей Яковлевич Флиер, пожалуйста, Вам слово.

А. Я. ФЛИЕР¹: — Я позволю себе вернуть общее внимание к проблеме диалога культур. И в первую очередь я хочу согласиться со Светланой Сергеевной Неретиной, с ее мыслью о том, что диалог культур, который существует, является второстепенным, а первостепенным является то, что сама культура есть диалог. Пока Робинзон Крузо жил один на необитаемом острове, культуры там не было. Когда пришел Пятница и между ними начался диалог, тогда уже появилась культура. А диалог между культурами, безусловно, важен, но он вторичен, главное — это диалог между людьми. Здесь многие обращаются к своему преподавательскому опыту, и я хочу рассказать одну забавную ситуацию из своей преподавательской деятельности. Когда я преподавал курс культурологии и пытался объяснить студентам, что значит быть культурологом, я им говорил: «Представьте себе, вы сидите перед телевизором, а рядом с вами сидит Александр Сергеевич Пушкин, как вы на язык его понятий переведете все то, что сейчас показывают по телевизору? Если вы сможете это перевести, значит, вы культуролог». Я это говорю к тому, что культура — это диалог, своего рода перевод.

Вопрос в том, а возможен ли диалог между разными людьми и в каких случаях он затруднителен. Об этом как раз говорил профессор Чумаков: очень затруднен диалог между представителями народов, которые находятся на принципиально разном уровне социального развития. Если на одной площадке поселить британского лорда и папуаса, они будут друг другу мешать, потому что в культуре низкой ступени социального развития очень низок уровень социальной автономии личности и очень высок контроль над личностью. Если мы выйдем на улицы Петербурга, никто не обратит внимания на то, в каком виде ходят девушки по городу, как смотрят на мужчин и т. д. В кавказском горном ауле, наоборот, принято на это обращать внимание, не потому что это плохо, просто у них такой уровень социального развития, для их раннефеодального уровня это совершенно нормально.

¹ Профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией Института культурологии образования РАО, председатель Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурогенез», «Культурология для культурологов», «Некультурные функции культуры», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса», «Культурология 20–11» и др.

Вторая проблема, о которой я хочу сказать, это проблема мультикультурализма. В мультикультуральном государстве фактически утрачивается культурное единство общества, а ведь оно нужно не ради каких-то гуманитарных идей, это важнейший инструмент социальной самоорганизации общества. Вспомните, что в традиционных обществах не было полиции, культурные обычаи выполняли ее функцию. А мультикультуральное общество, где нет единых обычаев, неизбежно быстро превратится в полицейское государство, все местное население пойдет на работу в полицию, чтобы регулировать поведение приезжих. Это не значит, что мультикультурализм плох, это разный потенциал, всем нам понятный. Вопрос в том, что нельзя всю современную культурную ситуацию сводить к одному мультикультурализму. Есть традиция ассимиляции, и это нельзя отбрасывать. Общий пафос моего выступления сводится к тому, с чего начинал Вячеслав Семенович, к новым ценностям, которые нам сейчас нужны. Я думаю, что нам пора отказываться от идеи, что современные проблемы можно решать с помощью одной стратегии. Только синтез нескольких стратегий, скажем, в данном случае мультикультурализма, ассимиляции, творческих и тому подобных, может решить какие-то проблемы. В данном случае это видно на примере национальных отношений, я думаю, что в этих и других вопросах только такой синтез может явиться новой ценностью. Спасибо большое.

В. А. КОЛЕСНИКОВ¹: — Для нас сегодня чрезвычайно важными являются культурное многообразие и разноплановость человеческого самовыражения. В этом плане вчера на пленарном заседании Чтений прозвучал широкий спектр интереснейших и содержательно-инновационных мыслей, среди которых я выделил бы высказывания В. С. Степина (о необходимости зарождения новых ценностных ориентиров и глубоких смыслов человеческой деятельности, которые и помогут миру стать неформально-единым, что возможно только на фундаменте культуры. И именно данный вариант позволит осуществить конструктивный поиск новых стратегий развития мира, которые, скорее всего, на его взгляд, должны быть гуманитарными, а не технократичными); В. Л. Макарова (о разнообразии культур как фактора стабилизации современных обществ); А. А. Громыко (о разумном сочетании в наши дни прошлого опыта человечества и инноваций); В. В. Миронова (о развитии современной культуры в своеобразном медийном пространстве, «мешке», что подрывает ее изнутри, и в итоге мы все чаще имеем дело с суррогатами культуры) и многих других ученых, мыслителей. Для нас действительно сегодня становится важным, как отметил академик А. А. Гусейнов, не истина, которая, говоря словами О. Хайяма, «вечно ускользает из рук», а ценностный ориентир, основан-

ный на взаимопонимании, достоинстве, толерантности. И только идя таким путем, повторюсь, можно выйти на новые стратегии развития современных обществ.

И это действительно так, потому что в наши дни в науке складывается своеобразная парадигма рассмотрения человека в современном быстро меняющемся мире. Одновременно можно утверждать, что человек сегодня имеет несколько форм пространства (социокультурное, медийное, виртуальное повседневно-серобудничное и т. д.), делающих его, человека, объемно-выраженным в этих совмещенных пространствах. И для нас становится чрезвычайно важным понять, осмыслить, «расколдовать», как выражался Макс Вебер, эти совмещаемые формы, чтобы в итоге объяснить принципиальную суть изменений, происходящих на изломе тысячелетий с человеческой природой. Актуально значимым становится понимание того, что происходит с человеком внутри, как изменились его мотивы, импульсы действий, поступки, стихийно-бессознательные позывы, намерения. Прав был Абрахам Маслоу, утверждающий в одной из своих последних работ «Новые рубежи человеческой природы», что из всех биологических существ человеку труднее всего быть человеком.

Мы воочию видим, как человеческое все больше и больше уходит из человека, мы столкнулись с суперголодом человечности. И этому активно содействует научно-технический прогресс, обесмысливающий нашу жизнь. Этому способствует неумно организованное сегодняшнее образование, которое сделало ставку на технократическое измерение знаний школьника, его усреднение посредством ЕГЭ. Народная мудрость гласит: «Многознание уму не научает». Не нужно сегодня многознание. Необходимы гибкость и острота мышления для принятия нестандартных решений в постоянно меняющемся, изменчивом мире; мобильность как способность к своему постоянному самоизменению, поступочному, по Бахтину, самосозидающему саморазвитию, конструктивному самосозиданию в условиях увеличивающихся рисков нашего мира. И здесь, если говорить о поиске новых гуманитарных стратегий развития, у нас, по Хабермасу, путь один: идти от разума рационального к коммуникативному, диалогическому, разуму сотрудничества.

В масштабах мира в XXI веке человечеству предстоит совершить переход не от гегемонии к миру, а от хаоса к сотрудничеству. Абсолютно во всем. В том числе преодолеть хаосную бессистемность, непонимание необходимости изменения методов работы с людьми, особенно с молодежью. Это остро ощущается мыслящими людьми, работающими с детьми и подростками, в среде которых усиливается агрессия, культ силы, грубости. И это происходит по нашей вине, вине взрослых, не способных выйти за пределы традиционно устоявшейся и все раскладывающей по полочкам педагогики. Наш уровень образованности не соответствует окружающей социальной реальности, которую мы объясняем стандартно старё. От нас требуется широкая социокультурная образованность, способность на глубоком теоретико-концептуальном, методологическом уровне объяснять изменчивость мира, новые тенденции в нем, от нас требуется способность «видеть» интеллект. А с этим в обществе провал.

¹ Директор Иркутского регионального колледжа педагогического образования, доктор философских наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Образование как способ становления современного человека. Методологический аспект», «Образование как способ личностной самореализации человека в современном обществе», «Образование в XXI веке: к новому концептуальному видению». Председатель Иркутского областного отделения Российского философского общества, член Президиума Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

В работе с молодежью нужен переход на широко-масштабные человековедческие технологии, нужна, я бы сказал, работа «глаза в глаза» в противовес утверждаемому формализму, нужны действия через спектр индивидуального человеческого «я», ибо массовая индивидуализация социума — это свершившийся факт. Надо начинать изучать душу молодежи, выстраивать доверительно-партнерские отношения с нею, учиться смотреть на мир ее глазами, чтобы преодолеть барьеры взаимонепонимания взрослых и детей. Надо овладеть способностью воздействовать на молодежь, если мы не хотим ее потерять, силой интеллекта, мысли, харизмы, авторитета как способа индивидуально-личностного воздействия на подопечных. У нас нет пронизательности к жизни, одержимости, сверхцелеустремленности понять ее и действовать в контексте изменений мира, человеческой природы. Пока же социальная реальность и мы в ней как два берега реки, русло которой все более и более расширяется, усиливая хаос. Нужен переход к пониманию глубинных основ современного мировидения, чтобы познать скрытую от внешнего глаза сущность явлений, процессов, с которыми мы ранее не имели дела.

В. С. СТЕПИН: — Подытоживая наш разговор, можно сказать, что о чем-то мы все-таки договорились. Мы затронули несколько проблем, в частности, насчет мультикультурализма. Профессор Флиер привел хороший пример, поселив на одной площадке людей двух совершенно разных уровней развития цивилизации и разных культур, как установить их равноправие? Вопрос этот очень острый. Сейчас будет происходить великое переселение народов. По крайней мере климатологи говорят, что сейчас будут меняться зоны комфортного проживания людей в связи с глобальными процессами климатических изменений. И возможно, если не то великое переселение народов, которое было где-то в V веке, но что-то похожее может произойти, допустим, если возникнут зоны опустынивания Африки. Есть такие сценарии, и некоторые из них просто ужасные. Куда денутся около 100 млн населения в таком случае? В новых условиях они не смогут жить и, естественно, будут переселяться в какие-то другие регионы. И это будет проблема, жизненная проблема ближайших лет.

Если исходить из каких-то общих принципов, то никакая сложная система не может существовать при полном равноправии всех элементов, такого не бывает. Если у вас есть подсистемы, то обязательно должен быть управляющий блок, должны быть системные параметры. Что может быть системным параметром, который все соединит? Если каждая культурная система будет говорить, что ее системный параметр должен быть общим для всех, тогда возникнет вопрос, почему люди не носят хиджабы, а носят кресты и т. д.? Всевозможные религиозные идеи будут претендовать на то, чтобы быть системным параметром. И сейчас в России возникло некое напряжение. Некоторые установки православной церкви, распространяющиеся уже на область образования, подготовку нового поколения, могут привести к негативным последствиям. И начинать спор в обществе на этот счет — это реальная проблема.

Так вот, вопрос о том, какие будут системные параметры в этом мультикультуральном объединении,

где каждая культура свои ценности должна сохранять, — это вопрос о жизненных смыслах, а для меня жизненные смыслы и есть ценности. Тут много недоразумений по поводу терминологии. Я, например, так понимаю ценности. Деятельность включает цели и ценности. Цели говорят о том, что я должен получить от деятельности, это идеальный образ результата деятельности. А ценности не санкционируют эту деятельность. Это тот смысл, который говорит, что эта деятельность нужна, полезна и вообще имеет смысл. А если она не имеет смысла, зачем мне тогда ею заниматься? Если деятельность противоречит моим ценностным структурам, она будет осуждаться как вид действий, как определенная активность и т. д. Жизненные смыслы находятся в глубинном понимании культуры, в понимании того, что есть человек, что есть человеческая деятельность, чему отдать предпочтение — креативной творческой деятельности или традициям? Как их соединить? Что такое личность? Должен ли человек быть частью социальной структуры и поэтому становиться личностью? Но эта структура жесткая и уже дана от рождения. Либо он становится личностью и сам выбирает ту структуру, тогда права человека на первом месте. Это проблема ценностей. Они разные. В традиционалистских культурах ценности одни, а в современной культуре, которую мы называем западной, техногенной, они другие.

Почему я говорю о выработке новых ценностей? Это, конечно, не зачеркивание старых. Почему я говорю о точках роста? Это как раз процеживание того, как внутри традиции могут возникнуть какие-то изменения, которые могут переформулировать эту традицию, преобразовать, переинтерпретировать ее. Профессор Конев правильно сказал, что есть некие ценности, которые имеют общечеловеческие смыслы, и мы их найдем во всех культурах. Но интерпретация их в каждой культуре будет своя. А если есть сходные интерпретации, то все равно некоторые оттенки смысла будут разные, отсюда разница культур, мультикультурализм, ценность разных культур. Почему сейчас встают вопросы о глобалистике, о выработке каких-то новых смыслов, ценностей, которые будут скреплять организующееся человечество? Не может человечество организовываться без каких-то глубинных жизненных смыслов, то есть без того, что происходит в культуре. Это обязательно должно быть.

Сейчас возникла сложность, которую придется решать в ближайшие годы. Современные технологии открывают возможности генетического преобразования человеческого материала. Они сейчас позволяют изменять генетический код человека, лечить генетические заболевания. Человек всегда жил не по одной генетической программе, а по двум, вторая программа — это культура. Это тот самый, если угодно, геном, который обеспечивает социальную жизнь, коммуникацию людей. И эти две вещи должны быть как-то состыкованы, и о трудностях состыковки писали Фрейд, Юнг, другие психологи. Эти трудности состыковки состоят в генетической предрасположенности, которая есть у рождающегося человека, и в тех культурных смыслах, которые он должен усвоить, чтобы стать человеком в подлинном смысле этого слова. Трудности всегда есть.

Я приведу простой пример. Существует синдром Вильямса — это когда в седьмой хромосоме генома человека отсутствуют 20 генов. Каждый 20-тысячный ребенок на Земле рождается с этим синдромом, это очень много на 7 млрд населения. К чему это приводит? Это приводит к тому, что вербальную внешнюю информацию такой ребенок усваивает значительно медленнее, чем другие люди. Он будет склонен к сердечно-сосудистым заболеваниям, заболеваниям почек. Конечно, лучше бы излечить такого человека путем особых генных манипуляций. Сейчас есть технологии, позволяющие с рождения определить наличие такого генома и исправить его. В принципе это возможно. Вопрос в том, что это за люди, как они себя находят в социальной жизни, кто они такие? Оказывается, это люди, чрезвычайно тонко чувствующие настроения других людей, они улавливают очень тонкие нюансы невербализуемых настроений, как правило, это люди с абсолютным музыкальным слухом. Попробуйте тогда решить этот вопрос. Мы генетически формируем нового человека, с лучшим здоровьем, но у нас исчезает поле для рождения гениальных музыкантов, к примеру. Это проблема.

Сейчас ведутся серьезные исследования изменений уровня гемоглобина в крови, инициированные желани-

ем готовить олимпийских чемпионов. И если, допустим, эта проблема будет решена, то тут опять возникнут социальные вопросы. Если решат, что кислородный обмен можно сформировать у каждого человека, изменяя геном у детей, тогда вырастет новая популяция, способная дышать грязным воздухом. Зачем в таком случае очищать городской воздух, окружающую среду? Если это будет дешевая операция, то это экономически выгодно. В ближайшее время человечество будет сталкиваться с проблемами технологий и нравственного состояния.

Я убежден, что все, о чем мы сегодня говорили, — это очень важные проблемы, которые действительно надо изучать, внимательно исследовать. Необходимо понять, что это объективный мир, в котором мы будем жить в ближайшее время, если не мы, то наши дети и внуки. Поэтому снова будут возникать проблемы глобализации, общечеловеческой культуры, вопросы о том, на каких основаниях мы будем вести диалог, как это возможно? Я согласен, что внутри каждой культуры происходит диалог, но есть еще мультикультурный диалог, который затруднен тем, что у нас разное понимание жизненных смыслов, но это все равно придется решать. Я думаю, мы кое-какие очень интересные мысли тут прояснили, но на будущее осталось еще больше тем для дискуссий. Всем спасибо.

Секция 3

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, УПРАВЛЕНИЕ

18 мая 2012 г. Лекционный зал № 6 СПбГУП

Руководители секции:

- А. В. ДМИТРИЕВ** главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
- Ж. Т. ТОЩЕНКО** декан социологического факультета и заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук

Участники:

- В. А. АВКСЕНТЬЕВ** директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ю. В. АРУТЮНЯН** член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор
- Г. М. БИРЖЕНЮК** заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Д. Р. ВАЛИЗАДЕ** начальник Управления социального партнерства Аппарата Ленинградской федерации профсоюзов, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии
- Л. А. ВАСИЛЬЕВА** начальник отдела трудовых отношений и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области, кандидат экономических наук
- В. С. ВОЛКОВ** профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук
- В. Г. ГРАФСКИЙ** заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- А. К. ИСАЕВ** председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук
- М. И. КОЗЬЯКОВА** профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук
- Н. И. ЛЕОНОВ** проректор по научной работе Удмуртского государственного университета, заведующий кафедрой социальной психологии и конфликтологии, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Д. Г. ПОПОВ** старший преподаватель кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук
- Л. С. РЖАНИЦЫНА** главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ
- В. Д. РОЖКОВ** советник президента Союза промышленников и предпринимателей Ленинградской области, доктор экономических наук, профессор
- Е. С. САДОВАЯ** заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений, кандидат экономических наук, доцент

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги! Оргкомитет Лихачевских чтений сформулировал тему секции — «Этнокультурные и социально-трудовые конфликты». На первый взгляд представляется необходимым разделять эти сферы. То, что происходит в области экономики и труда, вызывает напряженность. Не менее важна проблема национальных и этнических отношений. Поэтому объединение темы в рамках одной секции вполне оправданно. И этнические, и трудовые конфликты сейчас выходят на первое место среди всех имеющихся конфликтов. Сюда можно включить и конфессиональные конфликты, которые тесно связаны с этническими, национальными.

Сама постановка проблемы конфликта — это попытка ответить на злободневные вопросы, которые сейчас волнуют все наше общество и являются предметом обсуждения в прессе, среди научного сообщества. Они касаются практически всех людей в нашей стране, потому что этнические, трудовые, конфессиональные проблемы проявляются не только в большой политике, но и в повседневной жизни.

Я хочу очертить круг вопросов, которые мы должны осветить на заседании нашей секции. Один из основных вопросов связан с появлением, развитием конфликтов и способами их разрешения. Это важный момент, необходимый для того, чтобы мы не трактовали любое противоречие как конфликт. Оно может быть началом конфликта. Процесс развития конфликта желательно демонстрировать не только на теоретическом уровне, но и проиллюстрировать примерами из практической жизни. Второй момент — когда говорим об этнических конфликтах, то должны иметь в виду, что они по-разному проявляются в разных регионах нашей страны. На передний план всегда выходит Северный Кавказ, но не менее серьезные этнические конфликты происходят в республиках Поволжья, Сибири. Они имеют свои особенности. Необходимо анализировать эти особенности, способы их решения, методы их исследования, выработать научные рекомендации по поводу их эффективного решения. Третий момент в большей мере касается трудовых конфликтов, но имеет отношение и к этническим, конфессиональным. Мне кажется, что сейчас настал принципиально новый момент в сфере социально-трудовых отношений, в некоторых национальных проблемах, на которые нам обязательно нужно обратить внимание. Эти конфликты отличаются от тех, что происходили 10–15 лет назад.

Слово предоставляется специалисту по национальным проблемам, в частности на Северном Кавказе, Авксентьеву Виктору Анатольевичу.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ¹: — Уважаемые коллеги, я прочитал все доклады, которые заявлены на нашей сек-

ции, и в своем выступлении попытаюсь с ними polemизировать. Можно долго и много говорить о событиях, происходящих на юге России, делать прогнозы. Сейчас проводится много конференций, посвященных этому вопросу. До приезда в Санкт-Петербург я побывал в Москве на двух мероприятиях, проводимых в федеральных институтах, где шло обсуждение проблем Северного Кавказа.

В свое время президент Д. А. Медведев назвал Северный Кавказ самой серьезной внутривнутриполитической проблемой России, и по сегодняшний день эти слова сохраняют свою актуальность. Необходимо верно понять и трактовать сущность этой проблематики. Совершенно незамеченным остался один документ. В день инаугурации, 7 мая, президент Владимир Владимирович Путин подписал Указ «Об обеспечении межнационального согласия». В этом указе часть тезисов имеет декларативный характер, но содержится один важный тезис: «До 1 декабря 2012 года разработать стратегию государственной национальной политики». Это серьезное заявление. Пятнадцать лет мы говорили о том, что в России не существует концепции государственной национальной политики, что концепция 1996 года (даже в новой редакции 2000 г.) полностью себя изжила, что она не может использоваться как документ, который направляет административно-политическую деятельность, и полностью исчерпала свой потенциал. Более того, этот документ выполнен в старом терминологическом аппарате и, соответственно, не может использоваться в дальнейшей работе. Когда мы пытаемся сделать что-либо конкретное, то понимаем, что в российском законодательстве отсутствует современная терминология, и подготовленные нами документы — проекты программ — не проходят лингвистическую экспертизу. Потому что в российском законодательстве нет терминов «этнокультурный», «этнический», «этнополитический». И лингвистическая экспертиза зачастую их просто не пропускает. Соответственно, такая программа остро необходима.

Какое-то время федеральная власть откровенно игнорировала такую постановку проблемы и не стремилась найти решения. Теперь задача поставлена. Более того, в Институте этнологии и антропологии уже состоялось обсуждение первого проекта этого документа. Я в нем участвовал, мои коллеги пришли к выводу, что документ, к сожалению, пока сырой. Главная задача этого документа должна заключаться в том, чтобы получить ответ на вопрос, какова оптимальная модель национально-этнического устройства нашей страны. Существуют как минимум четыре варианта: мультикультурализм, интеграция, полиэтничное общество, национальное государство и т. д. Необходимо выбрать между этими конкурирующими идеями одну, которая должна быть заложена в основу политики. Это очень важный момент. Поскольку исходя из этого документа будут выстраиваться все дальнейшие программы развития: региональные, местные концепции, направления.

Здесь уместно вспомнить, какая долгая и бесполезная борьба ведется вокруг понятия «нация». Двадцать лет я участвую в этой дискуссии, и за это время ситуация не сдвинулась с мертвой точки, и все остались при
ного научного центра РАН», «Вестник Ставропольского государственного университета».

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 247 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликтология: базовые концепты и региональные модели» (в соавт.), «Конфликтологическое образование в России: экспертное мнение», «Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России» (в соавт.), «Молодежь юга России перед цивилизационным выбором» (в соавт.), «Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам» (в соавт.), «Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы» (в соавт.), «Этнические конфликты» и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов. Член редколлегии журналов «Конфликтология», «Вестник Юж-

своем мнении. В такой ситуации, как мне кажется, дискуссии следует прекратить — это вечная проблема, не имеющая решения. Является нация этническим субъектом или политическим? Она может быть и тем, и другим, это дело выбора. Но государство, которое использует определенную терминологию, должно четко определить, на что оно ориентируется. Если вы посмотрите предвыборную статью В. В. Путина по национальному вопросу, то увидите, что в ней совмещены три конкурирующие концепции. Для предвыборной статьи это приемлемо и понятно: нужно, чтобы как можно большее число избирателей нашло приемлемую для них позицию. Люди с разным пониманием проблем в этой статье нашли подтверждение своим взглядам. Но в практической политике придется выбирать один из вариантов. В статье указывается, что русские являются государствообразующим народом, но тут же утверждается, что эпоха национальных государств прошла. Каким образом можно совместить два этих тезиса? В предвыборной статье можно, но в концепции — нет.

И поэтому важно, чтобы был найден консенсус, власть сама должна выбрать одну из конкурирующих концепций. И от того, насколько удачным будет выбор, во многом зависит наша жизнь. Указ «Об обеспечении межнационального согласия» выдержан в конструктивной терминологии. Я читаю ключевые фразы: «В целях гармонизации межнациональных отношений...»; «...укрепление единства многонационального народа Российской Федерации». То есть здесь создан образ того, каким в концептуальном плане должен быть результат. Это многонациональный народ. Обратите внимание: не российская нация, как нас пытается представить московская часть интеллектуальной элиты, а многонациональный народ Российской Федерации. Кстати, эта терминология взята из Конституции, и она ни у кого не вызывала сомнений, не было конфликтов, напряжения в связи с этой формулировкой. Зато сколько копий сломано вокруг идеи российской нации. Русские националисты говорят, что это способ дерусификации русских, этнические националисты утверждают, что это способ русификации нерусских. Одна и та же концепция, но разные стороны в нее вкладывают различный смысл. Это конфликтогенная концепция, хотя в принципе по своей логике она хорошая. Но помещенная в конкретный социокультурный контекст, антиконфликтогенная по своему замыслу идея выполняет конфликтогенную функцию.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Виктор Анатольевич, против термина «советский народ» не возражал никто.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Я считаю, что это был один из самых удачных экспериментов XX века. Этот социальный проект представлял собой величайшее достижение XX века. И мы прекрасно понимаем, что Советский Союз развалился не вследствие неудачности его национально-этнической организации, а из-за того, что социализм оказался неконкурентоспособной экономической системой — потерпела крах экономическая структура общества, вместе с ней рухнуло государство. Сегодня, конечно, это уже в прошлом. Но еще совсем недавно в обществе чувствовалась ностальгия по советскому прошлому. О чем ностальгировали люди? По оче-

редям в магазинах? По дефициту, который многие уже забыли? Прежде всего они вспоминали общество, в котором люди разной культуры, разных национальностей могли жить комфортно, вместе, в согласии, помогать друг другу, где национальная принадлежность не играла существенной роли, где в некоторых республиках межнациональные браки составляли 25–30 %. Именно хорошее осталось в памяти. Наш опыт свидетельствует о том, что такая конструкция в принципе может существовать. И эта конструкция была удачной, потому что она легла на наш менталитет, культурный код.

Несколько слов о специфике межнациональных конфликтов на Северном Кавказе, в Поволжье и т. д. Специфика проявляется прежде всего в интенсивности и характере протекания конфликтов. Чем она обусловлена? Прежде всего тем, что Северный Кавказ сегодня де-факто раскололся на два мира, в отличие от Поволжья. Это так называемые русские территории, с преобладанием русского населения, в которых доминируют модернистские устремления, и северокавказские республики, которые все больше погружаются в традиционализм. Произошли ретрадиционализация и архаизация общественной жизни. Более того, сегодня обращение к традициям, истории возводится в некий принцип, идеал. Нельзя забывать своего родства — правильная и красивая идея. Но в итоге регион раскололся на две части — на часть, горная ориентирована на будущее, и на часть, ориентированную на прошлое. Сейчас много говорят об этнокланах, религиозном возрождении — это элементы процесса ретрадиционализации. Этого нет в других регионах страны с полиэтничным составом, а если и есть, то этот процесс не принимает таких форм. Данная проблема, на мой взгляд, может быть решена одним способом — путем модернизации региона. Причем возможны элементы принудительной модернизации. В противном случае камень не сдвинуть с места. Порочный круг, который сложился (традиционализм, деградация экономики, архаизация жизни), надо разорвать. Это возможно сделать только в сфере экономики. Это тоже показал советский опыт. Ведь в годы советских пятилеток быстрый рост экономик национальных республик (Кабардино-Балкарии, Дагестана и пр.) имел главной целью социальную — создание национального рабочего класса как носителя социалистической идеологии. Главная цель была не собственно экономическая, а социально-политическая — создать социально-политическую базу для победы социализма в этом регионе.

И сегодня подобные проекты должны иметь аналогичную направленность. К сожалению, предлагаемая сегодня программа развития Северного Кавказа выполнена по аналогии с той же моделью, что и, скажем, программа развития Псковской, Новгородской, Кировской областей, то есть исследуются чисто экономические показатели, социально-политический эффект. А этот процесс в некоторых случаях может быть обратным.

В настоящее время в регионе сложилась парадоксальная ситуация. В северокавказских республиках существуют две проблемы: первая — безработица, вторая — незаконная трудовая миграция, то есть не хватает рабочих мест, а создаваемые рабочие места занимают трудовые мигранты. Простое увеличение числа рабочих мест, как показал опыт, не решает проблем, а лишь

создает новые. Поэтому все последствия должны быть оценены с точки зрения социально-политического эффекта.

Я хочу процитировать Д. Р. Вализаде, его доклад называется «Социально-культурные условия трансформации трудовых конфликтов в постиндустриальном обществе»: «Однако ключевое противоречие заключается не в готовности или неготовности обществ, строящихся на индивидуальных традициях, к изменениям, а в противоречии между традиционными социально-культурными условиями и привносимыми мировой цивилизацией нововведениями». Это раскалывает сегодня регионы. На эти факторы наслаиваются религиозные обоснования, этнические, традиции и т. д.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Коллеги, прозвучала реплика по поводу конструкции «советский народ». Я работал одним из руководителей одного института в Москве, где был сектор национальных отношений, который возглавлял Куличенко. Он много писал о советском народе. Когда произошли события в Карабахе, директор предложил закрыть этот сектор. Что за советский народ? Сектор, конечно, не закрыли, но этого человека из сектора убрали. Конструкция «советский народ» работала до тех пор, пока была идеология. На чем держался советский народ? Экономическая общность, общая идеология, союз рабочего класса и крестьянства, дружба народов. Горбачев вынул один кирпичик — идеологию, и конструкция зашаталась. Мы до сих пор пожинаем плоды того, что тогда произошло.

— *Анатолий Васильевич, я считаю, что был вынут «экономический кирпичик». В названии Союза Советских Социалистических Республик главным было сочетание «Союз Советских Социалистических». «Экономический кирпичик» вынули — рухнула вся конструкция. А в самой конструкции особой новизны не было. (реплика из зала)*

Д. Г. ПОПОВ: — В 1920–1930-е годы попытка модернизации сопровождалась довольно острым конфликтом с традиционными институтами — семейными, тейповыми, особенно на Восточном Кавказе. Сейчас эти институты очень сильны, а после 1940–1950-х годов служат основой этническо-национального менталитета этих народов, например вайнахской группы. В связи с этим вопрос: не будет ли новая модернизация воспринята в штыки как очередная угроза для этих народов по превращению их в часть другого?

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Однозначно будет принята в штыки, причем не только на Северном Кавказе. Вообще модернизация — это конфликтотенная идея. Но у нас нет другой альтернативы, поэтому мы должны минимизировать негативные последствия. Модернизация будет принята в штыки не тейпами, не какими-то экзи-

стенциальными ментальными структурами, а теми, кто привык без всяких усилий распределять финансовые потоки. Это те же кланы, может быть, тейпы. Но дело здесь не только в ментальной оболочке или содержании, а в том, что будет подорвано их нынешнее финансовое благополучие. И этого благополучия никто просто так не отдаст.

Вообще, у народов Северного Кавказа региона есть общая тенденция, которую тоже надо учитывать, — в общении они стремятся подчеркнуть, что то, что ушло или уходит в прошлое, не так значимо, как представляется. Это тоже свидетельствует о неком ментальном настрое: прошлое не считается достоинством уже в общественном сознании. Такая позиция порождена жизнью, 1990-ми годами. Клановая система позволила сотням тысяч людей в республиках в условиях полного краха экономики выжить. Эта система не коренится так глубоко в менталитете, она была порождена жизнью как инструмент выживания сотен тысяч людей. По мере того как люди будут выживать, переходить к жизни на другой основе — экономической, значимость ментальных характеристик будет постепенно снижаться. Я в этом смысле сторонник структурно-функционального анализа: исчезает функция — постепенно начинает угасать институт. Но сейчас эта функция пока очень востребована. Задача модернизации — найти тот путь, в рамках которого эта функция начнет угасать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Как председатель Оргкомитета и ректор Университета хочу вас поприветствовать и выразить глубокую признательность нашим выдающимся ученым, которые собрались на этом форуме. Я также благодарен крупнейшему ученому-конфликтологу нашей страны Анатолию Васильевичу Дмитриеву за то, что он ведет наше направление работы на Лихачевских чтениях, и крупнейшему отечественному социологу Жану Терентьевичу Тощенко. Это выдающиеся ученые — члены-корреспонденты Российской академии наук, руководители научных журналов. Они определяют научный уровень нашей дискуссии. На сегодняшнем заседании присутствует глава Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Российской Федерации, профессор нашего Университета Андрей Константинович Исаев.

И для организаторов, и для Оргкомитета Лихачевских чтений, и для Университета наше заседание имеет большое значение. Существуют некоторые основания для объединения тематики социально-трудовых и межэтнических конфликтов в рамках одного заседания. Еще на момент принятия решения о создании в СПбГУП факультета конфликтологии мы обсуждали эту проблематику с Владимиром Владимировичем Путиным, у нас состоялся очень интересный разговор, в котором на тот момент глава правительства, а теперь государства отметил, что Гуманитарный университет профсоюзов занял свою нишу в системе российских вузов, обращаясь к этой проблематике. Впервые, эта проблематика чрезвычайно актуальна, а во-вторых, в ходе глобализации социально-трудовая проблематика часто идет рука об руку с проблематикой национально-этнической. Это связано с беспрецедентными перемещениями людей — «трудовых ресурсов». Но, будучи трудовыми ресурсами, эти люди

¹ Старший преподаватель кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук. Автор 34 научных публикаций, в т. ч.: «От понятий о “цивилизации” к “цивилизационному подходу”», «Локальные цивилизации и цивилизационные противоречия: опыт постглобализации», «Специфика политологических исследований регионального развития», «Основные причины возникновения этносоциальных конфликтов в современном мире и способы их преодоления» и др.

являются носителями своей культуры, ментальности, национально-этнического кода.

Сегодня в Петербурге проживают примерно 500 тыс. людей иной культуры (из 5 млн жителей), которые приехали сюда в поисках заработка. Конечно, это порождает проблемы: люди приезжают работать, и проблемы начинаются не потому что они приехали работать, а потому что они другой ментальности, другой культуры, они должны где-то жить, они вступают в культурные контакты с местным населением, но не готовы к этим контактам, за ними едут дети, семьи, эти люди не говорят на русском языке и т. д. На территории Фрунзенского района, где находится наш Университет, уже есть целый ряд школ, в которых, как и в Германии, подавляющее большинство детей в классах не говорят на языке данной страны. Их надо учить. В силу другого культурного уровня, ментальности, мигранты согласны работать за значительно меньшие зарплаты. Здесь возникает необычайно сложный клубок противоречий.

Эти события вторглись в нашу жизнь лавинообразно. Буквально 10–15 лет эта проблематика не была обозначена столь остро. Поэтому то, что мы с вами делаем, чем мы занимаемся, находится и в поле зрения руководства нашей страны. На нас, Университет, возлагается особая миссия. Отсюда желание на наши научные мероприятия, форумы привлекать научные силы и Петербурга, и России, и зарубежья, для того чтобы сообща вырабатывать новые современные подходы к данной проблематике.

Уважаемые коллеги, я еще раз хочу поприветствовать вас от имени Оргкомитета и пожелать вам успехов в работе!

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Мы обозначили проблемы, связанные с этническими и национальными конфликтами. Теперь обратимся к проблемам трудовой, управленческой сферы. Слово предоставляется Людмиле Сергеевне Ржаницыной.

Л. С. РЖАНИЦЫНА¹: — Самые крупные конфликты на макроуровне сейчас сконцентрированы в социально-экономической области. Правда, я бы не говорила о конфликтах, скорее речь должна идти о противоречиях. Не всякое противоречие есть конфликт. И я надеюсь, что наши социально-экономические противоречия не будут доведены до конфликта. В этом и заключается роль государственного управления, науки, ответственности.

В чем заключается конфликт? Сейчас у нашей страны не очень хорошие экономические перспективы, ВВП растет достаточно медленно. И отечественная наука (высшая экономическая школа) говорит, что особых перспектив в этом смысле ждать не приходится. В 2011 году реальные доходы статистически были повышены (100,8 %), а на самом деле, полагаю, этого во-

¹ Главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ. Автор более 300 публикаций, в т. ч.: «Женщины и рынок труда», «Проблемы уровня жизни трудящихся в России», «Прозрачный бюджет», «Цена труда — приоритет социально-экономической политики в России», «Трезвая экономика», «Сфера социальной незащищенности. Проблема улучшения обеспечения детей алиментами», «Россия: методология и практика программно-целевого гендерного бюджета», «Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми в Москве», «Социальная экспертиза городского бюджета», «Как сегодня живут пенсионеры» и др. Член экспертного совета Государственной Думы, эксперт ООН.

обще не было. Какова ситуация с доходами населения? Что сейчас предпринимает руководство? Пытается сохранить темпы роста. Потому что вернуться к темпам, которые были раньше, или ускорить их довольно проблематично на существующем экономическом фоне. Пенсии — большое достижение новой российской власти. До 2009 года реальные пенсии (то есть номинал, соотношенный с ценами) были ниже, чем в 1990 году. Прошло 20 лет, а пенсии такие же. И только в 2010 году в полтора раза увеличили размер пенсии. Но дальше будет происходить снижение темпов. Пособия на детей вызывают грусть. Присутствующий здесь господин Исаев продвинул только одну инициативу в Думе — индексацию пособий в связи с ростом цен. Большое Вам спасибо хотя бы за это. Хорошо, что эта индексация не последующая, а опережающая.

Но, к сожалению, сейчас Госдума — центральная федеральная власть — поставила себя в сложную ситуацию. Она создала законодательство, потом все, что происходит в социальной сфере (детские пособия и так далее, за исключением пенсионеров), отдала на откуп регионам. Теперь Дума только может изменить налогообложение, страхование. Либо ей надо менять законодательство, ужесточать его, изменять функционально законы, которые прописаны.

Сейчас модно повышать размер налогового вычета на детей. Правда, это повышение производится за наш счет. Это своего рода ноу-хау, потому что раньше государство брало на себя затраты. Отменили стандартный вычет на каждого ребенка, который мы получали, и за этот счет прибавили детям. Я не против того, что прибавили детям, но эти 200 рублей меня не сильно выручают. Может, мы пойдем по этому пути и дальше будем помогать детям таким образом. Надо привлекать ресурсы, резервы, активно участвовать в решении проблем, может быть, тогда изменится демографическая ситуация.

Андрей Константинович пытается что-то делать, он обещал, что поднимет минимальный размер оплаты труда (МРОТ) до 6,5 тыс. рублей. Это может восприниматься как индульгенция предпринимателю. Эта инициатива вызывает противодействие. Казалось бы, всего 0,8 % людей официально получает зарплату на уровне минимума. На самом деле это структурообразующий момент, который определяет конфликт по зарплате, особенно в бюджетной сфере. Вызывает печаль и пособие по безработице. Мне просто стыдно, как стыдно и за прожиточный минимум пенсионера. Я, честно говоря, не понимаю, почему существует негативное отношение к этой проблеме. Усилиями Комитета по труду был поднят максимальный размер пособия по безработице, но минимум совершенно низкий: 820 рублей. Надеюсь на изменения в этой сфере. Профсоюзы везде говорят о том, что даже максимальное пособие по безработице ниже прожиточного минимума. Это, честно говоря, национальный позор.

Несколько слов о положении бюджетников. Пока планы у государства грандиозные: преподаватели вузов, учителя в 2018 году будут получать в два раза больше, чем размер средней зарплаты в регионе. В Москве это 40 тыс. руб. То есть я буду получать 80 тыс., а сейчас я, как главный научный сотрудник, получаю 26 тыс. руб. Эта инициатива напрямую связана с указанием

президента, касающимся определения периода дожития: 75 лет. Будем выполнять.

Несколько слов о предпринимательском доходе. В этом году реальное снижение доходов в значительной мере произошло за счет предпринимательского дохода. Но когда был кризис, у них увеличился предпринимательский доход — таковы официальные данные. А сейчас или статистика грешит, или действительно что-то произошло.

Самая большая проблема — демографическая. Будут рожать женщины — будет Россия. Все проблематично.

За демографической следует другая проблема — возрастает доля пожилых людей. Я неплохо отношусь к возрастанию доли пожилых. Я сама пожилая, но работаю не меньше и не хуже, чем мои молодые коллеги, и плачу страховые взносы. Более того, я согласна работать за такую зарплату, за которую младший научный сотрудник вообще не будет работать. Поэтому я не считаю, что увеличение количества пожилого населения — это обязательно отрицательный момент. Но дефицит бюджета Пенсионного фонда беспокоит наше государство, и этот вопрос должен решаться.

Минимальная потребительская корзина. Надо менять структуру управления, Минфин. Сначала — мозги, а потом — кошелек, а не наоборот. Приведу несколько примеров бедности, поскольку это одна из основных наших проблем. Доля малообеспеченных в нашей стране составляет 13 %, или 18 млн. Минимальный размер оплаты труда я уже называла.

Здесь уместно вспомнить высказывание: существуют ложь, наглая ложь и статистика. Более всего это относится к статистике цен, потому что их считают по индексу Ласпейреса. Но этот индекс — для стран, где 1 % повышения цен в течение года является катастрофой.

Отставание МРОТ от прожиточного минимума. Они должны быть равны, что должно быть отражено в трудовом кодексе. Доля низкооплачиваемых работников, то есть получающих меньше прожиточного минимума, — 12 %.

Количество семей с детьми среди бедных — 57,5 %. Как в этих условиях можно увеличивать рождаемость? В этом случае будет асоциальная рождаемость, то есть бедные люди будут рожать для того, чтобы получать пособия. В то же время рождение ребенка — это шаг по направлению к бедности. Путин в своей предвыборной программе заявлял, что государство будет платить пособие на ребенка до достижения им трех лет, на третьего ребенка — 7 тыс. рублей.

Надо, чтобы было больше женщин, которые понимали бы, что особая сфера женских интересов — это дети, семья и т. д.

Недавно я выпустила книгу «Стандарты экономической устойчивости семей с детьми». На мой взгляд, в трудовых отношениях надо пойти по западному пути. Существует стандарт, меньше которого работодатель не может платить. Предположим, в Москве это 20 тыс. на члена семьи, включая ребенка. То есть двое работающих должны зарабатывать минимум по 30 тыс. руб. В этом случае легко определяется зарплата. Нужно строить политику, опираясь на этот стандарт. Прожиточный минимум — это категория бедности, для людей с ограниченными возможностями. А для экономически

активного населения нужно установить другой стандарт и заставить работодателя, государство и работника функционировать в этой системе. В этом случае, может быть, что-то получится.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Людмила Сергеевна, вы затронули одну из самых обсуждаемых тем, связанных со стереотипами, — это связь между демографическими и экономическими проблемами, бедность и рождаемость. Известно, что самая высокая рождаемость в Ингушетии — республике, в которой много беженцев, необустроенных людей и много других проблем. Я уже много лет слышу эту идею: если повысим пособие по безработице, то будем жить чуть богаче, станет меньше бедных, увеличится рождаемость. Какие существуют аргументы для этого посыла?

Л. С. РЖАНИЦЫНА: — Как говорил Маркс, «практика — критерий истины». Когда у нас поднялась рождаемость? В период, когда мы стали жить лучше. Но только пособиями проблему рождаемости не решить. Это сложный комплекс: детские сады, женщина должна работать и приносить доход, получать образование и т. д. Если она работает, значит, включена в общественные отношения.

Детская медицина и здравоохранение — это основа основ. Если вы хотите, чтобы женщины рожали детей, необходимо решать эти вопросы. Здоровье ребенка — это очень серьезно. По существу, нам надо выстроить целевую программу. И все должно быть ориентировано на детей — с точки зрения не только социального распределения, но и всей экономики. По-моему, Андрей Константинович предложил инициативу, чтобы многодетная работающая мама на три часа раньше уходила с работы с сохранением зарплаты. Все восприняли. Решение конфликта — это вещь сугубо комплексная.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Слово предоставляется Андрею Константиновичу Исаеву.

А. К. ИСАЕВ¹: — Я благодарен Людмиле Сергеевне за то, что она сильно проблематизировала ситуацию, обозначила круг проблем, о которых следует говорить. Обращаясь к вам как к конфликтологам, не хочу желать вам успехов в работе. Моя мечта-утопия — чтобы вы были востребованы всюду, любая серьезная организация имела бы у себя конфликтолога, он получал бы высокую зарплату, но заниматься ему было бы нечем. Это идеальное состояние общества. Увы, такого в ближайшее время не произойдет. Избирательная кампания закончена, в связи с этим можно рассказать о реальном состоянии нашей социальной сферы и ее перспективах. В начале 2000-х годов мы серьезно продвинулись вперед, решили многие вопросы. Многие уже забыли о том, что у нас были очереди за пенсиями, не платили

¹ Председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук. Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Основные изменения в трудовом законодательстве России», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «Экономическая демократия в современной России» и др. Заместитель секретаря Генерального совета партии «Единая Россия». Награжден орденами Почета, Дружбы.

зарплату, массовые акции российских профсоюзов ратовали не о повышении заработной платы, а о том, чтобы ее платили. Все это ушло в прошлое.

Но тем не менее сегодня мы находимся в достаточно сложной, взрывоопасной ситуации. Людмила Сергеевна уже говорила о состоянии пенсионной системы. Она с иронией упомянула о том, что российская пенсионная система самая лучшая и в этом смысле вызывает критику.

Л. С. РЖАНИЦЫНА: — К моему удивлению, в международных рейтингах, оценивающие устойчивость пенсионного обеспечения и развитие пенсионной системы, Россия находится между США и ФРГ.

А. К. ИСАЕВ: — Главная проблема нашей пенсионной системы заключается в том, что она никого не устраивает. Она не устраивает пенсионеров, потому что пенсия низкая. Не устраивает работников, потому что они не понимают, сколько будут получать, когда выйдут на пенсию. Не устраивает работодателей из-за высоких взносов в пенсионную систему. Она не устраивает государство, потому что оно не знает, что с нею делать. На сегодняшний день наши пенсии очень низкие. Но одновременно с этим у нас есть преимущества, которым могут позавидовать пенсионеры других стран Европы. Например, в России самый низкий в Европе возраст выхода на пенсию: 55 лет — для женщин, 60 — для мужчин. Треть работников выходит на пенсию досрочно из-за вредных и опасных условий труда — в 50 и 55 лет. Они не выходят на пенсию, а начинают ее получать. Работники должны были бы уйти на пенсию, для того чтобы сохранить остатки здоровья, но продолжают работать еще лет 15–20, получая одновременно пенсию за вредность.

Россия — единственная страна, где работающие пенсионеры получают пенсию в полном объеме. Пенсия, если вы знаете 102-ю конвенцию Международной организации труда, — это замена заработной платы. Если человек ушел с работы, он получает пенсию. Если работает — нет пенсии.

Я не говорю о том, что у нас все хорошо: большие зарплаты и пенсии. Мы находимся в тупиковой ситуации. Наши либеральные оппоненты в правительстве предлагают повысить пенсионный возраст, запретить получать пенсию в полном объеме работающим пенсионерам (только базовую, а не страховую), увеличить стажевые категории. Я выступаю против этого, потому что это решение социально неоправданно и будет воспринято нашими гражданами как несправедливое. Для российских граждан 60 лет — нормальный возраст выхода на пенсию. Для большинства европейцев — это возраст, когда еще все возможно.

Если мы поднимем пенсионный возраст, кроме нарушения справедливости (об этом представители Минфина не думают), обвалится большое количество параллельных систем. Придется увеличивать количество пособий по безработице. На сегодняшний день у нас 6 % безработных (это очень много). Если мы повысим пенсионный возраст, вырастет количество безработных, на которых придется тратить деньги. Надо будет направлять деньги на так называемую активную политику занятости, которую мы в последнее время прово-

дим. Раньше мы 10 % средств, направленных на борьбу с безработицей, тратили на создание рабочих мест и 90 % — на выплату пособий. Сейчас 50 % — на пособия, 50 % — на создание новых рабочих мест. Но большинство новых рабочих мест искусственные. Это способ занять людей чем бы то ни было. Нам не удастся пока создать эффективные рабочие места. Большинство рабочих мест — это временные работы. На эти временные работы мы тратим дополнительные деньги.

Людмила Сергеевна говорила о проблеме нехватки детских садов. На сегодняшний день сидящая дома на пенсии или работающая на полставки бабушка — это важнейший социальный фактор. Как только мы предложим выходить женщинам на пенсию не в 55 лет, а в 65, некуда будет девать детей. Это нерешенный вопрос. Как в таких условиях повышать пенсионный возраст?

На сегодняшний день подавляющее большинство работающих в бюджетной сфере занимают низкооплачиваемые ставки — это нянечки, библиотекари, вахтеры, билетеры, гардеробщики и т. д. Эти люди одновременно получают крайне низкую заработную плату и пенсию. Но совокупный их доход более или менее приемлемый. Если завтра мы скажем им, что они будут получать пенсию только в 65 лет, ни одного человека не останется на этих рабочих местах.

Что делать? Повышать заработную плату для низкооплачиваемых категорий. Но только ли для них? Зарплата уборщицы будет отличаться от зарплаты доцента на 10 %. Очевидно, что простое линейное решение, как нам предлагают, — повышение пенсионного возраста — не годится.

Еще один важный момент — пенсия по инвалидности. Существует инвалидность по общему заболеванию. Человек, доживший в нашей стране до 60 лет, обязательно имеет набор хронических заболеваний, которые позволяют оформить инвалидность и выйти на пенсию по инвалидности.

Таким образом, мы не имеем линейного решения. Очевидно, нужно увеличивать пенсии. Единственным стопроцентным рычагом увеличения пенсии являются взносы, уплачиваемые в Пенсионный фонд. Но работодатели и так возмущаются, что взносы завышены.

Не так давно разразился настоящий социальный конфликт в связи с тем, что социальному блоку фактически силой удалось навязать повышение взносов до 34 %. После этого президент, ныне премьер-министр Дмитрий Анатольевич Медведев посетил металлургический комбинат, где ему рассказали о непомерности новых взносов и о том, что их надо отменить. Взносы — это фактический налог на заработную плату. Эти взносы тяжелы там, где заработная плата — переменный капитал — составляет большую часть оборотного капитала предприятия: IT-предприятия, газеты, журналы, высшие учебные заведения и т. п. Но на металлургическом предприятии эта доля мизерная! Однако именно металлурги добились того, чтобы взносы были снижены. Это означает, что мы сейчас будем повышать пенсии только немного сверх инфляции, не более того.

Постоянно говорят о том, что любое повышение взносов — это конец, смерть, тем самым мы «давим» бизнес и т. п. Но нового источника пополнения доходов нет. Кто-то предлагает использовать нефтяные деньги. Как только начнется вторая волна кризиса, нефтяные

деньги рухнут. На них и так возложено слишком много, в частности повышение денежного довольствия военнослужащим, Кавказ, перевооружение армии, вся бюджетная сфера, в которой было принято историческое решение о повышении зарплат учителям, врачам, преподавателям и даже мастерам производственного обучения. Если туда включить еще и Пенсионный фонд, то это уже зона риска.

Поэтому вопрос заключается в следующем: либо работодатели соглашаются на повышение взносов в Пенсионный фонд и устанавливают их на средневропейском уровне (сегодня наши взносы ниже среднеевропейских), либо надо думать, что делать в этой ситуации.

Людмила Сергеевна затронула еще один момент — минимальный размер оплаты труда. Сегодня в Российской Федерации ориентиром для МРОТ является прожиточный минимум. Он устарел. Здесь возникают три проблемы. Во-первых, необходимо повысить минимальный размер оплаты труда по отношению к существующей потребительской корзине: если в 2008 году он был установлен в размере 90 % к размеру потребительской корзины, то сейчас — на уровне 65 %. Нужно, чтобы МРОТ был не ниже 100 % потребительской корзины. Во-вторых, у нас скудная потребительская корзина. Если мы ее пересчитаем, то вряд ли стоимость потребительской корзины снизится, скорее увеличится. Если будет увеличение, то повышение МРОТ до 100 % становится более фантастичным. В-третьих, следует прекратить включать в минимальный размер оплаты труда региональные надбавки. В основном это касается регионов Сибири и Дальнего Востока. МРОТ — это чистый оклад. Региональные и прочие надбавки должны существовать отдельно. Одновременно решить эти три вопроса физически невозможно. Потому что это будет означать банкротство большинства субъектов Федерации — они будут физически не в состоянии покрыть все расходы, вырастет потребительский минимум, прожиточный минимум. За ним с 6,5 тыс. до 10 тыс. руб. должен будет вырасти минимальный размер оплаты труда.

Мы понимаем, что решить это одновременно, одновременно все эти проблемы невозможно. В связи с этим нужно определить последовательность. Я предлагаю сначала добиться того, чтобы МРОТ был установлен на уровне 100 % от существующего ныне прожиточного минимума, чтобы это было зафиксировано, чтобы это работало, а после этого бороться за изменение прожиточного минимума.

Л. С. РЖАНИЦЫНА: — Нет, надо прекращать политику прожиточного минимума...

А. К. ИСАЕВ: — Тогда появятся новые бедные.

Несколько слов о трудовых конфликтах. К моему глубокому сожалению, вы не останетесь без работы, потому что социально-трудовые конфликты в нашей стране будут нарастать. Эту тенденцию мы не сможем преодолеть. За последние два года работы в комитете я убедился в том, что трудовое законодательство стремительно отстает от развития трудовых отношений. И преодолеть это невозможно. Условно говоря, мы обнаружили лазейку, которая позволяет работодателю уходить от нормальных трудовых отношений, — это заключение

гражданско-правовых договоров вместо трудовых. Например, работодатель не берет водителя в фирму для извоза, а заключает с ним договор о том, что он, как частный предприниматель, оказывает ему услугу по извозу. В этом случае отпуск и больничный водителю не положены, это же частное предпринимательство. Пенсию он будет получать, потому что платятся пенсионные взносы. Это способ уклонения. По некоторым оценкам, сейчас 6 млн человек, реально находясь в трудовых отношениях, работают по этой схеме. Также существует схема заемного труда. Металлургический комбинат не берет металлургов непосредственно на работу, а создает отдельную контору, которая набирает сотрудников (она может быть неаффилированной). После чего контора сдает своих сотрудников в аренду металлургическому комбинату. В чем смысл? Первое — если возникнет необходимость расстаться с сотрудниками, комбинат здесь ни при чем, просто ликвидируется контора. Второе — за металлургов придется заплатить 12 % от заработной платы на страхование от несчастных случаев и профзаболеваний, а за сотрудников конторы — 0,2 %. Но если человек приобретет профессиональную болезнь, ему не положено никаких регрессных выплат.

Замечательная схема, поэтому прогрессивная Европа работает по ней. Россия — первая европейская страна, которая в первом чтении приняла закон, запрещающий заемный труд. И уже целый год с момента первого чтения мы не можем продвинуться в бесконечных согласованиях, спорах с правительством, работодателями. Каждый раз кто-то мешает: Американская торговая палата, патриарх Кирилл, главный санитарный врач Онищенко. Идет бесконечный процесс затягивания. Это происходит потому, что внесение любых изменений в законодательство требует согласования сторон и осмысления. И мы в этом смысле отстаем по срокам. А физически отношения меняются, возникают новые явления, которые никак не урегулированы. Дистанционный труд, который еще два года назад был в нашей стране экзотикой, сегодня становится реальностью. Например, человек живет во Владивостоке, а работает в Москве, через Интернет делает все необходимое. Имеет он право на отпуск или нет? У него нормированный рабочий день или нет? Эти вопросы никак не обсуждаются и не решены сегодня в рамках Трудового кодекса. Вы, как конфликтологи, будете решать эти вопросы. Я в этом смысле возлагаю на вас большие надежды.

Еще одна важная тема — национальная. Были сказаны абсолютно верные слова о том, что национальные и трудовые конфликты могут совпадать, потому что общество движется по спирали. Был период, когда отдельные национальности, отдельные касты, страты занимались определенными видами профессий. Казалось, что современное индустриальное общество все разрушило. Но если посмотреть, кто убирает наши улицы, то мы поймем, что вернулись к тому, что определенные национальности занимаются определенными профессиями. Никто специально этого не делал — так происходит автоматически. Этот фактор вызывает постоянные социальные, трудовые и этнические конфликты в нашей стране. А когда на трудовой конфликт, который существует между, предположим, РЭО или ТСЖ, руководителем и нанятыми ТСЖ уборщиками, накладывается национальный, этнический или религиозный факторы,

то конфликт может протекать очень остро. И надо работать над разрешением этих конфликтов.

Одним словом, наша социальная сфера находится на грани коллапса, мы переживаем не лучшие времена, но, тем не менее, я верю в будущее, потому что я оптимист. Каковыми, я считаю, должны быть и вы, потому что человек, поступивший учиться на факультет конфликтологии, должен в первую очередь быть оптимистом.

А. ЧЕРНЫШОВ, *1 курс, факультет конфликтологии СПбГУП*: — Андрей Константинович, Вы говорили о востребованности конфликтологов работодателями. А как они поймут, что им нужен конфликтолог? Сверстники, друзья постоянно меня спрашивают, кто такой конфликтолог, зачем он нужен?

А. К. ИСАЕВ: — Вы не должны заблуждаться по поводу нынешнего состояния дел, несмотря на то что вы на I курсе. В свое время я был свидетелем того, как профсоюзные работники создали Российское страховое народное общество — РОСНО. Я думал тогда — зачем, ведь у нас существует Госстрах. Организаций, страховавших риски, было меньшинство, процентов 10. Сегодня страховой бизнес — один из наиболее выгодных, без него практически невозможно обойтись, потому что жизнь изменилась. То же самое, я вас уверяю, произойдет с конфликтологией.

Сегодня любой руководитель солидной фирмы понимает, что ему не обойтись без юриста. Точно так же он через некоторое время поймет, что если у него нет конфликтолога, то с ним не о чем разговаривать. Должна воспитываться культура. Здесь ключевую роль должно сыграть государство, которое востребует вас в качестве специалистов. Я надеюсь, что будет воссоздано Министерство труда Российской Федерации, а внутри Министерства труда — сильная служба по разрешению трудовых и социальных конфликтов. Мы надеемся, что по-другому будет работать миграционная служба. Сегодня она выполняет исключительно полицейские функции — раздает паспорта, разрешения. Ее не интересует, почему в Москве было выдано 2 млн разрешений работодателям на приглашение наемных работников, а до места доехало 300 тыс. Где остальные 1 млн 700 тыс.?

Таким образом, сначала будет развиваться государство, потом — крупные корпорации, которые фактически выстроены как государства в государствах. А затем средний бизнес будет заинтересован в привлечении конфликтологов и, безусловно, профсоюзное движение. Хочу напомнить, что вы обучаетесь в профсоюзном вузе.

Вы выбрали правильное направление, и вам будут завидовать ваши друзья, которые сегодня спрашивают, чем вы занимаетесь.

Еще раз хочу всех поприветствовать, пожелать успехов и поздравить один из лучших вузов России с 20-летием!

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Коллеги, я обращаю ваше внимание на то, что уже выступили философ, социолог, экономист, политолог. Остались представители еще двух наук — культурологии и права. Слово культурологу Бирженюку Григорию Михайловичу.

Г. М. БИРЖЕНЮК¹: — Мое сообщение не будет сугубо культурологическим. Объединение в секции двух видов конфликтов — этнических и трудовых, — возможно, вызвано определенными прагматическими соображениями: эти конфликты пересекаются, потому что трудовой конфликт часто имеет в своей основе этнический компонент. Этнический конфликт возникает в связи с определенными проблемами в трудовой сфере. Однако на самом деле это два принципиально разных вида конфликта, и соединять их вместе можно в этом плане, но с точки зрения научной у них немного общего.

Трудовой конфликт обречен на разрешение. Существует модная уже в течение нескольких десятилетий теория стейкхолдеров — так называемых заинтересованных сторон. Управление корпорацией — это управление заинтересованными сторонами. Потребители заинтересованы в продукции, поставщики — в том, чтобы предприятие работало. Рабочие заинтересованы в том, чтобы получать зарплату, работодатель — в том, чтобы получать прибыль. И каким бы ни был трудовой конфликт, он обязательно тяготеет к разрешению. Ибо ни рабочим не нужно, чтобы их предприятие обанкротилось, потому что дальше они останутся один на один со своим конфликтом, да еще с пустыми карманами. И предпринимателю это не нужно — уволить всех и остаться вообще ни с кем. Поэтому они долго торгуются.

Замечательный пример — завод “Ford Motor Company”, где конфликт существует с начала открытия завода, и он никогда не закончится. Они таким образом повышают зарплату, меняют нормы и будут долго бороться. В итоге все хорошо сосуществует. Мне кажется, что это оптимальная форма социально-трудовых отношений. Конфликт между трудом и капиталом не является конфликтом, это просто сосуществование двух групп интересов, которые никогда не совпадут. Диалектическое противоречие — оно единое и неотделимое.

Что касается этнического конфликта, то он в принципе неразрешим. Мне нравится слушать моего коллегу с Северного Кавказа — Виктора Анатольевича Авксентьева, еще больше — читать его работы, потому что в публикациях представлен большой статистический материал. И я прихожу к выводу, что это совсем другой тип конфликта. Это кровь. Решение этого конфликта можно отложить на завтра, послезавтра, но при этом надо понимать, что он выстрелит не так, как сегодня.

Ранее в выступлениях говорили о том, что, когда был советский народ, было хорошо, но вдруг все рухнуло. Никогда никакого такого советского народа не было, я говорю это как участник этого процесса. Мне пришлось по роду своей деятельности много ездить по стране, не только по Северному Кавказу, но и по Зауралью и т. д. Не было единой идеологии.

Ранее один из выступающих сказал: «Пока была идеология, все держалось». В республиках все держалось на втором секретаре обкома партии, который начинался не первому секретарю, а Москве. Была выстроена сильная структура, более того, объединялись разные интересы. Например, в Кабардино-Балкарии живут

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ» и др. Почетный профессор СПбГУП.

представители разных наций и конфессий. Но Сталин их объединил. Он знал, что делал.

Вначале разгорелся конфликт в Нагорном Карабахе. Основа конфликта была и конфессиональная, и экономическая, поскольку армяне в этой азербайджанской области жили намного лучше. Дальше все начало взрываться. Чтобы этого не происходило, существовала квота: столько представителей одного народа должно быть во власти, столько — другого народа.

Почему все разрушилось и начались национальные конфликты? Я отношусь к поколению, которое изучало историю партии и целый ряд других дисциплин, с нею связанных. В начале строительства государства встал вопрос: «Как его построить?» Сталин выступил за культурно-национальную автономию, а именно — за территориальное устройство страны, где могут жить разные народы, но фактически это царская губерния, где все могут иметь свои театры, газеты, школы, но не более того. Ленин сказал: «Там, где живут представители одной национальности, должно быть государственное образование». И возникли республики — здесь была заложена бомба. И все это начало срабатывать. К этому можно добавить историческую память, историческую обиду. Ряд народов был выселен. Можно вспомнить трагическую историю выселения крымских татар. Я с ними встречался и в Сибири, и в Средней Азии, они говорили: «Мы знаем, что когда-нибудь вернемся». Они знают, что у них есть Родина. Выселяли и чеченцев, и ингушей.

У Анатолия Приставкина есть замечательная книга «Ночевала тучка золотая», где с потрясающей художественной силой описана история переселения народов. Историческая память — это не трудовые обиды, а обида народа. И что с этим делать — непонятно.

На могиле Мартина Лютера Кинга выгравирована надпись: «У меня есть мечта» — это цитата из его речи. У меня тоже есть мечта, но я знаю, что она неосуществима, — чтобы все процессы носили линейный характер. Повысили на тысячу рублей выплаты на ребенка — сразу добавился 1 % рождаемости. Все во много раз сложнее. Не случайно возникла дискуссия, где рождается больше детей. В очень бедных и очень богатых странах. Середина «выпадает». Почему рождается много или мало детей? На этот счет есть масса теорий. Может быть, причина кроется в производительности труда. В странах с низкой производительностью труда высокая рождаемость — там нужно много рук. Они производят людей. В странах, где высокая степень механизации, высокая производительность, мало детей.

Это очень сложные процессы. Напомню об эффекте бабочки: взмах крыла бабочки в Китае может закончиться ураганом в Америке. Любые наши действия не всегда приводят к ожидаемым, а тем более к желаемым результатам. Мне кажется, что конфликтология должна участвовать в этих процессах в меру своих сил и возможностей. Большая ошибка — считать, что конфликтолог разрешает конфликты. Даже Господь Бог их не разрешает. Конфликтолог работает с конфликтами, это намного сложнее, чем их разрешать. Легко сказать: «Живите дружно», конфликтолог должен работать с конфликтами, у власти должна быть потребность в конфликтологическом знании. Нужно осознавать последствия любых решений и находить пути превращения теоретиче-

ского культурологического знания в некую практическую плоскость, которая позволяла бы нам влиять на процессы, происходящие в нашем сложно устроенном обществе, у которого большой потенциал развития.

Д. Г. ПОПОВ: — Григорий Михайлович, скажите, пожалуйста, что происходит, когда заинтересованная сторона отсутствует? Например, если есть один предприниматель и миллион рабочих, или миллион рабочих и ни одного предприятия? Получается, что, когда есть выбор, возможности для договора существуют, а когда у людей нет выбора, конфликт всегда можно заменить.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Вопрос сложный. Выбор есть всегда. Он зависит от многих факторов, в том числе от культуры сторон. Работник всегда готов выбирать, работодатель — тоже. Вопрос — в условиях этого выбора. Есть масса форм хозяйствования, юридических форм.

Л. С. РЖАНИЦЫНА: — Все начиналось с детского сада, школы, образования. Тогда идеологические установки не разводили детей по разным квартирам. А сейчас существует опасность: в четвертом классе детей разводят по религиозному принципу, когда ребенок еще ничего не понимает. В Советском Союзе была большая общность, а вы его так решительно «затоптали». Идея объединения закладывалась в школе.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Если все было так хорошо, почему же все так плохо?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Когда произошел конфликт в Нагорном Карабахе, я встретился с коллегой-социологом, азербайджанцем по национальности, и спросил: «Какую бы ты занял позицию в этом конфликте?» Он ответил: «Я бы стрелял в армяны». — «Но ты же интеллигент!» — «Когда мы были советскими людьми и жили в одной стране, я бы этого себе никогда не позволил. А сейчас мы разные, и я защищаю интересы своей страны». Это информация для раздумья.

Слово предоставляется юристу Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Когда мне предложили участвовать именно в этой секции, то я, как представитель одной из дисциплин, подумал, что это непростое. Состояние нашей науки позволяет мне сделать следующий вывод: «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». Еще один писатель, наш современник, сказал: «Большие узкие специалисты растут в науке». Это вполне подходит и для юридической дисциплины. Сегодня со студентами поделились своим опытом разные специалисты в области разрешения конфликтов: политологи, культурологи, юристы и т. д.

¹ Заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Федерализм в развивающихся странах», «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право». Эксперт Российского гуманитарного научного фонда.

Тема моего выступления — «Право, труд и справедливость...» В юридической науке, как и в других, сложилось не очень почтительное отношение к слову, понятию и осмыслению того, что такое справедливость. Юрист — это тот, кто должен разбираться, отличать справедливое от несправедливого. Вчера известный журналист сказал, что слово «справедливость» уходит из употребления. В Этимологическом словаре русского языка нет слова «справедливость». Я, побывав в Германии, поинтересовался, как у них обстоят дела: там тоже нет слова «справедливость». Это «уходящее» слово требует внимания.

Я попытаюсь рассмотреть трудовые отношения как одну из областей, которая требует соблюдения правил справедливости. Закон — это справедливое правило, которое помогает разрешать любой конфликт по справедливости, иначе что это за закон. Философы, которые задумывались о смысле закона, рассуждали следующим образом: «Право — это закон и справедливость». Если в законе нет справедливости, то это не закон. У Платона есть интересная мысль: «Невозможно все охватить с помощью закона. Не хватит ни воображения, ни чувства».

Когда начинаешь размышлять, проверять, как эта мысль обсуждается в литературе, оказывается, что люди пребывают в растерянности, они не знают, что такое справедливость. Вчера на пленарном заседании обсуждали эту тему, но исходного общепринятого мнения не существует. Сейчас обсуждается предложение одного из участников найти измерение всему. Это мечта. Какая мечта у юриста? Быть убедительным, простым. В требовании к справедливости тоже должно быть простое определение. Но это неосуществимая мечта.

Вчера известный адвокат привел слова Аристотеля: есть конструкция, уравнивающая и воздающая по справедливости. Но до Аристотеля на эту тему размышлял Пифагор и Платон. Платон рассуждал об арифметической и геометрической справедливости. Это ответ академику Макарову.

Справедливость также может проявляться в отношениях между поколениями, в этнической сфере, трудовой и пр. Философы говорят о том, что ближайшее будущее — принять поколение, которое появилось в 1960-е годы. Два поколения оказались в исторически удачном промежутке. Это послевоенное поколение 1946 года и поколение 1965 года. Ситуация после 1946 года — надежда на стабильность, помощь государства, меньше риска и пр. А поколение 1965 немного другое. Оно будет задавать тон в ближайшие десятилетия.

Мое впечатление от обсуждения докладов на Лихачевских чтениях: надо рассчитывать, с одной стороны, на междисциплинарное сотрудничество, а с другой — нужно иногда советоваться с людьми по важным вопросам. У Мандельштама есть мысль, которая, кстати, вполне может быть применима для обсуждения справедливости: «Каждое слово имеет пучок смысла, пучок мнений, которые торчат в разные стороны, но не обязательно в одну официальную сторону». Поэтому справедливость можно обозначить как пучок смысла, который не обязательно смотрит в одну сторону.

— *Вчера на пленарном заседании говорили о цивилизационной справедливости. Что это такое?* (вопрос из зала)

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я употребляю словосочетание «цивилизационная культура», но не справедливость. Если считать, что мировые религии задают контур цивилизации (исламской, православной), то любая религия, все объясняющая как доктрина, философия, теология, имеет ответ на вопрос, что такое справедливость.

Н. И. ЛЕОНОВ¹: — Вы исключили из своего рассуждения центральное понятие «труд». Как Вы понимаете труд?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Некоторые абстрактные категории у нас не обсуждаются должным образом, фундаментально. Есть труд умственный и физический, две составляющие, которые должны быть согласованы. Есть труд возрастной и начинающий и т. д.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Господин Исаев, выступая, сказал, что дедушки и бабушки должны помогать сидеть с внуками. Я подумал: «Почему внуки и внучки любят бабушек и дедушек больше, чем родителей, а бабушки и дедушки любят больше внуков, чем своих детей?» Как конфликтолог, я понял: потому что у них общие враги. Продолжим наше заседание. Слово предоставляется Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ²: — Я хочу начать свое выступление с благодарности организаторам Лихачевских чтений за то, что они предоставляют возможность жителям других городов побывать в Санкт-Петербурге и выступить перед такой аудиторией. Я являюсь научным руководителем сектора в Институте мировой экономики и международных отношений РАН и часто принимаю участие в конференциях, одновременно я преподаю и общаюсь со студентами. Но такой смешанный вариант общения я наблюдаю в первый раз. Я думаю, что то, что происходит в стенах СПбГУП, очень конструктивно и прогрессивно. За это отдельно спасибо руководству вуза и организаторам. После таких ярких выступлений, с одной стороны, облегчается задача, потому что о многих вещах уже было сказано, с другой — хочется внести свою лепту, поделиться тем, что мне кажется важным, когда мы говорим о конфликтах, глобализации, социально-трудовой сфере, социально-трудовых отношениях.

Глобализация и модернизация — процессы конфликтные, конфликтогенные, несущие в себе потенциал конфликтов. Мир становится единым, и не только в плане рынка товаров, труда, но и информационно. И социальное время становится единым в глобальном мире.

¹ Проректор по научной работе Удмуртского государственного университета, заведующий кафедрой социальной психологии и конфликтологии, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около ста работ в области социальной психологии, конфликтологии и психологии управления. Среди них: «Конфликтология», «Психология делового общения», «Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения», «Многомерные статистические методы анализа данных в психологических исследованиях» (в соавт.) и др. Член редакционных коллегий научных журналов «Гендерная психология» и «Акмеология образования».

² Заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений, кандидат экономических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Зарубежный опыт регулирования “засменного” труда и возможности его применения в России», «Роль и место профсоюзов в модернизации России», «Проблемы представительства интересов сторон в системе социального партнерства России» и др.

Люди, живущие в странах с разным уровнем экономического развития, наблюдают жизнь друг друга буквально в режиме онлайн. Высокие социальные стандарты жизни, которые приняты в развитых странах, становятся социальными стандартами для стран, находящихся на более низком уровне экономического развития. При этом международные регуляторы, такие как ООН, делают эти стандарты нормативно принятыми.

О высоких стандартах в социально-трудовой сфере принято говорить не в плане социального благодеяния государства и не в плане социальных завоеваний, а в плане неотъемлемых прав любого человека. Мир сейчас встал перед необходимостью смены парадигмы социального прогресса, потому что стало очевидно, что те показатели прогресса, которые были характерны для эпохи модерна, прежде всего такие технократические показатели, как рост ВВП и прочие макроэкономические данные, совершенно не срабатывают и не являются показателем прогресса социального. Увеличивая ВВП путем вырубки леса, мы тем самым одновременно не улучшаем жизнь людей. Поэтому не только встала необходимость поиска новых целей для общественного развития, но и возникло желание измерить новые параметры. Не случайно возникли такие показатели, как индекс истинного прогресса и многие другие, но наиболее принятый и широко употребляемый — это индекс развития человеческого потенциала, который аккумулировал разные стороны развития человечества. Наряду с экономическими составляющими сюда входят здоровье, образование, то есть те важнейшие параметры, которые характеризуют качество жизни. Поэтому качество жизни как комплексный показатель занимает все больше места в качестве индикаторов социального прогресса.

Доклады ООН о развитии человечества публикуются уже на протяжении двадцати лет. Из этих докладов явствует, что далеко не всегда те страны, которые в экономическом плане очень развиты, в социальном плане достигли какого-то прогресса. Здесь все зависит от других факторов. При этом глобальное изменение подходов к общественному прогрессу отнюдь не означает, что сложился консенсус или достигнут прогресс в реализации заявленных целей. Напротив, получается так, что прогресс одних стран достигается за счет ухудшения ситуации в других странах, в том числе и в социальном плане. В этом смысле обостряется борьба между странами за завоевание места под солнцем.

Я хочу перейти к анализу российской ситуации. Несколько слов о конфликтном потенциале в социально-трудовой сфере России. Мы, как в омут, погрузились в глобальное пространство, в том числе в социально-трудовой сфере. Когда не знаешь куда плыть, то любой ветер не будет попутным. Мне кажется, это применимо к нам, потому что если мы говорим о качестве жизни, то речь идет в первую очередь о качестве трудовой жизни. Подавляющее большинство людей обеспечивает качество жизни своим трудом. Неслучайно возникают вопросы: «Где трудиться? Как трудиться?» Поэтому я хотела сказать несколько слов о занятости именно в контексте качества трудовой жизни.

Когда Россия стала частью глобального пространства и заняла в нем свое место, то мы проанализировали ситуацию с точки зрения экономических последствий.

Мы стали «нефтяной иглой». С экономической точки зрения все говорят о том, что это зависимость, мы можем первыми погрузиться в кризис. Но возникает вопрос: как это сказалось на качестве занятости, которая влияет на качество трудовой жизни? Отрасли, которые хорошо себя чувствуют в глобальном разделении труда (добыча полезных ископаемых и т. д.), имеют одну особенность — они низкотрудоёмкие, могут предоставить рабочие места небольшому количеству людей. Рабочие места в этих сферах при всей их модернизированной обеспечивают уровень заработной платы и социальные гарантии. А где работать остальным? Развиваются так называемые неторгуемые сектора экономики строительства, торговли, которые теснейшим образом связаны с нефтяной сферой и рушатся вместе с нею. Когда падает стоимость барреля нефти, страдают и бюджетная сфера, и финансовый сектор. Есть немного секторов, которые обеспечивают нормальное качество жизни, и вся остальная экономика. Собственно говоря, в этом заключается серьезный социальный риск для нашей страны. Потому что плохое качество жизни в глобальном мире, когда мы знаем, каким должно быть качество жизни, несет большой конфликтный потенциал.

Все говорят о необходимости модернизации. Что такое модернизация? Я не люблю это слово, поэтому предпочитаю говорить о реструктуризации экономики. Необходимо менять структуры экономики, уходить от нефтяной зависимости и формировать вменяемую экономику. Что такое реструктуризация с точки зрения занятости? С высоких трибун часто говорится: «Модернизация, новые рабочие места, было создано 25 млн высокотехнологичных рабочих мест». Мне хочется спросить: «Вы вообще когда-нибудь думали о том, что страну населяют живые люди?» Как перенести человека с одного рабочего места на другое и сказать: «Ты вчера трудился на отсталом предприятии с отсталой техникой и технологиями, а теперь будешь работать наладчиком, программистом на высокотехнологичном металлообрабатывающем комплексе?»

На одной из конференций в Москве хороший пример привела моя коллега из Института экономики. Она рассказала о том, что один из московских заводов (Комплексный металлообрабатывающий комплекс) купил космическую капсулу, которая заменяет труд двухсот токарей и слесарей. Но проблема в том, что для обслуживания этого комплекса нужно пять человек. Выпускники Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана и Московского инженерно-физического института не смогли справиться с этой задачей. Пришлось на полгода отправлять людей учиться в Италию, чтобы они смогли работать на этом аппарате.

Для того чтобы провести реструктуризацию, мало просто вложить деньги, вначале надо поставить цель и определить, какую экономику мы хотим. Пока я ни от кого не услышала, какую, кроме употребления слов о модернизации. Что будет основой нашей экономики, если не нефтяная зависимость? Мы сформулировали цель, дальше должны определить структуру занятости: она будет профессионально-квалификационной, отраслевой или другой, а дальше необходимо подумать о том, какие кадры готовить.

Хороший вопрос задал молодой человек: «Буду ли я нужен стране?». Андрею Константиновичу в Думе

можно быть оптимистом. Но я, работая в науке, реалист. Я не могу ответить на этот вопрос. Сегодня нам говорят, что не хватает токарей и слесарей. Надо возрождать профтехучилища и предоставить людям возможность работать. Нам говорят о том, что мы должны догнать и перегнать Китай, построить высокотехнологичное производство. Значит, мы должны готовить программистов, юристов, то есть 3/4 занятого населения у нас должны работать в высокотехнологичных отраслях сферы обслуживания, а остальные — обслуживать нетрудоёмкое производство. Но это нельзя сделать за один день.

Не ставя перед собой таких задач, мы загоняем себя в угол, потому что люди, которые высвобождены из сегодняшних производств, не смогут адаптироваться к современным производствам. И здесь тоже возникает конфликт, о котором мы мало, к сожалению, думаем. Я все-таки надеюсь, что у всех все будет хорошо, будем оптимистами.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Как Исаев. Елена Сергеевна, риторика научного сотрудника и политика отличается. Приглашаю к микрофону Попова Дмитрия Геннадьевича.

Д. Г. ПОПОВ: — Вопросы экономики, трудовой политики, а также национальных и этносоциальных отношений переплетаются. При этом такой фактор, как переплетение этносоциальных и трудовых конфликтов, не является феноменом России, глобальным, это феномен как глобальный, так и региональный, локальный. Российская Федерация — не единственная страна в рамках современных международных отношений, современных трудовых отношений, сталкивающаяся с данной проблематикой. Для примера можно привести те страны, с которыми нас экономически сравнивают, — страны БРИКС.

Индия представляет нам историческую перспективу развития этносоциальных и трудовых отношений в комплексе. Некоторые ученые считают, что кастовый строй во многом основан на завоевании одними группами племенных союзов других с приданием им ряда трудовых функций. С этой точки зрения кастовый строй, его пережитки — в Индии это крупнейшая проблема трудовых и этносоциальных отношений. К этому можно добавить проводимую в 1940–1970-х годах политику, в результате которой индийская цивилизация разделилась на две совершенно разных области — это исламские Бангладеш, Пакистан и индийский субстрат. При этом на территории самой Индии мусульманская община, являющаяся одной из самых крупных в мире (300 млн), занимает особую нишу в области трудовых отношений, играет особую роль в малом предпринимательстве, сфере услуг и торговле, что накладывает особый отпечаток на специфику трудовых конфликтов в Индии.

Южно-Африканская Республика — еще более сложный вариант развития этносоциальных, расовых, культурных, религиозных конфликтов, а также конфликтов, связанных с поиском национальной идентичности в меняющемся мире. Южно-Африканская Республика в силу своей исторической судьбы переживает процессы, во многом феноменальные для современного мира. Мы видим, как построение нации на принципе расовых

предпочтений препятствует развитию. Государственные органы в результате реформ 1990-х годов работают над формированием новой, так называемой радужной нации, причем с различными проблемами, общими для африканского континента. На сложные расовые, криминальные, этнические, этнографические особенности накладывается такое явление, как трайбализм — разделение труда по этноплеменному признаку.

Наряду с Нагорным Карабахом интересный пример с точки зрения развития этнотрудовых конфликтов в позднесоветском обществе, по моему мнению, представляет конфликт в Узбекистане, связанный с турками и осетинами. Там мы имеем дело с феноменом экономической деятельности. В общем, городское население Ферганской долины в силу того, что их туда переселили, заняло ряд ниш, связанных с торговлей, активно участвовало в процессе корпоративного движения на постсоветском пространстве. Во многом причина этнического конфликта связана с этими явлениями.

В современном российском обществе муссируется вопрос о нации, многие уважаемые коллеги сегодня об этом говорили. В связи с этим мне представляется интересным обратить внимание на такую проблему, стоящую перед современной российской бюрократией, современным миром, — роль транснациональных корпораций и роль государства как национальной корпорации. Нация выступает как работники национальной корпорации и транснациональной корпорации, для которой не имеет значения этнический фактор, важны в первую очередь экономические и культурные факторы. ТНК во многом приносит большой доход, но при этом характеризуется малой занятостью труда. Функция разделения труда не приносит ощутимых результатов населению. С их точки зрения, проблема трудовых и этнических конфликтов имеет огромное значение, потому что, к сожалению, ресурсы в современной России во многом связаны с этнической составляющей, особенно в малом бизнесе, в рамках городских агломераций и т. д. В связи с этим проблемы, связанные с изучением и разделением этнических и трудовых конфликтов, представляются наиболее значимыми в современной России.

Ю. В. АРУТЮНЯН: — Что Вы имели в виду?

Д. Г. ПОПОВ: — Этнические конфликты довольно часто переводятся в этот разряд из-за бытовых конфликтов. Проблема трудовых отношений часто приобретает этнический характер в связи с тем, что национальности, национальным отношениям придается определенное значение и т. д. Например, события, связанные с малым бизнесом в различных городах и регионах Российской Федерации, в частности в Северо-Кавказском федеральном округе.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Слово предоставляется Любови Анатольевне Васильевой.

Л. А. ВАСИЛЬЕВА¹: — Я представляю Комитет по труду и занятости населения Ленинградской области.

¹ Начальник отдела трудовых отношений и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области, кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. «Развитие региональной системы социального партнерства в сфере труда» и др.

На пленарном заседании Лихачевских чтений были высказаны идеи, которые я пока не могу назвать постулатами, но они достаточно интересные. В частности, говорилось о том, что надо искать новые ценности для того, чтобы уменьшить конфликты. Что демократия становится товаром и с рынком хорошо вступать в светлое будущее. Для того чтобы научиться понимать друг друга, меньше конфликтовать, нужно вместе есть, пить и даже танцевать. Что взаимодействие может осуществляться как путем мягкой силы, так и путем жесткой силы. Под мягкой силой понималась сила идеи. С этим тоже нельзя не согласиться. Также говорили о том, что развитые страны, в частности Америка, редко пользуются экспансией своих культур, которая переходит в насаждение. Другие должны не только противостоять этой экспансии, но и заниматься протекционизмом своей культуры.

Все это имеет непосредственное отношение к культуре трудовых отношений. Я считаю, что культура трудовых отношений — это часть культуры вообще. Та часть культуры, которая существует только совместно с экономикой, потому что трудовые отношения — это экономика, люди, их отношения между собой, между работниками и работодателями и т. д.

Культура социально-трудовых отношений близка к базису. Также говорили о том, что экономика — база, на основе которой строятся все отношения в обществе. Мы можем не иметь отношения к музыке, литературе и даже традициям, но мы все трудимся и участвуем в трудовых отношениях, вносим свою культуру и принимаем то, что нам предлагается.

Приведу пример. Сегодня Андрей Константинович говорил о заемном труде, что это явление пришло из Европы и что мы пытаемся сейчас этому противостоять. То есть в глобальном смысле наблюдается экспансия культурно-трудовых отношений.

Для того чтобы культура трудовых отношений лилась на мельницу общественного прогресса, необходимо, во-первых, мирно регулировать социально-трудовые отношения, во-вторых, прививать эту культуру. А для того чтобы ее прививать, должны быть специалисты, которые умеют это делать. Может быть, кто-нибудь из вас будет заниматься трудовыми отношениями и работать в области культурно-трудовых отношений.

Социально-трудовые отношения регулируются не только нормативно-правовыми актами (Трудовым кодексом РФ) и разнообразными документами, это делает государство, органы государственной власти федерального и регионального уровней. Регулирование происходит в рамках коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, развития социального партнерства.

Поскольку я непосредственно этим занимаюсь, у меня есть собственное мнение по этому поводу. В 2007 году в Трудовом кодексе РФ впервые было дано понятие «социальное партнерство». Ранее действующий закон о договорных отношениях 1992 года этого понятия не содержал. Теперь у нас есть федеральный, региональный, территориальный, локальный, отраслевой уровни. На всех уровнях заключаются соглашения, и только на локальном уровне — договоры. В соглашениях обязательно участвуют органы государственной власти и не просто работники, а объединения работни-

ков, работодателей соответствующего уровня. На локальном уровне действует коллективный договор. Если бы мы все захотели, чтобы наше социальное партнерство развивалось, действительно регулировало, предоставляло социальные гарантии и брало на себя повышенные обязательства, чем те, что предлагаются нормативными актами, то у нас не было бы социально-трудовых конфликтов, их количество стремилось бы к нулю.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Какие существуют болевые точки в Вашей области?

Л. А. ВАСИЛЬЕВА: — Болевые точки Ленинградской области. Уровень зарегистрированной безработицы низкий. В Ленинградской области нет задолженности по заработной плате. Что касается региональной минимальной заработной платы, то господин Исаев уже говорил, что невозможно МРОТ связать с прожиточным минимумом. Ленобласть — регион-донор. Мы пришли к соглашению, что у нас региональная минимальная заработная плата будет не ниже прожиточного минимума. В настоящее время прожиточный минимум в Ленобласти 6466 руб. Более того, с 1 июня 2012 года мы поднимаем эту планку, региональная заработная плата не опустится ниже прожиточного минимума.

Болевая точка — общественное поведение. Что такое общественное поведение? Работодатель нарушает Трудовой кодекс, тем самым вызывает работника на коллективно-трудовой спор, который может закончиться забастовкой. Работник может, не нарушая Трудового кодекса, выйти на коллективно-трудовой спор и заявить работодателю и органам исполнительной власти о забастовке. Так делают на некоторых наших предприятиях, например в «Ford Motor Company». С 1 июня они хотят перейти на трехсменную бессрочную забастовку. Причина заключается в том, что работники с февраля пытались пройти процедуры, которые прописаны в Трудовом кодексе: сначала требования от профсоюза работодателю, примирительные процедуры, решение о забастовке и выход на забастовку. Требования они в феврале предъявили, работодатель отклонил, примирительную процедуру прошли, часть требований сняли. У людей, работающих на этом предприятии, заработная плата — 20–40 тыс. руб., трехсменная работа, все социальные гарантии, социальный пакет, питание и т. д. Их требования: первое — для 8-часовой рабочей смены, кроме 20-минутного перерыва, сделать еще один 15-минутный; второе — работодатель не оплачивает вредные условия труда, которые установлены аттестацией; третье — написано, что работник обязан заниматься рационализаторством, выработать рационализаторские методы и приемы работы и обязательно их применять. Работники высказываются против этого. В результате забастовки будет нанесен ущерб не только экономике, но и социальной градостроительной району. Кто среди работников позволяет себе такое безответственное поведение? Правы профсоюзы, не входящие в эту забастовку.

Е. С. САДОВАЯ: — Могут ли заимствованные институты эффективно работать? На скольких предприятиях Ленобласти коллективный договор, соглашение заключаются вне бюджетной сферы?

Л. А. ВАСИЛЬЕВА: — Из 1560 коллективных договоров в Ленинградской области, наверное, половина заключена вне бюджетной сферы, о содержании мы можем с Вами отдельно поговорить. Идея профсоюза заключается в том, что есть профсоюз, и этот пункт должен быть внесен в договор. Это правильная идея. Поддержка развития социального партнерства является одним из направлений государственной политики. Управленческие решения нужно принимать сегодня. Не все решения могут ждать, пока будут сделаны научные обоснования.

Д. Р. ВАЛИЗАДЕ¹: — Не видите ли Вы основную болевую точку государственной политики в сфере трудовых конфликтов в том, что сегодня комитет обращает внимание и регистрирует только официальные конфликты? Работники завода “Ford Motor Company” прошли процедуру вступления в коллективный спор, а потом добровольно пришли в комитет и зарегистрировались, значит, этот конфликт существует. На практике получается так, что для государства существуют только те конфликты, которые «всплыли» после официальной процедуры, а в действительности там происходило все иначе. Не делает ли это ущербной государственную политику в сфере регулирования труда?

Л. А. ВАСИЛЬЕВА: — Мы не используем слово «конфликт» в управленческой структуре. Латентный спор. Действительно, мы, государственные служащие, регистрируем трудовые споры. Может быть, мы плохо мониторим ситуацию. Конечно, индивидуально-трудовые споры возникали, возникают и будут возникать, потому что в них участвуют люди. Что касается трудовых конфликтов, нужно прививать культуру, тогда их будет меньше. Да, латентная форма конфликта существует, но к нам работники, участвующие в таком конфликте, не идут, может быть, они обратятся в Федерацию профсоюзов, где был открыт центр примирительных процедур. Мы это поддерживаем: не нужно доводить конфликт до пожара, следует тушить маленький дымок.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Правильно, спасибо большое.

В. Д. РОЖКОВ²: — У нас сформировалось представление о партнерстве вообще, для чего оно нужно

¹ Начальник Управления социального партнерства Аппарата Ленинградской федерации профсоюзов, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат культурологии. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация социально-культурных функций профессиональных союзов в постиндустриальном обществе», «Социальная культура: роль и место профсоюзов в ее формировании», «Экономическое обоснование позиции профсоюзов при ведении коллективных переговоров», «Критический анализ социальной культуры постиндустриального общества», “Decent Wages in Russia: Current State and Prospects”, “The Capital-Labour Relation: from Industrial to Post-industrial Economy”, «Профессиональные союзы как социальный институт культуры», «Основы экономических знаний для профсоюзного лидера» и др.

² Советник президента Союза промышленников и предпринимателей Ленинградской области, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование социальных ориентиров экономической политики в условиях информационного общества», «Социальные ориентиры экономической политики России», «Концептуальные подходы к управлению трудовыми ресурсами на современном этапе социально-экономического развития России», «Решение социальных проблем безработицы и занятости», «Задачи социальной политики в трансформационный период российской экономики», «Основы организации профессиональной ориентации в Российской Федерации и проблемы активизации профориентационной работы», «Развитие новых технологий занятости» и др.

и какие болевые точки имеются. Когда-то я выступал на стороне Комитета по труду и занятости и был координатором со стороны правительства в трехстороннем соглашении, теперь я выступаю на стороне работодателей — являюсь советником президента объединения работодателей — Союза промышленников и предпринимателей Ленинградской области. Для чего создана эта организация? Для того чтобы разрешать противоречия и не давать им перерасти в конфликтные ситуации между социальными партнерами: государством, работодателями, работниками, которых представляют профсоюзы.

Я представляю мнение работодателей субъекта Российской Федерации, интересы бизнеса. Союз промышленников и предпринимателей Ленинградской области был сформирован структурно в 2006 году, появилась строка в Трудовом кодексе, мы превратились в объединение работодателей.

Существуют конфликты, противоречия, но сегодня нет механизма их разрешения, то есть сложно выстроить диалог между бизнесом и властью. Приведу пример. Существует постановление правительства, указ президента об освобождении бизнеса от штрафов, в первую очередь за недорасход и перерасход электроэнергии. Сетевая компания, предоставляющая электроэнергию, игнорирует это решение правительства, ссылаясь на то, что у нас выстроены отношения в рамках подписанного договора по поставке электроэнергии. Эта ситуация длится почти год. Выход — построение диалога, но нет механизма, процедуры. При этом сегодня правительство говорит о том, что региональные власти контактируют с бизнесом, даже иногда оценивает эффективность их деятельности. У малых, средних предпринимателей нет доступа к власти. Мы должны быть проводником их интересов с властью, но механизм общения, диалог отсутствуют — в этом заключается проблема.

Необходимо формировать принципы партнерства, мы должны вырасти до цивилизованных отношений. Сегодня руководитель старается сделать так, чтобы на предприятии не было профсоюзов. Ячейка, которая формирует интересы трудящихся и отстаивает их перед работодателем и государством, просто отсутствует. Это еще одна проблема — отношение владельца бизнеса: не будет профсоюзов — не будет почвы для созревания конфликтов, чтобы ими не заниматься.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Спасибо. Уважаемые студенты! То, что вы услышали сегодня на заседании нашей секции, очень важно, потом эти отрывочные сведения, как беспорядочная мозаика, в определенный момент сложатся в единый пазл. Слово предоставляется Волкову Валерию Степановичу.

В. С. ВОЛКОВ³: — Тема моего сообщения — «Посредническая миссия интеллигенции в межкультурном

³ Профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Советская интеллигенция: словарь-справочник» (в соавт.), «Россия XXI века: творческий, духовный и нравственный потенциал интеллигенции» (в соавт.), «На тернистом пути естественно-научного просвещения: из истории биологических станций», «Школа историка В. С. Меметова: взгляд из Петербурга», «Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов», «Оригинальное исследование истории студенческой газеты», «Борис Евгеньевич Райков — ученый, педагог, личность» и др.

диалоге народов России и социальные конфликты». Вначале я хочу отреагировать на некоторые высказывания своих предшественников. Начну с первого доклада, в данном случае я не спорю, а просто обозначаю другую позицию. Прозвучал ответ на вопрос, почему рухнул Советский Союз. Социализм не выдержал конкуренции с капитализмом. Я бы сказал по-другому: советское общество развалилось потому, что в нем было мало социализма. Это было переходное общество, и оно не могло выдержать конкуренции.

Сегодня вспомнили и Сталина и приписали ему совершенно неверное суждение. Докладчик говорил о принципах объединения советских республик, в частности о том, что «Сталин был сторонником культурно-национальной автономии». Это не соответствует действительности. Сталин был противником культурно-национальной автономии, и против этой идеи он выступал еще до революции, в частности в работе «Марксизм и национальный вопрос». Что такое идея культурно-национальной автономии? Это попытка снять конфликты между нациями только в одной сфере — культуры — путем создания автономных культурно-национальных союзов. На территории Татарстана создать русский культурно-национальный союз, татарский, башкирский и другие с учетом народов, там существующих. Это источник конфликта между жителями на одной территории. Сталин был сторонником территориальной автономии, он полемизировал с Лениным. Поэтому обвинять Сталина в том, что он занимал ошибочную позицию в данном вопросе, — это другая ошибка. Федерация, создание многонационального Советского государства, была более целесообразна, Ленин предлагал это сделать.

Третье замечание связано с выступлением Людмилы Сергеевны. Она попросила ответить на вопрос, что такое конфликт, а что — противоречие. Я полагаю, что противоречие — это основа для конфликта, худшая форма разрешения противоречия. Лучше его предупредить. И с этой точки зрения вы, уважаемые молодые коллеги, безработными не будете, потому что и государственные органы, и бизнес, и частные лица осознают пользу конфликтологии как науки. Вы — специалисты широкого профиля, сфера вашего применения — не только трудовые конфликты, но и прочие.

Россия со времени своего возникновения — многонациональное государство, народы взаимодействовали между собой, сотрудничали, конфликтовали, воювали, враждовали, но в сфере культуры всегда происходил процесс взаимного обмена. Культурный диалог мог носить и конфликтный, и позитивный характер взаимного обогащения. Наиболее активными участниками культурного диалога, культурного взаимодействия всегда были самые образованные люди — интеллигенция, это изначально заложено в ее природе. Деятель культуры одной национальности питается соками всей мировой культуры, поэтому он объективно заинтересован в посредничестве.

С точки зрения посреднической миссии интеллигенции в межкультурном диалоге в нашей стране наиболее интересны и поучительны своими уроками два периода: советский и постсоветский. Посредническая миссия интеллигенции в советский период давала больше положительных результатов: более развитые нации оказы-

вали другим нациям помощь в развитии образования, подготовке специалистов, делали достоянием своего русского народа литературу, искусство других народов, занимаясь переводческой деятельностью. Но были и негативные последствия посреднической миссии, которые порождали этнокультурные конфликты. Главная причина — неумные действия интеллигентных посредников. Если говорить о русской интеллигенции, это некоторое пренебрежение, покровительственное отношение к другим народам, непонимание специфики других культур, других цивилизаций. Они со своим уставом приходили в чужой монастырь, игнорируя местные традиции, что порождало конфликты.

Интеллигенция в советском обществе работала под руководством коммунистической партии, и для нее невольно конфликтную ситуацию создавал этот политический фактор, партийное руководство. Потому что все придерживались того мнения, что нужно подходить классово к решению проблем. Например, решение кадровой проблемы в Казахстане, Средней Азии — при формировании аппарата нужно отдавать предпочтение пролетариям. А там пролетариев не было, находили бедняка и выдвигали его на руководящую должность. Он не пользовался авторитетом у местного населения, а даже русский управленец понимал, что он делает глупости, но находился под воздействием вульгарно-классовой установки. Можно назвать много других явлений негативного характера, которые были свойственны посреднической миссии.

Что касается национальной, нерусской, интеллигенции, то чаще всего источником конфликта было стремление некоторых групп этой интеллигенции изолировать свой народ от инокультурного влияния, законсервировать устаревшие нормы поведения, художественного творчества и т. д.

В этой посреднической миссии в нашей многонациональной стране доминирует процесс русификации. Как его оценивать? Я думаю, большинство присутствующих европеизацию оценивают положительно, Петра I славят за то, что он «прорубил окно в Европу», а ведь эта русификация в основе своей была европеизацией, русская культура и русская интеллигенция выступали как посредники между западноевропейской культурой и культурой других народов. Чингиза Айтматова не знали бы, если бы его не перевели на русский язык, а потом его произведения уже стали всеобщими доступными. Поэтому на проблему русификации нужно смотреть более широко.

В советское время доминировала административно-командная система. Нельзя негативно однозначно оценивать эти явления, например направление на учебу в центральные вузы представителей нерусских народов. В приказном порядке собирали, учили, но другие методы не дали бы результатов.

Каждое действие посредника в межкультурном диалоге, в данном случае интеллигента, может иметь последствия, которые он не всегда может просчитать. Поэт сказал себе в оправдание: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Надо предугадывать, а если не можешь этого сделать, нужно обратиться к конфликтологу, он посоветует, как поступать с тем, чтобы не допустить бестактности и не создать основу для конфликта.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Спасибо, Валерий Степанович! Слово предоставляется психологу Николаю Ильичу Леонову.

Н. И. ЛЕОНОВ: — Сейчас в прессе часто упоминаются слова Ленина, когда он обозвал интеллигенцию словом «г...», и никогда не вспоминают о том, что у него есть другие высказывания: пример народничества декабристов — это пример мужества российской интеллигенции, которая пошла на подвиг, чтобы продвинуть историю по пути развития. Это, кстати, один из приемов, необходимо всегда взвешивать «за» и «против» таким образом, чтобы была получена научная и практическая истина.

А. В. ДМИТРИЕВ: — То есть ничего нельзя вырывать из контекста.

Н. И. ЛЕОНОВ: — Здесь собралась аудитория подготовленная, реально занимающаяся практикой разрешения трудовых споров, конфликтов, регуляцией трудовых отношений, и будущие специалисты в этой области, которые еще только определяют свое место в системе, социальных отношениях. Мне бы хотелось выделить проблемные точки и тенденции, рассказать о том, как строить свою профессиональную компетенцию в этой сфере деятельности.

В своем выступлении я хотел бы отметить три момента. Во-первых, это понятийный аппарат. Необходимо уточнить некоторые моменты, правильно ли мы понимаем друг друга и соблюдаем логику. Во-вторых, механизмы технологии работы с проблемами, противоречиями. В-третьих, идеи, которые могут быть положены в основание нашей следующей встречи, это позволит нам работать дальше более слаженно.

Начнем с третьего момента. Что мы будем обсуждать в следующий раз? Наша секция называется «Трудовые и этнические конфликты». Что в данном случае управляемо, а что неразрешимо? Профессор Бирженюк говорил о том, что трудовые конфликты имеют тенденции к регулированию, разрешению, что касается этнических проблем, то это тонкая материя, порой они неразрешимы, поскольку носят архетипический характер: эти отношения имеют и историческое прошлое, и генетическую память.

Трудно анализировать современное состояние международных конфликтов. В декабре 2011 года я посетил Израиль, посмотрел, как выстраивается их реальность. Часть противоречий разрешима, часть просто надо воспринять, так как они имеют неразрешимый характер. Государству выгодно жить в окружении врагов, вся экономика, идеология сфокусирована на этом. Как правильно было сказано, есть интересы и группы, которые всегда будут эти интересы поддерживать. А если есть интересы и группы, значит, будут финансы, которые используются при разрешении многих проблем.

Что касается следующей нашей встречи, то я бы сосредоточился на сегодняшнем дне, решении трудовых конфликтов. Однако здесь возникает вопрос, что мы понимаем под конфликтами. Я неслучайно коллеге задал вопрос относительно того, что есть труд, и меня в принципе наполовину удовлетворил его ответ. Действительно, сегодня существует многообразие видов

трудовой деятельности, но возникает вопрос: что такое труд и трудовой конфликт? Это вопрос для следующего обсуждения. Позвольте предложить свое понятие трудового конфликта. Надо учитывать, во-первых, пространственно-временную организацию. Во-вторых, как здесь было сказано, он имеет свои этапы развития. И сколько бы мы ни мечтали о линейном развитии явлений, все они имеют нелинейный характер развития. Трудовой конфликт — это прежде всего форма проявления противоречия, не разрешенного в прошлом либо разрешающегося в настоящем. Главное — в настоящем, в котором возникает ситуация непосредственного взаимодействия субъектов трудовых отношений, обусловленного противоположно выбранными целями, осознаваемыми или неосознаваемыми действиями (есть действия-провокации и осознанные). Возникает категория представлений о ситуациях, направленных на разрешение либо снятие противоречий.

Вторая спорная категория, которую мы должны обсудить, — это характер трудовых отношений. В тезаурусах, глоссариях, энциклопедиях часто встречается отношение через отношение. Но есть категория отношений, которые носят фундаментальный характер. В этом случае мы сможем установить связь между участниками трудовых отношений, кратковременных и долговременных. Здесь, мне кажется, мы не должны отвергать то, что нарабатано: у нас трудовые отношения, трудовой конфликт — это всегда совместная деятельность, которая подтверждена нормативно-правовым статусом участников. Если взять индивидуальную деятельность, то там чаще всего возникает межличностный конфликт.

При всем многообразии видов конфликтов я вывел один универсальный конфликт, который называется «конфликт неоправданных ожиданий». Он характерен для всех субъектов и участников. Отсюда вторая составная часть — социально-трудовые конфликты. Трудовые конфликты имеют тенденцию к разрешению, социально-трудовые — не всегда. Здесь появляется третья сторона. Социально-трудовые конфликты — наиболее острая форма проявления противоречия, неразрешенного либо разрешаемого между субъектами трудовых отношений, которое предполагает вовлечение третьей стороны для эффективного разрешения и снятия противоречий.

Поскольку каждый в своей области рисует свою картину видения, необходимо иметь концептуальную модель исследования. Мы должны определить, какое сегодня место занимает конфликтолог в мозаике проблем. Он работает, по сути, с индивидуальными конфликтами, выступает в качестве посредника. Тогда наша «изюминка», наш эксклюзив — то, что чаще всего мы будем иметь дело с коллективными спорами, возникающими конфликтами.

Я предлагаю следующую проблему, которая может быть интересна для нашего обсуждения, — это проблема конфликтологической компетенции. При подготовке конфликтологов меня заинтересовал интегрированный план, по которому они обучаются, — это большой интеллектуальный труд, затраченное время. Но ваше преимущество — в современных экономических отношениях. У вас всегда есть возможность выбора. Поэтому этот интегративный план сегодня удачно отвечает на ряд вызовов.

Следующая проблема связана с подготовкой конфликтолога, и студенты совершенно справедливо задают вопрос о своем будущем. Мне кажется, что надо укрепляться, начиная с обучения здесь. Возникает проблема социальных практик, но эта проблема заключается уже в наработке компетентности в этой области. В целом это проблема создания алгоритма участия в разрешении социально-трудовых конфликтов трехсторонних комиссий. На следующем этапе должны рассматриваться механизмы и технологии разрешения социально-трудовых конфликтов.

О. В. КУЗЬМИНА, аспирантка кафедры философии и культурологии СПбГУП: — Сегодня во многих выступлениях звучала мысль, что основная причина, по которой возникают социально-трудовые конфликты, — это трудовое законодательство. На мой взгляд, также важен человеческий фактор. В связи с этим вопрос: считаете ли Вы, что в основе столкновения интересов лежит мотивация, которая вызвана нарушением прав? Каков удельный вес этого фактора в системе причин трудовых конфликтов? Как Вы понимаете социальную справедливость в условиях современного рынка?

Н. И. ЛЕОНОВ: — В основе неразрешения конфликтов — не несовершенная нормативно-правовая база, а реальная причина — отношения участников. Что касается идеи социальной справедливости, то в рамках рынка она решается следующим образом. Для каждого уровня жизни, каждого статуса личности в обществе имеется свое наполнение содержания социальной справедливости. На одном уровне — 5 тыс. руб. в месяц, на другом — 5 тыс. евро в день. То есть идея социальной справедливости сегодня трансформирована и для каждой социальной группы имеет свое содержание. Наша задача — выявлять представления об этой социальной справедливости, и когда мы адекватно организуем образ жизни и достаточный уровень проживания, тогда можно говорить, что все уровни согласованы, и у нас не будет противоречивой картины жизни. Обратите внимание, регуляция отношений между ними отсутствует, а межуровневая регуляция — это уже задача либо гражданского сообщества, либо государства, которое должно эти вопросы регулировать. Этот вопрос — для нашего следующего обсуждения.

Т. Ю. ШМАНКЕВИЧ, директор Информационно-аналитического центра мониторинга социально-трудовых конфликтов СПбГУП, кандидат социологических наук: — Я хочу поддержать предложение более четко говорить о терминологических единицах конфликтологии как науки. Я провела небольшой эксперимент: несколько дней назад ввела в поисковую интернет-систему понятие «социально-трудовой конфликт» и установила диапазон — от студентов до маститых ученых, которые изучают социально-трудовой конфликт. И в том, и в другом случае происходило перепрыгивание через сущностное понятие, что такое социально-трудовой конфликт. Развивать конфликтологию, не имея четкого объяснения того, о чем мы говорим, очень сложно.

Н. И. ЛЕОНОВ: — Мы должны рассматривать себя как юридический отдел, а у нас все представлено

на ментальном уровне, все есть, но скрыто, а как — никто не знает. Контекст нашей индивидуальности должен учитываться, когда мы рассматриваем проблемы социальной справедливости.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Спасибо. Слово предоставляется Козьяковой Марии Ивановне.

М. И. КОЗЬЯКОВА¹: — Хочу выразить благодарность Университету и организаторам Лихачевских чтений. Я профессионально занимаюсь историей повседневности или культуры повседневности. Моя статья посвящена мультикультурализму в его западном варианте, тому, как он развивается в Западной Европе и какие последствия несет. К моему удивлению, я вдруг оказалась в этой секции, где речь идет о конфликтах на территории СНГ. Но, подумав, поняла, что действительно все логично.

Колоссальная трудовая миграция имеет и положительные, и отрицательные последствия. Мигранты стремятся в Европу, Северную Америку и в Россию (мигранты с постсоветского пространства, потому что у нас выше уровень жизни, есть стабильность по сравнению с Туркменистаном, Таджикистаном). В то же время политическая миграция захлестнула арабские страны, Европа «застонала». В России то же самое, но мы толерантны, принимаем всех. Кстати, всегда принимали, со времен основания Руси. В Средние века к нам приезжали протестанты-литовцы, греки после падения Византии, татары, которые после распада Золотой Орды отказались принимать ислам, и мы их поселили в Касимовское ханство, дали им возможность служить, землю, а если они принимали православие, то у них появлялись прекрасные возможности построить карьеру. Петровская европеизация осуществлялась жесткими восточными методами. Мы заимствовали восточный деспотизм.

Сегодня мы говорим о модернизации. Под этим термином можно понимать практически все, начиная от принятия православия из Византии и заканчивая модернизацией, которая была осуществлена в советский период. Любая модернизация проходила в условиях жесточайшего террора, огнем и мечом. Например, как строили железную дорогу Москва–Петербург? «А по бокам-то, — писал Некрасов, — все косточки русские, сколько их, знаешь ли ты?» Как после революции создавалась новая советская интеллигенция? Старая была уничтожена. Русская культура постоянно возрождается: сначала гибнет, ничего не остается, а потом возрождается.

Здесь говорили о проблемах Кавказа, доисторически там проходил коридор, по которому шло переселение народов. Этот факт до сих пор имеет последствия. А у нас сказывается великая империя: к нам приезжали и будут приезжать. Конфликты будут решены только тогда, когда мы вновь станем великой империей.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий «Эстетика повседневности», «История. Культура. Повседневность»; статей «Повседневность и ее роль в культурных трансформациях эпохи», «Постмодерн и повседневность», «Культура и миф: прощание с модерном», «Глобализация: уроки истории (формирование европейской модели “универсального образа жизни”)» и др.

Тойнби писал, что русские по праву переняли идею «Москва — Третий Рим». Потому что не было наследников. Запад ликовал, когда Советский Союз развалился. Это была последняя империя. Но это была странная империя, потоки шли не с края в центр, мы не грабили окраины, а все отдавали на периферию за счет центра. Империя распалась, потому что на марксистском ортодоксе держалась вся страна, так же как власть, как тоталитарная система. А когда ее не стало, тогда империя эволюционировала, она стала системой, которая объединила народ.

Я не разделяю оптимизма господина Исаева, который предположил, что конфликтологи будут востребованы, сравнил их со страховщиками. Но любой экономист скажет, что страховщик — это бизнес-профессия, а вы модераторы, у вас другая задача. Вы не будете востребованы, пока не будут востребованы культурологи. Вам предстоит пройти долгий путь. Пока мы не сформируем культуру, пока мы не будем знать, какой путь прошла наша страна, ничего не будет. Дай Бог вам терпения на долгом пути. Я хочу вас вдохновить: культура восстанавливается, и мы тоже восстановимся. Правда, ваша задача самая главная — чтобы не пролилась кровь на этом пути. И в этом будет ваша заслуга.

В. А. ДМИТРИЕВ: — Спасибо большое. Юрий Вартанович, просим Вас к микрофону.

Ю. В. АРУТЮНЯН¹: — На пленарном заседании был поставлен вопрос о справедливости. Я с самого начала был не согласен с такой постановкой вопроса. Мы всю жизнь правильно ориентировались на то, что не бывает ничего неструктурного, тем более справедливости. Все исходит из безусловных интересов, групповых в большом или малом плане. Справедливость, с точки зрения банкира и рабочего, обозначена совершенно по-разному. Поэтому ориентировать на исследование справедливости как таковой вне субъектов динамики исторической реальности бессмысленно, это неправильно ориентирует общественное мнение. Если исходить из реальности, цели, то следует признать, что параметры, которые мы сейчас принимаем за общие, на самом деле таковыми не являются. Ситуация влияет на выдвижение тех или иных приемов. Всегда в действительности существуют субъект и объект.

В российской действительности важны национальные отношения. В национальных отношениях реальные вопросы решают субъекты, отнюдь не население, не этнические группы. Этнические группы принимают то, что им предлагают субъекты. Насколько это отвечает интересам населения, оно потом начинает понимать. Так было и в экономических, и в социальных отношениях. И мы уходим от этого, мы принимаем позицию доминирующего субъекта и начали приписывать эту позицию объекту, а это ошибка, которая, кстати говоря, в нашем новом национальном законе не учтена. Мы вновь не исходим из реального положения вещей, из возможностей осмысления. Мы пытаемся найти об-

щий язык с субъектами, в данном случае — этническими, национальными.

К примеру, исследование этносов показывает этническую структуру, социальное — социально-профессиональный класс. А этнос тоже имеет структуру, и в этносе диктуется позиция доминирующей группы, которую принимающая группа не понимает сразу. То есть всегда в социальных параметрах, в том числе этнических, представлена проблема субъекта и объекта. И, как правило, население — объект, как это ни печально. Имея высшее образование, человек остается объектом. Но границы объекта смещаются, существует надежда на то, что они сместятся. Неслучайно проливается кровь из-за национальных проблем в Африке. В Бельгии враждуют национальные группы, но кто из них воюет? Они в лучшем случае полемизируют. Поэтому они обнимаются, когда решают, кто из них принимает власть. Это значит, что раздвигаются границы объекта, и объект становится субъектом. Мы до сих пор этого не понимаем на государственном уровне.

Я хочу сказать, что те, кто может это понять, должны объединяться. Когда-то мы пытались воспитывать интернациональное сознание и воспитывали идеологию интернационального сознания. Но она не получила реального подтверждения, потому что не имела выхода. Сейчас общественное мнение по возможности должно интегрироваться и создавать группу, обладающую межэтническим интегральным сознанием. Потому что у разных этнических групп есть интеллектуалы, которые могут воздействовать.

Приведу пример. Азербайджанцы, проживающие в Москве, пригласили меня (я армянин) на обсуждение проблемы армяно-азербайджанского конфликта. Они хотели, чтобы я объяснил, что не все то, что нас разделяет, должно разделять. На самом деле существует интегральное сознание. Но не все хотели меня слушать, потому что идея интегрального сознания неприемлема для всех групп. Тем не менее если бы доминантой было не обращение к этнической группе, а идея создания интегральной группы, если речь идет о национальном, межэтническом объединении (то, что раньше укладывалось в формулировку «интернационал», но не пролетарский, а общечеловеческий), то эта общественная система может оказывать влияние на этнические группы. Нам до этого далеко. К примеру, в Институт этнологии пришли два представителя по национальным проблемам (на уровне заместителя министра). Эти молодые ребята не владели достаточной информацией. Должно быть интеллектуальное сообщество интегрального типа, в данном случае межэтнического, в течение времени в демократических условиях оно может усиливаться и оказывать влияние, в том числе на этническую группу.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Спасибо, Юрий Вартанович. Мы заканчиваем нашу дискуссию, которая, на мой взгляд, прошла успешно. Были высказаны разные точки зрения, хотя не всегда срабатывали механизмы объединения. Все идеи были интересные, может быть, иногда противоречивые, но приемлемые. Благодарю вас за работу!

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор книг «Этносоциология», «Постсоветские нации», «Трансформация постсоветских наций», «Москвичи глазами этносоциолога», «Москвичи. Этносоциологическое исследование», «Об армянской диаспоре в России» и др. Член редколлегии журнала «Социологические исследования». Иностранный член Национальной академии наук Республики Армения.

Секция 4 ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

18 мая 2012 г. Лекционный зал № 5

Руководители секции:

- В. Л. МАКАРОВ** директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК** президент Адвокатской палаты Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП

Участники:

- Р. А. АЛЛАХВЕРДОВ** доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук
- Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ** доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук
- М. Н. БАРЫШНИКОВ** заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Т. БАУЕР** профессор Университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия)
- Д. В. БАШМАКОВ** доцент кафедры управления организацией Московского государственного областного университета, кандидат экономических наук
- Н. В. ВИТРУК** заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ (1991–2002)
- В. Г. ГРАФСКИЙ** заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. А. ДОРСКАЯ** заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- Р. М. КАЧАЛОВ** заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР** заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН** профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- Г. И. МУРОМЦЕВ** профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук
- М. В. НЕМЫТИНА** заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА** первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры государственного права, кандидат юридических наук
- Э. Л. САДЫКОВА** заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук, доцент
- И. З. ФАРХУТДИНОВ** ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- Г. Ф. ФЕЙГИН** профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- Е. В. ХАРИТОНОВА** старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент

Е. Ф. ЧЕБЕРКО

профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук

И. Л. ЧЕСТНОВ

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Уважаемые коллеги! Я рада приветствовать участников нашей секции — гостей, прибывших к нам из разных городов России, педагогов петербургских вузов, наших студентов — юристов, юристов-конфликтологов, экономистов. С удовольствием представляю вам руководителей нашей секции. Это Макаров Валерий Леонидович — директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор физико-математических наук, профессор и Генри Маркович Резник — президент Адвокатской палаты города Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный доктор нашего Университета.

В. Л. МАКАРОВ: — Дорогие друзья, я рад нашей встрече. Надеюсь, что наша дискуссия будет конструктивной и полезной.

Г. М. РЕЗНИК: — Уважаемые коллеги, сегодня мы обсуждаем экономику и право, их взаимодействие и соотношение, а это такая область, что чем больше задумываешься, тем больше понимаешь, насколько сложны все эти вопросы, которые когда-то рассматривались в русле «единственно верной» марксистско-ленинской идеологии и казались исключительно простыми.

Первым перед нами выступит Николай Васильевич Витрук.

Н. В. ВИТРУК²: — Процесс модернизации имеет системный характер и включает различные направления. Прежде всего он касается экономики, и как бы мы ни относились к марксистско-ленинской идеологии, на это надо обратить внимание. Однако нельзя сводить модернизацию только к экономическому содержанию или, тем более, к техническому и технологическому. Я согласен с точкой зрения, что модернизация будет успешной только при условии развития науки, образования, медицины, культуры, на основе изменения

нравственно-духовного климата в обществе. У меня есть замечание, в частности, к докладу коллеги Гадиса Абдуллаевича Гаджиева. На Пленарном заседании он сказал, что в настоящее время в России наблюдаются симптомы конституционного кризиса, который заключается в расхождении между юридическим текстом Конституции и реально действующей фактической конституцией. Эту фактическую конституцию часто называют «живой конституцией», и, к сожалению, под этим определением некоторые судьи Конституционного Суда понимают свое толкование Конституции, посредством чего она якобы модифицируется, обогащается, развивается, перестраивается ее содержание. С этим положением я не могу согласиться, ибо давайте вспомним, что новый Президент России Владимир Владимирович Путин присягу, полагая руку на текст Конституции. При таком понимании «живого» конституционализма надо было рядом с текстом Конституции положить 10 или 11 книг, содержащих все решения Конституционного Суда России.

Возникает вопрос: должны ли мы ограничиться возможными дополнениями и изменениями к Конституции России либо необходимы конституционные реформы или вообще постановка вопроса о новой Конституции? Если есть конституционный кризис, то его надо разрешить. Каким путем? Я полагаю, что возможны дополнения и изменения, конституционная реформа, но не допускаю принятия новой Конституции, ибо наша Конституция (весь Запад это признает) является современной Конституцией демократического правового государства, и вся политика должна быть направлена на воплощение в жизнь ее установлений.

Сейчас гражданское общество пребывает в ожидании реальных шагов по осуществлению программы, намеченной руководством, — модернизации всех сторон функционирования российского общества. Я не буду говорить о том, какие меры предусмотрены в экономике и в области политических, культурных, социальных отношений, — пока это всего лишь обещания. Может ли политическая элита реализовать этот план, в частности, предложения по политической реформе? И что такое эти предложения — закономерность или случайность, реакция на протестные выступления, имевшие место зимой и весной? Я полагаю, что ответ на этот вопрос неочевиден. Если исходить из того, что у нас выстроена вертикаль власти и режим управляемой демократии и соответственно реализация данных предложений вступает в противоречие с этим состоянием, то случайность. Но если посмотреть с точки зрения Конституции, то необходимость. Сможет ли правящая элита сделать эту реформу закономерностью, зависит от того, как она будет осуществлять свою политику для общего блага, в интересах народа, о котором постоянно говорят руководители. Спасибо.

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры государственного права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч. учебного пособия «Сборник упражнений и задач по государственному (конституционному) праву России (для студентов юрид. ф-тов)»; статей в научных сборниках: «Образовательные правоотношения: соотношение ГК РФ и специального законодательства», «Реализация конституционного права на получение высшего профессионального образования в Российской Федерации», «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России» и др. Награждена медалью «За трудовое отличие», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ (1991–2002). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционное правосудие», «Верность Конституции», «Общая теория правового положения личности», «Общая теория юридической ответственности» и др. Награжден Почетной грамотой Президента РФ, Почетной грамотой Совета Федерации РФ.

Г. М. РЕЗНИК: — Мы будем следить за тем, как правящая элита сможет реализовывать модернизационный тренд и при этом соблюдать Конституцию. И станем ее критиковать, если она этого делать не будет. А если будет, то все равно будем критиковать.

И. Л. ЧЕСТНОВ¹: — Николай Васильевич, Вы признаете такое понятие, как «живая конституция», которое используется в США?

Н. В. ВИТРУК: — Я считаю, что конституция «живая», когда она реализуется на практике, и не принимаю точку зрения, что «живую» конституцию создают юристы путем ее толкования, принятия каких-то законов, установления конституционных обыкновений и т. д.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо, Николай Васильевич. Просим выступить профессора Немытину Марину Викторовну.

М. В. НЕМЫТИНА²: — Выступления, прозвучавшие на Пленарном заседании, позволяют сделать вывод, что у представителей различных сфер научного общества, с одной стороны, есть большие ожидания от юристов, с другой — большие претензии к ним: почему юристы не выполняют своей важнейшей роли, не предлагают обществу адекватных концепций развития системы правового регулирования? Психологи говорят о том, что хорошо бы проводить психологическую экспертизу законов, кто-то критикует систему специализированных судов, хотя они могли бы стать большим шагом на пути развития правового регулирования в нашей стране.

Право — та материя, о которой судят все. Наверное, это хорошо, потому что интерес граждан к праву означает серьезный потенциал реформирования общества. Честно говоря, я не вижу этого потенциала в государстве, не жду модернизационных шагов от правительства, потому что люди, занимающие свои должности много лет, вряд ли способны на такую эволюцию взглядов, которая позволит нашему обществу развиваться динамично и позитивно. Но я думаю, что роль права вообще и современного российского права в частности прежде всего состоит в том, чтобы найти регулятивный правовой потенциал в самом российском обществе, а не в том массиве нормативно-правового регулирования, который все нарастает и захлестывает общество валом законов и иных нормативных актов. В этом массиве даже профессионалу, специализирующемуся в узкой сфере правового регулирования, разобраться подчас очень

сложно. Я считаю, что нужно искать регулятивную систему и в российском обществе, и в международном сообществе. Ведь что такое, в сущности, глобализация? Это признание какого-то универсального миропорядка, который является прогрессивным и перспективным для всего человеческого сообщества. Но дело в том, что глобализация началась не в России, она пришла извне. В тех странах, откуда стартовали эти процессы, правовая доктрина постепенно эволюционировала, в то время как наша до сих пор во многом остается советской. И при этом мы эклектично копируем элементы западного права — одни модели берем от США, другие от Франции. И что имеем в результате? Огромный массив нормативно-правовых актов.

Но в российском обществе существует множество сообществ — профессиональных, партийных, этнических, религиозных и др. И когда эти сообщества не находят позитивного, отвечающего их потребностям правового регулирования в государстве, то они создают свои корпоративные нормы, этические кодексы. Они могут даже не фиксировать в текстах какие-то правила, но при этом соблюдать их. Я выступаю за то, чтобы искать этот потенциал в различных сферах жизни российского общества, создавать ассоциации и другие организационно-правовые формы, которые могли бы это регулировать на нормативном уровне. Что же касается международно-правового регулирования, с которым связана глобализация, то включение его норм в российское право — это признание возможности регулирования, не идущего от государства, и в этом большой прогресс науки. Спасибо.

Г. М. РЕЗНИК: — Как мне представляется, Марина Викторовна затронула очень важную тему. Речь идет, в сущности, о гражданском обществе. Подобная структуризация общественной жизни должна стать фундаментом исполнения закона. В нормах гражданского права говорится об обычаях делового оборота. Как, с Вашей точки зрения, эти обычаи воспринимаются в судебной практике?

М. В. НЕМЫТИНА: — Генри Маркович, я считаю, что все идеи, которые идут от общества, даже если не принимать их на уровне доктрин, требуют глубокого осмысления и анализа, в том числе обычаи делового оборота. Например, многие корпорации создают свои массивы норм. Так вот, я предлагаю это корпоративно-частное регулирование переводить на уровень корпоративно-публичного, которое должно действовать параллельно с государственным. Вообще наша беда в том, что мы публично отождествляем с государственным. Когда мы перестанем это делать, тогда начнем понимать, что общественная корпорация, например судейское или адвокатское сообщество, в состоянии принять свои массивы регулирования, которые также можно считать правом. Правовая доктрина во всем мире развивается не по тому пути, по которому подчас идут отрасли российского права. Например, американская правовая доктрина развивается по пути изучения общественных тенденций и поиска регулятивных систем в обществе. Чем же занимаются отрасли российского права? Нарастиванием массива правового регулирования в виде законов и иных актов.

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права» и др.

² Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство»; учебно-методических пособий: «Российский суд присяжных», «Программы клинического юридического обучения» (вып. 1–5) и др.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо большое. Сейчас я попрошу поделиться с нами своими мыслями профессора Университета Франкфурта-на-Майне Тамаша Бауера.

Т. БАУЕР¹: — Лет 20 назад я услышал анекдот. Два директора предприятий — американский и советский — меняются местами на месяц. Через месяц встречаются, и американец говорит советскому коллеге: «Все отлично, я в течение месяца набрал заказов на 5 лет». Тот в панике: «Что же мне делать? Как мы будем их выполнять?» И сообщает «хорошую» новость американцу: «За один месяц я нашел поставки на 5 лет вперед». Американский директор: «Ужас! Как я буду за них расплачиваться, ведь у меня нет рынка?!»

Этот анекдот иллюстрирует две разные хозяйственные культуры: культуру рыночной экономики, где производство отталкивается от спроса, и культуру планового хозяйства, дефицитной экономики, когда все ищет поставщика. Если в рыночной экономике возможен протекционизм, касающийся внешней торговли, но в целом самостоятельные решения принимаются на уровне предприятий и зависят только от партнеров, то в плановом хозяйстве регламентируются все товарные потоки, поэтому основная черта экономических субъектов — зависимость от вышестоящего руководства. Поэтому первым важнейшим шагом в переходе от планового хозяйства к рыночному стало преодоление дефицита, и это был настоящий подвиг правительства Гайдара.

Сегодняшние студенты не знают, что такое дефицит, но люди моего поколения его помнят. Думаю, что либерализация экономики и отказ от протекционизма стали решающим шагом, на основе которого и в России, и в странах Центральной и Восточной Европы возникла новая хозяйственная культура. Культура дефицитной экономики уже практически забыта.

Если Россия вступит в Международную торговую организацию, то ей придется отказаться от протекционизма, как 10 лет назад это сделал Китай и 25 лет назад — страны Центральной и Восточной Европы. Это тоже очень важный шаг. Правда, большинство стран Центральной и Восточной Европы вступили в Евросоюз, что предполагает свободу финансовых потоков и соответственно отказ от инвестиционного протекционизма. В России этого пока нет. Почему это важно? В условиях дефицитной экономики, когда все экономические субъекты зависят от государства, построение правового государства невозможно. С отказом от торгового протекционизма начинают формироваться основы правового государства, но окончательное его построение с экономической точки зрения возможно только при условии отказа от инвестиционного протекционизма, чего в России пока еще не достигнуто.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — У меня вопрос, скорее всего относящийся к определениям, которые Вы использовали. В дефицитной экономике недостает продукции для поставок, для выполнения заказов. Но понятие дефицита, если в него вдуматься (в том числе используя знаменитую книгу Яноша Корнаи «Дефицит», которая очень мягко характеризовала такую экономику), означает просто отсутствие чего-то, что могло бы быть. Не считае-

те ли Вы, что можно говорить о дефиците заказов — в том случае, если вы могли бы эти заказы выполнить и в принципе они существуют, но по каким-то причинам до вас не дошли и были переданы другим? Иными словами, относится ли понятие дефицита к входным и выходным функциям предприятий?

Т. БАУЕР: — Нет, дефицит — более конкретная категория. Это преобладание спроса над предложением. Типичное состояние капиталистической рыночной экономики — превышение предложения над спросом. Это два разных вида неравновесия в экономике.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Позвольте поприветствовать вас от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. Мы не случайно объединили в рамках одной секции правовую и экономическую тематику. В России много различных форумов, которые решают задачу углубления научного знания в определенных профессиональных сферах. Это, конечно, очень важно. Но задача университетов — синтезировать интегрированное знание, помещать каждую науку в контекст общей панорамы гуманитарного знания. Кроме того, существует особая миссия институтов Российской академии наук, каждый из которых специализируется на определенной профессиональной проблематике. Но я думаю, что миссия университетов — акцентировать свою деятельность на проблемах, которые решаются в ходе интеграции различных научных дисциплин. Мы с вами хорошо понимаем, что не существует проблем только юридических, или только экономических, или только проблем культуры и нравственности. Скажем, когда законы не исполняются, то эти проблемы не решаются в рамках правовой системы, а когда экономика плохо функционирует, то, конечно, мы должны анализировать и культурный аспект, и ментальность, и юридический аспект, и т. д. Поэтому тематика нашей секции связана с попытками Университета выполнять задачи, которые стоят перед наукой, но должны возлагаться именно на университеты. Эти задачи — объединить представителей разных областей научного знания в решении общих актуальных задач.

Я рад, что работу нашей секции возглавляют блистательные профессионалы, и хотел бы подчеркнуть, что их удивительные успехи в экономике и юриспруденции связаны с тем, что они рассматривают любые вопросы своей области в широком культурном контексте. Сейчас считается, что право и экономика являются хоть и специфическими, но подсистемами культуры. В этом смысле мы отошли от марксова понимания экономики как базиса (хотя, возможно, Валерий Леонидович меня поправит), а духовной сферы как надстройки. Мы полагаем, что сознание влияет на бытие так же, как и бытие влияет на сознание, в отличие от советских времен, когда считалось, что бытие полностью определяет сознание. Повторяю, сегодняшнюю дискуссию ведут два специалиста, которые являются олицетворением того подхода, о котором я только что говорил.

¹ Профессор Университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия).

От имени Оргкомитета благодарю вас за участие в сегодняшней дискуссии. Желаю вам продуктивной работы, хорошего настроения и успехов, чтобы через год вы снова приняли участие в Международных Лихачевских научных чтениях. Будем вместе! Спасибо.

В. Л. МАКАРОВ: — Дорогие коллеги! Есть довольно распространенное мнение, что современное российское право тормозит развитие экономики, модернизацию и т. д. Например, около 90 % отечественного бизнеса зарегистрировано в офшорах, то есть налоги платятся вовсе не в российский бюджет. В западных странах этот показатель составляет примерно 3 %. Почему такая разница? Если российский гражданин хочет организовать свой бизнес, то легче и проще зарегистрировать его за рубежом, а не на родине. Наверное, одной из причин такого положения является наша правовая система. Как же нам изменить законы, чтобы мы регистрировали свой бизнес здесь и не боялись рейдерских захватов? И чтобы, таким образом, здесь же платили налоги, пополняя отечественную казну?

Г. М. РЕЗНИК: — Предоставляю слово Мартышину Оресту Владимировичу.

О. В. МАРТЫШИН¹: — Уважаемые коллеги! Среди многих высказываний Президента Российской Федерации периода предвыборной кампании мое внимание привлекло следующее: «Постсоветский период закончился». То есть завершился переходный этап, сложилась новая Россия. Какова она? Я думаю, что с социально-экономической точки зрения ответ достаточно прост. Если когда-то, по словам Ленина, из нэповской России сложилась Россия социалистическая, то потом произошло обратное движение: из России советско-социалистической сложилась капиталистическая.

В докладе Александра Сергеевича Запесоцкого содержится характеристика: «В России сложился государственно-монополистический капитализм». Это объединяет и переходный период, и нынешний период новой России. Так это было задумано, наверное, на рубеже 1980–1990-х годов. Конструкция государственно-монополистического капитализма предполагает определенные противоречия между двумя элементами: частным капиталом и государственным регулированием. Если рассмотреть 1990–2000-е годы с этой точки зрения, то складывается впечатление, что в это время доминировал частный капитал, и хотя в XXI веке государственное регулирование усилилось, это не отрицает принципиальной общности двух десятилетий. Но если мы обратимся к вопросам политико-правовой культуры, то обнаружим менее определенную ситуацию, хотя разбивка этого переходного периода на два десятилетия вполне, как мне кажется, правомерна и здесь. По какому принципу можно провести эту разбивку?

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория государства и права», «История политических учений», «Метафизические концепции права», «Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации», «Нравственные основы теории государства и права», «Идейно-политические основы современной российской государственности», «Революция и развитие российской государственности», «Конституция РФ 1993 г. и развитие теории государства и права» и др.

Первое десятилетие — увлечение мировыми стандартами: Конституция 1993 года была составлена именно на их основе. Во втором десятилетии был выдвинут новый тезис — российская модель демократии. Если обратиться к истории русской политической мысли, то ассоциация, которую вызывает этот сдвиг, — старая полемика между западниками и славянофилами. Первое десятилетие — Конституция с подробным перечнем прав человека (западничество); второе — обращение к национальным истокам, к почвенности (славянофильство). Это не значит, что между двумя десятилетиями огромный разрыв. Наоборот, их объединяет главный институт российской Конституции: сильная президентская власть, которую часто сравнивают с монархической. Нельзя не признать, что именно этот институт обеспечил определенную стабильность в развитии России.

Такая постановка вопроса о российской модели демократии соответствует духу законов Монтескье или взглядам Гегеля на то, как складываются национально-правовые системы. Их не изобретают, они формируются под влиянием общего духа народа. Но проблема в том, как относиться к мировым стандартам и национальным традициям? Ни то, ни другое нельзя рассматривать как идеал.

Ясно, что мировой стандарт — западноевропейский; его можно заимствовать и воспринять. Но в этом стандарте не только западная традиция и культура, в нем есть элементы действительно общемировой закономерности. Государственное и правовое развитие идет при демократии, а не самодержавии. В то же время есть некие традиции. Но к традициям тоже нужно относиться критически. Ни у кого не вызывает сомнений, что русская культурная и политическая традиция неблагоприятна с точки зрения демократии. Ведь что знала Россия? Царизм и советский тоталитаризм. Причем поразительно, что при всех социальных и политических поворотах эта традиция сохранялась. Были и остаются технологическая преемственность власти и изолированная от народа бюрократия, не дающие ему возможности реально участвовать в политической жизни.

— *Уважаемый коллега, расшифруйте, пожалуйста, содержание современной российской модели демократии.* (реплика из зала)

О. В. МАРТЫШИН: — В первое десятилетие идеологическая задача сводилась к тому, чтобы доказать: сильная президентская власть компенсируется обилием гражданских прав и других демократических институтов. А во втором десятилетии вопрос поставлен по-другому: показать, что мировые стандарты неприемлемы для России, наша модель демократии должна быть несколько особенной. Вот эти особенности современной российской демократии мы и наблюдаем. Сейчас, по-моему, происходит важный процесс — формирование идейной основы новой российской власти. Потому что от конституционного положения, что не может быть государственной идеологии, в общем, давно отказались. Нет такого государства, которое может обойтись без идеологии, без идейного обоснования власти.

Форма идейного обоснования современной российской власти у меня вызывает большие опасения.

Ведь что для нее характерно? Культ монархии, прошлого российского самодержавия. Сегодня героизируют ведущих представителей этого самодержавия, любимый герой современной политической власти — Столыпин, тот самый, которого Лев Николаевич Толстой назвал Чингисханом с телефоном. В Москве объявлен конкурс на памятник Столыпину, в Саратове памятник ему уже воздвигнут. В Москве его хотят поставить на площади, которая называется Площадь Свободной России.

Г. М. РЕЗНИК: — Орест Владимирович, позвольте Вас прервать. Фигура Столыпина сложна и противоречива, так что можно делать акцент на какой-то из сторон его деятельности. Но обычно не возникает сомнений в том, что это был выдающийся государственный деятель, который действовал в предложенных историей обстоятельствах. И еще я думаю, что упаси нас бог сегодня искать нашу национальную идею.

— *Простите, я не дождался ответа на свой вопрос...*(реплика из зала)

Г. М. РЕЗНИК: — А на него нельзя дать ответ. Дело в том, что изначально в нашей Конституции произошел перекос в сторону президентской власти. И это было не случайно. Это делалось не под Бориса Николаевича Ельцина, а под президента-реформатора. Поэтому у нас по Конституции суперпрезидентская республика, а законодательная власть совершенно бессильна и как самостоятельная власть практически не существует. Это отдельный вопрос. Господа, мы не сможем сегодня углубленно изучить те вопросы, которые естественным образом множатся.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Складывается впечатление, что традиция — это некая данность, как архетипы Юнга. Но разве традиции не меняются? Когда-то и рыночной экономики не было, но потом она появилась. Как и демократия.

О. В. МАРТЫШИН: — Традиции, безусловно, меняются, но власть должна регулировать и направлять эволюцию этих традиций. Сегодняшнее направление проявляется в форме памятника Столыпину на площади Свободной России и превращения Русской православной церкви в основной очаг идеологии нового государства, и это, по-моему, противоречит укреплению демократических тенденций.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Краткий вопрос. Существуют две теории относительно смены формаций и укладов в России. Первая состоит в том, что идеологии западничества и славянофильства по очереди сменяют друг друга: сначала господствует одна идеология, потом другая и т. д. Другая теория заключается в том, что у нас, в общем, славянофильская идеология, которая время от времени одевается в западный камуфляж: форма меняется, содержание остается неизменным. Какой теории Вы придерживаетесь?

О. В. МАРТЫШИН: — Скажу еще раз: я сторонник синтеза западничества и русской традиции. Есть

еще один вариант, который Вы не упомянули. Вы говорили о славянофильстве, которое маскируется под западничество. Но русская история знает еще один образец, который, по-моему, имеет прямое отношение к тому, что происходит сейчас. Его подметил известный русский правовед Николай Николаевич Алексеев. Он сказал о реакционном западничестве, которое надевает на себя славянофильские одежды, по существу совершенно чуждые. Он имел в виду царскую бюрократию, которая по интересам и бытовому укладу была вполне западной, использовала западные методы управления и манипулирования, правда, с заметным налетом российской отсталости. И это вот западничество направлено маскировалось славянофильскими идеями для того, чтобы добиться поддержки народа.

Г. М. РЕЗНИК: — Предоставляю трибуну Михаилу Николаевичу Барышникову.

М. Н. БАРЫШНИКОВ¹: — Я полагаю, что надо постараться избежать обобщений. Мы много говорим об экономических и общественных интересах и т. п. Но давайте вспомним российскую историю конца XIX — начала XX века. Единое общественное, политическое и экономическое пространство, существовавшее в годы правления Николая I, размывается, на его месте возникают и плодятся многочисленные группы интересов в экономике, политике и даже в культуре, и каждая из них пытается отстаивать свои приоритеты. Это чрезвычайно важный момент. Не думаю, что славянофильская идеология в тот период господствовала — даже в семье Аксаковых шло разделение на западников и славянофилов. В начале XX века каждая группа пыталась найти свое место в богатой палитре общественной и экономической жизни.

Что же касается бюрократии, то я не склонен называть ее косной. Среди чиновников и управленцев есть люди, настроенные на реформы и модернизацию. Нельзя, обобщая, утверждать, что группа, которая объединялась вокруг Столыпина, — это то же самое, что группа бюрократов, которая объединялась вокруг Булыгина.

В экономике появлялись многочисленные миноритарные группы, приведу только две: русские старообрядцы и иудеи. Они ощущали дискриминацию, поэтому консолидировались для того, чтобы отстаивать свои интересы. И не только они. Надо было учитывать эти интересы? Безусловно.

А что мы видим накануне Первой мировой войны? Многие из этих миноритарных групп выдавливались, им не давали возможности заявить о себе. Вспомним хотя бы выборы в Государственную Думу. И позднее. На мой взгляд, то, что мы получили в феврале

¹ Заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Политика и предпринимательство в России: (Из истории взаимодействия в начале XX века)», «История делового мира России», «Деловой мир Петербурга: исторический справочник», «Деловой мир России: историко-биографический справочник», «Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты», «Баланс интересов в структуре собственности и управления российской фирмы в XIX — начале XX века», «Российские фирмы в XIX — начале XX в.: собственность, управление, индивидуальные и групповые интересы», «Фирмы, институциональные ограничения и эффективность хозяйствования: из истории российского бизнеса начала XX века» и др.

1917 года, в значительной степени было следствием отрицания значения в экономике и культуре этих миноритарных групп. Они заявляли о себе, могли многое сделать, у них для этого были интеллектуальные, а порой и финансовые ресурсы. Но их все время отодвигали, и в итоге — февраль 1917 года.

Почему сегодня капиталы выводятся из России, бизнесы регистрируются за рубежом? До 1917 года это тоже было — предприятия регистрировали за границей. Но деньги не выводили. Более того, напротив, в Российской империи разрешалась деятельность западных компаний, которые были зарегистрированы за рубежом. И в правовом плане в целом они практически не были ограничены. Кроме того, на рубеже XIX–XX веков в России наблюдался бурный рост акционерного дела. Почему? Потому что в этом активно участвовали все те же миноритарные группы — старообрядцы, протестанты и др. Акционерные компании — это локомотив экономики, они определяли тенденцию развития Российской империи...

Г. М. РЕЗНИК: — Михаил Николаевич, почему сейчас активы выводят в офшоры? Возможно, есть какая-то определяющая причина?

М. Н. БАРЫШНИКОВ: — Это действительно интересный вопрос. На мой взгляд, в дореволюционный период российская судебная система была достаточно мощной. Я не знаю примеров, когда бы отечественные или западные бизнесмены в России жаловались на невозможность свободного ведения в Российской империи своего бизнеса. Да, была масса других проблем, в том числе уголовных, но суды предпринимательству не препятствовали.

Г. Ф. ФЕЙГИН¹: — Михаил Николаевич, Вы упомянули очень важный с моей точки зрения аспект — разнообразие миноритарных групп в нашем обществе. Я полностью с этим согласен, но тут есть интересный момент. Государство все же предполагает объединение народа в некое монолитное образование. В связи с этим как в России дальше будет решаться проблема объединения этих различных групп?

М. Н. БАРЫШНИКОВ: — Я, как историк, опять приведу пример. Своеобразное единое правовое пространство в Российской империи было сформировано к началу XX века. Но в какой степени это единое правовое пространство затрагивало интересы миноритарных групп, о которых я говорил? Например, в акционерных компаниях были уставы, и, пользуясь корпоративным правом, которое выходило на первый план, эти группы консолидировались в отстаивании своих интересов перед властями. Вот пример соотношения единого правового пространства и (в данном случае) корпоративного права.

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России» и др.

Е. В. ХАРИТОНОВА²: — У меня вопрос по докладу. Если я правильно поняла, Вы устанавливаете обратную зависимость между национальными интересами и эффективностью фирмы. То есть чем больше компания думает о национальных интересах, тем ниже ее эффективность, и наоборот. И второй вопрос: как тогда объяснить экономический успех Китая, который мы можем считать связанным с национальными интересами этого государства?

Г. М. РЕЗНИК: — Китай сейчас в таком положении, в каком мы были в 1920-х годах. Тогда у нас, безусловно, были экономические успехи.

М. Н. БАРЫШНИКОВ: — Китай действительно находится на подъеме. Это развивающаяся страна, а в условиях развивающейся страны на первый план выходят государственные интересы. Далее мой прогноз такой. Я думаю, что через 10–15 лет в этом едином, как Вы говорите, национальном интересе Китая обнаружится масса групповых интересов. Посмотрим, что там получится в результате. Но я боюсь, что у нас может произойти февраль 1917 года.

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ³: — Можно ли характеризовать старообрядцев и иудеев в царской России как некие паразитические группы? Они отказывались исполнять государственные обязанности, касающиеся службы в вооруженных силах, участия в управлении и так далее, тем самым наживаясь на великорусском народе, поэтому государство в случае тяжелых времен имело моральное право обойтись с ними невежливо. Допустима ли такая трактовка? И можно ли провести аналогию с некоторыми современными группами, например бизнесменами, которые тоже отказываются признавать некоторые государственные обязанности, поэтому у государства возникает моральное право их «поприжать»?

М. Н. БАРЫШНИКОВ: — Что касается государственных обязанностей, то представители миноритарных групп от них не отлынивали, например, они не отказывались служить в армии. И были ли они паразитами? Усилиями этих меньшинств к началу XX века в России были созданы огромные материальные ценности. В частности, еврейский капитал участвовал во многих предприятиях — промышленных, торговых, финансовых, которые работали и развивали экономику страны. Удивительный факт: старообрядцы активно контактировали с иудеями и протестантами. В результате деятельности этих «паразитов» у нас открывались хорошие перспективы в экономическом и обществен-

² Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «О способах «повышения уровня диалогичности» в международных коммуникациях (на примере 44-го Президента Америки)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье», «Эффективные деловые коммуникации в международном бизнесе: принцип «подстройки» (на примере китайской дипломатии в Африке)», «Смысл для себя» и «смысл для других»: корпоративный имидж и корпоративная культура», «Люди в организации (к вопросу об «антропологии» российского бизнеса)» и др.

³ Доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук. Автор 30 научных публикаций по теории изменений в экономике.

ном развитии. Если бы только им дали возможность реализовать свои интересы.

И вообще вести речь о «паразитах» — это не научный подход.

Г. М. РЕЗНИК: — А сейчас я попрошу выступить Романа Михайловича Качалова.

Р. М. КАЧАЛОВ¹: — Я хотел бы обратить внимание на вопрос соотношения экономики и права. Исхожу из предположения, что деятельность предприятий не ограничивается переработкой ресурсов в конечную продукцию. Предприятия создают не только товары, но и некоторые традиции, правила поведения в экономической деятельности. В связи с этим важна такая категория, как риск. Предтеча российской экономики — административно-хозяйственная система, в которой понятие риска было табуировано, его избегали. Между тем предприятие производит не только продукцию, но и некоторые образцы своей деятельности, и, таким образом, имеет еще и культурную подсистему, которая является предшественницей правовых норм и т. д. Поэтому основной вопрос: какого рода культура должна возникнуть на современных предприятиях, чтобы традиция управления риском все же завоевала достаточное количество сторонников?

В течение уже восьми лет мы изучаем вопрос, как менеджмент предприятий относится к проблеме управления риском. Для этого исследуется большой массив отечественных предприятий. Мы хотим выяснить, почему эта культура до сих пор не приживается. Наши респонденты (к сожалению, в основном представители малых и средних предприятий) отмечают отсутствие подготовленных риск-менеджеров и опять-таки традиций. Однако в западно-ориентированных крупных компаниях уже созданы подразделения, в задачи которых входит управление рисками. И это позволяет надеяться, что эта важная функция наконец завоеует свое место в среде отечественного предпринимательства. Но для этого необходимо выполнять некоторые требования, касающиеся культурной подсистемы предприятия. Основной тезис, который я хотел бы подчеркнуть, состоит в том, что наряду с линейным управлением на предприятии — распространением информации по ходу технологического процесса, должна быть и другая функциональная составляющая организационной структуры, которая бы моделировала процессы управления риском на предприятии. Такого рода структура называется матричной, и из нее вытекает следующий слой — реализация требований, без которых подобная структура невозможна. Это позволяет, во-первых, отслеживать появление новых факторов риска, изменение уровня риска в продолжение процесса на всех его стадиях; во-вторых, транслировать вплоть до высшего руководства информацию об этих изменениях, а руководству — осуществлять управляющие воз-

действия, которые могут компенсировать появляющиеся и вероятные факторы риска.

Какого рода культура должна быть сформирована в компании для того, чтобы риск-менеджмент реализовывался на практике? Применительно к предприятию общепризнанными являются четыре вида культур: культура власти, должности, задач и личности. Так вот, для внедрения этой функции необходимо выстроить культуру задачи, которая как раз и позволит реализовать те требования, о которых я говорил, вдоль всего процесса. Но поскольку речь идет о матричной структуре, этой культуры недостаточно. Она должна быть дополнена так называемой культурой Аполлона, то есть каждому менеджеру на предприятии еще должны быть вменены дополнительные функции, которые позволят отслеживать изменение факторов риска и управлять ими по ходу всего процесса.

Г. М. РЕЗНИК: — Роман Михайлович, не видите ли Вы препятствий культурно-правового характера, которые не позволяют не только управлять рисками, но и признавать их естественным условием предпринимательской деятельности?

Р. М. КАЧАЛОВ: — На мой взгляд, следующим шагом должно быть создание нормативно-методического обеспечения, зафиксированных стандартов предприятия. На Западе такие стандарты существуют, и часть из них уже переводится.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Все менеджерские технологии, в том числе и приведенные Вами типы оргструктур, как и типы стилей лидерства, руководства, власти, весьма условны и относительны. Скажите, пожалуйста, в своем исследовании учитывали ли Вы содержательные стороны задач, стоящих перед компаниями, которым уверенно рекомендуете предпочтительный тип деловой культуры? Дело в том, что сейчас идет повсеместный, как мне кажется, отказ от четкой классификации типов культуры и руководства и переход к более гибким моделям руководства, таким как «лунная модель» лидерства, когда учитывается целый комплекс параметров — профессиональная подготовленность, степень мотивации, компетенция, характер решаемой задачи и др. В какой степени все это учтено в Вашем исследовании?

Р. М. КАЧАЛОВ: — Процесс распространения культуры управления риском в отечественном предпринимательстве находится на начальной стадии, поэтому я и предлагаю такого рода культуру. Результаты, к которым мы пришли, показывают, что этот путь является перспективным, что подтверждает и опыт крупных предприятий, которые уже внедрили риск-менеджмент. Практика показывает, что сначала нужна именно жесткая регламентация, неукоснительное соблюдение порядка применения выработанных положений. Все это позволит начать сеять эту культуру.

Р. А. АЛЛАХВЕРДОВ²: — Действительно, сейчас в экономике России существуют большие риски,

¹ Заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность», «Взаимодействие простого и сложного в теории экономического риска» и др. Автор ряда изобретений. Ответственный секретарь научного журнала «Экономическая наука современной России», член редакционных коллегий журналов «Российский журнал менеджмента», «Финансы и бизнес» и редакционного совета «Экономического журнала Черногории» (Montenegrin Journal of Economics).

² Доцент кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук. Автор около 20 научных публикаций по развитию предпринимательства.

обусловленные неблагоприятной деловой средой, которая во многом зависит от деятельности государственных органов власти, хотя они в принципе должны по возможности обеспечивать понятные «правила игры» и соответственно относиться к бизнесу как к фундаментальному игроку в развитии экономики. Бизнес распределяет ограниченные ресурсы и товары, фактически выполняя функцию жизнеобеспечения населения России. В связи с этим у меня вопрос: почему со стороны органов власти в течение длительного времени отсутствует понимание этой функции, не решаются такие проблемы, как административные барьеры, коррупция? Это продолжается из года в год. Неужели в России эти вопросы не имеют решения?

Р. М. КАЧАЛОВ: — Может быть, это происходит из-за того, что бизнес-сообщество недостаточно структурировано, мало авторитетных отраслевых союзов? По-моему, это большой недостаток нашей экономики.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Роман Михайлович, считаете ли Вы, что вопросы учета рисков и на микроуровне, и на макроуровне должны стать предметом правового регулирования? Сейчас мы пытаемся анализировать принимаемые законы на предмет коррупционной составляющей. Не следует ли исследовать их также с точки зрения риск-составляющей? Потому что неучет рисков, предположение об отсутствии возможности чрезвычайной ситуации существенно подрывает реальное применение этих законов.

Р. М. КАЧАЛОВ: — Я считаю, что такая работа, безусловно, необходима, причем на начальной стадии обсуждения новых нормативных актов.

Г. М. РЕЗНИК: — Предлагаю выступить Фейгину Григорию Феликсовичу.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — До этого момента коллеги концентрировали внимание на российских проблемах; я же попытаюсь вернуться к контексту мирового культурного развития, тем более что термин «глобализация» присутствует и в названии Лихачевских чтений. Я хотел бы отметить, что этот термин появился сравнительно недавно, точнее, он существует с 1983 года. И отражает те процессы, которые наблюдаются последние 40 лет. Я в своих работах отстаиваю тот тезис, что термин «глобализация» обусловлен тремя предпосылками — технологической, экономической и культурной. До второй половины XX века цивилизация не была глобальной, то есть хозяйственная деятельность и правовое устройство не принимали глобальных форм. Но затем технологии облегчили контакты, позволили людям быстро перемещаться из одной точки земного шара на другую, в конце концов привели к созданию Интернета. Экономическая предпосылка была обусловлена проблемами ограниченности ресурсов и безграничности потребностей, решение которых все больше переходит с локального уровня на глобальный. Причем глобализируется не только производство, но и потребление. Сколько бы мы ни говорили о специфичности нашего сознания, но, скажем, качество «мерседеса» оцениваем в сравнении с качеством

российских моделей и признаем превосходство немецких машин. Вопрос лишь в том, каковы наши финансовые возможности. Что же касается культурной предпосылки, то здесь все проще и одновременно сложнее. Я часто привожу пример: в советские времена, когда был «железный занавес» и мы противопоставляли себя Западу, каждый интеллигентный человек считал своим долгом прочесть Диккенса, Мопассана, Драйзера, то есть интерес к зарубежной культуре был всегда. И на Западе тоже был интерес к нашей культуре — классическому балету, цирку. Культура на этом пути опережала экономику. Но, с другой стороны, вчера прозвучало грустное замечание, что наши современные дети уже не всегда знают, кто такая Баба-яга, но хорошо знают Микки-Мауса. То есть как будто именно глобализация подтачивает национальные культурные традиции, а значит, культурная предпосылка глобализации представляет наибольшую проблему. Однако так или иначе представители разных культур встречаются все чаще, узнают друг друга все лучше и находят все больше точек соприкосновения. Как рассказывал мне один немец, они очень долго не знали, что китайцы имеют сходный с ними менталитет. Но когда они начали сотрудничать, то вдруг с радостью увидели, что китайцы такие же пунктуальные и надежные. Это и есть культурная предпосылка глобализации.

Мы в Университете в числе прочих проблем занимаемся и проблемами Европейского Союза. Взаимодействие экономики и права хорошо прослеживается в становлении и развитии такого уникального регионального образования, как Европейский Союз. С одной стороны, это, безусловно, потрясающий успех экономической интеграции — от 6 членов Евросоюза в 1950-е годы до сегодняшних 27. При этом экономика и право разных стран в достаточной мере сочетались. Проблемы возникли из-за культур. Все-таки 27 стран имеют разную историю — где-то были черные полковники, как в Греции, режим Франко или Салазара, как в Испании или Португалии. История стран Скандинавии — совершенно другая. Объединить под одной крышей эти разные народы очень сложно. Поэтому экономические проблемы во многом коренятся в культуре. Я не так давно общался с одним немецким специалистом, который сказал, что зона евро — это проект, рассчитанный на ментальность жителей Северной Европы. Я поинтересовался, почему. Действительно, сегодня именно Греция является самой проблемной страной в еврозоне, а не Словакия или Эстония, которые экономически намного слабее. Даже в Италии есть северная часть, которая во многом североевропейская по культуре. И словаки с эстонцами в каком-то смысле североевропейцы: они дисциплинированы в регулировании своих расходов, в бюджетной политике. Испания и Португалия тоже столкнулись с проблемами, но все же не с такими сложными, как Греция — самая «не североевропейская» страна, недисциплинированная с точки зрения расходов и бюджетной политики. Это наглядный пример того, как ментальность, культура подрывают экономику.

Г. М. РЕЗНИК: — И это подтверждается тем, что протестующие греки выходили на улицу с лозунгами «Лучше умереть от пули, чем от работы».

М. КРЮКОВА, *II курс, юрист-конфликтолог*: — Скажите, а что после глобализации? Суперглобализация или, может быть, кризис — экономический, культурный?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Самое сложное дело — прогнозирование. Но я изучал исторические аспекты глобализации и пришел к выводу, что это волнообразный процесс, а не движение по прямой. Это подтверждает хотя бы то, что происходит сегодня с зоной евро: движение вперед, затем некоторое торможение, возвращение назад. Кризис сразу выдвинул на первый план проблему.

Что же все-таки будет после глобализации? В широком смысле глобализация — это становление глобального хозяйственного миропорядка, ее предел — «Шенгенская зона» в мировом масштабе. Достигим ли он? Трудно сказать, но движение в направлении создания глобального хозяйственного порядка в ближайшие десятилетия будет продолжено. Если посмотреть, как все меняется за 10–20 лет, то более конкретный прогноз, по-моему, невозможен.

— *У меня краткое замечание по поводу глобализации. В прошлом году к нам в Институт приехала большая делегация китайцев, и один мальчик как раз спросил: что такое Баба-яга? (реплика из зала)*

Г. Ф. ФЕЙГИН: — То есть российские культурные традиции интересуют китайцев, это радует.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Не могу не задать вопрос. Когда житель Петербурга выезжает в Финляндию, то его ментальность изменяется. В чем же суть этого понятия — ментальности, как Вы считаете?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — А является ли «ментальность» научным термином? Думаю, что он вполне имеет право на то, чтобы применяться в научном дискурсе. Приведу один пример. Однажды я с партнером из Германии поехал на такси в аэропорт. После этого он спросил: «Скажите, пожалуйста, у вас в России есть такое понятие, как ограничение максимальной скорости езды в городе?» — «Конечно, есть — 60 км/час». — «А с какой скоростью мы сейчас ехали? Почему нельзя обеспечить так, чтобы все это выполняли?» Думаю, что если я задам вопрос присутствующим: почему у нас постоянно нарушается закон и все вроде бы с этим мирятся? — то у каждого найдется свой ответ. Ментальность — это некий склад мышления, который, безусловно, существует. Другое дело (в этом я с Вами полностью согласен), что культурная предпосылка глобализации как раз и означает, что люди разных ментальностей общаются друг с другом, обогащают себя в этом плане, и ментальности меняются, взаимодействуют, проникают друг в друга. Но это, как показывает жизнь, более сложный процесс, чем экспортировать товар, пересечь с российского автомобиля на иномарку.

Г. М. РЕЗНИК: — В утешение хочу сказать, что ментальность есть, но она не является неким родовым проклятием. Александра Андреевна Дорская, прошу Вас.

А. А. ДОРСКАЯ¹: — Уважаемые коллеги! Тема моего небольшого выступления — «Понятие государственно-конфессиональных отношений в контексте мирового культурного развития. Правовое измерение». Казалось бы, нет ничего более «домашнего», чем государственно-конфессиональные отношения. Каждое государство вправе решать, каким образом оно строит взаимоотношения с различными конфессиями, которые в свою очередь по-разному могут относиться к государственным структурам. Мы знаем массу примеров развития таких отношений. Но хотелось бы отметить, что в современном мире начиная с последнего десятилетия XX века в государственно-конфессиональных отношениях появилось новое измерение — международно-правовое. Это связано прежде всего с таким аспектом, как свобода совести — базовое понятие международного права, касающегося государственно-конфессиональных отношений. Категория очень сложная, которая может рассматриваться как философская и юридическая. Однако прежде всего здесь возникает проблема, связанная с тем, что реализация свободы совести связана с индивидуальным правом человека верить или не верить, но прежде всего — с коллективными правами, потому что часто реализовать свое право человек может только через определенную религиозную организацию, которая, естественно, тоже должна иметь правовой статус.

В связи с этим хотелось бы отметить, что во второй половине XX — начале XXI века были выработаны многочисленные международно-правовые стандарты в этой сфере, что приводит к серьезным изменениям во внутрисоциальном регулировании государственно-конфессиональных отношений. Что можно выделить? Во-первых, терминологию. Сегодня наиболее корректным является именно термин «государственно-конфессиональные отношения», а не «государственно-церковные» или «государственно-религиозные», как это было раньше, потому что понятие церкви связано с христианством. Во-вторых, сегодня термин «светское государство» не отражает реальных взаимоотношений государства и церкви. Эти отношения настолько усложнились, что термин «светское государство», указанный в Конституции, может иметь совершенно разные смыслы. Это может быть государство, которое сотрудничает со всеми конфессиями (возможно, с какими-то из них больше, чем с другими). Или государство, стремящееся совершенно отделиться от религиозных организаций. В связи с этим именно международное право позволяет создать новую типологию взаимоотношений государства и религиозных объединений. Первый тип — государство, где на коллективном и индивидуальном уровне реализуются международно-правовые стандарты, касающиеся свободы совести. Примерами такого государства могут служить США и многие страны Западной Европы. Второй тип — государство, где

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений» и др.

свобода совести реализуется в индивидуальном плане, но есть некоторые проблемы с реализацией коллективных прав, например Российская Федерация. Третий — страны, где свобода совести понимается только как коллективная категория; это прежде всего мусульманский мир. И четвертый тип — группа стран, не признающих международно-правовых стандартов в области свободы совести и создающих собственную систему, например КНДР.

Очевидно, что требуется новое правовое определение государственно-конфессиональных отношений с включением международно-правовых норм, а не только норм внутригосударственного права и, естественно, религиозных канонов, потому что подобные отношения всегда подразумевают взаимодействие нормативных систем. Нужно также расширение понятия субъекта в государственно-конфессиональных отношениях. Сегодня человек становится субъектом во многих сферах. Наверное, и в государственно-конфессиональных отношениях следует учитывать личность. В связи с этим хотелось бы дать такое определение государственно-конфессиональных отношений: это процесс взаимодействия государственных органов, религиозных организаций, верующей или неверующей личности, основанный на международно-правовых стандартах, внутригосударственном законодательстве и религиозных нормах.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо. Как на Ваш взгляд, какому предпринимателю скорее сопутствует успех — верующему или неверующему? А если верующему, то, наверное, не всякая вера способствует успеху?

А. А. ДОРСКАЯ: — В данном случае я сторонница протестантской концепции Макса Вебера. Когда мы смотрим, что происходит сегодня в Греции, то многие думают: ну конечно, это же православный народ. Миропонимание православных, католиков, лютеран, кальвинистов и представителей других конфессий сильно различается. Что касается экономики, то я убеждена: атеизм, который насаждался в СССР, был не случаен. Социологические исследования, которые проводились незадолго до революции, показывали, что атеизм в России начал распространяться гораздо раньше 1917 года. Одной из причин было то, что Русская православная церковь в России всегда представляла собой мощнейшую экономическую организацию. Те процессы, которые мы видим сейчас, схожи с теми, что были раньше. И здесь опять же наблюдается международно-правовое влияние. Когда Россия вступала в Совет Европы, одним из требований было возвращение религиозным организациям их имущества. У нас этот процесс затягивался, и даже закон о свободе совести 1997 года не до конца решил эту проблему. И вот в ноябре 2010 года Президент Медведев подписал закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». А во время одной из предвыборных встреч Владимир Владимирович Путин пообещал Русской православной церкви 3 млрд рублей. В сообщении об этом есть оговорка, что такие жесты делались и раньше. Все это, кстати, лишний раз подтверждает неправоту термина «светское государство».

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ: — Как юристы проводят разницу между конфессиональными организациями и политическими? Сейчас многие говорят, что коммунизм это религия. И второй вопрос — о передаче церковных ценностей религиозным организациям. Не считаете ли, что было бы логично вернуть мавзолей с телом Ленина коммунистической партии, чтобы она сама думала, что делать с предметом своего культа?

А. А. ДОРСКАЯ: — Различие между политическими и религиозными организациями заключается в целях. Закон от 26 сентября 1997 года регламентирует, какую цель должна иметь та или иная организация. С правовой точки зрения коммунизм — это действительно религия.

Что касается возвращения ценностей, то этот вопрос нуждается в доработке. Многие воспринимают эту меру как реституцию. Но тогда почему религиозным организациям имущество возвращается, а частным собственникам — нет? На самом деле речь идет не о реституции, а о том, что если церковь претендует, например, на какое-то религиозное здание, то берет на себя и полную ответственность за его восстановление и содержание. У нас уже есть отрицательные примеры: Троицкий собор Псковского кремля был передан Русской православной церкви, и там посыпались фрески XIV века.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемая Александра Андреевна! Почему Вы говорите, что «светское государство» — неработающий термин? Имеется в виду его неадекватность, устарелость или определенные противоречия между практикой Российской Федерации и конституционной декларацией, что Россия — светское государство? И второй вопрос. Вы связали идею возвращения церковного имущества с требованием Совета Европы. Это ли стало главным мотивом?

А. А. ДОРСКАЯ: — Я считаю, что термин «светское государство» нуждается в точном определении, потому что в разных странах конституционно закрепленное «светское государство» в действительности подразумевает разный тип государственно-конфессиональных отношений. Что же касается возврата культурных ценностей, то, как оказалось, количество имущества, на которое претендуют религиозные организации, гораздо больше, чем ожидали создатели закона. Главная проблема, как я уже сказала, — смогут ли религиозные организации содержать это имущество?

Г. М. РЕЗНИК: — Я попрошу сейчас поделиться своими мыслями Данила Валерьевича Башмакова.

Д. В. БАШМАКОВ¹: — Я бы хотел вернуться к докладу коллеги Фейгина о глобализации и взаимовлиянии экономики и культуры. Сегодня в глобальной

¹ Доцент кафедры управления организацией Московского государственного областного университета, кандидат экономических наук. Автор 16 научных публикаций, в т. ч.: «Брендинг и механизм его реализации в маркетинговой деятельности организации», «Формирование торговой марки организации лакокрасочной промышленности», «Роль бренда в формировании меновых отношений», «Смыслообразующие элементы организационной деятельности в цивилизационном развитии российского общества», «Анализ процессов обеспечения качества и формирования торговой марки как факторов конкурентоспособности предпринимательской организации» и др.

культуре прослеживаются некоторые черты, в частности, высокая степень взаимозависимости между людьми, связанная с тем, что обмен проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Практически каждое наше действие должно иметь результат, который был бы востребован другими людьми. Сегодня сложно представить существование замкнутой натуральной формы хозяйства. Другой отличительный признак глобальной культуры, на мой взгляд, — это проблема выбора, которая сама по себе является следствием роста коммуникативных технологий. Однако выбор не сводится к широкому товарному ассортименту — это проблема выбора стиля жизни, реализуемых смыслов, специализации знаний, методик, техник. В то же время необходимость выбирать требует от каждого человека действий, направленных на производство смысла, ценностей. Это означает, что диалог должен быть интенсивным, что вновь подстегнет рост коммуникативных технологий. Таким образом, глобальная культура имеет определенный внутренний механизм развития. Наконец, третья черта, тесно связанная с первыми двумя, — то, что глобальная культура скорее всего будет содержать те ценности, которые актуализированы мировыми культурами, то есть глобальная культура формируется в условиях конкуренции культур. В связи с этим вопрос: какое место занимает Россия в этом процессе? На мой взгляд, необходимым экономическим условием здесь выступает интерес. Интерес каждого из нас к родному краю, его природным и культурным ресурсам. Каждый регион нашей страны обладает огромными богатствами. Я, например, представляю Сергиево-Посадский район, в котором имеются такие ресурсы, как статус духовного и интеллектуального центра, связанный с именами Василия Розанова, Константина Леонтьева, Павла Флоренского. Сергиев Посад и его окрестности известны абрамцевской резьбой и богородскими народно-художественными промыслами, там находятся колледж игрушки и музей игрушки. Все это можно рассматривать как ресурсы, которые нужно использовать. Например, в Нюрнберге проводится ярмарка рождественской игрушки, ежегодно привлекающая 2 млн туристов. В Сергиевом Посаде, по-моему, есть все необходимое для того, чтобы стать туристическим центром, однако и местное население, и остальная часть страны игнорируют эти замечательные ресурсы.

Экономические проблемы не могут быть решены только правительственными циркулярами, если у людей не будет любви к своей Родине, веры в ее будущее. Любовь дарит мечту о Родине. Хороший пример — Объединенные Арабские Эмираты, где в такие мечты инвестируются деньги: посреди пустыни построены экологически чистые города с фешенебельными отелями и даже горнолыжный курорт. Создается все необходимое для того, чтобы люди стремились приезжать в эти города, жили там. Возникает вопрос: можно ли в России, на берегу Северного Ледовитого океана построить такие города, где было бы приятно жить и куда устремлялись бы туристы? Я считаю, что можно. Константин Циолковский жил и работал в простом деревянном домике в Калужской области, тем не менее через некоторое время Россия рванула в космос.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы говорите о таких категориях, как любовь, вера, мечта... Но мы с Вами, как экономисты, понимаем, что любая деятельность связана с приземленными понятиями — затратами, риском. В чем Вы видите связь между этими категориями?

Д. В. БАШМАКОВ: — Спасибо за вопрос. Экономическая эффективность, напомним, рассчитывается как результат, деленный на затраты. Экономисты часто акцентируют внимание только на затратах. А какого рода может быть результат? Должен ли он быть исключительно материальным, или это могут быть эмоции, ощущения, которые испытывает человек? В конечном счете придут и деньги. Когда у людей появится интерес, положительные эмоции, у них возникнет тяга к посещению определенных мест и объектов и они будут готовы за это платить. Ведь как можно использовать дерево? Для строительства дома, для производства бумаги. Но в то же время дерево — это и тень в жаркий день, и просто красота.

Г. М. РЕЗНИК: — Скажите, пожалуйста, почему дерево используется в предпринимательской деятельности так, а не иначе? Это связано с недостаточным патриотизмом или, может быть, с другими обстоятельствами? Что является целью предпринимательской деятельности? Она должна обеспечить любовь, уважение, какое-то эмоциональное состояние?

Д. В. БАШМАКОВ: — Когда профессор Запесоцкий выступал с приветствием, он сказал о том, что экономика является частью культуры. Формирование ценностей оказывает влияние на экономику именно через понимание результата. Когда формируется ценность любви к природе, определенное отношение к ней, в том числе через жизненный опыт, образцы поведения, которые мы видим по телевидению или узнаем о них от других людей, — тогда появляется потребность в определенных действиях, которые должны включаться в экономический процесс.

Г. М. РЕЗНИК: — Профессор Муромцев Геннадий Илларионович, пожалуйста.

Г. И. МУРОМЦЕВ¹: — Тема, которая собрала нас здесь, видится мне необычайно объемной и сложной. Она включает теоретические, методологические, исторические и прочие аспекты. С вопросов методологии я и начну. Мы десятилетиями руководствовались марксистскими положениями, что при исследовании социальных процессов определяющим фактором является экономика, совокупность производственных отношений и т. д. При рассмотрении исторических процессов мы воспринимали смену общественно-экономических формаций как естественно-исторический процесс, когда внутри общества происходит некое саморазвитие, а взаимовлияние культур, в сущности, отсутствует. Мы имели переходившие из учебника в учебник формулы о том, что право есть совокупность норм, установленных

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России» и др.

и санкционированных государством. Происхождение права и во многих современных работах связывается с возникновением государства. В итоге сегодня мы не можем объяснить многих проблем, возникших в нашей стране. В частности, почему Конституция, которой, по мнению некоторых ученых, мы должны восхищаться, оказалась не очень действующей и мы должны заменить ее чем-то другим? На мой взгляд, она изначально, в своих фундаментальных положениях, была обречена на неэффективность. Этот суженный «государственный» подход привел к тому, что мы исключили из сферы наших исследований огромный пласт истории, связанный с догосударственным правом. Попытаюсь очень кратко рассмотреть некоторые проблемы.

Возьмем права человека, которые закреплены в Конституции. Парадоксально, но основу для их формирования сыграла страна, где буржуазная революция так и осталась незавершенной, — Англия. Именно права и свободы англичан, в основе которых было обычное право, признаваемые королями в договорах, которые подданные с этими королями заключали, и исторически составили ту основу, которую мы сегодня называем «правами человека». Английские переселенцы по прибытии в Америку столкнулись с тем, что кругом чисто поле и нет ни властных структур, ни норм права. Поэтому они стали заключать хартии, согласно которым каждый прибывший признает власть тех структур, которые они сами здесь создадут. Каждый взрослый мужчина подписывал эту хартию либо от собственного имени, если у него не было семьи, либо от имени своей семьи. Такого рода хартии легли в основу первых конституций, а потом и Декларации независимости Соединенных Штатов, после чего их идеи перекочевали в Европу, и в результате появилась Декларация прав человека и гражданина, а XX веке — Всеобщая декларация прав человека.

А что же в России? На протяжении веков люди здесь жили в условиях деспотического режима, когда человек был средством, а не целью власти. После многих потрясений мы приняли Конституцию 1993 года, списанную с конституций тех стран, где имел место развитой капитализм, сложилась определенная этика и психология бизнеса и были наработаны традиции — демократические, политические, правовые. Все это решили применить в стране, которая ничего подобного не знала. Прорекларировали, что с завтрашнего дня мы будем жить в демократическом, правовом, социальном государстве, где права человека будут высшей ценностью. И в итоге получили то, что получили.

Г. М. РЕЗНИК: — А что мы получили?

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Конституцию, которая в некоторых своих аспектах так же похожа на наши реалии, как обратная сторона Луны на парк культуры. Почему это происходит? Потому что между пониманием права как совокупности норм, установленных и санкционированных государством, и историко-культурной реальностью — дистанция огромного размера. Между нормами, закрепленными в Конституции РФ, и российской действительностью — пустота. Нравственная, психологическая, культурная. Люди, столетиями полагавшие, что право — это нечто, с помощью чего их угнетают, вдруг

узнали, что у них есть права, и восприняли эти права как «все можно», вплоть до криминала.

Г. М. РЕЗНИК: — Геннадий Илларионович, скажите, пожалуйста, хоть один здравомыслящий человек в последние десятилетия СССР верил, что будет построен коммунизм? Кто-нибудь воспринимал всерьез то, что транслировалось станциями Информбюро?

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Простите, я не могу ответить за каждого здравомыслящего человека. Но это было официальной установкой государства, которую большая часть общества признавала. Сегодня, по-моему, мы оказались в ситуации, похожей на ситуацию 1930-х годов, только с противоположным знаком.

Н. В. ВИТРУК: — Уважаемый профессор! Я так понял, что Вы принципиальный противник нашей Конституции. А какие нормы Вы хотели бы видеть в ней? Приведите хотя бы один-два примера.

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Опыт XX века показывает, что страны, которые оказались в условиях переходных периодов, когда еще недосягаемы красивые идеалы, закрепленные в конституциях Европы и США, принимали временные конституции, где признавалось, что страна ставит перед собой такие-то цели, но пока она их не достигла. Поэтому они, закрепляя структуру власти, ограниченно провозглашали права человека и т. д. Один из вариантов — модель конституции Индии, в которую включен раздел «Основные принципы политики государства», провозглашающий, что целью развития Индии является социальная справедливость. Нормы этого раздела не применяются в судах, но являются ориентиром при законотворчестве.

Г. М. РЕЗНИК: — В Индии применяется прецедентное право, и конституция вообще не имеет отношения к процедурам рассмотрения судебных дел.

Т. БАУЕР: — В царской России существовали независимые суды, то есть определенные элементы правового государства все же были. Таким образом, идея правового государства, закрепленная в Конституции 1993 года, все-таки не чужда России. А Вы говорите, что эта Конституция абсолютно чужда современному российскому государству.

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Спасибо. Вопрос очень интересный, с моей точки зрения. Вчера профессор из Канады Дуткевич высказал идею, что демократия нужна для рынка и вне рынка не существует. Когда рынок криминальный, а власть изъедена коррупцией, то новое правовое государство превращается в нечто, весьма далекое от идеала.

Г. М. РЕЗНИК: — Конституция в этом виновата? Или народ?

Г. И. МУРОМЦЕВ: — Авторы Конституции, которые провозгласили возможность создания такого государства не сегодня-завтра. Я убежден, что это нереально. Американский ученый Берман в работе «Евро-

пейская традиция права» высказал, на мой взгляд, глубокую мысль, что все великие революции потрясали основания, чтобы создать новое общество, а заканчивались возвращением к старой традиции. Так вот сегодня, по-моему, сказывается то, что наши демократы при совершении революции не учитывали марксистскую теорию: новое государство нельзя создать без слома старого. Давайте вспомним, из каких людей состоит наша правящая партия...

Г. М. РЕЗНИК: — Эльмира Ленаровна Садыкова, прошу Вас.

Э. Л. САДЫКОВА¹: — Мое выступление посвящено проблеме цивилизационного измерения современного международного права. Сегодня бурно обсуждается проблема универсализации международного права. Активно, а порой и агрессивно, высказывается позиция, что универсализация современного международного права — дело бесперспективное. И приводится убедительный аргумент: исламская концепция прав человека. Не случайно сегодня ведутся острые дискуссии о праве силы и силе права. На мой взгляд, это сочетание права и политики и в конечном счете экономики — очень интересно и позволяет найти продуктивные решения.

Каковы проблемные аспекты универсализации международного права с точки зрения цивилизационного подхода? Напомню, что известный юрист-международник Мартенс рассматривал современное международное право как право цивилизованных народов (к коим он относил народы стран Запада) и говорил, что невозможно ожидать от других, нецивилизованных, соблюдения общих международных норм. В связи с этим возникают две важные проблемы, пересекающиеся с международными экономическими отношениями. Первая — соотношение норм международного права и национального права. Возможно ли найти подход к унификации этих норм? Вторая проблема связана с новыми вызовами, которые сегодня в основном не находят правового решения. Например, международный терроризм до сих пор не имеет конвенционного определения в нормах международного права.

На мой взгляд, нельзя говорить о бесперспективности универсализации международного права только потому, что сегодня, к сожалению, в отношении небольших слабых государств часто используются «силовые приемы». Современное международное право нуждается в усилении именно процедурных норм. Когда мы «решаем проблемы» арабских стран, то руководствуемся Уставом ООН и другими универсальными нормами, но процедурные нормы в современном международном праве отсутствуют. В связи с этим межкультурный диалог, точнее, его институты, процедуры, органи-

зации, являющиеся субъектами такого диалога, могут стать инструментом, который позволит нам усилить гуманистическую составляющую международного права и в конечном счете более уверенно смотреть в будущее. Потому что когда мы стоим перед такими вызовами, как природные катаклизмы или истощение ресурсов, то неуместно исходить из того, немцы мы или китайцы, христиане или мусульмане. Перед нами стоит одна задача — выжить, и международное право должно сыграть в этом важную роль. Мне часто возражают, что государство нельзя привести в суд и заставить его отвечать. На что я отвечаю: государства участвуют в создании норм международного права, согласовывают свои интересы, и при этом в процессе нормотворчества отражаются национальное и культурное самосознание, конфессиональные особенности. Государства, принимающие международные нормы, сами же их реализуют. Но если Соединенные Штаты Америки пока не ратифицировали одну из конвенций, посвященную проблеме противодействия международному терроризму, то причем тут неэффективность ценностного подхода? В позиции государств проявляется их культурная и цивилизационная специфика. Я считаю, что если мы найдем решение таких международных проблем с помощью межкультурного диалога, создания его моделей, инструментов народной дипломатии, то сможем задуматься о перспективах развития международного права.

— Часто приходится слышать, что в России есть признаки правового нигилизма. В таком случае готово ли российское общество к принятию международных норм права? (вопрос из зала)

Э. Л. САДЫКОВА: — Я связываю проблему правового нигилизма с ценностным вакуумом, который сегодня образовался в российском обществе. Что же касается восприятия норм международного права, то здесь нельзя говорить об отдельных универсальных ценностях применительно к тому или иному государству, потому что сегодня мы столкнулись с новыми глобальными проблемами, и ни одно государство не в состоянии решить их в одиночку. Террорист совершает преступление на территории одного государства, затем, пользуясь свободой передвижения, оказывается на территории другого, и его не выдают, чтобы привлечь к ответственности.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Сегодня часто говорят о наднациональных государственных структурах, по крайней мере Европейский Союз может претендовать на такой статус. Можно ли действительно рассматривать Евро-союз как наднациональное государственное образование типа Соединенных Штатов Европы или он не отвечает каким-либо требованиям? И второй вопрос — об идее мирового правительства. Как Вы считаете, до какой степени нынешние международные организации, такие как ВТО, Всемирный банк подходят на роль такого правительства? И могут ли в России в ближайшее время международные структуры прийти к статусу мирового правительства?

Э. Л. САДЫКОВА: — Я не рассматриваю Европейский Союз как наднациональный орган, являясь

¹ Заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Перспективы России в партнерстве цивилизаций», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Региональная демографическая политика в контексте национальной безопасности России» (в соавт.), «Национальные государства в современных мировых процессах» (в соавт.), «Право и политика государств в современном мире» (в соавт.), «Социальные и правовые аспекты этнополитического развития народов постсоветского пространства», «Статус межгосударственных объединений на постсоветском пространстве» (в соавт.), «Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС», «Реализация права законодательной инициативы Совета Федерации» (в соавт.) и др.

сторонником суверенитета государств и не считаю, что размывание суверенитета — это правильно. Просто государство как суверен, реализуя себя во внешнеправовой сфере, передает часть полномочий. Думаю, что в данном случае определение «наднациональное» неверно. На мой взгляд, здесь кроется некая угроза.

Так же воспринимаю и мировое правительство. В этом плане у нас есть блестящий пример — «Альянс цивилизаций», который мог бы стать таким правительством. Но, например, Соединенные Штаты отказываются финансировать проекты, связанные с Альянсом. Поэтому единственный выход, на мой взгляд, это создание таких институтов межцивилизационного диалога, как Шанхайская организация сотрудничества. Хотя там собрались представители различных цивилизаций, ШОС создавалась как организация, направленная на противодействие региональной угрозе международного терроризма. Сегодня это целый комплекс проблем, в том числе и культурных. Поэтому, если говорить о сегодняшнем состоянии мирового сообщества, то мы пока не готовы к подобного рода объединениям.

— *Уточните, пожалуйста, что Вы вкладываете в понятие международного права?* (вопрос из зала)

Э. А. САДЫКОВА: — Международное право, на мой взгляд, это комплекс норм, который регулирует отношения между государствами и международными организациями. Попытки расширить круг субъектов международного права, с моей точки зрения, неправомерны.

— *В экономических отношениях участвует международное частное право.* (реплика из зала)

Э. А. САДЫКОВА: — В политологии есть понятие «негосударственные авторы», так что сегодня можно говорить о расширении участников международных отношений.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо большое. Еще одно подтверждение, что все новое — это хорошо забытое старое. Насколько я помню, мировое правительство предлагал еще лорд Рассел в 1948 году. Георгий Борисович Клейнер, пожалуйста.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Благодарю Вас, Генри Маркович. Вопросы, которые здесь обсуждаются, — животрепещущие, интересные; ни юристы, ни экономисты не могут пройти мимо них. Переходя к своей теме, я хотел бы вспомнить утверждение, принадлежавшее одному, условно говоря, русскому писателю: «При виде исправной амуниции сколь презренны все конституции!» Это взаимоотношение между экономикой и правом с точки зрения Козьмы Прутков. Я не считаю, что конституции презренны, а амуниция первична. Взаимоотношения между правом и экономикой чрезвычайно сложны, и для того чтобы их разрешить, необходимо руководствоваться некоторыми принципами. Поэтому мой вчерашний доклад «Экономика, культура, справедливость» имеет не только теоретический смысл, но и практическое приложение. И хотел бы кратко сказать именно о применении — о том,

что называется экономической Конституцией, а именно о Гражданском кодексе. Дело в том, что такого рода документы должны формироваться на основе тщательно выверенной концепции. Я вижу необходимость в уточнении концептуальной основы по главным параметрам, прежде всего это касается понятия «предприятие». В Гражданском кодексе оно употребляется в значении имущественного комплекса или организации, целью которой является извлечение прибыли. Результатом такого подхода стал, мягко выражаясь, хаос в экономике на уровне микрообъектов. Когда мы продаем предприятие, то большая часть акций или все целиком передаются другому собственнику, и это означает, что передается прежде всего имущественный комплекс — здания и сооружения, станки и прочие основные фонды. Но предприятие — это нечто гораздо большее, чем имущественный комплекс. Это люди, история предприятия, его представление в общественной сфере и т. д. Если мы все этого не учитываем, то получаем то самое превосходство амуниции над конституцией, о котором говорил Козьма Прутков.

В чем это выражается? Давайте посмотрим, какие группы людей имеют непосредственное отношение к предприятию: а) собственники; б) менеджмент; в) технические и функциональные специалисты; г) работники. Как они соотносятся между собой? Собственник возвышается над всей этой группой. Если собственникам удастся консолидироваться, то они принимают решения по концептуальным, идейным вопросам. Сейчас собственник является царем и богом и ведет себя, условно говоря, как слон в посудной лавке. В какой роли выступает менеджмент? Когда собственник отворачивается, менеджмент принимает своекорыстные решения с тем, чтобы обеспечить свою выгоду. Это «едок под одеялом». Роль специалиста, к сожалению, сейчас принижена, хотя именно от специалистов зависит и модернизация, и инновации, и техническое и организационное состояние предприятия. Я их называю «вещь в себе»: специалисту можно предложить поделиться знаниями, но он может и отказаться. И наконец, работники — «прислуга за все». Вы прекрасно знаете, какова роль работников в принятии решений, в управлении предприятием. Весь этот «квартет» напоминает крыловский, где музыканты, как бы ни садились, играют в разные стороны. Лояльность по отношению к предприятию у них различна. Собственник может отказаться от своих акций, обменять их на более выгодные, продать. Ему, в общем, нет дела до развития предприятия — оно для него всего лишь средство получения дохода.

Г. М. РЕЗНИК: — Но это имманентно. Он собственник.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я говорю не о том, что этого не должно быть, а о том, какое влияние это оказывает на предприятие. Система управления предприятием, при которой собственник является этим самым слонем, неадекватна задачам развития экономики. И вообще на основании исследований, проведенных в нашем институте, мы утверждаем, что положение этих четырех групп противоречит целям, стоящим перед экономикой.

Н. В. ВИТРУК: — Как Вы полагаете, не преждевременно ли Трудовой кодекс в России отказался от такой категории, как трудовой коллектив?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Несомненно, трудовой коллектив в большинстве случаев является неотъемлемой частью предприятия. Стоит заменить трудовой коллектив в целом — и вы в 90 % случаев будете иметь другое предприятие. Поэтому то, что мы говорим о предприятии, не может рассматриваться отдельно от понятия трудового коллектива. И в той структуре управления, которую я предлагаю (вместо нынешних советов директоров, правления и т. д.), совет трудового коллектива должен занять важное место.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я остановлюсь на двух основных темах. Прежде всего на методологическом подходе, который мы реализуем, изучая российский бизнес в Африке. Результаты нашего исследования больше говорят не об Африке, а о российском бизнесе, о том, как мы действуем в системе международных бизнес-отношений. Для этого исследования мы придумали процедуру перекрестного опроса. Вопросы задаются одновременно африканским представителям бизнеса, политики и рядового населения, и российским бизнесменам, дипломатам, политикам, которые так или иначе имеют отношение к Африке. И этот перекрестный опрос показывает чудовищные результаты: абсолютное непонимание и рассогласование представлений по ключевым вопросам.

Первый вопрос — о предпочтительном деловом партнере для Африки. Оценка по нескольким критериям: тот, кто вкладывает капитал, является донором; тот, кто делится технологиями; кто нацелен на долгосрочное партнерство; кто не вмешивается в экономику и политику и признает право страны на собственный путь развития, и т. д. Выяснилось, что африканцы вопреки нашим ожиданиям предпочитают не донорскую поддержку, а стратегическое партнерство в долгосрочной перспективе. Донорская помощь тоже нужна, но только для решения срочных проблем, и не является решающей. Наши же бизнесмены предполагают, что африканцам в первую очередь нужны донорские вливания.

Второй вопрос касался социальной ответственности бизнеса: какой она должна быть для бизнеса, приходящего на чужой континент и претендующего на его ресурсы. И опять были получены результаты, которые совершенно исключают взаимопонимание. Африканцы с их ментальностью (будем считать, что это не научный, а рабочий термин), в основном в силу своей истории и, вероятно, колониального прошлого и доколониальной истории, выказывают наивно-романтические представления о том, что должен делать бизнес: помогайте, не жадничайте и т. д. Однако наш бизнес — это не скандинавская и даже не англосаксонская модель, а какая-то другая: жестко прагматичная, асоциальная. На первом месте — использование ресурсов.

И последнее исследование касалось коррупционных схем взаимодействия. Здесь полученные данные, как это ни удивительно, совпали. Что здесь интересно?

Был задан вопрос о том, с чего следует начинать бизнес в африканской стране. И три варианта ответа: первый — тщательно изучать ситуацию, законодательную базу, условия тендеров; второй — определять ключевых персон, налаживать дружеские отношения с местной элитой; третий — вкладывать средства в улучшение инфраструктуры и социальной сферы, оказывать реальную помощь и т. д. И африканцы, и наши бизнесмены выбрали второй пункт, тут мы совпали. Существует довольно много исследований африканской тематики. Леонидом Гевелингом издан фундаментальный труд «Клептократия», где он анализирует корни этого явления. Истоки коррупции в африканских странах связаны с родоплеменными отношениями, с трайбалистскими традициями, где предполагается неперемное подношение даров. Как бы то ни было, в конечном счете, «на поверхности», получается вот такое сходство.

Вторая тема — Китай, его стратегия и дипломатия в Африке. Во многих докладах о Китае говорят как об образце эффективной конвергенции, «экономического чуда» и т. д. Китайский бизнес в Африке присутствует практически везде. Не зря президент Южно-Африканской Республики, посетивший Москву позапрошлым летом, приглашал нас: «Приезжайте, пожалуйста, только не все», имея в виду Китай. Они действительно приезжают в огромном количестве, привозят свою рабочую силу, что, конечно, не нравится африканцам, у которых очень большая безработица. Тем не менее китайцы строят в Африке объекты инфраструктуры, осваивают сложные сферы, на которые не решается Запад. Они не просто захватывают ресурсы, а выступают как благодетели. В отличие от европейцев, предоставляющих гуманитарную помощь, китайцы не вмешиваются во внутреннюю политику, не ставят условий африканским странам в плане прав человека, демократии, смены тоталитарных режимов. Понятно, что это не чистый альтруизм: они столбят территорию, покупают месторождения, к которым нет доступа, с дальним прицелом — нет дороги в данный момент, но будет.

М. В. НЕМЫТИНА: — Чем Вы можете объяснить жесткий прагматизм российского бизнеса?

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Конечно, не все так цинично, многие российские бизнесмены понимают и любят Африку, особенно те, кто работал там еще в советские времена. Они понимают и чувствуют местное население, видят социальные проблемы. Но много и других, в основном из молодого поколения. Они стремятся только вывозить ресурсы. Чтобы войти на африканский рынок, могут, конечно, реализовать и некоторые социальные проекты, но эти проекты часто непродуманные и в итоге бесполезные. Один бизнесмен сделал подарок — высокотехнологичное устройство для медицинской диагностики. Но эта машина не может работать, потому что очень дорогостоящий трафик.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — В Африке часто можно наблюдать такое явление: во главе страны становятся люди, получившие образование в Европе или в Америке. Как при этом осуществляется взаимодействие элиты, получившей образование на Западе, и населения — носителя традиционных ценностей?

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Вопрос очень непростой. Формально, на уровне внешнего вида, западные традиции действительно начинают доминировать, особенно с учетом того, что многие страны были колониями. Но сила местных традиций невероятно велика. Например, мы сидим на переговорах с африканцами, которые выглядят так же, как и мы, только цвет кожи другой. Вдруг за окном раздаются звуки музыкального инструмента типа тамтама, и серьезный деловой человек начинает танцевать в соответствии с этим ритмом...

Тот же самый президент ЮАР, как и любой высокопоставленный чиновник или бизнесмен, прежде чем принять решение, непременно поедет на родину, чтобы посоветоваться со своим племенем и пообщаться с друзьями.

Г. М. РЕЗНИК: — Профессор Евгений Федорович Чеберко. Пожалуйста.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Поскольку мы обсуждаем в основном дискуссионные вопросы, я остановлюсь на некоторых из них. Мне показалось любопытным умозаключение насчет влияния менталитета, в частности религиозных воззрений, на предпринимательство. По поводу идей Макса Вебера, думаю, следует уточнить: в данном случае важны не религиозные моменты, а этика. Это существенно, так как в свое время сотрудничество староверов с протестантами было связано именно с тем, что протестантская этика похожа на этику староверов. А что было основой национального менталитета в дореволюционной России? Прежде всего религиозное сознание, которое формировала официальная православная церковь. И она же была главным тормозящим фактором в развитии российского предпринимательства. А староверы руководствовались другими ценностями, и наиболее успешные предприниматели выдвинулись как раз из этой среды.

Второй вопрос, на который я хочу обратить внимание, — о заимствовании или незаимствовании институтов. Стоит ли это делать, и что в итоге получается? Уважаемый профессор сказал, что правительство Гайдара первым делом уничтожило дефицит. Однако введение свободных цен — это не преодоление дефицита. Просто инфляция перешла из подавленной формы в открытую, а дефицит продолжался еще в течение многих лет. Сама по себе плановость экономики ничего плохого в себе не содержит, тем более что сегодня рынок в чистом виде вы нигде не найдете. Плановость, которая существует в Соединенных Штатах Америки, нам и не снилась во времена Советского Союза. Это и колоссальные госзаказы, и прочие целевые программы, и проекты в рамках транснациональных компаний, где соблюдается строжайшая плановая дисциплина.

Что касается взаимоотношения юридической и экономической науки, то достаточно вспомнить элементар-

ное: Адам Смит говорил, что государство — это ночной сторож, имея в виду, что оно должно выполнять две функции: защиту частной собственности и создание правовой среды функционирования экономики. На сегодняшний день многие проблемы коренятся в том, что ни та, ни другая функция у нас юридически не обеспечены.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Вы затронули тему заимствования институтов. Что Вы, как экономист, можете сказать об институте траста?

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Я считаю, что этот институт интересен, но он пока не вписывается в нашу хозяйственную систему.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Почему?

Г. М. РЕЗНИК: — Собственник не защищен.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Дело в том, что есть совместимые институты. Здесь возможны две модели. Согласно известной концепции Кирдиной, базисные институты менять нельзя вообще. Я не придерживаюсь такой жесткой точки зрения, а считаю, что базисные институты должны сохраняться, их не следует ломать или заменять, но надо осторожно добавлять к ним совместимые элементы из других систем. Экономика России всегда была командной и продолжает оставаться таковой, только перешла на режим ручного управления. В эту систему траст пока не вписывается.

Д. В. БАШМАКОВ: — Вы сказали, что Русская православная церковь тормозит развитие предпринимательства. Каким образом?

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Сегодня уже не тормозит, я говорил о дореволюционном периоде. В этом ее отличие от протестантизма. Ведь что декларирует протестантская этика? Человек, наживший богатство честным трудом, — праведник; бедным быть грешно. А одно из положений православной этики — греховность богатства.

Г. М. РЕЗНИК: — Это абсолютно верно, спасибо Вам большое. Слово предоставляется профессору Честнову Илье Львовичу.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — На мой взгляд, самой серьезной проблемой законодательства и юридической науки, особенно отраслевых юридических наук, является отчуждение человека от законодательства. Отсюда проблемы, о которых сегодня уже многие говорили, например инфляция законодательства, о которой обмолвилась Марина Викторовна. Это свойственно не только для России, но и для относительно благополучного Запада. На мой взгляд, из этой сложной ситуации есть выход. Он состоит в том, чтобы антропологизировать законодательство. Что я имею в виду? Эту мысль высказывал в середине 1970-х годов профессор Лев Иванович Спиридонов. Он предложил интересную концепцию, которую я в силу своих скромных возможностей пытаюсь развивать, — концепцию законности.

¹ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Совершенствование управления государственным сектором экономики» (в соавт.), «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макрэкономический аспект)», «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Закономерности формирования современной Национальной инновационной системы» (в соавт.) и др.

Это не просто требование неукоснительного соблюдения законов, с чем, впрочем, никто не спорит. Тут есть другой момент — социологический подход, предполагающий, что законы ко всему прочему должны соответствовать ожиданиям общества. И второй момент, в связи с которым я задавал вопрос насчет ментальности, — насколько научно это понятие. Современные французские историки — Жак Ле Гофф, Фернан Бродель, Люсьен Февр и другие — к сожалению, не смогли эксплицировать эту самую ментальность, хотя во второй половине XX века активно развивали исследования именно ментальности. Однако она не поддается измерению.

И последнее. Есть интересное научное направление — экономический анализ права. Профессор Тамбовцев из МГУ проводит очень интересные исследования в этой области, пытаюсь выяснить, как законодательство связано с человеком.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо. Вы сказали, что законы должны соответствовать ожиданиям общества. Но есть такое понятие — правовые принципы. Так вот правовые принципы и ожидания общества — Вы рассматриваете их как синонимы или эти понятия могут не совпадать? Чем тогда руководствоваться законодателем?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Правовая политика — криминализация, декриминализация, уголовно-правовая политика — должны строиться прежде всего согласно ожиданиям общества.

Г. М. РЕЗНИК: — Как тогда быть, скажем, со смертной казнью? В 94 государствах она отменена, а еще в 35 давно не применяется. Однако опросы показывают, что население в этих странах выступает за смертную казнь. Что делать? Могу привести и другие примеры. Получается, что игнорировать общественное мнение — значит нарушать принцип демократии, а следовать общественному мнению — значит нарушать принципы права и науки. В этом заключается сложность законодательной деятельности. Как Вы считаете?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Изобретение традиции — это как раз и есть изменение ментальности, если она вообще существует. Традиция изобретается референтной группой. Другое дело, что она должна легитимироваться, закрепляться, в том числе и в ожиданиях населения.

— *Считаете ли Вы возможной реализацию Вашего тезиса о гуманизации законодательства при нашей политической системе, которая не имеет механизмов воздействия общества на законодательство? Приведите один пример. Недавно был разработан проект закона о парламентском контроле над правительством, составленный нашими ведущими конституционалистами и получивший поддержку целого ряда депутатов от «Единой России». Но потом правительство пришло к заключению, что такой закон не нужен. Аргумент: у нас честное правительство, нам не требуется парламентский контроль. Получается, что во всех остальных странах мира в министерских креслах сидят жулики? (вопрос из зала)*

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Это как раз пример того, что мнение населения не учитывается.

Г. М. РЕЗНИК: — Населению, в общем, наплевать на эту проблему — есть ли парламентский контроль, нет ли его... Но когда встают вопросы, затрагивающие кровные интересы людей, то мы видим давление общества, вспомним хотя бы историю с праворульными автомобилями. Есть реальные интересы людей, а есть некоторые построения, которые нам представляются важными, а для народа они не важны.

Сейчас перед нами выступит профессор Фархутдинов Инсур Забирович.

И. З. ФАРХУТДИНОВ¹: — Тема моего выступления — экономический суверенитет. Что мы подразумеваем под этим термином? Известна дискуссия о том, что экономического суверенитета нет, а есть только государственный. Говоря об экономическом суверенитете, мы имеем в виду экономическое содержание государственного суверенитета. То есть было бы неверно делить суверенитет на части — политический, экономический и т. д.

В условиях глобализации подвергается угрозам прежде всего само государство. Как ни странно, мы государство не уважаем. Это объясняется рядом причин и поводов, и я думаю, что у каждого из нас есть свои претензии к государству. Я, например, никогда не был любимчиком государственных органов. Тем не менее международное право есть совокупность норм и правил взаимодействия между государствами. Нормы международного права создаются самими государствами. Однако международное право — такое эфемерное понятие, что его в сущности нет. Соединенные Штаты Америки, ряд других великих держав не уважают международное право. Когда вопреки возражениям Совета Безопасности ООН происходит вооруженное нападение на суверенное государство, это противоречит международному праву. Многие возражают: а что, разве уголовное законодательство не нарушается ежедневно? Однако мы не перестаем уважать уголовное или гражданское право. То есть говорить о том, что международное право перестало удовлетворять потребностям международного сообщества, абсолютно неправильно хотя бы с точки зрения того, что отношения между государствами во всех сферах жизни регулируются государством.

Я ценю роль русских купцов-фабрикантов из старообрядцев, но нигде не читал, что ведущие русские купцы и фабриканты были сплошь из старообрядческой среды. Были и православные. По большому счету православие — это основа русской государственности, и я не могу представить себе даже на миг, что в Российской Федерации не будет народа, который в основном исповедует православие. Так что у каждого общественного института есть своя роль, свои полномочия, и я призываю вас любить государство, потому что государство есть регулятор наших отношений. Спасибо.

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч.: «Иностранные инвестиции и международное право», «Международное инвестиционное право», «Инвестиционное право» (в соавт.), «Международное инвестиционное право и процесс», «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика» и др.

Г. М. РЕЗНИК: — В заключение выскажу некоторые комментарии. Как мне представляется, нам нужно перестать углубляться в историю государства Российского и повторять одно и то же: Россия — это тысячелетняя раба, соответственно демократии у нас никогда не было, и, как сказал профессор Муромцев, мы привыкли жить в условиях деспотии. Здесь присутствуют студенты. Скажите, пожалуйста, вы привыкли жить в условиях деспотии?

Все страны проходили разные этапы развития. Из уст профессора Фархутдинова я с удивлением услышал, что государство надо любить. Я считаю, что нормальный человек должен относиться к государству с уважением, когда оно надлежащим образом выполняет свои функции, а если нет, то требовать от него выполнения этих функций. Наше государство неимоверно разрослось, его стало слишком много, в том числе и в экономике. Оно основательно ограничило политические права граждан. Когда сотня тысяч граждан вышла на митинг протеста, государство мгновенно на это отреагировало.

Часто приходится слышать о Китае как положительном примере. Но я не понимаю, что мы можем перенять у Китая. Да, темпы развития китайской экономики значительно выше, чем у США и стран Европы, но у них и стартовая точка другая. Сравните начинающего прыгуна в высоту и мастера спорта, который прыгает выше двух метров. Кто из них будет быстрее прибавлять новые сантиметры?

Когда говорят, что Конституция — живой инструмент, то как это следует понимать? Значит ли это, что ее можно легко менять на потребу времени? Американцы приняли свою конституцию более двухсот лет тому назад, и с тех пор были внесены минимальные поправки. Я считаю, что наша Конституция — главное достижение постсоветского периода. Нам надо до нее расти. Мне не понятно, когда говорят: «Конституция не реализуется!» Так ведь полностью не реализуется никакой закон. Две тысячи лет заповедям «не укради» и «не убий». Однако убивают и крадут, а в некоторых странах даже довольно интенсивно. И что? Отказаться от этих принципов, потому что они не соответствуют менталитету? В Конституции закреплены нормы, которые появились там не просто так, потому что мы решили идти по западному пути. Что было характерно для советской власти, которая была, конечно, режимом тоталитарным и тираническим? Тотальная ложь. Любые тиранические режимы хотя и выглядят как демократия. Сталинская Конституция 1936 года была одной из самых демократических в мире. Там, правда, не гарантировалась свобода передвижения, но декларировалась свобода слова, печати, собраний, митингов, презумпция невиновности. А что было в действительности?

Хочу выразить огромную благодарность Конституционному Суду. Хотя я часто критиковал судей, но многие их решения устраняли черты тоталитарности, нарушения прав человека, несоответствие федеральных законов конституционным принципам. В тех случаях, когда применялись старые законы, они фактически были переписаны Конституционным Судом, большое вам за это спасибо.

Непонятна точка зрения относительно светского государства. Отделение от церкви означает, что никакой государственной религии нет. Вопрос о шариатских судах решается очень просто. Шариатский суд может действовать как любой третейский суд. Верующие в своем кругу могут договариваться о том, что их будет рассуждать многоуважаемый человек, — это возможно и в мусульманстве, и в иудействе, и в любой другой конфессии. Но легитимное право на насилие в светском государстве имеет только само государство. Если дать такое право шариатским судам, то они станут приговаривать к побиванию камнями и отрубанию рук, а это уголовно наказуемые деяния.

С точки зрения несоответствия законодательства и жизни я бы сказал, что у нас идет борьба законодателей с правоприменителями. Российские законы в большинстве своем хорошие. Однако, как говорилось в XIX веке по этому поводу, законы святы, но применители — лихие супостаты. В уголовно-процессуальном кодексе указано, что содержание под стражей как мера пресечения применяется только при невозможности применить другую меру пресечения. Что нужно беспристрастному объективному суду для того, чтобы применять эту норму в соответствии с ее конституционным смыслом? Между тем у нас 92 % ходатайств следователей удовлетворяются, причем 98 % — именно по вопросу содержания под стражей. То же самое можно сказать о запрете ареста предпринимателей, обвиняемых в совершении экономических и налоговых преступлений.

Противоречия между жизнью и законодательством существуют всегда и везде, и сейчас, наверное, главное для нас — те правовые принципы, которые давным-давно сформулированы в международных актах и признавались даже советским государством, которое ратифицировало и Декларацию прав человека, и пакты о гражданско-политических правах. Надо стараться дорасти до права, а не снижать его принципы до менталитета.

Спасибо всем участникам за содержательную дискуссию.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, работа нашей секции завершена. Благодарю участников за интересные выступления и всех присутствующих за внимание.

Секция 5

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

18 мая 2012 г., аудитория № 522 СПбГУП

Руководитель секции

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

Участники:

С. Р. АБРАМОВ заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор

А. В. ВАЩЕНКО заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

М. ГИДИНИ профессор русской литературы Университета Пармы (Италия)

Д. ГИЛЛЕСПИ профессор русского языка и литературы Университета г. Бат (Великобритания)

В. А. ДОМАНСКИЙ заведующий кафедрой филологического образования и межпредметной интеграции Ленинградского областного института развития образования, доктор педагогических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Е. В. ИВАНОВА ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук

П. О. ИЛЬИНСКИЙ ученый-биолог, поэт, прозаик (США)

А. В. КАЛАШНИКОВ доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук

Н. Р. СКАЛОН профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

Э. ЭНДЕРЛЯЙН заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА¹: — Уважаемые коллеги! Я впервые участвую в Лихачевских чтениях, поэтому у меня свежий взгляд на все происходящее, мне интересно находиться здесь, потому что в этой аудитории собрались академики, профессора и замечательные люди. Надеюсь, нам удастся плодотворно поработать.

¹ Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Язык и межкультурная коммуникация», «Language, Linguistics and Life», «Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах», «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков», «Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации» и др. Президент Национального объединения прикладной лингвистики, президент Национального объединения преподавателей английского языка России. Председатель НМС по иностранным языкам при Минобрнауки РФ. Почетный профессор Бирмингемского университета, Великобритания. Почетный доктор словесности Университета штата Нью-Йорк, США. Почетный профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения).

Позвольте привести вам яркий пример межкультурной коммуникации и конфликта культур, который произошел со мной в Японии, куда я поехала читать лекции. Это был международный факультет, и я читала на английском языке. Я в первый раз пришла в аудиторию, встала, поблагодарила за то, что меня пригласили, и на втором предложении меня прервали фразой: «Сядьте, пожалуйста». Я очень удивилась, потому что никогда не читала лекции сидя, у нас это не принято. Спрашиваю: «Зачем?», а мне говорят настойчиво: «Сядьте, сядьте». Знаете, у них аудитория не амфитеатр, а обычный кабинет, и я видела только первый ряд, и все — и студенты, и преподаватели — мне казались в тот момент абсолютно идентичными, с одинаковым цветом волос, с одинаковыми лицами, ничего не выражавшими. А потом еще в середине половина из них закрыла глаза, так что было полное впечатление, что они

заснули, в общем, меня никто не слушал. И я не могла понять, почему меня вынудили сесть.

На следующей лекции я сказала: «Знаю, что у вас принято сидеть, но я не привыкла. Можно я буду стоять?» Мне сказали: «Как хорошо, что Вы знаете наши традиции, нашу культуру. Сядьте, пожалуйста, и читайте сидя». Для меня это было мучение, я люблю, чтобы был контакт, чтобы я видела, кто слушает, кому интересно. Поскольку все культурологические позиции я доношу, используя средства языка, я спросила: «А в языке что-нибудь отражено по поводу сидения?» Мне сказали: «Когда Вы стоите, Вы противопоставляете себя коллективу, подавляете его, смотрите на него сверху вниз». Для меня это было откровение, потому что когда я в своем почтенном возрасте 17–18-летним студентам читаю стоя, а они сидят развалившись, у меня обратное впечатление, что я стараюсь донести до них знания, а они меня не уважают, сидят. Но это нормально. И что вы думаете? Оказывается, в японском языке чрезвычайно популярна поговорка: «Торчащий гвоздь забивают, а торчащую сваю волны бьют». Вот как язык отразил отношение к стоящему лектору. Поэтому я предлагаю дать свободу, чтобы представители всех культур были удовлетворены, кто хочет — сидит, кто хочет — стоит.

Слово предоставляется профессору из Великобритании Дэвиду Гиллеспи.

Д. ГИЛЛЕСПИ¹: — Я хотел бы вам рассказать немного о русской литературе, которая пишется не на русском языке. В основном я буду говорить о франко-русском писателе Андрее Макине и несколько слов скажу о писательнице, которая тоже родилась в России, но теперь живет в Америке, пишет, публикует свои романы на английском языке, ее зовут Ольга Грушина.

Книга Андрея Макина «Французское завещание» (“Le Testament français”) начинается с эпизода, когда юный рассказчик Алеша и его сестра зачарованно слушают, как их французская бабушка Шарлотта повествует им о славных событиях истории Франции, сохранившихся в ее памяти с детства, о блеске французской культуры, представленной Марселем Прустом, о чувственности ее языка, великолепии Парижа. Затем она показывает внукам меню банкета, данного в честь визита царя Николая II и его супруги Александры во Францию в 1896 году: «15 перемен блюд, главным среди которых были жареные куропатки и овсянки с гарниром из трюфелей». Рассказчик Алеша переносится в иной мир, несравнимо более изящный и величественный, чем унылая жизнь в провинциальном городишке Саранзе (возможно, это название образовано контаминацией имен двух реально существующих городов — Саратова и Пензы).

Так дети знакомятся с далекой страной и культурой, резко контрастирующей с рутинной провинциальной жизнью, окружающей их. Лучшим выражением это-

го провинциализма, присущего скучной коммунальной советской действительности, является борщ, который стрпают матери семейств в романе «Признания павшего знаменосца» (“Confession d’un porte-drapeau déchu”). Конечно, для Макина сопоставление и противопоставление Франции и России в своих вымышленных мирах есть некое литературное пограничное состояние сознания, ясное понимание того, что две страны и культуры могут быть разделены и разрознены и, тем не менее, соединены бесчисленными узлами и связями. Цель данной работы — исследовать многочисленные различия между Востоком и Западом, между Россией и Францией в произведениях Макина и, таким образом, определить роль и статус России и русской литературы в культуре современной Франции.

Андрей Макин является автором десятка романов и пьесы, хотя некоторые из его произведений недостаточно объемны, чтобы вполне называться романами. Несмотря на то что он родился в Красноярске в 1957 году и вырос в советской России, в 1987-м он стал гражданином Франции, и язык его произведений — французский. Он чрезвычайно популярен и признан во Франции и всем мире, обладатель многих премий, его романы переведены на десятки языков мира, однако он остается совершенно неизвестным в России, и единственное его произведение, переведенное на русский, — это роман «Французское завещание», написанный в 1995 году (опубликованный, по иронии судьбы, в журнале «Иностранная литература» в декабре 1996 г.). Он уклончиво отвечает в интервью на вопросы о своем советском прошлом, поэтому очень мало известно о его жизни в Советском Союзе. Однако есть сведения, что он изучал французскую литературу в Московском университете в середине 1980-х, а во время стажировки во Франции в 1987 году решил остаться в этой стране. Как рассказывает он сам, затем последовали годы нужды, когда он был фактически бездомным, прежде чем к нему пришел литературный успех. Неизменным лейтмотивом произведений Макина является попытка ухода от действительности, точно так же, как его персонажи ищут избавления от советской действительности, сам автор пытается избежать ограничений, налагаемых его родным языком, и поэтому пишет исключительно на французском. Таким образом, используя терминологию формалистов, Макин создает свой индивидуальный стиль, который отграничивает означаемое (содержание) от средств его выражения (формы).

Произведения Макина многим обязаны традиции классической русской литературы с ее пристальным интересом к столкновению лжи и правды, уродства и красоты, варварства и культуры, представленному, например, в произведениях Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова. В то время как персонажи произведений XIX века безнадежно погрязли в омерзительной социальной действительности, в произведениях Макина они мечтают уйти от нее и действительно уходят. Дополнительную глубину их духовному миру придает ожидание чего-то лучшего, прекрасного и яркого, олицетворяемого Францией и французской культурой. Многочисленные дихотомии между Россией и Францией символизируют прошлое и настоящее, уродство и красоту, тиранию и свободу. Из всех писателей русского происхождения, работающих за рубежом в постсоветский период,

¹ Профессор русского языка и литературы университета Бат (Великобритания). Читает курс «Современное российское кино» и «Европейское кино». Его исследовательские интересы включают русскую литературу послевоенного периода и русскую культуру в постсоветское время. Автор более 30 научных публикаций, посвященных русской литературе XX века, советскому и российскому кинематографу, в т. ч.: «Российский роман XX века: вступление», «Русское кино», «Италия как “другой”»: “Ностальгия” Андрея Тарковского», «Русская проза в канун постмодернизма», «Насилие и авторитарность в прозе Сорокина», “Violence and Masculinity in Modern Russia”, “Early Soviet Cinema: Innovation, Ideology and Propaganda” и др.

у Макина наиболее явно прослеживаются конфликты, порождаемые напряжением «трансграничного текста».

На своей новой родине Макин был назван «двуязычным» или «трансыязычным» писателем, его лингвистический и творческий талант был признан в 1995 году, когда он впервые в истории получил одновременно и Гонкуровскую премию, и премию «Медичи», и это событие изменило его литературную судьбу. В отличие от произведений других мигрантов, таких как Джозеф Конрад, Эльза Триоле, Милан Кундера и, конечно, Владимир Набоков, в произведениях Макина нет ничего о его новой родине; они скорее сосредоточены на русской жизни и истории, особенно Второй мировой войны, на ужасах сталинизма и их трагических последствиях для русской души в современном мире. По поводу своего места среди столпов русской литературы Макин сухо иронизирует, что он счастлив быть среди великих, поскольку однажды в одном французском магазине он увидел стенд, где в алфавитном порядке были выставлены работы литераторов Восточной Европы: «Мои произведения был засунуты между книгами Лермонтова и Набокова, и это чуть было не вызвало у меня головокружение от мании величия».

В произведениях Макина затрагиваются проблемы исторических условий России и ее места в мире. В половине его работ явно присутствует французский контекст, а язык и культура Франции служат символами элегантности и противопоставляются жестокости России. Поскольку его произведения насыщены огромным множеством контрастов, почти каждая деталь имеет символическое значение добра или зла, красоты или уродства, благородства или дикости. То, что Макин пишет на французском, более соответствует классическому литературному стилю XIX века и имеет декадентскую направленность, по сравнению с современным литературным стилем, что было замечено русским переводчиком «Французского завещания» Леонидом Цивьяном и многочисленными французскими критиками и франкоязычными лингвистами. Макин не признает современного французского с его многочисленными культурными заимствованиями и молодежным сленгом, он подверг эти явления испепеляющей критике в «Земле и небе Жака Дорма» (*“La terre et le ciel de Jacques Dorme”*). Таким образом, это сознательное использование языка прошлого есть еще одно явное заявление о культурных предпочтениях автора, его отказ от настоящего.

Так как Макин пишет прежде всего для французского читателя (и для последующего перевода французского текста на другие языки), он явственно отходит от русской литературной традиции непосредственной связи с родиной, особенно отчетливо выраженной в XX веке вследствие депортации целого поколения писателей за границу, что лучше всего видно на примере Александра Солженицына. Хотя его произведения были запрещены в Советском Союзе, писатель всегда верил, что соотечественники будут читать его, и никогда не сомневался, что его правдивое слово когда-нибудь произведет огромное впечатление на Россию.

Изображение войны, безжалостной и кровавой, в произведениях Макина не ново для советской литературы, такую же страшную и отвратительную картину войны можно найти в работах военных прозаиков 1960–1970-х годов, таких как Василь Быков, Булат Окуджава,

Григорий Бакланов, Виктор Астафьев и многих других. Все эти авторы описывали собственный военный опыт, и поэтому их произведения несут печать подлинности. Макин, воспитанный в советской школе тех лет, не может не знать этих произведений, потому на его описание войны, без сомнения, оказали сильное влияние все эти писатели, лично испытавшие ее на себе. Жестокости коллективизации, беспощадная бдительность и зверства спецслужб, описанные в его нескольких романах, также едва ли незнакомы писателям и читателям произведений русской литературы XX века (особенно по работам Солженицына). Но в то время как советские писатели воспевали коллективный героизм в работе на нужды фронта и жертвы, принесенные во имя будущего, Макин делает акцент на страданиях людей, их напрасных увечьях и смертях, не замечаемых властями.

Один из наиболее горьких образов войны у Макина — так называемые «самовары», озлобленные безногие ветераны войны, устраивающие поножовщину в пьяном угаре, нападающие друг на друга на своих самодельных инвалидных тележках, пока их бесцеремонно не зашвыривают в милицейские машины. Во «Французском завещании» этот образ не только означает ужасную цену, заплаченную выжившими в войне, но также очень убедительно раскрывает безразличие режима к людям, спасшим его. Любой иностранец, посетивший Советский Союз в 1970–1980-х годах, может удостовериться тот факт, что для инвалидов и людей с ампутированными конечностями не было создано никаких специальных сооружений, а об инвалидных колясках никто и не слышал. «Самовары» и их поножовщина, может быть, и являются скорее вымыслом, чем реальностью, но позорное обращение советской власти с инвалидами войны — отнюдь не откровение для русского читателя. Такое явное пренебрежение властей было подвергнуто критике писателем Юрием Нагибиным в повести 1983 года «Терпение». Макин, быть может, усугубляет горькую правду, но проза его основана на подлинных обстоятельствах.

Россия Макина — в основном варварская, отвратительная, морально прогнившая страна, и его персонажи стремятся покинуть ее, как только осознают эту скрытую порочность. Печальная правда советской жизни, лишенной своей внешней шелухи, — тема, к которой любят обращаться столь разные русские писатели «третьей волны» эмиграции — от Василия Аксенова до Сергея Довлатова; эта же тема была затронута, хотя и отчасти, в «официальной» прозе таких авторов, как Юрий Трифонов, где ложь и правда относительны. О произведениях Юрия Трифонова можно еще многое сказать.

Россия Макина представлена не двумя великими городами — Москвой и Санкт-Петербургом, в его произведениях описываются скорее промерзшие просторы Сибири, где жизнь трудна, а смерть легка, но где можно обнаружить и человеческое достоинство, и внутреннюю доброту, и гармонию коллективного сосуществования. Семья сибирячки Анны в повести «Любовь человеческая» (*“L’amour humaine”*) выписана почти невозможно идеальной, немеркантильной, вежливой, расово терпимой, словно ее и не коснулись пороки и предрассудки XX века. Здесь снова явственно прослеживается традиция русской литературы, так как и славянофилы XIX века, и «деревенские писатели» XX века

превозносили добродетели сельских жителей России и особенно Сибири (Валентин Распутин и Виктор Астафьев, например).

И в самом деле произведения Макина — духовные наследники русской классики именно потому, что в них автор воспекает российскую глубинку. В повести 2004 года «Женщина, которая ждала» (“*La femme qui attendait*”) действие происходит в основном в деревушке на севере России, и повесть эта во многом схожа с «деревенской прозой» 1960-х годов. Образ главной героини Веры — «женщины, которая ждала» — очевидно стоит в одном ряду с образами благородных, нравственно безупречных женских характеров русской классики.

Героиня с символическим именем Вера, женщина средних лет, живет одна, поскольку вот уже 30 лет ждет, когда ее любимый вернется с войны. Хотя автор с первых строк заставляет читателя думать, что тот погиб, позже мы узнаем, что он жив и с относительным комфортом проживает с семьей в соседнем городе. Нам неизвестно, знает ли об этом Вера, но то, что она пожертвовала своей юностью ради мужчины, которого любит, есть лучшее доказательство ее внутренней силы и чувства долга.

Мир в произведениях Макина — это прежде всего мир, утверждающий литературу единственной подлинной реальностью, поскольку русские литературные тропы, персонажи и даже отдельные слова определяют созданный им мир и царят в нем. Картина России в его книгах основана не на исторических источниках, а на произведениях литературы, и картина эта подвергнута «остранению» благодаря использованию иного языка. Наиболее характерный пример этому можно найти в повести «Жизнь незнакомца» (“*La vie d’un homme inconnu*”), в которой сознательно на передний план выдвинута связь с чеховским рассказом «Шуточка» (1886) как способ понять отношения между живущим в Париже русским писателем средних лет по имени Шутов, соотносимым автором в собой, и его юной французской возлюбленной Леа. Повесть сопоставляет прошлое и настоящее в печальной схватке с торгашескими ценностями новой капиталистической России. Повесть эта ясно показывает отращивание Макина к новым реалиям как России, так и современной Франции, утверждая погружение в литературу как лучший способ бегства от действительности.

Хочу заметить, что «русскость» Андрея Макина проявляется в его неосознанных отсылках к русской классической литературе при анализе советских и постсоветских проблем, в его стремлении показать скрытую под лакированной поверхностью порочность общества, в его женских образах. Он вполне сознательно использует жанры и темы советской литературы периода застоя, в котором он вырос, — военную прозу, «деревенскую прозу» и работы Юрия Трифонова, — чтобы диалектически раскрыть свою «любвененависть» в отношении Франции и России. Кроме того, в его идеализированной внутренней женской чистоты по сравнению с мужской изменчивостью явно прослеживается традиция классической русской литературы, и в своей последней книге он тяготеет к Чехову, показывая действие человеческой памяти и утверждая преходящий характер человеческого существования. И, наконец, без сомнения, влияние Достоевского на прозу Макина всегда

очевидно, ибо лишь красота может спасти мир. Кроме того, хотя автор и пишет на французском и для французского читателя, он остро осознает важную роль писателя в русском обществе. Он, как и несопоставимые с ним современные русские писатели, такие как Владимир Сорокин и Евгений Попов, утверждает важность и жизненную необходимость письменного слова и писателя как последнего хранителя ценностей и постоянства в быстро меняющемся мире.

В заключение я скажу несколько слов о творчестве Ольги Грушиной — американской писательницы русского происхождения, которая пишет свои романы на американском английском языке. Самый известный роман — «Жизнь Суханова в сновидениях» (2006). Ольга Грушина описывает 1960–1970-е годы, годы застоя, где есть прямые литературные параллели с творчеством Юрия Быкова. Такие же нравственные компромиссы и соблазн материального достатка и внутреннего спокойствия, такие же жертвы собственной души людей, которые не сдаются, не идут на компромиссы. Мне кажется, Грушина и Макин определены или связаны одной культурной чертой — они показывают, как общество, система влияют на человеческую личность. В их произведениях история весьма ощутима. И здесь, я думаю, понятие границы как бы растворяется, потому что русский писатель остается русским писателем, несмотря на тот язык, на котором он пишет. Макин, как и Грушина, ищет прекрасное в этом мире, они стремятся показывать самое лучшее, что есть внутри человека, хотя можно много и долго раздумывать об особенностях языка и роли культурного сознания. Язык для Макина, как, наверное, и для Грушиной, является не барьером или границей, а способом, живым средством для обогащения национальной культуры той страны, где они проживают, своей народной, собственной культурой. Ольга Грушина, как и Андрей Макин, удостоена наград: она получила нью-йоркскую литературную премию «Молодые львы» и другие призы. Литературный успех Макина и Грушиной подтверждает, что русские писатели, в какой бы стране или лингвистической среде они ни жили, убеждены, что самая великая, устойчивая сила в нашем быстро меняющемся, глобализирующемся мире — это все-таки литература.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Спасибо, господин Гиллеспи. Маленький комментарий. Вообще-то мы хорошо знаем Андрея Макина и много о нем пишем, но интересно, что Ваш доклад, наверное, подтвердил одну известную мысль, очень простую, а именно — что настоящая литература обязательно допускает самые разные интерпретации. Одновременно и сила, и слабость слова, что его читают, видят и слышат по-разному. Макин учился в МГУ на факультете журналистики. Я прочитала «Французское завещание» и увлеклась им, но тема побега от ужасов нашей действительности для меня ни разу не прозвучала. Я читала его другими глазами, и для меня он был необыкновенно интересен. Даже в своей книге «Язык и межкультурные коммуникации» я написала, что Андрей Макин блестяще иллюстрирует, что происходит, когда автор владеет двумя языками, но знает одну культуру, потому что вырос в нашей культуре. Я уверена, что до отъезда на Запад в 1987 году он, так же как и мы, нашу жизнь не воспринимал как не-

что ужасное, он просто жил, он другой жизни не знал. От бабушки Шарлотты он что-то слышал, но мы тоже читали романы и слышали про другую жизнь, эта другая жизнь была параллельна.

Что меня поразило? Что мы с Вами прочитали роман одного автора и восприняли его совершенно по-разному, увидели разные мотивы. Мне кажется, это прекрасно иллюстрирует то, что это настоящая литература, потому что, если бы слово не могло быть прочитано по-разному, не было бы классической литературы, тогда каждое следующее поколение с новой идеологией, с измененной культурой уже отбрасывало бы прошлое и хотело бы чего-то свежего. Ничего подобного. И мы с Вами, как представители двух разных поколений, двух разных миров, смотрим на него по-разному. Для меня было важно, что он блистательно смог описать действия на французском языке. Кстати, после «Французского завешания» мне ничего не понравилось, потому что впечатление от следующих его романов не то, так как я читала их на английском языке.

Д. ГИЛЛЕСПИ: — Его произведения отлично переведены на английский язык.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Да, я согласна, а русский читатель очень поздно его обнаружил. Так вот, он смог сравнить и описать то, что сам видел и понимал, и то, что бабушка рассказывала ему о Вилляж, где она родилась. Вилляж — это деревня, и он не мог понять, как мог Марсель Пруст играть в теннис в деревне, потому что в его родной деревне жили пастухи. Это все блистательно описано, и в этом смысле писатель совершенно уникален, потому что осознал свой билингвизм и монокультурность. И множеством значений французских слов он показывал русский мир. Я постараюсь перечитать и увидеть тему убегания от ужасов. Но поскольку для меня это, как и для него, было не ужасами, а нормальной жизнью и другой мы не знали, боюсь, что я этого не увижу. Для нас это было нормально. Когда вы ничего другого не знаете, то это становится нормой. Я это знаю, потому что долго находилась за «железным занавесом», как и вся страна.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН¹: — Позвольте добавить несколько слов. Я тоже знаю Андрея Макина, так как он преподавал русский язык у нас в университете, и прежде всего в Париже. Ваши высказывания справедливы для периода, пока он жил в России, но когда он переехал во Францию, он стал смотреть на Россию совсем другими глазами. И я думаю, что ужас, который он описывает в своих романах, уже будучи за границей, он испытывает далеко от России, это и есть другой взгляд.

Д. ГИЛЛЕСПИ: — Когда я познакомился с Андреем Макиным в МГУ, то он был образцовым советским гражданином и говорил как патриот. Я тогда в нем ничего такого не подозревал.

¹ Заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Русско-французский тематический словарь современного языка», «Женщины в советской России (1945–1975)», «От гусара к товарищу: два примера травестирования в России XVIII и XX веков», «Русский язык в постсоветском пространстве», «Амазонка на русской земле», «Размышления о Первом женском всероссийском съезде 1908 г.», «Культурное значение Страсбурга для русских в XVIII веке» и др.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Мне кажется, мы все говорим об одном и том же. Пойдем дальше. Сейчас я хотела бы предоставить слово профессору из Франции Эвелине Эндерляйн.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Я хочу вам рассказать о восприятии русской литературы во Франции в течение XIX века, но вы, безусловно, сможете провести параллели, что касается XX века. Появление русской переводной литературы во Франции восходит ко второй половине XVIII века, и она продолжает переводиться на протяжении всего XIX века.

Первые переводы русских художественных текстов появились во Франции во второй половине XVIII века. Именно в этот период в сознание французов закладывается образ, предложенный самой действительностью. Тогда количество приезжих русских было настолько значительно, что Вольтер написал сатиру под названием «Русский в Париже» (1760), а писатель и публицист Луи-Себастьян Мерсье видел в этом характерные черты парижской жизни конца XVIII века. Один аристократ тогда написал в своих мемуарах: «Сегодня для русских Париж и Петербург соприкасаются». Мы сейчас возвращаемся к этому.

Таким образом, правомочно спросить, насколько хорошо знали французы русскую литературу; какие произведения были переведены, кем и для чего? Какое влияние они оказали на формирование образа русского человека во Франции? Каким было их восприятие? Мои исследования привели меня к вопросу об отношениях между литературным переводом и другими факторами социально-исторической жизни. Эта проблема возвращающаяся, относится к любой эпохе. Многочисленные актуальные дебаты о встрече цивилизаций являются тому непосредственным свидетельством. Дистанцирование во времени позволит нам более объективно взглянуть на это явление в XIX веке.

До конца XVIII века французы представляли Россию далекой варварской страной. Только на рубеже веков можно наблюдать изменение отношения к ней. В это же время появились первые признаки культурного интереса к России. Первая русская грамматика Жана Сойера на французском языке называлась «La Grammaire russe» (1724) и на самом деле была переведена с немецкого языка. Французская публика еще пребывала в уверенности, что Россия не имеет собственной литературы и ее язык не заслуживает изучения. И действительно, она еще не видела изданными ни «Истории русской литературы», ни избранных отрывков, ни грамматики, ни словаря. Начало XIX века рождает в этом отношении своего рода революцию. В 1800 году появился сборник «Избранные лучших сочинений русской литературы, от ее возникновения до времен Екатерины II», переведенный на французский язык греком, живущим в России, М. Л. Паппадопуло и гражданином Галле. Если Паппадопуло нанял французского сотрудника, то только потому, что он знал русский язык и практически не знал французского! Он перевел отрывки только тех авторов, которые находились под влиянием французской литературы, прежде всего Тредиаковского и Сумарокова, игнорируя драматурга Фонвизина и особенно Карамзина, тогда уже выпустившего свои «Письма русского путешественника», которые не были пере-

ведены на французский язык. Не занимался переводами народной литературы и всего того, что было написано до XVIII века.

Но интерес французской образованной публики рос, и нетерпеливые парижские издатели, не имея книг французского происхождения, начали публиковать иностранные исследования, как, например, «Историческая и статистическая схема Российской империи» немца Генриха Шторха в 1800 году и «Российская империя при царствовании Екатерины II и в конце XVIII века» англичанина Уильяма Тука, изданная на французском языке в 1801 году в шести томах. Надо сказать, что Шторх и Тук очень хорошо знали Россию, поскольку жили здесь определенное время, но они были знакомы только с аристократической жизнью страны и полностью игнорировали жизнь в деревнях, поэтому представляли условия крестьянской жизни в почти идиллическом свете.

В период после смерти Павла I и до сражения в Аустерлице (с 1801 по 1805 г.) разворачивалась позитивная пропаганда. Французские газеты превозносили публикации, благосклонные к России (Alphonse de Beauchamp), и молчали по отношению к враждебным изданиям (Sylvain Maréchal, 1802). Из всех писателей особенно выдающимся у французов, судя по переводам, считался Карамзин. Но надо сказать, что первые переводы его книги были сделаны с немецкого. Карамзина оценили, а сатирические произведения о русской действительности таких писателей, как Новиков, Радищев, Крылов, Фонвизин, тщательно утаивались. Русские, ставшие инициаторами перевода трудов Карамзина, воздерживались от всякого критического представления собственной страны в Европе. В первую очередь нужно было показать, насколько Россия своей сентиментальностью, сентиментализмом в литературе приближалась к Западу. Увлечение Россией в первые годы консульства будущего императора Наполеона касалось не только прессы и литературных газет, тогда театр также заражается этим пристрастием и уделяет огромное внимание русским сюжетам.

Но вскоре начался перелом. Англия возобновила войну (Трафальгар, 1805). Александр I, обеспокоенный восточными проектами Наполеона, стал питать к нему враждебные чувства. В октябре 1805 года русская армия вошла в Вену. Тогда механизм второй коалиции снова заработал. Вынужденный отказаться, по крайней мере на некоторое время, от францужско-русского соглашения Наполеон примерно в течение двух лет разыграл карту западной мощи против России. Именно в это время «Bulletins de la Grande Armée» начали возрождать образ диких полчищ татар. Литературе о России тех лет не хватает объективности, так как в центре внимания была Польша, которая привлекала симпатии публицистов. Эффект скрытой русофобии со времен похода Суворова значительно усилился после военной кампании 1812 года и особенно после падения империи, которое она повлекла за собой.

С тех пор идеологические соперники Наполеона стали пользоваться популярностью. Безразличие или враждебность по отношению к России вскоре прекратились. Уже в 1814 году Шатобриан, который до того времени не знал о России, в брошюре «De Buonaparte et des Bourbons» (1814) написал о признательности аристо-

кратов Александру и восхвалял его в своих «Mémoires d'Outre Tombe». В 1821 году появились сочинения Жозефа де Местра, которого в возрасте 50 лет король Сардинии назначил послом в Санкт-Петербурге, где он открыл для себя вторую родину. Запоздалая русофилия вдохновила его написать самые прекрасные страницы своих «Soirées de Saint-Petersbourg» («Петербургские вечера»), при этом он не оставил своих антинаполеоновских и антиреволюционных пристрастий. В том же 1821 году в печать вышла книга «Dix années d'exil» («Десять лет в ссылке») мадам де Сталь, также позитивно настроенной по отношению к русскому народу, с которым она познакомилась во время своей поездки по России, не зная русского языка. В 1830-е годы русский вопрос оставался на заднем плане интеллектуальных забот французов. Но Александр был в зените своей славы. Можно было бы ожидать появления литературы, благосклонной к России, но факты этого не подтверждают.

В годы Реставрации (в начале 1821 г.) в журнале «Revue encyclopédique» впервые встретилось имя Александра Пушкина в одобрительном суждении о поэме «Руслан и Людмила». Эта публикация появилась благодаря другу поэта Кюхельбекеру, который находился в то время в Париже с целью проведения конференций о русской литературе в Королевском атеене. И надо сказать, что это показательный факт, что в первую очередь русские, проживающие во Франции, сами заботятся о переводах или сами переводят. Особенно привлекали внимание литературных журналистов произведения Пушкина, конечно, после перевода поэмы «Руслан и Людмила». Эта реклама была проведена по инициативе русских аристократов Кюхельбекера, Полторацкого, которые желали порвать с изолированностью своей страны, используя общую благоприятную обстановку по отношению к России и возможность участия, которую им предоставлял в Париже «Энциклопедический журнал». Но в целом французская общественность продолжала игнорировать почти всю русскую литературу. Нужно признать ограниченность попыток издания переводных произведений, которые были плодом усилий нескольких французов, живших в России, или русских, решивших использовать благоприятную политическую обстановку для знакомства с культурой своей страны. Французские мыслители были озабочены больше русской мощью, чем вопросами о прошлом и настоящем русской литературы. Надо сказать, что французские аристократы часто эмигрировали в Россию, женились на русских, и благодаря этим новым парам, можно сказать, содействию русских жен, в большинстве случаев образованных, была возможность делать эти переводы.

Но в начале 1837 года известие о смерти Пушкина резко перевело внимание на литературную Россию. Также по случаю смерти Пушкина другой легитимист, роялист, покинувший Францию, чтобы не служить Карлу X и женившийся на русской, представил многочисленные исследования о Пушкине и тогда одновременно начал писать книгу о русской литературе. Таким образом, во Франции конца 1830-х годов, особенно после того как «польское дело» начало рассыпаться, знакомство французского общества с литературной Россией вновь активизировалось. Но для того чтобы Франция

по-настоящему заинтересовалась русской литературой, была необходима реализация двух условий: чтобы в России издавались оригинальные произведения и чтобы Франция не испытывала политической вражды.

Русско-французские отношения в 1840-е годы оставались напряженными. Почему? Потому что появление в 1843 году очень известной книги маркиза де Кюстина «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»), в которой он подчеркивает слабые места всего того, что русофилы считали отличительной чертой русского народа, — религии, царизма, народной культуры, конечно, не внесло вклада в процесс сближения. Надо сказать, что эта книга была заказана королем Луи Филиппом, который хотел таким образом оправдать свою польскую политику. Эта книга была сразу запрещена в России, где стали искать писателя, который был бы в состоянии написать ответ де Кюстину, опровергнуть его книгу, одно время даже просили Балзака написать положительную книгу о России, поскольку он собирался сюда к своей возлюбленной. Но это не получилось, так что книга осталась без ответа. И надо сказать, что она регулярно переиздается.

Начиная с 1840-х годов новая проблема занимает французскую общественность. Россия старается объединить славянские государства вокруг себя. С этих пор тактика Европы состоит в поддержке западных славянских государств в противовес русскому. И здесь польские эмигранты, которых в Париже было много, сыграли решающую роль.

В 1850–1860-е годы возник новый феномен, когда появилась другая категория русских, которых французы до сих пор игнорировали: приехали революционеры, сбежавшие от преследований Николая I. Бакунин, Лавров и Сазонов, друг Герцена, остановились во французской столице, где встретили Луи Блана и Прудона. Вскоре к ним присоединился Герцен. За ними последовали Плеханов, Кропоткин и др. Тогда литературная Россия становится предметом более широкого внимания, чем во времена Наполеона и Реставрации. Но значит ли это, что старая русофобия отступила? К сожалению, только тогда преимущественно монархисты интересовались Россией. Потом среди них опять возникло расслоение из-за религиозных проблем, и прежде всего из-за Польши.

Решительный поворот произошел в 1870-х годах. Почему, какие факторы объясняют этот поворот? 1870-е годы знаменуют разлом во французском сознании. После мучительного поражения в битве с пруссами от прежнего престижа ничего не осталось. И тогда университеты, поддерживаемые новыми политическими силами Франции, стали проявлять повышенный интерес к загадочной России. Начали создаваться первые кафедры русского языка, появились первые серьезные академические университетские книги о России. И, наконец, в 1886 году пришло окончательное признание: вышел знаменитый сборник «Русский роман» французского аристократа виконта Мельхиора де Вогье — дипломата и литературного критика, который открыл Франции Гоголя, Достоевского и Толстого. Тогда это было настоящей сенсацией.

Необходимо отметить значительный наплыв русских романов в конце XIX века. Их принятие было неравнозначным. Почему? Французские писатели, пре-

стиж которых был снижен из-за эффекта русского романа, повели себя очень нерешительно. Золя и Гонкур почувствовали сильную конкуренцию. Их упрекали в том, что они пишут слишком реалистически, что натурализм уже себя исчерпал, что их произведения лишены всякой эмоциональности, что французская литература дошла до определенного предела и нуждается в обогащении, и это обогащение идет как раз из русского романа. Но это, как вы можете себе представить, очень не понравилось французским писателям того времени. И поэтому и Золя, и Гонкур очень скептически относились к русским авторам.

Хочу отметить значительную роль Тургенева в Париже с 1850-х годов. Вместе со своим французским другом, писателем Мериме он очень много сделал для ознакомления образованной французской публики с русской литературой. Но надо сказать, что во Франции, где Тургенев жил до 1880-х годов, он прежде всего переводил и представлял свои произведения. Он считался единственным значительным русским писателем и поэтом, не особенно спешил переводить книги своих коллег, прежде всего Л. Н. Толстого, с которым у него были очень напряженные отношения, и Достоевского. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, например, были переведены только в 1860-е годы, но на них очень мало читателей обратило внимание. То же самое с «Севастопольскими рассказами» Толстого. Так что действительно официальное и широкое общественное признание русского романа произошло в 1886 году и длилось до 1920-х годов. Надо сказать, что дю Бугрэ дал характеристику русской литературе, в которой прежде всего подчеркивал то, чего не было у французов: так называемую известную русскую духовность, русский мистицизм, русскую диалектику души, как у Толстого, художественные приемы исследования русской глубинности, человеческой души у Достоевского. Все это оказалось близко французам и сильно повлияло на французских писателей начала XX века. Спасибо за внимание.

— *Как Вы считаете, был ли прав один из ученых, когда утверждал, что примерно до 80-х годов XX века французские литературоведы-слависты могли более успешно защищать диссертации по русской литературе так называемого социалистического реализма, нежели диссертации о творчестве эмигрантов первой волны — Шмелева, Зайцева и т. д.?* (вопрос из зала)

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Я поэтому и не хотела особенно говорить о XX веке, потому что восприятие русской и, конечно, советской литературы во Франции тоже зависело от политической обстановки. Можно было защитить диссертацию о Зайцеве, Бердяеве, я тоже писала о них, но надо было найти своего профессора. Признание русских художников и писателей во Франции в послевоенные годы было проблематичным, но общее настроение было все-таки позитивным, положительным по отношению к Советскому Союзу.

В. А. ДОМАНСКИЙ: — У меня некоторое уточнение. Вы говорите, что Карамзин переводил в основном с немецкого языка. Но ведь он вначале и с французского переводил достаточно много, просто тексты не были идентифицированы.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Да, он сам был переводчиком, но его произведения переводили на французский язык сначала с немецкого, потом уже с русского.

В. А. ДОМАНСКИЙ: — Вы говорите, что Тургенев сотрудничал с Мериме, но он активно сотрудничал и с Луи Виардо, который переводил Гоголя. Потом сам Тургенев не только переводил Пушкина для альбомов Полины Виардо, но и способствовал переводу многих русских романов. Здесь, наверное, нельзя ограничиться только перечисленными Вами произведениями.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — За неимением времени я не могла перечислять.

В. А. ДОМАНСКИЙ: — В 1850 году очень много произведений было переведено при помощи Тургенева.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Да, но они оставались незамеченными.

В. А. ДОМАНСКИЙ: — Почему? Ведь есть, например, сделанный Тургеновым перевод книги Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», четырех изданий «Тараса Бульбы» в 1880-е годы.

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Я с Вами согласна, просто нет времени это обсуждать.

П. О. ИЛЬИНСКИЙ: — Вы вначале сказали, что Россия выглядела варварской страной. Интересна Ваша точка зрения: переводы, знакомство с русской литературой XIX века как-то повлияли на образ «другого» русского, то есть русского как «другого», образ, который не отвечает реальности: его либо идеализируют, либо деидеализируют? Как Вы думаете, этот образ русского благодаря переводам, сделанным в конце XIX века, во Франции изменился?

Э. ЭНДЕРЛЯЙН: — Вы знаете, как раз упомянутые переводы Гоголя и Пушкина воспринимались именно как экзотические произведения. А образ русского человека во французском сознании сильно изменился только в самом конце XIX века, так как до этого его создавал Тургенев, но его воспринимали уже как не чисто русского, а западного человека. Так что образ русского человека в корне изменился в конце XIX века, после знакомства с Толстым и Достоевским.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Я хочу с большим удовольствием предоставить слово профессору из Италии Марии Кандиде Гидини.

М. ГИДИНИ: — Тема моего выступления поможет лучше понять и погрузиться в сложную проблема-

¹ Профессор русской литературы Университета Пармы и Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Il cerchio incantato del linguaggio. Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjačeslav Ivanov», «La corte e il cortile. Aspetti della cultura nobiliare russa tra Settecento e Ottocento», «La parola e la realtà. Per una ricostruzione della filosofia del linguaggio di Gustav Špet», «Особенности герменевтики Г. Г. Шпета», «Il pensiero linguistico di Gustav Špet», «La forza reale del possibile. Il pensiero estetico di Gustav Špet», «Вячеслав Иванов и имяславие», «Слово и ре-

тику диалога культур. Образ России в концепции французского философа Жака Маритена представляет собой интересный пример переосмысления понятия одной национальной культуры, одной национальной идентичности, то есть самой России, с ее духовным и историческим значением в русле целой европейской цивилизации. Чужой культурный путь рассматривался как возможное указание на собственные исторические заблуждения и их изменение. В силу своей «другости» и тем самым «общности» Восточная Европа, и Россия в частности, могла обогатить духовную и культурную картину межвоенной Европы, находящейся в те годы в состоянии ужаснейшей гражданской войны.

Я не случайно выбрала именно этот период — 1920–1930-е годы, такой кризисный период, который каким-то образом похож на сегодняшний. И не случайно выбрала Париж как место, где встретились разные культуры. В связи с этим существенным был вклад русской эмиграции, особенно в лице таких мыслителей и философов, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Лев Шестов. Вопрос о взаимоотношениях православия и католичества остро стоял в католических церковных кругах после Октябрьской революции, особенно во Франции. В тогдашнем восприятии как будто насильственное движение истории вдруг поставило рядом в одном пространстве два далеких и нередко противоположных мира. И благодаря массовой эмиграции из России европейские Запад и Восток стали близки как никогда, и их встреча была не только полна проблем, но и чревата обещаниями плодотворного углубления их различных идентичностей.

Как заметил Бердяев в 1925 году, уже поселившись в Париже: «Русские, россияне имеют свой смысл не по воле только большевиков, но и по воле божьего промысла россияне, русские люди по всему лицу земли. С этим связаны не только страдания и муки оторванности от Родины, но и положительная миссия. Осознала ли русская миграция эту миссию?» Именно об этом постепенно развивающемся осознании обоих лагерей мне хотелось бы сейчас поговорить. В конце 1920-х годов особо активными в деле знакомства и взаимного сближения русских и французских интеллектуалов были два кружка. Первый — неформальный кружок, собравшийся вокруг Бердяева и Маритена, а другой, более организованный, — Франко-русская студия. На своих межконфессиональных встречах Бердяев и Маритен собирали знакомых и друзей из числа религиозных мыслителей и церковных деятелей. Каждый раз философы вместе решали, кого именно позвать, и в течение своей краткой истории — три года — эти собрания стали носить скорее мистический и духовный, чем культурный или церковный характер. Франко-русская студия возникла в 1929 году, но она сформировалась скорее как литературный салон, только потом стала каким-то более духовным и религиозным центром.

Хочу заметить, что русские и французские мыслители с самого начала XX века разделяли, с одной стороны, стремление осмыслить духовную суть европейской

альность. К вопросу о реконструкции философии языка Г. Шпета», «Проблема личности между феноменологией и историей: влияние Густава Шпета на работы Григория Винокура двадцатых годов», «Звук и смысл: некоторые замечания о теме глоссологии у Вячеслава Иванова», «Текущие задачи и вечные проблемы: Густав Шпет и его школа в Государственной академии художественных наук» и др.

культуры, а с другой — противостояние рационализму и субъективизму Нового времени. И этот менталитет «модерните» и во Франции, и в России тогда каким-то образом отождествлялся с немецкой протестантской философией. Во время Первой мировой войны можно проследить довольно резкую критику германизма и в католических французских кругах, и среди представителей русского религиозного ренессанса. Например, в 1915 году Маритен не раз выступал в Католическом институте Парижа с докладами, где доказывал, что современные индивидуализм и материализм развивались из немецкой философии И. Канта. Его аргументация очень похожа на итоги, достигнутые русскими философами, сотрудничавшими с издательством «Путь». Такими как, в частности, Эрн, который в своей полемической статье «От Канта до Крупа» утверждал, что философия германизма и милитаризма, приведшая мир к чудовищной войне, питалась идеями именно Канта.

Спустя 10–15 лет, когда этот пангерманистский дух начал проявляться в Европе как историческая и конкретная сила, Маритен и Бердяев переставили акцент на другой, более духовный план и начали глубокое переосмысление собственных исторических, религиозных и культурных традиций, вплоть до признания некой собственной вины и ответственности за трагические переломы истории. Если для Бердяева это в естественной мере является эхом тревожного духа в сборниках «Вехи», «Из глубины» и других, то для Маритена сближение с русской мыслью и религиозностью, особенно через самого Бердяева, было необходимо для того, чтобы преодолеть или по крайней мере обойти риск национализма, который стал большой проблемой для французской католической интеллигенции после Первой мировой войны и который, пожалуй, во многом определил маритеновское цитирование положений против германизма.

В своих работах «Ангельский доктор» и «Религия и культура» Маритен изучал кризис Нового времени исходя из круга вопросов, поставленных Бердяевым в тот же период в работах, опубликованных во Франции и получивших большой резонанс по всей Европе именно благодаря Маритену, «Судьба культуры» и «Новое средневековье». Именно в это время Маритен говорит о христианской диаспоре в мире как о факте, который может стать преддверием новой христианской цивилизации в мире, где искомое единство будет разворачиваться в духовном, а не в политическом плане. То же самое, впрочем, писал Бердяев в период своего знакомства с Маритеном: «Не случайно русские православные люди приведены в тесное соприкосновение с западным миром, с христианами Запада. Православие имеет вселенское значение, и оно не может продолжать находиться в национально замкнутом изолированном состоянии. Оно должно стать духовной силой, действующей в мире». И это нужно понимать не в смысле отвлеченного интерконфессионализма, творчески бесплотного, а в смысле установления большого духовного единения из глубины каждого вероисповедания, через движение вглубь.

Западная Европа перестает быть монополистом культуры, в ней чувствуется истощение. И Восток, прежде всего русский, приобретает большее мировое значение, чем имел раньше. То есть влияние русской куль-

туры имеет смысл, потому что европейская культура истощается, обедняется. Итак, именно Россия в силу своей маргинальности по отношению к европейской культуре представляет свою привилегированную точку зрения для анализа существенной характеристики европейского смысла. И встреча с русской культурой могла бы помочь всей Европе решить задачу универсализма и избежать опасных форм национализма и крайнего индивидуализма, последнего итога цивилизации. Как будто отпали все отрицательные намеки, направленные против германской культуры, именно из-за осознания своей ответственности. Более того, в приложении к своей книге «Примат духовного» Маритен говорит о русском православии, исходя из убеждения, что церковь — не Запад и не Восток, ее универсальность, имея свой центр в Христе, «не находится ни в какой части мира»; он утверждает, что различия между католиками и православными являются не большим препятствием к единству веры, чем разница между францисканцами и бенедиктинцами.

Жак Маритен рассматривал эти темы самым серьезным образом. В своем докладе о Декарте, прочитанном на собрании Франко-русской студии 27 января 1931 года, он последовательно применил к себе самому суд совести, к которому он годом раньше призвал всю западную цивилизацию. И он ввел свои «картезианские размышления» в рамки спора между Западом и Востоком. Он противопоставил антропоцентризм и ультра-рационализм картезианства восточной мысли и соловьевскому учению о Богочеловеке. Картезианство он определил как «великий французский грех» и употребил разные термины Бердяева, который выступил в поддержку Маритена. Те же мысли повторяются и развиваются в религиозной и философской областях в книге «Сон Декарта», которая является призывом к русским философам понимать и Восток и Запад и совместно работать над примирением умов в истине. Итак, Маритен вместе с Бердяевым сознательно принял участие в очень актуальной дискуссии, проходившей в Европе и в течение десятилетия породившей многочисленные публикации. Кроме упомянутого бердяевского «Нового Средневековья» можно вспомнить «Защиту Запада» Анри Массиса, «Закат Европы» Освальда Шпенглера, «Соблазн Запада» Андре Мальро, «Кризис современного мира» Рене Генона, не говоря уже о работах Маритена, упомянутых выше, где французский философ пытался ответить на распространенное в межвоенный период недовольство цивилизацией, равно как и на всеобщую тревогу по поводу судьбы Европы Нового времени. Спасибо за внимание.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Слово предоставляется коллеге из США Петру Олеговичу Ильинскому.

П. О. ИЛЬИНСКИЙ¹: — Последние несколько лет я интересуюсь двумя вещами из самой ранней истории Древней Руси. Первое: как мы представляем, интерпретируем свою историю, потому что все события ученым хорошо известны, там нечего придумы-

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей.

вать, но процесс интерпретации последние полтора года продолжается. Исторические факты чрезвычайно интересны, и мы все время переосмысливаем эту историю. А вторая область, которая меня интересует, — это библейская история, ее восприятие, интерпретация, каким бы современным это ни казалось сейчас некоторым людям. Мне кажется, это сейчас очень актуально, все было как вчера, библейская история продолжается сегодня и развивается на наших глазах. Так вот, историю Древней Руси в том виде, как она была изложена великими русскими летописцами, имен которых мы, в общем, не знаем, без библейской истории понять невозможно, потому что для любого автора это была книга с большой буквы. Со времен А. А. Шахматова известен еще один ученый-любитель, подобный мне, — Г. М. Барац, который жил в Киеве. Он открыл, кстати, много вещей, которые не заметила официальная наука, — параллели между первыми русскими летописями и Книгой Царств.

То, о чем мы будем говорить сейчас, касается периода, описанного с середины первой Книги Царств до начала третьей, — это возникновение Израиля как государства на пустом месте из племен до царя Соломона. Параллель мы знаем — тот момент, когда земля наша была велика и обильна, а порядка в ней не было до третьего царя, Ярослава. Это, на мой взгляд, следующую триаду: приходит первый царь, который всех завоевал, но нагрешил и потому погиб, — это Саул в Израиле и соответственно Святослав на Руси. Потом был креститель-основатель, который всех объединил и которому все грехи прощены, хотя человек ходил по колену в крови всю свою политическую жизнь, но мы его все равно почитаем: израильтяне почитают Давида, мы — Владимира Красное Солнышко. И потом приходит мудрый человек, который культурно нас всех просвещает и вообще все оправдывает, потому что мы становимся народом книжным, у нас появляется книжное просвещение, строятся храмы. Это Ярослав Мудрый. То же самое происходит в Израиле: приходит царь Соломон, просвещает свой народ, тогда появляется Книга Бытия и другие величайшие произведения.

Эта параллель не придумана летописцем, она реальная, именно так и возникает государство. Сначала люди живут племенами, но потом понимают, что есть масса проблем, а порядка нет. Напомню, что предвещает появление Книги Царств библейская Книга Судей. Ее финал — это рассказ о разнообразных беззакониях племенного периода. Причем беззаконие жесточайшее, включая групповое изнасилование с летальным исходом, это вообще одна из самых неприятных страниц Ветхого Завета. Там правил рефлекс, в то время в Израиле не было царя и каждый делал, что хотел. В современном переводе немного точнее: «Каждый делал, что считал справедливым». И вот приходит царь, его правление имеет свои плюсы и минусы, но без царя-то еще хуже. Есть мнение, что государство может быть построено неправильно, но без государства еще хуже, потому что вообще нет никакого варианта защиты. И понять то, что русский летописец в это пытается вкладывать, совершенно невозможно без знания традиции.

Вся древнерусская наука и литература, которая была доступна в советский период, конечно, глубоко дефек-

тна тем, что люди, которые прекрасно разбирались в ней, не могли серьезно говорить о параллелях между библейской и древнерусской традициями. Это стало доступно лишь 20 лет назад, до этого все труды писались только за границей. За эти 20 лет было очень много сделано, а до этого общество воспринимало древнерусскую историю как выдумку, как будто мы все выдумали и продолжаем выдумывать. Вот иллюстрация того, что было в советское время. В советское время все большие фрагменты «Повести временных лет», которые повествовали о христианской идеологии, причем очень подробно и точно, были исключены. Там очень хорошо все изложено, русская история присоединялась к библейской, являлась продолжением священной истории для летописца. Но об этом говорить было нельзя. О чем можно было говорить? О том, как Святослав всех победил. До сих пор многим людям нравится, что Святослав и этих победил, и тех, и тут разрушил, и вообще вся древнерусская история стала милитаристской.

История стала рассказывать не о книжном просвещении, а о том, что мы «народ 11-го часа». Евангельский подход: все равны — кого сразу призвал Господь и кого призвал в 11-м часу. И для летописца, и вообще для всей древнерусской культуры это чрезвычайно важное понятие, что мы равны со всеми, что христианство — это демократическая религия и на индивидуальном уровне, и на уровне народа. Известно, что христианство пришло в Россию благодаря женщинам, и первые погребения с крестами — это женские погребения. Не зря первая святая — Ольга. Почему? Тоже происходит уравнивание. Для русского летописца это было чрезвычайно важно, а в советское время и до сих пор для очень многих людей книжное просвещение, христианские мотивы — вещь поверхностная, они либо обходят их, либо намеренно забывают о них. Существуют ужасающие памятники Святославу, побеждающему хазарина, на которых у хазарина на щеке звезда Давида. Она вообще придумана в XII–XIV веках и тогда ее еще не могло быть. Вот это плод того времени, когда пытались понять древнерусскую историю без Библии, уйти от традиции, и в итоге это привело к полной бесплодности.

Это, конечно, не русский феномен — попытка уйти от традиций, а очень популярное сейчас явление. Мы — представители современного христианства, я, например, в церковь не хожу, но являюсь, так сказать, стихийным христианином. Вот этому христианству лет так уже 150–200, это европейская традиция. Известен один очень крупный немецкий специалист-ассириолог, который написал грамматику вавилонского языка. А специалисту иногда хочется сделать всемирно историческое открытие, и он такое открытие сделал, сказав, что весь Ветхий Завет евреи заимствовали у вавилонян, и ничего там нет истинного. Все, что там изложено, — не еврейское, а истории о сотворении мира и тому подобном — легенды. Вавилонские идеи серьезно переработаны в Ветхий Завет, а легенды просто нет в вавилонской традиции. И он изложил свою мысль, что из Ветхого Завета нужно убрать слишком еврейские части. И он имел колоссальную поддержку у немецкого политического и религиозного истеблишмента, его лекции позовались огромной популярностью, он беседовал с императрицей, объяснял, как надо все поправить.

Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие. Все-таки королевская семья была воспитана в хорошем протестантском, лютеранском духе. Лютер перевел с еврейского текст нормативного Ветхого Завета на немецкий язык. И когда ассириолог начал говорить о том, что текст надо поправить и порезать, то встретил непонимание королевской семьи, и постепенно его политическая популярность сошла на нет. И при этом его, конечно, обвиняли в антисемитизме. А он говорил: «Нет! Я просто нахожусь в научной зависимости, какой же я антисемит? Естественно, я за научную истину». А потом, когда его политическая, академическая карьера постепенно сошла на нет и прошла Первая мировая война, он написал серьезный труд, где говорил, что евреи извратили наше Священное Писание, что они во всем виноваты. На этой ноте и он сошел с исторической сцены. Что я этим хотел сказать? Действительно, это был эпизод немецкой интеллектуальной истории, который стал знаковым для начала века и имел непосредственное отношение к тому, что потом случилось. Вот вам официальная наука, крупнейшие специалисты своего времени. Но такой был интеллектуальный климат. Человек хотел поправить традицию, и это был совсем не советский человек, а плоть от плоти представитель западной академической науки, радикальный консерватор.

В то же время в германской теологии были радикальные либералы, которые сыграли огромную роль в истории религии, вообще в древней истории. Это либеральный теолог Адольф фон Гарнак, труды о сущности христианства которого по популярности перевода во всем мире уступали только Библии. А это была уже либеральная теология, которая действительно говорила о необходимости переработки Ветхого Завета с либеральной точки зрения, что он, дескать, слишком архаичен, там такие нормы, которые не нравятся современной западной либеральной науке, как и российской. Мы легко заимствуем самое плохое, а хорошее заимствовать тяжело. Не получается почему-то. Этой либеральной гарнаковской традиции, что мы поправим Священное Писание, потому что там архаичные нормы, тоже сто с лишним лет. Идея фон Гарнака заключается в том, что обладание этой книгой, то есть Ветхим Заветом, не всегда было благом для христианства, потому что в ней было то, что к христианству не имеет никакого отношения.

Мне гораздо ближе точка зрения Аверинцева, который сказал, что в христианстве только благодаря Ветхому Завету сконцентрирована вся история человечества, от чего мы начали и к чему мы приходим, и все это переходит в Новый Завет. Это, с моей точки зрения, гораздо более глубокая мысль. Это было бы просто интеллектуальное упражнение и не имело бы большого веса, но дело в том, что, когда началась Первая мировая война, все эти столпы либеральной теологии тут же выступили как самые ярые националисты. Они забыли, что они христиане, они не оказались даже хорошими немцами, потому что хорошие немцы понимали, к чему эта война приведет. Причем это Первая мировая, мы не говорим про Вторую. Все эти профессора, которые полмира учили христианству последние 20–30 лет, тут же подписали «воззвание с одобрением», как сказали бы в наше время, политики, партии, правительства. Гарнак собственноручно написал воззвание германского кайзе-

ра к народу, и с этого начался немецкий фашизм. Представляете, был заговор против России, и она потеряла часть территории, хотя в XX веке Германия потеряла 37 % своей территории. Я не знаю, может, против нее тоже был заговор. Внутри Германии, немцев охватила, с одной стороны, либеральная, с другой — реакционная шизофрения, и либерализм привел к тому же, к чему приводит реакционерство.

Карл Маркс, великий теолог XX века, сказал, что в тот момент, когда он увидел это воззвание, подписанное всеми людьми, которые его учили, то понял, что все было враньем и ничему из того, что говорили эти люди, он верить больше никогда не сможет. Немецкий богослов Пауль Тиллих позже написал, что вся немецкая интеллектуальная история (которую мы затронули сегодня) привела к Гитлеру, то есть к этому вели все наши великие философы. И их наследие не стоит так некритически воспринимать, как уход налево, так и уход направо от того, что мы зовем общечеловеческими ценностями, ведет туда же, в некую бездну. Российская интеллектуальная история тоже пострадала, когда из нее в какой-то момент ушла Библия. Российские интеллигенты XIX века библейские схемы, образы читали в переводе с иностранных языков, потому что не было нормального перевода на русский язык до синодального перевода. Читали Библию на иностранном языке и, естественно, в познавательной форме. И, конечно, катастрофа 1917 года во многом оттого и произошла, что не было связи с традициями, было просто поверхностное заимствование непонятно чего непонятно у кого.

В заключение я бы хотел сказать, что в действительности никто ведь не говорит, что мы должны придерживаться библейских норм «око за око, зуб за зуб». Мы должны понимать, что до этого был великий прогресс, что за зуб убивали. Потом пришла Моисеева норма «за подобное подобным». А сейчас мы с трудом пришли к третьей, великой исторической традиции, и если мы ее не знаем и не понимаем, то мы строим на песке. То, что я пытался сказать о традиционных коренных текстах, — это инструмент и внутрицивилизационного общения, потому что мы не понимаем древнерусских основателей нашей культуры, если у нас разный культурный путь, и мы не понимаем наших западных, североамериканских коллег, но хотя бы начинаем разговаривать с нужными людьми на таком библейском материале. И тут мы находим общность. Спасибо.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Спасибо, это выступление для обмена мнениями, для того, чтобы проявить и широту взглядов, и глубину идей. Я с удовольствием предоставляю слово уважаемому Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Разрешите поприветствовать вас от имени Оргкомитета. На наших Чтениях работают восемь секций. И наиболее яркое зрелище — это 700 школьников в Театрально-концертном зале, написавших в течение этого года сочинения о Лихачеве, авторы лучших сочинений, которые были приглашены сюда выступать и обсуждать идеи друг друга. Я желаю вам плодотворной работы и считаю, что у вас потрясающее, интереснейшее на-

правление научной деятельности. И оно на самом деле очень важно для продолжения линии культурной преемственности. В России и, возможно, в ряде других стран мира случилось то, о чем говорил Шекспир: «Распалась связь времен», это не просто стало проблемой, а превратилось в огромную трагедию. То, что Шекспир говорил, — это художественный вымысел, а у нас в стране это стало реальностью. Если позволите, я покажу это на жизненных примерах.

В нашем Университете работает проректором Герой России, командовавший атомной подводной лодкой, в свое время он окончил Нахимовское училище. Однажды за чашкой чая Герой России рассказал случай из своей жизни. Будучи курсантом-нахимовцем, он прогуливался с девушкой по парку в Санкт-Петербурге, на скамейке сидела старушка, старая петербурженка. Она его деликатно отозвала в сторону и сказала: «Молодой человек, как же вам не стыдно?» Он стал смотреть, что такое: ботинки вычищены, брюки наглажены. Он тогда спросил: «Простите, что я сделал не так?» А как сегодня молодой человек ответил бы старушке на попытку предъявить претензию? Она говорит: «Ну как же так, вы идете с девушкой и курите!» Вот это старая петербургская культура: во-первых, отозвала в сторону, во-вторых, на что-то обратила внимание. И я подумал о том, что он не случайно стал Героем России, он воспитывался в Петербурге, в Ленинграде в определенном нравственно-этическом комплексе, в рамках еще той культуры и т. д.

Тогда же один из гостей рассказал свежий анекдот. Я думаю, для меня, как педагога, он очень поучителен. Встречаются две современные школьницы. Одна говорит: «Есть две новости. Одна хорошая, другая плохая». — «Начни с хорошей». — «Нас вчера показали по телевидению». — «Да? Здорово! И где же нас сняли?» — «Помнишь, мы вчера были на Новом Арбате в ресторане? Мы там немножко выпили и голые на столе танцевали, вот нас засняли и показали». Слушательница говорит: «Да? Надо же, как интересно! Ну хорошо, а какая плохая новость?» Понимаете, распалась связь времен. На историческую арену выходит поколение совершенно с другими ценностями, другими ролями, другим представлением о добре и зле, о том, что такое плохая новость и что такое хорошая новость.

Я хочу сказать, что для человечества источником представления о добре и зле всегда была классическая литература. Когда я разговариваю со студентами, а я, как ректор, с ними уже 20 лет общаюсь, все время интересуюсь, что они читают. И когда они меня спрашивают, на что обратить внимание, потому что хотят получить хорошую специальность, чтобы быть востребованным на рынке труда и зарабатывать деньги, я им советую обратить внимание на историю и литературу. Почему на литературу? Литература дает огромное количество моделей поведения человека, что он делает и к чему это приводит. Литература доносит это в такой нравственной форме, что человек через переживания усваивает ценности. И наша задача — сделать так, чтобы и в школе, и в университетах молодежь соприкасалась с великими произведениями мировой культуры, литературы и испытывала переживания. Донести это становится все труднее и труднее.

Мне кажется, нам очень важно понимать, как литература может участвовать в межкультурном диало-

ге, в культуре различных национальностей. Ведь когда человек превращается в маргинала, он отрывается от родной культуры и перемещается в другую культуру, и здесь тоже литература очень важна. Например, представители Кавказа ведут себя здесь неприемлемо для нас, они ведут себя так, как никогда бы не позволили себе в родном ауле. Почему это происходит? На что нам опираться, чтобы люди оставались людьми, даже переезжая с Кавказа в Москву или Петербург? Я понимаю, это трудно при таких перемещениях. Как нашей российской молодежи, воспитанной, в общем, в традиционно русских городах, стать личностями? Как мы можем для этого использовать литературу? В современных условиях это чрезвычайно острые вопросы. И еще один такой вопрос: «Как все-таки нам с вами сделать так, чтобы не распалась связь времен?»

Я по-прежнему в литературе вижу мощнейший источник культурного развития, хотя то, что происходит с телевидением, трагично. Интернет, на мой взгляд, менее опасен, потому что там требуется активное отношение личности, там есть избирательное отношение, если человек занимается в Интернете, он проходит определенный путь, а телевидение — это страшная опасность с его механизмами неявного знания. Но я считаю, что слово должно остаться за литературой. Я хочу пожелать вам успехов и в сегодняшнем диалоге, и вообще в жизни. Спасибо Вам, Светлана Григорьевна, за то участие, которое Вы приняли в формировании сегодняшней секции, тем более что это было в короткие временные сроки. И я очень надеюсь, что в Петербурге наши встречи продолжатся. Спасибо большое!

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Я согласна с каждым Вашим словом, за исключением двух моментов. Мы все думаем одно и то же, мы все владеем ситуацией, большинство из нас преподает. В моей книге «Война и мир языков и культур» есть глава «Культура и образование», в которой я пишу о том, что самое яркое проявление конфликта культур внутри одной страны, где люди говорят на одном языке, — это конфликт между учителем и учеником. Наш ученик родился в совершенно другой стране, с другой идеологией, системой ценностей, а учитель вырос с другими представлениями. И вот этот конфликт культур не учитывают ни учитель, ни ученик, потому что вроде бы это наши дети и внуки, и мы все «выросли на Пушкине» и т. д. Какой может быть конфликт культур? Огромный, особенно опасный, потому что он не виден многим.

Меня смутили рассуждения насчет кавказцев. Я, кстати, этнически армянка, но родилась и выросла в Москве. В своих книгах развиваю теорию о том, что в моем представлении человека творят язык и культура. И если человек родился, например, в Китае, говорит на китайском языке и живет в китайской культуре, то независимо от его генетических корней или крови он все равно будет китайцем. Поэтому у меня нет выбора — я родилась в России, русский язык — мой родной, русская культура абсолютно родная и другие культуры знаю просто по книжкам. Выступаю сейчас как россиянин. Понимаете, правильно, я на 100 % согласна, что в своем родном ауле они ведут себя по-другому. Но мы тоже должны дать гостям и приезжим право на некоторое

отклонение от нашей культуры. Я в своей книге привожу пример о том, что Дудаев, будучи офицером Советской армии, с советскими наградами, приехал в Москву перед первой войной, чтобы как-то поспособствовать мирному пути развития отношений. Он пришел в приемную высоких начальников в шапке, его очень грубо приняли и сказали: «Сними шапку, хам!» или что-то подобное. Вы знаете, на Кавказе шапка для мужчины — это неотъемлемый атрибут. И у нас в конференции участвует профессор из Киргизии — и он по традиции в головном уборе. Давайте дадим право людям хотя бы на формальное выражение своих традиций и культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я думаю, что вообще смысл Чтений состоит в том, что мы должны участвовать в диалогах, а не в монологах. И в этом особое удовольствие от Чтений. Но, Светлана Григорьевна, у нас с Вами нет абсолютно никаких расхождений, мы понимаем все абсолютно одинаково. Вы армянка по национальности, а у меня в крови намешано восемь национальностей — от татар до поляков и цыган. И я точно так же чувствую себя русским, российским человеком. Я действительно давно заметил сложности, которые у нас происходят с Кавказом. Думаю, что вообще его представителям очень трудно увидеть великую русскую культуру, потому что они ее видят в первую очередь по телевидению. И когда они видят, например, Ксению Анатольевну Собчак, это немного расходится с их представлениями, это расходится и с моими представлениями о женщине, об отношении к женщине, о вечных ценностях, о ценности культуры. И мы сразу вспоминаем, что, допустим, Россия выиграла войну на Кавказе и Шамиль сдался не тогда, когда боевики были побеждены оружием, а когда он понял, что должен войти в Россию, после того как приехал в Петербург и увидел его великолепие. Особое впечатление на него произвела Кунсткамера. И вот, когда он пришел в Кунсткамеру — это был последний штрих, после которого он понял, что это действительно великая культура, и присоединиться к ней не стыдно даже гордому человеку, обладающему своей культурой.

Хочу добавить еще один тезис к нашему дискурсу. Несколько лет назад здесь Михаил Борисович Пятровский сказал очень интересные слова: «Каждый человек должен учиться жить в нескольких культурах». Это чрезвычайно важный тезис. У нас на Лихачевских чтениях продолжается линия Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что нет культур больших и маленьких, нет культур ценных и неценных, каждая культура заслуживает не только государственной поддержки, но интересна как источник разнообразия, обогащения. Но только это должна быть действительно высокая национальная культура, которая не должна сдавать свои позиции. И будь это представители Кавказа, арабских стран, Востока, мы все должны учиться понимать культуры других народов. И мы должны поддерживать «высокое» в своей культуре. И я абсолютно согласен с Вами, когда Вы говорите о проблемах между учителем и учеником. Я думаю, что учитель может быть учителем, только если он носитель высокой культуры, которую имеет право

отстаивать в диалоге с учеником. И в этом его сила. Желаю вам успехов!

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Кстати, по поводу того, что на Кавказе не понимают Россию, я бы хотела сказать, что, во-первых, Кавказ разный, а во-вторых, вспомните Лермонтова, если историю забыли. Грузия давным-давно присоединилась к России, и, как вы помните, в «Мцыри»: «И Божья благодать сошла на Грузию! Она цвела с тех пор в тени своих густых садов, под сенью дружеских штыков». Вот так она цвела «под сенью дружеских штыков». Так что связи Кавказа с Россией существуют давно, как и конфликты. Но сейчас у России конфликты не только с Кавказом, но и со всем остальным миром, и не только у нас есть эмигранты, которые миллионами исчисляются, и т. д.

С. Р. АБРАМОВ¹: — Я тоже хочу сказать несколько слов о Кавказе. Я, в отличие от Светланы Григорьевны, только на четверть армянин, но родился и вырос на Кавказе. Поэтому я тоже знаю Кавказ, так сказать, не понаслышке. По окончании педагогического института в далекой молодости я даже работал в адыгейском ауле и преподавал там немецкий язык, причем там в течение шести лет не было преподавателя, и я вел уроки немецкого во всех классах. И в этом ауле я был единственным русским, хотя он находился не на территории Адыгеи, а на территории Краснодарского края под Армавиром, потому что оказался не включен Сталиным в свое время в Адыгею. При этом аул был абсолютно монокультурным, то есть до меня там кто-то работал, но эти русские уехали шесть лет назад, преподавать иностранные языки там было некому.

До сих пор я то время вспоминаю с восторгом, потому что были совершенно замечательные люди. Они действительно там ведут себя идеально, потому что очень жесткая система нормирования, поведения. А то, что некоторые приезжают сюда и ведут себя как хамы, происходит только потому, что они вообще сами по себе хамы, а не потому, что живут в селе, и не потому, что не русские. Некоторые из них, которые там находятся под очень жестким репрессивным воздействием старейшин и традиций, попадая к нам, чувствуют эту свободу как вольность и ведут себя так, как мы наблюдаем. И нам кажется, что все кавказцы или весь Кавказ себя так ведет. Это далеко не так. Спасибо.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Когда наш факультет в 1988 году отделился от филологического и стал самостоятельным в плане прикладной лингвистики обучения языкам как средству общения, чего не было до того, мы сразу ввели предмет, который называли «Мир изучаемого языка». Мы решили, что нельзя владеть языком как средством общения, не зная того мира, где реально используются все те понятия, которые выражены словами данного языка. И получается огромная

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиций», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

разница между культурным словом и антропологической культурой, образом жизни и т. д. Мы начали серию таких курсов, как «Язык и культура». Первый у нас, естественно, «Курс английского языка и культуры». Второй — Италия, итальянцы. Третий, который я привезла сюда, — это наше последнее достижение — «Россия и русские». Все они построены по принципу книги, но это не страноведение в привычном понимании, когда представлены разные сферы человеческой деятельности — политика, досуг, споры, образование и т. д. Это именно антропологическая культура: как люди живут, что едят и пьют, какие отношения в семье, школе и т. д. Вот такие книги.

Как филологи, мы верим в литературу. Но есть одна страшная вещь — новое поколение не хочет читать. У меня шесть внуков, старшие еще что-то читали, а девятилетнего никакой силой нельзя заставить, он слушает, когда ему читают, но сам читать не хочет. И потом, чтобы студентов заставить прочитать книжку, мы свои курсы снабжаем фильмами, потому что есть надежда, что, посмотрев фильм, они прочитают и книжку. И соответственно все фильмы мы снимали в Англии или в Италии, или в России, где было трудней всего. И фильмы иллюстрируют главы книги. Вот в книге «Россия и русские», например, фильмы называются: «Сады и парки России», «Русский национальный характер», «Что и как пьют, едят русские», «Быть русским» и «Православие». Вот такие пять тем. В книге их больше, но наиболее яркие представлены здесь. Все неанглийские курсы сопровождаются субтитрами на английском языке. Мы хотели, чтобы студенты хоть что-то узнали о литературе, причем наш факультет называется факультетом иностранных языков, правда, сюда входит и регионоведение, и мы готовим специалистов по регионам тех языков, которым обучаем. У нас есть специалисты по США и Канаде, Британии, Франции, Италии, Германии.

Самое главное, единственное революционное, что мы сделали, — открыли Россию как регион и готовим специалистов по России со знанием мировых языков. Это очень революционно, потому что Россию в МГИМО, который всегда был ориентирован на монопольную регионоведческую политику, никогда в расчет не брали. Там готовили дипломатов, разведчиков, их интересовал внешний мир, не Россия. Мы готовим специалистов по России со знанием языков. Это все еще пустая ниша. Специалисты по русской литературе, как правило, плохо знают иностранные языки. Специалисты по иностранным языкам уже ничего не помнят о своей родной стране, потому что забыли то, что было в школе. Это абсолютный факт. Когда надо было отправить человека, который мог бы читать лекции в американском университете по русской истории, никого не могли найти. Потому что те, кто знал историю, не знали иностранного языка, а кто знал английский язык, не мог читать лекции по русской истории. Помня об этом замечательном эпизоде, мы в конце концов нашли человека, но это было исключение из правил.

Еще я привезла в подарок иностранным участникам серии «Пушкин в Москве» и «Чехов в Москве», снятые по нашим сценариям в лаборатории аудиовизуальных средств. Они имеют английские субтитры. Одновременно можно совершенствовать русский язык, потому что

текст идет по-русски, а субтитры по-английски, и получается очень хорошее пособие и для иностранцев, изучающих русский язык, и для русских, изучающих английский язык. Еще я привезла только что вышедшую книгу литературоведа, заслуженного профессора МГУ Валентина Ивановича Фатющенко «Идея жизни в русской литературе», в которой много философии. Я привезла полезную книгу «Английский без учителя» для тех, кто хочет начать изучать английский язык, кто начинал и бросил, знал кое-что, но забыл, знает, но не уверен, учил, но боится и т. д. Вот еще очень хорошая книга, которую издали известные филологи: «Язык культуры общения».

А теперь я хотела бы предоставить слово профессору Александру Владимировичу Ващенко.

А. В. ВАЩЕНКО¹: — По проблеме диалога у меня была статья «И. С. Тургенев и Уилла Кэзер: аспекты межкультурного диалога», а в последние годы я много занимался сравнительной мифологией, поэтому хочу подарить Университету два экземпляра книги «Суд Париса: Сравнительная мифология в культуре и цивилизации».

Остановлюсь на двух аспектах, о которых шла речь. Первое: родовые признаки литературы, которые делают возможным диалог культур. И второе: что происходит с литературой в эпоху постмодернизма. Я согласен со всеми, кто вчера отмечал в своих выступлениях, что мы переживаем момент исторически всемирных изменений, глобальных, может быть, генетических и выходящую за рамки понимания скорость, с которой происходят процессы изменения со всеми нами. Хочу обратить внимание на то, что из всех выступавших вчера никто не говорил о литературе, а единственный литератор, который выступал, говорил о более насущной проблеме — детском туберкулезе, это понятно, но он литератор, а о литературе ни слова. Наша секция очень важна, хотя она самая маленькая. Тем не менее каждый второй вчера, и я это для себя отмечал, раньше или позже в ходе доказательства тезиса прибежал именно к авторитету писателя, то есть авторитету литературы: там был Пушкин, Достоевский, Короленко, Тургенев, Мицкевич, другие имена, народные пословицы, конечно.

О чем я хочу сказать? О том, что все пользуются литературным наследием, оставляя в стороне то, что это наследие, скорее всего, уходящее. Таким образом, перед нами еще один конфликт, связанный с процессом этой присно сущей глобализации, имеющий два аспекта. С одной стороны, литература всегда на протяжении развития цивилизации участвовала в диалоге, через нее во многом проходил межкультурный диалог, и ничего нового в эпоху глобализации с этим не происходит. Литератор продолжает эту свою миссию. С другой стороны, позиция литературы в эпоху глобализации показывает, что сам по себе этот процесс многоконфликтен. Но основное в нем, как мне кажется, — конфликт

¹ Заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Америка в споре с Америкой», «Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев», «Характерные особенности литературы индейцев США (60–70-е гг. XX в.)», «Лики массовой литературы США» и др.

не между укладами, культурами, языками, а между людьми. Если культуролога нанимает международная корпорация для того, чтобы он выявил важнейшие специальные оппозиции в картине всех этнокультур в интересах этой корпорации, о чем можно говорить? Здесь первичен наниматель, манипулятор, действующий в целях той организации, которая нанимает.

В докладе академика В. С. Степина вчера прозвучал близкий мне тезис о конфликте по линии глобализма и локализма. Локализм в лице традиционалистской культуры, как он это назвал. Я лет пять назад в своей книге по мифам это назвал для себя неожиданным проявлением этнокультурного фактора в литературе, изобразительном искусстве, музыке и вообще в сверхкультуре. Это явление очень интересно проявилось в последней трети XX века, начиная примерно с 1960-х годов, и продолжает работать и поныне. В самом деле если постмодернизм в литературе есть явление глобалистское, но представляющее единый рецепт из многочисленных интересных проявлений, то этническое искусство, этническая литература, которая еще мало разобрана по сути, есть явление антиглобалистское. На одном полюсе провозглашается смерть этносов, конец национальных государств, о чем мы вчера слышали, на другом — возникновение все новых независимых государств и движение за возрождение национальных языков там, где, казалось бы, уже нет даже почвы для того, чтобы это произошло. Тем не менее процесс такой идет.

Вопрос для нас всех — почему это происходит? Если мы погрузимся в контекст гуманитарных исследований, бесчисленных статей, которые сейчас издаются, то обнаружим, что в разных работах, о чем бы ни шла речь, доминирует разговор о трех понятиях больше, чем обо всем остальном. Практически все ученые, о чем бы ни писали, так или иначе часто обращаются к мифу, памяти и идентичности. Вот три вопроса нашей глобальной современности или то, что за ними стоит. Можно понять почему. Потому что каждое из этих понятий оказывается под угрозой исторического исчезновения именно в эпоху глобализма. Миф в первом значении, как я это называю, как правда, которая формирует общество, превращается в вымысел, то есть фикцию, создаваемую в интересах тех или иных сил. Все слышали лозунг одного из радиоканалов: «Мы делаем новости!» Это не означает, что нам нужны новости именно потому, что это наш инструмент. Что касается памяти, то мы целыми пластами от нее сами отказываемся, потому что передоверяем технологии компьютеру, Всемирной паутине и т. п. Что касается идентичности, то это вообще последнее прибежище в противостоянии массовой безликости, усреднению, полному исчезновению, наконец, хаосу.

Литература имеет отношение ко всем этим понятиям. Она родилась в атмосфере мифологии и магии, заставляет нас помнить, то есть работать интеллектуально, и выбирать, то есть переживать, культуру эстетически и делать нравственный выбор. Таким образом, от памяти нас радикально отторгает технология, а от мифа и идентичности — тенденции, связанные с манипуляцией. Эта тема сегодня была затронута. Крепнет тенденция отторжения от литературы в школе, вузе, в нашей повседневности и т. д. Очевидно, этим надо

заняться. Я начал с того, что это проблема для книги, именно это заключено в родовых качествах литературы, что создает такую тенденцию, связанную с гонениями на них. Если мы с этим разберемся, то поймем, наверное, многое в тех процессах, которые сегодня происходят. Мне представляется, что изначально художественный образ создается в сложном диалоге автора, человека с миром и одновременно с самим собой. Человек — социальное животное, часть человечества, и оттого он употребляет свои высказывания во втором числе единственного числа, скажем, как знаменитое стихотворение Киплинга, в котором есть обращение: «Тогда, мой сын, ты будешь человек!» Раскрывается качество, которое в XX веке очень трудно сохранить в себе, чтобы остаться человеком. Это замечательное стихотворение. Местоимение «ты» часто возникает в поэзии, то есть к кому в качестве адресата обращается автор? В общем-то, получается, к себе и к любому представителю человечества, кто бы ни стал его читателем. Мне кажется, это и есть организм художественной литературы, которая всегда имеет такое обращение к себе, такой адресат, и в этом ее большая сила.

Я сравнил литературу с магическим зеркалом. Можно долго говорить о том, как я понимаю магию, это легко доказуемо. Дело в том, что старинная символика зеркала — это, конечно, культовый предмет, это истина. И литературу сравнивали с зеркалом: не случайно Стендаль, Гоголь и другие мастера писали романы о зеркале. Я помню, когда впервые в школе прочитал «Ревизора», конечно, хохотал, но меня задел эпиграф: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Это к тому, что такое зеркало и литература. Гоголь интересно в связи с этим сказал о «Капитанской дочке» Пушкина: «Все — не только самая правда, но еще как бы лучше ее». Хемингуэй на тот же эффект указал позднее так: с его точки зрения, художественный факт — это «истинней, чем все истинно существе». Но еще раньше этот эффект художественности словно бы предварил своими словами Пушкин: «Свет мой, зеркальце! скажи / Да всю правду доложи». И зеркальце показывает то, что в мире происходит, а не только тот объект или субъект, который в него глядит. Если такая миссия у литературы выполняется, она уравнивает все культуры в рамках правдивости, истинности их сущности. А если принять стратегию ведения диалогов с помощью неравенства, с целью подчинения, манипулирования, тогда литература станет вредна. Из ценности она превратится в преискуртант товара. Когда зеркало разбивается на осколки, оно больше ничего не отражает.

Стендаль сказал в свое время, что «энергия существует внутри того класса, который борется с реальными нуждами». Какой класс сейчас борется с реальными нуждами, трудно сказать. Поэтому если в мировой литературе в последние годы мы наблюдали что-то стоящее или новое, скажем так, в качестве больших явлений и тенденций, то это были эксперименты. Я сейчас не говорю об индивидуумах, всегда есть исключения. В данном случае я имею в виду интенсивный эксперимент в сфере дискурса. Где это происходило? Это происходило, на мой взгляд, в двух областях: либо в сфере постмодернизма, либо в сфере этнических литератур. Там переосмысливаются все активные категории повествования. И то и другое подарило нам с десятком шедев-

ров, но мы очень быстро пробежали мимо них, промчались в высокопрофессиональную бездну обильной пустоты, которая все это обволакивает. Я не знаю, куда мы дальше придем таким путем.

Позвольте мне завершить свое выступление любопытным примером. Есть такой интересный и весьма уже прославленный различными званиями и наградами мексикано-американский писатель Рудольфо Анайя, которого я хорошо знаю, у нас переведен только один роман «Благослови меня, Ульtima». Это было его первое произведение, теперь их уже 20 и в разных жанрах. Но суть не в этом. У него есть рассказ «Послание Инки». Напоминаю, конкистадоры Писарро берут Куско, столицу Инкской империи, и император Атауальпа в последний момент, понимая, что империя падет, вызывает бегуна. Вы знаете, что в Инкском государстве дороги были прекрасными, а лошадей в Америке не было, и все известия доставляли бегуны. Император передает ему свиток, в котором написано особое предписание для находящейся далеко в горах святыни — крепости Мачу-Пикчу, чтобы ее жители держались, затворили все двери и сохранили лучшее, что есть в инкской культуре. И бегун пускается в путь. И вот рассказ посвящен этому бегуну. Пока он бежит, узнает, что столица уже взята и он последний представитель культуры, которому надо донести это послание.

Дальше происходят совсем интересные вещи. Чтобы добежать, сил нужно много. Он возвращается мысленно назад, и чтобы убежать в будущее, оказывается, нужно сначала собрать в прошлом все свое и своего народа. Потом, по мере того как он бежит, происходят странные вещи: горные пейзажи, внизу — извивающаяся змея, но это поезд. Потом видит стальную птицу, которая летит рядом, — это самолет. То есть он бежит во времени, а не только в пространстве. В конце концов он добегают до Мачу-Пикчу и видит археологов, которые раскапывают это самое наследие. Кому вручить послание? Он долго думает и, наконец, вручает главному археологу, ученому человеку. А куда деваться самому? Он видит, что ему лучше отойти в сторонку, где сидят такие же смуглые люди, как он, и на лицо такие же, и едят простую еду, как ели в Инкском государстве, и язык звучит родной, он возвращается в среду, из которой вышел. Мои вопросы к себе, к вам, к обществу в целом: успеет ли современное общество передать послание из прошлого будущему? Или обстоятельства изменят общество так, что бегун откажется от послания? Тут возможностей много: перестанет понимать, погибнет или заблудится в дороге, сбившись в пути, или его подкараулят и собьют. И что будет, если он, добежав до будущего, увидит, что передать послание некому? Спасибо.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Евгении Викторовне Ивановой.

Е. В. ИВАНОВА¹: — Я хочу рассказать о своем опыте катехизации на основе Библии. Наш батюшка пору-

¹ Ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук. Специалист по литературе и религиозно-философской мысли Серебряного века, автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Павел Флоренский и символизм», «Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях», «Вольная философская ассоциация. 1919–1924», «Александр Блок: последние годы жизни».

чил мне побеседовать о Библии с бабушками. Вы знаете, что в православии, в отличие от католиков и протестантов, Библию, можно сказать, не рекомендуют читать, и сейчас я вам попытаюсь объяснить, почему. И вот мы сели с бабушками, читаем какой-то эпизод, заканчивающийся словами: «И предал Господь проклятых наневитян в руки иудеев». Они меня спрашивают: «А что это?» Я говорю: «Наневитяне погибли». — «Все? Что, евреи их всех убили?» Получается, мы толкуем это символически, что если Господь отвернулся от народа, тот погибнет, а народ, к которому он повернулся, восторжествует. Доходим до следующего эпизода: иерихонские стены пали, и народ Иерихона уничтожен. Они спрашивают: «Как, всех убили?» Понимаете, когда мы встречаемся с Библией, Евангелием, мы все-таки сталкиваемся с системой ценностей, которые сформированы той культурой. И когда говорим: «Око за око, зуб за зуб», это представление о том, что такое хорошо и как надо вести себя с противником, которое сформировала целая история, семитический мир. Когда мы говорим о христианском мире, то это другая система ценностей: «ударившему тебя по правой щеке подставь левую» и т. д.

Мне кажется, что во всех разговорах о глобализации, обо всем этом, сейчас больше всего избегают того, что на самом деле составляет основу культуры. Мы говорим о мультикультурализме, об этнокультурализме, но что лежит в фундаменте культуры? Ведь культура произошла от культа, и что культ утверждает в главной системе ценностей, то и формирует культуру, ту структуру ценностей, которая создается той или иной религией. И я думаю, что в разговорах о глобализации момент, когда сталкиваются культуры, построенные на разной системе, прежде всего религиозных ценностей, как-то упускают. И даже в европейской конституции, насколько я помню из обсуждения, спорный вопрос: упоминают ли о том, что мы христиане? Вдруг мы кого-то обидим? Но дело в том, что та культура никогда не забывает, что ее представители — мусульмане, они помнят о пророке Мухаммеде, это то, с чего они начинают даже выступление по телевизору. Пафос моего доклада заключается не в том, что я предлагаю вам обратиться в православие, хотя, в общем, было бы не лишним, с моей точки зрения. А дело в том, что я хочу вспомнить все-таки, откуда мы и кто мы?

Я предложила понятие «культурно-исторический тип», который в русской философской мысли развивался на протяжении очень долгого времени. Его впервые ввел Николай Яковлевич Данилевский в работе «Россия и Европа», которую вчера, кстати, упоминали. Потом я привожу идеи его последователей — Константина Николаевича Леонтьева, Юрия Николаевича Говорухи-Отрока. Но что главное в этом для меня — что для них это ни в коем случае не понятие «нация». Поэтому понятие «этнокультурный» для них — это прежде всего понятие религии. Для них культурно-исторический тип — это тип культуры, который сформировало православие, а не этнос. Русские не имеют этнической идентификации, как это ни обидно для нас звучит. До принятия христианства были древляне, поляне, другие народы — все это описано в «Повести временных лет». Кстати сказать, мы всегда пользуемся полным текстом этой повести. А вот понятие русской нации и уж во всяком случае русской культуры — это, конечно, то, что сформировано полностью православием.

Когда я хотела обратить внимание на редко цитируемый текст Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о русском», для меня было очень важно, что доминанты в этом тексте, хотя он нигде не ссылается ни на Данилевского, ни тем более на Говоруху-Отрока, все те же. Для Лихачева русская культура — это прежде всего литература, в создании которой участвовали люди самых разных национальностей. Вот он перечисляет, я процитирую: «В древнерусской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан, Григорий Цамблак), сербы (Пахомий Логофет, Лев Филолог), греки (Максим Грек и многие другие), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвины (протопоп Аввакум и патриарх Никон), белорусы, украинцы... (Это целый список.) Все они включались в созидательный процесс развития русской литературы». В чем заключается мой фарс? Не в том, что я хочу вас вернуть к прошлым временам, а в том, что все-таки культура должна понимать, где лежат истоки ее системы ценностей. И когда она встречается с чужой культурой, она сталкивается прежде всего с чужой системой ценностей, смысл которой она должна понимать. Это как в примере с шапкой Дудаева, то есть мы должны понимать, что обижаем человека, если предлагаем ему снять ее. Но в то же время мы должны понять и нашу бабушку, которая видит, что девушка без платка или мужчина в кепке входит в церковь, и кидается на них иногда с излишним рвением. Потому что каждая культура имеет свое, что называется «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». И даже европейская культура, как бы далеко она ни уходила от религиозных основ, все равно сформирована по этой матрице, от которой она уйти никуда не может, да и не надо ей никуда идти. Боязнь объявить себя созданием христианской культуры, что сейчас свойственно европейской культуре, мне кажется, является самым большим ее заблуждением.

Далее я хочу обратиться к докладу моей коллеги о французско-русском влиянии. Действительно, та картина, которую она нарисовала, очень интересная вот с какой точки зрения. Параллельно идет самостоятельный сюжет, что русскую культуру создает французская литература, русскую школу создают англичане — у нас классическое образование было сформировано Катковым по английской модели. Ее поддерживали наши крупнейшие писатели, такие как Белый, Блок — все воспитанники классической гимназии. Немецкое влияние, я думаю, тоже надо оставить без комментариев. Почему в конце XIX века русская культура становится популярна во всем мире? Почему Достоевский, Толстой религиозными вопросами так потрясают всех? Потому что русская культура сформирована тем лучшим, что было в европейской культуре, а европейская культура уходила от этого все дальше. И когда Достоевский и Толстой напомнили об этом, то так успешно пошло усвоение, то есть генетическая память существовала во всех этих культурах. И хотя они Ренаном увлекались, но все-таки про старца Зосиму и про князя Мышкина как современного Христа было интереснее читать, то есть генетическая память помогала в этом освоении. Вот это поле единой европейской культуры и вообще единого мира, сформированного христианством, мне кажется, тоже является очень важным моментом для понимания тех процессов, которые происходят в условиях глобализации. Благодарю вас.

— *Какова же все-таки этимология слова «культура»?* (вопрос из зала)

Е. В. ИВАНОВА: — Флоренский считал, что это просто философия культа. Он не сам придумал. Но культура восходит к слову «культус».

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — А латынь? А Цицерон?

Е. В. ИВАНОВА: — Раньше были жреческие культы как таинства. Вячеслав Иванов описывает, как это все развивалось в Греции — бог Дионис и дионисийство.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Один из первых греческих богов введен метафорически за возделывание не земли, а менталитета, мозга, воспитания. Давайте сейчас не будем спорить.

Е. В. ИВАНОВА: — Это не народная этимология.

С. Р. АБРАМОВ: — Не об этимологии речь идет, а о подлинном происхождении культуры.

Е. В. ИВАНОВА: — Она произошла из религиозных таинств.

С. Р. АБРАМОВ: — Я понял Вас правильно. Мы говорим о культуре, которая есть продукт разложения культа, по Флоренскому.

Е. В. ИВАНОВА: — О происхождении трагедии, искусства, музыки...

П. О. ИЛЬИНСКИЙ: — Во-первых, полностью согласен с тем, что попытка исключить христианство из европейской конституции — ужасная вещь, и финансовый дефолт не так уж далек от этого ужаса. Кажется, что это совершенно разные вещи, но это не так. А во-вторых, читать Библию, конечно, нужно, но опасно начинать чтение с бабушками.

Е. В. ИВАНОВА: — Я убедилась и перестала.

П. О. ИЛЬИНСКИЙ: — По традиции Библию должны читать те, кто умеет читать по-латыни, то есть образованные люди. Нужно, наверное, читать и с бабушками, но мы не можем это делать с ними, деля вид, что не было двухсот лет библеистики. Вы не можете читать так, как читали бы в XVIII веке, если были бы образованной барыней и читали бы своим крепостным. Они бы задавали Вам те же самые вопросы, Вы бы, наверное, так же им отвечали. А сейчас, уже в XXI веке, мы знаем, когда Библия была написана, с какими целями, почему, какие символы, что значит искусственная книга, написанная вообще гораздо позже. Так вот, наверное, читать нужно, но на том, кто читает, интерпретирует, лежат большая ответственность и знание.

Е. В. ИВАНОВА: — В свое оправдание скажу, что я настаивала на том, что мы понимаем Библию символически, но это их не проняло. И я бросила.

М. СИЛАЕВА, студентка IV курса, факультет культуры СПбГУП: — Я хочу сказать, что совершенно не со-

гласна с тем, что не нужно читать Библию. Я согласна с тем, что там все символично, но все-таки в Библии рассказывается правда. Когда я была совсем маленькой, мне мои родители и бабушка помогали читать Библию. И вы знаете, с того времени, когда мне читали Библию, я многое начала понимать: какие бывают люди, что считается греховным, а что — праведным. И я хочу сказать, что не согласна с тем, что Вы говорите о ценностях. Не каждый может понять ценность, когда читает Библию, что-то выделить ценного для себя. Мне кажется, это не каждому удастся, потому что сегодня очень большая проблема состоит в том, что молодежь — мои сверстники — в большей степени просто говорит: «Мы верим». Но на самом деле их поступки иллюстрируют совершенно другое, то, что они не верят. Да, я тоже замечала, когда хожу в церковь, что девушки часто приходят без платков и в брюках. Да, наверное, очень грубо подходить и говорить об этом, но мне кажется, если кто-то будет говорить, пытаться донести до людей, что это неправильно, нужно делать по-другому, я думаю, со временем может что-то измениться.

Может быть, вы скажете, что я очень позитивно на все смотрю, но у нас в культуре эта проблема есть. И сейчас нужно начинать действовать, чтобы молодежь больше понимала саму культуру, что это означает, как нужно себя вести, этику. Я тоже считаю, что молодое поколение мало читает. И, как видим, очень мало тех, кто литературой занимается, но это все из-за того, что сегодня в нашем мире на первом месте стоят другие ценности. Я тоже очень люблю литературу, но, к большому сожалению, мне даже стыдно иногда за то, что я не все книги могу читать, не все могу познавать. И я рада, что со мной рядом есть люди, которые мне что-то рассказывают, объясняют. Конечно, я бы хотела сама читать, но, как говорится, сегодня на первом месте стоят другие ценности, и приходится нам выживать в этих условиях, чтобы чего-то добиться. И, наверное, когда-нибудь мои внуки мне будут читать, или я — своим внукам, тогда успею познать что-то для себя.

Е. В. ИВАНОВА: — Спасибо. Однако Вы неправильно меня поняли, если подумали, что я призываю не изучать Библию. Я не гожусь преподавать Библию — это был мой единственный вывод, и все.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Дорогие коллеги, я хотела бы предоставить слово профессору Николаю Романовичу Скалону.

Н. Р. СКАЛОН: — Светлана Григорьевна говорила о конфликте внутри одной культуры. Мой доклад о беспредельной имиджевой тусовке, где я позволил себе напомнить замечательную статью итальянской славистки Клаудии Сьорсе, написанную в далеком 1995 году, где она дала блестящий анализ русского языкового сознания этого переломного и страшного для нас периода. Это первый тезис. Второй тезис касается понятий «беспредел», «имидж», «тусовка». Я просто уже позволю

¹ Профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Становление философского романа в творчестве С. П. Залыгина», «Русская философская проза 20–30-х гг. XX века», «Вещь и слово», «Будущее стало настоящим. Роман Е. Замятина “Мы” в литературно-философском контексте», «Хронология» (Сб. прозы и литературно-критических статей) и др.

себе несколько иронизировать, мы стараемся все жить по понятиям. А по понятиям мы живем, употребляя блатное выражение, поскольку это обращение неокантианства, я говорю это без всякой иронии, в обыденную речь. Мы живем в перевернутом мире, и дело касается не только норм литературного русского языка. Вспомним некоторые коллизии, поскольку речь идет о межкультурном диалоге.

Я позволю себе некоторые воспоминания сугубо личного свойства, но, думаю, они будут в контексте нашего диалога. Тут важен мой возраст, я — поздний «шестидесятник», и я переживал увлечение экзистенциализмом. Опубликованную у нас в 1957 году книгу небезызвестного Жана-Поля Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» было очень трудно достать. Все остальное об экзистенциализме я, увы, не владеющий иностранными языками, в силу определенных причин вычитывал по соответствующим историко-философским изданиям. Но отрезвление пришло быстро, с известными событиями во Франции в 1968 году. Я учился в Алма-Ате, в Казахстане. И мне попался в руки французский левоавангардный журнал, на котором была изображена репродукция средневековой картины, к сожалению, я не знаю автора, не могу назвать — Мадонна, но без младенца. И по диагонали — мой друг франкофон, который мне этот журнал и достал, перевел, — было написано: «Я сделала аборт». После этого отношение у меня и к атеистической версии экзистенциализма, и к событиям во Франции 1968 года, о которых я, понятно, знал, как сейчас бы сказали, из средств массовой информации, радикальным образом изменилось.

Второй сюжет. Здесь приводили вполне понятную переключку между Маритеном и Бердяевым — этот факт хорошо освещен. Широко известна книга Николая Александровича Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Я думаю, она ждет своего фундаментального осмысления, хотя западная мысль это, безусловно, делает. Происходит фундаментальное осмысление другой темы — истоки и смысл европейского нигилизма, поскольку здесь накладывается целый ряд любопытных факторов, о которых тоже достаточно много говорилось. В связи с этим еще один, уже ближе к проблемам академической науки, сюжет. Период семиотического бунта — это опять 1960-е годы. При этом наблюдается мощное влияние французской школы. У нас рождается знаменитая тартуско-московская школа — Лотман, Успенский и т. д. Но, что любопытно, сейчас для многих гуманитариев и студентов, допустим, цитата Барта стала обязательной. Не в том смысле, что преподаватели, научные руководители требуют цитировать Барта. Но Барт — это феномен до сих пор такой живущей, процветающей, интеллектуальной моды.

В чем здесь парадокс? Об этом парадоксе в свое время в начале 1990-х годов написал Владимир Львович Махлин в своей серии изданных комментариев к каноническим текстам Бахтина «Бахтин под маской». Я до сих пор помню этот блестящий комментарий. У нас семиотический бунт разворачивался в антимарксистском пафосе, а на Западе — в марксистско-буржуазном. Это еще одна любопытная контаминация, которая, на мой взгляд, имеет весьма печальные последствия.

Но вернемся к сюжету — не просто конфликт культур, а конфликт культур в рамках одной культуры, почти ленинская формула. Я вам ее напоминаю. Что здесь любопытно? Есть такой писатель-классик Н. С. Лесков. В 1957–1958 годах под редакцией Эйхенбаума вышел просто образцовый 11-томник с текстологической и филологической точек зрения. Все было бы хорошо, но не было романа «На ножах». А это классика русской литературы, причем фактически первого ряда. Он вернулся к нам в те же годы, когда стала появляться так называемая возвращенная литература, — в 1988 году. Кстати говоря, в том же году, когда мы наконец-то узнали создателя романа как утопии, дистопии, антиутопии — Евгения Ивановича Замятина. Вот опять-таки любопытная контаминация. Антинигилистический роман. Кстати, Лесков великолепно выводит слово «нигилизм». Не от “*nihil*”, простите мою русификацию, а от «гили» — все «ги», говорит один из антигероев романа и т. д. Роман «На ножах» ждал своего возвращения в качестве републикации 127 лет, первое издание было осуществлено в 1871 году.

И в связи с этим мы приходим к другой проблеме, о которой уже много говорилось, касающейся того, что не техника виновата, виновато нечто иное — отчуждение электронных средств от чтения литературы, системы ценностей и т. д. Но ведь когда-то Александр Сергеевич Панарин, который, возможно, был не совсем справедлив к Фердинанду де Соссюру, отмечал, что у Соссюра знаки освобождены от привязки к обозначаемому референту. А увлеченность филологии, лингвистики этими идеями была понятна и на уровне моды в том числе. Панарин писал, что наша драма — в отлучении от мира, в погруженности в виртуальные, знаковые, искусственные системы, изолирующие нас от подлинного бытия, от космической причастности. И когда мы употребляем выражение «виртуальная реальность», мне всегда любопытно, потому что здесь тоже появляется некое лукавство, хотя и объективное.

«Виртус» — это мужество, добродетель, качественность, ответственность. Когда в 1980-е годы один из создателей персональных компьютеров придумал термин «виртуальная реальность», он соотносил ее с виртуальными частицами, то есть с тотальной возможностью, но эта тотальная возможность не опредмечивается, не приобретает характер качества. Здесь я следую за специалистом и в области физики, и в области филологии, и в области философии — Сергеем Сергеевичем Хоружим. А он физик, в виртуальных частицах разбирается. Эту ситуацию тотальной возможности он назвал недородом бытия. Я с ним согласен. Как преодолеть и превратить это в то, что можно метафорически назвать «родом», — это фундаментальная и онтологическая, на мой взгляд, проблема.

Каковы решения? Может быть, меньше заниматься имиджелогией, то есть опираться на чисто психофизиологическую природу человека в качестве опоры, поскольку имиджмейкерство — это не что иное как разновидность некой конъюнктурной косметики, когда можно менять имидж в зависимости от того, к какой команде ты принадлежишь, а вспоминать некие фундаментальные понятия. И одним из таких фундаментальных понятий, имеющих прямое отношение к отечественной традиции, которая может претендовать на

универсальность, — это образ. Закончу суждением, которое невольно актуализировалось в свете современных проблем. Из дневников Ф. М. Достоевского: «Долго пьющему говорят: “Пора образить себя”. Слышал от каторжных». Вот какими средствами мы будем себя «ображивать», да простят мне этот неловкий оборот, тут действительно возникает сложная и актуальная проблема. Спасибо.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Слово предоставляется профессору Валерию Анатольевичу Доманскому.

В. А. ДОМАНСКИЙ¹: — Я постараюсь тезисно обозначить проблему: как осуществляется диалог культур посредством литературного текста? Это в общем-то позиция Лотмана, что литература, как и другие искусства, является зеркалом, в которое смотрятся культура и видит себя. Действительно, литература отражает все этапы духовной жизни человечества, и если мы входим в литературу, к сожалению, в школьных программах эта идея не прослеживается, там только сказано, что необходимо знакомиться с духовными ценностями, произведениями русской и зарубежной литературы. Правда, зарубежная литература у нас представлена всего тремя произведениями в старших классах, к сожалению.

Действительно, через художественное произведение происходит погружение в культуру, и человек обретает в ней родной дом, то есть крыша — это культура, а вхождение происходит посредством литературного текста. Но что сейчас требуют от современного человека? Все мы озабочены тем, как жить вместе, и здесь очень востребованы Ваша книга «Россия и русские» и подобные. Недавно мы проводили видеоконференцию для соотечественников, живущих за рубежом, которые преподают русский язык и литературу, и такие книги очень полезны. Так вот, действительно, от современного человека требуется жить одновременно в нескольких культурах. Александр Сергеевич об этом говорил. Если метафорически представить, как мы заходим в квартиру: зашли, включили свет в одной комнате, в другой, в третьей. Это так мы двигаемся по культурам, поэтапно — в VIII, XIX веке, когда одна культура сменяла другую. А что произошло в XX веке? Мы заходим в квартиру, а она на нескольких этажах — мы включаем свет и как бы одновременно присутствуем в разных культурах. Для того чтобы существовать в сегодняшней реальности, современному человеку нужно научиться жить в разных культурах. То есть надо понимать язык, знаки, коды.

Можно определить основные условия диалога культур. Первое: рассмотрение художественного текста как культурного универсума, где есть образы культу-

¹ Заведующий кафедрой филологического образования и междисциплинарной интеграции Ленинградского областного института развития образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Культурологические основы изучения литературы в школе» (монография), «Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе» (учебное пособие), «Литература и культура: Сад и город как текст», «Литература Г. Гейне в русских переводах: дискурсивные практики», «Проблемы филологического образования: реальность и перспективы», «Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы» и др. Член Союза российских писателей, главный редактор «Педагогического журнала».

ры, мотивы, сюжеты, модели, картины мира. Второе: правильно здесь ссылались на первый опыт Данилевского, что есть такое понятие «историко-культурный тип». Действительно, для того чтобы понимать человека другой культуры, надо выйти на этот историко-культурный тип и научиться мыслить. И культура, конечно, демонстрирует эти культурные типы, и в литературе они отражаются. Психологи считают, что есть психический тип, социологи — социальный тип, а мы — культурологи и филологи — говорим, что есть историко-культурный тип, потому что он отражается в литературе. И следующее: для того чтобы понимать эти модели культуры, нужно становиться в позицию другого, то есть стать другим. Надо принимать эти ценности и от них строить картину мира, то есть совмещать в себе одновременно несколько этих моделей мира.

Как это осуществляется педагогически, то есть в образовательном процессе? Наше общение с искусством очень поверхностное, потому что мы хотим это быстрее пройти: взял, выхватил какой-то кусок, образ, и думаем — все, наши ученики или студенты это осваивают. Ничего подобного. Есть свои законы восприятия искусства, и надо — это уже отдельный разговор — их соблюдать. То есть вначале нужно создать установку, мотивацию. Затем нужно, чтобы это художественное произведение работало, потому что оно строится так, чтобы увлечь читателя, то, что есть в художественном произведении, должно быть востребовано. Есть этапы общения с произведением, то, что называется психологией обобщения с места, то есть первое восприятие и потом углубление этого восприятия. Здесь обязательно должны быть две группы приемов. Одни связаны с развитием тех качеств, которые нужны, то есть воображение, разные свойства мышления, памяти. А другие — то, что связано с познанием, то есть с интерпретацией художественного текста.

Мы часто делаем большую ошибку при ответе на вопрос, почему молодежь не хочет читать? Потому что мы живем в таком веке, когда хочется очень быстро получить результат, и мы относимся к искусству прежде всего с познавательной точки зрения. Есть проблемы, мотивы, фабула, мы должны это воспринять, и нам кажется, что мы выйдем на Маритену. Но без вживания в эту эпоху, без представления в своем воображении героев, картин ничего не получится. Это вечная проблема, которую нам нужно параллельно решать, то есть две группы этих приемов.

Теперь о том, как при помощи текстов осуществляется этот диалог культур. Каждый текст может представлять определенную культурную эпоху, и, естественно, мы вычленим здесь систему ценностей, героя, образы, при помощи этих текстов создается диалог культур. Сейчас есть даже специальные методики, так называемые школы диалога культур, связанные с тем, что при помощи текстов идет погружение в определенные культурно-исторические эпохи, начиная с Античности и заканчивая современной диалогической культурой. Прежде всего это, конечно, школа «Диалога культур» Библера. Она не очень хорошо работает, потому что нельзя приравнивать этапы развития человека от младенчества к зрелости

к этапам развития человечества. Естественно, мы не можем погружать человека, скажем, на несколько лет в Античность, отрывать его от современности. Поэтому здесь нужен другой путь — комбинированный.

Само художественное произведение включает образы, мотивы, модели мира, и посредством их интерпретации мы можем организовывать диалог культур. Наглядно, то есть посредством образов, это можно представить следующим примером. Когда мы изучаем «Преступление и наказание», то здесь тема — убийство и теория Раскольникова. И когда мы пытаемся ее увидеть в контексте культуры, то смотрим, а как в христианстве, в Евангелии — главная заповедь «не убий», значит Раскольников — преступник. Но тут же наши ученики могут апеллировать к другим культурам: например, царь Эдип, который убил своего отца, женился на собственной матери, заимел от нее детей. Что получается? Совершенно другая система ценностей, и там уже другой диалог — диалог на тему преступления и наказания.

Художественное произведение может включать разные пласты культуры, разные модели. И классические произведения в этом плане действительно дают нам фору по сравнению со многими произведениями, потому что любой писатель — русский или зарубежный — образованный человек, он действительно впитывал эти культурные пласты. Возьмем для примера «Отцы и дети». Действительно, здесь есть по крайней мере три культурных пласта. Первый — старички Базаровы, которые живут в античном, фольклорно-патриархальном типе культуры. Конечно же, Василий Иванович Базаров, который увлекается Античностью, знает латинский язык. Не случайно он говорит о деревьях, любимых Горацием, вспоминает какие-то культурные реалии. Это модель культуры, которая связана со счастливой старостью, здесь вспоминаются горацианские идеи о счастье и счастливой старости. Это одна модель, которая определяет поведение человека.

Второй пласт связан с романтизмом, шеллингианством, пониманием любви, это прежде всего Павел Петрович и отчасти Николай Петрович. Для Базарова Павел Петрович — бесполезный человек, но с позиций романтического мироощущения, конечно же, человек, который любит и способен на самоотверженность, исключителен, и он гордится этим, потому что это шеллингианское понимание любви. Это совершенное другой тип. И Базаров не может понять, что просто они люди отставные и песенка их спета.

И, наконец, третий пласт — то, что мы называем позитивистским типом культуры или позитивистским отношением к жизни, высказанное Базаровым и его последователями. То есть искусство — это польза, фактически этот позитивистский диалог до сих пор продолжается. Но там есть еще и стоицизм. Видите, сколько здесь моделей культуры, которые уже при помощи одного произведения позволяют нам создавать этот диалог внутри текста и с выходом на культуру. Это расширяет культурное пространство, и таким образом происходит погружение в культуру.

И наконец, еще один очень важный аспект — это создание диалога культур при помощи произведений других искусств, когда происходит преломление

многих картин мира и, конечно же, перевод. Когда мы имеем дело с последним, то адекватного перевода нет. Каждый перевод — это уже своя рецепция, и часто перевод каждого произведения, если мы переводим писателей древности сейчас, обрастает разными рецепциями, и получается очень интересный диалог. Интересно, что есть русские переводы, которые, пытаясь решить соотношение маскулинум–феминимум, разрушают созданную авторами картину мира. Эти переводы уходят от подлинности и тем самым разрушают интернациональную модель мира. Спасибо за внимание.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Слово предоставляет Александру Владимировичу Калашникову.

А. В. КАЛАШНИКОВ¹: — Тезисно я могу сказать, что предметом моего изучения была книга «Соединение и перевод четырех Евангелий» — малоизвестное произведение из обширного наследия Льва Николаевича Толстого. В рамках более широкого исследования я преследовал и преследую, поскольку занимаюсь этой тематикой до сих пор, две основные цели — с одной стороны, это анализ самого произведения с лингвистической точки зрения, менее обращая внимание на историко-религиозно-философский аспект, и с другой — это сопоставление приемов перевода, которые он использовал. И эти приемы, как оказалось, потом, уже в XX веке, стали основой теории перевода. Но сейчас я хотел бы коротко сказать об этом произведении именно в контексте диалога культур. Прежде всего здесь мы имеем дело с переводом, а это один из основных видов межкультурной коммуникации. Евангелие — это один из главных столпов христианства. Толстой — это один из крупных писателей, чьи произведения являются наследием всего человечества.

Следующий момент касается тех приемов, которые использовались Толстым при переводе. Я позволю себе прокомментировать некоторые из них на примерах. И хотел бы коснуться прагматического аспекта передачи, то есть того аспекта, который направлен непосредственно на восприятие текста. Сразу отмечу, что этот перевод, который можно считать адаптацией текста, интересен тем, что мы здесь имеем дело не с адаптацией для людей, представляющих одну культуру или один определенный язык. Эта адаптация предназначена для людей, которые относятся к определенному социуму. Толстой предполагал создать Евангелие, которое было бы понятно для людей простого происхождения, то есть крестьян, может быть, даже для тех, кто не умел читать. С этой целью он использовал язык более разговорный и лексику, носящую сниженный характер.

Среди положительных моментов, которые затем были отражены и в теории перевода, здесь следует

отметить стремление писателя представить реалии культуры, которая существовала 2 тыс. лет назад, в более упрощенном виде и понятном варианте. Я позволю себе одну цитату, в которой Толстой заменил образ виноградника, здесь речь идет о притче о работнике в чужом саду. При описании картины виноградника в соответствии с синодальным переводом Толстой представил несколько иную картину, понятную именно тем людям, для которых эта версия перевода предназначалась. Я зачитаю только версию Толстого: «И начал им говорить в притчах: человек насадил сад, и огородил, вырыл пруд, и поставил избу, и сдал мужикам, а сам уехал». То есть образ виноградника, того, что было построено и организовано на этой территории, из контекста ушел, и был представлен вот такой вариант адаптации текста. Спасибо.

С. Р. АБРАМОВ: — Дорогие друзья! Я хочу поблагодарить вас от имени Гуманитарного университета профсоюзов за то, что вы приехали из разных городов и весей, приняли участие в нашей конференции. Я, как и Светлана Григорьевна, надеюсь, что эти встречи будут ежегодными, что мы еще не раз выслушаем множество интересных докладов и мыслей, и очень надеюсь на дальнейшее сотрудничество с вами. Спасибо вам.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — В заключение нашего обсуждения позвольте поблагодарить всех присутствующих за работу на секционном заседании. Я недавно оппонировала докторскую диссертацию на факультете журналистики по средствам массовой информации. Очень глубокая, интересная работа. Там автор написала: «Современная культура утратила статус литературоцентричной культуры и демонстрирует все признаки медиациентричности». Опять же ничего нового. Но к большой грусти и сожалению, в этих словах большая доля правды. И то, что нынешняя молодежь, конечно, читает новости в Интернете с гораздо большим энтузиазмом, чем Толстого и Тургенева, — это тоже факт нашей жизни. Но поскольку здесь собрались люди, которые любят литературу, верят в нее, и студентка, которая неожиданно перевернула всеобщее представление о нынешнем поколении, я готова сказать, что хоронить книгу и литературу еще рано, не надо торопиться. Тут важно слово «современная». И я хочу провести параллель: когда изобрели кино, мы похоронили театр. Было очень много написано и сказано, что все, пришел новый вид искусства. Театр, как известно, не только выжил, но и по-прежнему остается более престижным, чем массовое кино. Конечно, из всех искусств для нас важнейшим является кино, потому что это абсолютно массовая культура и для манипуляции народом она неизмеримо важнее, чем театр. Но театр не потерял своих традиций, не умер, а, наоборот, развился и продолжает развиваться, и в культурном плане в сознании людей он все еще престижнее, чем кино.

Я думаю, что литературу ждет такое же будущее, тем более не будем забывать, что литература, как и средства массовой информации, бывает тоже качественная и массовая. Кстати, в отличие от средств массовой информации, есть литература классическая.

¹ Доцент кафедры английского языка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук. Автор 19 научных публикаций, в т. ч.: «Мнемонические сокращения и фразы в преподавании юридического английского языка», «Современное договорное право Великобритании и влияние на него судебных решений Альфреда Деннинга», «Лингвист Юджин Найда», «Традиции и подходы к переводу характеристических имен в литературе», «William Makepeace Thackeray and Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky: Name sensitive Authors. In Homage to Great Novelists» и др.

Качественные СМИ тоже есть, но нет классических, и таковыми они стать не могут. А вот литература — может. И что это значит? Она должна пройти испытание временем и доказать свою правильность и интересность для представителей разных поколений одной и той же культуры. И последнее, культура, в отличие от идеологии, развивается медленно и долго и мгновенно не переворачивается. Наша страна в течение XX века дважды кардинально поменяла идеологию — в начале и в конце века. Культура меняется

медленно. И я верю, что такой литературоцентричной страны, как Россия, и такой литературной культуры, как в России, больше нет, и миллионы русских людей выросли на культуре и литературе. И так просто — развитием технических средств, научно-техническим прогрессом высочайшего качества — этого стереть не удастся. Спасибо всем большое, мне кажется, что мы разойдемся с новыми мыслями и идеями и будем обмениваться ими. Давайте поддерживать связь. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Я хочу вас поприветствовать от имени Оргкомитета Лихачевских чтений. Мы пригласили в качестве руководителей секции крупнейших российских журналистов, которые глубоко проникают в суть явлений. Наши позиции в целом совпадают.

У меня сложилось представление о нашей журналистике как о большой группе странных людей, которые думают, что дело журналистики — ругать власть. За счет того, что они ругают власть, они якобы привлекают большую аудиторию, а если это произойдет, то придет рекламодатель и заплатит много денег данному СМИ. И тогда эти журналисты будут прекрасно жить.

На втором месте у современной российской журналистики — желание заработать деньги на скандале, некрофилии, воровстве, коррупции. При этом за последние 20 лет, по моим наблюдениям, наша журналистика настолько далеко ушла от реальных интересов страны, людей, что перестала быть журналистикой. В этом смысле я хотел бы привлечь внимание коллег к вопросам: зачем нужна журналистика? Кто такой журналист? Каковы функции журналистики? Если мы с этой точки зрения посмотрим на происходящее, то увидим, что российская журналистика в среднем (если не брать высокие проявления) — не журналистика вовсе, а совершенно иное ремесло. Кодексы, хартии журналистов, под которыми, кстати, в 1990-е годы подписывались ведущие представители журналистского сообщества, категорически не соблюдаются нашими журналистами.

У нас широкое распространение получила точка зрения, что журналистика — это форма торговли информацией. Вообще все наше общество и все, что в нем происходит, — это торговля. В Петербурге длительное время Союз журналистов возглавлял человек, который прямо говорил: «Мы — торговцы информацией». Это противоречит всем журналистским хартиям. Это уже настолько вошло в плоть и кровь общества, что даже в разговоре с Владимиром Владимировичем Путиным, когда я ему сказал, что современное телевидение стало врагом педагога, он сначала попытался отшутиться. В частности, он сказал, что, может быть, это не совсем так, может быть, телевидение — это враг педагога, но вы же, педагоги, и воспитываете журналистов. Потом немного подумал и добавил: «Но им же надо как-то жить». В этой формуле кроется отношение современного российского общества к журналистике. Они творят непонятно что, но надо же им как-то жить, чем-то торговать. Чем торговать? Совестью? Свободой слова, которую получили? На мой взгляд, это центральная, болевая точка в развитии современной журналистики.

Недавно я прочел статью Генри Марковича Резника в профессиональной юридической газете (кстати, Генри Маркович в соседней аудитории ведет экономико-правовую секцию). Адвокаты обсуждали профессиональный этический кодекс: кто такой адвокат, зачем он нужен? И подводя итог этой дискуссии, Резник сказал: «Конечно, все мы хотим зарабатывать деньги, все мы работаем профессионально, но глубочайшей глупостью и преступлением против профессии было бы считать то, что адвокатура — это способ зарабатывания денег. Нет, адвокатура — это способ защиты конституционных прав граждан».

На самом деле, если вдуматься, и медицина не является способом зарабатывания денег. Как только врач отходит от этого принципа — он начинает прописывать таблетки, которые не надо принимать, превращается во вредную для людей и общества фигуру. То же самое происходит при подмене понятия и целей деятельности в журналистике. Как только на первое место поставили коммерческую составляющую, начались беды. Мне кажется, что надо вернуть журналистику к защите конституционных прав и свобод граждан, ее нравственным истокам и задачам. Я в Петербурге наблюдал ситуацию, когда охранная организация подралась с журналистом. Журналист вел себя неправильно, они его спустили с лестницы и т. д. И вы знаете, общество радовалось — журналиста побили! Откуда такое отношение у населения к журналистам? Люди перестали чувствовать, что журналист является выразителем их интересов. Потому что журналистика сама часто так себя ведет.

Я рад, что здесь собрались лучшие, на мой взгляд, журналисты нашей страны. Нам надо подумать о том, как восстановить нравственную вертикаль в работе журналистского сообщества. Когда люди почувствуют, что журналисты работают на общество, тогда они их будут защищать.

Я помню день, когда убили Владислава Листьева. Я остановил занятия в Университете, все факультеты собрались в большом театральном зале — стоял его портрет, горели свечи. Люди плакали. После этого с другими замечательными журналистами происходили трагические события, но мы не устраивали общественных акций в поддержку журналистики. Потому что настроения общества коренным образом изменились. Случись что-то с настоящим, блистательным журналистом — мало кто будет плакать. Это уже не просто беда нашей журналистики, а трагедия. Мы все должны подумать о том, что делать дальше.

Позвольте еще раз вас поприветствовать от имени Оргкомитета и пожелать успехов в работе.

А. П. МАРКОВ¹: — Мы продолжаем работу нашей секции «Журналистика и диалог культур». В жанре вступления я хочу напомнить участникам сегодняшней встречи о дискуссии, которая проходила в этом зале (примерно два года тому назад) и касалась проблематики массмедиа. Мне кажется, мы должны сделать выводы из той очень конфликтной дискуссии. И прежде всего хотелось бы избежать ситуации поразительного несовпадения интересов и позиций участников. Сегодня я участвую в работе нашей секции не на стороне журналистики, а скорее как культуролог (и в некотором смысле жертва журналистики). По итогам прошлой дискуссии я сделал вывод: претензии к журналистам (выражаясь современным языком, «наезд» на них) со стороны жертв и представителей смежных гуманитарных областей связаны с их неспособностью четко отразить, осознать, что они представляют собой сегодня и что делают с нами, нашими душами, культурой.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Становление культурологической парадигмы» и др.

Возможно, если была бы доля адекватной рефлексии, не было такой оппозиционности и взаимного неприятия. Сегодня мы постараемся компенсировать недостатки прошлой встречи. Предоставляю слово нашим московским коллегам.

В. К. МАМОНТОВ¹: — Прежде всего я хочу поблагодарить от нашего имени тех, кто участвует в дискуссиях на Лихачевских чтениях, Университет, ректора и наших коллег за то, что нам ежегодно предоставляется возможность обсуждать серьезные, волнующие нас — журналистов и ученых — темы. Это, по-моему, чрезвычайно важно.

Мне понравилось выступление Александра Петровича, в котором он произносит слово «наезд». Это означает, что лексика из обычной жизни проникает в академическую сферу. Я считаю это нормальным — без подобных проникновений подлинное изучение вопроса затрудняется. Однако я должен сказать, что тезис о том, что журналисты не способны отрефлексировать то, что они делают, можно обсуждать: я бы не взял на себя смелость говорить, что все журналисты не умеют этого делать. Для меня существует дифференциация, я читаю материалы тех журналистов, которые умеют рефлексировать, и не обращаю внимания на тех, кто не умеет этого делать. Я нанимаю на работу людей, умеющих рефлексировать. Виталий Товиевич учит их рефлексировать и, может быть, даже отчисляет тех, в ком не видит подобной способности.

Я прилетел в Санкт-Петербург из Иркутска, где проходила Байкальская неделя СМИ. Там мы обсуждали приблизительно те же самые вопросы. В рамках этого форума состоялась встреча с блогерами Иркутской области, которые задали мне вопрос: «Как можно ответить на неправду, чернуху, ужас, неадекватное отношение журналистики к жизни?» Я предложил: «Напишите правдивые заметки. Это будет ваш вклад». Они были потрясены. То есть им не приходило в голову, что они борцы. Но жизнь сильнее, и они напишут то, что сегодня является мейнстримом. Один блогер сказал: «Рыба гниет с головы». Кто-то ответил: «Да сейчас вся рыба гнилая!» Всем понравилось. Но я возразил: «А по-моему, нет. Она в разной степени гнилая. Нужно смотреть вглубь явления». Находясь в мейнстриме, когда все плохо, журналисты не рефлексировать. С этого пути надо уходить. Иначе возникнет конфронтация.

Несколько слов о русской трусости. У меня есть заметка, в которой я описываю свое пребывание в Абхазии, где мне сказали, что русские — трусы. Это было накануне конфликта. «Вы были нацией Толстого — стали нацией НТВ. Мы больше русские, чем вы. Вы потеряли...» Потом начались военные действия, и все встало на свои места. Мои абхазские друзья признали, что, может быть, мы и нация НТВ, но, когда трудно, мы приходим на помощь и защищаем своих граждан. Абхазские товарищи помягчили душой и немного изменили свой взгляд. В мирной жизни такой упрощенный взгляд возможен. Но когда сталкиваешься с настоящими испытаниями, люди пересматривают некоторые ключевые взгляды — в себе, журналистике, понятийной сфере и т. д.

¹ Президент ОАО «Редакция газеты «Известия». Автор книг «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

Передаю слово Виталию Товиевичу Третьякову, практику и теоретика, философу журналистики.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Журналистика и диалог культур. Необходимо определить, что мы понимаем под словами «культура» и «журналистика». Я попытаюсь кратко ответить на эти вопросы и опровергнуть сказанное ранее Александром Петровичем. Не могу не отреагировать на обвинение в отсутствии рефлексии. Ко мне это точно не относится. Я утверждаю, совершенно не боясь критики, что мой учебник по журналистике написан максимально объективно, я абсолютно честен по отношению к профессии. Я не говорю о том, что журналисты — главные правдолюбцы, но и не утверждаю, что они главные мерзавцы на планете. В моем учебнике рассказывается, в частности, о том, в каких случаях журналистика занимается благородным делом, а когда — неблагородным или даже непристойным, и с чем это связано. Но утверждать, что в журналистике работают одни мерзавцы, неправильно. Это все равно, что высказывать обвинения в адрес нашей страны: в других странах политики — ангелы, а у нас — убийцы и мерзавцы. Но это не так. Политика развивается по определенным законам, и изобретена не в России. Существуют общие законы управления, в том числе политического, и качества человеческие, свойственные политикам, проявляются и в Великобритании, и в России.

Мною все отрефлексировано относительно теории журналистики, ее современной практики и описано в учебнике, где содержатся честные и объективные ответы на вопросы. Я столкнулся с тем, что на факультете телевидения некому преподавать теорию телевидения. Это к вопросу о рефлексии. Сегодня если какая-нибудь газета написала заметку — это одно, а если показали по телевидению — совсем другое. Я впервые прочитал первокурсникам курс теории телевидения, к концу года собираюсь издать учебник, в котором будут собраны ответы на все вопросы, возникающие уже в телевизионной области. Надеюсь, что ваш Университет пригласит меня выступить с этим курсом.

Несколько слов по теме. Если культуру ограничить определением «высокое искусство», то в принципе здесь журналистика вообще не нужна. В данном случае журналист может только сообщить о факте, о том, что художник что-то создал, об этом узнает художник, живущий здесь и сейчас, он может поехать посмотреть, найти в Интернете описание и т. д. Журналисты как посредники между профессионалами не нужны. Меня настораживает, если человек, называющий себя художником, претендующий на роль гения современного искусства или культуры, постоянно нуждается в помощи журналистов, у меня большие сомнения насчет того, шедевр ли он создает? Зачем ему журналисты? Хороши журналисты или плохи, но если в них нуждаются люди, то зачем пенять?

Моя теория телевидения будет строиться на основе массовой культуры. Здесь действительно без журналистов не обойтись. Но не журналисты создали феномен массовой культуры. В данном случае они действительно обслуживают искусство, работают в сфере коммуникаций.

Что такое журналистика? Многие воспринимают коммуникационную деятельность как собственно

журналистику. Но мы говорим о чем-то другом. На пути развития европейской цивилизации все вершины позади. Это печальный факт. Ни архитектурного, ни литературного, ни изобразительного искусства — шедевров, превосходящих то, что было создано в XVIII–XX веках, — уже не будет. Сегодня мы спускаемся в долину или ущелье.

Мы живем в условиях массовой культуры. Деятельность современных журналистов полностью вписывается в массовую культуру. Выделяется только небольшая часть тех, кто работает в качественной прессе. Здесь важны оба слова — «качественная пресса». Телевидение по своей технологической природе сразу стало частью массовой культуры. В основном продукты массовой культуры передаются, распространяются по каналам телевидения, и журналисты в этом непосредственно участвуют. И только качественная пресса (эсклюзивные передачи или телеканалы, например канал «Культура») могут участвовать в диалоге культур.

Такого рода конференции необходимы. Я не ставлю под сомнение состав нашей аудитории. Но если мы обсуждаем эту тему серьезно, нужно пригласить театральных, художественных критиков, политических журналистов из качественных изданий и обсудить с ними возникающие проблемы. Можно пригласить и креативных людей, однако в этом случае дискуссия будет живая, но бессмысленная. С людьми, которые работают в рамках массовой культуры, сложно обсуждать проблемы диалога культур — они вообще не знают, что такое культура. О Брейгеле им известно в лучшем случае по фильмам Тарковского, а то и по Интернету. Нужно разделить эти аудитории и претензии предъявлять каждой группе отдельно. В этом случае разговор будет плодотворным. С учетом всех этих обстоятельств, я думаю, можно разобраться и даже сформулировать конструктивные выводы.

Как должны работать журналисты, когда они окружены вражеской армией массовой культуры? Журналисты качественной прессы и некоторых телевизионных программ — как партизаны. Но правила партизанской борьбы отличаются от правил ведения войн регулярными армиями. Я готов ответить на претензии к журналистам — у меня есть учебник, в котором я все отрефлексировал.

Е. Г. РОСТОВСКИЙ: — Виталий Товиевич, Вы сами себе противоречите. С одной стороны, Вы говорите, что журналистики, в отличие от той, которая растворилась в массовой культуре, вообще не существует, с другой — что существуют отдельные люди, которые используют в работе методы партизанской войны, они что-то понимают и могут говорить на более высоком уровне, чем массовая культура. Как я понимаю, «массовая культура» — это ругательное словосочетание. Мы опустились. Сейчас не 1960-е годы, нет «оттепели», подъема культуры в России. И мы опускаемся еще ниже.

Я, как участник многих кинофестивалей как в России, так и за рубежом, могу сказать, что, например, на Западе журналист-неискусствовед, когда пишет о фильме, делает это на высоком культурном уровне.

Он анализирует, высказывает свои идеи, реагирует, рефлексировать над тем, что создано. Там уровень журналистики, в отличие от искусствоведения, находится выше массовой культуры. Или журналистика должна поднимать массовую культуру? Какую роль должен играть журналист? Он должен погрузиться в массовую культуру и говорить с ними на их языке? По мере того как я стал преподавать, выяснилось, что студенты, пишущие дипломные работы, не умеют писать по-русски. Я не говорю об орфографических ошибках — нет стилистики, таланта в написании.

Несколько слов о телевидении. Телевидение получило такую свободу, как и газеты, о которой во времена гласности никто даже и не думал. У нас полный разгул демократии. Так происходит, потому что сверху нет никакой реакции. Явления, которые актуальны сейчас, — это новое поколение и Интернет. Блогеры — это временное явление, они рефлексировать по-своему, развиваются, находятся в начале пути.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — О блогерах я готов говорить отдельно. Что касается Вашего утверждения, что дипломники не умеют писать по-русски, то чем дальше будет продолжаться реформа образования, тем будет хуже.

Е. Г. РОСТОВСКИЙ: — Я говорил о журналистах.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — А современные писатели? Здесь все очевидно, но не журналистика в этом виновата.

В своем выступлении я не говорил о том, что есть журналисты святые и несвятые. Люди разные: несвятые, мерзавцы и хорошие, добрые. Но как только они устраиваются на работу, то начинают действовать по правилам этой организации. Поэтому и добряк, оказавшись в самом низу массовой культуры, может заниматься непристойностями.

Теперь о критике. Я за время существования «Независимой газеты» трижды создавал отдел культуры. Многие из тех, кто сейчас с экранов телевизоров рассказывает о кино, начинали в «Независимой» как молодые театральные кинокритики. Я много работал с этими людьми. На своем факультете я говорю первокурсникам на первом собрании: «Мы вас будем готовить так, создавать такие условия, как будто вы будете работать на канале “Культура”, а куда вы попадете на телевидении, я не знаю. Мы будем стараться, чтобы вы могли, придя на канал “Культура”, провести передачу и об опере, и о психологии, и о лингвистике». Я стараюсь так действовать. Насколько это удастся, пока не знаю.

И на Западе есть критики. В «Нью-Йорк таймс» иногда публикуют абсолютно глупые политические заметки. О наших театральных и телевизионных критиках нужно говорить отдельно в каждом конкретном случае. Я знаю, кто, как и почему пишет. Когда я иду на премьеру в театр, то знаю режиссера, мне известно о том, как этот спектакль готовился, потому что у меня хорошие отношения с театром, режиссером. Я точно знаю, что этот спектакль удачный. Но также я знаю, что завтра в основных московских газетах будет опубликована негативная, издевательская критика. В данном случае

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения, кино- и телережиссер.

я имею в виду конкретный спектакль. Почему так происходит, нужно разбирать. Это зависит от внешних обстоятельств.

Е. Г. РОСТОВСКИЙ: — Я говорю не о критиках, а о журналистах, о том, что они вообще пишут, — об уровне, а не о том, плохую или хорошую статью они написали.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Большинство театральных кинокритиков ВГИКа не оканчивали. Они любят кино больше, чем спорт, поэтому стали кинокритиками.

А. М. МЕЛИХОВ¹: — Наша секция называется «Журналистика и диалог культур». Я считаю, что диалог культур — это первый шаг к конфликту. Вообще, всякий откровенный диалог приводит к конфликтам, людям (тем более народам) лучше вообще не знать, что они друг о друге думают. Культура — это не система знаний вроде химии, о которой можно вести академическую дискуссию, это система иллюзий, благодаря которой каждый народ возвышается в собственных глазах, строит систему экзистенциальной защиты. И покушение на эту систему — на систему своих иллюзий — главная причина межнациональной розни. Не территория, не ресурсы, а система иллюзий. Если мы хотим дружить народов, то диалог, по-видимому, следует вести прагматизированным элитам и спускаться вниз с большой осторожностью, уже как плод компромисса. К сожалению, к нашей стране это относится в большей степени.

Все ругают журналистику за то, что она показывает «чернуху», журналистика защищается правом на свободу слова и информации. Если отец изнасиловал пятилетнюю девочку, мы имеем право об этом написать. Если сошел с рельсов поезд, мы тоже имеем право об этом написать. И народ этого ждет — они отвечают. Как сказал Виталий Товиевич, многие журналисты ведут партизанскую войну внутри своих изданий. Я много езжу по стране и вижу, что ширится партизанское движение противостояния «чернухе» как низкой правде жизни. Люди объединяются для совершения добрых, благих дел, для того чтобы не просто знать жестокую правду, которая всем уже известна, а чтобы ощущать себя красивыми и достойными. Не надо думать, что желание человека быть свиньей естественно, а противостоять этому может только государство силой оружия и террора. Человек хочет быть красивым сам по себе, он хочет знать и жестокую правду, и возвышающий обман. Если всех людей, которые хотят красотой противиться мерзости, собрать вместе, мы получим население Финляндии. Я думаю, что тот журналист, или то издание, или тот блог, который объединит людей в аристократическую партию, прославится. Нужна аристократическая партия и не просто качественные издания. Качественные издания у нас есть — это малотиражные толстые журналы. Аристократически-демократическая партия объединяла бы, как мне кажется, почти всю интеллигенцию и простых людей, то есть несколько миллионов. Остановить сползание в некую долину (дай бог, не в бо-

¹ Писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева», кандидат физико-математических наук.

лото), по-видимому, невозможно, но включить какие-то очаги — эта задача вполне по силам журналистике.

В. К. МАМОНТОВ: — Жестокая правда и возвышающий обман живут в человеке. Газеты, в которых я работал, например «Комсомольская правда» (как бы ее ни ругали или, наоборот, ни превозносили до небес) в своей практической деятельности всегда этим руководствовалась. Ее крупный тираж, который одни объясняют «желтухой», другие — «чернухой», третьи — прочей ерундой, на самом деле объясняется учетом этих обстоятельств в читателе и человеке, который одновременно является искателем жестокой или «желтой» правды, но в то же время у него есть желание быть выше этого. Тот, кто этот фактор учитывает, имеет тираж 3 млн. Тот, кто этого не учитывает, не может выкарабкаться из своей зоны «желтой прессы» с тиражом в 500 тыс. «Желтая пресса» в России не выходит за пределы тиража в 600 тыс. А народные газеты, которые учитывают эти факторы, имеют огромный тираж. Это очень важный момент.

— Это явление называется гламур... (реплика из зала)

В. К. МАМОНТОВ: — Я сейчас говорю не о гламуре, это учет народного ощущения.

В. Д. СОЛОВЬЕВ²: — Хочу высказать реплику относительно того, что здесь прозвучало. Образовательный уровень населения России действительно упал. Но об этом никто не говорит. Назначение нового министра образования не исправит ситуации: невозможно всех моментально в течение одного дня сделать грамотными. Грамотными люди могут быть только в одном случае — если отменить все правила русского языка и культуры.

Следует согласиться с тем, что в журналистике работают и ангелы, и мерзавцы. Но современная коммерция, как уже было сказано, все расставляет на свои места. «Желтые» издания работают по принципу подачи информации, которая ориентирована на 50 % населения. Работая в журналистике, мы должны понимать, что если раньше мы пытались поднять культурный уровень людей, то теперь мы его опускаем.

А. А. ДЯТЛОВ³: — Я нахожусь на нейтральной территории — между Виталием Товиевичем и Александром Петровичем, поскольку представляю качественную «желтую прессу», то есть середину.

Мне показался важным один тезис. Я участвовал в XI Лихачевских научных чтениях и не мог понять, о чем собственно мы говорим. Когда Наполеона спросили: «Сир, как писать Конституцию?», он ответил: «Коротко и неясно». Сегодня, слушая своих товарищей, имея уже двухлетний опыт участия в этом форуме, я стал о многом задумываться и осознал роль журналистики в современную эпоху.

² Старший преподаватель кафедры журналистики СПбГУП, генеральный директор — главный редактор ЗАО «Телетекст Дата Петербург».

³ Заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда».

Мы напрасно игнорируем огромное движение, которое недавно зародилось и активно развивается, мы его просто боимся. Я имею в виду “Facebook”, “Twitter” и т. д. Мы считаем себя хорошими журналистами, к которым все прислушиваются, но это было прислушивание по вертикали. Раньше выпускались газеты, которые читали все. Сейчас произошли серьезные изменения, которые заставляют журналистов осознать их место в этой огромной структуре. Вертикали управления информацией уже не существует. Налицествует горизонталь, в которой тот, кто заплывет в определенный отсек, там и барахтается.

Приведу простой пример. История с квартирой патриарха. Дело не в том, что 20 лет назад об этом просто не написали бы. И проблема церкви сейчас заключается не в том, что ее опозорили и унизили, а в том, что сейчас невозможно скрыть информацию, а церковь не готова к тому, чтобы участвовать в этом. Патриарх совсем недавно завел свой аккаунт в “Facebook”. Сейчас мы находимся в такой ситуации, когда миллионы людей могут вещать миллионам. И не нужно идти в церковь, чтобы послушать доброе слово. Наоборот, они хотят сказать свое. В этой размытости информации, в этом потоке выживут только те структуры и те институты государственной власти, которые поймут, что на самом деле у них нет средств для ведения разговора с новым поколением, потому что мы работаем на разных информационных площадках. Почему президент Медведев посетил телеканал «Дождь»? Казалось бы, оппозиционный телеканал, а он участвует в его эфирах. Потому что он понял (или ему подсказали умные люди), что к той аудитории, к которой он хотел бы обратиться, можно это сделать только через такие структуры, так как аудитория, к которой он обращается по «Первому каналу», вообще живет в другой реальности.

В этом смысле сегодня роль журналиста состоит не в том, чтобы осчастливить половину человечества качественными статьями на определенные темы, а в том, чтобы выступить умным переводчиком между поколениями “Facebook” и тем культурным поколением, которое еще осталось. Поэтому в Интернете ценятся не просто блоги, на которые народ реагирует, читает, высказывается, а умные блоги. Посмотрите, как читают «Взгляд». Недавно «Взгляд» перепечатал один мой пост — я был очень рад, хотя получил большое количество отрицательных откликов. Моя заметка была посвящена тому, что в городе, где живут 10 % населения России, две недели подряд проводить в центре города репетиции парада — это безнравственно по отношению к тем людям, которые из-за этого страдают. Надо было проводить репетиции где-то на периферии. Меня не поняли. Но я был рад откликам — эти люди, ругая меня, задумались. В этом я вижу миссию нормальных журналистов, у которых образование, хороший язык, стиль, ум и пр. Я отношу себя к ним по объективной причине — меня читают, и я знаю, кто и как читает.

Несколько слово о правительстве. Мне не понравилась фраза о том, что рыба гниет с головы. На нашем радио «Комсомольская правда» примерно каждый второй слушатель, дозвонившийся в прямом эфире, говорит: «Рыба гниет с головы». Мне категорически не нравится эта фраза. В свое время кто-то мне навязал в “Facebook” аккаунт Путина, я удалил этот автоматический

аккаунт. Не потому что я плохо отношусь к Путину, просто у меня свое отношение к власти. Но я считаю, что пока мы будем говорить, что рыба гниет с головы, ничего не сдвинется с мертвой точки. Здесь говорили о том, что дипломники пишут работы с ошибками. На мой взгляд, задача любого вуза, образовательного учреждения — научить студентов правильно и грамотно писать.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это задача школы.

А. А. ДЯТЛОВ: — Но школа не работала. Пока мы на каждой ступени не будем понимать, что с людьми надо работать, что их все время надо обучать, подталкивать, развивать, ничего не изменится. Наше правительство, структуры власти уже давно живут в совершенно другом мире, из-за этого происходят все конфликты, они вообще не видят, что происходит внизу. Но низы из-за этого не должны все время грозить вверх кулаком — просто надо заняться делом. Давайте помогать тем, кому мы можем помочь.

Возвращаясь к теме журналистики, скажу следующее: журналисты должны учиться быть переводчиками между людьми, которые являются носителями культуры, и новым поколением, которое не понимает первых в силу большого возрастного разрыва, в силу того, что их не учили, что на них обрушились компьютерные технологии, реальная свобода. Помогите им подняться до своего уровня.

— *Но власть мешает...* (реплика из зала)

А. А. ДЯТЛОВ: — Займитесь тем, что вас окружает. Надо успеть сделать несколько простых вещей. Например, я хочу создать нормальное радио «Комсомольская правда», чтобы его слушали, чтобы в его передачах принимали участие интересные люди. Это тяжелый труд. Мешает власть или нет — все равно. Мне хочется это сделать.

А. П. МАРКОВ: — Андрей Анатольевич, у меня возник вопрос в связи с Вашим выступлением. То, что происходит в Сети, в частности, движение блогеров, не убивает ли вообще профессию журналиста? Не секрет, что многие тексты в Интернете — и по искренности, и по форме, и по моральной ответственности — иногда превосходят то, что мы читаем в газетах. В чем состоит смысл, миссия, функция журналиста сегодня, когда у него появился огромный по массовости и вполне сопоставимый по интеллектуальному развитию конкурент?

А. А. ДЯТЛОВ: — Лучших блогеров мы печатаем с большим удовольствием. Сеть устроена по другим законам — там важен высокий накал. Приведу пример. Возле Белорусского вокзала в Москве стояла бабушка, которая торговала платками. И один блогер (то ли внучка, то ли племянница) написал в блоге о том, что ее бабушка, ветеран войны, торгует платками, потому что не может иначе заработать и т. д. В течение трех дней у бабушки скупили все платки. Она была вынуждена запереться дома, не открывать дверь, потому что все хотели ей помочь. После этого выяснилось, что бабушка и на войне не была.

Второй случай — после митинга на Болотной площади ОМОН избил ногами беременную женщину. Это оказался небеременный молодой человек... Но дело в другом: пока Сеть обсуждала, как ОМОН бил ногами беременную девушку, Интернет бурлил. Как только оказалось, что это молодой человек, не нашлось ни одного блогера, который сказал бы: «Ребята, задумайтесь». Все просто — стало неинтересно.

Я думаю, профессия журналиста не исчезнет никогда, во всяком случае в ближайшем будущем. Вопрос не в том, печататься в газете или показывать свои шедевры по телевидению, вопрос нормальной журналистики сейчас заключается в том, чтобы на всех возможных площадках, включая и блогерские, размещать: первое — свое очень заинтересованное и второе — свое очень проверенное мнение. Журналист от блогера отличается тем, что во многих газетах еще существует внутреннее понятие журналистской чести: нужно проверять то, о чем пишешь и под чем подписываешься. Меня радует тенденция: появились социальные сети, в которых люди стали регистрироваться под своими именами. В блогах этого нет, там одни «ники». Легко говорить, когда ты не подписываешься своей фамилией. Это хорошая тенденция. Кто-то из выступавших сегодня хорошо сказал: «Они в начале пути». Через некоторое время эти люди поймут, что такое качественные блоги, аккаунты, а что такое — некачественные. И аудитория будет уходить к качественным. И там журналистам нужно оказывать вовремя. Молодые ребята, находящиеся в этом зале, учитесь работать честно, правильно и участвуйте в социальных сетях — там ваше будущее.

В. В. СОГРИН¹: — Я обозначил тему своего выступления как «Историографии России и США: современный диалог», но переведу ее в русло журналистской проблематики. На мой взгляд, не только коммерция является основой современной журналистики, огромное значение в современной журналистике имеет реализация воли власти. Я, как американец, хочу сказать, что в течение последнего десятилетия в отношении Америки существует четкая установка — антиамериканизм, критика Америки. Но наша критика Америки — это не антиамериканизм, а фальсификация того, что происходит в Америке, и эта фальсификация является, на мой взгляд, одной из основополагающих установок современной российской журналистики.

Приведу конкретный пример. В ведущей правительственной «Российской газете» публикуются следующие материалы о США. Писатель Всеволод Овчинников, обозреватель этой газеты, написал статью, в которой утверждал, что сталинский геноцид, сталинские чистки во время Второй мировой войны были предложены Сталину Франклином Рузвельтом. Во время Тегеранской конференции в ноябре 1943 года Сталин спросил Рузвельта: «Что делать с северными кавказцами, ко-

торые сотрудничают с немцами?», и Рузвельт ему ответил: «Сделайте с ними то, что я сделал с японцами в Америке, — интернируйте их». И после этого Сталин начал свои чистки. Такой наглой фальсификации в отношении Франклина Рузвельта я не встречал даже в советский период. И разоблачить эту фальсификацию элементарно. Я думаю, что любой журналист прекрасно знает, что в июле 1941 года, задолго до Рузвельта, Сталин издал известный указ о ликвидации Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — И правильно сделал...

В. В. СОГРИН: — Я говорю о том, что Сталина не нужно было учить чисткам — ни Рузвельту, ни кому другому. Погиб миллион немцев, в то время как из японцев, которых выселял Рузвельт, не погиб ни один человек. И они жили в нормальных условиях. Известно, как Сталин зачищал чеченцев. Полковник Гвишиани не смог вывезти одно село, поэтому запер людей в сарае и просто сжег.

В той же «Российской газете» историк, директор Института российской истории Сахаров пишет статью, в которой говорится о том, что в 1905 году Россия победила Японию, но Соединенные Штаты Америки украли у нас эту победу, поскольку Теодор Рузвельт был арбитром, он отнял у России Курильские острова и половину Сахалина. Каждый журналист знает, что Курильские острова всегда принадлежали Японии. Их не нужно было отнимать. Но «Российская газета» внушает читателям эту мысль. Кроме того, Америка не была тогда настолько влиятельной, чтобы чего-то добиться, поскольку в мире распоряжались другие страны — Англия, Германия и Франция, которые были гораздо более влиятельными.

Еще один показательный пример. Наша современная журналистика способствовала возрождению мифа о том, что Россия в 1867 году незаконно продала Аляску Соединенным Штатам Америки. Упорно по нескольким телевизионным каналам, в том числе по телеканалу «Культура», эту фальсификацию муссировали. В качестве агентов влияния благодаря журналистам предстали император Александр II и знаменитый российский министр иностранных дел Горчаков. На самом деле Аляска была продана, потому что Россия не могла ею управлять. Интересно, как бы жила сегодня Аляска, если бы она осталась в собственности России?

А. П. МАРКОВ: — Маленький комментарий: в данном случае фальсификация, наверное, была во благо — ведь чтобы ощутить общность «мы», нужен был образ врага. Как известно, для образования коллективного культурного субъекта универсальными являются социально-психологические механизмы ассоциации и диссоциации. Этнокультурное сообщество возникает прежде всего как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям такого же типа, и исчезает как система с потерей ощущения «своих» и «чужих». Как писал Л. Н. Гумилев, противопоставление «своих» и «чужих» (деление мира на «мы» и «они»), данное членам этноса в рефлексии, служит

¹ Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность», председатель Российской ассоциации историков-американистов. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Политическая история США», «Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина», «История США», «Исторический опыт США», «Демократия в США. От колониальной эры до XXI века».

основным индикатором для определения этнической принадлежности. Полюсность «свое–чужое» рождает в культуре особое энергетическое поле, напряженность которого укрепляет отношение к «своему», цементирует общность «мы», но одновременно принимает агрессивные формы противостояния «чужим» идеям, ценностям, мировоззрениям. И общность (даже в ситуации кризиса) сохраняется до тех пор, пока есть некая другая общность, которую можно воспринимать как «они». Получается, что устойчивость общности находится в положительной зависимости от наличия оппонента — без внешнего «врага» она теряет энергию консолидации и вынуждена искать оппонентов среди «своих».

В. К. МАМОНТОВ: — Хочу заметить, что Курильские острова и Сахалин не всегда принадлежали Японии. Как вела себя Япония с коренным населением Сахалина? Я за точность.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — У меня возникли два вопроса. Первый вопрос: правильно ли я понял, что антиамериканизм — одна из главных установок власти, которая навязывается средствами массовой информации? И второй вопрос: Вы действительно считаете, что финал Вашего выступления, которое построено как разоблачение фальсификации объективных исторических фактов, выполнен в жанре научной дискуссии («А теперь представьте, что бы было с Аляской, если бы она осталась в составе России?»), — это научная методология и научный способ ведения дискуссии?

В. В. СОГРИН: — Второй вопрос я оставлю без ответа. Отвечая на первый вопрос, хочу отметить, что это действительно установка власти, потому что именно все правительственные газеты, массмедиа четко выполняют эту установку. Я выступаю только на двух каналах — это радио «Свобода» и канал «Совершенно секретно».

Ю. И. ВДОВИН¹: — Я правозащитник, это и определяет мое отношение к некоторым обсуждаемым сегодня вопросам. Несколько слов о рефлексии журналистов по поводу своей профессии. Мне несколько раз доводилось встречаться со студентами СПбГУП и Санкт-Петербургского государственного университета. Я всегда начинаю свои беседы со студентами с вопроса о том, что такое журналистика. Постепенно мы приходим к мысли, что журналистика — это реализация права граждан на информацию. Этот тезис — основная рефлексия журналиста по поводу смысла и цели его профессии. Право граждан на информацию реализуется в том плане, что граждане на основе информированности обо всем, о чем рассказывают журналисты, делают осознанный выбор своих предпочтений. Не навязанный пропагандистскими приемами и пиаровскими методами, а осознанный — на основе информированности и знакомства с различными точками зрения на те или иные явления.

Теперь я хочу возразить господину Третьякову по поводу того, что политики везде одинаковы. Рыба гниет с головы — это неправильный подход.

¹ Заместитель председателя общественной правозащитной организации «Гражданский контроль».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это правильно. Политики везде одинаковые.

Ю. И. ВДОВИН: — Различия только в том, что уличенный в недобросовестности или ошибочности своих действий политик на Западе добровольно уходит в отставку, а наши политики цепляются за власть, потому что власть для них совсем не то, что для западных политиков.

В теории управления существует такое понятие, как обратная связь. Она бывает положительной и отрицательной. Положительная обратная связь приводит систему к разрушению. Отрицательная — стабилизирует систему. Советский Союз распался исключительно потому, что средства массовой информации осуществляли только положительную обратную связь. Мы сейчас движемся в том же направлении во всех сферах.

О культуре я не берусь говорить, как и о русском языке, потому что я технарь. Русским языком в том объеме, в котором им владеют гуманитарии, я не владею, но то, что я слышу иногда по телевидению и радио, режет мой слух. И виновата в этом, видимо, власть, которая снизила требования к образованию в государственных учреждениях.

Существование государственных средств массовой информации — это нонсенс. В демократическом мире не существует государственных средств массовой информации. Когда государственные средства массовой информации конкурируют с негосударственными, всегда есть соблазн использовать административный ресурс, чтобы победить негосударственные. Кроме того, у нас в стране еще существует такая скрытая форма контроля средств массовой информации, которая формально негосударственная, но контролируется через различные структуры, в том числе с помощью рекламы. Рекламодателю объясняют, чтобы он в этом средстве массовой информации рекламы больше не размещал.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Так во всех странах.

Ю. И. ВДОВИН: — Не знаю. Я плохо представляю, как Мердоку может кто-нибудь сказать, чтобы он не размещал рекламу.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вы знаете, что сейчас происходит с империей Мердока?

— *Би-би-си финансируется государством...* (реплика из зала)

Ю. И. ВДОВИН: — Би-би-си — это общественная радиовещательная компания, она частично финансируется из госбюджета, в основном существует на средства граждан.

В. К. МАМОНТОВ: — Финансирует государство, но разными способами.

Ю. И. ВДОВИН: — Что такое государство? Это мои налоги! Ничего более. Государству я предоставил право распоряжаться моими налогами в моих интересах, а не в интересах чиновников.

В. К. МАМОНТОВ: — Почему Англии Вы предоставляете такую возможность?

Ю. И. ВДОВИН: — Англия не вмешивается в деятельность Би-би-си.

— В *“WikiLeaks”* перестали размещать рекламу. Кто это сделал? (реплика из зала)

Ю. И. ВДОВИН: — Рекламодатели. Но можно ли там запретить? Вы все меряете мерками времени Советского Союза. Это взгляд советского человека на цивилизованный мир. Безусловно, существуют злоупотребления. В советское время было принято, что секретарь райкома звонил и говорил: «Этот материал не публиковать». В Англии такое невозможно. А когда на Би-би-си попытались не выпускать в эфир сюжет о том, что полиция спровоцировала продажу наркотиков, состоялся суд. И Би-би-си выиграла суд, сюжет по телевидению был показан. У нас такое невозможно. Даже сейчас.

В завершение хочу сказать несколько слов о нравственности наших журналистов. Один известный питерский журналист работал с Яковлевым, потом поссорился с ним. Его супруга их примирила, она спросила у Яковлева: «Почему ты работал на Собчака?» А он ответил: «За деньги». Это нравственность наших журналистов.

Л. И. ХАРЧЕНКОВА¹: — Я позволю себе одну реплику по поводу того, что уважаемый Юрий Иннокентьевич говорил, что граждане на основе информированности могут делать определенные выводы. Но информированность может быть разной, в том числе тенденциозной. Мой соавтор из Финляндии Наталия Туранен говорит, что по телевидению в Финляндии часто показывают неприглядные факты российской жизни: старушки, которые роются в помойных ящиках, ярко накрашенные девушки и т. д. Таким образом финны делают свои выводы о реалиях нашей жизни.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ²: — Я неоднократно бывал за рубежом, тиражируемый там образ нашей страны формируется зарубежными СМИ. Об этом сейчас сказала Людмила Ивановна. И всегда это вызывает неопределенные чувства. С некоторых пор я наблюдаю за проектом *“Russia Today”*, который вещает на зарубежные страны, в том числе на кабельном телевидении в США. На мой взгляд, этот проект выполнен качественно, на высоком профессиональном уровне. Но у меня сложилось впечатление, что вне зависимости от того, насколько качественный продукт, он вряд ли может быть столь популярным и охватывать такую широкую аудиторию, как, например, Си-эн-эн, которая вещает за рубежом в каждом отеле и практически в каждом доме. Недавно канал *“Russia Today”* стал рекордсменом по количеству просмотров в *“YouTube”*, то есть отдельные сюжеты этого телеканала выкладываются на *“YouTube”* и в совокупности собирают большое количество просмотров среди всех телеканалов. Это свидетельствует о том, что новые технологии, о которых сегодня шла речь, позволяют телеканалам с меньшим бюджетом,

с меньшим охватом аудитории добиваться не меньших результатов, если они интересны. И здорово, что этот контент оказался интересным в том числе американской аудитории — тот образ, который формируется российской командой, вещающей на английском языке для зарубежных стран.

В. К. МАМОНТОВ: — *“Russia Today”* интересно и современно работает. Например, этот телеканал выкладывает свой видеоряд для бесплатного доступа. Как работают на Западе? Почему они показывают, что горит автомобиль в Греции, а диктор при этом рассказывает про беспорядки в России? Потому что иногда не успевают получить нормальный российский видеоряд. Телеканал *“Russia Today”*, поскольку является бесплатным, предлагают им этот видеоряд, комментировать они могут как угодно, но со своей стороны *“Russia Today”* обеспечивает достаточно объективную картинку. Это правильная и интересная работа. Потому что у западных телекомпаний создана мощная империя по промыванию мозгов. Мы им противостояем. Надо искать новые формы для того, чтобы нас услышали. *“Russia Today”* тоже это делает.

А. П. МАРКОВ: — Юрий Иннокентьевич спровоцировал нас на высказывание своего мнения. Декларируемый смысл журналистики, заключающийся в том, чтобы обеспечить право человека на информацию, — либо иллюзия, либо вчерашний день. Потому что право на информацию я получаю, скорее посещая Интернет и скачивая все, что мне нужно. Но тем не менее я почти каждую неделю читаю газету *«Известия»*. Каков мой мотив? Чтобы получить информацию? Ни в коей мере. Я из нее, по сути, никакой информации не черпаю. Я получаю чужое, но интересное мне мнение, точку зрения, которую высказывают значимые для меня люди, у которых имеется свое объяснение реальности. Я сопоставляю их мнение с собственным видением, что-то корректирую, меняю, в чем-то еще сильнее убеждаюсь. Мне кажется, что в сегодняшнем обсуждении не уделено должного внимания этой теме. Мы связываем журналистику с продажей информации, комментариями. Журналистика сегодня — это проект творения, понимания мира, ситуации. Еще раз хочу подчеркнуть величайшую ответственность журналиста за то, что он словом, образом творит этот мир. Мы говорим о журналистике как о профессии. Но это не просто профессия — это миссия, их миссия, призвание.

Но возникает вопрос: если ты призван, то кем, кому ты служишь? Журналист внутри массовой культуры или в партизанском отряде, как сказал наш московский гость? Журналист не имеет сегодня прав и возможностей быть участником партизанского отряда — не позволяют те, кто заказывает и оплачивает *«музыку»*. Увы, журналист служит молоху, внутри которого существует, либо пытается, каясь перед Богом за данное слово, отвечать за то, что творит. А творить можно ложь, зло, безответственность. И пафос выступления Александра Сергеевича именно на эту тему. Мы творим зло, либо не ведая того, либо ведая, что творим.

— *А искусство, даже самое высокое, никогда не творило зла?* (вопрос из зала)

¹ Заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор

² Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии.

А. П. МАРКОВ: — Конечно, творило, еще как. Это мое личное убеждение, но я считаю, что можно назвать виновников экспансии в мире зла, жертвами которого стали тысячи изнасилованных и убитых в XX веке детей. Виновник, который Богом данным талантом сделал культурно-легитимным половой акт с ребенком (я думаю, вы понимаете о каком писателе и о каком произведении идет речь).

Но это скорее вопрос, который находится в компетенции совести каждого из нас, а также в сфере корпоративной культуры, которая должна по возможности сдерживать «профессиональный разгул». Вот почему нельзя сводить сегодняшнюю журналистику к информированию, продаже информации, реализации права на информацию. Имею ли я право на информацию об интимной жизни моей соседки или известной фигуры? Нет, не имею. Мы способны интерпретировать информацию по-своему, в контексте своего видения. Но я еще раз обращаю ваше внимание на возможности информации творить реальность. Я в своем докладе еще вернусь к этой теме.

Журналистике сегодня, как никогда, присуща культуротворческая функция — она творит этот мир словом, формирует медиареальность, которая оказывает влияние на наши ценности, жизненные стили, предпочтения. И в этом смысле в профессии журналиста должен быть встроены нравственный регулятор. Для меня метафорический образ ответственности представлен в одном эпизоде Нового Завета. Ученик спрашивает Христа: «Может ли человек быть во зле на пути к истине?» «Да, — отвечает Христос. — Но горе тому, через кого зло приходит в мир...» Идет в мир через слово, образ, а также уникальные средства трансляции этого слова и образа.

А. И. ЕВСЕЕВ¹: — Здесь прозвучала реплика о том, что журналистика — это не просто право на информирование, это миссия. Но миссия не может реализовываться без ценностной ориентации, ценностных установок. Когда мы говорим о том, какой диалог ведем и где возможны пересечения, приводится следующий пример: Медведев посетил телеканал «Дождь». Важно не просто прийти в аудиторию, важно то, с чем приходит человек. Сегодня мы говорим о том, что взаимодействие просвещенного с непросвещенным — большая проблема.

Посмотрите на характер сегодняшних реплик. Свободный разговор — это достоинство, свободная атмосфера обмена мнениями — это благо. Но иногда, даже в такой камерной аудитории, мы не должны позволять себе вольности. Я считаю неоправданной вольностью, когда из уст редактора, моего коллеги, представляющего «Комсомольскую правду», звучит: «Не обращайтесь внимания на наше правительство». Я не хочу этого делать. Я, как гражданин, хочу уважать свое правительство и формировать соответствующие требования к нему. Такой негатив порождает опасные тенденции в обществе.

Важно, что это прозвучало. Я понимаю, что мой коллега не вкладывал в это высказывание плохой смысл.

¹ Генеральный директор РИА «Ленинград», генеральный директор «Пронто-Петербург», генеральный директор — главный редактор газеты «Экономика и время».

Мы близко подошли к опасной грани, когда люди не слышат друг друга, относятся ко всему как к пиар-технологиям. С чем журналисты выходят к аудитории и для чего используют тот или иной канал? Эти ценностные ориентации у нас не сформированы.

Также здесь говорилось об ответственности перед Богом. Я не могу проконтролировать ответственность перед Богом, но мы должны сформировать, заложить механизм ответственности перед обществом. И если мы не начнем слушать друг друга, содержательно реагировать — у журналистов, политиков не будет ценностных ориентаций. Они не знают, с чем обратиться к обществу. И если ко мне приходят просто с технологией, то мне это неинтересно. Это не показатель достоинства общества, роста общественной культуры. У нас нет содержания в общении с людьми, нет уважения со стороны политиков. Но есть фальсификация, имитация — и внутри властной вертикали, и внутри оппозиционных партий. Эта опасность может привести к проявлению искреннего бунтарства, но очень опасного.

А. А. ДЯТЛОВ: — От того, что я сказал, отказаться не могу, потому что для меня важнее не то, как нам будут сверху прививать культурные блага, уважение и пр. Я выступаю за то, чтобы люди, осознавшие, что в стране мало явлений, которые можно уважать, ценить, занялись бы воспитанием самоуважения. Если его нет сверху, значит, оно должно быть сформировано снизу.

Редактор «Новой газеты» Дима Муратов однажды написал гениальную фразу: «Известно, что самолеты падают, потому что про это пишут газеты». Проблему нужно разделить — между тем, что делают журналисты, и тем, что требует от журналистов общество. В этом смысле работа в массовой культуре многих опускает. Но самолеты падают не из-за того, что об этом пишут журналисты.

А. П. МАРКОВ: — Иногда падают после журналистской заметки. В одной газете лет пять назад была опубликована статья, сюжет которой может рассматриваться в качестве иллюстрации некоторых моих мыслей. В статье описывается ситуация, которая происходит в одном из штатов Америки: уже почти два десятилетия над одним (вполне провинциальным) городком этого штата висит, как пишет журналист, наказание — маньяк насилует и убивает детей. Его ловят, приговаривают к смерти через электрический стул, потом казнь публично демонстрируют населению, журналисты выдают информацию после каждого эпизода. Спустя некоторое время вновь появляется чудовище и делает то же самое. Этот прием называется референцией зла. Автор статьи риторически вопрошает: за что так наказан этот город? Ответ очевиден: не показывайте зло по телевидению, и оно будет лишено возможности воплотиться. Не пишите — и зла не будет! Не показывайте — и терроризм сойдет на нет! Потому что основной смысл, ключевая мотивация большинства эпизодов — не просто сотворить акт насилия, а явить его в многомиллионном формате.

А. А. ДЯТЛОВ: — Я с Вами согласен.

В. Д. СОШНИКОВ¹: — Обратите внимание на много раз прозвучавшую здесь мысль: власть, власть, власть. Марк Твен сравнивал журналистику с собакой, которая постоянно должна кусать власть за пятки. Он абсолютно прав, хотя в этом высказывании заключен юмор. Собака стала ручной. Мне кажется, что корень зла — в том, что диалог культур состоялся. И в этом диалоге победил голос, известно откуда вещающий. И все это прекрасно знают, поэтому журналистика закончилась как таковая. Все стали журналистами! Сегодня мы говорим, что блогеры — это журналисты. Можно ли сегодня назвать крупных журналистов, о которых все говорят? Например, таких, как Аграновский, который писал о проблеме трудных подростков. Все говорили: «Трудные подростки...» А Аграновский возразил: «Не подростки трудные! Родители трудные». Поворот темы. Дайте идею! Не работайте в трафарете. Этот голос победил. Почему кругом «чернуха»? Потому что это легко снимать и об этом легко писать. Нет мыслей, затрат — ни умственных, ни физических.

Журналисты имеют разные специализации. Здесь присутствует Эрнест Наумович Серебренников — человек-легенда нашей журналистики! В 1980 году, во время трансляции Олимпийских игр, Эрнест Наумович придумал формулу: если ты работаешь на телевидении, хочешь быть хорошим журналистом, то должен быть средним режиссером. А если ты хочешь быть режиссером, ты должен быть средним журналистом. Я счастлив, что работал с великими журналистами. Кстати, в «Истории отечественного телевидения» вообще вычеркнуто Ленинградское телевидение как таковое. А телевидение началось в Петербурге: именно петербургское телевидение в 1960-е годы совершило прорыв — вспомним телестанцию «Горизонт». Курс истории телевидения был написан много лет назад профессором Владимиром Николаевичем Карповым, к сожалению, ушедшим от нас два года назад. Мы должны брать друг у друга все самое хорошее.

Сегодня журналистами стали все. Так не бывает, это профессия «точечная». Когда говорят, что журналистов надо устраивать на работу, — это неправильно. Журналиста ноги кормят. И журналист сам по себе свободен. Он может работать в одном издании, в другом, если что-то представляет собой. Фриланс в журналистике — это нормально.

Журналист на Западе, придя в издание — печатное или электронное, заключает договор, в котором прописано все. В свое время я руководил Ленинградским телевидением, принимал участие в создании телеканала «Сто», который сегодня превратился непонятно во что, загублен и «Пятый канал».

Сегодня мы должны создать кодекс журналиста. Должны существовать нравственные и ценностные ориентиры. Кодекс журналиста должен быть ориентирован на нравственность человека и формально закреплен на уровне определенных документов.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я оказался в этой профессии, потому что хотел стать журналистом. Я учился на факультете журналистики. Естественно, там было во многом идеализированное преподавание, но университет

мне много дал, он сформировал мое сознание. Я начал довольно успешно работать в этой профессии. И видел проблемы, которые мы сегодня обозначили. Дальше — личный выбор журналиста: можно сказать, что все гнусно, и уйти, а можно сделать мир менее отвратительным. Это примитивно-прагматичный выбор. Если что-то удастся, журналист получает трибуну, должности, в этом случае ему так же мерзко, но он остается. Скептики, критики могут сказать: «Вы такой правильный не потому, что это ваш моральный выбор, а просто у вас ничего не получается в этой профессии». Эта ситуация может быть проанализирована и таким образом.

Выступая перед студентами, я рассказываю о журналистике честно. «Топтать» свою профессию, не худшую среди всех, я могу гораздо более цинично, но не собираюсь этого делать как представитель великой русской журналистики. В мире всего 5-6 великих журналистик: англосаксонская, французская, немецкая, итальянская и русская. Я антиамериканист. Только для этого мне не нужны указания из Кремля. В России много антиамериканистов, это моральный выбор людей.

Я хочу будущим журналистам и телевизионщикам честно рассказать о профессии, для того чтобы предупредить их обо всех проблемах, профессиональных и моральных, которые могут возникнуть. Мне не нравится подход, который применяется на некоторых других факультетах: есть идеальная свободная журналистика в других странах и паршивая, предполагающая, что сейчас вы упадете в грязь. Я предупреждаю обо всех проблемах, с которыми будущие журналисты могут столкнуться. Я рассказываю о том, как это нужно преодолеть теоретически, практически исходя из собственного опыта. Действуйте сами — это морально-педагогический выбор. Сейчас я руковожу факультетом и ругать свою профессию не собираюсь.

Между прочим, первый импульс к этому я получил от одногруппницы, еще обучаясь на факультете журналистики МГУ. Я учился на одной пятёрки, но был всем недоволен и критиковал, ругал факультет. Девушка преподавала мне нравственно-профессиональный урок: «Если факультет такой плохой, почему ты здесь учишься? Уходи. Но если ты не уходишь, зачем ты поливаешь его грязью?» Я ей благодарен за это высказывание.

Может ли великое искусство творить зло? Может. И у меня нет однозначного ответа, нужно ли это окончательно запретить или изменить. Энтони Хопкинс — гениальный актер. Но когда он во второй части фильма «Молчание ягнят» ест мозги человека — это явное зло, творимое с помощью великого искусства. Что делать в этом случае? Гениальность этого актера под сомнение поставить нельзя. Запретить?

— *Вы вырываете из контекста...* (реплика из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это пропаганда каннибализма. Помимо всего прочего это воспринимается именно так. Я бы отказался от этого эпизода.

М. Р. ПРОСКУРЯКОВ²: — Я с огромным интересом слежу за тем, что происходит, потому что, на мой взгляд, наша дискуссия движется по очень интересному пути. Мы интуитивно нащупываем основные концепты,

¹ Заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор.

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук.

связанные с темой нашей секции, эта дорога не спрогнозирована заранее. Этот путь поиска истины оказался для меня чрезвычайно интересным. Я хочу выразить простую идею, с которой прихожу в аудиторию к своим студентам: образование, культура — это то, что остается, когда забыто все, чему нас учили. Культура в рамках традиционного определения включает три составляющие: совокупность наших достижений, умение эффективно действовать, поступать и говорить в соответствии с этими достижениями и опираясь на них, и процесс окультуривания, культивации, обучения человека, его духовного возрастания. В рамках этих трех категорий, наверное, и следует говорить о диалоге культур и журналистике, потому что сегодня нет оснований обвинять людей, которые информируют нас о происходящем вокруг, или церковь, или деятелей культуры — это продукт тех событий, социальных реалий, которые нас окружают. Необходимо рассматривать культуру через призму этих трех основных концептов, говорить о том, что человек, который создает журналистское произведение, должен подавать особый пример другим людям. Этот пример заключается в том, как он относится к той информации, которую преподносит своей аудитории.

Если маленького ребенка выбросил в мусорный контейнер его отец, я хочу видеть глаза человека, который мне об этом сообщает, ужас в них, а не просто факт. Мне кажется, что общество сейчас стоит на пороге выбора новых ценностей, восприятия тех ценностей, которые были частично утрачены нашей культурой. Кем же будет тот человек, который найдет в себе силы сказать: «Это плохо, это хорошо, нужно идти туда?» Добро, справедливость, правда, истина, демократия. Когда мы последний раз слышали эти слова? Утрачено содержание основных концептов русской культуры. Сейчас мы не можем найти того, кто может определить их основное содержание.

Студенты не будут слушать лекцию, если им неинтересно. Я горжусь нашими студентами. Сегодня много талантливейшей молодежи. И ситуация не так трагична, как все об этом говорят. Мы должны давать пример личного отношения к тому, о чем говорим, тем, кого выпускаем.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вы раскритиковали мою метафору, сказав, что это не спуск, выбор новых ценностей. А когда стали перечислять их, то оказалось, что это известные старые ценности: добро, счастье, истина, идеал, демократия. А какие новые ценности можно назвать? Перед каким новым выбором мы стоим?

М. Р. ПРОСКУРЯКОВ: — На мой взгляд, позиция человека, гражданина, который хочет разобраться, состоит не в том, чтобы комментировать наличие у патриарха трех квартир или часов, а в том, что он будет посещать храм каждый воскресный день, возможно, захочет больше узнать о Священном Писании и в том, что этот пробел в образовании будет заполнен его деятельным участием, поиском ценностей. Если речь идет о русском языке, то перед тем, как критиковать, можно посмотреть, как писали дипломные работы 20 лет назад. Ошибок не стало больше. Вы обвиняете министра образования Фурсенко в том, что ошибок в работах стало больше. Но он не виноват. Я преподаю русский язык,

и делаю это хорошо. Основное, на что должен ориентироваться современный человек, — это целостность личности, основанная на духовных этических поступках, а не только на словах.

А. П. МАРКОВ: — Мысль интересная — речь, как мне показалась, шла об образовательных возможностях образа педагога. Да и журналиста тоже, который морально отягощен ответственностью за слово, которое он произносит. Если он лжет о чем-то важном, например, о человеческих ценностях, то своей ложью он неизбежно убьет предмет своего разговора...

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я своим студентам всегда говорю: бойтесь морализаторов с трибуны. Выступающие, особенно из журналистской среды, будут учить морали, это один из самых аморальных типов в наших средствах массовой информации. Поэтому когда вы говорите: «Своим поведением, своим примером...» Я видел много морализаторов, вещающих с трибуны: «Поступайте по совести». Хотя сами эти люди поступают по совести крайне редко.

В. К. МАМОНТОВ: — Какой бы тезис мы ни разбирали, я вспоминаю деталь, которая подтачивает его. Например, здесь говорили о взгляде со стороны, о том, что снимают исключительно то, как кто-то копается в мусорных баках, потом показывают это в Финляндии. В Финляндии формируется неправильный образ нашей страны. Здесь нечего возразить.

Помните скульптуру Моисея с рогами — так его изобразил Микеланджело. Оказывается, при переводе переводчик «лучи, исходящие из сияния» перевел как «рога». Пришлось скульптору ваять рога.

Для меня важны эти истории, они усложняют жизнь, но от них никуда не денешься. Может быть, студенты ушли потому, что мы их «грузили» общими положениями, а у них в голове постоянно всплывали «рога» реальной жизни, которые не сопоставлялись с тем, о чем мы говорим. Диспут у нас поколенческий, мы с полуслова понимаем, кто о чем что говорит. Возможно, в наших беседах мы оторвались от тонкостей, нюансов, стали говорить об общих вещах, а это неинтересно молодежи, блогерам.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Когда не было Интернета, они не назывались блогерами, но таких людей было не меньше. Они писали в стенгазетах и в общественных туалетах, что интересно — то же самое и в той же терминологии, что и в Интернете. Поэтому не нужно «туалетную живопись» выдавать за откровения.

Э. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ¹: — Я хочу поддержать Андрея Анатольевича Дятлова и привести пример. После выборов президента приехал человек из Москвы и поблагодарил руководство канала за то, что выбрали того, кого надо, и делали то, что нужно. При этом мы полностью проиграли молодежи. Здесь говорили об общении между поколениями — это существенный момент. Мне лично не раз приходилось что-то менять: я понимаю, что нужно что-то придумать как

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, шеф-редактор спортивной редакции Ленинградской областной телекомпании.

в журналистике, так и в режиссуре, для того чтобы нас серьезно воспринимали. Гостелерадио конкурировало с Америкой, Германией, вело репортажи на весь мир.

Я вспомнил одну историю. В 1960-х годах я был главным режиссером, мы делали передачу с газетами «Правда», «Известия». Один раз в год собирались ведущие журналисты или руководители изданий, лучшие авторы, которые приглашали известных людей, например Аркадия Райкина, прокурора города и др. Я попросил прокурора рассказать что-нибудь интересное, острое. Он говорит: «На всех дачах есть трубы. Но ни одного метра водопроводной трубы не продано. Такая ситуация в нашей стране не только с водопроводными трубами. Но об этом я говорить не буду». Наше поколение в значительной степени воспитано на том, что об одних явлениях можно говорить, о других — нельзя.

Интернет серьезно изменил эту ситуацию, которую мы пока не можем полностью понять или оценить. Для меня, например, очевидно, что человек, окончивший 11 классов и проучившийся 5 лет в вузе, знает очень мало. Он может знать все про журналистику, но мало знает о жизни и профессии. И отсюда много ошибок. Когда он задает вопрос профессионалам в любой области, то ошибается изначально, потому что плохо представляет себе эту профессию и не ставит задачу изучить первоначально тот материал, серьезно подготовиться к встрече.

Мы изучаем опыт зарубежной журналистики, например принципы работы Би-би-си. Один из них гласит: «Мы не отвечаем на те вопросы, которые не задают». Имеется в виду, что журналист обязан почувствовать тот вопрос, на который надо ответить. Другой принцип: «Фраза — бит информации». В 1970-х годах мы вели трансляцию с соревнований по легкой атлетике на зимнем стадионе, перед входом стоял огромный бюст Владимира Ильича Ленина. Американский продюсер спросил: «Кто это?» — «Ленин». — «А кто это?» — «Был Ленин, потом Хрущев, а сейчас Брежнев, именем этого человека назван город». Он попросил разрешения начать трансляцию репортажа с этого места. Комментатор начал говорить: «Это Ленин, потом был Сталин, Хрущев и теперь Брежнев. Именем этого человека назван город». Это принцип американской журналистики, с ним можно соглашаться или не соглашаться. Я помню, как нам в Гостелерадио показывали статью зарубежного автора, которая называлась «Почему нельзя читать советские газеты?».

И последнее. Умение работать блестяще продемонстрировал один из самых талантливых ленинградских журналистов Порошин, который сейчас работает в Москве. Недавно он брал интервью у Спаллетти, главного тренера «Зенита». До этого у Спаллетти брали интервью опытные спортивные журналисты, но впервые было представлено такое доскональное интервью, он изучил самого Спаллетти. Выяснилось, например, что Спаллетти играл против Марадоны. Спаллетти удивился и спросил Порошина: «Откуда Вы это знаете?» Потом журналист привел такой пример: когда «Рома» ехала на матч, на балкон вышел один болельщик и показал неприличный жест. Спаллетти попросил остановить автобус, вышла вся команда и показала такой жест болельщику. Спаллетти захохотал и спросил: «Откуда Вы все это знаете? Я про вас тоже что-нибудь узнаю и расска-

жу». Этот пример иллюстрирует то, как надо готовиться, изучать материал, для того чтобы по-настоящему удивить человека, у которого ты берешь интервью. Кроме того, Порошин знает итальянский язык. Это стремление к изучению не только своей профессии — журналистики, но и других профессий, к которым ты можешь иметь отношение. Помимо моральных факторов, этических норм, изучение конкретных вещей даст возможность занять выигрышную позицию.

— В журналистике должна быть специализация? (вопрос из зала)

Э. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ: — Она и сейчас существует, например, есть спортивные журналисты, журналисты, которые пишут о театре, экономике.

Н. Н. МИХАЙЛОВ¹: — Я хочу поговорить о диалоге и журналистике. Мы с В. К. Мамонтовым сопровождали в поездке Горбачева в Хабаровск и Владивосток. После того как эта поездка состоялась, меня попросили написать передовую статью о том, как Горбачев ездил в Хабаровск, на Дальний Восток. Но это была не передовая статья в классическом виде, она могла бы называться размышлениями публициста, точкой зрения собкора, мнением редактора и т. д. На следующее утро, после того как статья вышла, мне позвонил Владимир Константинович Мамонтов: «Твоя передовая пользуется колоссальным успехом. Ее ксерокопируют, размножают и т. д.» Я подумал: «Какой же я замечательный публицист». На что он ответил: «Не в этом дело. Там у тебя есть очень интересная фраза, можно сказать, гениальная». Речь шла о том, что Горбачев любил выходить из машины и тем самым ломал весь график, подходил к людям, люди начинали его спрашивать, он отвечал. Горбачев вышел к народу, «а люди говорят ему все как есть — о белом белое, о черном черное». Что ж тут гениального? «Ты что забыл, что фамилия первого секретаря Хабаровского крайкома — Черный?»

Когда сегодня говорят, что журналистика раньше была лучше, а сегодня хуже, — не верьте этому. Она стала лучше. Потому что в той ситуации журналист должен был написать так, чтобы статья прошла цензуру, а читатель должен был догадаться и прочесть между строк, что хотел сказать журналист. Это диалог.

Вообще, в условиях глобализации диалог становится шире, мощнее, интереснее. Но так бывает не всегда, во всяком случае если говорить о диалоге культур между бывшими союзными республиками. Наш читатель, радиослушатель, телезритель гораздо больше знает о США, Германии, Франции, чем о республиках Закавказья или Средней Азии. Если человек приедет, например, в Армению и проживет там два дня, то за это время он узнает больше, чем за предыдущие пять лет из средств массовой информации. Возьмем Белоруссию и Украину. Здесь диалог тоже весьма ограничен, потому что сложно узнать о том, что происходит в Белоруссии. Если вы прочтете вкладку «Союз» в «Российской

¹ Главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации», доктор философских наук. Автор более 10 книг научного, научно-популярного и публицистического содержания, а также статей: «Национальная по форме, нужная по содержанию», «СМИ в эпоху глобализации: актуальные аспекты», «Как это делается на Би-би-си», «Под одну гребенку» и др. Лауреат премии Союза журналистов России.

газете», то у вас сложится одна картина о том, что происходит в Белоруссии, если вы будете слушать радио «Эхо Москвы» — то возникнет совершенно иное представление. Когда приезжает знакомый из Киева, то первый вопрос звучит так: «Что происходит с Юлией Тимошенко? Кто прав, кто виноват?» Казалось бы, достаточно читать газеты, слушать радио, смотреть телевизор. Разные точки зрения, разная информация, своему товарищу из Киева вы верите, хотя, может быть, он не прав. А к тому, что пишет или показывает нам пресса, вы относитесь с сомнением, потому что понимаете, что за их вещанием стоят чьи-то политические интересы. На мой взгляд, добиваться доверия в диалоге культур и вообще в диалоге — одна из главных задач нашей журналистики сегодня.

В. Э. ШНИТКЕ¹: — Я скорее потребитель в журналистике и могу оценивать ее со стороны. Приведу несколько случаев, которые имели для меня серьезные последствия.

Лет 20 назад я, как общественный деятель, присутствовал на одном собрании. В это время в мире и России начал активно развиваться неонацизм. На одном из собраний, где было много журналистов, я спросил у них: «А почему вы об этом ничего не пишете? Вы же видите, что каждый день кого-то убивают, в хронике можно прочесть, но нет журналистского анализа». Они ответили: «Мы не можем, потому что ничего не знаем о фашизме. Наши знания о фашизме укладываются в рамки школьного курса». Меня это потрясло, они грамотные люди, существует литература, информация. Я обратился к нескольким спонсорам и организовал семинар (в течение года мы собирались один раз в месяц), в рамках которого мы изучали фашизм. Я пригласил докладчиков из Франции, Германии, Испании, Голландии, где специалисты по фашизму рассказали о том, какие формы он у них принял, как было и что происходит сейчас. Этот курс читался для журналистов и выпускников Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, которые должны были пойти работать в школу. Мы договорились, что журналисты, которые знают язык, две недели будут стажироваться в Германии и Англии в антифашистских газетах и журналах. Я сформулировал их задачу: «Когда вы приедете, вы должны будете написать о фашизме, который распространяется у нас». Из 10 человек написали двое. Прошло полгода. Я задаю им вопрос: «Это все? Ведь проблема растет, ее надо обсуждать». Я написал вторую статью, подошел к редактору, который сказал мне: «Сколько можно? Вы уже писали на эту тему. Хватит, больше не надо». Вы знаете, к чему это привело. Сейчас растет неонацизм. Есть хроника событий, но нет анализа. Молодежь черпает анализ из Интернета, этот анализ дают фашисты. В России количество профашистски настроенных молодых людей растет изо дня в день.

Второй пример: в прошлом году меня пригласили поучаствовать в дискуссии, которая проводилась на телевидении, где были две группы молодых людей — либералы и радикалы. И когда речь зашла о сталинских репрессиях, ни одни, ни другие ничего серьезного ска-

зать не смогли. Дискуссии не получилось. Обе группы были не готовы. И это касается не только молодежи.

Путин приложил много усилий для объединения Русской православной церкви и Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), несколько раз встречался с руководителями зарубежной церкви. В США на одном из приемов он сидел рядом с одним из настоятелей РПЦЗ, который сказал ему: «Хорошо бы ввести единый день, когда мы могли бы вспомнить о жертвах политических репрессий». Путин ответил: «Это хорошая идея. Я обсужу ее с патриархом». Но уже 20 лет к этому времени 30 октября объявлено как День памяти жертв политических репрессий, во всех церквях в этот день идет заупокойная служба, люди ходят на кладбище. Никто из журналистов ни разу не приехал на Левашовское мемориальное кладбище в Петербурге, где похоронено 40 тыс. человек, которых за год расстреляли в Петербурге. Крупнейшее в России мемориальное кладбище жертв политических репрессий — и никто из журналистов там не был. Мне кажется, это вина журналистов, что воспитание молодежи имеет такие дефекты. Я согласен с мнением, что журналистика должна быть носителем информации. Но у нее должна быть основная идея — она должна воспитывать молодое поколение. Этого она сейчас, по моему убеждению, не делает.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я впервые вижу человека, который спокойно, без надрыва поднимает эту проблему. Хочу сказать, что журналистика не обязана воспитывать. В этом смысле у вас несовременное представление, хотя, может быть, вы и правы. Вы рассказали о фашизме. Но то, о чем Вы говорите, — это не фашизм. Здесь возникла терминологическая путаница. Это не фашизм, не нацизм, это либо расизм, либо крайний национализм. Нацизм, помимо прочего, предполагает определенную политическую структуру, институты и пр. Это одно из формальных объяснений, почему об этом так мало пишут. Но проблема (почему о фашизме мало говорят и пишут) очень интересная, показательная, если ее непредвзято изучить.

А. П. МАРКОВ: — Безусловно, вклад журналистики (и СМИ в целом) в развитие цивилизации значителен: эта профессия заложила информационную основу демократии. Средства массовой коммуникации, по сути, осуществили децентрализацию культуры — выполнили своеобразное стирание границ между «центром» и «периферией» (то есть устранили главное «культурное проклятие» прошлого). СМИ стоят у истоков формирования глобальной культуры.

И сегодня влияние средств массовой коммуникации на культуру и общество огромно: информация о мире становится более объективным феноменом, чем сам мир; сама реальность становится конструктом, массмедиа-эффектом. Между этими мирами наблюдается любопытная связь. Напомню вам один эпизод, который свидетельствуют о возможностях СМИ. Реальным событиям 11 сентября предшествовало навязчивое повторение в кинематографе сцен рушащихся небоскребов и башен Всемирного торгового центра: видеоматериал, транслируемый СМИ «с места событий», был практически неотличим от кинематографических спецэффектов. В случае с подобными катастрофами мы

¹ Председатель Санкт-Петербургского отделения общества «Мемориал».

имеем дело с реализацией фантазма. Это не реальность вошла в наши видения, а видение вошло и разрушило нашу реальность.

Да и терроризм во многом является эффектом медиа, продуктом СМИ, его реальность — это исключительно медийная реальность. Совершенно очевидно, что целью терактов являются не взрывы и смерти сами по себе, а их появление на экране — и чем более красочное, тем более реальное. Теракт как таковой появляется именно в момент трансляции сообщения о нем. После этого он средствами СМИ превращается в инструмент политической власти — как благовидный предлог для выделения средств, введения особой дисциплины и контроля, призывов к национальной и гражданской идентичности, а в некоторых случаях — и в виде прямого военного вмешательства. И для всего этого главным поводом становится реальность экрана. А мы смотрим на это с удовольствием, потому что зрелище смерти всегда захватывает, тем более что мы-то ничем особенным не рискуем, сидя перед телевизором (возможности медиареальности модифицировать мир более полно показаны в работе Е. Иваненко, М. Корецкой и Е. Савенковой «YouTube: метромедийное тело в анатомическом театре»).

В культурологическом и социально-педагогическом плане ключевая проблема — более деструктивное влияние средств массовой коммуникации, прежде всего по отношению к культуре и личности. Этому способствуют эффективные технологии обработки массового сознания — с помощью механизмов коллективного резонанса осуществляется массовизация деструктивных эмоций и состояний: алчности, страха, уныния; основной объект информационных репрессий — традиционный образ человека, который методично расстреливается информационными пушками.

Я попробую высказать свои предположения по поводу истоков деструктивного характера влияния СМИ: во-первых, журналисты не ведают, что творят; во-вторых, происходящее является результатом целенаправленных действий, подчиненных решению вполне конкретных задач. Я склоняюсь ко второй гипотезе. Дело в том, что сегодня СМИ выступают активным субъектом культурной политики. Характер целенаправленного средства изменения антропологических матриц культуры СМИ обрели, когда превратились в коммерческое предприятие, в пространство инициирования и реализации различных бизнес-проектов. Рынок «выбросил» культуротворческую, просветительную и интеллектуально-развивающую функцию СМИ. Сегодня коммуникативными ресурсами активно пользуется бизнес, который «заказывает музыку», финансируя различного рода PR и рекламные проекты. В информационном пространстве всецело правят реклама и шоу-индустрия, обращающиеся к темным подвалам подсознания, сажающие население на информационный наркотик через нагнетание страха, демонстрацию секса и насилия. В хаотичных информационных потоках обнаруживается целеустремленность, организующая эти потоки для достижения единой цели: разрушению духовных основ культуры и формированию «человека языческого». И эти цели логично вытекают из рыночной природы СМИ — «молоху» рынка нужен человек, исповедующий агрессивный аморализм и гедонистический индивидуализм,

человек, смыслом бытия которого будет успех, богатство, слава.

Конечно, мы не имеем права винить только журналистов в сложившейся ситуации, виновата та «духовная помойка», в которой мы все оказались, она мешает четко отрефлексировать и ответить на вопросы: «Кто ты и зачем это делаешь?» Хочу в связи с этим привести цитату одного греческого писателя, хорошо знающего Россию. Журналистка газеты «Труд» спросила у него, как он оценивает то, что сегодня происходит в России. Его ответ был жестким: «Я не понимаю вас, русских, позволяющих развращать своих детей, сажать их на иглу, приучать их творить скотство. Мне стыдно смотреть на русских. В кого вы превратились? На ваших глазах паскудят ваших детей. И ни один из вас не может остановить развратителей. Думаете, это у вас русское смирение? Русская трусость у вас, а не русское смирение. Вы медленно, но верно превращаетесь в нацию дегенератов». Это взгляд со стороны. Взгляд жесткий, но он позволяет нам более адекватно оценить ситуацию, в которой мы оказались.

Изменившаяся роль средств массовой коммуникации, связанная с новым статусом информации, модифицировала функции журналистики. Переход цивилизации в стадию информационного общества произвел качественное изменение статуса информации — сегодня она превращается в объект потребления, становится разновидностью «фастфуда». Рыночная стихия превратила в товар и информацию социокультурного характера, возникающую в условиях рыночной экономики: рынок есть не только способ коммуникации производителя и потребителя — он все превращает в товар: культурные ценности, любовь, демократию, и этому нет предела. В информационном обществе главный субъект — «человек потребляющий». Потребление информации доведено до абсурда — у него нет мотивов. В частности, сегодняшний пользователь Интернета — это весьма своеобразный антропологический тип, которому Виктор Пелевин дал кличку «оранус». Потребление у такого человека становится формой зависимости, а он сам превращается в робота потребления. Такая зависимость стимулирует расширение спектра ненормативной активности, в том числе и психологические отклонения. В частности, некоторые элементы отклоняющегося поведения в Сети напоминают диагноз, характерный для вуайеризма (патологического желания обнажить свое естество). Желание подматривать у других находит отклик в патологическом стремлении других рассказать о себе, обнажить свое внутреннее содержание. Более того, психологи отмечают появление феномена дивуайеризма, то есть страсти подглядывать за подглядывающими.

Невооруженным взглядом очевидны направления «информационной экспансии» СМИ, обозначим их. Первое: расширение границ девиации, превращение патологии в норму. Нормой (и предметом гордости) становятся сексуальные девиации, агрессия, ложь, зависящие формы поведения. Разрушение зоны интимного (через его публичную демонстрацию) убивает чувство стыда, совести, греха, вины. В итоге происходят «оскотинивание» человека, атрофия души — того органа, который отличает нас от мира животных. В грязных информационных потоках происходит легитимизация

человеческих пороков — путем придания культурной легитимности тем аспектам поведения, которые всегда находились в табуированном пространстве.

Второе: средства массовой информации целенаправленно разрушают духовное ядро культуры. Запущен огромный и беспощадный маховик индустрии зрелищ, основанный на двух деструктивных (и весьма репрессивных по отношению к духовности), но глубоко встроенных в человеческую природу инстинктах: сексе и насилии. Этот маховик убивает суть культуры — ее духовность, а в человеке — его душу как основу человечности. «Зачистка» поля духовности производится путем десакрализации национальных святынь, публичной и провокационной демонстрации актов осквернения значимых арт-объектов, «зачистки» коллективной памяти через целенаправленное разрушение и осквернение прошлого, масштабной фальсификации духовной основы христианской культуры.

Приведу пример открытого цинизма представителя журналистского сообщества: Семен Новопрудский, заместитель главного редактора газеты «Время новостей» пишет: «Увы, мировые религии все более явно проигрывают борьбу с реальностью, все более отчетливо демонстрируют неспособность убедить людей в том, что в земной жизни есть справедливость. Иначе откуда эта истерика по поводу совершенно невинных карикатур на пророка Мухаммеда? Если он всемогущ и абсолютно совершенен, какой вред могут причинить жалкие рисунки, сделанные слабой рукой земного человека? Какой вред, прости господи, “имиджу” Христа может причинить какое-то голливудское кино? Тем более что в голливудском кино Бог уже даже был... женщиной».

Третье: агенты СМИ «раскрутили» новый антропологический тип — идеал «нового язычника», произвели в человеке качества, которые способствуют формированию психологии потребительства как фундаментальной экзистенциальной парадигмы: алчность, зависть, эгоизм, индивидуализм, гедонизм, культ превосходства. Они подчиняют жизнь человека бессмысленной погоне за славой, статусами, богатством, удовольствием. Основная характеристика «человека потребляющего» — непрерывное (и немотивированное) потребление — вещей, людей, событий, потребление, которое, как я уже отмечал, становится формой зависимости человека от мира вещей (то есть разновидностью психического заболевания, сопоставимого по силе и деструктивным последствиям с наркоманией, игровой зависимостью).

В результате внесения в антропологическую матрицу современной культуры «языческих» энергий разрушается образ человека, который на протяжении веков составлял духовный «каркас» европейской цивилизации, то есть модифицируется «человеческий код» европейской культуры.

Нетрудно обнаружить приемы и технологии информационного воздействия. Во-первых, это прежде всего фальсификация событий, когда ложь упаковывается под правду, расширяя пространство лжи и дезинформируя читателей. «Вирус» лжи, паразитируя на правде и присоединяясь к клеткам ее «тела», разрушает их — такова природа вируса. Во-вторых, используется прием «конструирования образа врага» — с целью провокации в обществе ненависти и насилия (в частности, се-

годня это обнаруживается на примере отождествления ислама с мировым терроризмом). В-третьих, используются символическая инверсия ценностей, когда негативный ряд ассоциируется с позитивной символикой. В-четвертых, осуществляется «референтация зла», повышающая его привлекательность и усиливающая деструктивные энергии.

Таким образом, влияние СМИ на культуру репрессивно по технологиям воздействия и деструктивно по своим результатам. Сегодняшнее содержание информационных потоков и характер транслируемых стилей жизни «героев нашего времени» носят ярко выраженный антикультурный характер (если под культурой понимать ценностно-нормативное ядро, сформировавшееся на основе этического идеала христианства). По существу, СМИ сегодня осуществляют «духовный геноцид» по отношению к культуре, народу. И это не просто ошибка, это позиция не только идеологов от журналистики, но и рядовых «работников пера».

Сегодняшняя проблема журналистики, если выражаться метафорически, состоит в дисбалансе силы и мудрости, свободы и ответственности. Моральная ответственность журналиста сегодня многократно возрастает. Главное орудие журналиста — не просто информация, а слово, которое адресовано кому-то и становится проектом реальности. На мой взгляд, важнейшая задача журналистского сообщества сегодня состоит в формировании корпоративной культуры, которая сдерживала бы деструктивные импульсы. И опасность деструктивного воздействия СМИ осознается журналистским миром. В частности, во многих странах приняты доктрины информационной национальной безопасности. В журналистике даже появилась новая философия, которая изложена в «Манифесте медленных СМИ» — его разработали три журналиста из Германии, и он получил широкий резонанс в западных массмедиа.

И в России примером ответственного отношения власти к информации (и косвенным свидетельством чудовищного разгула агентов СМИ) является закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», подписанный президентом 21 июня 2011 года. Закон, запускающий механизм защиты детей от насилия и вредной информации, вступит в силу с первого сентября 2012 года. Документ определяет ответственность издателей и владельцев средств массовой информации, ответственность эта лишь административная. В частности, запрещается продукция (в том числе и рекламная), содержащая информацию, которая: побуждает детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни или здоровью; способна вызвать желание употребить наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию; провоцирует занятия проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; обосновывает или оправдывает допустимость насилия или жестокости; отрицает семейные ценности и формирует неуважение к родителям или другим членам семьи; содержит нецензурную брань, информацию порнографического характера.

Профессия журналиста предполагает особую моральную ответственность тех, кому профессия дает право публичного слова — слова правды или лжи, мира или войны, жизни или смерти. Поэтому нравственная

ответственность здесь чрезвычайно велика — за то, «как ваше слово отзовется».

И. А. ШАДХАН¹: — Мне кажется странным утверждение, что журналистика — это сплошное безобразие, бездуховность, бескультурие. Можно долго перечислять, сколько сделала журналистика, сколько подняла проблем, какое приняла участие в разных событиях, сколько открыла тем, упомянула людей. Несмотря на разные точки зрения, мне кажется, что какая культура, такая и журналистика. Журналистика является частью культуры.

Более того, на журналистике многое основано. В частности, если мы хотим иметь подлинную журналистику, то педагоги в школе должны пересмотреть практически все. Я имею в виду не только гуманитарные предметы, но и наше отношение к человеку. В любой профессии возникает множество нравственных проблем. На мой взгляд, журналист — совершенно потрясающая профессия. А станете ли вы в журналистике теми людьми, которые будут направлять поиски нашего общества, зависит в том числе и от меня. Возможно, я, как заведующий кафедрой, должен учить вас тому, чего не нужно применять на практике (подлость, вранье, потасовки).

Я снял фильм «В пути». Съемки проходили в поезде. Почему возник образ поезда и человека в купе? Человек в дороге готов поделиться со мной своими мыслями, идеями, переживаниями. Вообще Россия находится в пути. И разные точки зрения наших замечательных гостей надо принять. Я надеюсь на то, что когда мы спускаемся вниз, — это замечательно, это одна из точек зрения. Такого состояния общества я никогда не наблюдал. Журналистика — это прежде всего желание узнавать. Я прошу сидящую здесь молодежь доверять мне, я хочу вместе с вами анализировать и делиться своим опытом. Поэтому я прошу не противопоставлять журналистику культуре.

— *Здесь говорили о фашизме. Обратите внимание: падение культуры наблюдалось в 1930-е годы, в период возникновения нацизма, фашизма. Геббельс говорил: «Когда я слышу слово “культура”, то хватаюсь за пистолет». Этим все сказано. Пока мы идем по этому пути (реплика из зала).*

А. П. МАРКОВ: — В устах моих коллег звучал упрек, что я недооцениваю гуманистическую миссию журналистики. Мне так не показалось. Журналистика — великая профессия, потому что человек работает со словом, а нередко — под дулом пистолета. Но главное состоит в том, что инструментом этой профессии служит слово. Как известно, Господь дал слово для молитвы и признания в любви (я добавлю — и для работы в качестве журналиста). Но сегодня журналистика — это еще и набор специальных технологий, которые, как известно, нейтральны по отношению к нравственности. Сама технология не предполагает творения зла или блага — все это делает сам человек, в руках которого технология поворачивается той или

¹ И. о. заведующего кафедрой журналистики, профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Союза журналистов СССР.

иной стороной. К сожалению, сегодня эта линия размышлений была представлена не очень убедительно. Я так и не смог поменять первоначальную точку зрения: журналистское сообщество творит нечто, как бы не понимая всей катастрофичности сложившейся ситуации.

В нескольких метрах от нас проходит заседание культурологической секции. Послушали бы вы, о чем говорят мои коллеги там: мир и Россия переживают антропологический кризис, антропологическую эвтаназию, катастрофу, последствия которой трудно представимы. Но, господа, так сложилось, что основной агент, который приблизил это «человеческий апокалипсис», — это журналист, человек, работающий со словом и меняющий словом мир. Поэтому можно, конечно, придерживаться версии, которая только что прозвучала у коллеги: какова культура, такова и журналистика. Но я специально взял иной ракурс анализа ситуации: какова журналистика, такова и культура. Я думаю, все согласятся со мной, что журналистика сегодня — это не просто подача информации, это стихия, активно меняющая мир, и далеко не в лучшую сторону. Потому работа со словом — это великая миссия. Журналисту должно быть ведомо, как его слово отзовется. Если этой способности у него нет, то он теряет моральное право на профессию.

И. А. ШАДХАН: — Согласен с тем, что журналистика — это слово. В начале было Слово. Но у культурологов тоже вначале было слово.

А. П. МАРКОВ: — Полностью согласен с Вами, но слово культурологов не тиражируется на миллионы — в лучшем случае, наши книжечки публикуются тиражом не более тысячи экземпляров. Однако и культурологи в свое время существенно деформировали мир человеческой субъективности. И здесь не обошлось без помощи журналистов. Например, философ Ницше создал свою концепцию «белокурой бестии», потом ее дополнил Фрейд, но достоянием всех это стало не без помощи журналистики, которая обеспечила трансляцию этой антигуманитарной парадигмы, ее популяризацию и внедрение. Действительно, проект мира творят философы, культурологи, пророки, но этот проект становится достоянием и воплощается с помощью журналистики.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это вечный спор. «Мысль изреченная есть ложь». Я своим студентам предлагаю подумать над тезисом: ложь изреченная есть правда. Это феномен журналистики, которая и ложь превращает в правду.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Я принимал участие в работе третьей секции «Этнокультурные и социально-трудовые конфликты в странах СНГ: анализ, прогноз, управление». На мой взгляд, надо было объединить секции журналистики и конфликтологии. Хорошо было бы, если бы для журналистов ввели курс конфликтологии, чтобы понимать природу конфликтов, и т. д.

Сегодня журналистика становится мощным катализатором в конфликтных ситуациях. Мы с Александром Петровичем посетили заседание Совета Европы

в Нижнем Новгороде, где участвовали в работе секции журналистики. Основной вопрос, который обсуждался, — толерантность. Выступающие чуть не поубивали друг друга, когда обсуждали этот вопрос.

Сегодня ругать журналистику стало общей тенденцией, но это неконструктивный путь. Нужно повышать качество журналистики, это серьезная проблема. Журналист, не будучи политологом, культурологом, религиоведом, социологом, когда пишет на религиозные или культурные темы, может обидеть любую нацию в силу непонимания элементарных вещей. Но поскольку он журналист, то стоит выше обычных людей и обладает авторитетом. В России верят слову. У нас изначально верили в слово, а потом началась советская пропаганда, что журналист — это почетно, он всегда был в зоне действия партии — нашего рулевого. Если газета напечатала материал, надо было что-то делать, то есть авторитет был огромный. Авторитет остался, а уровень, к сожалению, не повысился.

Допустим, один журналист пишет, что со свидетелей взяли подписку о невыезде, далее следует арест. Журналист не понимает, что завтра никто не пойдет в свидетели. Другой журналист пишет, что Глазунов завершил картину, которую писал много лет, на полотне изображены все типы людей на Руси. До этого Корин хотел написать картину «Русь уходящая», но так и не реализовал свой замысел. На ней должны были быть изображены крестный ход и Ленин. Корин писал картину в 1939 году, Ленин умер раньше. Это плохое общекультурное образование.

Журналист должен быть и историком, и философом, и культурологом, и просто грамотным человеком. Сегодня любое печатное издание не отличается грамотностью.

Речь идет о том, что журналистика обладает высоким авторитетом, что накладывает большую ответственность. Люди в нашей стране верят печатному, медийному слову. И нужно просчитывать результаты. То, что журналистика является средоточием мысли, катализатором, — это факт. Есть вещи, которые высвечивают определенные грани социальной болезни, прогресса. Но это уже искусство, им надо овладевать. Мне кажется, что все начинается с подготовки журналиста как гражданина, профессионала, и в самом конце стоит ремесло. К сожалению, этот уровень пока не соответствует нашему уровню культуры.

Э. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ: — Сальвадор Дали сказал, что любого человека надо воспринимать таким, какой он есть. Это важный момент, потому что отечественная журналистика научилась открывать новое (даже после смерти многих людей). Это происходило в силу ряда причин. Можно говорить о Сталине, Брежневе, Хрущеве, о людях, которые ушли из жизни, и вдруг выяснилось, что они совершенно иные. Журналист должен задать себе вопрос: что бы я написал об этом человеке, когда его не станет?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это один из методов обучения в хороших журналистских школах. Дается задание — написать некролог. Должна быть мощная школа, много педагогов.

В. К. МАМОНТОВ: — На прекрасную театральную критикессу Веру Максимову за книгу о Ефреме стали нападать молодые журналисты. Нам показалось, что она написала несколько слащавую книгу о нем. Она защищалась, а потом сказала: «Что нужно было написать — сильно пьющий мужчина с внушительным лицом?!» И мы задумались. Эта речь мне запомнилась. Нам хотелось большей правды. Если бы, не дай бог, она такую книгу тогда написала, то это была бы большая ошибка. Я подумал: хорошо, что Вера Анатольевна, как критик и журналист, написала именно такую книгу об этом человеке и передала нам, журналистам, точную матрицу.

А. П. МАРКОВ: — Григорий Михайлович сказал, что у журналиста должна быть способность к проектированию, видению замысла. Мы несколько лет тому назад собирались ввести на кафедре журналистики предмет «Основы социально-культурного проектирования». Я вспоминаю одну встречу с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который сказал тогда интересную вещь: «Как этимологически неточно, но парадоксально глубоко и верно перевели на древнеславянский начальную фразу из “Евангелия от Иоанна”: «В начале было Слово...». На древнегреческом «логос» означало проект, замысел, то есть в начале был замысел. Вот что значит слово в контексте творения и преобразования этого мира. И когда журналист пользуется словом, всегда нужно предвидеть замысел: зачем он это делает, ведь ему дано не только слово, но и средства воздействия на многомиллионную аудиторию. Мне кажется, видеть замысел для журналиста — это наряду с нравственной ответственностью, является важнейшей профессиональной составляющей. А замысел предполагает улучшение этого мира, ему предшествует идеальное видение — человека, ситуации.

И. А. ШАДХАН: — Слово — производное действия. Если действие совершается, значит, изначально был замысел.

А. П. МАРКОВ: — Не всегда. Но я речь вел о другом смысле данного понятия — в древнегреческой категории «логос» первичен смысл не слова в нашем понимании, а значение идеи, замысла, проекта.

В. К. МАМОНТОВ: — А может быть, ошиблись, когда переводили с древнегреческого? Логос заменил нечто, возможно, совсем другое. Это характерно и для русской культуры, в которой замыслы будущего нередко рождались без всякого знания. Нация творила, как творил Бог, — из ничего, но иногда неплохо.

И. А. ШАДХАН: — Эрнест Наумович сегодня говорил о том, что журналист должен задавать вопросы, делиться творческими планами. Но в действительности все не так, мы называем таких людей «подставкой для микрофона». Им хочется быть в кадре вместе с великими и задавать вопросы.

В. Д. СОШНИКОВ: — Но мы говорим о творческой профессии...

А. П. МАРКОВ: — И в творчестве замысел первичен. Тем более если речь идет о профессии, которая имеет возможность любую идею сделать достоянием миллионов.

И. А. ШАДХАН: — Замысел можно не разделять, он может быть неуютен, но я должен иметь на это право. Моя профессия — журналистика, она не должна подстраиваться. Мы прошли советскую школу и т. д.

А. П. МАРКОВ: — Право на замысел вы не просто имеете — я настаиваю на том, что вы обязаны его иметь. Но это не лишает вас ответственности за его нравственную составляющую, за возможные результаты его трансляции. Иначе вы попадаете в привилегированное положение: мое право на замысел я реализую на собственной кухне, а вы получаете возможность транслировать замысел на многомиллионную аудиторию. На каком основании?

И. А. ШАДХАН: — Потому что мой замысел есть нечто, принадлежащее мне, и я хочу этим поделиться. А Вам это неинтересно.

В. Д. СОШНИКОВ: — А разве одна из составляющих журналистики не быть проводником?

А. П. МАРКОВ: — Речь идет о том, что журналист профессионально имеет огромный информационный ресурс для реализации своего замысла. А если он антикультурен, античеловечен, то наносит несоизмеримый вред. И это надо понимать, и чем раньше, тем лучше.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Игорь Абрамович, Вы говорите не о журналистах. Какой замысел у журналиста? Он не Господь Бог. Замысел — взять хорошее интервью, рассказать, передать мысли другого человека, раскрыть его. Это задача журналиста.

В. Д. СОШНИКОВ: — Как я буду раскрывать человека? Великая журналистка Галина Юрьевна Позднякова, совершившая революцию на телевидении, в свое время говорила: «Мне нужно у этого человека взять интервью. Я встречаюсь с ним до этого, разговариваю, много общаюсь, а потом думаю, о чем я его спрошу». А сегодня на телевидении делается так: едут на съемку журналист, режиссер, оператор и видеоинженер. Приезжают, берут интервью 1 минуту. Садятся в машину, едут обратно. Молчащий видеоинженер тихо спрашивает: «Ребята, что вы хотели снять?» Пауза, затем следует ответ режиссера: «А то, что сняли, то и задумали».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Извините, Вы путаете журналистику с другой профессией.

Е. Г. РОСТОВСКИЙ: — Журналистика разная. Есть информационная, аналитическая журналистика, а есть другая.

В. К. МАМОНТОВ: — Раньше для того, чтобы фотограф сделал хороший кадр, он должен был проделать большую работу: познакомиться с клиентом, выставить свет и т. д. Что происходит сегодня в условиях новой

технологической революции? Новые технологические явления могут отменить подготовительную работу. Хотя подготовительная работа — это лучший способ узнать человека, и нам он очень близок. Если человек любознательный, живой, имеет реальный живой интерес, то результат будет хороший. Значит, надо так воспитать человека, чтобы он к другому обращался с интересом.

В. Д. СОШНИКОВ: — Согласен. Здесь иногда важна интуиция.

В. К. МАМОНТОВ: — Это талант, интуиция, воспитание.

В. Д. СОШНИКОВ: — О выступлении в кадре мы часто говорим «говорящая голова», а это отдельный жанр. Если это жанр, то я, как журналист и режиссер, не имею права подходить к нему в надежде на авось.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Не согласен с тем, что сейчас было сказано. В профессии нужно себя контролировать. Расскажу реальный случай из советской журналистики. Известный фотокорреспондент получил задание снять солнечное затмение, которое тогда можно было наблюдать в одном из регионов Советского Союза. Он приехал в деревню, и, как профессионал, стал думать о замысле. Неподдалеку стоял плетень. На нем, по бытовательским представлениям, должен был сидеть петух. Он его придушил, распластал крылья, раскрыл клюв, засунул в погреб. Когда петух замерз, он привязал его к плетню. Получился отличный кадр: петух кричит, Луна закрывает Солнце. В Москве грамотный редактор, увидев снимок, сказал: «Петухи во время солнечного затмения не кричат, они прячутся». Вот к чему привел его замысел. Студентов в журналистике учат придумать, как подсадить петуха.

— *Но есть, например, эссе.* (реплика из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Эссе — это не журналистский жанр.

— *А художественная журналистика?* (вопрос из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Художественной журналистики вообще не существует.

Э. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ: — Когда Аркадий Исаакович Райкин приехал на Ленинградское телевидение, у него попросили пропуск. Артист сказал: «Я Райкин», вахтер говорит: «Я знаю. Предъявите пропуск». Так продолжалось, пока не вышел директор. Райкин в связи с этим сказал: «Я был в Англии один раз, меня там никто не знает, но на телевидение меня пустили без пропуска». После того как Райкин вернулся из Англии, один из секретарей ЦК, который курировал «Правду», пригласил его выступить перед работниками этой газеты. Райкин спросил у зала: «Как вам рассказывать: как надо или как я жене рассказываю?» Люди закричали: «Как жене».

Наверное, одна из задач журналиста — сделать так, чтобы человек, с которым он разговаривает, рассказал

вам все как жене. Для этого надо многое изучить, чтобы человек проникся к вам доверием, и рассказать ему правду, потому что иначе можно получить совершенно иной результат при великолепной подготовке. В рассказе жене замысел всегда четко присутствует.

Л. И. ХАРЧЕНКОВА: — Я хочу высказаться с позиции педагога. Я поддерживаю тех ораторов, которые говорили, что журналисту необходимы энциклопедические знания. В этой профессии поверхностность не прощается. И если раньше Россия считалась самой читающей страной, то сейчас пришли на смену компьютеры, планшеты, “Facebook” и ушла моторика. Когда уходит моторика, перестают быть задействованными определенные участки головного мозга. Мы должны развивать эти участки и побольше писать от руки и читать. Эти качества нужны журналистам. Богатство, уместность, точность речи невозможны без чтения книг. Поэтому больше читайте, и вы многое обретете.

А. П. МАРКОВ: — Тема нашей дискуссии чрезвычайно сложна для обсуждения. И трудности ее анализа состоят в несовпадении взглядов: изнутри, со стороны журналистского сообщества, и с позиции их «жертвы». Я убежден в том, что понять нечто (неважно, касается это журналистики или другой профессии) можно только в контексте. Мы сегодня попробовали затронуть серьезный культурный контекст, в котором существует журналистика. Контекст грустный и унылый. Но есть и повод для оптимизма. Мне кажется, журналистика — это одна из немногих профессий, в которой важна не техника, а призвание — когда нечто стало ценностью, а работа и сама жизнь — формой служения, средством исполнения своего призвания. Понимание и осознание профессиональной миссии предполагает отношение к словотворчеству не как к игре интеллекта, но как к способу постижения и утверждения в мире истины; как к форме соучастия в бытии — путем удержания «порога», за которым начинается мир хаоса. Напомню в этом контексте мысль Достоевского: силы зла стремятся воцариться «в сердцах человеческих». В этой битве миссия — творить словом культурное пространство, на котором реализуются «представления человека не только о том, что он думает о себе сегодня, но и о том, что о нем думает Бог в вечности».

В. К. МАМОНТОВ: — Сейчас Александр Петрович сказал важные слова. Я не знаю, как ему возразить. Это находится внутри меня, безусловно, я волнуюсь и переживаю о многом. Внутри меня все время что-то свербит и мешаает. Я те же самые идеи (которые мне близки) изложил бы иначе. Это касается формы и стилистики. Мне кажется достаточно бесперспективным напрямую рассказывать об этом кому бы то ни было, в том числе и в журналистике.

В ходе дискуссии упоминалось о том, что белое можно назвать черным, а черное — белым, то есть используя эзопов язык. Сейчас все сказали бы напрямую. Что на самом деле тогда было важно: чтобы журналист напрямую написал, что Черный — плохой руководитель Хабаровского края или наоборот. Сам того не осознавая, он написал эту точную фразу, из-за которой газету читали.

Мне представляется, что пути проникновения истины, о которых мы здесь говорили, в души молодого поколения, да и в наши собственные, должны быть более извилистыми, более творческими, включающими любознательность, образованность и человечность. Надо находить человеческие формулировки. И если мы хотим слышать своих детей и внуков, вернее, чтобы наши дети и внуки услышали нас, нам придется говорить иначе, учитывать технологическую революцию. Если вы не знаете термины новой компьютерной жизни, ничего не получится. Это интересная и важная мысль.

Спасибо организаторам Лихачевских чтений и всем, кто принимал участие в интересной дискуссии!

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Действительно произошло смешение журналистики со многими другими явлениями. В газете печатается прогноз погоды, который не является журналистским жанром. Хотя прогнозы погоды, кроссворды составляют меньшую часть газетной площади, если не учитывать рекламу, то есть большая часть площади отдана непосредственно журналистике. А на телевидении — наоборот: меньше журналистики — это новостные выпуски, фильмы-расследования, а все остальное — не журналистика. Профессия размывается. Журналистика — это не фантазия. Художественная журналистика — это беллетристика, отдельный почетный труд. Все смешалось, но это отдельная проблема.

А. А. ДЯТЛОВ: — На заседании нашей секции мы обсуждали проблемы, которые интересны нам, старшему поколению. А молодым они неинтересны, потому что они живут иначе. Тем не менее я считаю наш разговор очень важным. Я надеюсь, что мы — преподаватели и практикующие журналисты — на основе обсуждения сделаем определенные выводы. От осознания того, что мы делаем и как корреспондируем с молодым поколением, зависит то, что мы получим потом. Они через некоторое время придут в редакции газет, в том числе в «Комсомольскую правду», и хорошо, если они будут более подготовленными, вооруженными ответами на те вопросы, которые мы сегодня обсуждали.

Спасибо большое всем участникам! Я услышал много интересного, буду обдумывать все высказанные предложения и лучшие применять на практике.

Секция 7 ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

18 мая 2012 г. Зал заседаний Ученого совета СПбГУП (ауд. № 200)

Руководитель секции

В. С. СОБКИН директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Участники:

- С. М. АШКИНАЗИ** профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук
- Е. В. БРЫЗГАЛИНА** заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент
- М. Н. ВЕТЧИНОВА** профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- В. В. ГОРШКОВА** декан факультета культуры СПбГУП, заведующая кафедрой социальной психологии, доктор педагогических наук, профессор
- Ю. Д. ГРАНИН** ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, доктор философских наук, профессор
- О. А. ЖУКОВА** профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- С. С. КОМИССАРЕНКО** профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии
- А. А. МЕЛЬНИКОВА** доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук
- Т. Н. РОЗОВА** проректор по учебной работе СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент
- А. В. СТРЕМОУХОВ** заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА** доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук
- А. В. УСПЕНСКАЯ** профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук
- А. Г. ФАЛАЛЕЕВ** профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук
- Ю. А. ФРАНЦУЗ** доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат экономических наук
- Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ** президент Тюменского государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От лица Оргкомитета я хочу поприветствовать всех собравшихся. Традиция Лихачевских чтений — это не монолог, а диалог. Поэтому, пожалуйста, дискутируйте друг с другом. В этом случае наука будет развиваться.

Я прошу сфокусироваться на тематике секции — «Образование и диалог культур». В сфере образования реализуется много различных идей и подходов. Задача сегодняшнего диалога — сформулировать перспективные позиции, которые можно будет заложить

в образовательную проблематику. Россия — многонациональная страна. Как обеспечить сосуществование культур? Политика диктата одной культуры приводит к резкому обострению в обществе. Попытки оторвать образование от общероссийской культуры обуславливают дезинтеграцию общества. Различный исторический опыт — царского времени, советского периода, современный — предлагает разные подходы к решению данной проблемы. Например, Хантингтон считает, что культуры вообще не могут сосуществовать мирно. Различия в культурах приводят к конфликтам и войнам, это неизбежно. Конфликты, возникающие на почве культуры, приходят на смену конфликту между капитализмом и социализмом.

Дмитрий Сергеевич Лихачев (точку зрения которого мы поддерживаем на Лихачевских чтениях) говорил, что каждая культура имеет ценности и должна быть поддержана. В разнообразии культур нужно видеть источник развития. Но для этого мы должны правильно относиться к различиям и видеть в них источник богатства. То есть проблемы сосуществования различных культур существуют, и нужно выработать подходы к решению этих проблем.

Несколько лет назад Михаил Борисович Пиотровский выдвинул на Лихачевских чтениях тезис, который социологам хорошо понятен, — каждый человек должен учиться жить в разных культурах. Недавно Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов выдвинул другой тезис — глобальная культура сформировалась, поэтому мы должны научиться жить не только в своих национальных культурах, культурах малых этносов, культуре большой российской национальной этнической общности, но и в глобальных культурах.

Специалисты в области образования должны обозначить принципы, подходы и найти конкретные решения. Важно, чтобы мы сосредоточились именно на этом, потому что наука должна давать конкретные практические рекомендации. Сфера образования всегда будет ареной противоборства разных политических сил, но ученые должны исходить из интересов российского общества, Российского государства в целом и предлагать конкретные конструктивные идеи.

Я хочу поблагодарить всех присутствующих за участие и предоставить слово руководителю секции — выдающемуся российскому ученому Владимиру Самуиловичу Собкину.

В. С. СОБКИН: — Александр Сергеевич, спасибо за острое выступление.

Т. Н. РОЗОВА¹: — Я приветствую вас на заседании нашей секции! Обращаюсь с просьбой принять активное участие в дискуссии. По традиции мы не зачитываем доклады, а расшифровываем тезисы, дискуссионно их трактуем.

В. С. СОБКИН: — Слово предоставляется Сергею Максимовичу Ашкинази.

¹ Проректор по учебной работе СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент.

С. М. АШКИНАЗИ²: — Уважаемые коллеги! В своем выступлении я хотел бы затронуть две темы: первая — «Восточные боевые искусства и спортивные единоборства — участники диалога культур»; вторая тема связана с послевузовским профессиональным образованием.

Сегодня в мировом олимпийском движении происходят процессы, связанные с ротацией олимпийских видов спорта. Важное значение для того, чтобы виды спорта приобрели популярность, имеет культурный, философско-мировоззренческий пласт, который стоит за ними.

Можно выделить три волны популярности восточных боевых единоборств. Первая — в 1960-е годы, вторая — в 1980-е, третья — в настоящее время. В 1980-е годы появилось два новых олимпийских вида спорта — дзюдо и тхэквондо. В 2008 году в Пекине прошел показательный турнир по ушу, сегодня стоит вопрос о включении этого вида спорта, так же как и карате, в семью олимпийских видов спорта.

Можно ли этот процесс назвать экспансией восточных боевых искусств? В какой-то степени да. Но нельзя не видеть огромный культурный пласт, который стоит за ними.

В связи с опубликованным в сборнике материалов Лихачевских чтений докладом профессора Андреевой «Роль экологического образования в эпоху глобализации» хочу привести пример. Некоторое время назад я в составе делегации Олимпийского комитета побывал в Индии, где проводился теоретико-практический семинар. Практическая часть семинара проходила в комплексе имени Раджива Ганди. Собралось достаточно много участников (примерно 80 человек) разных возрастов — от 8 лет и старше. Когда семинар подходил к завершению, произошло следующее. В спортивном зале, где проходило собрание, были высокие потолки и летали голуби. Один голубь случайно запутался в проводах под самой крышей зала и повис. Я обратил внимание на реакцию участников. Все заволновались, началось движение, один из спортсменов достал лестницу, поднялся на высоту около 7 метров и освободил птицу. Весь зал аплодировал — не столько тому парню, сколько самой ситуации. Я увидел воспитательный пласт, который у родоначальников боевых искусств закладывается с малых лет.

Не случайно треть древнего трактата «Дао дэ цзин» посвящена морально-этическим нормам. В другом трактате «Кан ин пин» заложены морально-этические нормы, принципы взаимоотношений с окружающим миром, с людьми, находящимися рядом. Например, параграф 12 гласит: «Обращайся кротко с животными», «Почитай стариков и покровительствуй детям»; параграф 16: «Предупреждай зло и превозноси добро», «Не пользуйся своей силой, чтобы угнетать и притеснять других», «Не позволяй себе жестокости, убийства и поранений», «Не поджигай хвороста, чтобы охотиться весной. Весною растения и деревья

² Профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Вопросы теории и практики рукопашного боя в Вооруженных силах Российской Федерации», «Технико-тактическая подготовка спортсменов в комплексных единоборствах», «Базовая техника рукопашного боя как синтез техники спортивных единоборств», «Рукопашный бой в современных зарубежных армиях» и др. Заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный тренер РФ.

начинают пускать побеги и насекомые выводят детенышей. В это время природа дает рост всем существам. Если мы им приносим гибель, то противимся Небу и убиваем множество его созданий». Это боевые трактаты, но какая в них заложена мировоззренческая сила!

В настоящее время проводится достаточно много спортивных фестивалей. Но эти фестивали появились значительно позже, чем фестивали боевых искусств. Это интересное мероприятие, на которое съезжаются спортсмены и представители более чем из 100 стран, где те или иные направления демонстрируются в виде спортивных поединков, показательных выступлений. Здесь возникает феномен: в видах спорта, которые направлены на физическое подавление, достижение физического превосходства в непосредственном контакте, проблема культурного обмена была поставлена раньше. Полагаю, это является отражением сильнейшей мировоззренческой культурной традиции, которая была заложена в восточных боевых искусствах.

Восточные единоборства распространялись в России и на Западе достаточно сложно. Я согласен с высказыванием профессора Долина, известного специалиста в области боевых искусств, культуролога: «Степень распространения технического потенциала значительно опередила возможности восприятия всего того, что стоит за этим, — культурного, мировоззренческого, философского, гуманистического потенциала». Сейчас положение, безусловно, меняется. В данном случае важную роль играет физкультурное образование. В процессе обучения тренеров по восточным боевым искусствам и спортивным единоборствам воспитательная составляющая должна преобладать, опережать формирование технических возможностей.

В. С. СОБКИН: — Пожалуйста, вопросы.

С. П. БЕЗНОСОВ, профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук: — В названии темы Вашего доклада присутствует словосочетание «диалог культур». Правильно ли я Вас понял, что диалог культур — это диалог исключительно между двумя людьми, представителями разных культур? Или существуют другие формы диалога между культурами?

С. М. АШКИНАЗИ: — Слово «культура» многоплановое, и оно уже содержит представление о диалоге. Если этого нет, то культура неполноценна. Кстати, китайцы — специалисты по ушу — говорят: «Ваша философия ущербна, значит Ваше ушу тоже ущербно».

Диалог может вестись между двумя людьми, но то, что происходит на фестивале боевых искусств, — это полилог, потому что на него съезжаются представители всех известных направлений боевых искусств, которые демонстрируют свое мастерство. В 2013 году в Санкт-Петербурге будут проводиться Всемирные игры боевых искусств под эгидой «Sportaccord», организации, признанной Международным олимпийским комитетом. Запланировано проведение Международного научного конгресса (я вхожу в состав комитета

по подготовке этого конгресса), целью которого является выработка понимания спортивных единоборств, боевых искусств в современном мире, того, как они развиваются, как можно управлять этим процессом. В связи с этим возникают различные проблемы, например проблема агрессивности, которую нужно корригировать, и т. д.

В. С. СОБКИН¹: — Вопрос о физическом воспитании и боевых единоборствах очень важен в связи с тем, что мы выстраиваем процесс развития ребенка, игровой деятельности, сотрудничества. Здесь заложен важный момент — агонистическое начало, соперничество. Для Хэйзинги, рассматривающего игровую деятельность, агонистическое, состязательное начало является принципиальным моментом игры. Вообще в образовании элемент состязательности очень важен, в частности в процессе достижения учебных успехов, тем более в физическом воспитании. Другой вопрос — как это должно быть оформлено с точки зрения воспитательного эффекта и норм, которые ребенок осваивает. На ринге происходит борьба, часто довольно жестокая, но все действует в рамках правил. Проблема сообразного поведения — принципиальный момент в спортивной деятельности и воспитании ребенка.

Состязательность в школьной деятельности имеет огромное воспитательное значение для сплачивания коллектива. Во времена моей молодости проводилось много спортивных мероприятий, в которых одна школа выступала против другой. Здесь важен диалог, педагогическое развертывание события, которое проходит в форме спортивной деятельности, в дальнейший содержательный воспитательный диалог. Это мне кажется принципиальным моментом.

В спорте есть как позитивные, так и негативные стороны. В настоящее время мой аспирант пишет диссертацию о футбольных хулиганах. Они вышли из боевых видов спорта — бокса, восточных единоборств. В физическом воспитании тоже существует много проблем, связанных с морально-этическим воспитанием молодежи. Рекрутирование бывших спортсменов в криминальные группы — это серьезная проблема спортивного воспитания.

Слово предоставляется Елене Владимировне Брызгалиной.

¹ Директор Института социологии образования РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник общего образования РФ. Автор более 450 научных трудов, в т. ч. ряда монографий, опубликованных в России и за рубежом: «Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе», «Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва–Амстердам», «Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте», «Типы региональных образовательных ситуаций в Российской Федерации», «Подросток: виртуальность и социальная реальность», «Проблемы толерантности в подростковой субкультуре», «Подросток: нормы, риски, девиации», «Социология дошкольного воспитания», «Старшеклассник в мире политики», «Учительство как социально-профессиональная группа: динамика социокультурных трансформаций», «Отношение учителей к Единому государственному экзамену» и др. Председатель Секции по этнопсихологии Российского психологического общества, редактор серии научных сборников «Труды по социологии образования». Награжден медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2008), медалью К. Д. Ушинского (1998), медалью им. Г. И. Челпанова «За вклад в развитие психологической науки» (2007), Золотой медалью РАО «За достижения в науке» (2008). Коллектив научных сотрудников под руководством В. С. Собкина награжден премией Президента РФ в области образования за 2001 год.

Е. В. БРЫЗГАЛИНА¹: — Мой доклад называется «Культурная идентичность и образование в течение жизни: социально-философские аспекты». Я хочу обратить внимание на несколько моментов, которые можно назвать «заметками на полях» моего опубликованного доклада. Эти заметки вызваны к жизни результатами осмысления обсуждений на нашем форуме.

Понятие «культурная идентичность» включает и рациональное, и эмоциональное ощущение своей причастности к определенному этносу и типу цивилизации. Нельзя связать формирование культурной идентичности с определенным локальным периодом социализации или формальными структурами, институтами образования. Одна из основных проблем связана с противоречием между формированием общецивилизационной идентичности и представлением человека о том, что он принадлежит к одному биологическому виду, который определенным образом взаимодействует со средой. Я тоже хочу адресовать присутствующих к статье профессора Андреевой об экологическом образовании.

В связи с этим приведу интересные статистические данные. Проблемы возникают при решении задачи формирования представления о причастности к биологическому виду. В 2009 году проводился опрос россиян по поводу того, какой концепции происхождения человека они придерживаются. И по сравнению с предыдущим опросом, проведенным в 2004 году, за 5 лет количество россиян, которые обозначили свое отношение к научным рационалистическим концепциям, уменьшилось на 8 %. По данным 2009 года, 37 % считают, что наука пока не в состоянии ответить на вопрос, как возник человек, 23 % верят в божественное происхождение, 19 % — что человек произошел от обезьяны, 3 % полагают, что жизнь занесена на Землю извне и человек — потомок инопланетян, 8 % равнодушны к проблемам своего происхождения.

Задача формирования общецивилизационной идентичности достаточно сложная. Образование должно обеспечивать социализацию новых поколений в конкретных условиях. Профессор Ашкинази в своем выступлении показал связь между культурной традицией и теми формами деятельности, которые выбирает человек. Здесь особую роль играет государство, формулируя некоторый заказ к образованию с точки зрения планируемого развития экономики, политической, социальной системы и т. д. Образование становится фактором формирования и цивилизационной, и локальной этнической идентичности, и этот процесс продолжается всю жизнь.

Часто кризис образования связывают с тем, что формальные институты не готовят людей к реальным потребностям общества, экономики. Но надо понимать, что этот идеал будущего не определен, непредсказуем не только потому, что кто-то, например гуманитарии, не прикладывает усилий для того, чтобы его сформировать,

но еще и потому, что это объективно невозможно. Мы не можем предугадать социальные перемены, которые складываются на наших глазах и отличаются высоким динамизмом. Поэтому у нас объективно отсутствует тот образец, с которым мы можем сравнивать результаты образования.

Обычно об образовании говорят с точки зрения потребностей человека в реализации конкретных видов деятельности. Как правило, в этом заинтересованы работодатели, но здесь тоже возникает проблема. Переход к новым образовательным стандартам связан с привлечением работодателей для формирования социального заказа. Но ведь работодатели и их сообщества в конкретном направлении профессионального или послевузовского образования — это достаточно неформальная структура, внутри которой тоже отсутствует представление о том, как будет развиваться тот или иной фактор экономики хотя бы в пятилетней, не говоря уже о долгосрочной, перспективе. Концепция непрерывного образования формировалась исходя из трактовки человеческого капитала как фактора развития экономики. Это сугубо прагматическая трактовка, и в ней образование конкретного человека становится фактором конкурентоспособности. Работодатели, находясь на конкурентном рынке, готовят для себя людей, которые потенциально вступят с ними в агонистические отношения.

Можно привлекать к образованию работодателей, если речь идет о кратковременных программах повышения квалификации работников, наниматели готовы этим заниматься. Но создавать систему в условиях неясного финансирования, непрозрачного законодательства в этой области сегодня вряд ли возможно. И здесь ситуации в нашей стране и на Западе сильно различаются. По данным некоторых европейских стран, например Скандинавских, количество людей, занятых в непрерывном образовании, составляет 60–70 %. В России, по официальной статистике, не более 12 % населения участвуют в системе непрерывного образования.

В условиях прагматически ориентированного образования (все, что не имеет рыночного эквивалента в глазах субъекта образования, особой ценностью не обладает) нарушается связь с культурной идентичностью. Если мы говорим о нравственном воспитании, физической культуре и культурной идентичности, то следует учитывать, что у нас нет формальных эквивалентов оценки такого образования. Люди, связанные с формальным образованием, прекрасно знают, как важно отчитаться по определенным формализованным критериям. Сегодня и наука ориентируется на оценку через индекс цитирования, то есть через внешние параметры. В эту систему оценок то, что связано с самооценностью образования — экологического, культурного, цивилизационного, не вписывается по объективным причинам. В связи с этим возникает опасение: не получится ли так, что противоречия между требованиями в системе образования извне и нашим пониманием, пониманием академического сообщества тех системных задач, которые должно решать образование, станут непреодолимыми.

В. С. СОБКИН: — Пожалуйста, задавайте вопросы.

¹ Заведующая кафедрой философии образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Индивидуальность: стратегия поиска», «Концепции современного естествознания», «Инновационное образование: вызовы и решения», «Качество образования: система внешнего контроля», «Экологическое образование: общественная безопасность и индивидуальная адаптация», «Современная философия образования: образование как становление индивидуальности», «Идеальный вуз в современной России. Реальность или утопия» и др.

— Елена Владимировна, Вы различаете понятия идентичности и идентификации? Если да, то не считаете ли Вы, что понятие «культурная идентичность» слишком общее, о какой культуре идет речь? Как соотносятся культурная и цивилизационная идентичности? Вы привели статистические данные, свидетельствующие об отношении людей к вопросу о происхождении человека. Как Вы считаете, наука знает ответ на этот вопрос? (вопрос из зала)

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Несколько слов о различии идентичности и идентификации. Идентификация в большей степени связана с личностным субъективным поведением, в котором не может быть рефлексии. Когда мы говорим об образовании как способе формирования некоторой идентификации, то подразумеваем оба аспекта. Говоря о цивилизационной идентичности, я полагаю некоторую синонимичность этого термина понятию «социум». В этом случае отношение между социумом и природой будет формировать цивилизационную идентичность.

Современная система образования складывается в процессе реализации определенного типа взаимоотношений с наукой. Если речь идет об отечественной системе образования, то нельзя игнорировать эту связь. Образ науки меняется, она становится неклассической, появляется возможность принятия разных теорий на базе одного набора фактов. Но если мы ставим под сомнение саму связь образования и науки, то отказываемся от той парадигмы образования, в которой работаем. Но пока мы работаем в ней, то не должны игнорировать факт изменения отношения к базису образования, то есть к научным трактовкам.

Ю. А. ФРАНЦУЗ¹: — Елена Владимировна, большое спасибо за интересное сообщение. Вы говорили (и, на мой взгляд, совершенно правильно) о различии российской и западных культур в плане образования. Западная система в большей степени ориентирована на внешние критерии, скажем, в образовании, индексе цитирования. Получение звания профессора на Западе включает в том числе и индекс цитируемости, гранты, публикации в реферируемых журналах и т. д. Вопрос следующий: критерии внешней оценки образования — это вселенская проблема или исключительно российская? И если она глобальная, то как выработать единые формальные критерии?

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Система внешней оценки актуальна в ситуации, когда основным заказчиком является государство. Поэтому вселенский масштаб, о котором Вы говорите, охватывает страны, где государство рассматривает образование как общественное благо. Есть и другая трактовка, когда образование самоценно для развития индивида, в этом случае индивид выступает основным заказчиком, определяет способы получения образования, его формы и т. д. Надо признать, что сегодня в мире нет ни одной страны, которая могла бы себе позволить развитие образования ради развития человека. Соответственно возникает система внешней оценки — индикатор качества, который

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат экономических наук.

должен быть формализован. Противоречие заключается в том, что цели образования связаны с культурной, цивилизационной идентичностью, не имеют внешних индикаторов, это внутренняя самооценочность человека, его представление о своем достоинстве. Необходимо учитывать тот факт, что, помимо формальных индикаторов, есть и другие, которые, может быть, не следует оценивать количественно, в этом случае мы будем целостно подходить к трактовке целей образования.

С. С. КОМИССАРЕНКО²: — Возможно, кризис идентичности и кризис нравственности сегодня являются следствием отсутствия концепции личности в нашем обществе. Может быть, концепция личности не нужна? Если не нужна, то какой Вы видите выход из кризиса?

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Проблемой индивидуальности я занимаюсь давно. Концепция личности существенно облегчает оценку образования: становится ясно, к чему и как готовить. Советское образование было качественным, потому что был четко сформулирован заказ: результаты образования должны были ему соответствовать. Что-то не так не в системе, а в личности, отношениях между субъектами. Концепция образования нужна, исходя из нее должен быть сформулирован идеал образованности, который, в свою очередь, поможет сформировать концепцию личности.

Основной вопрос: сможем ли мы сформулировать тот общественный идеал, в котором будем измерять концепцию личности? По-видимому, если учитывать синергетическую трактовку современного мира, принципиально нестабильного и неопределенного, речь может идти о концепции, которая основана на различии характеристик, навыков. Казалось бы, этому отвечает компетентностный подход. Может быть, концепция личности будет связана не с прописанным идеалом, а с идеалом, который подразумевает поликультурность, разнообразие. Хотя сложно смириться с мыслью, что образование может быть разным, оцениваемым в разных системах и ориентированным на подготовку человека к разным ситуациям.

Приведу пример. Системы образования, которые формировались в XX веке, были ориентированы на цивилизацию, акцент делался больше на роль среды, чем на значение наследственных факторов. Но если мы признаем тезис, что мы от природы неравны, значит, нам нужна среда, которая позволит нашему генотипу развернуться в формах деятельности, наиболее адекватных для нашей наследственности. Вопрос переходит уже в социально-экономический план: как обеспечить в обществе такое разнообразие образовательных систем, которое позволит разным генотипам сформироваться в разных средах и подготовиться к реализации в виде разных образовательных идеалов?

А. В. СТРЕМОУХОВ³: — Елена Владимировна, известны ли Вам исследования, в которых выводится

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии.

³ Заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 220 научных публикаций, в т. ч. учебников и монографий: «Право социального обеспечения», «Правовая защита человека», «Трудовое право», «Гражданско-правые договоры по передаче имущества», «Права граждан Российской Федерации в сфере культуры», «Профсоюзное право», «Права человека» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

коэффициент корреляции между образованием и культурой, образованностью и культурностью?

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Есть работы, в которых понятие «культура» уточняется, например, в работах Асмолова устанавливается коэффициент корреляции. Возможна корреляция между академической успешностью, интеллектуальностью в виде тестов на определение IQ, образованием, уровнем экономического дохода. В понятие социально-экономического статуса, в отличие от европейского варианта, мы вкладываем параметр образованности. Поэтому традиция, связанная с исследованием, например, интеллекта в психогенетике, такую корреляцию математически устанавливает.

В. С. СОБКИН: — Прозвучал важный доклад. Последний образовательный стандарт определяет личностные качества и личностные требования к ученику на всех ступенях системы образования. Это формальный ответ. Другое дело, насколько концептуален этот набор качеств и можно ли таким образом формировать концепцию личности? Этот подход актуален, когда говорят о практической значимости.

Мне кажется важной проблема внешнего заказчика. Елена Владимировна, Вы профессионально раскритиковали требование формальных показателей, от которых страдает педагогика и педагогический корпус, школьный и профессорско-преподавательский состав, — это внешние критерии деятельности. В свое время Давыдов и Эльконин, занимаясь теорией развивающего обучения, пришли к выводу, что в быстро меняющемся мире и быстро меняющейся научной картине мира это единственный способ сформировать у человека универсальные способности, которые дадут ему возможность постоянно самостоятельно переучиваться и осваивать новое. Это означает формирование не только теоретического мышления на начальном школьном этапе, но и субъекта учения. Субъект учения — это активный, ответственный, инициативный человек. Универсальные способности структурируют тренд — это развивающее обучение. Несмотря на психологизацию, они становятся глубоко культурологическими, потому что именно построение таких образовательных систем дает возможность сформировать на базе культуры то, что Ильенков, вслед за Марксом, называл «творением себя по мере человеческого рода». Если идеала нет, то не с чем соотносить результаты обучения, что неприемлемо в спорте и других видах деятельности.

Темы, которые поднимаются на нашем заседании, достаточно остры и нелицеприятны для управленческих структур в сфере образования.

Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА¹: — Готовясь к сегодняшнему выступлению, я ознакомилась со всеми докладами,

¹ Профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 89 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий: «Социокультурная ценность иноязычного образования в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века», «Иноязычное образование в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века: проблемы содержания и методов обучения», «Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX — начала XX века:

которые были заявлены в нашей секции. Я думаю, что все согласится с мнением, что экологическое образование, музыкальное, спортивное и культурное воспитание необходимы. Но мне бы хотелось остановиться на проблеме гуманитарного образования. Достижение социального смысла, нравственных отношений, ценностных категорий происходит в процессе изучения гуманитарных дисциплин. Именно в процессе изучения литературы, гуманитарных дисциплин мы размышляем о человеке, его поступках. Тем самым в умы учащихся закладываются гуманные идеи и чувства. Современные ученые отождествляют гуманитарное образование с «лабораторией высокой моды» и считают его залогом духовной безопасности общества. Кроме того, гуманитарное образование играет большую роль в диалоге культур, понимании других культур, другого мировоззрения и нового образа жизни. Это тоже важно, и об этом говорили многие выступающие, в том числе на пленарном заседании.

Понимание значимости гуманитарного знания издревле было присуще людям. Еще в V веке до н. э. древнегреческий философ Сократ утверждал, что нужно изучать не природу и стихию, а предназначение и свойства человека. Отечественная культурная мысль XIX века тоже было присуще убеждение в том, что именно нравственная сила делает человека человеком. В российской педагогике XIX века на первый план выдвигалась проблема образования и нравственности, которая рассматривалась с точки зрения значимости для социально-экономического и культурного развития страны. Нравственные категории были аксиомой классической русской педагогики, потому что в то время нравственный закон доминировал над юридическим, легитимным. Нравственное образование считалось обязательным. Полагали, что образование без нравственного воспитания — «фабрика безголовых уродов». И культуроведческий подход, о котором много сегодня говорится, и проблема диалога культур — все это уже было в отечественной педагогике, эти проблемы ставились и достаточно успешно решались. Ведь не случайно яркие представители русской интеллигенции окончили лицеи, в основу учебного цикла которых было положено гуманитарное образование, так как считалось, что только в процессе изучения дисциплин, имеющих отношение к человеку, можно сформировать высококультурную личность.

В. С. СОБКИН: — Мне кажется, что, когда мы так ставим вопрос, следует обратиться к примеру середины 1970-х годов — школе «Диалог культур», о которой писал Владимир Соломонович Библер. Этот ученый с философской точки зрения осмыслил проекцию принципа диалогизма в образование — не в отдельный предмет, а именно в систему образования в школе.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Говоря о взаимодействии культур, мы традиционно опираемся на принцип диалога культур, который раскрывается в работах Библера, Курганова и других ученых. Согласно их концепции, любое обучение должно строиться как диалог смена парадигм», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра».

различных культур. Эта мысль очень важна, так как незнание культуры другого народа, его менталитета приводит к межнациональному непониманию и конфронтации.

В. С. СОБКИН: — На одной из лекций Владимир Соломонович сказал: «Культура существует по принципу “те же и Софья”», как в драме у Грибоедова. В связи с современной системой образования у меня возник вопрос: для поколения, которое вступает в жизнь в конкретных исторических условиях, релевантны те же принципы? Понятно, что они другие, что это ситуация, развернутая под влиянием конкретного социокультурного и социально-экономического процесса. В этом плане особая задача школы — введение в реальную жизнь. Но к литературе приобщает не только школа, но и семья, сверстники. Мы не знаем, как транслируется целый ряд произведений в подростковой культуре, которая развивается по другим законам. Здесь гуманитарное образование занимает особое место. На определенные вызовы (честь, достоинство, ответственность и т. д.) литература и школьное гуманитарное образование действительно дает ответы. Этот пласт гуманитарного образования особым образом развернут для каждого поколения.

Методисты и теоретики включили в концепцию школьного образования идеи XIX века, 1920-х годов, но им нечего взять из культурного пласта XX века. Если он не будет введен в систему школьного образования, то разорвется непрерывный культурный процесс. Вопрос о гуманитарном образовании в настоящее время стоит очень остро.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — В Вашем выступлении, что сегодня встречается крайне редко, прозвучали слова «честь» и «достоинство». Эти слова стали исчезать из нашего лексикона. Тем не менее в процессе гуманитарного образования мы должны воспитывать у учащихся представления о чести и достоинстве.

В. С. СОБКИН: — Без этого нет субъектных отношений в образовании. Ученик в этом случае объект воспитания, а не субъект.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — Марина Николаевна, Вы говорите о том, что школа должна перестраиваться на совершенно новых гуманистических основаниях. Но при этом диалог — это не субъект-объектные, а субъект-субъектные отношения. В частности, об этом писал Моисей Самойлович Каган. Отечественная школа должна уйти от монолога.

В. С. СОБКИН: — Совершенно верно.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — И пифагорейская школа, и лицей были построены на диалоге.

В. С. СОБКИН: — Бахтин, опираясь на классика Платона, говорил: «Диалог как родовспомогательный метод для порождения истины». Этим и занимается образование. Мы должны выстроить наши отношения с ребенком таким образом, чтобы он находился в ситуации открытия истины, а не пере-

давать ему готовую истину. Шалва Александрович Амонашвили выстраивает этот процесс как ситуацию взаимных вопросов. Вопросно-ответная форма очень важна, это технологический подход к диалогу в образовании. В 1990-х годах педагогика сотрудничества строилась на субъект-субъектном отношении к ученику. Педагоги-новаторы заняли оппозиционное положение к авторитарной педагогике. В этом заключалась основная проблема: ребенок — объект или субъект воспитания?

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Владимир Самуилович, не кажется ли Вам, что между Вашей идеей по формулированию целей образования в виде требований к субъекту и теми способами оценки результатов образования, которые у нас существуют, заключено противоречие? Единый государственный экзамен (ЕГЭ), как формальная процедура, без педагога не сможет оценить, насколько духовно, интеллектуально вырос ученик. Второй вопрос: если мы рассматриваем диалог как родовспомогательный метод порождения истины, не возникает ли опасность, что диалог как таковой будет использоваться по любому поводу? Обязательно должен быть зафиксирован культурный базис. Многие преподаватели сталкиваются с тем, что, приводя какой-либо пример в аудитории, большая ее часть не может установить культурные парадигмы. Как сформировать этот базис? Если цель — это формирование ответственного, активного субъекта, то мы видим, что наши школьники и студенты знают, как ответить на вопросы: как должно развиваться образование, куда должна вести политика, как правильно лечить и т. д.

В. С. СОБКИН: — Отвечая на первый вопрос, приведу слова замечательного поэта Наума Коржавина, который, ссылаясь на Гегеля, говорил следующее: истина, выведенная за рамки ее применения, превращается в свою противоположность, то есть в ложь или неправду. Он имел в виду, что нет безусловного действия, в любых ситуациях есть педагогическая целесообразность и чувство педагогического такта — когда это уместно или неуместно. В этом отношении чувство педагогической реальности всегда должно быть оправдано. Бывают моменты, когда надо остановиться, принять решение и действовать, а иногда надо просто подчиниться общепринятой цели.

Второй вопрос, связанный с компетентностью, мне кажется очень важным. Сейчас происходит девальвация значения слова «компетентность». Мы с легкостью говорим: «Формировать компетентность». Но я не могу безосновательно говорить, что я компетент: у меня есть чувство профессионального самосохранения, и я многого не знаю, в этом некомпетентен и т. д. Мы девальвировали слово «компетентность». Мне концепция формирования компетентности представляется сомнительной. В отечественной психологии не было слова «компетентность», использовались термины «способность», «одаренность» и т. д. Психологических оснований для компетентности как психологического понятия нет, оно взято из бихевиористских конструкций.

Слово предоставляется Юрию Дмитриевичу Гранину.

Ю. Д. ГРАНИН¹: — Мой доклад называется «России нужна политика “официального национализма”». Я прекрасно понимаю, что введение в научный обиход понятия «политика “официального национализма”» вызывает негативную реакцию. В России термин «национализм» окрашен в негативные тона, но все зависит от того, как мы его понимаем. Вообще о национализме как государственной политике политэтнических государств по формированию нации у нас до последнего времени было не принято упоминать. Это связано с временами советской власти, национальным вопросом, с тем, что нам внушали мысль о необходимости интернационализма.

Первый тезис, который я хочу обсудить, — в России нет нации, российская нация как некое политическое целое и культурно связанное сообщество не сформировалась. В российской Конституции написано: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» А в Конституции Соединенных Штатов: «Мы — народ Соединенных Штатов». И все прекрасно понимают, что население Соединенных Штатов Америки разнообразно не только этнически и культурно, но и расово. Там о национальностях и нациях речь не идет. Америка вообще является исключением из общего правила.

А правило таково: на протяжении европейской истории нации формировались усилиями государств (например, французская, британская нации и т. д.), государство выступало «повивальной бабкой» нации, так как поликультурные общества неустойчивы. Для того чтобы объединить их в новую историческую общность, необходимо было приложить много усилий, в том числе в области культуры. Эта общность возникла в XVII–XVIII веках, Россия не пережила этапа национально-государства. Речь идет о стандартизации культуры, стирании культурных различий, едином литературном государственном языке. Кстати, еще в XVIII столетии на собственном французском языке разговаривала только одна треть населения, у остальных — бретонцев, гасконцев и так далее — были свои языки. То же самое происходило и в Британской империи. Российская империя в силу специфики континентальных империй не выработала политики официального национализма.

В СССР до 1990-х годов существовало Министерство по делам национальностей, первым наркомом которого был Иосиф Виссарионович Сталин. Один из последних министров — нынешний академик Валерий Тишков, а потом его ученик Михайлов. Видимо, не без их участия это министерство было закрыто. Какое у нас отношение к нации и вообще к национальной проблеме? Директор Института этнологии в свое время писал статьи о том, что нация — это категория политического дискурса, поэтому не имеет научной ценности, при этом ссылался на постмодернистов. Впрочем, еще

в 1920-е годы об этом говорил Питирим Сорокин, что нация — это пустая дефиниция.

Я считаю, что термины «этнос» и «нация» — это междисциплинарные, но научные категории, и поэтому точка зрения, что они означают некие сущности, то есть эссенциализм, не вполне состоятельная. Но эссенциализм вообще присущ науке, которая исходит из того, что образы хотя и не вполне соответствуют действительности и не являются нравственной категорией, тем не менее имеют некое объективное содержание. Однако мы прекрасно понимаем, что никаких классов как таковых, как организмов, как вещей не существует, а есть человек. Это абстракция.

В свое время президент России Дмитрий Анатольевич Медведев неоднократно говорил о том, что нам нужно формировать российскую нацию. Эта идея то возникает, то гаснет. Я считаю, что ее торпедируют этнократы из субъектов Федерации. Вообще надо заметить, что наша Федерация асимметрична, крайне неустойчива; она была создана в 1990-е годы, когда Ельцин объявил о том, что можно «брать суверенитета столько, сколько хотим». Политические элиты республик превратили суверенитет в политический товар и записали в конституциях республик положение о суверенитете, что довольно странно для федеративного государства, разработали законы о языке, выстроили свои системы образования. В 1990-е годы было выпущено много учебников по политологии, истории и другим дисциплинам, особенно для высшей школы, в которых интеллигенты из национальных республик пересмотрели всю историю, в своем изложении они тенденциозны, этнократичны. В итоге произошла дезинтеграция ранее единого коммуникативного и образовательного пространства России.

Моя идея состоит в следующем: политика «официального национализма», как я называю, или государственного национализма предполагает полное изъятие из конституций республик в составе России положений о политическом суверенитете. У нас договорная Федерация, с 1990-х годов существуют договоры между республиками и федеральным центром. Более того, эти договоры включают секретные положения, например договор с Татарстаном, Чечней. Недавно президенту Чечни задали вопрос: «Откуда берутся деньги на восстановление республики?» Он ответил: «Аллах послал». Не Аллах, а в соответствии с договором между центром и Чечней. От этого надо отказаться. Необходимо использовать культурно-лингвистические меры по формированию российской нации.

Главное — необходимо привести учебные пособия национальных республик в соответствие с российскими образовательными стандартами.

Т. И. КОРОТКИНА, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук: — Юрий Дмитриевич, Вы предложили применять культурно-лингвистические меры для корректирования создавшейся ситуации. Какие меры Вы имели в виду?

Ю. Д. ГРАНИН: — Вчера на пленарном заседании адвокат Резник говорил о том, что нация — это политическая общность. Но нация — это не только политическая общность. Единственное отличие между

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Нации, национализм и федерализм», «Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования», «Глобализация, нации и национализм в истории и современности. Опыт социально-философского исследования» (в соавт.), «Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ»; статей «Станет ли Россия “национальным государством”?», «Человек в поисках идентичности», «России нужен официальный национализм» и др.

этносом и нацией заключается в том, что этносы стремятся стать нациями, обрести собственное государство. Отсюда национализм как стремление к формированию собственного государства. Но нация — это еще и социокультурная общность, необходима общая культура, которая сплачивает народы в государствах. Моноэтнических государств на планете, за исключением Японии, вообще нет. Поэтому необходимо, во-первых, разработать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи; во-вторых, ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования и осуществить этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования в национальных республиках России.

В. С. СОБКИН: — Акцент, который Вы сейчас поставили, мне кажется очень важным, возражать против необходимости гражданского воспитания в современной школе, наверное, никто не будет. Но национальная проблема не так однозначна. Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов — великие российские писатели. Расул Гамзатов входит в контекст русской культуры благодаря переводам на русский язык, но сохраняет себя как национальный писатель той нации, к которой он принадлежит. Мандельштам переводил армянских поэтов. Но армяне сохранились как нация.

Важно сохранение единого культурного пространства на русском языке, значения русского языка и т. д. Сохранение национальных культур (по Лихачеву, единство в многообразии) значимо, иначе мы столкнемся с трудностями, вызванными серьезными межнациональными конфликтами, противоречиями. Культура развивается на национальном языке, но если мы начнем нагнетать ситуацию, то не выработаем позитивного решения — не создадим сложного образования, которое называется Российским государством.

Ю. Д. ГРАНИН: — По-видимому, я неточно выразился. Я хочу задать вопрос: якуты и другие малые народы — это нация или этнос?

В. С. СОБКИН: — Я не вполне компетентен в этом вопросе: судя по самоназванию, они себя выделяют по какому-то признаку. Назовем их народом, они свою идентичность определяют особым образом. Однажды я встречался с цыганами. Им трудно вписаться в наше единое пространство во всем мире. Они не могут создать учебников на цыганском языке, не сформировали образование в классическом европейском понимании. Государственная политика, ориентированная не на их поддержку, а на жесткую ассимиляцию, не дает результатов, потому что цыганские дети не могут учиться в этих школах. «Втискивание» их туда постоянно дает неудачный результат.

Я убежден, что единство в многообразии — это ключевой принцип идеи сохранения единого пространства.

Ю. Д. ГРАНИН: — Якуты являются нацией по одной простой причине — они есть субъект федеративных отношений. Представителей этого этноса в респу-

блике всего 300 тыс., а все население составляет больше 1 млн (остальные — представители других наций, в основном русские). Нация — категория политическая. И чеченцы — тоже нация. Но в России существует более 100 народов, которые являются не нациями, а этносами. Чтобы прекратить эту путаницу, необходимо определить одну нацию, а остальные нации записать как народы Российской Федерации. Нация одна, народов или этносов много. Я не покушаюсь на разнообразие культур, а говорю о формировании общероссийской идентичности, встроенной в устойчивую иерархию этнической идентичности. Но общероссийскую идентичность еще необходимо формировать. По социологическим опросам, в Татарстане 25 % молодежи на вопрос: «В какой стране вы живете?» отвечают: «В Татарстане». Представление об общероссийской идентичности у нас совершенно размыто. Формировать его надо в школе на базе русского языка, великой русской литературы и науки, но не принудительными методами. Надо пересмотреть двухкомпонентную систему образования, которая у нас существует, где есть региональный и федеральный компоненты.

В. С. СОБКИН: — Если Вы скажете татарину, что татары — это не национальность, а народ, то они обидятся. Зачем ломать устойчивую систему самоназваний людей, которые себя идентифицируют как национальность?

— *Советская власть их так идентифицировала.* (реплика из зала)

— *А до советской власти не было национальностей?* (вопрос из зала)

В. С. СОБКИН: — Нет.

— *Значит, и русские — не национальность, а народ.* (реплика из зала)

В. С. СОБКИН: — Небольшой нюанс — в системе российского образования существуют школы с национально-этнической компонентой. Если бы мы не видели реальности своеобразия образования на национальных языках в национальных республиках, то этот вопрос не поднимался бы. Но проблема существует.

Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ¹: — За рубежом людей из России, вне зависимости от их этнической принадлежности, называют русскими. Действительно, федеративное устройство несимметрично — это главная проблема формирования российской нации. В отношении малых народов доходит до смешного: в Ханты-Мансийском автономном округе всего 3 % коренного населения. Вопрос находится прежде всего в политической плоскости, а все остальные вопросы (образование, культура и т. д.) будут решаться в конструктивном русле.

В. С. СОБКИН: — Слово предоставляется Ольге Анатольевне Жуковой.

¹ Президент Тюменского государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

О. А. ЖУКОВА¹: — Уважаемые коллеги! Хочу вы- сказать слова благодарности организаторам, которые создали продуктивную площадку для обмена мнениями. Я думаю, что мы, обсуждая актуальные, сложные вопросы, продвигаемся вперед в их решении. Рабочая установка остается реалистической, несмотря на определенную усталость, разочарование, которые испытывает педагогическое сообщество, находясь в перманентном процессе реформирования образовательной системы. Более того, не только усталость и разочарование, но и некоторое недоумение и даже обиду по поводу того, что наше образование, наши усилия по созданию фундаментальной базы знаний в современном мире вдруг оказались неконкурентоспособными. Оказалась неконкурентоспособной национальная образовательная система и соответственно национальная экономика, а в геополитическом масштабе и сама Россия. Что делать?

Тема моего доклада посвящена культурологической составляющей современного образования. Из дискуссий пленарного заседания и сегодняшних мы видим, как нерешенные политические и социокультурные экономические вопросы транслируются в другие системы и оседают в системе образования, культуры и науки, дробя наше единое пространство и усложняя нашу работу. Конкуренция ценностных систем демонстрирует один важный момент, который свидетельствует не только о значительной трансформации социальных институтов традиционных и культурных практик, но и об изменении дискурса, знания и власти, которые в большей степени ответственны за передачу социального опыта, а именно этим занимается образование.

Что делать, если смыслы культуры, открытые еще в Античности и связанные с почитанием, культивированием человеческого, сегодня оказались неактуальными? На мой взгляд, фундаментальность советской, российской системы образования во многом обеспечивала гуманитарная составляющая. И сегодня образование идет по пути не научения образцу, а передачи знания, формирования компетентности. Наука не является простой рационализацией мифологической системы, а дает способ переустройства мира, который полностью меняет нашу онтологию. Культура становится просто творческой лабораторией поисков. Все эти инновационные начала не смогут интегрировать новый образ, новое понимание человека в современном мире. Никакого основания — ни онтологического, ни антропологического — в нашей системе образования не удастся создать. Мы просто утратим горизонт, к которому нужно стремиться.

В моем докладе поставлена проблема компетентности, компетентностного подхода к современной системе образования. Мне кажется, что возврат к этой фундаментальной составляющей знания может базироваться на культурологическом, системообразующем и синтезирующем типах знания, которые, по сути, открывают новую возможность для личностного, смысло-

вого общения между учителем и учеником, чем славилась российская традиция. Разумеется, они дают новый концепт диалога, потому что коммуникативная модель «учитель–ученик» предельно идеологична. И знания о других культурах несут в себе потенциал диалога, потому что знание культуры о самой себе в бахтинском определении возникает на границе представления о другом. Формула «мы–они» была задействована в последних политических баталиях, она достаточно жесткая и политически ангажированная, но за ней, как ни странно, потенциал диалогизма сохраняется, если снять с нее напластование категорического неприятия других образов жизни и других моделей поведения. Такой интегральный культурологический подход, который вернет статус фундаментального нашему современному инструментально ориентированному образованию, является наиболее адекватной моделью понимания современности.

Поскольку здесь поднималась проблема личности, то следует сказать, что личность основана на сочетании трех моментов, трех практик или трех смысложизненных стратегий. Первая стратегия — это стратегия знания, усвоения, интериоризации опыта мировой культуры и старших поколений. Вторая — стратегия диалога, потому что для учащегося всегда важны образ и смысл, которые исходят от учителя, от поведенческого образа, обладающего гуманитарной культурой. Третья — стратегия творчества, потому что современное общество, современная экономика, современный мир, который идет по пути наращивания человеческого капитала, социальная, культурная и символические составляющие предполагают максимально возможное развитие и реализацию творческих способностей человека. Современная экономика креативная, как и доминирующий класс. Соответственно, для создания нового класса креативных людей субстрат гуманитарного знания, который реализует синтез этих стратегий, архиважен. Когда мы выступаем против модели компетентностного подхода, здесь возникает дискурсивный зазор. Нужно онтологизировать само понятие «компетентность», подразумевая под ним достижение знания педагогики, способности, творческой одаренности, но понимать его как синтез, который способен интегрироваться в новый инновационный и инструментальный проект современности.

Проблема остается, потому что два типа ценностей — метафизические, на которых создавались национальные культуры (они борются сегодня за свои метафизические ценности и свое присутствие в истории), и инструментальные (по крайней мере можно говорить об опыте России) — плохо сочетаются. У нас достаточно слабая система перевода одних ценностей в другие. В этом кроется и слабость нашей политической культуры — структуры между культурой и цивилизацией, вслед за этим встает проблема производства и трансляции смыслов в производство знаний, что делает образование.

В. С. СОБКИН: — Большое спасибо. Вопросы, пожалуйста.

М. А. БЕЛЯЕВА, *доцент Института социального образования Уральского педагогического университета (Екатеринбург), кандидат педагогических наук:* — Мы

¹ Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры», «Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт.), «Курс лекций по философии и истории русской культуры».

говорим о новом образе человека, новой концепции личности. Инструмент, при помощи которого мы создаем новую личность, — это передача старого опыта. Как Вы можете прокомментировать извечное противоречие: нам надо «лепить» нового человека, транслируя старый опыт? Также Вы говорите о диалоге, творчестве как условиях образования, они аксиоматичны. Но как проявляется диалог в школьном или учебно-вузовском процессе? Учитель монологичен, он хочет услышать от ученика примерно то, что сказал, то есть увидеть свое отражение. И если он этого не видит, возникают противоречия и т. д. Хотя уже давно доказано — в педагогике нужны диалог, творчество. Почему практика не поднимается до этих высот?

О. А. ЖУКОВА: — Что касается воплощения новой концепции личности, то новое — это всегда старое. Возможность появления нового на основе старого — это проблема российской ментальности. Я редко использую понятие ментальности, но в данном случае оно парадигмально для России: у нас новое всегда сложно вырастает из старого, возникает на сломе старого. В России не существует цивилизационной эволюционной преемственности, достаточно вспомнить реформы Петра, 1917 год. Это наши родовые травмы, они транслируются в общую образовательную ситуацию.

Почему мы всегда «лепим» новое, при этом транслируя старое? По-другому невозможно. Это искусство педагогики. Мне кажется, что в конечном счете новое формируется само по себе, но без переосмысления старого, в том числе старой идеально-ценностной основы, оно невозможно. Мы вынуждены транслировать образцы, но не подгонять их. Передавать их в этом контексте и общении учителя с учеником.

Почему у нас не образуется идеологическая ситуация, которая не становится реальной педагогической практикой? Речь идет об искусстве и совершенствовании тех педагогических целей и задач, которые ставит перед собой конкретный человек, берущий на себя колоссальную ответственность за конкретную человеческую душу и возможность сделать его самостоятельным субъектом исторического развития. Но это задача-максимум для школы и вуза, который предаст то, что сделала школа, но уже в профессиональном смысле, дает человеку другой набор инструментов для того, чтобы он смог реализовать себя в жизни. Проблема в педагогике заключается в том типе ответственности, самопонимания педагога, которое он сам себе вменяет. Никакого другого рецепта не существует. Можно модернизировать, предложить новые стандарты, создать условия, предпосылки, но классно-урочная система, пусть даже она будет сведена до минимума, всегда будет представлять собой обмен пакетом знаний, все новации сведутся к электронному дневнику или телемосту «учитель—ученик». Если не будет сцепления смыслов, смысловая коммуникация не выстроится. Речь идет об оптимальных предпосылках образовательной площадки, а на образовательной площадке всегда важен педагог, и это прекрасно показали педагоги-новаторы на рубеже 1980–1990-х годов. Они нарисовали оптимальный образ, каждый заступает на эту вахту.

Ю. Д. ГРАНИН: — Вы употребили в своем докладе термин «креативный класс». Каковы критерии его выделения? Является ли он социологической категорией? Я согласен с Владимиром Самуиловичем в том, что вводится новое понятие (речь шла о компетентности), но, по-моему, никакого научного содержания оно не несет. У нас креативный класс — это самоназвание, Ксения Собчак и остальные «креативщики». По тому, как они себя позиционируют в обществе, можно ли определить, что такое креативный класс?

О. А. ЖУКОВА: — Я согласна с негативными коннотациями и не настаиваю на креативном классе как понятии. У меня это выражение используется как метафора, не более того, которая обозначает формирующуюся реальность, связанную с информационным обществом и новыми акторами информационного общества. Мы еще не можем разглядеть их лиц, но понимаем, что формируется элита — те, кто присвоил себе статус креативного класса. Отдельный вопрос, как они формируются и кто в них рекрутируется. «Креативный класс» — это просто метафора. Культурология вообще соткана из метафор.

В. С. СОБКИН: — Как и наука. Спасибо. Еще есть вопросы?

С. М. АШКИНАЗИ: — Как Вы относитесь к компетентностной модели, которая сейчас формируется в послевузовском образовании? У меня вызывает тревогу то, в каком направлении развиваются аспирантура и та образовательная модель, которая в ней формируется.

О. А. ЖУКОВА: — Мне кажется, нужно совокупно рассматривать вопрос не только об аспирантуре, но и о магистратуре. Речь идет о приобретении того уровня научной состоятельности, который потом регистрируется как диссертационное исследование — магистерская или кандидатская работа. У меня есть аспиранты, защитившиеся доктора наук, я работаю в области послевузовского образования достаточно активно.

Адекватна ли современная компетентностная модель послевузовскому образованию и должна ли она закладываться как критерий оценки научного труда? Здесь есть определенное противоречие. Что считать открытием в гуманитарной науке и как рационализировать путь достижения этого знания или прироста знаний по определенному предмету? Измеряется ли оно приобретенным набором компетенций человека, который участвует в научном процессе и нечто открывает? Разумеется, если студент знает много языков, значит, он будет знаком с огромным количеством литературы, это расширит его горизонт понимания, то есть он действительно станет инструментально конкурентоспособным. Формальные признаки действуют. Но процесс творчества, открытия и извлечения смысла из прочитанного никто не рационализирует. И, на мой взгляд, в компетентностной модели он не может быть описан. Это всего лишь «подпорки», минимум требований. Мы должны их обнаруживать в человеке, окончившем школу, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, речь идет уже о качестве ученого, его сложившейся личности и его вкладе в большую науку.

С. М. АШКИНАЗИ: — Я полностью с Вами согласен, но выскажу свое опасение. В настоящее время в послевузовском образовании (в аспирантуре) образовательные компоненты начинают вытеснять исследовательские. Постепенно мы утрачиваем наши традиции в подготовке молодых ученых. Лучший способ проверить, как работает эта модель, — военные вузы. Известная сентенция: ученик — это не сосуд, который должен быть наполнен водой, а факел, который должен зажечься и освещать все вокруг. Аспирантура сейчас превращается в сосуд, идет постоянное отслеживание, наполнился он или нет. А исследовательские компоненты вытесняются.

О. А. ЖУКОВА: — В свое время мне пришлось оппонировать диссертацию, посвященную формированию исследовательских умений и навыков школьников по международной системе бакалавриата. В зарубежной системе бакалавриата функционирует понятие персонального проекта. У нас он проецируется в метод проектной деятельности, то есть мы занимаемся исследовательской проектной деятельностью, ориентируемся на такой тип исследования и тип научной рациональности. В инструментально ориентированном обществе этот метод конкурентоспособен, в частности для финансового отчета проекта. Но для процедур извлечения смысла он практически ничего не дает. Возникает противоречие.

В. С. СОБКИН: — Меня смутил тезис о позитивном отношении к гуманитарному содержанию советской школы. Мне кажется, это ложный тезис. Вы ссылаетесь на учителей-новаторов и т. д. Концепция реформирования образования конца 1980-х годов была связана с отсутствием эффективного гуманитарного образования и гуманизации в школьном процессе. За это критиковали сложившуюся систему образования. Гуманитарное образование у нас находится на очень низком уровне, как и было раньше. Это серьезный момент, от которого зависит дальнейшее воспитание личности и т. д.

Почему у нас диалог, диалогизм не транслируются? Ответ очевиден: потому что система образования предельно авторитарна, нет диалогичности в этой жестко организованной системе отчета, подконтрольности. Воспитатели детских садов, согласно новым государственным требованиям образования, ежемесячно пишут характеристики на ребенка по 88 показателям. Авторитарность системы и авторитарно построенный институт — важный момент. Не случайно сейчас говорят о школе как гражданском институте, о самоуправлении в школе. Это внутреннее ощущение тренда, который требует авторитарно организованной структуры. Диалога в такой системе быть не может.

Слово предоставляется Нине Павловне Терентьевой.

Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА¹: — Область моих интересов — методика преподавания литературы. Ход сегодня

¹ Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, награждена знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». Автор около 150 научных публикаций, в т. ч.: «Россия–Франция: диалог культур

нашней дискуссии показывает, что проблема диалога культур при всей своей глобальности обращена и к личностным измерениям бытия. И в этом плане мне хотелось бы свое сегодняшнее выступление начать с тезиса, который был сформулирован на пленарном выступлении академиком Степиным. Речь шла о поиске точек роста ценностей в культуре. На мой взгляд, аксиологические ситуации в литературном образовании являются одним из инструментов, стимулирующих рост ценностей в культуре, в данном случае речь идет о росте ценностей читателей-школьников.

В свое время, изучая ценностно-смысловые установки современных школьников, среди прочих вопросов я предложила старшеклассникам ответить на следующий вопрос: «Герой романа Михаила Юрьевича Лермонтова писал в своем дневнике: “Для чего я жил? Для какой цели я родился? А, верно, она существовала”. Задается ли подобными вопросами современный человек? Есть ли у вас потребность и возможность обсуждать подобные вопросы?»

Приведу цифровые данные. 77 % одиннадцатиклассников положительно ответили на первый вопрос. Когда же они отвечали на вопрос применительно к собственным потребностям, положительно на этот вопрос ответили 60 % респондентов, а когда речь зашла о возможности обсуждения смысложизненных вопросов (конечно, в связи с изучением литературы, читательской деятельностью), только 23 % дали положительный ответ. При этом уход от смысложизненных вопросов мотивировался стремлением «жить сегодняшним днем, будто это день последний» и «просто жить и получать удовольствие». Обратим внимание на то, что те, кто дал положительный ответ, как правило, называют в качестве своих собеседников родителей. Меня, как методиста в области литературы, не могло не удивить, что педагоги были указаны лишь в шести анкетах, а уроки литературы — в четырех. Анкетирование было достаточно масштабным, оно охватывало пять регионов России, было опрошено около 800 респондентов.

Я также обратила внимание на отсутствие параллелей, ассоциаций с опытом поиска смысла жизни литературными героями. А ведь литература, по определению Моисея Самуиловича Кагана, — это «язык ценностей». В связи с этим возникла потребность поразмышлять о специально организованных или спонтанно возникающих педагогических ситуациях (об этом сегодня уже шла речь в связи с диалогом культур), которые актуализировали бы ценности в сознании учащихся и ценностный потенциал литературы. По мысли Кагана, аксиологическая ситуация — это ситуация актуализации потенциальных ценностей и предметов и явлений для субъекта. Это междисциплинарное понятие, мы можем встретить его определение и в педагогике, и в психологии, и даже в литературоведении. Применительно к методике я бы дала такое определение аксиологической ситуации — это спонтанно возникающая или организованная учителем событийная ситуация смыслопорождения в процессе освоения литературы, сопровождающаяся актуализацией потенциальных ценностей культуры, их оценкой, сознательным выбором учащимся лично значимых ценностей.

в исследованиях учащихся, «Внеклассная работа по литературе. Жизнь и творчество А. С. Пушкина», «Платонов в школе» и др.

Аксиологические образовательные ситуации предполагают самостоятельное решение проблем, задач учащимися. Доминантой аксиологических ситуаций является решение задач «на смысл». Кроме того, у Алексея Николаевича Леонтьева есть задачи «на жизнь», у психолога, профессора Ключко — задачи «на ценность». На мой взгляд, задачи «на ценность» образуют психологический и смысловой каркас аксиологической ситуации. Насколько потенциал аксиологических ситуаций, которые органичны для искусства слова, когда речь идет и о мировоззрении писателя, и о сюжете, поступках, мировоззрении литературных героев, востребованы школой?

Я просмотрела учебники по литературе для старших классов и обратила внимание на то, что в них практически отсутствуют задания рефлексивного характера, которые вовлекали бы учеников в диалог — с писателем, литературным героем, литературным произведением в целом и вместе с тем в диалог с собой, собственной личностью. Например, задание, предложенное известным старейшим методистом Терезой Георгиевной Браже: «Чей жизненный творческий выбор вам ближе — Фета или Некрасова? Быть над схваткой или идти в огонь?» Такие примеры единичны.

Можно сделать вывод, что зачастую и учебники литературы, и урок литературы выстраиваются в монологической плоскости. Хотя, кажется, не требуется большого труда переформулировать определенные задания, которые включали бы ученика в осознанный выбор ценностей. Приведу несколько подобных примеров. В свое время юноша Толстой сформулировал в своих дневниках правила жизни. Эти страницы из его дневников цитируются в учебниках, предъявляются учителем. В то время как рефлексивный мостик к жизненному опыту и душе ребенка далеко не всегда перебрасывается. На наш взгляд, задания могли бы быть сформулированы следующим образом. Мы предлагали ученикам ксерокопии текста определенных страниц дневника, где сформулированы эти правила, и давали следующие задания: «Какие правила жизни, мысли Толстого вам близки? С какими суждениями вы не можете согласиться?» И предлагали ученикам заполнить страницы двучастного дневника, где они выписывали бы соответствующие положения и давали бы им комментарии: «Нужны ли человеку правила жизни? Есть ли они у вас?»

Широко известно письмо Антона Павловича Чехова брату Николаю, в котором он сформулировал кодекс воспитанности. Как правило, эти строки цитируются, но мы предлагаем ученикам самим, оставшись наедине с гением, перечитать эти строки из письма и ответить на вопросы: «Какие суждения писателя вам особенно ценны? Важно ли в наше время быть воспитанным?» В этом случае, на наш взгляд, возникает ситуация и смыслопорождения, и выбора ценностей, потому что актуализируется ценностно-смысловая коммуникация.

Мы выделяем три вида взаимосвязанных задач «на ценность» при анализе и интерпретации художественного произведения в процессе аксиологической ситуации. Первый вид — установочные, перспективные задачи, которые призваны актуализировать аксиологическую проблему в сознании учащихся, соединяя вечное в искусстве и современный жизненный контекст, в частности жизненный опыт ребенка. Второй вид — это ана-

литические, интерпретационные задачи «на смысл», «на ценность», которые заданы и предъявлены содержанием и коллизиями самого художественного произведения. Как правило, такие задачи лежат в плоскости возрастных, поколенческих интересов современного школьника-читателя и предполагают анализ и интерпретацию текста. И, наконец, третий вид задач — это задачи рефлексивного характера, которые побуждают сопрячь решение интерпретационной задачи «на ценность» с жизненным опытом и позицией самого ученика. При этом оказывается возможным разворачивание ситуации на себя.

Многомерность, процесс ценностного самоопределения при изучении литературы могут возникнуть в ситуации конкретного урока, который будет выстроен по технологии. Я в своей статье изложила этапы технологии развёртывания аксиологической ситуации на уроке литературы на примере стихотворения Василия Андреевича Жуковского «Теон и Эсхин». Эта ситуация, в которую включаются все три вида перечисленных аксиологических задач. Эта баллада хотя и обращена поэтом-романтиком к Античности, вместе с тем крайне современна, поскольку строится на поиске героями земного блаженства, выборе между соблазнами потребления и тем, что нетленно. Мы ставим учеников в ситуацию герменевтического предположения и пытаемся определить, какие ассоциации вызывает у них название стихотворения «Теон и Эсхин». Какие вопросы у них возникают в связи с названием стихотворения? Дальнейший поиск действительно разворачивается как поиск ответов на те вопросы, установочные импульсы, которые возникли в сознании читателя. У учеников возникает вопрос: почему поэт рубежа XVIII–XIX веков обращается к Античности? Почему его привлекают эти герои? Союз «и» — это знак единства или, наоборот, повод противопоставить позиции героев еще до чтения текста? Затем мы работаем над ценностным аксиологическим понятием «блаженства», опираясь и на словарь, и на художественный контекст, и на художественный читательский опыт, который есть у наших учеников. Возникает аксиологически акцентированный установочный вопрос: что является блаженством, высшим счастьем для героев стихотворения Жуковского?

После этого мы оставляем учеников наедине с текстом — они читают балладу и заполняют двучастный читательский дневник, отвечая на вопрос: «Кому из героев удалось открыть тайну земного блаженства?» Мы просим выделить в тексте стихотворения бинарные оппозиции, ключевые понятия, цитаты, раскрывающие жизненные позиции героев. После этого ученики вступают в междисциплинарный диалог — они обсуждают результаты своей личностной интерпретации. Это диалог между учениками и учителем. Мы систематизируем знания, пытаясь ответить на вопрос: почему разочарован Теон и счастлив Эсхин? У нас есть повод и для проведения культурных аналогий с опорой на предыдущий читательский опыт.

И наконец последний этап — это рефлексия. Мы размышляем вместе с учениками над вопросами: современен ли диалог поэта-романтика с Античностью? Какие афористические строки стихотворения вы хотели бы вписать в свой читательский дневник? Домашнее задание — написать эссе рефлексивного характера

«Жизненный выбор — Теон или Эсхин?» Работая над этим сочинением, ученики неизбежно входят в смысловую сферу и так или иначе дают свой ответ на вопрос: жизненный выбор в нынешней ситуации. «Иметь, чтобы иметь» или «иметь, чтобы жить» — этот выбор неизбежно должен сделать каждый. Конечно, аксиологическая ситуация выводит нас в плоскость оценки личностных результатов образования, которые, безусловно, невозможно формализовать, потому что каждый вправе сделать свой жизненный выбор. Об этом сегодня говорил Владимир Самуилович. Даже если это будет выбор Эскина, потому что каждый человек обретает свой жизненный опыт. На данном этапе это выбор ребенка.

Мне кажется, что аксиологические ситуации, системно выстроенные в контексте литературного образования и обращенные к кардинальным концептам русской культуры, дают опыт смыслопорождения, опыт смысловознания. И в данном случае результатом образования может быть способность к ценностному самоопределению.

В. С. СОБКИН: — Большое спасибо. Пожалуйста, задавайте вопросы.

А. Г. ФАЛАЛЕЕВ¹: — Скажите, пожалуйста, разработана ли сейчас система воспитания нравственных качеств в возрастном аспекте — от ясельного возраста до выпускника школы?

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Важно видеть, как реализуются те или иные теоретические концепты и конструкции. В реальной практике при критическом или конструктивном настрое, связанном с построением идеалов, нам часто не хватает привязки к конкретной деятельности. Все ценностные понятия можно таким способом актуализировать, поместить в личностный контекст и т. д. С моей точки зрения, все понятия уже существуют в культуре. Вы сослались на Степина, который действительно говорил о выработке новых понятий. По-вашему, можно ли выработать новые понятия или все-таки речь идет об иерархии ценностей, которые уже существуют в обществе? Откуда эта иерархия у учителя литературы, который реализует подобную схему ведения занятий? Каким способом учитель может повлиять на механизм выбора обучающимися той или иной позиции? Вы сказали, что выбор ребенка может быть любым и этот выбор можно уважать. Как в этом случае образование транслирует систему ценностей и какую?

Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА: — Мы исходим из того, что понятие ценностей не является застывшим. Оно связано со становлением личности. Вполне очевидно, что

в той или иной жизненной ситуации (это продиктовано и жизненными приоритетами, и жизненным опытом) ребенок может сделать любой ценностный выбор. Но диалог на уроке литературы нужен именно для того, чтобы были озвучены разные жизненные выборы, разные жизненные концепции, как и собственно процесс литературного образования, поскольку литература дает каждому читателю возможность прожить не одну жизнь в искусстве. Если ребенок делает такой выбор, то он имеет на это право. Другое дело, что в ситуации диалога это не единственная позиция. Возможность взаимодействия — и с культурными собеседниками, и с товарищами по классу, и с родителем, и с учителем — это всегда повод сопоставить свою точку зрения с другими. Поэтому, безусловно, возможность влияния здесь имеется.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Спасибо, Нина Павловна, за интересное выступление, которое мне очень близко. Насколько школьники откровенны в сочинениях о своем ценностном выборе, или они в угоду Вам или времени пишут одно, говорят другое, а думают на самом деле третье?

Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА: — Во многом степень откровенности учеников зависит от характера взаимоотношений с конкретным учителем. И поэтому событийность в образовательном процессе предполагает определенную степень доверия и участия. Если волна событийности, совместного заинтересованного поиска есть — ученики не боятся высказывать мнение и писать о том, что они думают. Но я согласна с Вами в том, как складывается современная ситуация, в том числе в литературном образовании, — она очень драматична. Здесь уместно вспомнить слова Ивана Сергеевича Тургенева: «...как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома». Когда у учителя нет возможности вести диалог, или он не способен к нему, или ему не нужен диалог, то проще работать. Учителю нужно сэкономить физические силы иногда даже для того, чтобы заполнить все анкеты и документы. Поэтому, безусловно, эта ситуация имеет, кроме всего прочего, и личностный, и социальный контекст.

Необходимы разные, в том числе и современные, формы объективации читательской интерпретации, иногда анонимной. У меня есть опыт организации школьного читательского блога. Мы выкладываем в блоге литературные произведения, как правило, современной зарубежной и отечественной литературы, и они становятся предметом обсуждения. Это блог нашей школы, при этом он открыт для любого читателя. В таких блогах работают под «никами», которые скрывают личность читателя. Здесь абсолютная свобода мнений. Я, как учитель, тоже могу войти под «ником», мне не нужно, чтобы ученики меня узнали. Школьный читательский блог для меня стал педагогическим откровением читательской самоорганизации. Меня поразило, что в этой ситуации не я их воспитываю, а они воспитывают друг друга. Конечно, в читательском блоге могут даже проскочить «непарламентские выражения». Но сами читатели и собеседники подсказывают правила поведения и начинают приводить свой жизненный опыт.

¹ Профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Внутрисистемные и межсистемные взаимосвязи в период приобретения и утраты “спортивной формы”», «Биологический возраст, физическое развитие, физическая работоспособность и максимальные аэробные возможности у школьников, студентов и юных спортсменов», «Взаимосвязь характеристик биоэлектрического поля тела человека и отдельных функций организма с параметрами внешней среды и ближнего космоса», «Влияние различных по объему тренировочных нагрузок на показатели сердечно-сосудистой, дыхательной, двигательной и сенсорной систем», «Межцентральные взаимоотношения во время выполнения моделей тренировочных нагрузок в подготовительный период тренировки», «Методика регистрации характеристик биоэлектрического поля тела человека» и др.

— *Ненормативная лексика в блоге присутствует?* (вопрос из зала)

Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА: — Не в откровенном виде, скорее грубая лексика. Нецензурная лексика не используется.

В. С. СОБКИН: — Сейчас дети обсуждают не программные произведения а, допустим, «Приключения Тома Сойера», то, что не входит в рекомендованную литературу, Гарри Поттера и т. д. Они обсуждают характеры, поступки. Другое дело, насколько этот разговор является продуктивным и развивающим. Поэтому педагогическое включение взрослого, мудро в посткоммуникативную фазу восприятия искусства представляется очень важным. Вы об этом говорили: инкогнито Вы ведете посткоммуникативную фазу реального общения детей по поводу тех произведений, которые им нравятся, каким-то образом регулируете — это большая педагогическая находка.

Задача «на смысл» обычно понимается как задача «на подтекст», понимание того, что за текстом. Дальше — сложнее: что это значит для меня? Задача «на личностный смысл» — это отношение цели поведения к мотивации поведения. Здесь возникает сложность, потому что не всегда удается рефлексивно развернуть целевую структуру поведения персонажа — она может быть задана, но развернуть мотивационную структуру и встроить собственную мотивацию сложно. Идентификация строится на сочувствии, сопереживании тому, что человек включает мотивацию в эту систему: «Я в предлагаемых обстоятельствах». Здесь возникает сложность с личностным образцом.

Я вспоминаю одно выступление Мераба Константиновича Мамардашвили, который выступал оппозиционно точке зрения Алексея Николаевича Леонтьева. Он говорил, что мотивационная структура характеризует личность, мотивы. Классическое леонтьевское понимание личности — это иерархия мотивов. Мамардашвили утверждал: личностный поступок узнаваем, мы не задаем ему вопросов, почему человек так поступил. Это фундаментальное наблюдение. И как быть с литературой, как не мертвить узнаваемый момент личностного поступка? Если я начинаю задавать вопросы и отвечать: «Этот человек поступил так, потому что...» — личность «испаряется». Это мучительный вопрос для всей отечественной литературы. Как в образовании и литературный процесс включить тонкие моменты, когда содержание, поступок эмоционально принимаются и переживаются? Мои переживания — это фундаментальный момент. Читательская критика — это опыт моих читательских переживаний, рефлексия эмоционального состояния. Я в тексте, а не с собой.

Слово предоставляется Алле Александровне Мельниковой.

А. А. МЕЛЬНИКОВА¹: — Академик Степин на пленарном заседании говорил о том, что когда мы видим тупики глобализации, то понимаем, что надо искать ответы в ценностях. Возникает вопрос: как исследовать эти ценности? Ведь ни одна из культур не ска-

жет, что «у нас не те ценности». Американцы утверждают: «Ценность — это демократия!» Возникает вопрос инструментария. Психологические тесты исследуют ценности, вопрос только в том, что любое тестирование создается в рамках определенной культуры и несет в себе ценности этой культуры. Сегодня распространена идея о том, что ценности культуры надо исследовать исходя из нее самой. Например, конфуцианское трудолюбие невозможно объяснить с помощью инструментов западной культуры — только китайской культуры.

Какие могут быть инструменты? Мне кажется, в данном случае продуктивно обращение к языку. Лингвистический поворот неслучаен. Согласно гипотезе Сепира–Уорфа, категории, заложенные в языке, формируют наше сознание. Ребенок начинает слышать в утробе матери. Говоря о ценностях, мы можем сказать (и Степин об этом тоже говорил), что в процессе глобализации происходит изменение ценностей национальных культур. Мы наблюдаем экспансию английского языка. В школе его начинают учить все раньше, в университетах мы учим английский язык, но не учим русский.

Вообще что представляют собой английский и русский языки? Английский язык: жесткая структура предложения (члены предложения невозможно поменять местами), существительное всегда ставится перед глаголом, существительные часто пишутся с прописной буквы, глагол обычно структурирован с другим глаголом — всегда есть связка, нет связки только в пассиве. Активны глаголы “have” (иметь, присваивать) и “take” (брать) (они берут самолет, поезд). Мы говорим: «Я беру такси», но мы не можем взять поезд. Они берут все — это основная идея: я главный, у меня есть структура, которая мне помогает присваивать этот мир. Русский язык: свободный порядок слов в предложении, члены предложения можно переставлять, большое количество безличных конструкций: «мне плохо», «меня тошнит», «мне не работается», «мне не хочется». Иностранцы так не говорят, они всегда берут ответственность на себя. В русском языке распространенный способ — согласование (я встраиваюсь в мир), в английском — примыкание. По структуре мы подстраиваемся друг под друга, как и наши слова. В русском нет связки двух глаголов, где один — структурный. «Иметь» не употребляется в качестве доминирующего глагола. У нас более активен глагол «быть», но он тоже часто опускается. Мы используем глаголы несовершенного вида, обозначающие незавершенность действия, чего нет в английском, например, «переругиваться» — попеременно осуществлять некий процесс. В русском языке есть структура, которая позволяет вычленивать тонкости мира. И если в языке это есть, значит, мы этим пользуемся.

Какие ценности стоят за двумя языками? В английском языке «я» на первом месте, у меня есть некое орудие, которое позволяет мне присвоить и изменить мир так, как мне нужно. В русском языке «я» вписывается в мир, «я» с ним согласовывается. Центральное понятие в английском — порядок, некая организация, в русском — лад, но это существительное неактивно. Потому что у нас нет лада, мы его организуем. В русском языке активны глаголы, которые связаны с этим существительным: «наладиться», «разладиться», «поладить», «отладить», «уладить» (большое семантическое гнездо

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук.

глаголов). То есть мы с миром все время стараемся наладить отношения. У нас хорошо разработана система прилагательных, наречий и частиц. Главная идея: мы с миром согласовываемся, это согласование на уровне гармонии. «Ладный человек» — это не красивый, но гармоничный. Согласование с миром — противоположность присвоительной деятельности по реконструкции этого мира. Экологические катастрофы происходят оттого, что мы не согласуемся с миром, а переделываем его под себя. А у мира своя структура.

Русский язык заканчивают изучать в школе, в вузах учат английский. Это плохо, русский надо учить и в вузе. В настоящее время наблюдается экспансия английского языка, поэтому я считаю, что надо включить в образовательный стандарт русский язык, но на другой основе, чтобы человек умел актуализировать (потому что оно есть в пассиве) богатство речи.

В. С. СОБКИН: — Спасибо большое. Пожалуйста, задавайте вопросы.

Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ: — Сколько по объему часов в школе и вузе отводится на изучение английского и русского языков?

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — В школе русский язык доминирует. Но я говорю о том, что в школе — одни задачи, а в вузе должны быть другие задачи изучения языка. В вузе надо обогащать наш лексикон, чтобы мы могли выявить тонкости языка и перевести слова в актив.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Я не могу согласиться с тезисом об экспансии английского языка. Изучение английского языка — насущная потребность времени. Английский является языком международного общения. О том, что он будет выполнять эту функцию, было известно уже в конце XIX века.

Преподавая иностранный язык, я никогда не задумывалась над тем, что «я» в английском стоит во главе угла. Во французском и немецком языках тоже есть глаголы-связки, вспомогательные глаголы. Но акцентировать на этом внимание, говорить, что у них от этого зависит смысловая ракурс, мне кажется, не вполне обоснованно.

Я несколько не умаляю значения русского языка, иностранных языков, но не случайно иностранные языки были положены в основу гимназического образования. Основным было гуманитарное образование — изучению латинского, греческого, немецкого, французского языков отводилась большая часть учебного времени. Допустим, в некоторых лицеях на изучение латинского, древнегреческого языка отводилось от 7 до 9 уроков в неделю, на французский, немецкий — 6–8. Сегодня мы не учим иностранный язык в таком объеме ни в школе, ни в вузе.

В. С. СОБКИН: — Примеры, которые Вы приводите, связаны с другой социально-стратификационной задачей образования. Гимназии не были рассчитаны на низкие социальные слои. У нас массовая школа предназначена для всех детей. Другой момент: в изучении иностранного языка важен принцип диалога, знание иностранного языка необходимо для знания русского, оппозиция «свое–чужое», «мы–они» — для понимания

структуры собственного языка. Об этом писал и Лев Семенович Выготский. Сегодня актуальны и прагматические задачи, кроме того, для развития собственной языковой культуры необходимо знание иностранного языка. Здесь прозвучала важная мысль о русском языке в системе высшего образования. Но сегодня в вузах поражающая своими масштабами безграмотность. Причем это лучший контингент с высокими результатами ЕГЭ, но они не умеют писать. Магистерские диссертации написаны непонятно как, с потерей профессионального языка.

На мой взгляд, беда высшего образования — в учебниках для высшей школы. Когда я учился, психологов было мало и практически не было учебников, кроме учебника Сергея Леонидовича Рубинштейна. Мы читали тексты из «Вопросов психологии», монографии, не адаптированные под определенные задачи, и это правильно, потому что мы осваивали профессиональный язык. Люди моего поколения умеют не только читать, но и писать. Профессиональная устная и письменная речь в высшем образовании — важный профессиональный момент. Для профессионального сознания необходимо освоение профессионального языка, это понятная в контексте компетенций задача. Должны быть введены соответствующие курсы и т. д.

Меня смутил один момент в вашем выступлении: Фромм написал книгу «Иметь или быть». Он тоже задумывался над «быть», хотя владел английским языком.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Существуют различия в рамках одного социума и одного языка, то есть не все одинаково используют слова.

В. С. СОБКИН: — Алла Александровна, мне кажется, мы немного упрощаем ситуацию. С помощью разных языков можно выразить разное количество мыслей, смыслов. Отношение к миру во многом структурировано языком, но мы обладаем не только вербальным языком. Человек осваивает многие языки, в том числе и невербальные.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Язык — один из инструментов, один из способов трансляции национальной идеи.

А. В. УСПЕНСКАЯ¹: — Мне кажется, что не следует так упрощать. От того, что у англичан все начинается с «я», они не становятся нацией эгоистов, как можно понять из Вашего доклада. У древних римлян существовали местоимения, но они никогда не говорили «я». Это не значит, что они были лишены эгоистических интенций.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Понять — значит упростить. В этом смысле, конечно, я немного все упрощаю.

В. С. СОБКИН: — Или простить. Слово предоставляется Геннадию Филипповичу Шафранову-Куцеву.

Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ: — Во второй половине 1980-х годов я работал заместителем Геннадия Алексеевича Ягодина — революционера в образовании.

¹ Профессор кафедры истории, литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

По моей инициативе после общесоюзного съезда преподавателей общественных наук началась перестройка. Я рисковал, когда предложил читать в вузах курсы культурологии, политологии, социологии и т. п. В приказе 1988 года о введении специальности «социология» в Московском госуниверситете стоит моя фамилия. Я внимательно слежу за развитием ситуации и хочу сказать, что больших нареканий нынешняя система преподавания гуманитарных наук — и общественных, и социальных — не вызывает. Не вызывает категорического невосприятия, отторжения. А 30 лет назад слова «культурология», «политология», «социология» в принципе не произносились, даже в научных дискуссиях. Поэтому нельзя говорить, что мы стоим на месте.

Я обратил внимание на то, что даже слово «диалог» не перекрывает поле дискуссии, которая у нас ведется. В Европе — мультиполитика, мультикультура. Скоро мы будем говорить о мультилогизме, а не о диалогизме, когда будем обсуждать эти проблемы. С кем мы дискутируем, спорим? Со всем миром, с равными.

Ольга Анатольевна впервые за два дня произнесла словосочетание «информационное общество». А ведь смысл именно в этом и заключается. Глобализация — это, по сути, наступление информационной цивилизации, стадийный перелом в развитии человечества. Была каменная цивилизация, медная, железная, сегодня — цифровая цивилизация. Общество стало информационным, и накопление информации происходит взрывообразно — появляются колоссальные объемы информации. И здесь, кроме того что возникают вопросы в производстве, экономике (скажем, переход к обществу, основанной на знаниях), больше всего вопросов именно к образованию. Каким оно должно быть? Какими должны быть учебники? Какими должны быть стандарты? Сколько лет и как учить? Электронное образование, дистанционное образование? Ни на один вопрос мы не попытались ответить.

В условиях, когда происходят коренные изменения в образовании, нужно внимательно отслеживать опыт других стран. Почему Финляндия заняла по качеству школьного образования первое место? Почему Сингапур, бывшая колония Великобритании, сегодня имеет одну из лучших систем профессионального образования? Это возможно только в условиях сравнительных научных исследований, диалога.

Приведу пример. Мы совместно с Токийским университетом провели исследования. Рассмотрели проблему доверия между Японией, Россией, Германией и Соединенными Штатами Америки. Опросили несколько тысяч человек во всех странах и обработали эту информацию. Там, где низкий уровень доверия между людьми, плохо развивается экономика. А мы в экономике не доверяем никому. В образовании возможно согласование. Доверие выступает как общественный маркер. Чем больше в обществе доверия (например, в японском), тем успешнее экономический результат. Мы понимаем это, но решаем проблему по-своему: привлекаем родственников, друзей, тех, кому мы доверяем. Особенно это заметно в управлении. Человек приходит и набирает команду не самых умных, а самых проверенных.

В журнале «Вопросы образования» Высшей школы экономики опубликована знаковая статья Ярослава Кузьмина и Исаака Фрумина. В результате сравни-

тельных исследований уровня образования было выявлено, что у нас образование, если взять страны по уровню валового дохода на душу населения, не уступает другим странам. Начальная школа в России — сегодня лучшая среди всех продвинутых стран. Показатели, основанные на читательских компетенциях (читательская культура, умение обращаться с текстом), у нас самые высокие. Что происходит дальше? В 5–9-х классах все утрачивается, потому что там учат разные учителя. Происходит разрыв. В результате этого после основной школы выпускается много функционально неграмотных детей. Эту проблему мы никогда бы не осознали, если бы не провели это исследование. Отрадно, что либералы от образования стали использовать термин «конкурентоспособность российского образования».

За рубежом используют наш опыт. Некоторые шутят: «Что такое сегодня американский университет? — Это когда российские профессоры на английском языке учат китайских студентов». Половина сотрудников в ведущих подразделениях «Microsoft» — российские выпускники.

Среди наших преимуществ — работа с одаренными детьми, дополнительное образование, математическое образование. В последнее время мы проводим много олимпиад во всех регионах. То есть не все так плохо. Понять наши недостатки и достоинства и осознать, куда двигаться, мы можем только в результате диалога в сфере образования, а для этого нужны сравнительные исследования, и не только в масштабе страны. Необходимо достаточное количество грамотных людей, чтобы провести исследования в регионе.

В результате информационного взрыва произойдет много изменений. Вузы наряду с подготовкой специалистов — бакалавров, магистров — займутся повышением квалификации работающих специалистов — это главная национальная проблема. По американским данным, сегодня период полураспада компетенций специалистов, особенно в сферах, где быстро развиваются технологии, наука, составляет 2,5–3 года. И если раньше человек, занятый в сфере интеллектуального труда, должен проходить повышение квалификации с отрывом от основной работы один раз в 5 лет, то сейчас — один раз в 2–3 года. И Медведев, и Путин говорят о том, что мы в десятки раз отстаем от западных стран в сфере повышения квалификации. У нас много исследований по социологии образования вообще, но, к сожалению, мало исследований по социологии профессионального образования.

В. С. СОБКИН: — Это поле занято кафедрами социологии в вузах. Я не буду вторгаться в это пространство — социологию высшей школы. Когда я создавал институт, то понимал, что неразработанные области — это социология дошкольного воспитания, социология школы, социология детей с дефектами в развитии.

Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ: — Что касается английского языка, то я думаю, что не следует волноваться. Мы должны беречь русский язык, но следует учитывать и тенденции. Постепенно англоязычные термины вытеснят русские. Мы приняли решение перевести русскоязычный вариант «Научного вестника» на английский язык.

В. С. СОБКИН: — Это правильно.

Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ: — Без этого мы не попадем в международную базу данных, у нас низкий уровень цитируемости. Например, у японцев в публикациях ссылок на источники в несколько раз больше, чем у нас. Мы называем 3–4 источника — и все.

В. С. СОБКИН: — Геннадий Филиппович, спасибо за выступление. Вы напомнили мне о периоде конца 1980-х годов. Мы составляли новую концепцию развития школы. Это был замечательный период бескорыстной, честной, профессиональной работы. Если посмотреть на ситуацию реформирования, то ключевые базовые идеи, нащупанные в конце 1980-х, за эти 20 лет в общем несущественно изменились относительно ядра. И команды, кстати, подбирались не по семейному признаку.

Конечно, кросскультурные исследования очень важны, это имеет принципиальное значение для отечественного образования. Сравнительная педагогика — не новая область. Эмпирические исследования, основанные на сравнительных исследованиях, сравнительных опросах (внутри России — межрегиональные исследования), очень актуальны. Сравнить эмпирический материал крайне важно. На Западе рекрутирование в сферу образования педагогов происходит совершенно иначе. Они берут успешных выпускников школ в педвузы и готовят педагогов из успешных в обучении. А у нас в систему образования рекрутируются те, кто не попал в МГУ и т. п. Средние баллы по ЕГЭ абитуриентов, поступивших в пединституты, крайне низкие. Потом эти выпускники идут в школу — получают плохие ученики. Круг замкнулся. Это серьезный момент, который связан с кадровой политикой, отношением к учительству как к профессиональной группе. Нынешнее поколение выпускников вузов, к сожалению, малоконкурентоспособно.

Слово предоставляется Валентине Владимировне Горшковой.

В. В. ГОРШКОВА¹: — В целях повышения качества подготовки специалистов гуманитарной сферы (психологов, педагогов, социальных работников, конфликтологов и т. д.) есть смысл вспомнить известную когда-то анкету «Преподаватель глазами студента». Понятно, что модификации данного обращения к студентам могут быть самые различные, в том числе выходить за пределы традиционных анкет. Перед студентами гуманитарного вуза была поставлена исследовательская задача: написать свободное эссе на тему «Если встретишь учителя — убей его» (Конфуций). Творческое задание показалось студентам достаточно неожиданным, парадоксальным, довольно двусмысленным, поскольку не предполагает однозначного ответа и требует ассоциативного размышления, расширения сознания и выхода за пределы традиционных и тривиальных суждений.

¹ Декан факультета культуры СПбГУП, заведующая кафедрой социальной психологии, доктор педагогических наук, профессор, отличник народного просвещения РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Диалог в образовании человека», «Межсубъектная педагогика», «Концепция многоуровневого педагогического образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Философия и педагогика отношений», «Диалог как технология социальной работы» и др. Награждена медалью К. Д. Ушинского.

Попытка разобраться в истинном значении этого крылатого выражения привела к возникновению множества идей:

1) Не сотвори себе кумира. Для многих именно эта мысль стала опорной в рассуждениях.

— «Когда человек понимает, что он встал на одну ступень со своим учителем, ему не нужно останавливаться на достигнутом, не нужно “цепляться” за своего учителя, не нужно делать идола из своего учителя, наставника, нужно продолжать идти дальше к новым знаниям, покорять новые вершины»;

— «Кроме того, чтобы достичь успеха в жизни, нужно прислушиваться к себе, своим мыслям, а не к мыслям других. То есть если кто-то настаивает, что знает, как для вас лучше или хуже, выслушать его, конечно, можно, но у каждого из нас своя голова на плечах, и мы в силах самостоятельно решить, как нам поступать»;

— «Человек должен принадлежать самому себе. А когда он находит себе кумира, например в лице учителя, он перестает принадлежать себе полностью»;

— «Человеку свойственно меняться, меняются и его взгляды на жизнь, мнение по многим вопросам, и поэтому попасть под чье-либо влияние — неправильно. Нужно уметь слушать мнение других, но быть самому себе хозяином»;

— «Трудно оценивать критически фигуру, чей авторитет неоспорим для тебя...»;

— «Важно понимать, что целостную картину мира никто извне не может сформировать»;

— «Мы должны сами учить себя изнутри. Мы должны уважать учителя. Но не делать из него культ, не ставить его мнение и взгляды превыше своих».

2) Превзойди учителя.

— «Призвание учителя — это передавать знание другому, а призвание ученика — это превзойти своего учителя. Понятно, что не всегда это получается, но это можно назвать идеальной целью ученика»;

— «Мне кажется, что для учителя это будет уничтожение его знания, манеры передавать знание другому. Учитель учит исходя из своих знаний, и, уничтожив их, соответственно, мы уничтожим и учителя»;

— «Учитель передает свои знания, пробуждает в ученике жажду знания, воспитывает в нем познание, мышление, силу воли и все остальные лучшие качества. Когда он заканчивает свою работу, он получает из ученика личность, способную к самообучению и самовоспитанию»;

— «В этом смысле слово “убивать” имеет значение “превосходить”. Человек не должен видеть в учителе некое божество, которому необходимо поклоняться, и слепо верить всему, что он говорит. Учитель лишь дает своеобразный толчок, побуждение к новым открытиям, получению знаний»;

— «И это главная задача ученика — убить своего учителя, то есть перерасти его, получить от него всё: все знания и все навыки»;

— «Когда закончена миссия учителя — это можно назвать уничтожением»;

— «Любой учитель всегда рад, когда его ученик знает больше него самого, добивается большего, чем учитель в свое время»;

— «Чем же ученик может морально уничтожить учителя? Обесценить его в целом и суть его деятельности».

Такую цель можно достичь двумя способами: доказать свое превосходство и проигнорировать учение встреченного учителя».

3) Важно научиться мыслить самому. Эта мысль, пожалуй, была самой популярной в рассуждениях молодых исследователей.

— «Не стоит поддаваться заблуждениям других людей»;

— «Таким образом, задача учителя состоит в том, чтобы дать возможность ученику самому размышлять, совершать, возможно, неправильные, но собственные поступки. На основе этого он и приобретет опыт»;

— «Наставлять — научить ученика собирать теоретический материал самостоятельно, то есть, формально говоря, дать удочку, а не рыбу»;

— «Необходимо освободиться от внешнего воздействия, и только тогда мы станем независимыми и свободными для истинных знаний и дел»;

— «Если верить во что-то и считать это абсолютной истиной, то мы будем закрыты для новых идей и возможностей»;

— «Наставник же — тот, кто помогает человеку найти правильный жизненный путь, но не ведет за ручку, а дает выбор»;

— «Цепляясь за готовые знания, мы упускаем, теряем реальность»;

— «Знания, приобретенные у другого человека, намного менее ценны, нежели те, которые ты получил сам»;

— «Можно слушать много разных советов, но важно, чтобы у тебя сохранилось твое личное независимое мнение»;

— «Нельзя привязываться ни к вещам, ни к людям, ни к их мнениям. Только освободившись от их уз, ты обретишь полную свободу и независимость».

4) Самый лучший учитель — это ты сам.

— «Но самое важное — не делать из учителя культ, не поклоняться ему, не бояться оспорить его точку зрения. Самый главный учитель — сам человек. Никто не способен научить жизни, кроме тебя самого. У тебя свой опыт, свои идеалы, свои ценности, свое мировоззрение, свои потребности и желания, а также свои цели»;

— «Учителя необходимо уважать, но это вовсе не значит, что нужно перенимать и разделять все взгляды и жизненные позиции учителя. Человек должен совершать самостоятельные поступки»;

— «Только ты сам можешь чему-нибудь научиться»;

— «Уважай учителя, слушай его, вникай и старайся понять его мысли, но и думай сам. Сам осознавай, сам ощущай, что правильно, а что тебе не подходит. Что ты можешь применить и использовать в своей жизни, а что просто не для тебя»;

— «Будь сам для себя лучшим учителем»;

— «Другими словами, никто не должен тебя целенаправленно учить чему бы то ни было. Наибольший вклад, который может принести другой человек в твоё развитие — подтолкнуть тебя, дав необходимую мысль, остальное — дело твоих собственных рук, и вряд ли кто-нибудь станет лучшим учителем для человека, кроме него самого»;

— «В итоге никто никого не учит — учишься всегда сам. Преодолевая жизненные тяготы и преграды, закаляющие дух, человек набирается опыта, который по-

зволяет ему в дальнейшем избежать некоторых ошибок и просчетов».

5) Все знания должны быть поставлены под сомнения.

— «Нужно относиться ко всему критически, с долей скептицизма. Это заставит человека смотреть на вещи через призму различных подходов»;

— «У всякого человека есть собственные предубеждения и даже заблуждения, поэтому каждый, кто стремится дойти до истины, должен не слепо верить всему услышанному, а подвергать сомнению и проверять»;

— «Жизнь невозможно прожить, не ошибаясь. Если бы люди не ошибались, то не было бы у них представления о том, что правильно, а что нет»;

— «Совершая чужие ошибки, мы никогда не научимся жизни»;

— «“Убить учителя” — значит подставить под сомнение его знания, установки. Можно прислушиваться к тому, что говорит учитель, но вовсе не обязательно слушаться его и слепо верить во все, что он говорит»;

— «Ученик, сомневаясь в знаниях учителя, может ошибиться, но это будут ЕГО ошибки»;

— «Ученик должен совершать исключительно свои ошибки, а не дублировать чужие. Если ученик “убьет” своего учителя, то он избавит себя от ошибок своего наставника».

Таким образом, даже этот анализ философско-педагогического эссе студентов гуманитарного университета на данную тему ярко, убедительно и недвусмысленно набрасывает онтологический контекст, в котором красноречиво выражается образ преподавателя, который не учит, не воспитывает, не наставляет, тем более не заставляет, но который находится рядом, вдохновляет, который по большому счету не столько учитель, ведущий и советчик, сколько заинтересованный участник, посредник, человек. Поэтому современные студенты претендуют самостоятельно учиться «по-взрослому» и находиться во взаимодействии с преподавателем на основе принципов эгалитарного равенства, активного (творческого) сопосиска, ориентации на себя как на развивающуюся личность взрослого человека.

В. С. СОБКИН: — Спасибо за замечательное выступление.

А. Г. ФАЛАЛЕЕВ: — В прозвучавших докладах говорилось о том, что социальный заказ на специалиста выпускника школы связан в большей степени с получением знаний, оценкой, компетентностью и образованностью. Нравственный компонент, личностные качества человек полностью исключает. Видимо, в связи с этим и возникают проблемы. Разработана ли система воспитания нравственных качеств человека начиная с детского сада до школы или вуза? Если такой системы не существует, то нужно направить наши усилия на ее разработку. Также необходимо разработать критерии оценки нравственных качеств личности. В этом случае можно будет сделать паспорт личности, который будет сопровождать школьника. В качестве критериев можно привести следующие: степень конфликтности, влечение к спиртному, курение, сквернословие, патриотизм, уважение старших и т. д. Такой модуль поможет в воспитательных целях и дисциплинирует учащихся.

В. С. СОБКИН: — Подобного рода предложение вызывает агрессию среди журналистов, родителей. Активизируются девиантные формы поведения, особенно в подростковой среде. Дневник наблюдения за ребенком, где учитель фиксирует его девиантные формы поведения, — на мой взгляд, это плохо.

Пример приведу. В США уже достаточно давно у меня состоялась встреча с директором одной из школ. Рассказывая о своем учебном заведении, он упомянул о том, что все данные о детях занесены в компьютер. Я спросил: «А то, что ребенок Бена воспитывается в неполной семье, так как родители развелись?» Он ответил: «Как это может быть занесено в компьютер? Когда ребенок поступает в школу, классный руководитель заключает с родителями договор о неразглашении сведений, которые связаны с семьей. Это ни в коем случае не должно быть доступно другим учителям и кому-либо еще». Но в нашей коммунальной ситуации, когда можно обсуждать ребенка, его родителей на кухне, то есть в учительской, это безобразие возможно.

Большой вопрос — позитивный смысл такого способа собирания данных, которые могут быть использованы против ребенка. Надо продумать эти предложения.

Геннадий Филиппович в своем выступлении рассказал о кросскультурных исследованиях. Собственно, мой доклад так и называется: «Художественные предположения современных подростков Москвы и Риги: к вопросу о кросскультурном диалоге». В 1991 году я провел большое исследование, в котором приняли участие 5 тыс. человек — родители, учителя и учащиеся из Москвы и Амстердама. Зачем проводились эти исследования? Для понимания ситуации. Каковы ценностные ориентации родителей, учителей и детей в стране со сложившимися традициями, рыночной экономикой? Мы пришли к выводу, что подростки схожи в своих ценностных ориентациях, а родители и учителя существенно различаются. Это кросскультурное исследование связано с диалогом, проблемой границы между «мы» и «они». Если сравнивать подростков между собой, то получился странный феномен: они обучаются по разным образовательным программам, читают разные книги, слушают разные курсы, а по ценностным ориентациям очень близки. Путь социализации разный, а ценностный результат один. Поэтому мы можем использовать иностранные учебники о подростках («Особенности возрастного развития ребенка») в курсе психологии. А взрослые существенно различаются. Взрослые из Амстердама говорят о том, что надо быть критичными и ответственными. Взрослые из России — что надо отдать себя другим, жертвовать. Совершенно другой ценностный вектор межпоколенных отношений.

Я обратился к понятию Выготского «социальная ситуация развития» — это отношение ребенка и его социального окружения, то есть взрослых и детей. Отношения между детьми и взрослыми принципиально различаются у амстердамских детей и московских. Если мы говорим о социальном развитии, социализации, когда пытаемся культурологически подойти к проблеме, то должны использовать многопозиционный анализ, который фиксирует отношения ребенка со взрослыми. Это важный момент для культурологического подхода.

Я хочу реализовать проект «Подросток на пространстве бывшего СССР 20 лет спустя». Первый шаг: мы

провели опрос трех тысяч человек: 1 тыс. в Москве, 2 тыс. в Риге. В настоящее время опрос проводится в Молдавии. В Риге мы опросили тысячу детей, которые обучаются в русскоязычных школах, и тысячу детей, обучающихся в латышских школах. В этом смысле те, кто обучается в русскоязычном секторе, иллюстрируют модель превращения большинства в меньшинство. Когда большинство оказывается в позиции меньшинства, можно увидеть трансформацию положений, которые закладывались в опросе.

Сегодня здесь выступал Юрий Дмитриевич Гранин с докладом о национальности. Это серьезный сюжет, к нему надо подходить, тщательно фиксируя то, какая ситуация может возникнуть в случае нивелирования чувства национального достоинства. В Латвии большая русская диаспора. В Узбекистане уже почти никого не осталось, как и в других среднеазиатских республиках. Поэтому легко лишить людей привычного слова «национальность». Но можно спровоцировать пожар.

Мы провели это исследование, по результатам которого в Латвии издали книгу. В ней описываются ценностные ориентации подростков. Учащиеся в русской школе читают другие книги, смотрят другие передачи. Эта группа школьников сориентирована на одни ценности. Внутри другого государства, в Латвии, возникает ситуация культурной некоммуникации, которая может привести к серьезным последствиям, потому что у них другие культурные ценности, модели, на которых они формируют свои образцы. Там формирование происходит на других текстах, других сюжетах. Это важный момент.

То, что транслируется программой по литературе в русских школах Латвии, соотносится с российской школьной программой. Но кино оказывается вне реального современного культурного процесса, который идет в России. Русские подростки в Латвии не чувствуют современную российскую культурную реальность, а смотрят те фильмы, которые смотрели и любили их родители, например «Операция “Ы” и другие приключения Шурика». Происходит как бы консервация той ситуации, которая сложилась до распада Советского Союза. Она законсервирована на уровне реальности 20-летней давности. Это серьезный момент кросскультурных сопоставлений.

В России на государственном уровне предпринимаются попытки по сохранению единого экономического пространства. Не менее важно сохранение единого культурного ареала на пространстве бывшего СССР, но здесь не проводится активная политика. Это важно показать, так как этот факт имеет отношение к тому, что Россия будет страной мигрантов. Откуда идут миграционные потоки в Россию? Первые 10–15 лет в Россию приезжали люди, владеющие русским языком, а сейчас — люди, уже ничего не знающие о русском языке и не владеющие им. Это серьезная проблема.

Я хочу поблагодарить всех участников за активную дискуссию. Мне было очень интересно.

Т. Н. РОЗОВА: — Я от имени Оргкомитета хочу еще раз поблагодарить всех участников и лично Владимира Самуиловича. Мы узнали много новой информации и приняли ее к размышлению. До новых встреч!

Секция 8

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Лихачевский форум старшеклассников России)¹

18 мая 2012 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководители секции:

Н. В. БУРОВ

директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета Санкт-Петербурга, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, народный артист России

А. А. ЛИХАНОВ

писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, почетный доктор СПбГУП

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА

директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

А. БЕЛЯЕВА, А. БУКИНА, М. ГОЛОВАЧЕВА, Т. КОНДРАТЕНКО, К. КРАВЧЕНКО, Ю. КРАСАНОВА, В. ЛУКОМСКАЯ, Ю. МЕДВЕДЕВА, И. СОВЕТОВ, П. ХОМЕНКО, А. ШАЙДУЛИНА — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений.

Е. П. ЕФИМОВА²: — Слово для приветствия участников Лихачевского форума старшеклассников России предоставляется ректору нашего Университета, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте! Я очень рад видеть так много молодежи, которая участвует в наших Лихачевских чтениях, людей, которые живут яркой интеллектуальной, нравственной жизнью. Мне очень понравилось одно сочинение, присланное на наш конкурс, своим нравственным пафосом, вниманием к проблемам добра и зла. Мне кажется, что для юного человека нет важнее задачи, чем определиться, что в жизни есть добро и что есть зло. Правда, я бы вам посоветовал относиться к целому ряду вещей, в том числе и к нашей истории, очень внимательно, вдумчиво и стараться не принимать простых решений. Потому что простых решений в истории нет. История трагична, ее деятелей надо судить, но не в смысле в суде, а выносить о них суждения, составлять свое мнение по законам их времени. Чингисхан или Александр Македонский были великими людьми в истории человечества или нет? Они уничтожили огромное количество людей. История развивалась, человечество шло вперед, осознавало ценности человеческой жизни, но это происходило не сразу. А Петр I? Сколько на его совести было человеческих жизней, когда создавался Петербург; город был построен на костях почти десятков тысяч крестьян. Тем не менее, когда мы оцениваем роль Петра I, то стараемся

смотреть на вещи все-таки с учетом законов его времени. Это было больше 300 лет назад, и тогда в обществе господствовали совершенно иные представления.

Мы не можем оправдывать, например, преступления сталинского времени. Но в то же время надо сказать, что без Сталина Россия не выиграла бы Великую Отечественную войну, не было бы нашей Великой Победы. Это вещи очень сложные, надо в них вдумываться, надо изучать книги, историю. Вы делаете первые шаги. Я бы хотел предостеречь вас от категоричности, это очень важно. Надо проникать вглубь, надо смотреть, думать, почему люди поступали так, а не иначе. Я думаю, что попытка понять то, что происходит, — это один из самых главных заветов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Для него культура была единым, очень сложным организмом, который живет по своим законам. Разные части этой культуры, наверное, имеют разную ценность, но нельзя из культуры что-то одно выхватить и убрать, от этого культура меняется в целом.

Хочу посоветовать вашему поколению задуматься вот о чем. Шекспировский Гамлет говорит: «Распалась связь времен». Это для него самое ужасное, что может случиться. Когда распадается связь между поколениями, между культурами, тогда дети забывают заветы отцов, отбрасывают их ценности и пытаются жить иначе. Когда-то было не принято, чтобы молодой человек курил рядом с девушкой. И даже какая-нибудь пожилая дама могла отвести его в сторону и сделать замечание по этому поводу, и оно было бы правильно воспринято молодым человеком. Это старая петербургская культура, культура уважительного отношения к другим людям. А некоторые современные девушки не понимают, как надо себя вести и одеваться, чтобы не выглядеть

¹ Полные тексты творческих работ победителей Всероссийского конкурса старшеклассников размещены на научном сайте «Площадь Лихачева» (www.Lihachev.ru).

² Директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ.

доступно и неприлично. Это говорит о том, что у нашего юного поколения есть проблемы с пониманием, что такое хорошо и что такое плохо. Я хотел бы обратить ваше внимание именно на это и на то, что вы являетесь продолжателями великой российской культуры. Думаю, что в этом зале сидят лучшие представители нашей школьной молодежи, старшеклассников, люди, которые увлечены тематикой Лихачева, это уже говорит об очень многом. И здесь есть те люди, которые, наверное, должны влиять на окружающих и нести свет идей Лихачева.

Читайте работы Дмитрия Сергеевича. Мне посчастливилось быть с ним знакомым. И я могу вам сказать, что когда мы просто видели этого человека, то уже ощущали, что он представитель какой-то особой культуры. Он действительно был представителем культуры дореволюционной, культуры практически наших прадедов. И он был фактически дважды почетным гражданином нашего города. Его отец был почетным гражданином, только не Ленинграда, а Петербурга, того дореволюционного, и до революции это звание передавалось по наследству, то есть Д. С. Лихачев тоже должен быть почетным гражданином. Но во время революции вся эта система была разрушена, и он сам, без наследства отца, стал почетным гражданином. Он пользовался у людей огромной любовью, вниманием, интересом, уважением и в силу своих научных достижений, которые, конечно, были исключительными и ставили его в особое положение, и в силу своей особой личной культуры. Я хочу пожелать нашей молодежи в вашем лице следующее: мало получить профессию, как говорят, «хлебную должность», уметь заработать, очень важно быть настоящими представителями ленинградской, петербургской культуры. Это и означает собственно следовать завету Дмитрия Сергеевича. Позвольте от имени Оргкомитета пожелать вам успехов в вашей работе, а присутствующему здесь юному поколению — успехов в большой и, я надеюсь, светлой будущей жизни! Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья! Я тоже рада вас приветствовать в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов на VI Лихачевском форуме старшеклассников России. В этом зале собрались лучшие представители нашей молодежи и их замечательные наставники — учителя. Мы приветствуем участников конкурса «Идеи Дмитрия Лихачева и современность» и Междисциплинарной олимпиады школьников по комплексу предметов «Гуманитарные и социальные науки» из Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской, Белгородской, Вологодской, Калужской, Мурманской, Самарской областей, Хабаровского края, Республики Башкортостан.

Несколько слов о нашем конкурсе. Как вы поняли, этот конкурс проводится шестой раз, как и наш форум. Конкурс включен в перечень олимпиад и иных конкурсных мероприятий Министерства образования и науки Российской Федерации, по итогам которых присуждаются премии в поддержку талантливой молодежи, что свидетельствует о высокой оценке данного мероприятия Минобрнауки. Конкурс проводится в целях повышения интереса молодежи к жизни, общественной деятельности и творчеству выдающегося мыслителя современности Дмитрия Сергеевича Лихачева, а также

к отечественной культуре и литературе, развития конкурентных способностей старшеклассников и выявления талантливой молодежи. В жюри конкурса входят выдающиеся ученые, литературоведы, историки, журналисты, писатели, представители ведущих школ Санкт-Петербурга. Решением жюри школьники, участники конкурса, и их педагоги-наставники награждаются специальными дипломами. В этом учебном году в конкурсе приняли участие 696 школьников, представляющих 64 региона России, Республики Беларусь и Республики Казахстан. При этом значительная часть работ поступает к нам из малых городов, из школ, расположенных в сельской местности.

В рамках конкурса прошла Междисциплинарная олимпиада школьников по комплексу предметов «Гуманитарные и социальные науки», победителями и призерами которой стали 115 школьников. На форум старшеклассников за счет Университета приглашены победители и призеры конкурса, занявшие I, II, III места, и школьники, отмеченные специальными дипломами за исследовательскую работу. Они составили президиум нашего форума. Победители и призеры получили уникальную возможность донести до вас основные положения своих творческих работ, и, надеюсь, они сделают это успешно и интересно. Завершится наш форум награждением победителей и участников конкурса и Междисциплинарной олимпиады дипломами участников, победителей, призеров.

Материалы Лихачевского форума старшеклассников России печатаются в сборнике материалов Международных Лихачевских научных чтений. Лучшие работы конкурсантов публикуются на научном сайте «Площадь Лихачева», который вы хорошо знаете и с которым вы очень активно работаете. Возглавляют работу нашего Лихачевского форума почетный доктор нашего Университета Альберт Анатольевич Лиханов и народный артист России Николай Витальевич Буров.

А. А. ЛИХАНОВ: — Дорогие ребята! Поздравляю вас с праздником и думаю, что это один из первых важных праздников в вашей жизни, ибо вы признаны за свой труд. Вы оказались в числе лидеров и победителей конкурса, который носит имя замечательного, во многом святого человека Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я думаю, что сегодня надо сказать добрые слова еще про ваших учителей. Наверняка, большинство из вас подвигли к участию ваши учителя. На мой взгляд, в нашей стране роль учителя сильно недооценена. Я сам дитя войны и учился в голодные, суровые времена в Вятке. У нас была замечательная учительница Аполлинария Николаевна Тепляшина, про которую у меня есть повести, например «Крестная», она фигурирует во многих моих работах. Она во время войны получила второй орден Ленина. Два ордена Ленина было у учительницы! Орден Ленина во время войны в основном получали маршалы, генералы за крупные военные операции, за фронтовые победы.

Аполлинария Николаевна прожила 96 лет, из них 70 лет проработала в школе. Она нас учила в начальной школе и никогда не ставила двоек, когда мы этого заслуживали. Она оставляла после уроков и каждого лично, персонально вытягивала за уши с тем, чтобы он становился по знаниям равным остальным. Считаю, что

фраза «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени» должна жить и звучать в учебных сердцах всю жизнь. Учителя всегда будут сопровождать вас: сначала в школе, потом, наверное, в институте, на работе. Всегда будут рядом старшие товарищи, которые исполнят святую миссию помощи вам, покровительства, учительствования. Так что да здравствует учитель! И да здравствуют его талантливые ученики, которые здесь сегодня собрались! Честь вам и хвала!

Н. В. БУРОВ¹: — Уважаемые господа победители! Уважаемые господа учителя! Я поздравляю вас с тем, что мы Лихачевский праздник отмечаем одновременно с Международным днем музеев.

Петербург по праву называют музеем под открытым небом, и то, что удастся сбегать под ним, и есть наше богатство. Кое-что, к сожалению, сбегать не удастся. У Дмитрия Сергеевича Лихачева из памятников, которые возникли уже на рубеже XX–XXI веков, был один любимый на Выборгской стороне. Выборгская сторона неказиста, хотя и там есть жемчужины. Это Сампсониевский собор XVIII века, поставленный в память Полтавской победы и отметивший уже свое 300-летие. В парке на территории старого кладбища XVIII века, которого уже нет, стараниями художника Михаила Шемякина появился памятник первостроителям Петербурга. Если почти 300 лет спустя вспоминают о людях с благодарностью и ставят им памятник — это здорово, потому что это и есть память. И Дмитрий Сергеевич всегда призывал нас хранить такую память. Он очень любил даже с гостями дойти до этого небольшого клочка зеленого пространства на дымной Выборгской стороне и постоять у памятника. Сейчас его практически нет, потому что музей-то он музей, но под открытым небом, и далеко не каждый понимает, что музейные предметы, музейные вещи надо хранить, а не раздирать и портить. Так получилось...

Наверное, стоит вспомнить о том, что главной заботой Дмитрия Сергеевича Лихачева, заботой до боли в сердце был русский язык. Если сесть на электричку и доехать до Комарово, а там не полениться и пройти еще несколько километров до Комаровского кладбища, то можно найти пантеон Лихачевых. Это великая семья, и могила Дмитрия Сергеевича особо выделяется. Хоть раз в жизни стоит это сделать — прийти на то место и поклониться памяти. Может быть, именно такой небольшой акт поможет нам потом не сойти с ума, как говорил Пушкин: «Не дай мне Бог сойти с ума». И Дмитрий Сергеевич всегда будет самой верной опорой в вашей дальнейшей жизни, потому что мы-то уже кое-что успели сделать, а у вас все впереди. То, что вы собрались здесь и внимательно нас слушаете, — это уже большая награда для нас. Это бывает нечасто и далеко не везде.

Я вас поздравляю с тем, что вы уже попали в которму тех, кто чувствует ответственность за завтрашний день. Тех, кто, надеюсь, никогда не сойдет с ума. Тех, кто относится к русскому языку как к великому щиту, который, конечно, должен крепнуть, обновляться и англоцизмами, и какими-то другими словами, но не дол-

жен терять главного — своей великой основы! С праздником вас!

Е. П. ЕФИМОВА: — Позвольте мне зачитать приветственные телеграммы. Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев, обращаясь к участникам XII Международных Лихачевских научных чтений, несколько слов посвятил и вам: «Самого искреннего признания заслуживает огромное внимание, которое вы неизменно уделяете вопросам воспитания подрастающего поколения, приобщения молодежи к бесценному литературному, философскому, творческому наследию нашего выдающегося соотечественника Дмитрия Сергеевича Лихачева». Приветствует вас и министр образования и науки Российской Федерации Андрей Александрович Фурсенко: «Считаю ценным, что в контексте Чтений проводится конкурс творческих работ старшеклассников, целью которого является приобщение молодежи к активной научно-исследовательской деятельности, изучение трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева».

А теперь я приглашаю на трибуну победительницу конкурса, занявшую I место, учащуюся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино» Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Татьяну Кондратенко.

Татьяна КОНДРАТЕНКО: — Я рада приветствовать всех, кто здесь сегодня собрался. На этой сцене я второй год и мне здесь нравится. Я рада видеть новые лица. Самое интересное, когда я прочитала список победителей и призеров, то увидела учащихся и 9-х классов, и 10-х, и это изумительно, потому что ребята стараются, мыслят, размышляют. В своей работе я рассказывала о Дмитрие Быкове. Эпиграфом к моему выступлению стало высказывание великого ученого, академика Д. С. Лихачева о том, что «правдоискательство было главным содержанием русской литературы, начиная с X века». Почему человек всю свою жизнь стремится к постижению истины? Для этого мы занимаемся самоанализом, читаем книги, учимся и развиваемся. Правдоискатель внутри каждого из нас жаждет правды, касающейся всего: начиная от смысла человеческого бытия, нашего места в жизни и заканчивая ростом цен на бензин.

Правдоискательство, правдоискатель, правда. Какие ассоциации вызывает у вас этот ряд однокоренных слов? Все, что сейчас возникло в вашей голове, верно. Хоть все мы люди, все мы «одной крови», как сказал герой Киплинга, но наше второе «я», ищущее правду, всегда индивидуально. Есть люди, которые стремятся отразить все услышанное и увиденное через живопись, музыку и особенно через литературу. Кто-то не замечает правды, кто-то просто не желает ее видеть, а кому-то, возможно, она и вовсе не интересна. Но так или иначе люди, творящие в области литературы, в своих книгах отправляются на поиски правды. Как известно, истина у каждого своя. Постараюсь доказать сам факт наличия правдоискательства в романе Д. Быкова «Оправдание» и в поздних рассказах Н. С. Лескова. В творчестве русских писателей правда — как начинка внутри конфеты: не сразу чувствуется и вкус ее не сразу ясен, но уж если

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета Санкт-Петербурга, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, народный артист России.

ты сумел различить его, прочувствовать, то произведение открывается с иной стороны.

Гоголь, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Бунин, Северянин... Список можно продолжать бесконечно до одной из фамилий, на которой хотелось бы остановиться и заострить внимание: она относится к веку уже нынешнему и вызывает множество споров и разговоров на российской культурной арене XXI века. Это фамилия — Быков. Нет, не знаменитый военными повестями Василь Быков, творивший гораздо раньше, а Дмитрий Быков, писатель и журналист, заявивший о себе несколько лет назад и уже тогда зарекомендовавший себя как «правдоискатель». Его громкий проект «Гражданин поэт» будоражит своей прямолинейностью и одновременно оригинальностью изложения мыслей путем своеобразного переделывания знаменитых произведений классиков литературы: «Скорби, скорби, а помни сам, что снова нефть подорожает, а значит, будет все, как есть: бесчестье, лесть, и месть, и жесть». Когда я подбирала авторов, произведения которых мне бы хотелось связать с высказыванием Дмитрия Сергеевича, я акцентировала внимание на тех, которые в чем-то близки были бы мировоззрению и интересам самого академика. Вспоминая современную литературу, я задаю себе вопрос: «А какие книги были бы интересны сегодня Дмитрию Сергеевичу, о каких авторах он бы отзывался как об истинных правдоискателях, если бы был жив?»

Представим на мгновение, что Д. С. Лихачев жив. Я уверена, что сделать это не сложно. Перенесемся в книжный магазин, скажем, на Невском проспекте, где я встречаю пожилого человека с мудрыми глазами, ищущими среди множества стеллажей нужную ему книгу. Вот он проводит пальцами по корешкам книг... одна, вторая, третья... останавливается на одной в коричневой обложке с надписью из золотистых прописных букв — «Оправдание», Д. Быков. Между нами завязывается разговор, в ходе которого Дмитрий Сергеевич рассказывает о том, почему книги Быкова вызывают его интерес. Покидает Дмитрий Сергеевич книжный магазин с приятным чувством приближающегося наслаждения от прочтения купленной книги, а я ухожу с ощущением уверенности, что книга придется ему по душе. Роман «Оправдание» относится к трилогии «трех О»: «Оправдание», «Орфография» и «Остромов, или Ученик чародея». Их объединяет не только начальная заглавная буква, но и время, которое очевидец назвал «неподходящим для ума и совести». 1918–1938 годы — переломная эпоха, когда стремительно менялись сами критерии добра и зла, когда правда подменялась ложью и наоборот, стойкость казалась бравадой, а конформизм приобрел статус добродетели. И в пушкинской строке «души прекрасные порывы» первое слово многими воспринималось как глагол в повелительном наклонении.

В основе каждого романа лежит реальное событие — послереволюционная реформа правописания («Орфография»), полузабытый «Процесс ленинградских масонов» («Остромов, или Ученик чародея»). В основе «Оправдания» — дело Исаака Бабеля, знаменитого советского писателя, журналиста и драматурга. Хочу заметить, что, возможно, обращение в романе к сталинским репрессиям носит символический характер. Как известно, Д. Быков довольно негативно отно-

сится к власти, особенно к ее самой верхушке. Он как бы намекает на то, что происходящее в России косвенно напоминает то, что творилось в эпоху правления Сталина. Важно и то, что Дмитрий Львович осуждает не только власть, но и сам русский народ за то, что тот утрачивает жизненные ориентиры, ценности, свое «я», тратя время на ненужные вещи. Писатель хочет подтолкнуть людей к изменениям, которые должны начинаться прежде всего с них самих, пробуждая внутренний голос. Д. Быков пытается изобрести что-то вроде прививки пандемической инфекции для обретения надлежащего иммунитета, которая так необходима стране для дальнейших преобразований.

А теперь вернемся в XIX век. Я уже упомянула фамилию Лескова. Представьте перед собой окно, посмотрев в которое, можно окупиться в жизнь XIX века. Не обязательно иметь богатое воображение, чтобы суметь увидеть картину, подобную современной действительности. Все те же нищие, бредущие по улицам, все та же вечная несправедливость, царящая в жизни. Позднее творчество Н. Лескова — это весьма колкие произведения о русском обществе. Рассказы, на которых я заострила внимание в работе, относятся к последнему этапу творчества писателя — это «Зимний день» и «Пустоплясы», где автор наиболее ярко отразил нравственный упадок русского общества того времени. Пороки, высмеиваемые им, привлекли мое внимание тем, что оказались аналогичными и у русского человека XXI века. Лесков жил, всем сердцем своим стремясь «служить родине словом правды и истины», искать лишь «правды в жизни». В процессе написания работы меня поразило наличие множества обнаруженных мною параллелей между Д. Лихачевым, Н. Лесковым и Д. Быковым. Д. Быков увлекается творчеством Н. Лескова, призывая современного читателя «укрыться лесковским одеялом», Д. Лихачев приравнивает Лескова к мировому мастодонту литературы — Диккенсу. И мне в голову сразу пришла преобразованная строчка: «Правдоискатель правдоискателя видит издалека». Быков интуитивно чувствует внутреннее родство с автором «Левши», который в свою очередь интересовал и Дмитрия Сергеевича.

В принципе Д. Быкова и Н. Лескова сближает и тот факт, что первый сегодня напомнил русской литературе о ее характерной черте, которой посвящено мое выступление, а последний в XIX веке явился неким «пробудителем», выступил в роли духовного наставника, носителя «непраздного» учительского слова. Советский писатель М. Пришвин сказал: «Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой». Если трактовать его высказывание на современный лад, то под силой можно подразумевать и власть, и чиновников, и богатых, и бедных, и, собственно, весь русский народ, смотрящий на жизнь сквозь пелену и прячущийся от правды в работе и за стенами квартир. Но есть те, кто дорожит силой правды, но силой не насильственной, а разумной. Как это делал Н. Лесков в XIX веке и как сейчас это делает Д. Быков.

Путем создания правильных, хороших книг они заставляют нас посмотреть на себя и окружающий мир со стороны. Загорится ли вновь русское сердце и проснется ли широкая русская душа, уменьшится ли количество бездомных людей и тех, кто стоит в метро

с протянутой рукой, начнем ли мы осознавать единство человечества независимо от принадлежности к той или иной нации — зависит только от нас. Поиск правды сродни поиску смысла жизни с философской точки зрения. Как люди с древнейших времен пытаются найти смысл человеческой миссии на Земле, так и русская литература всегда будет искать правду. Обретать, упускать ее, вновь находить и снова терять. Будут появляться новые имена и книги, но одна из самых отличительных черт русской литературы — правдоискательство — останется неизменной и будет вызывать пускай противоречивый, но неподдельный интерес публики. Эта черта, как и мудрое умозаключение великого человека Д. С. Лихачева о ней, останется бессмертной. Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Мария Головачева, победительница конкурса, занявшая II место, учащаяся 11-го класса школы № 979 Москвы.

Мария ГОЛОВАЧЕВА: — Мы живем в век стремительного обмена информацией, и найти в этом потоке пространство для уникального явления в мировом культурном процессе, которым является личность Дмитрия Сергеевича Лихачева, — это долг перед памятью человека, много сделавшего для нашего духовного развития. В своем выступлении я попытаюсь рассказать о своем интересе к личности ученого и гуманиста, его творчеству. Д. С. Лихачев провел четкую грань между понятиями «национализм» и «патриотизм» — в этом заключается бесспорный вклад ученого в неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, народов. Уже опираясь только на эту тему в его наследии, мы сможем развить гражданский иммунитет к этой социальной болезни. Что я могу сказать «о единстве народов и целостности Русской земли» (Д. С. Лихачев)? Мое единство народов начинается с порога моей школы. Наша школа многонациональная. В ней обучаются дети 19 национальностей. Это и поляки, и азербайджанцы, и татары, и казахи, и калмыки, и многие другие. Звенит звонок — коридоры школы наполняются шумом. Мелькают разные лица, непохожие, очень отличающиеся друг от друга. Мое представление о единстве народов и целостности Русской земли заключается в том, что моя школьная жизнь — это и есть некое «братство племен». Мы разные внешне, разные по характеру и при всей этой очевидной разнице — мы едины!

Есть общие ценности — и духовные, и материальные — при внешней непохожести! Это, наверное, и есть еще одно проявление той «надместной» красоты, о которой Д. С. Лихачев, рассуждая о единстве народов, писал так: «Общие судьбы связали наши культуры, наши представления о жизни, быте, красоте. <...> И о многом другом помнил и помнит народ в былинах и исторических песнях. В сердце своем хранит красоту, над местной — еще какую-то надместную, высокую, единую... И эти «идеи красоты» и духовной высоты — общие при всей многоверстой разобщенности. Да, разобщенности, но всегда взывавшей к соединению». Разве можно заставить нас, таких разных, в нашей школе, в нашем мире дружить, общаться, помогать друг другу?! Я не знаю ни одной национальной культуры, ни одного народа, которые не ценили бы Доброту, Сострадание, Красоту. Так

почему же сейчас так часто делается акцент на том, что нас развединает, а не объединяет? Мне кажется, Петербургу повезло несказанно! Д. С. Лихачев говорил о нем с такой любовью, гордостью, даже трепетом: «Поэтому Петербург и не похож ни на один русский и ни на один европейский город. Потому что в обоих смыслах он самый, самый». Мне тоже хочется с восторгом рассказать о моем многонациональном городе.

Москва собирает все лучшее, что есть в нашей стране. Это качество присуще ей с древних времен. Чем больше становилось количество приезжающих из разных уголков мира в столицу, тем больше на карте Москвы появлялось названий, отражающих этнос других народов: Татарская улица, переулки Армянский и Старопанский, Грузинский вал и даже Шведский тупик! И, конечно, Арбат! Это единственная улица в центре, которая во все времена, и в советские тоже, не меняла своего названия. Подумать только, ведь по этой улице ходили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, всех имен не перечислить. Я стала обращать внимание на то, что многие улицы Москвы носят имена великих деятелей разных народов: набережная Тараса Шевченко, улицы Мусы Джалили и Руставели, площади Индиры Ганди и Колумба. Мне нравится метро в Москве. Станции московского метрополитена тоже носят названия разных городов, стран. И это не случайно. «Римская», «Курская», «Рижская», «Пражская», «Киевская» — все эти станции напоминают тем, кто приезжает в город, об их Родине. Когда я проезжаю станцию «Курская», невольно думаю о своих истоках. Странно, но когда у меня спрашивают о Родине, то вместе с Москвой я называю и деревню, в которой меня ждут родственники.

Одно из моих любимых мест в Москве — это Чистопрудный бульвар. Сейчас мне кажется символическим, что на этом месте стоят памятники А. С. Грибоедову и казахскому поэту Абаю Кунанбаеву. Где бы ни находился А. С. Грибоедов, он всегда стремился найти возможность установить согласие в межнациональной России. Для него главным желанием стало найти согласие не ценой бряцания оружием, а доверительным отношением и законной справедливостью к перешедшим на сторону России народам. Памятник Абаю Кунанбаеву — дар Казахстана Москве. Однако было много споров относительно уместности монумента, даже собирали подписи под обращением к Президенту РФ о недопустимости установки такого памятника. Я думаю, инициаторы этой акции — люди, далекие от культуры. На Пушкинской площади в 1880 году ко дню рождения А. С. Пушкина был воздвигнут гранитный памятник поэту. Говоря о Пушкине, сейчас мало кто задумывается о его происхождении. Вспоминая поэта, мы думаем о нем только как о нашем соотечественнике. Д. С. Лихачев говорил: «Думы Пушкина (именно поэтические думы, а не просто идеи) проплывают по всему его творчеству бесконечной чередой, как глубоко личные и вместе с тем — общенародные». И с ним нельзя не согласиться. И по-другому воспринимаются слова Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Эти строки приводятся обычно в качестве доказательства осуществившегося пророчества об общем признании его произведений всеми народами «Руси Великой». Народ для А. С. Пушкина — русский народ вообще или все народы России — понятие прежде всего историческое.

Соприкасаясь с творчеством Д. С. Лихачева, я хотела получить собственное подтверждение того, что оно оказывает огромное воздействие на моих ровесников и не только. В итоге я решила на небольшой опрос своих одноклассников и учеников 10-го класса. Меня поддержал учитель русского языка, и мы выделили две основные проблемы, по которым составили вопросы. Проблема сохранения памятников культуры, ставшая предметом постоянных размышлений Лихачева, — это первая проблема. Вследствие этого в анкете первые два вопроса были посвящены проекту «Декларации прав культуры». Размышляя над второй проблемой для опроса, долго не могла сделать окончательный выбор. Я решила обратить внимание школьников на разницу между патриотизмом и национализмом. Любить свою Родину, быть патриотом — это проявление моей личной ответственности. Отдавая приоритет своему родному, я не принижая того родного, которое так же приоритетно для человека другой нации.

Проведенный опрос старшеклассников показал, что мои сверстники в подавляющем большинстве поддерживают идеи Д. С. Лихачева. На первый вопрос: «Почему, на ваш взгляд, культурное разнообразие необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы?» были даны следующие ответы: «человек должен всесторонне развиваться», «необходимо знать историю культуры различных народов», «сохранять культурное наследие», «человек должен иметь право выбора», «каждый имеет свое мировоззрение». 96 % опрошенных активно разделяют точку зрения Д. С. Лихачева, 4 % не смогли ответить на этот вопрос. Второй вопрос: «Считаете ли вы проект “Декларации прав культуры” актуальным для нашего времени?» Примечательно, что все 50 человек согласились с актуальностью и необходимостью данного проекта. Третий вопрос: «Разделяете ли вы точку зрения Д. С. Лихачева о патриотизме и национализме?» 46 человек — это 92 % — ответили, что разделяют точку зрения автора, умеют отличать патриотизм от национализма. Оставшиеся же 4 человека считают национализм нормальным и даже нужным проявлением нашего общества.

Подводя итог, хочу заметить: даже кратковременное обращение к отдельным мыслям Д. С. Лихачева приводит к пониманию ценности культурного разнообразия, позволяет не становиться заложниками ложного представления о патриотизме. Поэтому идеи академика имеют мощный потенциал добра, человечности, не использовать который мы, наследники, не имеем права. Мне также показалось интересным посмотреть на творчество Д. С. Лихачева и авторитет его личности как на возможность привлечения внимания к общественно полезным ценностям, пропаганде социально желаемого поведения. Поэтому мною были созданы макеты социальной рекламы. Я отобрала три следующих «эффективных слова» из наследия Д. С. Лихачева: 1) «Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим»; 2) «Национализм — это проявление

слабости нации, а не ее силы. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии»; 3) «Не помысли народ свой врагом других народов».

Наиболее удачной объединяющей фразой для всего моего проекта, на мой взгляд, были бы слова: «Наша традиция. Наша культура. Наша духовность». Получился итоговый материал рекламы в формате листовок и плаката. Фотографии академика, высказывания из его наследия осмыслены таким образом, чтобы те ценности, о которых говорил ученый, приобрели еще одну возможность быть «на виду и на слуху». Надеюсь, мне удалось, опираясь на свой исследовательский материал, рассказать об актуальности гуманистических идей Д. С. Лихачева, подчеркнуть его вклад в духовное развитие человечества. Совершенно очевидно, что наследие академика можно творчески переосмысливать и активно пропагандировать средствами современной рекламы.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Анастасии Букиной, победительнице конкурса, занявшей III место, учащейся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 2 г. Отрадное Ленинградской области.

Анастасия БУКИНА: — Уважаемые организаторы, гости и участники форума! Мое обращение к теме сохранения образа Петербурга не было случайным. Санкт-Петербург — уникальный город. Он наделен способностью преобразовывать горожан по своему образу и подобию. Следовательно, мы заинтересованы в сохранении его гармонии, которая создавалась веками, но может быть разрушена одним росчерком пера. Именно это могло бы произойти в случае подписания документа о строительстве «Охта-центра» на правом берегу Невы. К счастью, петербуржцы открыто выступили против нарушения принципов градостроения. Они предотвратили акт архитектурного вандализма. Подобная сознательность не появляется сама по себе. Она формируется на чьем-то примере. Примером в этой ситуации служил Дмитрий Сергеевич Лихачев. В своей конкурсной работе я привела цитаты из публикаций академика, свидетельствующие о его неравнодушном отношении к образу Петербурга. Затем я выявила события из новейшей истории города и на их примере показала, как идеи Дмитрия Сергеевича продолжают жить и оказывать свое благотворное воздействие. Когда-то Федор Иванович Тютчев написал:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...

Я полагаю, что слово академика Лихачева достойно отозвалось в нашем сознании. Обратимся к ситуации вокруг знаменитого Дома Мурузи. Это здание пострадало от уплотнительной застройки. Горожане встали на его защиту. Жителей Кировского района Ленинградской области эта история тоже не оставила безразличными. Дом Мурузи был построен на участке земли, ранее принадлежавшем Николаю Петровичу Резанову. На территории Шлиссельбургского уезда знаменитый командор тоже имел поместье — разрушенное в годы войны

село Анненское. На примере этого села мы — жители Ленинградской области видим, что красота может пропасть безвозвратно. Сегодня на Лихачевском форуме старшеклассников России, в этот торжественный и счастливый для меня день, я не хочу говорить о грустном. Последние месяцы у меня прошли под знаком радости. Я работала над сочинением, верила в свой успех, получала удовольствие от изучения трудов академика Лихачева. Я благодарю всех, кто подвиг меня к этой деятельности и оценил ее результат. Свое выступление я хочу завершить словами Дмитрия Сергеевича из книги «Письма о добром и прекрасном»: «Чем больше человек окружен духовной культурой, погружен в нее, тем он счастливее, тем ему интереснее жить. Давайте будем людьми счастливыми, то есть имеющими привязанности, любящими глубоко и серьезно что-то значительное, умеющими жертвовать собой ради любимого дела и любимых людей!»

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Кристина Кравченко, победительница конкурса, занявшая III место, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 16 с углубленным изучением отдельных предметов г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края.

Кристина КРАВЧЕНКО: — Здравствуйте, дамы и господа! Я рада быть здесь и благодарю жюри конкурса за приглашение. Начать свое выступление я бы хотела со слов Гёте: «Дайте человеку ЦЕЛЬ, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации». Но я бы хотела нескромно дополнить это высказывание: цель должна быть нравственной, духовной, и достигать ее нужно гуманными методами, только тогда человек сможет противостоять бездуховности, обрести истинное счастье. Доброта, конечно, важна, но важнее, как говорил Д. С. Лихачев, «целеустремленность и целеустремленность и нравственное самосовершенствование — вот составляющие моей жизненной позиции, следуя им, я поняла, что невозможное возможно, и даже самые невероятные мечты могут сбываться, если приложить к этому максимальные усилия и веру. Я человек неравнодушный к окружающему миру, замечаю разные проблемы. За свою жизнь я успела побывать волонтером, вожатой, лидером молодежной общественной организации. Мне всегда было интересно участвовать в жизни своего города и страны. Возможно, поэтому идеи Д. С. Лихачева показались мне так близки.

Началом моей работы над конкурсным сочинением стал исследовательский проект, посвященный проблеме экстремизма среди молодежи. Для Комсомольска-на-Амуре, да и для всей страны, это очень острый вопрос. Я провела среди сверстников много социологических опросов и изучила специальную литературу. Одним из источников моего вдохновения стали идеи Д. С. Лихачева. Он нашел решение современных проблем в гуманности и нравственности. Благодаря ему я поняла, что агрессивность можно лечить духовностью. Он помог мне увидеть новые возможности человека. Мир меняется, и мы вместе с ним. Не сомневаюсь, вы замечали, что наша жизнь постепенно усложняется, ускоряется время, ускользает день за днем. А может, ускользает не только время? Может быть, на выражах научно-технического

прогресса XXI века от нас ускользает что-то более важное, без чего невозможно обрести истинное счастье? А что нужно человеку, чтобы быть счастливым? И какое отношение к этому имеют духовные и нравственные смыслы бытия? Может ли безнравственный человек быть счастливым? Именно эти вопросы я задавала себе, когда писала свою работу «От бездуховности к духовности с духовностью».

Сегодня, на мой взгляд, главной проблемой является не столько нравственное обеднение общества, сколько неосознание того, что бездуховность и аморальность стали неписаной и такой откровенно демонстрируемой нормой современности. Сегодня эпоха диктует законы конкуренции, соперничества. И мы не говорим, что хотим стать нравственными или добродетельными людьми, мы говорим, что хотим стать успешными. А какие требования предъявляет современный социум к успешному человеку? Он должен иметь железную волю, нестигаемый и в определенной степени агрессивный характер, быть готовым для достижения цели использовать любые средства. Что такое успех по современным меркам? Это деньги, материальные блага, высокий социальный статус, власть. Такой успех и есть счастье? Обратите внимание, что слова «культура, духовные ценности, нравственность» ни разу не встретились в этих определениях и понятиях. Почему? Все просто: они не являются целями в жизни современного человека, не стремящегося к духовному развитию. Может быть, духовные ценности больше не актуальны? Они изжили себя? Но ведь ни одна историческая эпоха не игнорировала эти ценности, бережно передавая их из рук в руки, от поколения к поколению.

Неужели эта «ценностная нить» оборвется в нашем «потребительском» веке? Я думаю, что если наши сердца тревожит этот вопрос, — не оборвется. Точно не оборвется, если мы слышим «голос» Д. С. Лихачева: «В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта — самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое, в конечном счете, верное по пути к личному счастью. Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе». Вот оно — истинное счастье. Что помогает и мешает нам осознать его? Я не случайно так двояко поставила вопрос. Например, религия, несомненно, оказывает большое положительное действие, но может приносить и опасность. Нужно знать четкие границы между верой в Бога и слепым поклонением ему, между следованием святым законам и безумным подчинением им. Да, религия может причинить вред, но он несравним с тем злом, которое может нести сегодня наука? Она может не только разрушить нашу духовную составляющую, но и уничтожить нас физически. Чего стоят только атомные бомбы, унесшие тысячи невинных жизней. Научные достижения в биологии и генетике, физике и химии дают некоторым людям возможность присваивать себе привилегию Бога — решать, кому жить, а кому умереть. И это реальная угроза уничтожения человека. Но разве возможно существование человечества без достижений науки? Конечно, нет. А главное, как и в религии, не нарушать границы нравственности, не переступать через людей ради достижения цели. Прежде всего — быть гуманным.

Такой же двойственной неоднозначностью обладает и искусство. Настоящее искусство несет духовный свет, жизнь, творчество, отражая внутреннюю красоту и гармонию творца с миром и с самим собой. Массовое искусство усредняет, стандартизирует, упрощает сознание, обедняет его, делает бездуховным. Но, наверное, нужны они оба. Ведь, как в любой истории, картина, идеологии, гипотезе, жизни, необходима и светлая сторона, и темная. Без зла человек не поймет, что такое добро. В этом вечном противостоянии добра и зла, наверное, и заключается смысл человеческого бытия. А в преодолении зла и постижении добра — смысл человеческого счастья.

В заключение мне хочется обратиться к участникам Лихачевского форума старшеклассников России. Дорогие современники! В наших, и только в наших силах, — сделать правильный нравственный выбор. Одна протянутая рука помощи, одна ободряющая улыбка, одно доброе дело — именно с этого и начинается изменение мира. Начать нужно с себя, и ваши добрые дела и поступки увидят окружающие люди. И если рядом с вами хотя бы один человек перестанет быть равнодушным, агрессивным, жестоким, а будет проявлять толерантность, отзывчивость, дружелюбие и миролюбие, — это будет вселять надежду, что еще не все потеряно, что можно все изменить, нужно только захотеть меняться.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Ивану Советову, победителю конкурса, занявшему III место, учащемуся 11-го класса школы № 523 Санкт-Петербурга.

Иван СОВЕТОВ: — Здравствуйте! Надо признать, что в процессе работы над конкурсным сочинением, посвященным Д. С. Лихачеву, постепенно осознавая масштабы и глубину его личности, значение его творческого наследия в развитии отечественной культуры, мне пришлось неоднократно видоизменять название работы: «Быть интеллигентом — звучит гордо и своевременно». Первоначальный вариант — «Интеллигент — звучит гордо и современно» — казался счастливой находкой, поскольку в основе его лежит общеизвестный афоризм М. Горького: «Человек — это звучит гордо». Но так как гордо человек может звучать только при условии его становления как личности, а именно интеллигент в понимании Д. С. Лихачева олицетворяет гражданскую суть личности как гаранта прогресса общественного развития, то замена безликого в данном случае понятия «человек» на многозначное в российской истории понятие «интеллигент» была предпринята. Тем более что в новой формулировке тема работы обозначилась в явном созвучии с эпиграфом: «Высокие достижения культуры возможны, прежде всего, в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей».

У Д. С. Лихачева в «Книге беспокойств» есть очень содержательное замечание для тех, кто смешивает образованность с интеллигентностью: «Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового, осознанием старого как нового. Больше того, <...> лишите человека всех его знаний... но если при этом он сохранит восприимчивость к интеллекту-

альным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов, богатство и точность своего языка — вот это и будет интеллигентность». Таким образом, уровень культуры интеллигента Д. С. Лихачев определяет прежде всего результатом знаний, «знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность». Отсюда постоянная потребность в их пополнении, диктуемая высокой ответственностью за свои слова и поступки. Выделяя интеллигента как свободную личность, обладающую умственной порядочностью и независимостью своих убеждений от экономических и политических условий, Д. С. Лихачев видит в интеллигенции наиболее культурную, образованную и профессиональную часть народа. В силу этого интеллигент, даже не занимая высоких должностей, остается лидером в своем рабочем коллективе, влияя на морально-нравственный и профессиональный климат в нем, а также на культурные запросы его членов.

«Интеллигенция должна быть свойством всего нашего народа» — это видение роли интеллигенции в духовно-нравственном, культурном и профессиональном оздоровлении российского общества всесторонне раскрыто в творческом наследии Д. С. Лихачева. Считая, что «о каждом народе следует судить по тем идеалам, которыми он живет», он неоднократно возвращался к впечатляющим примерам гражданского и человеческого мужества народа во все времена русской истории. А нам в первую очередь кажется необходимым отметить неоспоримое влияние личности самого Д. С. Лихачева на окружающих, которое испытали люди самого различного общественного положения в России и за рубежом: «Одно его присутствие сообщало некоторую торжественность и красоту, требовало от нас собранности и наличия (либо изыскания или обретения) самых лучших качеств» (Г. М. Прохоров, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома). Под этим влиянием оказывается и читатель его работ, написанных искренне заинтересованно, что всегда вызывает ответную реакцию доверия.

В этом настрое мне и показалось более точным, в плане постановки вопроса об интеллигенции «как необходимом свойстве всего нашего народа», «придать» названию своей творческой работы «призывный» характер, оттеняющий похвальность личного стремления «Быть интеллигентом!» Д. С. Лихачев был и остается одним из величайших гуманистов нашей эпохи, для которого культура не имела ни временных, ни пространственных, ни тем более ведомственных границ воздействия на развитие человеческого сообщества. В разработанной им «Декларации прав культуры» конкретно обозначена роль культуры в современном мире как главного источника гуманизации человеческой истории, основы социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, а также духовного и нравственного возвышения человека: «Под культурой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества». А важнейшим инструментом

формирования культуры он почитал память: «Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность».

Родным делом Д. С. Лихачева, академика Российской академии наук и почетного академика многих стран мира, была работа в Пушкинском Доме, где он до конца жизни возглавлял Отдел древнерусской литературы. Общий смысл и пафос всей деятельности этого Отдела заключался в восстановлении сути древнерусской культуры, определении тем самым бесконечной линии ее судьбы. По словам Д. А. Гранина, «он ввел ее в наш духовный обиход, оживил сокровенное чувство связи с исторической традицией; уважение к прошлому он перевел из хвастливого патриотизма в понимание красоты древнерусской литературы, архитектуры, ремесла». Что же мешало Д. С. Лихачеву, беспорно свободвал и талантливой личности, всецело отдаться любимому и столь необходимому российской культуре делу, реализовать себя на этом поприще полностью? Емко, четко, доказательно сформулировал эти общие для россиян причины А. С. Запесоцкий в статье «Трансформация культуры: производство смыслов и управление информационными потоками» (2011), жестко обрисовав и последствия деградации российской культуры.

Симптомы упадка, причины и следствия понижения уровня культуры и нравственности российского общества чутко улавливал и Д. С. Лихачев. «Книга беспокойств» пронизана болью большого ученого, размышляющего о насущных проблемах, решение которых способно остановить дальнейшее падение духовного уровня россиян: «Самое главное и самое сложное: поднять нравственный уровень нашего общества... В условиях низкой нравственности не действуют экономические законы, страдает наука. Государство не может функционировать нормально. Без нравственности мы будем ввергнуты в хаос». Обращая внимание на повышающееся значение законов нравственности в науке, промышленности и политике, он с необычной для него резкостью требует «предотвратить занятие влиятельных постов полужнаками, обладающими крайней степенью агрессивности, самоуверенности, стремлением к господству, неуважением к человеческой личности и ее правам, низким уровнем порядочности». Главным рычагом для поднятия неизменно падающего уровня нравственности Д. С. Лихачев видел культуру населения, уровень которой тоже падает с нарастающей скоростью: «сперва кризис средней школы, за ним кризис высшей; падает образование — падает культура, падает отношение к библиотекам... И так по новому кругу».

С особой тревогой Дмитрий Сергеевич размышлял о содержательности обучения в средней школе, где «должна прививаться потребность к чтению, и прежде всего к классической литературе, на основе которой и формируются нравственные идеалы, а также познается совершенный русский язык». Последний он относил «к самым большим ценностям народа: на котором он пишет, говорит, думает». Глубину кризиса высшей школы он постигал по обилию полужнаков с дипломами в карманах, но без надлежащих к самостоятельному плодотворному труду знаний и профессиональной подготовки. По его мнению, «книжное чтение» и «почитание книжное» должно сохранить для нас и для будущих

поколений свое высокое назначение, заключающееся в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтобы не дать замусорить наше сознание различного рода «чтивом». Такое «чтиво», как в печати, так и в телевизионном вещании, ученый относил к самым вредным для культуры явлениям, приводящим к деградации личности и культурного развития страны.

Представляется, что на уровне мировой цивилизации данные проблемы вряд ли можно отнести к «современным» проблемам национальных культур, необходимость решения которых диктуется прежде всего прогрессом в науке и технике, а также радикальными переменами в геополитической обстановке, повлекшими усиление процесса смешения национальных культур. Сегодняшние проблемы российской национальной культуры в первую очередь связаны с духовной и профессиональной некомпетентностью лиц, ответственных за содержательность гуманитарного образования и понижение художественного и смыслового уровня массовой культуры. Проблемы такого уровня решаются не на научном уровне, а на административном, и относятся, очевидно, к категории «неотложных мер кардинального повышения уровня культуры Российской Федерации».

Тем не менее ученый с мировым именем Д. С. Лихачев в силу своего понимания катастрофических последствий упадка культуры в России берет на себя бремя ответственности за организацию общественных центров культуры по спасению «мелких музеев» и библиотек в регионах, лично «ходатайствует» в инстанциях различного ранга («Бюрократизм как вирус: он необычайно заразителен») по вопросам, связанным с охраной памятников культуры. Он разрабатывает «Декларацию прав культуры» с кратким, но емким определением культуры, которое должно удовлетворить как деятелей культурологического фронта, так и управленческие структуры, ибо включает выверенный перечень объектов культуры, необходимых для ее функционирования. А какой объем просветительской работы лег на его плечи!

Риторическим представляется вопрос: не отвлекало ли это Лихачева от его научной работы, не мешало ли это ему достигнуть самых высоких результатов в науке и реализовать себя на этом поприще полностью на благо всей российской и мировой культуры? Бесспорно же, что низкий уровень как культуры, так и зависящей от нее нравственности является плохой почвой для выявления талантов, их воспитания и образования. Да и творить в стране, где осталось мало читающей и ценящей искусство интеллигенции и сильно увеличилось количество мещан, названных Лихачевым «усредненной посредственностью», стимулов мало. Моя конкурсная работа заканчивается словами профессора Г. М. Прохорова, в которых звучат интонации беспокойства, надежды и веры в молодое поколение россиян: «Личность Д. С. Лихачева и дальше, несомненно, будет оказывать свое научное и общественное влияние, потому что стала неотъемлемой принадлежностью нашей истории, нашей культуры... ведь будут жить его работы, даст Бог, будет жить его Отдел. И уже от нас, его коллег, и всех прочих будет зависеть, в какой мере наступивший новый век останется или, может быть, станет его эпохой даже в большей мере, чем последнее десятилетие века

уходящего». («Дмитрий Лихачев и его эпоха», 2002). В этом контексте стремление нашего поколения стать интеллигентами звучит гордо и своевременно.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Павел Хоменко, победитель конкурса, занявший III место, учащийся 10-го класса гимназии № 1 г. Североморска Мурманской области.

Павел ХОМЕНКО: — Добрый день, уважаемые участники форума! Я хочу поблагодарить жюри за предоставленную возможность поделиться своим осмыслением статей Д. С. Лихачева. Россия... Кто в ответе за все, что происходит в стране? От кого зависит ее настоящее и будущее? Конечно, от граждан нашей Родины. Безусловно, каждому жителю государства хотелось бы, чтобы великая многонациональная Россия, с давних времен славившаяся своими мастерами и умельцами, не только сохранила, но и приумножила свой авторитет в мире. Каждый хочет видеть Россию страной демократической, граждане которой строят цивилизованные экономические отношения, утверждают принципы равноправия, свободы и справедливости. За все эти преобразования, изменения к лучшему «ответственны... мы с вами, а не кто-то другой». Что же необходимо делать, чтобы государство процветало? По словам Д. С. Лихачева, «нельзя безразлично относиться к своему будущему». Это значит, что люди должны четко представлять главную цель существования — находить радость в помощи другим, стремиться увеличивать добро в окружающем мире, повышать уровень благосостояния и «счастья своей страны и всего человечества, в конце концов».

Как же этого достичь? «Способы различные, — говорит Дмитрий Сергеевич, — но для каждого что-то доступно». Как повысить уровень счастья окружающих? По мнению публициста, большая цель начинается с малого — «с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов». Во-первых, «надо любить в человеке человека». Однако эта любовь должна быть «умной». С этой точкой зрения невозможно не согласиться в связи с тем, что слепая любовь влечет за собой самые страшные последствия: воспитание нравственных «уродов», развитие национализма и тому подобные результаты, опасные для благосостояния общества. Во-вторых, надо быть человеком с чувством собственного достоинства. Действительно, достоинство — это неотъемлемая и безмерная ценность каждого человека, которая позволяет ему оставаться самим собой, осознавать свою неповторимость и считать своей целью повышение уровня благосостояния и «счастья своей страны...» В-третьих, необходимо формировать высокую самооценку. В письме «Цель и самооценка» Дмитрий Сергеевич приводит два примера постановки жизненных целей: «Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...» Другой энергично движется по лестнице власти, добиваясь высот, при этом ему уже не до семьи и детей. По Лихачеву, это все индивиды, обладающие низкой самооценкой. О высокой самооценке сви-

детельствует стремление «облегчать... страдания при болезнях, давать людям радость». Именно такая цель достойна человека.

Таким образом, главная цель должна быть шире, чем просто личностная. Она не может замыкаться только на собственных удачах и неудачах. «Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной». В-четвертых, не стоит забывать, что «жизнь — это творчество». Это вовсе не означает, что нужно родиться художником, писателем или ученым. Можно просто создавать «ауру добра вокруг себя». Нести свет и радость, а не недоверие и подозрительность — это тоже творчество, сильное каждому. По мнению Д. С. Лихачева, осмысление жизни рождает в человеке силу, способную перестроить мир, изменить его к лучшему. Люди, четко представляющие главную цель существования, идут в ногу с историей, их не пугают обыденные, повседневные проблемы. Именно наличие гуманной цели придает жизни смысл, вселяет в сердца надежду на будущее. Чтобы будущее было лучше, человек не должен жить только в настоящем: без прошлого, играющего огромную роль в становлении культуры, нет современности.

«Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее», — утверждал Д. С. Лихачев. Духовное стремление искать свои корни дает ощущение стабильности, прочности, понимание предназначения. Исходя из данного постулата, я попытался проанализировать жизнь моего дедушки, контр-адмирала в отставке Петра Павловича Хоменко, чтобы выявить лучшие черты его характера и быть на него похожим, достойным продолжателем фамилии Хоменко. Мой дедушка — сильный, мудрый человек, проживший интересную, насыщенную жизнь, многое испытавший на своем веку. В своей работе я размышляю над его судьбой, стремясь разгадать секрет успеха и понять, как удалось Петру Павловичу стать флотоводцем. Петр рос любознательным, внимательным, ответственным и смелым, в шесть лет умел считать и писать, а когда пошел в школу, ни загруженность домашними делами, ни бытовые неудобства не помешали ему учиться только на «отлично». Кроме учебы и выполнения домашних обязанностей Петя успевал очень многое: посещал кружки в Доме пионеров, занимался спортом, в 16 лет стал чемпионом области по шахматам среди сельских школ.

Мой дедушка всегда был целеустремленным человеком: уже в школе он определился с выбором профессии и старательно готовился к поступлению. Попасть в Черноморское высшее военно-морское училище было нелегко. Однако Петру удалось преодолеть все трудности и с честью выдержать экзамены. В училище он быстро приобрел авторитет и стал лидером, так как не только сам учился на «отлично», но и помогал товарищам. Кроме учебы и общественной жизни, Петр продолжал заниматься спортом, на протяжении пяти лет был членом сборной команды училища по гребле и шахматам. В 1970 году успешно окончил Черноморское высшее военно-морское училище, получив специальность «инженер-ракетчик» и право выбора места службы. Пожалуй, нельзя сказать, что карьерный рост у Петра Павловича был стремительным, но благодаря трудолюбию, самоотдаче, постоянному повышению воинского

мастерства за 10 лет он прошел путь от командира ракетной батареи до командира большого противолодочного корабля «Адмирал Юмашев». Когда дедушка принимал командование, корабль был отстающим, но знания, умение и желание работать, сознание осуществившейся мечты помогли ему в первый же год вывести судно на первое место в 7-й оперативной эскадре Северного флота, а затем в течение трех лет удерживать звание лучшего в Военно-морском флоте корабля. За период службы на кораблях дедушка принимал участие в восьми боевых походах, ежегодных учениях Северного флота в Атлантическом океане, где всегда успешно решал поставленные задачи.

Образцовое выполнение воинского долга, высокий профессионализм, умение передать накопленный опыт не остались незамеченными: в октябре 1983 года назначен начальником штаба 170-й бригады противолодочных кораблей 7-й оперативной эскадры, в 1991 году — начальником вспомогательного флота СФ, в 1994 году присвоено высокое звание — контр-адмирал. Многие годы под руководством контр-адмирала П. П. Хоменко «...суда обеспечения успешно выполняли задачи по поддержанию боевой готовности, материальному и техническому обеспечению сил и гарнизонов Министерства обороны РФ, находящихся на островах Баренцева и Белого морей, островах Новой Земли». Мой дедушка — удивительный человек, его не только любят родные, но и ценят коллеги за то, что он лично работал с командирами, офицерами, гражданским персоналом, передавал им свой служебный опыт, вникал в нужды и запросы людей, упорно добиваясь разрешения возникающих проблем. Своим ответственным отношением к выполнению воинского долга, знанием дела способствовал подготовке высококвалифицированных специалистов. За высокие достижения в служебной деятельности, отличную профессиональную подготовку, успешное выполнение поставленных задач на всех занимаемых должностях контр-адмирал Петр Павлович Хоменко награжден орденом «За службу Родине», медалями, удостоен почетного звания «Заслуженный военный специалист Российской Федерации».

Хочется отметить, что очень большое значение для Петра Павловича всегда имела семья. Дедушка редко бывал дома, отдавал все силы службе, но он мог спокойно работать, потому что был уверен: его любят и ждут, а что может быть дороже, чем любовь близких — надежная опора на всю жизнь! Когда я изучал жизнь моего дедушки, который благодаря сильному, решительному и независимому характеру, умению много и плодотворно работать, постоянному стремлению к повышению квалификации смог из деревенского паренька превратиться во флотоводца, я думал о том, как важно знать свои корни. Именно изучение истоков делает дороже землю, на которой мы живем, помогает почувствовать назначение и смысл человеческой жизни. Кроме того, интерес к истории, к жизни наших предков учит, с одной стороны, уважению к другим народам, другим культурам, а с другой — самоуважению. Таким образом, духовная необходимость изучения семейной памяти является основой нравственности, самоуважения и толерантности, приучает ценить современность как результат тысячелетних усилий, воспитывает чувство ответственности перед будущим. Не быть равнодуш-

ным к прошлому помогает изучение традиций, постижение обычаев народа, вдумчивые путешествия по родному краю, защита памятников истории и культуры.

Я родился и вот уже 16 лет живу на Кольском полуострове. Мне очень нравится моя малая родина. На мой взгляд, нельзя не любить ее суровую, но такую самобытную красоту. Убедиться в неповторимом своеобразии родных мест мне помогло путешествие по Терскому берегу Белого моря. Белое море, Кольский полуостров, Заполярье... Суровый и величественный край, который населяют удивительные люди — поморы. Красота живописных деревень, напоминающих музеи под открытым небом, врожденное чувство меры местного населения, восстановленные церкви, несущие духовный призыв, передающиеся из уст в уста предания и легенды, экспозиции школьных музеев, выступления фольклорного ансамбля — все это помогло убедиться в том, что духовная культура поморов жива, несмотря на все эксперименты XX века. Уникальное наследие Варзуги, места, «откуда есть пошла Русская Земля» на Крайнем Севере Европы, не утрачено. Однако, на мой взгляд, людям, имеющим власть, необходимо обратить внимание на развитие таких мест, как Терский берег. Это уникальный район Русского Севера с сохранившимися культурно-историческими памятниками, своеобразной этнической культурой и традициями природопользования.

В вымирающих старинных прибрежных селах Терского берега, где в гармонии с человеческими поселениями находится и характерный ландшафт, сконцентрированы наиболее яркие проявления культурных традиций, наши святыни, которые необходимо сохранить, ведь тот народ силен, который не забывает события прошлого. Заботясь о будущем процветании, нельзя забывать, что культурное наследие является духовным, экономическим и социальным капиталом. Оно питает современную науку, образование, культуру. Наравне с природными богатствами это — главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Необходимость изучения малой родины, на мой взгляд, как нельзя лучше доказывают строки Николая Сегира:

Один вершины достигает,
Другой к подножию прирос,
Но в жизни тот лишь побеждает,
Кто помнит край, в котором рос.
Когда впервые ступишь на дорогу,
Не думай, что судьба твоя — пустяк.
Ты оглянись и поклонись порогу,
С которого ты сделал первый шаг.

Действительно, необыкновенно важно, чтобы человек знал свои истоки, гордился местами, которые наши пращуры считали святыми, изучал историю поселений, где жили предки. К сожалению, современное общество не до конца осознало высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики, а ведь утрата культурных ценностей невосполнима. Забота о культуре, память о прошлом поможет России в экономическом и духовном возрождении, даст возможность сохранить наследие. Формированию равнодушного отношения к прошлому страны, ощущению себя в истории помогает

и литература, которую Дмитрий Сергеевич считал источником раскрепощения человека, пробуждения в нем духовно-нравственных и интеллектуальных качеств. Из поколения в поколение передается традиция, поставившая нашу литературу на совершенно недостижимую высоту: издавна русскому писателю мало было лишь отражать жизнь. Он стремится делать жизнь, по мере сил способствовать движению вперед. Об этом говорит писатель Юрий Бондарев, обращаясь к имени Льва Толстого: «Свойство величайшего гения — искусство становится не отражением жизни, а самой жизнью». И тогда творения писателя становятся жизненно необходимыми для людей.

Разумеется, Лев Толстой — высочайшая вершина в духовной жизни человечества, и не будь его — насколько беднее были бы мы сегодня. Но в наше сознание, нашу память входят и другие книги, выполняющие значительную функцию: художественными средствами воспитывать самую высокую человечность. И среди них — книги В. Быкова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Кондратьева, на страницах которых «живет сама История». Читая и перечитывая их, мы снова и снова погружаемся в прошедшее, переживаем его заново — так, как если бы это случилось с нами только вчера, становимся восприимчивыми к истории, переживаем эстафету времен. А ведь человек без прошлого, без чувства истории — манкурт... Подводя итоги вышесказанному, я прихожу к выводу: прав был Д. С. Лихачев, утверждая, что «ощущать себя наследником прошлого значит осознавать свою ответственность перед будущим...» Эти слова актуальны и в наши дни. Мне кажется, что идеи академика Лихачева имеют большие перспективы для дальнейшего изучения и развития в различных областях науки и социальной практики. Пришло время говорить о культуре, корнях, наследии, истории и учиться жить, ощущая ответственность перед будущим!

Д. С. Лихачев призывает наш народ жить по-человечески: выбирать достойные цели, задумываться о смысле жизни, приумножать добро в настоящем, ценить прошлое, потому что без него нет будущего. С этой точкой зрения невозможно не согласиться. Да, конечно, существует неразрывная связь между прошлым и настоящим, являющаяся залогом успешного будущего, которое должно быть основано на категориях совести, духовности, нравственности. Мы должны понимать прошлое, дорожить наследием, быть признательными пращурам, стремиться выполнять данные им обеты и не имеем права предавать тех, кто жил до нас. Двигаясь к высокой цели, которую я перед собой поставил, прочитав работы Дмитрия Сергеевича, — увеличивать добро в окружающем мире, приумножать счастье людей, — изучая историю семьи, путешествуя по малой родине, читая произведения классической и современной литературы, я ощущаю себя наследником прошлого. И пусть я еще не совсем определился с выбором будущей профессии, но одно знаю точно: чем бы ни занимался человек, необходимо осознавать свою ответственность перед будущим, а значит, нужно найти такое дело, которое и ему будет интересно, и окружающим полезно.

Е. П. ЕФИМОВА: — Прошу подняться на трибуну Алену Шайдулину, победительницу конкурса, заняв-

шую III место, учащуюся 11-го класса школы № 103 с углубленным изучением иностранного языка г. Уфы Республики Башкортостан.

Алена ШАЙДУЛИНА: — Уважаемые члены жюри! Благодарю вас за эту встречу и за возможность сказать несколько слов. Свое выступление, проникнутое духом Дмитрия Сергеевича Лихачева, я посвящаю русской культуре, русскому языку. Язык — это живая «книга», в которой отображается вся история народа, начиная с древнейших времен и до наших дней. В каждом слове прослеживается историческое прошлое, неотступно сопровождающее людей, прослеживается и настоящее и, возможно, будущее тех, кто с молоком матери впитывал русские слова, наполненные любовью близких и дорогих сердцу людей. Язык — самая драгоценная жемчужина культуры, самое лучшее, что есть у любого народа. Когда говоришь о культуре, невозможно не обратиться к языку. Так и Д. С. Лихачев, как истинный Рыцарь Слова, посвятил всю свою жизнь не только изучению русской и других культур, но и языкам, сохраняя традиции и приумножая великое духовное наследие человечества.

Свою творческую работу «Рыцарь Слова: мысли Д. С. Лихачева о языке как духовное завещание XXI веку» я построила на вымышленном диалоге с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. В основу сюжета легла биография этого подвижника, мыслителя, такого духовно близкого нам. Вместе с ним мы перемещались во времени по самым ярким и трагичным моментам в жизни академика и всей страны. Это дало возможность проследить, как менялось, развивалось, углублялось отношение Д. С. Лихачева к русскому языку в течение XX века, на непростом пути познания истины. Наше первое путешествие — далекий XII век. 1187 год... Келья... Создание «Слова о полку Игореве»... Почему мы оказались в XII столетии? Это очевидно. История служения Дмитрия Сергеевича Лихачева русскому языку начинается именно здесь, у этого родника живой памяти. Далее мы перемещаемся в 1923 год. Юный Лихачев в свои неполные 17 становится студентом факультета общественных наук Ленинградского государственного университета, отделения языкознания и литературы. Затем — Соловецкий лагерь, блокадный Ленинград, позже — бесконечные поездки в ближнее и дальнее зарубежье.

Все это время Дмитрий Сергеевич рассказывает мне о своих работах, исканиях, о значении речи в жизни каждого человека, об острых «болезнях» русского языка, о том, что нужно задуматься над нерешенными проблемами. Я понимаю, что Лихачев работал на будущее, работал для нас — в этом его величайшая заслуга. Влияние таких личностей всегда сильнее смерти. Идеи из разных работ ученого сложились для меня в непрерывную ленту размышлений. Он предсказал, предрек многие процессы в современном русском языке, он предупредил нас о многом! Беспорядочное заимствование слов, слова-паразиты, ненормативная лексика... Язык как вещь, как ненужная, надоевшая игрушка, как фантик от съеденной конфеты, как кукла с оторванной головой? «Попользовались» и выкинули? Почему же мы так не любим свой язык, у которого такая великая история, великие корни? И великое прошлое, за которое

так горячо заступался Д. С. Лихачев, как Рыцарь, защищающий свой идеал, свою честь. В процессе работы мне не раз приходило в голову, что Лихачев, наверное, громогласный оратор. А оказалось, голос у него тихий, но его Слово имело и имеет огромный вес и огромную власть над людьми...

Было бы прекрасно, если бы в каждой школе был «кабинет Лихачева». Это место, в которое любой ученик мог бы приходиться и просвещаться. На столах лежали бы книги, статьи Д. С. Лихачева. На стенах — плакаты с фотографиями академика. В этом «кабинете» ученики могли бы отдохнуть душой, почитать «Письма о добром и прекрасном», в которых содержится так много ответов на нужные вопросы. Нечто удивительное я обнаружила в магии чисел. Мистика... Столовые часы в доме Лихачевых, пробившие восемь раз. Часы, которые молчали более 20 лет! И — как знаменательное совпадение — восьмое февраля, день, в который пришли из НКВД и арестовали молодого Дмитрия. 237: именно под таким номером Лихачеву досталась камера на Соловках. 237 — градус космического холода. Нет ли здесь связи с «Космической Академией Наук»? 1999 — год смерти Лихачева. Окончание века. Жизнь академика — длиной почти в целый век. Случайность ли? Хочу обратиться к стихотворению великого мастера художественного слова Ивана Алексеевича Бунина, которое прозвучит в память о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, в память о его деле:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Дмитрий Сергеевич Лихачев внес колоссальный вклад в историю русского языка, как Великий Рыцарь, совершивший один из самых выдающихся подвигов во имя Слова. Своим мудрым, чистым языком он словно золотой нитью переплел книгу жизни, оставил нам несметные богатства своего духовного мира. Его труды открывают нам широкий путь к познанию великого достояния российского народа — Русского Языка. И наша цель — бережно передать это сокровище нации следующим поколениям, сохранить каждую составляющую этого прекрасного инструмента, который на протяжении многих веков создавали Рыцари Слова.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Алине Беляевой, дипломантке конкурса, учащейся 9-го класса инженерного юношеского лицея-интерната г. Белгорода Белгородской области.

Алина БЕЛЯЕВА: — В огромной, разрозненной свалке — сети Интернет я однажды натолкнулась на строчки:

В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоком,
Осенью признаю
Травинки, пичужек, зверье.
Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:

Защитите Любовь!
Иль распните меня за нее!

Стихи «цепляли», захотелось прочесть еще раз, потом возник естественный вопрос: «Кто это написал? Кто так пылко призывает защищать величайшее на земле чувство — любовь и готов быть за нее распятым?» Интернет открыл мне имя Михаила Сопина. Я взяла эпиграфом к своей конкурсной работе слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, что мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир», потому что целью моей работы является желание открыть смысл поэтического слова в творчестве Михаила Сопина — поэта, неизвестного широкому кругу читателей, но одного из самых ярких и самобытных мастеров слова второй половины XX века.

Михаил Николаевич Сопин родился 12 августа 1931 года в селе Ломное Грайворонского района Курской (ныне Белгородской) области. Десятилетним мальчишкой пережил немецкую оккупацию в своем селе, по которому проходил фронт Курской битвы. Оказывал посильную помощь солдатам, выходящим из окружения в 1941–1942 годах. Принимал участие в боях в армии генерала К. Москаленко. Дошел до Потсдама. Дмитрий Сергеевич обращал наше внимание на «общую схему», по которой изучаются искусство и культура в целом. По этой схеме существуют «творец» (автор) и «потребитель» (получатель информации). При этом очень важно «сотворчество воспринимающего, без которого теряет свое значение и само творчество». Я понимаю это так: если стихи задевают хоть кого-то, их стоит печатать и читать. Дмитрий Сергеевич Лихачев призывал нас при изучении литературного произведения прежде всего понять, кто его написал. «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей», — утверждал Д. С. Лихачев. — Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал... Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом. Когда крупный поэт пишет о чем-либо, — важно не только, что он пишет и как, но и то, что пишет именно он...»

Я постаралась «заглянуть через плечо» поэта, как советовал Дмитрий Сергеевич. Исходным пунктом, точкой отсчета для моего понимания художественного содержания творчества поэта стал очерк Петра (сына) и Татьяны (жены) Сопиных «Мальчик с Огненной дуги», в котором авторы попытались сопоставить стихи с историческими фактами и документами Великой Отечественной войны. А конкретнее, с теми событиями, которые происходили на Белгородчине во время наступления фашистов и оккупации, свидетелем которых был 10-летний мальчик Миша Сопин. Мне захотелось уточнить некоторые детали очерка, и я продолжила исследование. Очень интересный материал удалось получить, проехав по местам, о которых упоминает в своих стихах Сопин. Это села в Грайворонском районе Белгородской области: Головчино, Ломное, Тополи. Рассказы местных жителей помогли найти место, где стоял дом, в котором жил у своей бабушки маленький Миша, понять смысл многих художественных деталей, которые встречаются в стихах. Большой находкой для меня и наших краеведов стал доклад генерала И. Н. Руссиянова о выходе из окружения 1-й гвардейской дивизии в октябре 1941 года

в районе деревни, где жил Миша Сопин. Стали понятны строки довольно известного стихотворения:

За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далекой осенью пехота
С землей смешалась на бегу.
И стала тихой и спокойной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя.

Я прошла эти 100 шагов до поворота реки Ворсклы, где погибли сотни солдат 1-й гвардейской дивизии. Мы в нашем школьном клубе «Патриот» будем добиваться увековечивания их памяти. В апреле 2010 года я познакомилась через сайт Стихи.ру с вдовой поэта Татьяной Петровной Сопиной. В ноябре 2010-го я побывала в Вологде. Татьяна Петровна передала мне копии бесценных фотографий и документов из семейного архива, официально опубликованные и самиздатовские сборники стихов поэта. В Вологде я встретилась с друзьями и поклонниками творчества Михаила Сопина. Так случилось, что после войны будущий поэт беспризорничал в Харькове, а затем 17 лет отсидел в сталинских лагерях. В лагере Михаил заочно окончил 10 классов. Первые стихи написаны тоже в лагере. Там же, по переписке, он познакомился с будущей женой — журналисткой Татьяной Продан. В 1970 году был освобожден и переехал жить в Пермь. Писать стихи было его жизненной потребностью. После 10 лет безуспешных попыток найти понимание в Перми и центральных изданиях он обратился к писателю Виктору Астафьеву и литературному критику Вадиму Кожиннову. И от обоих получил поддержку. По совету В. Кожиннова в 1984 году Михаил Сопин с семьей переезжает в Вологду, где его творчество получает поддержку местной писательской организации. Небольшими тиражами выходят сборники стихов.

В 2001 году у Сопина появилась возможность выхода в Интернет. Его стихи буквально взорвали Всемирную паутину, стали популярны в России и за границей. 11 мая 2004 года Михаил Николаевич Сопин скончался. Похоронен в Вологде. За прошедшие с тех пор годы интерес к поэту не только не угасает, но и расширяется. В честь 80-летнего юбилея со дня рождения Михаила Сопина в октябре 2011 года в Вологде издана книга «Спелый дождь», которая является наиболее полной творческой биографией поэта. Огромную ценность ей придают комментарии Татьяны Сопиной. Мастер слова не просто разделил судьбу своего поколения, он сумел выразить ее в пронзительных и мощных поэтических строках... В своих размышлениях он идет дальше, к осмыслению общечеловеческой сущности:

С тех пор, как был распят Христос,
Войной шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось...

В душе поэта шла постоянная борьба. Он был самоучкой и писал больше по интуиции. О творческом поиске Д. С. Лихачев пишет так: «В поэзии материал — это слово. Поэзия борется со словом, с его тяжестью... Во имя чего ведется эта борьба с материалом? Художник вскрывает, обнаруживает, “выращивает” в материальном

духовность. Он одухотворяет материал». Форма и содержание объединяются. Так рождается художественный мир произведения. Так рождался и художественный мир поэзии Михаила Сопина, в котором герой-одиночка страдает, мучается, ненавидит и до нестерпимой боли любит жизнь, оплакивает души своих искалеченных сверстников и с невероятным усилием пытается порвать паутину наших заблуждений и предрассудков, чтобы вырваться самому и вывести нас из замкнутого круга проблем и несчастий. К жизни и поступкам Михаила Сопина можно применить слова Д. С. Лихачева: «Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку...»

Поэт и себе, и своей жизни дает жесткую оценку. Это хорошо прослеживается в его письмах из зоны. Строчки писем — это «болевые раздумья» о времени, о себе, о жизни, которая «волочила-колотила на изгиб и на излом». Он переосмысливал свою жизнь и пытался рассказать о ней честно и жестко, предлагая ее как урок для будущих поколений. Он верил, что в его родной стране люди когда-нибудь перестанут бояться, поддразнивать друг друга, и наступит «эпоха разума и справедливости». Большинство стихов Михаила Сопина написано от первого лица. Главной темой его творчества всегда была Родина, Россия. Его поэзия — это разговор с Родиной. Основа дискуссии — жизнь поэта и тех, кто оказался на краю пропасти. Стихи М. Н. Сопина читать нелегко, порой просто невыносимо, столько в них боли, душевной муки и неизбывного горя. Но, читая их через призму идей и научных трудов Д. С. Лихачева, я открыла для себя художественный мир автора, для которого высшей ценностью является свобода духа.

Художественный мир Михаила Сопина — это его «родословная слез» — «сизокрылая птица памяти», в нем он постоянно возвращается в детство, в свой «лиственный край», «в ту страну, что лежит за холмами», «где он верит другим и себе». Свою жизнь поэт не отделяет от Родины, России. Поэтому вселенная Сопина населена душами его сверстников, погибших на войне, людей, униженных и раздавленных жизненными обстоятельствами.

Я ад прожил на свете этом,
А рай — оставим для святых.

Значит ли это, что мир Сопина — только ад, где постоянная тьма? Но нам-то зачем такой мир? Поэт хочет показать, что его судьба и поэзия неразделимы, кровно связаны. Сложное отношение М. Сопина к Родине помогают понять рассуждения Д. С. Лихачева: «Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родины, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патристических песен — мы плакали и молились. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети». Такие же чувства испытывал и Михаил Сопин — он плакал и молился о своей многострадальной Родине. А спорил он с другой Россией, которая ассоциировалась у него с тогдашней властью и с теми, кто «прислуживал этой власти».

В мире президентов и бомжей,
Прочных вилл
И хрупких этажей,

В мире полуночной тишины
Ветер
Необъявленной
Войны...

Мир хрупких этажей Михаила Сопина вполне реален. Ведь это реальный мир. Мир, в котором живем мы с вами. История всегда не подарок. И Сопин утверждает: «Хочу, чтоб после нас осталось / Две капли боли, но не море лжи...» И в этом его жизненное кредо, смысл творчества.

Дмитрий Сергеевич Лихачев подчеркивает: «Мир художественного произведения — результат и верно-го отображения, и активного преобразования действительности». Когда поэт своим словом заденет какую-то струнку в душе читателя, мир начнет меняться к лучшему.

Ни бег нас не спасет, ни битва,
Ни триединство, ни чума.
В себе — алтарь.
В себе — молитва.
В себе — свобода и тюрьма.

Как заключительный аккорд — напоминание каждому человеку, что он сам для себя — тюрьма и свобода, палач и судья. Ад и гармония в душе каждого из нас.

Суждено ли нам выйти из круга
Нищих благ, планетарных потерь?
Суждено ли понять нам друг друга
Не когда-то потом,
А теперь?

Творческое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева пронизано гуманизмом. Переживший смутные времена в 1920-е годы, пребывание в тюрьме и на Соловках, блокаду Ленинграда Дмитрий Сергеевич во всех ситуациях оставался верным принципам чести и человеколюбия. Михаил Сопин учился на собственных ошибках. Он жил тяжело и неровно, но всегда по совести. Дмитрий Сергеевич с грустью отмечал, что в перестроечные годы появилось очень много литературы «на продажу». Сопин всегда писал «от сердца», его не печатали, но он не мог не писать. Поэтическое слово для него было лекарством: «Сказал — избыл внутренний груз». Поэтому так искренне и призывно звучат его стихи:

Я из дебрей эпохи,
Из джунглей двадцатого века
По окопам и лагам
Горемычную правду свою
Приволок к тебе, молодость,
Веруя в честь человека,
Отдающего жизнь
Для других — в доброте и в бою.
К вам мой голос, потомки,
Сейчас, в лихорадочном спринте,
Все по той же системе
Ведут словоблуды войну.
Продолжающих жизнь
Заклинаю:
Холопство отриньте,
Чтоб не мыкать сынам
Тягомотную нашу вину.

Читатель вправе следовать за поэтом, если настроен на его волну. Но может и не следовать. А вот попытаться объяснить себе, ради чего Сопин переливает свою судьбу в поэзию, наверное, должен. Одного желания тут мало, впрочем. Нужен не столько поэтический опыт, сколько знание жизни. Поэтому так важны для

понимания творчества поэта мудрые наставления Дмитрия Сергеевича Лихачева. В отрицании пороков, в его гневной отповеди беспамятству, другим искривлениям духовной жизни М. Н. Сопин видит идеал человека. И значение поэзии он видит, как и Д. С. Лихачев, в том, что она способна помочь человеку сделать правильный выбор — при условии, если человек будет жить, думая: «Все в нас самих. Россия — это мы!»

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Валерия Лукомская, дипломантка конкурса, ученица 11-го класса школы № 318 с углубленным изучением итальянского языка Санкт-Петербурга.

Валерия ЛУКОМСКАЯ: — Ленинград постоянно напоминает о себе современным петербуржцам фотографиями, рассказами тех, кто жил здесь в 1924–1990 годы. Тема Санкт-Петербурга в русской классической литературе знакома в большей или меньшей степени, пожалуй, каждому школьнику нашей страны. Образы классического Петербурга (с начала XIX в. до 20-х гг. XX в.) собраны Николаем Павловичем Анциферовым в книге «Душа Петербурга». А вот образ Ленинграда представляется каким-то более разрозненным и неведомым моим сверстникам. На написание конкурсной работы меня вдохновили слова истинного патриота своего города Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Город наводит на размышления... Улицы, площади, отдельные дома, парки напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков... Он начинает учиться ответственности... перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего... Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем...» Тему Ленинграда многие филологи связывают с продолжением петербургского текста. По замечанию литературоведа А. Барзаха, «петербургский текст не дан раз и навсегда, он принципиально не окончен, неокончателен; его наращивает история, его трансформирует не только постоянно меняющаяся культурная ситуация, но и каждый хотя бы в чем-то новый взгляд, новое слово о нем».

Цель конкурсной работы — доказать, что ленинградские произведения словесности являются частью уникального петербургского текста, и, возможно, сделать шаг вперед к осмыслению этого феномена на конкретном этапе его существования (1924–1990). Исследование состоит из пяти глав — пяти периодов, на которые я условно разделила жизнь Ленинграда — это переименование, война и блокада, победа, условное возвращение к Петербургу и Ленинград 1970-х годов. В основе каждой главы лежит стихотворение, рассказывающее о событиях данного времени. Первая глава посвящена известному стихотворению Осипа Мандельштама «Ленинград», которое было написано в 1930 году после путешествия поэта на Кавказ. Мандельштам возвращается домой, и ему кажется, что в городе, где лирический герой состоялся как человек и художник, ничего не изменилось, разве что эпитет «зловещий» предвещает что-то... иное.

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Вторая часть стихотворения открывается обращением к городу, навсегда оставшемуся для лирического героя Петербургом:

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Это рассказ о страшных изменениях, произошедших вместе с переменой имени. Все эти метафоры и яркие определения («мертвецов голоса», «на лестнице черной», «в висок ударяет звонок», «вырванный с мясом», «кандалами цепочек») красноречиво говорят о том, что последние годы жизни в Ленинграде превратились для поэта в постоянное ожидание ареста и репрессий. Сердце Мандельштама, наполненное страшным предчувствием, не может молчать. Оно чувствует свою кровную, физическую связь с городом («до прожилок, до детских припухлых желез»). Это связь не только с его своеобразным природным ландшафтом и культурным пространством, но прежде всего — с людьми, чьими номерами и адресами исписана телефонная книжка лирического героя. Такая связь может быть разорвана только насильственно «дорогими гостями», и последствия их прихода вполне сравнимы со смертельным выстрелом в висок. Завораживающий ритм четырехстопного анапеста, напоминающий мерно тикающие часы, в середине стихотворения перебивается взволнованными криками-обращениями к Петербургу. И парные мужские рифмы (среди которых отметим одну неточную: «умирать» — «номера») вовлекают нас в необычный мир стихотворения и поддерживаются нарастающим ощущением тревоги, опасности, гибели с не меньшей силой, чем метафорические образы. Таким образом, имя «Ленинград», прозвучавшее только в названии стихотворения, связано у Мандельштама с мотивом смерти (одним из главных мотивов петербургского текста русской литературы).

Основой для завершающей главы я выбрала стихотворение Юрия Шевчука с таким же названием, что и у Мандельштама, — «Ленинград». Но восприятие и передача образа города рок-поэтом, безусловно, значительно меняются, вобрав в себя черты прошлого. Именно Ленинград сделал Юрия Шевчука, приехавшего сюда из Уфы, поэтом-гражданином, в нем поэт-музыкант черпает силу и уверенность, в нем остались идеи его молодости. Переживший немецкое влияние в XVIII веке и «до пула затоваренный» в XX веке буржуазный «герр Ленинград», принявший одинаково и идеи французской революции, и увлечение французской модой в XIX веке «мсье Ленинград», американизированный в XX веке «сэр Ленинград» все равно остается для Шевчука просто Ленинградом. Не случайно обращения к городу расположены именно в таком порядке: «Эй, Ленинград, Петербург, Петроградисше». «Ленинград»

для поэта постсоветской эпохи — изначален. И, подобно тому, как в новоявленном «Ленинграде» 1930-х годов Мандельштам вспоминал дорогие ему черты классического «Петрополя», Ю. Шевчук сквозь культурные наслоения последних десятилетий продирается от Ленинграда утраченного — к Ленинграду вечному.

Отпрыск России, на мать не похожий
Бледный, худой, евроглазый прохожий.

В продолжение мандельштамовской традиции Шевчук прибегает к стилистике «каталога» — перечня, в котором соседствуют несоединимые «бабки» и «львы», «сфинксы» и «Авроры»:

Мсье Ленинград, революцией меченый,
Мебель паливший, дом перекаленный.
С окнами, бабками, львами, титанами,
Липами, сфинксами, медью, Аврами.

«Я влюбился без памяти в Ваши стальные глаза...» — признается поэт. Обращение на «Вы» говорит о безграничном уважении к городу. «Стальные глаза» — тоже не случайно. Эпитет этот многогранен: здесь и непреклонность, и благородство, и блеск, и отвага. Глаза Ленинграда смотрят вперед уверенно и спокойно:

Сэр Ленинград, Вы теплом избалованы,
Вы в январе уже перецелованы.
Жадной весной Ваши с ней откровения
Вскрыли мне вены тоски и сомнения.
Пан Ленинград, я влюбился без памяти
в Ваши стальные глаза.

Город распаивает свою душу Ю. Шевчуку, но до конца понять его поэту так и не удалось. На основе данного исследования я пришла к выводу, что поэтический образ Ленинграда, появившийся в стихах поэтов 1930-х годов, когда город переживал болезненную трансформацию, прошел постепенное развитие до кульминационной точки блокадного Ленинграда. А условной развязкой «ленинградского сюжета» стало стихотворение Юрия Шевчука, показавшего читателю город кануна перестройки. Петербург пережил уникальный исторический период, связанный во многом с Россией в целом, поэтому он не может восприниматься как аналог европейского города. События, произошедшие в Ленинграде, внесли свои поправки в его образ, однако это только добавило неизменному сложному характеру Петербурга особенные черты индивидуальности. Именно поэтому я считаю, что ленинградский период можно считать полноправной частью петербургского текста.

Е. П. ЕФИМОВА: — Далее прошу выступить Юлию Красанову, дипломантку конкурса, учащуюся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 4 г. Пикалево Ленинградской области.

Юлия КРАСАНОВА: — Добрый день! Я очень рада, что мне выпала такая честь выступать сегодня здесь. Есть какая-то особая мудрость в том, что мы, дети разных народов, по-разному воспринимаем окружающий нас мир. У каждого народа — своя история, своя культура. А каждая отдельно взятая культура, в свою очередь, является частью одной большой общечеловеческой культуры. Д. С. Лихачев в своей работе

«Культура как целостная среда» писал: «Культура создается сообща. Законна гордость любого народа своими памятниками, своими изобретениями, своим фольклором, своей музыкой и литературой... Гордиться народу следует и своим большим и небольшим вкладом в культуру человечества. Ибо во всяком культурном вкладе любого народа есть нечто свое, неповторимое, а потому и особенно ценное».

Россияне внесли огромный, неопенимый вклад в копилку общечеловеческой культуры, подарив миру Достоевского, Пушкина, Толстого, Чехова, Глинку, Чайковского, Шостаковича, Рахманинова, Ломоносова, Менделеева, Лобачевского... Архитектурой наших городов, неповторимыми златоглавыми церквями, шедеврами русского деревянного зодчества восторгаются сотни тысяч иностранных туристов и гостей нашей Родины. Весь просвещенный мир признает величие и особую значимость русской культуры для всего человечества. Почему же мы, дети великого народа, чувствуем себя какими-то ущемленными по отношению к иностранцам? Почему мы так любим выставлять напоказ наши ошибки, негативные стороны и так стесняемся гордиться своей великой Родиной, а порой даже стыдимся ее? Д. С. Лихачев называл это явление «национальной закомплексованностью». Откуда она в нас? Возможно, это последствие грубого подавления в человеке его индивидуальности, обезличивания человеческой личности в период тоталитарного режима или элементарная зависть людей, которых десятки лет держали как рабов в неволе за «железным занавесом», испытываемая к более свободным народам? Так или иначе, но сегодня, когда наша Родина стряхнула с себя это ярмо, мы должны, наконец, найти в себе силы бороться с нашей национальной закомплексованностью, потому что она не только губительна для русской культуры, но и аморальна по отношению к нашим великим предкам, поскольку, принижая значимость нашей культуры для всего человечества, мы проявляем крайнее неуважение к их многовековому труду, исканиям, творчеству.

Одна из десяти заповедей человечности, оставленных нам Д. С. Лихачевым, гласит: «Чти родителей и прародителей своих и все сотворенное ими сохраняй и почитай». Нарушая эту заповедь, человек перестает быть человеком. Но что мы можем сделать для того, чтобы победить в себе эти комплексы? Мне кажется, для начала нужно постараться как можно глубже изучить историю нашей Родины, понять, как жили наши предки, чем были продиктованы их определенные дела и поступки. Конечно, в истории России, как и в истории любого другого государства, есть моменты, о которых не хочется вспоминать, потому что стыдно (и должно быть стыдно!). И в первую очередь к ним относится тот период в истории нашей Родины, когда под руководством Сталина она была превращена в одну гигантскую тюрьму, а миллионы ее граждан — в рабов. Но как бы ни был велик соблазн забыть об этом, вычеркнуть этот позорный факт из своей истории, мы не можем себе этого позволить, иначе нам придется забыть и о миллионах жертв сталинского режима, уничтоженных в тюрьмах и лагерях, о тех, кто в то тяжелое время находил в себе силы бороться против несправедливости и насилия, принося себя в жертву ради нашего свободного будущего.

К тому же любые попытки искусственно переделать, «перекроить» под себя историю не только аморальны, но и смешны: от того, что какой-то отдельно взятый народ сотрет из своей истории неудобные для него факты, человечество не перестанет их помнить. Мне кажется, сейчас для нас очень важно научиться признавать свои ошибки, помнить о них и любой ценой стремиться к тому, чтобы не повторить их в будущем. Это нелегко, но, наверное, это единственный путь к победе над нашей национальной закомплексованностью, потому что только так мы сможем, наконец, простить и полюбить себя, своих предков и свою Родину. И только через понимание и любовь к своей стране мы сможем прийти к истинному пониманию всего человечества, научиться жить в гармонии с окружающим нас миром, становясь с каждым прожитым днем мудрее и духовно богаче от соприкосновения с мудростью великой общечеловеческой культуры, черпая из этого неисощимого источника знания и силы для своего творчества. Так учил нас жить Д. С. Лихачев. Так жил он сам. Так может и должен жить любой из нас, кто хочет с гордостью называть себя человеком.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Юлия Медведева, дипломантка конкурса, учащаяся 10-го класса школы г. Медынь Калужской области.

Юлия МЕДВЕДЕВА: — Здравствуйте! Я очень рада участвовать в форуме старшеклассников. Для меня это большая победа. Я хотела бы рассказать вам, как познакомилась с творчеством Лихачева. Дмитрий Сергеевич Лихачев... Это имя я впервые услышала еще в 5-м классе, когда на уроке мы знакомились с учебником литературы. В статье «Любите читать» Дмитрий Сергеевич давал напутствие школьникам перед далекой дорогой в увлекательный мир литературы, советовал, как лучше читать, понимать книгу. В 7-м классе мы снова встретились с Д. С. Лихачевым, когда изучали его публицистические статьи. Мне запомнилась глава «Слово к молодым» из книги «Земля родная», в которой идет разговор о профессиях, о преемственности в освоении культуры, об интеллигентности, о самооценке, об огромной роли искусства... Уже тогда меня поразило, как просто и доступно можно говорить с читателем о таких понятиях, как «интеллигентность», «культура», «искусство». Девятый класс. Древнерусская литература. Любимая тема Дмитрия Сергеевича. Знакомимся с удивительным произведением Древней Руси — «Слово о полку Игореве». И опять обращаемся к творчеству этого ученого, читаем перевод текста памятника с древнерусского языка, выполненный Д. С. Лихачевым, изучаем интересную вступительную статью «Золотое слово русской литературы».

И вот новая встреча с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в рамках конкурса «Идеи Д. С. Лихачева и современность». Читаю его публицистические статьи: «Раздумья», «Письма о добром и прекрасном», «Два русла русской культуры»... Мне показалось интересным замечание ученого о том, что «высокие достижения культуры возможны, прежде всего, в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей», и я решила обратиться к теме свободы личности в обществе. Значение свободы для самореализации

было осмыслено еще в древние времена. Стремление к свободе, освобождению от пут деспотизма, произвола пронизало всю историю человечества. С особой силой это проявилось в Новое и Новейшее время. Все революции писали это слово на своих знаменах. Мало кто из политических лидеров и революционных вождей не клялся привести руководимые им массы к подлинной свободе. Но, как бы ни стремились люди к свободе, они понимали, что абсолютной, безграничной свободы не может быть прежде всего потому, что полная свобода одного человека означала бы произвол в отношении другого.

Именно поэтому во Всеобщей декларации прав человека говорится, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться ограничениям, которые имеют своей целью обеспечить признание и уважение прав других. Сегодня в современной России пытаются восстановить ценность свободы личности, которая формально воспринимается людьми как одно из прав граждан нашей страны. Понятие «свобода личности» все чаще и чаще употребляется в средствах массовой информации, в выступлениях политических лидеров. Толкование понятия «свобода» всегда было пищей для размышлений философов разных времен и народов. Гегель считал, что свобода есть осознанная необходимость. Все в мире подчинено силам, действующим неотвратимо. Эти силы подчиняют себе и деятельность человека. Философы-фаталисты (например, Лютер) считали, что человек ничего не совершает по своей воле, все предопределено Богом. В противоположность этому взгляду Н. Бердяев предлагал такую трактовку соотношения божественного предопределения и свободы человека: Бог задумал Вселенную так, чтобы все творение имело бы великий дар — свободу. Она прежде всего означает возможность выбора, сделанного самостоятельно, на основе собственного решения.

Подлинно свободный человек сам выбирает не только поступок, но и его основания, общие принципы своих действий, которые приобретают характер убеждений. Такой человек даже в условиях прогрессирующего вырождения человеческого рода или при полной стабильности деспотического или тоталитарного режима в своей стране не дойдет до состояния духовного упадка и будет действовать так, как будто отстаиваемые им принципы обязательно восторжествуют в будущем. Свобода, время, личность. Как связаны эти понятия? Влияет ли время на мировоззрение личности, на ее свободу? Безусловно. Д. С. Лихачев говорит, что «выскочить» из своей эпохи в своем мировоззрении нельзя: «Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением. Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо... В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая».

Конечно, легко творить художникам, когда не тяготеет над ними идеология (хотя таких времен в истории страны не было). Но и в трудные «идеологичные» времена работали и творили свободные и талантливые

личности. Свой вклад в понимание и раскрытие темы свободы и несвободы человека внесли также великие скульпторы, композиторы, писатели и поэты. Д. С. Лихачев в своей статье «Два русла русской культуры», рассуждая о ней, особенностях ее зарождения, отметил, что русская культура родилась на многонациональной почве и в ней присутствует постоянная борьба двух начал (государственная идеология и духовные настроения, с отказом от богатств и от подчинения государству). «Общая черта двух направлений русской культуры на всем протяжении ее существования — напряженные и постоянные размышления над судьбой России, над ее предназначением, постоянное противостояние духовных решений этого вопроса государственным». Как известно из истории нашего государства, на протяжении всего его существования проводился жесткий контроль над деятельностью «неугодных» людей, стремившихся высказать в своих работах то, о чем говорить не следовало. Среди русских писателей, посвятивших свои произведения проблеме свободы и несвободы, я бы выделила А. С. Пушкина (стихотворения «К Чаадаеву», «В Сибирь», поэмы «Цыганы», «Медный всадник»), М. Ю. Лермонтова (поэма «Мцыри»), А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»). В XX столетии эта тема, тесно переплетаясь с проблемами современного мира, нашла отражение в произведениях В. Быкова, В. Распутина, В. Астафьева, А. Галича, Б. Окуджавы, В. Высоцкого и других писателей и поэтов.

Недавно на экраны кинотеатров вышел фильм о Владимире Высоцком. Конечно, об этом актере, поэте, певце я слышала и раньше. Но, посмотрев фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой», я поняла, почему его так не любила власть и почему не печатались его стихи. Высоцкий — человек, который, по словам Д. С. Лихачева, не следовал слепо за эпохой, за господствующим мировоззрением, он открыто заявлял о своих взглядах на окружающую его жизнь. Его можно назвать свободным человеком. Высоцкий был кумиром миллионов людей, откровением, «охрипшей совестью» целого поколения, народным любимцем. Для него были закрыты концертные залы, но его песни звучали повсюду: на огромных стройках и в студенческих общежитиях, они на кораблях уходили в море и звучали на самолетах высоко над землей. Да что говорить, его песни слушают до сих пор. Они остаются актуальными и в наше время. Высоцкий — это человек-легенда, борец за справедливость, человеческое достоинство, человек-провидец. Он не умел молчать, лгать, пресмыкаться. Не удивительно, что в эпоху застоя такую свободную личность не могли признать официально. Высоцкому не разрешали печатать сборники стихов, не принимали в Союз писателей. Сегодня, в эпоху Интернета даже трудно представить, что это такое — быть неизданным. При жизни Высоцкий увидел напечатанным только одно свое стихотворение и то не полностью, в искаженном виде. Он никогда и ни в чем не кривил душой.

Первый сборник его стихов назывался «Нерв». Название отражает идейную сущность стихотворений, манеру исполнения, тематику. Он пел на нервах, он сам был обнаженным нервом нашей эпохи, ее совести. Продолжая лучшую традицию нашего искусства и литературы, сильных своей заботой о духовном состоянии и нравственной силе человека, Высоцкий взывает

к чувству достоинства, к совести. Он хочет, чтобы человек всегда в любых обстоятельствах был честным, правдивым, справедливым, готовым, как Робин Гуд, прийти на помощь, вступить за слабых, обиженных. В песне «Я не люблю» изложен нравственный кодекс его лирического героя, знающего разницу между добром и злом, умеющего сильно любить и так же сильно ненавидеть. Но как же трудно не на словах, а на деле соблюсти простые нормы нравственности и справедливости, какого постоянства, усилий характера это требует! Такое под силу только сильному, свободному человеку, который постоянно самосовершенствуется.

Во мне два «Я», два полюса планеты,
Два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты —
Другой стремится прямо на бега.
Я лишнего и в мыслях не позволю,
Когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
Второе «Я» в облике подлеца.
И я борюсь, давлю на себе мерзавца.
О, участь беспокойная моя!
Боюсь ошибки — может оказаться,
Что я давлю не то второе «Я».

Лирический герой и сам Высоцкий живут по внутреннему закону совести. Жить так нелегко. Но человек может быть человеком, и род человеческий может выжить при условии, если совесть людская будет на высоте. От умения жить достойно очень многое зависит в наше сложное, тревожное время; в конечном счете от этого зависит сохранение жизни на земле. Обращаясь к современникам, Владимир Высоцкий размышляет, спрашивает, утверждает:

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в светлом будущем вашем.
И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель — всегда презираем,
Враг есть враг, и война все равно есть война,
И темница тесна, и свобода одна —
И всегда на нее уповаем!

Его жизнь оказалась короткой, но он оставил нам ярчайшие впечатления о времени и о себе. В стихах В. Высоцкого — биография страны. Он рассказал о войне, о больших стройках, о тяжких днях и ночах 1937 года, о космосе и космонавтах, о морях, альпинистах, солдатах... Сам Высоцкий был бойцом, который задолго до объявления войны лжи и бюрократизму обличал и уничтожал ложь, пошлость и предательство. Поэтому его не случайно называют «предтечей перестройки». Поэт задыхался в безвременье как личность и как поэт:

Но разве это жизнь, когда в цепях?
Но разве это выбор, если скован?..

В этом году В. Высоцкому исполнилось бы 74 года. Вот уже 32 года мы живем без него. Или с ним? Изданы его проза, стихи, записаны все песни (их количество исчисляются сотнями). Ему поставили памятники, создан его музей, ему посвящены научные работы. В его честь устраивают конкурсы и концерты памяти. Ему было трудно, узко даже в труппе потрясающе талантливого Театра на Таганке. Он по-настоящему, всегда и везде,

всю жизнь был один. Выбирался своей колеей. Одинокий волк из его же песни «Охота на волков». Иноходец, тоже из песни. Есть люди, которые всю жизнь тлеют, изо всех сил оберегают себя. А уж если расходуют, так предельно экономно. Высоцкий жил вразнос, наотмашь, сжигая себя, а в последние годы уничтожая. Он был обречен умереть, не дожив до благородных седин и почестей. Он умел все делать только на грани. Иначе не мог и не хотел: «Рвусь из сил и из всех сухожилий», «Я скачу, но я скачу иначе... по-другому, то есть — не как все...» Как и многие другие, одна из его последних песен была о свободе:

... Я перетру
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выйду в грозу.

Представим, что было бы, если бы не было всех тех ограничений при издании произведений поэта? Сколько бы еще он мог написать, сколько сказать! Сколько еще гениальных произведений могло родиться! Да, в свободном обществе возможны более высокие достижения. Но, видимо, ничего не бывает легко и просто, даже для того, чтобы тебя услышали и поняли... Многие писатели и поэты своей жизнью, своим творчеством доказали важность присутствия у человека свободы, необходимости стремления к ней, ущербность, скудость жизни без свободы, рассматривали наличие этой категории как гарант существования человеческой цивилизации вообще. Живя в государстве с ограниченной свободой, испытывая материальные трудности и моральные неудовлетворения, они чувствовали себя свободными людьми. Именно поэтому рождались произведения, которые восхищают читателей по сей день. Для того чтобы стать свободным, человек должен научиться уважать себя, знать свои права и отстаивать их. А еще мы должны знать историю своей страны, ее культуру, укреплять демократию в ней, чтобы не повторялись времена страшного террора и раскулачивания, времена ГУЛАГа и застоя. Нужны личности и личностная власть, по мнению Д. С. Лихачева, которые понимали бы, что «государство, не перестав быть идеологичным, не в состоянии защитить свободу человека. Напротив, государство, перестав быть идеологичным, перестает тем самым видеть в интеллигенции врага, не покушается на интеллектуальную свободу». И тогда в свободном обществе появятся свободные и талантливые люди.

Е. П. ЕФИМОВА: — Спасибо всем нашим выступившим, победителям и призерам конкурса. Теперь я предоставляю слово Николаю Витальевичу Бурову.

Н. В. БУРОВ: — Нам с Альбертом Анатольевичем поступила записка с вопросом, на который мы хотим ответить, вопрос такой: «Как, на ваш взгляд, сам Лихачев сформулировал бы актуальную проблему нашего поколения?» Дело в том, что Лихачев был уже выше времени, настолько объемно формулировал свои взгляды, что его мудрости хватило бы на некое такое гуманитарное, философское, нравственное предсказание и на будущее. Хотя, конечно, безумно жаль, что он не увидел XXI век, потому что это век, может быть, в чем-то тревожнее многих десятилетий XX столетия. Дмитрий Сергеевич Лихачев, как мне кажется, никогда не мог сказать:

«Делай как я!» Есть такое понятие «агрессивный гуманизм». Дмитрий Сергеевич мог высказать только как предположение, как высокое сознание того, что он успел осознать, а вы нет. Вы еще не слышали, как он подавал свои мысли, — как угощение, яство! Именно поэтому он мог бы сформулировать. У нас время еще чуть-чуть агрессивнее. Подумайте, вы бы сейчас удивились? Открываете Интернет, смотрите новости в Яндекс-се, что хорошего: «Группа пацифистов зверски избила в подворотне солдата». И так, вроде нормально, в духе XXI века. А если вдуматься, то идиотизм ведь полнейший. Но приходится мириться и с этим. Думаю, что Дмитрию Сергеевичу было бы очень больно мириться с этим. Лихачев очень многие вещи вначале пропускал через сердце, а потом уже формулировал в голове как сентенции философские, гуманистические и т. д.

Здесь много раз звучало слово «свобода». Мне очень милы такие послы, которые есть у наших победителей, я уверен, что и в других работах было осознание того, что есть свобода. Совсем недавно наш современник, которого вы прекрасно знаете, народный артист СССР Владимир Зельдин в свой 94-й день рождения на вопрос журналиста: «Что для вас свобода?» ответил одним словом: «Дисциплина». И мне было очень интересно, потому что я уверен, что без внутренней дисциплины этот человек не сохранил бы работоспособность, причем абсолютную, в таком уважаемом возрасте. Он уже почти достоин Книги рекордов Гиннеса, и я думаю, что когда-нибудь обязательно войдет в это издание.

Дмитрий Сергеевич Лихачев работал в кабинете на Малой Неве, в Институте русской литературы, который называют Пушкинским Домом. Его кабинет окном выходил на то место, которое сейчас наконец назвали площадью Лихачева, только памятник никак не соберутся поставить. Напротив ресторан «Летучий Голландец». Посмотришь вправо: излуцина реки перед Васильевским островом, которая делится на Большую и Малую Неву. И тогда вдруг начинаешь понимать, что эта среда во многом формировала те удивительно стройные, красивые мысли, которые достались нам от академика Лихачева. Он для меня немножко сродни тем людям, которых я знал и которые тоже, как Дмитрий Сергеевич, прошли испытания, может быть, самые сложные — лагерями. Эти испытания прошел и Георгий Жженев, и Петр Вельяминов, и мой очень близкий друг Михаил Хижняков — это все актеры. И Лихачев так же, как эти замечательные люди, не озлобился, не превратил месть в главную цель, реванш, а отнесся ко всему удивительно глубоко, ясно, исповедуя главное: «Сделать так, чтобы это не могло повториться». Вот отсюда много размышлений о свободе и т. д.

Мы живем не в той стране, в которой жили до 4 декабря прошлого года, до выборов в Государственную

Думу, и вы уже должны это ощущать. Мы живем уже в другой стране, но пока еще не поняли, в какой. Но то, что у вас есть постоянное, неизбывное желание понять: кто я, где я, когда я, зачем я, куда я, и вас это действительно волнует, пусть пока не очень умело вы об этом говорите, — это здорово. Мое единственное пожелание вам: не теряйте запыхавшееся, старомодное понятие «романтизм». Когда при всех реалиях грубого настоящего времени вы все-таки будете иметь еще защиту внутреннего, очень тонкого романтического, вам жить будет легче, интереснее и веселее.

А. А. ЛИХАНОВ: — Мы с Николаем Витальевичем договорились, что на записку ответим с разных сторон. Я продолжаю эту тему. Что сказал бы Лихачев про ваше поколение? Трудно угадать, что бы он сказал, но попробуем смоделировать возможный ответ. Лихачев был человеком русской культуры, и не только он один, у нас есть целая плеяда величайших героев: художники, писатели, деятели науки, которые живут в вашем городе. Например, в ряд с Лихачевым я поставил бы Даниила Александровича Гранина, который только что выпустил книгу «Мой лейтенант». Если вы уже близки к литературе и истории, я вам очень советую прочитать это произведение, где написано немало новых страниц про минувшую войну и про то, что в этом вопросе содержится. Я думаю, что Дмитрий Сергеевич применительно к вашему поколению был бы озабочен нарастающей неграмотностью.

Вы здесь, конечно, элита, так сказать, отборные семена, но знаете ли вы, что в это же время в нашей стране 2 млн неграмотных детей, ваших сверстников? У нас много детей, которые оказались аутсайдерами в жизни, и сегодня они являют собой новое человеческое дно, по сравнению с которым горьковское «дно» — это просто благородно-философский семинар. А те дети, которые чаще всего невинны, но очень быстро становятся виноватыми, отдаляются, и у нас происходит классовая, социальная сепарация. Если одна часть молодого сообщества не будет сочувствовать, сострадать, сопереживать тем, кто не рядом с вами, а где-то, и с кем однажды в темном ли переулке, на светлой ли площади вы можете столкнуться, то пересекутся не только ваши персоналии, но и ваши социальные устремления. Это могут быть печальные встречи. Никакая интеллигентность не может быть реальной, если она не сочувствует, не стремится к тому, чтобы помочь другому. Я хочу вам напомнить строчки из стихотворения Марины Цветаевой, которая с предельной четкостью формулирует эту задачу для любого поколения, и для вашего тоже. Она написала:

Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 128, 140, 144, 148
Авксентьев В. А. 90–93, 95
Акаев А. А. 21, 28
Аллахвердов Р. А. 109, 116
Арутюнян Ю. В. 90, 102, 108
Асадуллин Ф. А. 45, 56
Астафьева О. Н. 45, 54
Ашкинази С. М. 170–172, 180, 181
Багдасарьян Н. Г. 45, 50, 52
Баклановский Д. С. 109, 115, 119
Барышников М. Н. 109, 114, 115
Бауер Т. 109, 112, 121
Башмаков Д. В. 109, 119, 120, 125
Безносков С. П. 172
Беляева А. 190, 202
Беляева М. А. 179
Бирженков Г. М. 90, 98, 99, 150, 166
Бонненберг Х. 21, 34, 45, 61
Борев Ю. Б. 62, 71
Брызгалина Е. В. 170, 173–176, 183
Букина А. 190, 195
Буров Н. В. 190, 192, 208
Вализаде Д. Р. 90, 104
Васильева Л. А. 90, 102–104
Ващенко А. В. 128, 141
Вдовин Ю. И. 150, 157, 158
Ветчинова М. Н. 170, 175, 176, 183, 185
Витрук Н. В. 109–111, 121, 124
Волков В. С. 90, 104
Вятер Е. Й. 21, 31, 45, 48
Гаджиев Г. А. 21, 28
Гатилов Г. М. 21, 25
Герра Р. 21, 33, 45, 49, 61
Гидини М. 128, 135
Гиллеспи Д. 128, 129, 132
Глаголев В. С. 62, 66, 70, 77, 78
Головачева М. 190, 194
Горшкова В. В. 170, 187
Гранин Ю. Д. 170, 177, 178, 180
Графский В. Г. 90, 99, 100, 109, 125
Громыко А. А. 21, 34, 45, 58
Гусейнов А. А. 21, 26
Дмитриев А. В. 21, 43, 90, 92, 93, 100, 102–104, 106–108
Доманский В. А. 128, 134, 135, 146
Дорская А. А. 109, 118, 119
Дулинов М. В. 21, 32
Дуткевич П. 21, 29, 45, 59
Дятлов А. А. 150, 154, 155, 159, 169
Евсеев А. И. 150, 159
Ефимова Е. П. 190–192, 194–197, 199, 201, 202, 204–206, 208
Жукова О. А. 170, 179–181
Запесоцкий А. С. 21, 22, 24–40, 42–46, 62, 63, 90, 93, 109, 112, 128, 138, 140, 150, 151, 170, 190
Запесоцкий Ю. А. 150, 158
Зинченко Ю. П. 21, 40
Иванова Е. В. 128, 143–145
Иконникова С. Н. 62, 83
Ильинский П. О. 128, 135, 136, 144
Исаев А. К. 90, 95–98
Исаев К. И. 62, 74, 75
Калашников А. В. 128, 148
Качалов Р. М. 109, 116, 117
Кефели И. Ф. 45, 59
Клейнер Г. Б. 21, 36, 109, 112, 114, 117, 123, 124
Козьякова М. И. 90, 107
Колесников В. А. 62, 87
Коломиец Г. Г. 62, 84
Комиссаренко С. С. 170, 174, 176
Кондратенко Т. 190, 192
Конев В. А. 62, 72, 73
Короткина Т. И. 177
Костина А. В. 45, 57
Кравченко К. 190, 196
Красанова Ю. 190, 205
Леонов Н. И. 90, 100, 106, 107
Лиханов А. А. 21, 39, 190, 191, 209
Лукомская В. 190, 204
Майкл, принц Кентский 21, 24
Макаров В. Л. 21, 31, 109, 110, 113
Максимов А. С. 21, 32
Мамедов Ф. Т. 62, 81
Мамонтов В. К. 150, 152, 154, 157, 158, 161, 167–169
Марин А. 45, 60
Марк Х. А. 22, 42, 45, 54
Марков А. П. 150, 151, 155, 156, 158, 159, 161, 163, 166, 167–169
Мартышин О. В. 109, 113, 114, 119
Маршак А. Л. 62, 76, 81
Медведева Ю. 190, 206
Мелихов А. М. 150, 154
Мельникова А. А. 170, 184, 185
Миронов В. В. 22, 37
Михайлов Н. Н. 150, 162
Моисеев А. А. 45, 47, 51, 58
Мосейко А. Н. 62, 65–67, 83
Муромцев Г. И. 109, 120, 121
Наумкин В. В. 45, 46–52, 54, 56, 58–61
Немыгина М. В. 109, 111, 124
Неретина С. С. 62, 78, 80
Нысанбаев А. Н. 45, 52
Палагута И. В. 62, 67, 78
Пасешникова Л. А. 109, 110, 112, 127
Петренко В. Ф. 62, 64–66, 73, 75
Попов В. В. 46, 52
Попов Д. Г. 90, 93, 99, 102
Праздников Г. А. 62, 85

- Проданов В. 22, 42, 46, 49
Проскуряков М. Р. 150, 160, 161
Резник Г. М. 22, 38, 109–127
Ржаницына Л. С. 90, 94–97, 99
Рожков В. Д. 90, 104
Розова Т. Н. 170, 171, 189
Ростовский Е. Г. 150, 153, 154, 168
Садовая Е. С. 90, 100, 103
Садыкова Э. Л. 109, 122, 123
Серебренников Э. Н. 150, 161, 162, 167, 168
Сиднева Т. Б. 62, 85
Силантьева М. В. 62, 80, 81
Син Г. 46, 51
Скалон Н. Р. 128, 145
Смирнов А. В. 22, 42
Собкин В. С. 170–173, 175, 176, 178–181, 183–189
Советов И. 190, 197
Согрин В. В. 150, 156, 157
Соловьев В. Д. 150, 154
Сошников В. Д. 150, 160, 167, 168
Степин В. С. 21, 23, 62, 63, 65, 67, 70, 72, 73, 76–78, 80–86, 88
Стремоухов А. В. 170, 174
Терентьева Н. П. 170, 181, 183, 184
Тер-Минасова С. Г. 128, 131, 132, 135, 136, 138–140, 143–146, 148
Толочко П. П. 46, 50
Тощенко Ж. Т. 22, 35, 90, 91, 94, 95, 98, 99
Третьяков В. Т. 22, 39, 150, 152–157, 160, 161, 163, 166–169
Унгер Ф. 21, 25, 45, 61
Успенская А. В. 170, 185
Фалалеев А. Г. 170, 183, 188
Фархутдинов И. З. 109, 126
Фейгин Г. Ф. 109, 115, 117, 118, 120, 122, 124
Флиер А. Я. 62, 86
Француз Ю. А. 170, 174
Харитоновна Е. В. 109, 115, 116, 124, 125
Харченкова Л. И. 150, 158, 169
Хоменко П. 190, 199
Хренов Н. А. 62, 67
Чанг С. 22, 30
Чеберко Е. Ф. 110, 125
Честнов И. Л. 110, 111, 114, 118, 125, 126
Чумаков А. Н. 62, 73, 82, 83
Шадхан И. А. 150, 166–168
Шайдулина А. 190, 201
Шапинская Е. Н. 46, 55
Шафранов-Куцев Г. Ф. 170, 178, 185–187
Шманкевич Т. Ю. 107
Шнайдер Э. 46, 48
Шнитке В. Э. 150, 163
Эндерляйн Э. 128, 132, 134, 135

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
XII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
17–18 мая 2012 года
Том 2. МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*
Художественное оформление *В. Б. Клоков*
Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко,*
Т. В. Никифорова
Технический редактор *А. Ю. Ванеева*
Корректоры: *О. В. Афанасьева, О. Л. Говорина*
Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова

ISBN 978-5-7621-0691-7

Подписано в печать с оригинала-макета 16.07.12. Формат 60х90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. 26,5 л. Тираж 500 экз. Заказ № 81

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15